3 1761 08821000 0

LR
M4995 poB
Mei, Lev Aleksandrovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Л. А. МЕЯ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ, БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ И ПОРТРЕТОМЪ И АВТОГРАФОМЪ Л. А. МЕЯ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

4. izd.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ВНОВЬ ПРОСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

РЕДАКЦІЯ ИЗДАНІЯ П. В. БЫКОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ
ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ И РАЗСКАЗЫ

2.

462755
6.6.47

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1911 г.

ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Василій Степановичъ Собакинъ, новгородскій купецъ.
Калистъ, **Марѳа** — его дѣти.
Григорій Григорьевичъ Грязной, **Василій Григорьевичъ Грязной**, **Князь Михаилъ Темгрюковичъ**, **Малюта Григорьевичъ Скуратовъ**, **Князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій** — опричники.
Бояринъ Матвѣй Лыковъ, нарвскій воевода.
Бояринъ Иванъ Сергѣевичъ Лыковъ, его племянникъ.
Любаша.
Елисѣй Бомелій, царскій лѣкарь.
Домна Ивановна Сабурова, купеческая жена.
Дуняша, ея дочь.
Петровна, работница Собакиныхъ.
Кумъ Савелій.
Кумъ Парѳенъ.
Истопникъ.
Сѣнная дѣвушка.

Опричники, пѣсенники, плясуньи, слуги, прохожіе, бояре, боярыни.
Дѣйствіе происходитъ въ Александровской слободѣ въ 1572 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Пирушка.

Большая горница въ домѣ Григорія Грязного. На заднемъ планѣ низенькая дверь и подлѣ нея поставецъ, уставленный кубками, чарками и ковшами. На правой сторонѣ сцены три красныя окна и противъ нихъ длинный столъ, накрытый скатертью; на столѣ свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, солонка и судокъ. На лѣвой сторонѣ сцены дверь и широкая лавка съ узорнымъ полавочникомъ; къ стѣнѣ приставлена рогатина; на стѣнѣ виситъ самострѣлъ, большой ножъ, разное платье и медвѣжья шкура. По стѣнамъ и по обѣимъ сторонамъ стола—лавки, крытыя краснымъ сукномъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Григорій Грязной и князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій *сидятъ за столомъ другъ противъ друга; передъ ними два кубка и стопа.*

Кн. Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій. Такъ хороша?.. А кто она такая?

Гр. Грязной. Собакина, купеческая дочь...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Постой, постой! Да не ея ль отецъ
Изъ Новгорода въ слободу пріѣхалъ
Съ заморскими товарами?

Гр. Грязной. Онъ самый.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Домъ на углу, у церкви? Знаю, знаю:
У старика-то я вчера купилъ
Себѣ парчи узорчатой на ферязь...
Зачѣмъ онъ дочь сюда привезъ съ собою?

Гр. Грязной. Зачѣмъ?.. Ты знаешь, государь велѣлъ
Со всѣхъ концовъ и городовъ красавицъ
Свезти сюда; и лучшую изъ нихъ
Себѣ въ супруги выбрать хочетъ?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Слышалъ.

Гр. Грязной. И вѣришь ли, мой другъ, любезный Ваня?
Мнѣ кажется, что лучше Марѳы нѣтъ,
Что на роду ей суждено царицей,
А не простой боярынею быть.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Тебѣ во всемъ повѣрю я, Григорій!
А вотъ своимъ глазамъ такъ я не вѣрю...

Гр. Грязной. А что̀?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Да такъ... Гляжу я на тебя:
Куда ты измѣнился, Гриша!.. право:

Бывало, мы, чуть дѣвица по сердцу,
Нагрянемъ ночью, дверь съ крюка сорвали,
Красавицу на тройку — и пошелъ!
А нынче мы болтаемъ, словно бабы...
Что̀ тутъ дремать? Друзья — какъ разъ — помогутъ.

Гр. Грязной. Нѣтъ, князь! Къ чему насиліе... Не прихоть,
Любовь крушитъ мнѣ душу, да и Мароа
Скорѣй наложитъ руки на себя,
Чѣмъ дастъ себя въ обиду... Слушай, князь:
Я честію хотѣлъ покончить дѣло:
Къ Собакину я сватовъ засылалъ.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Ну что̀ жъ?

Гр. Грязной. Велѣлъ сказать мнѣ наотрѣзъ:
«Благодаримъ боярина за ласку.
А дочь свою я обручилъ другому».

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Кому жъ другому?

Гр. Грязной. Лыкову Ивану.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Да ты бы самъ съ отцомъ поговорилъ.

Гр. Грязной. Я говорилъ, такъ онъ поетъ другое:
«Мы съ дядей нареченнаго, Михайлой
Матвѣичемъ, ужъ дѣло порѣшили».

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. А молодой-то Лыковъ—хоть куда!
Такой красивый, говоритъ такъ складно:
Недаромъ былъ онъ два года у нѣмцевъ.

Гр. Грязной. Не говори мнѣ про него... Сегодня,
Скрѣпивши сердце, звалъ его я съ дядей
Откушать хлѣба-соли: погляжу,
Какой онъ басурманщины набрался?
Чай, то-то онъ невѣстѣ нагородитъ,
Проклятый!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Эй, послушайся меня:
Возьмемъ силкомъ — и поминай, какъ звали!

Гр. Грязной. Нѣтъ, не хочу... *(Встаетъ).*
А Лыкову Ивашкѣ
Не обходить кругомъ налоя съ Мароой!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Да что̀ жъ ты хочешь дѣлать?

Гр. Грязной. Самъ не знаю...
А жаль мнѣ, что ты Мароы не видалъ:
Ты знаешь толкъ...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Да кто его не знаетъ?
На что ужъ нѣмецъ — Елисѣй Бомелій —
И тотъ смекаетъ! Встрѣтились намедни.
Онъ и давай хвалить твою Любашу:
«У твоего пріятель шлявна дѣвка!..»

Да, къ слову молвить. Развѣ ты Любашу
Ужъ разлюбилъ?.. А кажется, что дѣвки
Такой искать — нескоро и отыщешь:
Поетъ, что̀ птичка; брови колесомъ,
Глаза, какъ искры, и коса до пятокъ!

Гр. Грязной. Она мнѣ надоѣла...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Что̀ такъ скоро?
И полгода, кажися, не прошло,
Какъ мы ее въ Каширѣ подцѣпили...

Гр. Грязной. Я не люблю ее.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Напрасно, братъ!
А впрочемъ, какъ пройдетъ угаръ, полюбишь...
Давай-ка — выпьемъ!

(Наливаетъ кубки; за дверью слышенъ шумъ).

Чу! Никакъ и гости
Идутъ? Кого ты звалъ къ себѣ сегодня?

Гр. Грязной. Все нашихъ же... Ну, Лыковы придутъ,
Хотѣлъ быть Калистъ, Мароинъ братъ, гуляка
И балагуръ, хоть тотчасъ въ скоморохи...
Придетъ Бомелій...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Онъ зачѣмъ?

Гр. Грязной. Мнѣ нужно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тѣ же, Малюта Скуратовъ, князь Михайла Темгрюковичъ, *въ богатомъ кафтанѣ, съ кинжаломъ за поясомъ; слуги.*

Гр. Грязной. Добро пожаловать!

Малюта. Здорово, Гриша,
И я пришелъ къ тебѣ попировать,
На старости медку хлебнуть немножко...
Съ собой взялъ князя...

Гр. Грязной. Милости прошу!
Да что̀ же ты ко мнѣ сегодня въ рясѣ?

Малюта. Нельзя же, братъ! Я — параклисіархъ.
У васъ одно мірское на умѣ,
А мы съ великимъ нашимъ государемъ
Вечерню слушали... Теперь, пожалуй,
Разоблачусь и я...

(Снимаетъ тафью: слуги скидаютъ съ него рясу, и онъ остается въ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, съ собольей опушкою. Гостямъ подносятъ кубки).

Вотъ это дѣло:
Мы съ княземъ шли къ тебѣ да и продрогли.
Ну, будь здоровъ!
(Пьетъ и кланяется Грязному).

Гр. Грязной *(откланиваясь).* Благодарю, Малюта!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Василій Грязной, Калистъ, Елисѣй Бомелій *и нѣсколько опричниковъ. На Бомеліи длинная черная мантія, на Калистѣ полукафтанье; на прочихъ кафтаны.* **Михайла Матвѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ Лыковы.**

Грязной *(идетъ навстрѣчу).* Прошу покорно, гости дорогіе!
(Цѣлуется съ ними по очереди).
(Лыковымъ)
Бояре!
(В. Грязному)
Братъ, здорово!
(Калисту)
Здравствуй, Калистъ!
(Бомелію)
Благодарю тебя за честь, Бомелій!
Спасибо вамъ, что вспомнили меня.
(Слуги подносятъ каждому изъ гостей по кубку: гости пьютъ и кланяются хозяину, который откланивается).
Ну, дорогіе гости! За трапезу
Прошу садиться... Только не взыщите:
Чѣмъ Богъ послалъ...

М. Лыковъ. Мы лаской будемъ сыты.
А старая присловица гласитъ,
Что слаще меду ласковое слово.

Гр. Грязной. Другая поговорка есть, бояринъ,
Что баснями не кормятъ соловья...
Прошу покорно!
(Гости садятся за столъ; слуги начинаютъ ставить кушанья).

Малюта *(М. Лыкову).* Разскажи-ка намъ,
Какъ въ Нарвѣ воеводствуешь, бояринъ!

М. Лыковъ. Да, слава Богу, у меня все тихо:
Магистръ и нѣмцы, словно барсуки,
Сидятъ въ норахъ и выглянуть не смѣютъ.

Малюта. За умъ взялись, а то куда сварливы!
(Ив. Лыкову)
Ты, молодецъ, на нѣмцевъ насмотрѣлся:
Что̀, какъ у нихъ тамъ за моремъ живутъ?
Ив. Лыковъ. Какъ и вездѣ: гдѣ хорошо, гдѣ худо.
Бомелій. Неправда! Очень, очень хорошо!
Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Зачѣмъ же вы къ намъ жалуете въ гости?
Ты знаешь: отъ добра—добра не ищутъ!
Бомелій. За нами шлетъ великій государь,
Чтобъ васъ учить.
Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Ну да! Вы научили,
Какъ вашу жъ братью нужно колотить:
Спасибо и на томъ!
Бомелій. Какъ научили?
Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Наслали къ намъ пищалей и снарядовъ
И пушкарей. А то вѣдь наши дѣды,
Бывало, вашихъ рыцарей бивали
Простымъ дубьемъ: оно вѣдь и устанешь!
Вотъ вамъ отъ насъ за это и спасибо!
Малюта. А третіе спасибо — за вино.
Калистъ. И подлинно: какъ нѣмцы вина гонятъ,
Такъ русскимъ ихъ, навѣрно, не гонять.
(Гости смѣются).
Гр. Грязной. Четвертое спасибо! Ай да Калистъ!
Люблю за то, что во̀-время и кстати
Ввернулъ словцо! *(Слугамъ)* Эй, фряжскаго сюда!
Ив. Лыковъ. А я скажу, что многое отъ нѣмцевъ
Не худо бы намъ, русскимъ, перенять.
Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. А что̀ такое?
Ив. Лыковъ. Первое — порядокъ
Вездѣ, во всемъ, въ домахъ и городахъ,
Терпѣніе, досужество въ работахъ
И рвенье неусыпное къ трудамъ.
У нѣмцевъ нѣту росписи мѣстамъ.
У нихъ одинъ другому не указчикъ,
А всякій самъ блюдетъ себѣ и мѣсто.
Зато у нихъ холопъ ужъ не полѣзетъ
Въ бояре, и бояринъ не пойдетъ
Въ холопья, а живутъ себѣ смиренно,
Какъ тамъ кому пришлося, а затѣмъ
У нихъ повсюду, — смотришь, — тишь да гладь,
Да Божья благодать!

Малюта. И дѣло: всякій
Сверчокъ знай свой шестокъ!
Бомелій. Да: свой шестокъ!
Кн. Гвоздевъ-Ростовскій *(Бомелію).* Нѣтъ, ты молчи: тебѣ мы не повѣримъ!
Малюта намъ пословицу сказалъ,
А я тебѣ скажу другую: всякій
Куликъ свое болото хвалитъ! Понялъ?

(Бомелій отворачивается отъ кн. Гвоздева-Ростовскаго. Слуги вносятъ вино и начинаютъ наливать кубки).

Ив. Лыковъ. Еще скажу: хваленье государю,
Зане онъ, какъ отецъ, о насъ печется
И хочетъ, чтобы мы у иноземцевъ
Понаучились доброму!
Гр. Грязной. Аминь!
(Поднимаетъ кубокъ)
За здравіе отца и государя!
Да здравствуетъ навѣки государь!

(Всѣ встаютъ и осушаютъ кубки).

Да здравствуетъ навѣки государь!
Кн. Михайла Темгрюковичъ. Хозяинъ! Приказалъ бы ты позвать
Сюда твоихъ гусляровъ, да заставилъ
Ихъ Бѣлаго Царя повеличать.
Гр. Грязной. Они готовы.
(Слугамъ)
Пѣсенниковъ! Живо!
Кн. Михайла Темгрюковичъ. И пѣсенницъ! Онѣ потомъ попляшутъ,
А мы на нихъ съ Малютою посмотримъ.
Малюта. Смотри, а мнѣ такъ что-то надоѣло.
Кн. Михайла Темгрюковичъ. Не притворяйся: знаю я тебя!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, гусляры, пѣсенники и плясуньи. *Войдя въ горницу, они кланяются гостямъ и становятся около поставца.*

Гр. Грязной. Ребята! Дорогихъ гостей потѣшьте
Моей любимой и завѣтной пѣсней —
Во славу православнаго царя!
Малюта. И мы подтянемъ.
(Гусляры настраиваютъ инструменты).

Гр. Грязной. Ну, дружнѣй ребята!

Хоръ. Слава на небѣ солнцу высокому.
Слава!
На землѣ государю великому
Слава!
Его бодрые кони не ѣздятся —
Слава!
Его платья цвѣтныя не носятся —
Слава!
А бояре и слуги не старятся —
Слава!

(При послѣднемъ словѣ гости встаютъ и поднимаютъ кубки).

Малюта. Гдѣ стариться — намъ только молодиться!
И то сказать, бояре, что невольно
Съ такимъ царемъ, какъ нашъ, помолодѣешь.
Его еще на свѣтѣ не бывало,
А ужъ о немъ пророки провѣщали!

В. Грязной. А что̀ жъ они вѣщали?

Малюта. Аль не знаешь?..
Былъ юродивый старецъ Доментьянъ...
Когда его покойная княгиня
О дѣтищѣ, зачатомъ ей, спросила:
«Что̀ имамъ я родити?»—онъ сказалъ:
«Родится Титъ — широкій умъ!» — И точно!
Не мимо шли правдивыя слова—
И вѣщее сбылося предсказанье!

В. Грязной. Широкій умъ — по царству! Чай, его
И басурманы хвалятъ?

Ив. Лыковъ. Не вездѣ.

Малюта. Такъ: не вездѣ!.. Хулителей немало!
Но кто они? Презрѣнные рабы.
Природному владыкѣ измѣнили
И, совѣсть прокаженную продавши,
Согласниками стали сатаны...
Князь Курбскій и другіе! А за ними
Стрекочутъ иноземцы, какъ сороки...
Ну, чѣмъ они корятъ царя Ивана?

Ив. Лыковъ. Прискорбно повторять мнѣ злыя рѣчи,
А говорятъ, что царь нашъ грозенъ...

Малюта. Грозенъ:
Да, грозенъ онъ, какъ Божія гроза:
Безъ устали караетъ лиходѣевъ,

А праведнымъ — вѣщаетъ благодать!
Нѣтъ! Это скудоумные навѣты
Предателей, злословящихъ царя.
За что? За то: зачѣмъ, дескать, онъ понялъ,
Что царь казнить и жаловать волёнъ,
И что ему, вѣнчанному владыкѣ,
Негоже подъ приставниками быть?
Онъ грозенъ!.. Охъ! Гроза-то — милость Божья!
Гроза гнилую сосну изломаетъ,
Да цѣлый боръ дремучій оживитъ!

В. Грязной. Вотъ рѣчь, такъ рѣчь! Ужъ подлинно: недаромъ
Ты носишь шубу съ царскаго плеча!

Малюта. И вамъ, бояре, тоже вѣдь недаромъ
За сѣдлами царь метлы привязалъ:
Мы выметемъ изъ Руси православной
Весь соръ!

Гр. Грязной. Вѣстимо! Гойда! *(Поднимаетъ кубокъ).*

Опричники *(поднимаютъ кубки).* Гойда! Гойда!

В. Грязной. Теперь еще одинъ застольный кубокъ —
И кончена смиренная трапеза;
Прошу васъ не прогнѣваться, бояре!

(Слуги наливаютъ кубки).

Кн. Михайла Темгрюковичъ. Благодаримъ, хозяинъ, за хлѣбъ за соль!

(Гости пьютъ и кланяются Гр. Грязному).

Гр. Грязной *(откланиваясь).* Хозяину гостей благодарить!
(Иные изъ гостей встаютъ изъ-за стола и расходятся по горницѣ; другіе остаются за столомъ. Слуги снимаютъ пустыя блюда).

В. Грязной *(подходитъ къ Гр. Грязному).* Братъ! Что твои гусляры пріуныли?
Не худо бы гостей повеселить!

Гр. Грязной. Да чѣмъ велите...

Малюта. Ну-ка, плясовую!

Кн. Михайла Темгрюковичъ. Вишь, вишь! А говорилъ, что надоѣло!

Малюта. А ты и радъ накинуться на слово!

Гр. Грязной *(пѣсенникамъ).* Ребята, пой, а дѣвушки пляшутъ...

Хоръ *(поетъ).* «За рѣченькой яръ-хмель
Вкругъ кустика вьется...»

(На середину выходятъ двѣ дѣвушки и начинаютъ

пляску. Гости составляютъ полукругъ. Калистъ подвигается ближе и ближе къ плясуньямъ и наконецъ приплясываетъ и припѣваетъ).

Малюта. Спасибо! Лихо! Что̀ твои лебедки!

(Указывая на Калиста)

Гляди, и молодца расшевелили,
А то сидитъ себѣ понурый... *(Калисту)*
Что̀, косточки, небось, заговорили?

Калистъ. Люблю, бояринъ, пѣсню плясовую!
На сердцѣ легче, какъ ее заслышишь:
Такъ по тебѣ мурашки и пойдутъ,
А подъ ногами словно кто подсыпалъ
Горячихъ угольевъ — такъ вотъ и ходятъ!

Бомелій. Не пѣсенки, а дѣвушекъ онъ любитъ!
Мужчина молодой: жениться хочетъ...

Калистъ. Женюся, у другого не спрошуся
И ни къ кому съ поклономъ не приду...

Бомелій. Ко мнѣ придешь.

Калистъ. За снадобьями, что ли?

Бомелій. За снадобьями, да. Ты любишь дѣвку,
А дѣвка — нѣтъ. Вотъ ты идешь ко мнѣ,
А я тебѣ травы даю...

Калистъ. Морочишь.
Будь у тебя, братъ, корень приворотный,
Порѣже бъ ты развязывалъ кису!
А то я знаю...

Бомелій. Что̀ ты знаешь?

Калистъ. Пѣсню!

Бомелій. Какую пѣсню знаешь?

Калистъ. А такую,
Какъ парни привораживаютъ дѣвокъ.
Пропѣлъ бы я тебѣ ее, да жалко —
Не про тебя ее сложили! Вотъ что̀:
Въ толкъ не возьмешь!

Гр. Грязной. А что̀ же? Спой-ка, Калистъ!
Мы въ толкъ бы взяли...

Калистъ. Богъ съ тобой, бояринъ!
Куда мнѣ пѣть! *(Указывая на Бомелія)*
Я съ нимъ вотъ пошутилъ.

Малюта. Добро, добро! Отнѣкиваться поздно:
Самъ посулилъ, такъ волей, аль неволей,
А пой, любезный!

Калистъ. Нечего ужъ дѣлать:

Давайте балалайку.

(Одинъ изъ гусляровъ подаетъ ему балалайку. Калистъ перебираетъ нѣсколько ладовъ и поетъ)

Ты краса ли моя дѣвичья,
Ты коса ль моя трубчатая,
Не на радость ты мнѣ, дѣвицѣ,
Не въ утѣху доставалася:
Что тебѣ ли, русой косынькѣ,
Люди добрые завидуютъ,
За тебя ли, косу русую,
Извели меня младешеньку,
Опоили, горемычную,
Зельемъ — лютою отравою...
Охъ, не зельемъ извели меня,
Опоили не отравою.
А извелъ меня соколій глазъ,
Опоила рѣчь медовая!

Малюта. Ай, Калистъ! Вотъ утѣшилъ, такъ утѣшилъ!
Да какъ же ты на пѣсни-то гораздъ!

Ив. Лыковъ. Благодарю тебя, любезный Калистъ!
Мнѣ за моремъ все сердце истомили
Нѣмецкія докучливыя пѣсни;
Ты русской пѣсней душу мнѣ отвелъ!

Гр. Грязной. Спасибо, братъ!

Калистъ *(кланяясь).* Да смилуйтесь, бояре:
Не издѣвайтеся!..

Малюта. Ну, полно, полно!
Что̀ хорошо — то хорошо! *(Треплетъ его по плечу).*

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Съ Любашей
Ему бы спѣть: ужъ вотъ была бы пара!

Малюта. Аль память у меня виномъ отшибло?
(Гр. Грязному)
Григорій! гдѣ же крестница моя?
Никакъ ты, братъ, свою голубку держишь
На заперти! Не бойсь — не улетитъ!

Гр. Грязной. Не знаю, что она нейдетъ? *(Слугамъ)*
Скажите
Игнатьевнѣ, чтобъ кликнула Любашу.

Калистъ. Давно бы такъ!

М. Лыковъ *(тихо Малютѣ).* А кто это... Любаша?

Малюта *(тихо).* Любовница Грязного, чудо-дѣвка!
Мы изъ Каширы увезли ее... *(Вслухъ)*
Я крестницей зову ее затѣмъ,

Что за нее порядкомъ шестоперомъ
Я окрестилъ каширскихъ горожанъ:
Такіе злые — лѣзутъ, да и только!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій *(отводитъ въ сторону Калиста).*
Послушай, подразни маленько нѣмца...
Вишь онъ, какъ сычъ, насупился...

Калистъ. Пожалуй.
(Подходитъ къ Бомелію).
Что̀ пріунылъ? Аль пѣсня не по сердцу?

Бомелій. Я ваши пѣсни плохо понимаю.

Калистъ. А сказки понимаешь, что ли?

Бомелій. Сказки?
Я сказокъ не слыхалъ еще...

Калистъ. Такъ хочешь,
Я присказку скажу?

Бомелій. Скажи.

Калистъ. Ну, слушай.
(Кн. Гвоздевъ-Ростовскій и нѣкоторые изъ гостей подходятъ ближе).

«Я маленькій былъ смѣлъ: жеребеночка съѣлъ, сѣлъ да и поѣхалъ...»

Что̀, хорошо? *(Бомелій киваетъ головой; гости смѣются).*
А дальше лучше будетъ!

«Вотъ ѣду я, ѣду, я самъ ни гугу! Вижу — на рѣчкѣ, не то на лугу, плаваютъ три утки, а можетъ—три галки... Вотъ я себѣ и выломилъ три палки: первую-то бросилъ, да недобросилъ, вторую-то кинулъ, да недокинулъ, а третьей и такъ мѣтилъ, да не попалъ! Дѣлать нечего, надо ловить руками...»
(Бомелій слушаетъ со вниманіемъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Любаша, *выходитъ изъ боковой двери: на ней цвѣтная тѣлогрѣя; волосы заплетены въ двѣ косы. Увидя ее,* **Калистъ** *останавливается.*

Бомелій. Ну?

Калистъ. Улетѣли! *(Отворачивается отъ Бомелія).*

Бомелій. Какъ же улетѣли?
(Оборачивается и не договариваетъ).

Малюта. А пташечка-пѣвунья прилетѣла! *(Любашѣ)*
Здорово, крестница!

Любаша *(кланяясь гостямъ, которые отвѣчаютъ на ея поклонъ).*
Здорово, крестный!

Малюта. Что̀ позамѣшкалась? Небось, съ постели?
Глазенки словно заспаны...
Любаша *(взглядывая на Грязного).* Ахъ! что̀ ты!
Я не спала, а голова болѣла
Немного.
Малюта. Вздоръ! Вотъ ты намъ спой-ка пѣсню,
Такъ боль всю какъ рукою сниметъ!
Гр. Грязной. Что̀ же —
Сухая ложка ротъ деретъ, бояре!
Прикажете по чарочкѣ медку?
За кубками и пѣсни слушать лучше.
Кн. Михайла Темгрюковичъ. Хозяинъ! медъ-то твой хмеленъ не въ мѣру!
Гр. Грязной. Какой ужъ есть: изъ царскихъ погребовъ.
Кн. Михайла Темгрюковичъ. Инъ прикажи по чарочкѣ...
Гр. Грязной *(слугамъ).* Эй, меду!
Любаша *(Малютѣ).* Послушай! я просить тебя хотѣла...
Малюта. Что̀, пѣночка?
Любаша. Какъ царь жениться будетъ,
Ты наряди меня тогда на свадьбу —
Хоть сѣнной дѣвушкой къ невѣстѣ. Слышишь?
Малюта. Изволь. А ты намъ пѣсню затяни.
Любаша. Какую же?
Малюта. Да, знаешь... попротяжнѣй,
Чтобъ за сердце хватала!
Любаша. Погоди!
Сейчасъ спою... *(Гуслярамъ)*
А вы мнѣ подыграйте.
(Садится къ столу. Слуги обносятъ гостей чарками).
Малюта *(беретъ чарку и садится возлѣ Любаши).*
Хозяину веселье!
(Пьетъ, Грязной кланяется). Ну, бояре!
Прошу прислушать: крестница поетъ!
(Гусляры подстраиваютъ инструменты).
Любаша. Ты крестницу самъ къ пѣснѣ приневолилъ,
Такъ за нее ужъ самъ и отвѣчай.
(Гости окружаютъ Любашу; она поетъ)

Снаряжай скорѣй, матушка родимая,
Подъ вѣнецъ свое дитятко любимое!
Я гнѣвить тебя нынче зарекалася,
Отъ сердечнаго друга отказалася:
Расплетай же мнѣ косыньку шелковую,

Уложи меня на кровать тесовую;
Пелену набрось мнѣ на груди бѣлыя
И скрести подъ ней руки помертвѣлыя,
Въ головахъ зажги свѣчу воску яраго
И зови ко мнѣ жениха-то стараго:
Пусть войдетъ старикъ, смотритъ да дивуется—
На красу ль мою дѣвичью любуется!

Гости. Благодаримъ! Спасибо! Славно! Славно!

М. Лыковъ. Отмѣнно!

Кн. Михайла Темгрюковичъ. Знатная пѣвица!

Бомелій. Да!

(Любаша кланяется).

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Что̀: да? Небось, теперь ты понялъ?

Бомелій. Понялъ.

Малюта *(встаетъ).* Ну, крестница, позволь поцѣловать!

(Цѣлуетъ Любашу).

Вотъ какъ поетъ, что сердце замираетъ...
Эхъ! время-то поздненько, а не то
Я безъ другой бы пѣсни и не вышелъ...

Гр. Грязной. Ты собрался никакъ домой?

Малюта. Да, время:
Пора гостямъ и со двора, хозяинъ!

Гр. Грязной. Да подожди.

Малюта. А ты и позабылъ,
Что мнѣ пора итти на колокольню?
Чай, государь изволилъ пробудиться;
Смотри—какъ разъ къ заутренѣ ударю
И васъ врасплохъ застану всѣхъ. Прощай.

(Гости встаютъ и берутся за шапки).

Гр. Грязной. И вы, бояре? Нѣтъ, ужъ извините,
А такъ я васъ домой не отпущу!.. *(Слугамъ)*
Живѣй, вина! *(Гостямъ)*
По чаркѣ, на прощанье!

Малюта. Ну, будь по-твоему.

(Гостей обносятъ чарками: они пьютъ и раскланиваются съ Грязнымъ).

Теперь ужъ, братъ, прощай.

(Любаша подходитъ къ дверямъ. Гости прощаются съ Грязнымъ).

Кн. Михайла Темгрюковичъ. Пора хозяину покой дать.

М. Лыковъ. За-хлѣбъ за-соль!

Гр. Грязной. Прошу впередъ къ намъ жаловать, бояре!

Ив. Лыковъ. Прошу тебя и насъ не забывать.

(Бомелій въ это время смотритъ на Любашу, она раскланивается гостямъ).

Гр. Грязной *(Калисту).* Отцу съ сестрою поклонися, Калистъ!

(Любаша отступаетъ).

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій *(Грязному, не видя Любаши).*
Мы въ церкви вѣдь увидимся съ тобой?
Я радъ, что ты повеселѣлъ и Марѳу
Васильевну Собакину забылъ.

(Любаша вздрагиваетъ).

Гр. Грязной. Забылъ! Скажи: забылся... До свиданья.

(Бомелій хочетъ уйти; Грязной удерживаетъ его, слугамъ и пѣсенникамъ)

Ступайте! Мнѣ не нужно васъ...

(Слуги, пѣсенники и плясуньи уходятъ; Любаша прячется за медвѣжью шкуру).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гр. Грязной, Бомелій, Любаша *за медвѣжьей шкурой.*

Гр. Грязной. Бомелій!
Мнѣ важное есть дѣло до тебя. *(Указывая на скамью)*
Садися здѣсь и выслушай, Бомелій!

(Бомелій садится).

Сегодня ты съ гостями молодыми
Про дѣвушекъ про красныхъ говорилъ,
И, помнишь, рѣчь о корнѣ приворотномъ
У васъ зашла, и ты шутилъ, Бомелій?

Бомелій. Нѣтъ, не шутилъ.

Гр. Грязной. Какъ? Ты и вправду знаешь,
Чѣмъ дѣвушку къ себѣ приворожить?

Бомелій. Да.

Гр. Грязной. Ты смѣешься?

Бомелій. Нѣтъ.

Гр. Грязной. А можешь также
Приворожить къ другому?

Бомелій. Все равно.

Гр. Грязной. Такъ я тебѣ, Бомелій, поклонюся;
Есть у меня пріятель... зазнобила
Ему сердечко красная дѣвица...
Нельзя ли какъ помочь бѣднягѣ?

Бомелій. Можно.

Гр. Грязной. Да вотъ бѣда: случилось, что иного
Она взлюбила, а его не любитъ...
Бомелій. Его полюбитъ.
Гр. Грязной. Ты не лжешь?
Бомелій. Не лгу.
Гр. Грязной. Нѣтъ, поклянись мнѣ...
Бомелій. Да повѣрь, бояринъ.
Гр. Грязной. Послушай! Я... пріятель мой богатъ,
И домъ его, по милости царевой,
Какъ чаша полонъ; въ кладовыхъ довольно
И золота, и камней самоцвѣтныхъ,
И жемчугу, и всякаго добра:
Бери любое, сослужи лишь службу,
Приворожи къ нему ту лиходѣйку,
Что̀ и сама его приворожила!
Бомелій. Изволь. Я дамъ ему лихого зелья;
Какъ выпить дастъ, такъ дѣвка и полюбитъ.
Гр. Грязной. Что̀ жъ, это зелье, стало-быть, напитокъ?
Бомелій. Нѣтъ, порошокъ. Насыплетъ ей въ вино!
Пусть сыплетъ самъ, а то и не полюбитъ.
Гр. Грязной. Ну, всыплетъ... А потомъ что̀ нужно дѣлать?
Бомелій. Поговорить... сказать, что много любитъ...
Гр. Грязной. О! Я скажу!.. Я знаю, что онъ скажетъ...
Когда жъ ты это зелье приготовишь?
Бомелій. Дня черезъ три. *(Встаетъ)*
Пока прощай, бояринъ!
Спокоенъ будь.
Гр. Грязной *(удерживая его)*. А если не полюбитъ?
Бомелій. Къ чему мнѣ лгать?
Гр. Грязной. Такъ я къ тебѣ зайду
И, если ты пріятелю поможешь,
Озолочу тебя.
Бомелій. Прощай!.. Полюбитъ!
Гр. Грязной. Прощай! Постой: я провожу тебя.

(Провожаетъ Бомелія за дверь. Любаша выходитъ изъ-за шкуры и прокрадывается въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Грязной, *потомъ* **Любаша.**

Гр. Грязной *(идетъ, потупя голову)*. И вѣрю и не вѣрю...
Мудрено,

А можетъ быть: сильна его наука!
Что̀, если не солгалъ онъ?..

Любаша *(тихо растворяя дверь и подходя къ Грязному).*
Ты одинъ?

Гр. Грязной. Любаша!

Любаша. Ну? Чего ты испугался?

Гр. Грязной. Зачѣмъ ты?

Любаша. Я спросить тебя хотѣла:
Пойдешь ли ты къ заутренѣ?

Гр. Грязной. Пойду.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками. Молчаніе).

Любаша *(подходитъ къ Грязному).* Скажи: за что ты на меня сердитъ?

(Грязной не отвѣчаетъ).

Чѣмъ, глупая, тебя я прогнѣвила,
Что ты словечка вымолвить не хочешь?

Грязной *(не поднимая головы).* Отстань.

Любаша. Охъ, надоѣла я тебѣ!
Давно пора! Чего ты хочешь, дѣвка?
Тобою понатѣшились довольно
И выбросятъ, какъ старую тряпицу.
Ты надоѣла: есть другая,—лучше,
Привѣтливѣй...

Грязной *(оборачиваясь).* Ложися спать, Любаша!

Любаша. Когда бы ты любилъ еще Любашу,
Ты зналъ бы,—спитъ она иль нѣтъ! Спасибо!
Ты позабылъ, какъ двери отворять
Ко мнѣ въ свѣтелку... Господи! давно ли
Я думала, что любитъ онъ меня,
Давно ли онъ любилъ? Отъ поцѣлуевъ
Его и щеки даже не простыли...

(Бросается къ Грязному)

Нѣтъ, быть не можетъ!.. Ты меня не кинешь.
Я прогнѣвила чѣмъ-нибудь тебя,
Ты, вѣрно, полюбилъ съ сердцовъ другую?
Оставь ее! Она тебя не любитъ,
Я, я одна тебя люблю! Ты вспомни:
Я для тебя дѣвичій стыдъ забыла,
Забыла мать, отца, и родъ и племя,
Объ нихъ слезы не выронила я—
Все для тебя, а ты меня покинешь!

(Падаетъ на колѣни).

Не погуби души моей, Григорій!

(Слышенъ ударъ колокола).

Грязной *(встаетъ).* Заутреня...

(Идетъ въ уголъ, надѣваетъ рясу и тафью).

Любаша. Постой, не уходи!
Скажи мнѣ, что я брежу, что ты любишь
Меня, а не ее, не эту... Да скажи же
Мнѣ что-нибудь!

(Второй ударъ).

Грязной *(уходя).* Прощай!
Любаша *(бѣжитъ за нимъ).* Постой, куда ты!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Любаша *(возвращаясь).* Ушелъ!.. И даже не взглянулъ ни разу!

(Третій ударъ).

Небось, на ту глядитъ—не наглядится!
И зелья для нея просилъ у нѣмца,
И золота сулилъ ему за зелье...
Она его приворожила, видишь!..

(Еще ударъ).

Охъ!.. Отыщу же я твою колдунью—
И отъ тебя ее отворожу!

(За сценой благовѣстъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Приворотное зелье.

Улица въ Александровской слободѣ. Налѣво церковь съ обширнымъ монастыремъ, обнесеннымъ оградой; подлѣ нея, на углу, домъ въ три окна на улицу, ворота и заборъ; у воротъ, подъ окнами, деревянная лавка. Направо—длинный рядъ домовъ; изъ-за заборовъ выглядываютъ кой-гдѣ голыя деревья. На заднемъ планѣ, вдали, хоромы царя Іоанна и часть слободы. На авансценѣ раскидистое дерево и подъ нимъ большой камень. Улица идетъ нѣсколько въ гору. Осенній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петровна, *потомъ* **Марѳа.**

(Петровна выходитъ изъ калитки и смотритъ изъ-подъ руки на улицу).

Марѳа *(за сценой).* Что̀? не видать, Петровна?
Петровна. Не видать,

Родимая!.. Никѣмъ-кого...

(Изъ-за монастыря выходитъ женщина).

Постой-ка;
У церкви вонъ идетъ купецъ... Диватко,
Не тятенька?.. Взгляни сама, родная!
Глазенки у тебя моложе.

Марѳа *(выглядывая изъ калитки).* Что̀ ты,
Петровна? Это—женщина.

(Женщина входитъ въ одинъ изъ домовъ).

Петровна. Ахти!
А мнѣ вѣдь покажись купецъ... Старенька,
Старенька я, родная: плохо вижу.

Марѳа *(смотритъ еще нѣсколько времени на улицу и потомъ кричитъ въ калитку).* Дуняша!

Дуняша *(за сценой).* Что̀ ты?

Марѳа. Выйдемъ за ворота
Да посидимъ на лавочкѣ.

Дуняша. Пожалуй.
Я только вотъ фату себѣ возьму.

Марѳа. Возьми и мнѣ. *(Садится на лавочку).*

Петровна. Эхъ, старость-то не радость!
Бывало, ночью словно кошка видишь,
А нынче... ровно кто песку насыпалъ
Тебѣ въ глаза...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дуняша *выходитъ изъ калитки.*

Дуняша. Да какъ тепло и тихо!

(Подаетъ Марѳѣ фату)

Вотъ и фата тебѣ.

Марѳа *(накидывая фату).* Присядемъ, Дуня:
Петровна намъ про старину разскажетъ.

(Дуняша садится возлѣ Марѳы. Петровна стоитъ у калитки, подпершись рукой объ щеку).

Дуняша. Петровна! Чай, тебѣ годовъ ужъ много?

Петровна. Многонько, моя матушка, многонько...
Да вотъ мнѣ съ Госпожинокъ-то пошелъ
Седьмой, не то ужъ и восьмой десятокъ.

Дуняша. Ну, пожила же ты на бѣломъ свѣтѣ!

Петровна. Давно живу, чужой вѣкъ заживаю:
Пора костямъ и на покой, родная! *(Вздыхаетъ)*

Вѣкъ изжила, а вёдра не видала...
Ненастья съ горемъ вдоволь насмотрѣлась!
Марѳа. А говорятъ, что встарь все лучше было.
Петровна. Вѣстимо, лучше! Нынче все не то:
И люди-то и время-то... Бывало,
О сю пору снѣжокъ ужъ порошитъ.
Пришелъ братъ Божій Яковъ—и крупица
Повыпадетъ, водица освѣжится,
Грязь закуетъ, а тутъ, глядишь, и зимка:
Егорій съ мостомъ да Микола съ гвоздемъ.
А нынче вотъ и Яковъ, Божій братъ,
А вишь какая непогодь! Поутру
И крыши не бѣлѣютъ: все туманы...
Теплынь какую Господи даетъ!
Дуняша. Что жъ! паръ костей не ломитъ вѣдь, Петровна?
Петровна. Тепло-то не ко времени, родная!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кумъ Савелій и кумъ Парѳенъ *выходятъ изъ противоположнаго дома.*

Кумъ Савелій. Слышь, баитъ, пить не надо, кумъ Парѳенъ!
Кумъ Парѳенъ. Не надо, кумъ, вотъ видитъ Богъ, не надо!
Что жъ? Человѣкъ недужный... гдѣ тутъ пить?..
Петровна *(тихо).* Знать, къ нѣмцу за лѣкарствами ходили.
Кумъ Савелій *(останавливаясь).* Съ чего оно прикинулось?
Знать, съ вѣтру
Кумъ Парѳенъ. А кто ихъ знаетъ! можетъ, гдѣ продрогъ!
Вздохнуть не дастъ: вотъ грудь всю заложило!
Смерть да и только! Я ужъ и бодягой
И солью теръ, и въ баню-то ходилъ:
Все нѣтъ отдышки — рѣжетъ, какъ ножами.
Дай, молъ, схожу я къ нѣмцу. Вотъ спасибо,
Какой-то далъ травы *(Показываетъ свертокъ).*
Авось поможетъ? *(Вздыхаетъ).*
А про вино заказывалъ настрого:
«Не пей: умрешь, коль будешь пить! Смотри же,
Не пей вина!»
Кумъ Савелій *(покачавъ головой).*
Ой, вретъ же онъ, собака,
Чтобъ такъ съ вина и умеръ человѣкъ?
Да вонъ ко мнѣ какая лихоманка
О Ѳоминой недѣлѣ привязалась:

Чего-чего ни дѣлалъ — все трясетъ.
А какъ съ сердцовъ я тяпнулъ красоулю,
Слышь, какъ рукой все сняло! Ей же Богу!

Кумъ Парѳенъ. Что̀ жъ нѣмецъ баитъ?..

Кумъ Савелій. Эва, что̀ за знахарь!
Онъ нашего вина, чай, и не нюхалъ:
У нихъ другое за моремъ-то гонятъ!

Кумъ Парѳенъ. Другое?

Кумъ Савелій. Да. Ну, ихнее вино,
Пожалуй, что въ недугѣ не годится,
А наше... нѣтъ! шалишь, поджарый нехристь,
Оно — тово!

Кумъ Парѳенъ. И вправду, кумъ Савелій!
Ужъ будто съ чарки что̀ и приключится?

Кумъ Савелій. Чему тутъ быть! Пойдемъ-ка, кумъ, въ кружало
Да выпьемъ на алтынъ-другой!

Кумъ Парѳенъ. Нешто! *(Идутъ).*

Кумъ Савелій. А травку-то зачѣмъ несешь съ собою?
Брось — ну ее! Какая тамъ она?
Лихая, можетъ? Брось подъ подворотню!

Кумъ Парѳенъ. И то! Почемъ узна̀ешь: можетъ, зелье!
Вишь, нѣмецъ, снадобьевъ какихъ даешь!
На! подавись своей травой поганой!

(Бросаетъ свертокъ и уходитъ, обнявшись съ кумомъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ кумовьевъ.

Дуняша. Вотъ глупый-то народъ: возьметъ лѣкарство,
А послѣ самъ же броситъ на дорогѣ!
Ужъ не ходилъ бы къ нѣмцу, коль не вѣритъ.

Петровна. Оборони Господь имъ вѣрить!

Дуняша. Что̀ же?

Петровна. И, матушка! Повѣрь-ка басурману,
Такъ онъ тебя сейчасъ и изведетъ. *(Плюетъ)*
Стрясись надъ нимъ! отъ слова не случится. *(Марѳѣ)*
Ну, ясочка! Ты тятеньки дождешься,
А я пойду кой-что поприберу. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Петровны.

Дуняша. Предобрая старуха!
Марѳа *(разсѣянно).* Да. *(Помолчавъ)*
Дуняша!
Ты не видала Вани?
Дуняша. Гдѣ же видѣть?
Я у тебя гощу вторыя сутки.
Марѳа. Да, я забыла: онъ вчера вѣдь не былъ...
Сегодня вотъ увидишь: онъ придетъ!
Дуняша. Вотъ говорятъ-то правду, что невѣсту
Сейчасъ узнаешь — только и рѣчей,
Что про милого друга!
Марѳа. Смѣйся, смѣйся!
Придетъ твоя пора — сама полюбишь.
А мнѣ Ванюшу грѣхъ и не любить:
Мы сызмала другъ къ другу привыкали.
Дуняша. Такъ, стало, вы давно знакомы?
Марѳа. Съ дѣтства.
Вотъ видишь ли, мы въ Новгородѣ жили
Дворъ объ дворъ съ Лыковымъ, съ отцомъ Ванюши:
Покойникъ съ батюшкой друзьями были
И насъ, дѣтей, сдружили межъ собой,
И называли женихомъ съ невѣстой.
У Лыковыхъ былъ садъ, такой тѣнистый,
И ягодъ въ немъ бывало много... Мы
Туда съ утра позаберемся съ братомъ
И рѣзвимся до сумерекъ съ Ванюшей.
Обѣдать кличутъ-кличутъ — не идемъ:
Запрячемся куда-нибудь въ малину
И притаимся, словно насъ и нѣтъ!
Начнемъ играть и бѣгать до упаду,
Что̀ хватитъ силъ... А я тогда была
Прерѣзвая: отъ мальчиковъ, бывало,
Не отстаю!.. Мы этакъ проиграли
Лѣтъ пять иль шесть. Тутъ Ваню засадили
За грамоту, и насъ учить ужъ стали;
Тутъ померъ старый Лыковъ, а Ванюшу
Къ себѣ взялъ дядя, нарвскій воевода:
Такъ мы и не видались долго-долго...
Тутъ слухъ прошелъ, что царь услалъ Ванюшу
Въ чужія земли... Какъ мнѣ было горько!

Наплакалась я вдоволь... Слава Богу,
Что понапрасну! Нынѣшней весною
Мы въ слободу пріѣхали, и съ Ваней
Опять свелъ Богъ...

Дуняша. Ты, чай, и не узнала?

Марѳа. Куда узнать! Какъ мнѣ тогда сказали,
Что Ваня здѣсь и къ намъ зайти хотѣлъ,
Я все и жду: вбѣжитъ кудрявый мальчикъ
Ко мнѣ въ свѣтелку — и давай рѣзвиться!
Да думаю: чай, выросъ вѣдь Ванюша?
Вотъ разъ сижу за пяльцами поутру,
Петровна входитъ: — «Тятенька зоветъ,
Велѣлъ сказать: «пришелъ, дескать, старинный
Знакомецъ нашъ, Иванъ Сергѣичъ Лыковъ».
Я, какъ была, сбѣгаю внизъ, смотрю:
Стоитъ какой-то молодецъ, высокій,
Пригожій, статный, — я и обомлѣла.
Отецъ смѣется: «что̀, Иванъ Сергѣичъ!
Узналъ Марѳушу?». Я стою, какъ дура:
Не то уйти, не то остаться? Стыдно,
Такъ стыдно, хоть сквозь землю провалиться!

Дуняша. А онъ?

Марѳа. Да я не помню. Говорилъ онъ
Мнѣ что-то: ничего не поняла!
Такъ и ушелъ... Потомъ бывалъ онъ часто:
Ну, тутъ ужъ я осмѣлилась и стала
Глядѣть и говорить, а больше — слушать.
Чего-чего онъ намъ ни разсказалъ
Про сторону заморскую, Дуняша!

Дуняша. Чай, за моремъ диковинокъ немало?

Марѳа. Иное все — и люди и земля.
Зима у нихъ недолго, а морозовъ
Большихъ и не слыхать; зато ужъ лѣто
Тамъ хорошо! А горы тамъ такія
Высокія, что глазомъ не окинешь:
«Такъ въ небо и уходятъ»—говоритъ.
А города большіе-пребольшіе,
И все изъ камня сложено: и церкви,
И башни, и хоромы; а мосты
Предлинные, и тоже все изъ камня.
Въ домахъ убранство чудное: и стекла
Цвѣтныя все, и комнаты обиты
Цвѣтнымъ сукномъ. А сами нѣмцы ходятъ
Богато, да и женъ нарядно водятъ,

И взаперти не держать, какъ у насъ,
Боярынь и боярышень, а ѣздятъ
Все въ золоченыхъ колымагахъ, гусемъ,
И кони всѣ въ узорныхъ чепракахъ
И въ длинныхъ перьяхъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, В. Собакинъ и Ив. Лыковъ *показываются на концѣ улицы.*

Дуняша. Вонъ и твой отецъ,
И съ нимъ еще какой-то...
Марѳа *(быстро оборачивается).* Это Ваня!
(На сценѣ начинаетъ темнѣть).
Дуняша. Какой же онъ дородный и пригожій:
Не диво, что его ты полюбила!..
Марѳа. Пойдемъ навстрѣчу. *(Хочетъ встать. По улицѣ идетъ прохожій).*
Дуняша *(удерживая ее).* Полно; Богъ съ тобою!
Увидитъ кто — пожалуй, и осудитъ:
«Вонъ, скажетъ, дѣвки бѣгаютъ однѣ!»
Марѳа. Я пошутила; мнѣ и здѣсь-то стыдно:
Уйдемъ домой.
Дуняша. Зачѣмъ же уходить?
Марѳа. Дуняша! сердце что-то замираетъ...
Что̀, смотритъ онъ?
Дуняша. Еще бы не смотрѣлъ!
Марѳа. А близко?
Дуняша. Близко.
Марѳа *(вскакиваетъ).* Я пойду навстрѣчу!
В. Собакинъ. Я говорилъ тебѣ, Иванъ Сергѣичъ,
Что будетъ дожидаться!
Ив. Лыковъ *(кланяясь дѣвицамъ).* Здравствуй, Марѳа Васильевна!
Марѳа *(откланиваясь).* Иванъ Сергѣичъ! *(Отцу)* Что̀ ты
Замѣшкался?
В. Собакинъ. Вотъ къ жениху зашелъ.
Марѳа *(не смотря на Лыкова).* Женихъ свою невѣсту забываетъ:
Вчера и глазъ не показалъ...
Ив. Лыковъ. Напрасно!
Женихъ зашелъ поутру, такъ невѣста

Ушла съ своей подругою куда-то,
А вечеромъ прійти нельзя мнѣ было:
Насъ въ гости звали съ дядею...

В. Собакинъ. Къ кому?

Ив. Лыковъ. Къ боярину Грязному. На пирушкѣ
И Калистъ былъ, да какъ же всѣхъ потѣшилъ:
Лихую пѣсню спѣлъ!

В. Собакинъ. На что другое —
На пѣсни умудрилъ его Господь! *(Марѳѣ)*
Что, дома онъ?

Марѳа. Не знаю.

В. Собакинъ. Гдѣ быть дома!
Ему бы все шататься по кружаламъ
Да въ зернь играть съ боярскими дѣтьми,
А дома не сидится, да и только!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Калистъ *выходитъ изъ калитки въ красной рубахѣ и кафтанѣ на одно плечо.*

Калистъ. Анъ вотъ же дома!

(Всѣ смѣются. Калистъ кланяется Сабуровой)

Здравствуйте, Авдотья
Богдановна! *(Лыкову)*
Здорово, братъ Иванъ!

В. Собакинъ. Ну, диво, что ты дома.

Калистъ. Эко диво!
Вотъ диво, если ты куда уйдешь.

В. Собакинъ. Да что мы у воротъ разговорились:
Пойдемъ въ избу. *(Лыкову)*
Какая есть вишневка!

Калистъ. Изрядная...

В. Собакинъ. Вотъ Калиста спроси! *(Калисту)*
А столъ накрытъ?

Калистъ. Накрытъ.

В. Собакинъ *(Лыкову и другимъ).* Покорно просимъ.

(Уходятъ).

(На сценѣ почти темно. Въ нѣкоторыхъ домахъ начинаютъ мелькать огоньки. Сцена нѣсколько времени пуста).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Изъ-за церковной ограды выходитъ **Любаша**, *въ шубкѣ и фатѣ, и останавливается противъ дома Собакиныхъ, гдѣ зажигаютъ огонь.*

Развѣдала!.. Такъ вотъ гнѣздо голубки!..
Посмотримъ на красавицу твою!

(Подходитъ къ дому и смотритъ въ окно).

Не разглядишь никакъ... А! вижу, вижу...
Да... недурна... Румяна и бѣла,
И глазки съ поволокой... Это — Марѳа?
Мнѣ про нее другое говорили... *(Отходитъ отъ окна).*
Отъ сердца отлегло: разлюбитъ скоро
Григорій эту дѣвочку! И чѣмъ
Его плѣнить умѣла? Просто прихоть.
Взгляну еще... *(Подходитъ опять къ окну).*
А!.. Это кто?.. ихъ двѣ! *(Отскакиваетъ отъ окна).*
Вотъ, вотъ она, Любашина злодѣйка, —
Черноволосая, съ собольей бровью!

(Закрываетъ лицо руками).

Охъ, хороша! *(Помолчавъ)*
Не чудится ли мнѣ? *(Подходитъ къ окну).*
Не чудится... Какая красота!
Что̀ за плеча̀, какія косы, косы...
Длиннѣй моихъ!.. Нѣтъ; этой не разлюбитъ!..
Да ужъ и я ее не пощажу!

(Идетъ на другую сторону улицы).

Какъ душно мнѣ!.. Кровь къ сердцу приливаетъ,
И голова болитъ...

(Сбрасываетъ фату и осматриваетъ дома).

Гдѣ этотъ нехристь?
Да вонъ его лачуга... Постучимъ.

(Подходитъ къ одному изъ домовъ и стучитъ въ окно).

Бомелій *(за сценой).* Кто тамъ стучитъ?
Любаша. Открой окно—увидишь!

(Черезъ нѣсколько времени окно поднимается, и на лицо Любаши падаетъ свѣтъ отъ фонаря).

Бомелій *(за сценой).* Любаша!
Любаша. Выходи ко мнѣ скорѣе.

(Слышенъ стукъ запора).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Любаша и Бомелій *выбѣгаетъ изъ калитки съ фонаремъ.*

Бомелій. Прошу войти въ покои!
Любаша. Не кричи!
Сосѣдей всѣхъ переполошишь, нѣмецъ!
Бомелій *(тихо).* Войдемъ ко мнѣ: здѣсь холодно и сыро.

(Беретъ Любашу за руку).

Любаша *(вырывая руку).* Да не пойду къ тебѣ я ни за что!
Вотъ отойдемъ подальше...

(Отходитъ подъ дерево; Бомелій идетъ за нею).

Да закрой же
Фонарь полой: народъ къ себѣ приманишь!
Бомелій *(закрывая фонарь).* Зачѣмъ пришла? Я радъ служить.
Любаша. Увидимъ.
Ты дашь мнѣ то, чего я попрошу?
Бомелій. Для дѣвушки пригожей все готово!
Любаша *(грозитъ ему).* Смотри же: чуръ, потомъ не отпираться!
А я тебѣ ужъ буду благодарна...
Бомелій. Все сдѣлаю.
Любаша. Послушай же, Бомелій!..
Я слышала, что ты досужій знахарь,
Что вѣдаешь недуги и лѣкарства,
И снадобья отвсюду добываешь...
На травы, на волшебныя коренья
Тебя нечистый, можетъ, натыкаетъ...
Скажи же мнѣ: ты можешь ли составить
Своими чарами такое зелье,
Чтобъ не совсѣмъ сгубило человѣка,
А извело бы только красоту...
И то не вдругъ, а понемногу... Понялъ?

(Бомелій киваетъ головой и смотритъ пристально на Любашу).

Такое зелье, чтобъ глаза потускли,
Чтобы сбѣжалъ съ лица румянецъ алый,
Чтобъ волосокъ по волоску повыпалъ
И высохла вся наливная грудь!
Бомелій. Такое зелье я могу составить
Сейчасъ, пожалуй.

Любаша. Что̀ же, это зелье
Какое?
Бомелій. Просто бѣлый порошокъ,
Какъ сахаръ.
Любаша. Ну, а если бъ я хотѣла
Приворожить къ себѣ мило̀го друга,
Ты что̀ бы далъ?
Бомелій. Такой же порошокъ.
Тебѣ его не надобно.
Любаша. Не надо.
Дай мнѣ другой.
Бомелій. Зачѣмъ тебѣ?
Любаша. Не хочешь?
Бомелій. Пожалуй, дамъ, но порошокъ мой дорогъ!
Его давать опасно: какъ узна̀ютъ,
Меня казнятъ.
Любаша. На пыткѣ не скажу —
Откуда я взяла его!
Бомелій *(продолжая пристально смотрѣть на Любашу).*
А нужно?
Любаша. Дай только, а потомъ проси съ меня,
Что̀ хочешь!
Бомелій. Дорогъ, очень дорогъ!
Любаша *(поднимая руку къ огню).* Гляди сюда — вотъ перстень изумрудный:
Его Девахъ за дорогую цѣну
Боярину Грязному уступилъ...
Возьми его за зелье...
(Бомелій качаетъ головой).
Мало?
Бомелій. Мало!
Любаша. Ну, у меня есть ожерелье: жемчугъ
Такъ радугой и отливаетъ... Хочешь —
Возьми его?
(Бомелій опять качаетъ головой).
Все мало?
Бомелій. Не продажный
Мой порошокъ!
Любаша. Завѣтный, что ли?
Бомелій. Да!
Любаша *(смѣется).* А что̀ же ты завѣту хочешь?
Бомелій. Что̀ же?
Съ тебя? Съ тебя немного... *(Схватываетъ ее за руку)*
Поцѣлуй!

Любаша *(вырывая руку).* Что̀? Нѣмецъ! Ты рехнулся!
Бомелій. Поцѣлуй.
Ты дѣвушка пригожая! Не надо
Мнѣ отъ тебя ни жемчугу ни камней;
Я самъ богатъ, самъ подарю тебя.
Боишься?—Твой бояринъ не узнаетъ!
Узналъ, такъ что̀ же? Приходи ко мнѣ:
Мы заживемъ съ тобой, Любаша, знатно:
Я запирать не стану, какъ собаку...

(Любаша смѣется).

Чему же ты смѣешься? Я люблю
Тебя, какъ увидалъ... Не вѣришь, что ли?
Люблю, люблю и много разъ люблю!
Любаша. Бомелій, полно! Что̀ это за шутки?..
Бомелій. Я не шучу, а правду говорю.
Пойдемъ ко мнѣ: я зелье приготовлю
И надарю тебѣ серегъ и колецъ...
Въ накладѣ не останешься! *(Беретъ ее за руку).*
Любаша *(вырываетъ руку).* Отстань же,
Не то скажу боярину!
Бомелій *(возвышая голосъ).* И я
Скажу, что ты за зельемъ приходила.
Любаша *(въ смущеніи).* Тебѣ онъ не повѣритъ...
Бомелій. Нѣтъ, повѣритъ.
Я видѣлъ перстень, разскажу—какой,
Я знаю, гдѣ онъ купленъ былъ, я знаю,
Какое ожерелье у тебя...
Почемъ я зналъ?
Любаша *(смущаясь еще болѣе).* Что̀ жъ?.. Говори, пожалуй:
Мнѣ пошутить хотѣлось надъ тобой...
Бомелій. И я шутилъ: я зелья дать не смѣю.
Любаша. Прощай, коли не смѣешь! Я найду
Другого, посговорчивѣй...

(Перебѣгаетъ на другую сторону улицы; Бомелій бѣжитъ за ней).

Не трогай:
Я закричу!
Бомелій. Не трону, только завтра
Все разскажу боярину Грязному:
Онъ за тобой присматривать начнетъ,
Запретъ тебя!

(Любаша вздрагиваетъ и останавливается).

Скажу: зачѣмъ ей зелье?
Кого она имъ хочетъ извести?

Любаша *(тихо)*. Самъ бѣсъ тебя, проклятый, наущаетъ! *(Вслухъ)*
Тебѣ я, вѣрно, мало посулила...
Скажи: чего ты хочешь отъ меня?
Возьми съ меня послѣднюю тряпицу,
Самъ положи цѣну твоей заслугѣ:
Я выплачу, я въ кабалу пойду...
Ну, говори!

Бомелій. Люби меня, Любаша!

(Въ это время сквозь окна дома Собакиныхъ слышны веселые голоса и женскій смѣхъ).

Любаша *(быстро оборачивается).*
Смѣется... О! заплатишь же ты мнѣ
За этотъ смѣхъ! *(Бомелію)* Ступай готовить зелье.

(Бомелій стоитъ въ нерѣшимости).

Я покупаю... слышишь? Я согласна...
Я... постараюсь полюбить тебя!

(Бомелій опрометью бросается домой).

ЯВЛЕНІЕ X.

Любаша *идетъ подъ дерево и садится на камень.*

Вотъ до чего я дожила... Григорій,
Господь тебя осудитъ за меня.
Смѣялася! Ей весело, ей любо:
Ее честятъ, съ нея и глазъ не сводятъ!
И на меня, бывало, любовались,
И я бывала тоже весела!
Ну что же? Да, она меня красивѣй...
Да любитъ ли она его, какъ я?
Сейчасъ съ другимъ смѣялася!.. Не любитъ...

(На дворѣ у Собакиныхъ слышенъ шумъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Любаша, Ив. Лыковъ и Калистъ *выходятъ изъ калитки;* **В. Собакинъ** *держитъ фонарь.* **Любаша** *накидываетъ фату и прижимается къ дереву.*

В. Собакинъ. Прощай, Иванъ Сергѣичъ! Заверни же
Къ намъ завтра и Грязного приводи.

Ив. Лыковъ. Придемъ, придемъ.

В. Собакинъ. А ты куда же, Калистъ?
Калистъ. А я его маленько провожу...
В. Собакинъ. Ну, добрый путь! Калитку я оставлю:
Придешь — запри...
Калистъ. Небось, никто не влѣзетъ!

(Уходитъ съ Лыковымъ; В. Собакинъ притворяетъ калитку).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Любаша, *потомъ* **Бомелій.**

Любаша. Ушли! Такъ здѣсь Григорій завтра будетъ?
Спрошу его: посмотримъ, что̀ онъ скажетъ... *(Встаетъ)*
Что̀ жъ этотъ окаянный не идетъ?
Бомелій *(выходитъ изъ дому и крадется къ дереву).*
Ты здѣсь?
Любаша. Принесъ ты зелье?
Бомелій. На̀, готово.
Любаша. Давай сюда...

(Бомелій даетъ ей порошокъ).

Но, если ты обманешь,
Иль станешь гдѣ хвалиться, берегись:
Самой себя тогда не пожалѣю,
А ужъ тебя, голубчика, сгублю!
Бомелій. Нѣтъ, я тебя обманывать не стану...
А ты меня?
Любаша. И я не обману.

(Оборачивается къ дому Собакиныхъ).

Ты на меня, красавица, не сѣтуй:
Купила я красу твою, купила,
Но заплатила дорого... позоромъ! *(Бомелію)*
Тащи меня въ свою конуру, нѣмецъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дружка.

Горница въ домѣ Собакина. Направо три красныя окна: налѣво, въ углу изразцовая печь; подлѣ нея, ближе къ авансценѣ, сѣнная дверь. На заднемъ планѣ, по серединѣ, дверь: на правой сторонѣ столъ передъ лавкою; на лѣвой, у самой двери, поставецъ. Подъ окнами широкая лавка.

ЯВЛЕНІЕ I.

В. Собакинъ, Ив. Лыковъ и Гр. Грязной *сидятъ на лавкѣ у стола; на Собакинѣ рубаха, на прочихъ кафтаны.*

В. Собакинъ. Что̀ Господа гнѣвить, Иванъ Сергѣичъ!
Семейка насъ изрядная: здѣсь трое,
Да въ Новѣгородѣ еще осталось
Съ полдюжины — побольше молодцовъ.
Бывало, при покойницѣ-хозяйкѣ,
Всегда за столъ садимся самъ-двѣнадцать.
Вотъ поженилъ ребятъ, такъ стало меньше:
Своимъ домкомъ ужъ зажили... Извѣстно:
Женатый сынъ—отрѣзанный ломоть!

Ив. Лыковъ. Вѣдь у тебя женатыхъ двое?

В. Собакинъ. Двое:
Борисъ съ Семеномъ. И у нихъ ужъ дѣти!
Семеновы еще не великоньки,
А у Бориса старшему сынишкѣ
Съ поста пойдетъ двѣнадцатый годокъ.

Ив. Лыковъ. Когда же дочь-то ты пристроишь къ мѣсту?
Пора бы намъ, названный тесть, веселымъ
Пиркомъ—да и за свадебку!

В. Собакинъ. Пора бы,
Да, вишь, еще покамѣстъ не до свадьбы.

Ив. Лыковъ. Что̀ жъ такъ?

В. Собакинъ. Какъ что̀? Да развѣ ты не знаешь?..
Аль не слыхалъ?.. И то вѣдь не слыхалъ!
Я и забылъ, что ты въ Москву-то ѣздилъ...

Ив. Лыковъ *(безпокойно).* Да что̀ такое? Говори скорѣе!

В. Собакинъ. Намедни государь приговорилъ
Смотрѣть всѣхъ дѣвокъ, что̀ сюда свезли...
Мою Марѳушу тоже прописали...

Ив. Лыковъ *(вскакиваетъ).* Ее? Зачѣмъ? Она моя невѣста!

В. Собакинъ. Ау, дружокъ!

Ив. Лыковъ. Ты шутишь, что ль, Василій

Степанычъ? Я всего-то былъ въ отлучкѣ
Дня три: когда жъ успѣли прописать?

В. Собакинъ. Успѣли вотъ! Не вѣришь, такъ спроси
Григорія Григорьича: онъ знаетъ.

Грязной. Да... знаю!

В. Собакинъ. И Сабурову Дуняшу
Тожъ прописали! Мать ее водила
Три раза ужъ на царскій дворъ... Марѳуша
Поскажетъ: всѣхъ-то дѣвокъ прежде было
Двѣ тысячи, а послѣ вишь осталось
Двѣ дюжины, а нынче—вотъ пошло
На перечетъ двѣнадцать...

(Грязной встаетъ изъ-за стола).

Что̀ съ тобою,
Бояринъ?

Грязной. Жарко... Знать, ты на дрова
Не поскупился?

В. Собакинъ. Больно тороватъ!
Да здѣсь и печь не топлена сегодня...
Должно-быть — такъ съ чего-нибудь тебя
Въ жаръ кинуло?

Грязной. Должно-быть, такъ... Пройдетъ.

(Ходитъ по горницѣ).

В. Собакинъ *(трепля по плечу Лыкова).*
Иванъ Сергѣичъ! Полно, не кручинься!
Ты думаешь, что у тебя невѣсту
Съ руками оторвутъ? Есть и получше!

(Лыковъ киваетъ головой).

Что̀ головой трясешь? Небось, она
Пригоже всѣхъ?

Ив. Лыковъ. Пригоже всѣхъ, Василій
Степанычъ!

В. Собакинъ. Да... смазлива-то смазлива...
И умница, и добрая такая... *(Помолчавъ,*
Какъ женишься, такъ можешь похвалиться,
Что «вотъ, дескать, моей милой хозяйки
Изъ дюжины не выкинешь!»

Ив. Лыковъ. Женюсь!
Богъ вѣсть — женюсь ли! Чуетъ ретивое
Недоброе...

В. Собакинъ. И думать не моги!
Я такъ съ тобой про свадьбу говорилъ,
Что радъ бы радостью покончить дѣло,
Да обождать приходится маленько...

Вотъ государь всѣхъ дѣвокъ пересмотритъ,
Тогда и мы свою сыграемъ свадьбу.

Грязной *(подходя къ столу)*. А я ужъ самъ и въ дружки назвался!

В. Собакинъ. Ну! Дружка есть, приданое готово,
За свахами у насъ не станетъ дѣло,
За короваемъ тоже...

Ив. Лыковъ. Будь, что̀ будетъ!
Я болѣе души своей люблю
Мою невѣсту, и безъ ней не долго
Промаяться мнѣ на бѣломъ свѣту...
Но... я — слуга царю и государю!

В. Собакинъ. Да кто же не слуга ему!.. Постой-ка,
Иванъ Сергѣичъ! Семъ-ка я Петровнѣ
Велю медку изъ погреба достать:
По чарочкѣ да по другой мы выпьемъ —
Тѣмъ временемъ Марѳуша подойдетъ.

Грязной. А съ кѣмъ она пошла туда?

В. Собакинъ. Да съ Домной
Ивановной Сабуровой... *(Лыкову)*
Позволь-ка!

(Встаетъ изъ-за стола и уходитъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же кромѣ Собакина.

Ив. Лыковъ. Бояринъ! Что̀ ты скажешь?

Грязной. Что̀ сказать?
Сегодня все узна̀емъ.

Ив. Лыковъ. Если бъ такъ же,
Какъ я, ты былъ просватанъ и невѣсту
Свою любилъ, какъ я, ты что̀ бы сдѣлалъ?

Грязной. Да ничего. Во всемъ будь воля Божья!
Не наложить же руки на себя!
Вотъ я и самъ взлюбилъ твою невѣсту
И сватался, да получилъ отказъ,
Такъ что̀ жъ тутъ дѣлать? Развѣ дѣвокъ мало?
Не эта, такъ другая — все равно!
Я самъ еще къ вамъ въ дружки набиваюсь,
И мнѣ же любо ваше милованье:
Пошли Господь совѣтъ вамъ да любовь!

Ив. Лыковъ. Охъ, тяжело подумать...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Собакинъ *несетъ стопу меда.*

Грязной. И не думай!
Самъ давеча промолвилъ: будь, что̀ будетъ!
В. Собакинъ *(Лыкову, становя стопу на столъ).*
Тамъ въ поставцѣ есть чарочка... Авось ли
Она тебя развеселитъ маленько!

(Идетъ къ поставцу и наливаетъ двѣ чарки).
Ну, цѣлыхъ двѣ! *(Наливаетъ чарки и подаетъ одну Грязному)*

Прикушай-ка, бояринъ!
(Подноситъ Лыкову)
Иванъ Сергѣичъ! Прихлебни, голубчикъ!
Грязной *(выпиваетъ чарку).* Эхъ, знатный медъ!
В. Собакинъ. Забористый! *(Лыкову)*
Да пей же,
Иванъ Сергѣичъ! Что̀ же ты не пьешь! *(Наливаетъ себѣ чарку)*
Дай — чокнемся! *(Чокаются).*
Вотъ такъ-то! Будь здоровъ! *(Пьютъ).*
Такой-то медъ, что чарочки смѣются:
Одна другую — такъ и подзываютъ! *(Подходитъ къ окну).*
Чай, скоро и Сабуровы съ Марѳушей
Вернутся... Вонъ и солнышко ужъ сѣло...
Прикажете, бояре, по другой?
Ив. Лыковъ. Нѣтъ, подождемъ ужъ ихъ...
В. Собакинъ. Ну, подождемъ. *(Садится).*
Да... что̀-то тамъ? Кого Господь поищетъ?..
Теперь бы хоть Сабурова Дуняша...
Такъ — ничего! Купеческая жъ дочь,
Какъ и моя, а кто узнаетъ?.. *(Помолчавъ)*
Чу!
Никакъ онѣ? Калиткой кто-то хлопнулъ. *(Прислушивается).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Домна Сабурова *въ охабнѣ и шапкѣ.*

В. Собакинъ. Онѣ и есть! Легки же на поминѣ,
Легки! Добро пожаловать къ намъ, Домна
Ивановна! Ну что̀, какія вѣсти?

Д. Сабурова *(кланяясь гостямъ и хозяину).*
Охъ, батюшка! Дай духъ перевести!
В. Собакинъ. А гдѣ же дѣвки?
Д. Сабурова. Да пошли въ свѣтлицу
Снять охабни. Сейчасъ сюда придутъ.
Ив. Лыковъ *(тихо Грязному).* А я ужъ думалъ...
Грязной *(тихо).* Говорилъ — не думай!
В. Собакинъ *(Сабуровой).* А ты что̀ жъ не снимаешь! Аль прозябла?
Такъ вотъ медкомъ погрѣемъ!
Д. Сабурова. Что̀ ты! Что̀ ты!
Ужъ стану я вино пить!
В. Собакинъ. Не вино,
А медъ... Да что̀ ужъ тутъ! Садись-ка, Домна
Ивановна!
Д. Сабурова *(снимаетъ охабень).* Присѣсть-то я присяду.
Куды устала: все вѣдь на ногахъ. *(Садится).*
В. Собакинъ. Ну, какъ вы тамъ?
Д. Сабурова. Ахъ, батюшка Василій
Степановичъ! Мнѣ радость-то какую
Послалъ Господь!
В. Собакинъ. А что̀ такое, Домна
Ивановна?
Д. Сабурова. Да какъ же, мой кормилецъ!
Вѣдь государь съ Дуняшей говорилъ!
В. Собакинъ. Нѣтъ! Разскажи-ка. Только стой: ужъ чаркой
Не обижать хозяина!
Д. Сабурова. Не пью.
В. Собакинъ. Медъ не иное что̀, не охмелѣешь.
(Наливаетъ чарку и подноситъ Сабуровой).
Д. Сабурова. Ну, развѣ ужъ полчарочки...
В. Собакинъ. Полчарки?
Нѣтъ, пить, такъ пить ужъ цѣлую: у насъ
Таковъ обычай!
(Сабурова беретъ чарку, кланяется хозяину и пьетъ).
То-то! На здоровье!
Поразскажи же намъ: какъ—что̀ тамъ было? *(Садится).*
Д. Сабурова *(ставитъ чарку на столъ и откашливается).*
Вотъ, батюшка, пришли мы въ половину
Царицыну; впустили насъ въ хоромы;
Въ хоромахъ пресвѣтло-свѣтло: иконы
Какъ жаръ горятъ, всѣ въ золотыхъ окладахъ,
А на полу-то постлана камка

Червленная. Вотъ, супротивъ камки,
Уставили всѣхъ дѣвокъ въ рядъ..

В. Собакинъ. И нашихъ?

Д. Сабурова. И нашихъ тутъ же: Дуня-то стояла
Такъ съ краешка, Марѳушенька подальше...
Ну, ужъ и дѣвки! Нечего сказать:
Всѣ на подборъ, — одна другой красивѣй,
И какъ же всѣ разряжены, Василій
Степанычъ! Тутъ и бархатъ и атласъ...
Что̀ жемчугу! Когда бы весь осыпать,
Ну, право, наберется четверикъ!
На Колтовской одной такъ даже страшно...
Ну вотъ, сгодя маленько, входитъ нѣмецъ,
Знать, лѣкарь, что ли?.. Обошелъ всѣхъ дѣвокъ,
Иную за руку возьметъ, подержитъ,
Подержитъ и опуститъ, на другую
Такъ глянетъ межъ бровей и отойдетъ...
Тутъ поглядимъ еще — бѣгутъ бояре:
«Царь, царь идетъ!». Мы наземь повалились,
А какъ ужъ встали, видимъ—государь
И съ нимъ царевичъ, а кругомъ бояре.
На государѣ золотой кожухъ
На соболяхъ и поясъ золотой,
Весь кованый; царевичъ въ аксамитномъ
Кафтанѣ: такъ по золотому полю
Разсыпалися алые цвѣточки!
Ну—солнце красное и свѣтлый мѣсяцъ!
Какъ глянетъ государь, что̀ ясный соколъ,
Въ хоромахъ-то какъ словно посвѣтлѣетъ!
Вотъ мимо дѣвокъ разъ прошелъ, другой
И третій... Съ Колтовской шутить изволилъ,
Что жемчугъ ей, чай, руки оттянулъ,
Спросилъ Дуняшу: чья она такая,
Откудова, который ей годокъ,
И грамотѣ смекаетъ ли? Да много
Разспрашивалъ, а самъ все улыбался!
А на твою-то посмотрѣлъ такъ зорко...

В. Собакинъ. Что̀ жъ, говорилъ?

Д. Сабурова. Нѣтъ, батюшка, ни слова.
Въ запрошлый разъ поговорилъ порядкомъ.
А нынче нѣтъ. Такъ... будто бы хотѣлъ
Сказать ей что-то, да нахмурилъ брови
И отвернулся... Тутъ они и вышли.

Грязной. Такъ, стало-быть, не кончены смотры?

Д. Сабурова. Не знаю ужъ, кормилецъ мой, не знаю...
(Собакину)
Вотъ страхъ-то былъ, какъ государь съ Дуняшей
Заговорилъ! Ну, думаю, пропала
Моя головушка! Какъ зарябило
Въ глазахъ—ночь-ночью, ничего не вижу;
А самоё такъ сподымя и бьетъ!
Дуняша-то сначала заробѣла,
Да пошептомъ бормочетъ про себя.
А онъ все съ лаской, такъ это съ улыбкой,
И таково прокладно говоритъ...
Гляжу—совсѣмъ оправилася дѣвка:
И говоритъ и, почитай, смѣется,
Глазенки такъ и свѣтятся, сама
Вся раскраснѣлась, ясочка моя,—
Ну, маковъ цвѣтъ алѣетъ, да и полно.
А я-то, мой голубчикъ, я то плачу:
Вѣдь дочка, не чужая кто, кормилецъ!

В. Собакинъ. Вѣстимо, такъ... А что же? Вѣдь на милость
Нѣтъ образца! Ну, если такъ случится,
Что взыщетъ Богъ?

Д. Сабурова. Куды ужъ намъ, родимый!
Какія есть боярышни, княжны!
Гдѣ съ ними намъ тягаться, худороднымъ!

В. Собакинъ. Все такъ, все такъ... А ежели бы, Домна
Ивановна?.. Какъ знать! Ты вотъ у насъ,
А къ твоему хозяину-то, можетъ,
Пришли бояре съ царскимъ словомъ! А?

Д. Сабурова. И!.. Полно, батюшка! Какія рѣчи
Негожія повелъ? Да къ намъ бояре
И въ избу не заглянутъ, а не то что
Съ царевымъ словомъ придутъ.

В. Собакинъ. Ну, смотри,
Не прозѣвай!

Д. Сабурова. Нѣтъ, батюшка, зачѣмъ же?
По цѣлымъ днямъ сижу все у окна
Да все гляжу: не идутъ ли бояре?
Глаза всѣ проглядѣла! *(Смѣется).*
Ахъ, ты, старый!
Шути, шути! А если бъ довелося,
Пришелъ бы самъ съ поклономъ...

В. Собакинъ *(кланяется).* Не оставь
Своею лаской.

Д. Сабурова. Полно же, Василій

Степанычъ! Только грѣхъ одинъ съ тобою! *(Встаетъ).*
Пойти—пугнуть мнѣ дѣвокъ: заболтались!
А мнѣ съ Дуняшей время ко дворамъ.

В. Собакинъ *(встаетъ).* Ступай—пугни, а я пугну Петровну:
Велѣлъ кой-что повынуть—не несетъ.

(Уходятъ въ разныя двери).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же кромѣ Собакина и Сабуровой.

Грязной. Напрасно тесть твой нареченный шутитъ
Съ Сабуровой... Я знаю государя,
И слова онъ задаромъ не промолвитъ,
А тутъ съ Дуняшей долго говорилъ.

Ив. Лыковъ. Неужели—Дуняша?.. Быть не можетъ!

Грязной. А почему жъ ты думаешь, что нѣтъ?
Вѣдь за свою невѣсту же боялся!

Ив. Лыковъ. Ну, Марѳа...

Грязной. Что̀? красива? И Дуняши
Нельзя похаить; чѣмъ она не дѣвка?

Ив. Лыковъ. Ужъ все не то!

Грязной. Вотъ то-то же! Не надо
Заранѣе тужить и горевать...
Признаться, самъ я давеча потрусилъ,
Да, видно, попустому...

Ив. Лыковъ. Полно, такъ ли?

Грязной. А такъ-то попустому, что на свадьбѣ
Твоей мнѣ быть хмельному! Развѣ въ дружки
Не позовешь?

Ив. Лыковъ. Бояринъ, въ этой чести
Ты не откажешь мнѣ!

Грязной. И посмотри,
Иванъ Сергѣичъ, что̀ за дружка буду!
Вотъ дай войти сюда твоей невѣстѣ,—
Я нынче же поздравлю васъ, а кстати
И медъ здѣсь есть... Да что̀ и въ самомъ дѣлѣ?
Налью-ка я двѣ чарки пополнѣе
Да жениху съ невѣстой поднесу! *(Беретъ стопу).*

Ив. Лыковъ *(встаетъ изъ-за стола).* Налей, налей.

Грязной. Да не пролей, пріятель!
Вишь какъ темно...

Ив. Лыковъ *(ходя по комнатѣ).* Ты отойди къ окну.

Грязной. И то! *(Отходитъ къ окну и наливаетъ чарку).*

Ну, вотъ и женихова чарка.
(Ставитъ чарку на столъ).
Теперь невѣстѣ... *(Беретъ другую чарку).*
Что̀ это: изъ двери
Несетъ какъ будто? *(Дѣлаетъ шагъ къ двери).*

Ив. Лыковъ. Ты ужъ наливай:
Я дверь прихлопну.

Грязной. Потрудись, бояринъ!

(Лыковъ идетъ къ двери; Грязной поспѣшно вынимаетъ изъ-за пазухи порошокъ и сыплетъ въ чарку).

Ив. Лыковъ *(затворяя дверь).* И то вѣдь дверь растворена.

Грязной *(наливая чарку).* Готово!
Все дѣло за невѣстою...

Ив. Лыковъ *(прислушиваясь).* Идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, В. Собакинъ *съ двумя свѣчами,* **Петровна** *съ двумя тарелками.*

В. Собакинъ. Ужъ не взыщите, гости дорогіе,
Что васъ впотьмахъ оставилъ.

Грязной. Ничего:
Другъ друга знаемъ. *(Собакинъ ставитъ на столъ свѣчи).*

В. Собакинъ *(Петровнѣ).* Ставь на столъ, Петровна!
(Петровна ставитъ тарелки и уходитъ).
Для дѣвушекъ орѣшковъ да пастилки
Поприготовилъ—пусть ихъ поѣдятъ.
(Увидя налитыя чарки, Лыкову и Грязному)
А вы-то что̀ же! Налили по чаркѣ,
А пить не пьете!

Грязной. Это я, хозяинъ,
Для жениха съ невѣстою припасъ!

В. Собакинъ. Ай, друженька! Постой же, вѣдь не такъ же
Имъ подавать! Честь-честью—на подносѣ!
(Идетъ къ поставцу и вынимаетъ подносъ).

Грязной. Давай, давай. *(Устанавливаетъ чарки на подносъ).*

В. Собакинъ. Вотъ такъ-то, понаряднѣй!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Сабурова, Марѳа и Дуняша.

Сабурова. Ну, дѣвки, тутъ и угощенье!
(Дѣвицы раскланиваются съ Грязнымъ и Лыковымъ).

В. Собакинъ. Просимъ
Покорно: васъ и поджидали только!
Присядьте да полакомьтесь маленько.

(Сабуровы усаживаются на лавку).

Марѳуша, потчуй дорогихъ гостей!

Грязной. Нѣтъ, ужъ позволь, хозяинъ, по порядку:
Я перво-наперво по чаркѣ обнесу.

В. Собакинъ. И это рѣчь. Какъ думаешь ты, Домна
Ивановна? Поздравить не мѣшаетъ?

Сабурова. Кого, родимый?

В. Собакинъ *(указывая на Лыкова и Марѳу).* Жениха съ невѣстой.

Сабурова. Святое дѣло, батюшка, святое!

В. Собакинъ *(Лыкову и Марѳѣ).* Что̀ жъ, становитесь рядомъ-то?

(Лыковъ встаетъ; Марѳа не трогается съ мѣста).

Марѳуша!
Что̀ покраснѣла? Нечего стыдиться:
Ступай, ступай!

(Марѳа становится возлѣ Лыкова).

Ну, подноси, Григорій
Григорьевичъ!

Грязной *(подходитъ къ Лыкову съ подносомъ и кланяется).*

Побольше—жениху.

(Лыковъ пьетъ и кланяется. Грязной подходитъ къ Марѳѣ).

Поменѣе—невѣстѣ!

(Марѳа прихлебываетъ, ставитъ чарку на подносъ и кланяется).

Нѣтъ, ужъ, Марѳа
Васильевна! Изволь всю чарку выпить,
Какъ изстари ведется...

(Марѳа беретъ чарку).

Всю до дна,
Чтобъ полнымъ домомъ жить.

(Марѳа допиваетъ и кланяется).

Грязной. Вотъ такъ, до капли!

(Беретъ стопу, наливаетъ чарки и подноситъ Собакину).

Теперь тебѣ, хозяинъ!

В. Собакинъ. Опосля.
Гостей попотчуй.

(Грязной подноситъ чарки Сабуровымъ).

Д. Сабурова *(принимая чарку и кланяясь жениху съ невѣстой).* Дай вамъ Богъ согласья!

Дуняша *(беретъ чарку).* И радости!

(Пьютъ. Лыковъ и Марѳа кланяются. Грязной подноситъ чарку Собакину).

В. Собакинъ. Теперь и мой чередъ.
Ну, дѣти, поздравляю васъ!

(Пьетъ; Лыковъ и Марѳа кланяются ему въ поясъ).

А дружкѣ
Пускай сама невѣста поднесетъ.

Марѳа *(подходя къ Грязному и принимая отъ него подносъ).*
Позволь тебя благодарить, бояринъ!

(Наливаетъ чарку и подноситъ съ поклономъ Грязному).

Грязной *(беретъ чарку).* Я говорилъ ужъ давеча Ивану Сергѣичу: совѣтъ вамъ да любовь!

(Пьетъ и кланяется; Лыковъ и Марѳа откланиваются. Грязной ставитъ чарки на столъ).

В. Собакинъ. И благодать Господня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Калистъ *(вбѣгаетъ впопыхахъ).*

Калистъ. Батька, батька!

(Гости вздрагиваютъ; Марѳа роняетъ подносъ).

В. Собакинъ. А, чтобъ тебя! Чего ты раскричался?
Аль угорѣлъ?

Калистъ. Какое угорѣлъ!
Къ тебѣ идутъ бояре съ царскимъ словомъ!

(Общее движеніе испуга).

В. Собакинъ. Ко мнѣ?.. Да ты рехнулся?

Калистъ. Не рехнулся:
Ступай встрѣчать... Чу! Вонъ они въ сѣняхъ!

(Отходитъ въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Малюта *и нѣсколько бояръ, въ богатыхъ кафтанахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ. Войдя въ комнату, они становятся въ два ряда. Собакинъ и прочіе кланяются имъ въ поясъ.*

Малюта *(выходя впередъ, Собакину).* Василій! Нашъ великій государь,

Царь и великій князь Иванъ Васильичъ
Всея Руси, пожаловалъ тебя,
Велѣлъ сказать тебѣ:

(Собакинъ становится на колѣни и кланяется въ землю).

«Велѣньемъ Божьимъ,
Молитвами родителей моихъ,
Изволи Богъ мнѣ нынѣ сочетаться
Законнымъ бракомъ и себѣ въ супруги
Понять твою, Васильеву, дочь Марѳу!»

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Невѣста.

Проходная палата въ царскомъ теремѣ. Налѣво дверь въ царевнины покои; направо дверь въ сѣни. На заднемъ планѣ три окна съ позолоченными рѣшетками. Палата обита краснымъ сукномъ; лавки съ узорными полавочниками. На авансценѣ, съ лѣвой стороны, парчевое „мѣсто“ царевны. Съ потолка на позолоченной цѣпи спускается хрустальное паникадило; изъ двери въ дверь узкій коверъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

В. Собакинъ *стоитъ неподалеку отъ царевнина «мѣста».*
Д. Сабурова *выходитъ изъ двери налѣво.*

В. Собакинъ *(шопотомъ).* Что̀, какъ она?
Д. Сабурова. Изволила забыться:
Авось-либо теперь полегче будетъ.
(Покачавъ головой)
А то въ жару металась да стонала,
Моя голубка, такъ что вчужѣ жутко!
В. Собакинъ. А нѣмецъ былъ?
Д. Сабурова. Былъ... Говоритъ: пройдетъ!
Не надо только трогать, а оставить
На волю Божью. Это, вишь, припадокъ
Какой-то тамъ: пройдетъ и самъ собою,
Чего тутъ трогать! Позапрошлой ночью
Царевна встала да пошла ходить
По сѣннику, такъ мы—не то что тронуть,—
Забились въ уголъ и дохнуть не смѣемъ!
Такой-то страхъ!
В. Собакинъ. Что̀ жъ, бредитъ?
Д. Сабурова. Все-то бредитъ!

И говоритъ все съ кѣмъ-то, и смѣется...
А то навзрыдъ заплачетъ да застонетъ,—
Индо морозъ по кожѣ подеретъ!

В. Собакинъ. Бѣда, бѣда!.. Вѣдь вотъ какое горе
Наслалъ Господь мнѣ за мои грѣхи!..
Не думалъ, не гадалъ я: дочь—царевна,
Я самъ—бояринъ, сыновья—бояре!
Чего еще? Во снѣ-то даже счастье
Такое не приснится никому...
А тутъ поди ты! Гдѣ бы веселиться,
А ты горюй...

Д. Сабурова. Грѣшно намъ горевать:
На старости мы взысканы съ тобою!
Твою самъ царь, а Дунюшку царевичъ
Въ невѣсты выбралъ...

В. Собакинъ. Да тебѣ-то что̀!
Твоя княгиня не хвораетъ, Домна
Ивановна!

Д. Сабурова. Богъ милостивъ: царевна
Оправится... Ну, дѣло молодое;
Такъ—что-нибудь...

В. Собакинъ. Нѣтъ, видно, что не такъ!
Ей не съ чего, кажись бы, вдругъ свернуться...
А люди добрые сыскались...

Д. Сабурова. Кто же?

В. Собакинъ. Да тотъ же Лыковъ! Что̀ ни говори,
Былъ женихомъ, ну, и любилъ Марѳушу...

Д. Сабурова. И, что̀ ты! Скромный этакій дѣтина,
Смиренникъ да тихонюшка такой...

В. Собакинъ. Тихонюшка! Гляди ему въ глаза...
А знаешь: въ тихомъ омутѣ-то черти!

Д. Сабурова. И то сказать: чужая-то душа
Потемки!..

В. Собакинъ. На него и подозрѣнье:
Когда съ Марѳушей сдѣлался припадокъ,
Его тогда жъ схватили и къ допросу
Водили...

Д. Сабурова. Не признался?

В. Собакинъ. Не признался...
Да вотъ разыщутъ; если что̀ такое,
Не отвертится! Только жаль—царевна
Про это знаетъ...

Д. Сабурова. Знаетъ?

В. Собакинъ. То-то знаетъ!

Сама итти хотѣла къ государю—
Просить за Лыкова.

Д. Сабурова. Уговорили?

В. Собакинъ. Да просто обманули—вотъ и все:
Сказали, что и такъ онъ оправдался.
Ужъ тутъ и ложь во спасенье...

Д. Сабурова. Извѣстно...
А что̀, про свадьбу не слыхалъ, Василій
Степанычъ?

В. Собакинъ. Какъ же! Государь Малютѣ
Велѣлъ нарядъ вѣнечный снарядить.

Д. Сабурова. Ну, кто же дружки?

В. Собакинъ. Годуновъ Борисъ,
Мой Калистъ, твой Иванъ, да самъ Малюта.

Д. Сабурова. А свахи кто же?

В. Собакинъ. Годунова Марья,
Моя невѣстка, да твоя невѣстка...
Кто, бишь, еще?.. Игнатьева жена!..
Въ отцово мѣсто самъ царевичъ Ѳедоръ
Ивановичъ, а въ тысяцкихъ царевичъ
Иванъ Иванычъ... съ чарою да съ гребнемъ
Пойдетъ Собакинъ Дмитрій, со свѣчами...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, сѣнная дѣвушка и потомъ истопникъ.

Сѣнная дѣвушка *(Сабуровой).* Боярыня! Царевна пробудилась!

Д. Сабурова. Сейчасъ, сейчасъ...

(Сѣнная дѣвушка уходитъ).

А въ материно мѣсто
Кому же?

В. Собакинъ. Да кому жъ, коль не тебѣ?

Д. Сабурова. Ну, ужъ и мнѣ!

В. Собакинъ. Да слышишь ты: Малюта
Мнѣ говорилъ.

(Въ сѣнныя двери входитъ истопникъ).

Истопникъ. Бояре съ царскимъ словомъ.

Д. Сабурова. Пойти скорѣе,—доложить царевнѣ!

(Уходятъ съ истопникомъ въ разныя двери).

ЯВЛЕНІЕ III.

В. Собакинъ, Грязной и кн. Гвоздевъ-Ростовскій. *На Грязномъ и кн. Ростовскомъ низенькія собольи шапки и суконныя полукафтанья, стянутыя цвѣтными кушаками: за кушаками воткнуты большіе ножи въ серебряныхъ оправахъ. Войдя въ палату, бояре снимаютъ шапки, кланяются Собакину и опять надѣваютъ шапки.*

Грязной. Большой поклонъ боярину Василью
Степанычу!
В. Собакинъ *(откланиваясь).* Поклонъ и вамъ, бояре!
Грязной. Великій государь своихъ холопьевъ
Прислалъ съ поклономъ къ дочери твоей,
А нашей государынѣ-царевнѣ.
В. Собакинъ. Иду сейчасъ царевнѣ доложить.
Она не можетъ: цѣлый день тоскуетъ,
А ночь не спитъ... все мечется да бредитъ.
Сегодня легче...
Грязной. Доложи царевнѣ,
Что лиходѣй ея во всемъ сознался,
И государевъ чужеземный знахарь
Берется излѣчить ея недугъ.
В. Собакинъ. Ты говоришь, что лиходѣй сознался...
А кто же онъ?
Грязной. Мы говоримъ тебѣ,
Что̀ намъ сказать указано. Ступай же—
И доложи царевнѣ.
(Собакинъ кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же кромѣ Собакина.

Грязной *(кладетъ руку на плечо князя Гвоздева-Ростовскаго).* Князь Иванъ!
Слыхалъ ли ты, что, если кто полюбитъ
Кого, такъ день и ночь по немъ тоскуетъ,
И плачетъ, и во снѣ-то даже видитъ
Мило̀го друга?
Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Много разъ слыхалъ.
Тебѣ знать лучше: ты и самъ недавно
Такой-то былъ... Что̀, дурь твоя прошла?
Грязной. А что̀? Вѣдь царь нашъ на больной царевнѣ
Не женится... Какъ думаешь ты, князь?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Богъ вѣсть! Нарядъ вѣнечный снаряжаютъ,
А впрочемъ, самъ ты знаешь, что царевна
Изведена.

Грязной. А... если излѣчится?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій *(взглядываетъ на него пристально).*
Никакъ ты все еще изволишь бредить?

Грязной. Иванъ, ты другъ мнѣ и меня не выдашь.
Когда бъ ты зналъ... Нѣтъ, этого не въ силахъ
Я вымолвить... Скажу тебѣ одно:
За то, чтобъ разъ еще взглянуть на Мароу,
Я по локоть себѣ отсѣчь дамъ руку.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Опомнися, Григорій, не ребячься...

(Въ покояхъ царевны слышны шумъ и голоса).

Грязной. Постой, постой. Что̀ тамъ у нихъ за шумъ?

Марѳа *(за сценой).* Пустите! Я сама хочу ихъ видѣть!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Марѳа, В. Собакинъ, Сабурова, боярыни, сѣнныя дѣвушки. *Марѳа блѣдна и встревожена; лѣтникъ ея въ безпорядкѣ, волосы растрепаны; на голову небрежно накинутъ золотой вѣнецъ.*

Д. Сабурова *(бѣжитъ за Марѳой).* Помилуй, государыня царевна!
Напрасно безпокоиться изволишь,—
Сама идешь къ боярамъ: имъ не слѣдъ бы
Увидѣть очи ясныя твои...

Марѳа. Оставь меня.

(Садясь на мѣсто, Грязному и кн. Гвоздеву-Ростовскому)

Бояре! подойдите!
Я слушаю.

Грязной *(выходя впередъ).* Великій государь,
Царь и великій князь Иванъ Васильичъ
Всея Руси пожаловалъ тебя:
Къ тебѣ прислать изволилъ насъ съ поклономъ
И наказалъ спросить намъ о твоемъ
Здоровьѣ, государыня царевна!

Марѳа *(встаетъ).* Да я здорова, я совсѣмъ здорова!
Кто говоритъ, что я была больна?
Я слышала—сказали государю,
Что будто бы испортили меня...

Все это—ложь! Вы слышите, бояре?..
Все это—ложь и выдумка!

Грязной. Дозволь
Держать другую рѣчь.

(Марѳа наклоняетъ голову въ знакъ согласія и безпокойно взглядываетъ на Грязного).

Ивашко Лыковъ
Покаялся въ намѣреньи бѣсовскомъ
Тебя поганымъ зельемъ извести,
А государь велѣлъ его казнить...
И самъ я недостойною рукою
Злодѣю прямо въ сердце угодилъ!..
Холопъ твой Гришка бьетъ тебѣ челомъ
И проситъ службу вѣрную попомнить!

(Кланяется въ землю. Марѳа вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ).

Грязной *(вскакивая).* Что̀ съ ней?

В. Собакинъ *(подбѣгая къ Марѳѣ).* Опять припадокъ!

Сабурова *(удерживая Собакина).* Полно, что̀ ты!
Теперь ее избави Боже тронуть!..
Голубушка! бѣлехонька, какъ платъ...
Вотъ такъ-то съ нею и намедни было:
Глаза закрыла, губы посинѣли,
Дыханья нѣтъ—отходитъ, да и полно!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. Теперь царевна, видно, испугалась...

Сабурова. И есть съ чего! Хорошъ былъ женишокъ-то!
Ужъ удружилъ невѣстѣ... Да ему
И казни мало! Кабы мнѣ да воля,
Разорвала бъ въ куски его, собаку!

Грязной *(тихо).* И такъ довольно: не просилъ прибавки!

Сабурова *(Грязному и кн. Ростовскому).* Бояре! вы бы шли, а здѣсь негоже
Вамъ оставаться...

Грязной. Нѣтъ, мы не пойдемъ,
А подождемъ, чѣмъ кончится припадокъ,
Чтобъ было намъ о чемъ и доложить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Малюта и нѣсколько бояръ. *Войдя въ палату, они остановливаются недалеко отъ царевнина «мѣста».*

В. Собакинъ *(Сабуровой).* Не вспрыснуть ли водою? Что-то долго
Лежитъ безъ чувствъ...

Сабурова. Не велѣно, Василій
Степанычъ!
В. Собакинъ. Ну, за нѣмцемъ-то пошли:
Нельзя же такъ ее оставить.
Сабурова. Стой-ка!
Никакъ она очнулася?
(Марѳа поднимаетъ голову и протираетъ глаза).
Грязной *(подбѣгая къ Марѳѣ).* Очнулась!
Марѳа. Ахъ!.. Что̀ со мной? *(Увидя Грязного, подбѣгаетъ къ нему)*
Ты живъ, Иванъ Сергѣичъ!
Такъ это сонъ?
(Грязной дѣлаетъ шагъ назадъ; Марѳа хватаетъ его за руку).
Поди, поди ко мнѣ!
Дай на тебя мнѣ вдоволь наглядѣться!..
Ты живъ, ты живъ!
Грязной *(вырывая руку).* Царевна, образумься!
Вглядись въ меня: я—не Иванъ Сергѣичъ.
Марѳа. Ахъ, Ваня, Ваня! Что̀ за сны бываютъ!..
Сегодня я за пяльцами вздремнула
И вижу... Охъ! и вспомнить-то какъ страшно!..
Приснилось мнѣ, что будто я—царевна...
Что государь меня въ невѣсты выбралъ...
Что насъ съ тобой, Ванюша, разлучили...
Меня убрали въ царскія одежды
И золотой вѣнецъ надѣли будто...
(Хватается руками за голову)
Вотъ и теперь онъ голову мнѣ давитъ!
Грязной. Опомнись, государыня-царевна!
Сабурова *(подходя на цыпочкахъ и дергая Грязного за рукавъ)*
Оставь ее, не поперечь, бояринъ!
За нѣмцемъ ужъ послали...
В. Собакинъ *(ломая руки).* Что̀ съ ней будетъ?
Сабурова. Опомнится, опомнится,—не бойся!
Марѳа. И говорятъ мнѣ будто бы: «царевна,
Вѣдь прежній твой женихъ-то—лиходѣй:
Онъ извести тебя поганымъ зельемъ
Хотѣлъ,—затѣмъ ты и хворать изволишь...
Его за это судятъ»... Что̀ тутъ было!
И грудь мнѣ жгло и въ голову стучало...
Какъ я съ тоски во снѣ не умерла!
А тутъ приснилось, что въ палатѣ царской

Сидѣла я, и что кругомъ стояли
Сабурова, боярыни... и ясно,
Такъ ясно все, какъ будто наяву!
Постой! *(Бѣжитъ къ «мѣсту»)*
Сидѣла я на этомъ мѣстѣ,
Вотъ такъ... Они... *(Оборачивается къ боярамъ и боярынямъ)*
Да вотъ они стоятъ!
(Подбѣгаетъ къ Грязному и хватаетъ его за руку)
Ты видишь ихъ, ты видишь ихъ, Ванюша?..
Охъ, страшно!.. Лучше не гляди туда:
Тебѣ приснится также сонъ тяжелый!

(Отворачивается и закрываетъ лицо руками).

Грязной *(задыхающимся голосомъ).* Нѣтъ силъ снести! Такъ вотъ недугъ любовный!..
Ты обманулъ меня, проклятый нѣмецъ!

Марѳа *(отнимая отъ лица руки и боязливо озираясь кругомъ).*

Прошло!.. *(Помолчавъ)*
А я, должно-быть, нездорова;
Въ груди все жжетъ... Про что я говорила?
Про что, бишь, дай Богъ память?.. Да!.. Сегодня
Приснилось мнѣ, что будто бы въ палату
Отъ государя приходилъ Грязной
И говорилъ, что онъ тебя зарѣзалъ! *(Смѣется)*
Вѣдь вотъ во снѣ-то глупости какія
Привидятся... Грязной еще хвалился
И службу вѣрную просилъ попомнить...
Хорошъ же дружка! Хвалится невѣстѣ,
Что жениха зарѣзалъ... Ай, Грязной!
Увижу,—разскажу ему до слова—
Какъ онъ меня изволилъ тѣшить... *(Смѣется).*

Грязной. Ой ли!..
Грязной тебя сейчасъ еще потѣшитъ! *(Боярамъ)*
Бояре! Я... я—грѣшникъ окаянный!
Я Лыкова оклеветалъ напрасно:
Въ царевниномъ недугѣ онъ невиненъ...
Я погубилъ невѣсту государя! *(Общее изумленіе).*

Малюта. Григорій! Что̀ ты, что̀ ты, Богъ съ тобою!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій *(подбѣгая къ Грязному).*
Григорій! Ты себя погубишь!

Грязной. Князь!
Малюта! Я—въ своемъ умѣ и снова

Себя я обвиняю передъ вами:
Я погубилъ невѣсту государя!

Марѳа *(вслушиваясь).* Ты говоришь, что снамъ не надо вѣрить:
Не вѣрю... Только сонъ-то не простой! *(Помолчавъ)*
Однако я съ тобой заговорилась
И къ пяльцамъ не притронулась сегодня,
А мнѣ еще ширинку надо кончить...

(Садится на мѣсто и дѣлаетъ руками разныя движенія, будто принимаясь вышивать въ пяльцахъ).

Грязной. Страдалица! и я тебя сгубилъ,
И самъ еще поднесъ тебѣ отраву!..
Бояре! я давно взлюбилъ царевну
И сватовъ засылалъ къ ея отцу,
Да опоздалъ—другой хватился прежде:
Она была ужъ Лыкова невѣстой.
Тогда у нѣмца я промыслилъ зелье,
И съ женихомъ сдружился, какъ Іуда,
И назвался ему на свадьбу въ дружки,
И самъ поднесъ ей зелья въ чаркѣ меду!

В. Собакинъ. Разбойникъ, душегубецъ!.. Помню, помню...
Я самъ ему и чарку вынималъ!

Сабурова. И я тогда была съ Дуняшей: точно,
Онъ подносилъ царевнѣ чарку меда!

Малюта. Безумный! Что̀ ты сдѣлалъ?

Грязной. Да, безумный:
Она меня давно свела съ ума!..
Но видитъ Богъ, что самъ я былъ обманутъ:
Я зелья приворотнаго просилъ,
Приворожить къ себѣ хотѣлъ царевну,
Затѣмъ, что я любилъ ее, люблю,
Люблю, какъ буйный вѣтеръ любитъ волю!

В. Собакинъ. Молчи, злодѣй! Ты смѣешь про царевну
Такъ говорить! Бояре, уведите
Его отсюда! Именемъ царя—
Я говорю вамъ! уведите!

(Нѣкоторые изъ бояръ подходятъ къ Грязному).

Грязной *(боярамъ).* Стойте!

(Собакину)

Бояринъ! я въ винѣ своей сознался
И гибну самъ, чтобъ дочь твою спасти!
Сознался вольной волей, а неволей
Ты изъ меня не выжмешь ничего!

Тутъ нечего кричать, а лучше слушать... *(Боярамъ)*
Спросите у Бомелія, какого
Онъ зелья далъ? Спросите подъ ножами.
Покается проклятый басурманъ!

Марѳа. Нѣтъ, полно шить! Игла изъ рукъ валится...
Такая лѣнь сегодня.... Да и жарко...
Иванъ Сергѣичъ! Хочешь, въ садъ пойдемъ?

(Встаетъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, дѣлаетъ движеніе рукою, будто отворяетъ дверь).

Каковъ денекъ! Такъ зеленью и пахнетъ.

(Будто останавливается на порогѣ).

Иванъ Сергѣичъ! Помнишь—мы дѣтьми
Рѣзвилися и бѣгали съ тобою?
Не хочешь ли теперь меня догнать?
Я побѣгу вотъ прямо по дорожкѣ... *(Оглядывается)*
Э, не плутуй! Зачѣмъ же ты подходишь?
Ты отойди подалѣе, вотъ такъ...
Ну!.. *(Хлопаетъ въ ладоши)*
Разъ, два, три.

(Бѣжитъ; бояре и боярыни въ испугѣ разступаются передъ нею. Добѣжавъ до конца сцены, Марѳа оборачивается).

Ага, ну, не догналъ!
Что̀? Каково теперь я стала бѣгать? *(Идетъ назадъ).*
А вѣдь совсѣмъ задохлась съ непривычки...

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потупя голову, и вдругъ наклоняется, будто срываетъ цвѣтокъ).

Ахъ, посмотри — какой же колокольчикъ
Я сорвала! Лазоревый, а жилки
Какъ шелковинка аленькая... Правда,
Что онъ звенитъ въ Ивановскую ночь? *(Покачавъ головою)*
Про эту ночь Петровна говорила
Мнѣ чудеса... *(Указываетъ рукою налѣво)*
Вотъ этотъ кустъ зори
Мнѣ подарила Дунюшкина мать.
И славная зоря, чудесный запахъ!

(Будто срываетъ вѣтку и мнетъ ее въ рукахъ).

Я ею мою руки по утрамъ. *(Идетъ дальше).*
А какова смородина, Ванюша?

(Будто поднимаетъ вѣтку)

Такъ вѣтку ягоды и клонятъ къ земи...
И яблоковъ по лѣту много будетъ...

(Указываетъ направо)

Вотъ эта яблонь вся была въ цвѣту:
Такъ и бѣлѣла, словно одуванчикъ...
Отецъ подъ нею и скамью поставилъ,
Самъ сколотилъ... Не хочешь ли присѣсть?

(Садится на мѣсто).

Охъ, этотъ сонъ! *(Помолчавъ)*
Какъ поглядишь на небо,
Подумаешь — какъ Богъ его соткалъ!
Вотъ ровно синій бархатъ! Что̀, Ванюша,
Вездѣ такое небо, какъ у насъ?
И облака такія?.. Погляди-ка —
Вонъ облачко — ни дать ни взять — вѣнецъ!
На насъ съ тобой такіе-то надѣнутъ... *(Задумывается).*

Грязной *(Малютѣ).* Нѣтъ не стерпѣть!
Веди меня, Малюта,
Веди меня на грозный судъ! Но прежде
Послѣднюю мнѣ службу сослужи:
Дай мнѣ себя потѣшить, дай мнѣ съ нѣмцемъ
Развѣдаться!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Любаша *выбѣгаетъ изъ толпы сѣнныхъ дѣвушекъ и хватаетъ Грязного за руку.*

Любаша. Развѣдайся со мной!

Грязной. Любаша!

Любаша. Да, опять-таки Любаша!..
Ты про меня и позабылъ, голубчикъ?..
Забывчивъ сталъ!.. Что̀? На тотъ свѣтъ собрался,
Такъ — на̀ тебѣ! Не хочетъ и проститься
Съ своею полюбовницей!.. А жалко,
Куды тебя мнѣ жалко! Понапрасну
Сгубилъ себя: красавицу твою
И вылѣчатъ, да лѣкарь-то могила!
Что̀? Ты меня не разумѣешь?.. Стой же,
Я все тебѣ по пальцамъ разскажу:
Ты помнишь, какъ просилъ у нѣмца зелья?
Я слышала тогда весь разговоръ,
Да на другой же день сама я къ нѣмцу
Пошла и тоже выпросила зелья...
Ты за свое отсыпалъ много денегъ,
Я за свое дешевле заплатила...
Извѣстно — что̀ ужъ! Съ дѣвокъ взятки гладки;

А только зелье будетъ похитрѣе:
Съ него какъ разъ зачахнетъ человѣкъ!

Грязной. Что̀ ты сказала?

Любаша. Человѣкъ зачахнетъ,
Потомъ умретъ... Тутъ нечему дивиться;
Вотъ подивись: я зелье подмѣнила,
А ты его на мѣсто своего
Поднесъ моей разлучницѣ...

(Грязной отшатывается назадъ).

Чай, то-то
Былъ радъ! А тутъ, какъ выбрали въ невѣсты,
И начала прихварывать она,
Трухнулъ-было! Да скоро спохватился:
Дай Лыкова оговорю, а можетъ,
Царь на больной не женится — тогда
На нашей улицѣ и будетъ праздникъ.

Грязной *(хватается за ножъ).* Проклятая!

Любаша. Постой, постой: успѣешь,
Дай досказать... Тебѣ бы все браниться,
А нѣтъ того, чтобъ похвалить Любашу!
Ужъ, кажется, придумала я знатно,
И ты еще мнѣ долженъ поклониться:
Приворожилъ по милости моей! *(Смѣется).*

Марѳа. Иванъ Сергѣичъ! Съ кѣмъ это Дуняша
Разговорилась?

Любаша. Слышишь ли! Зоветъ!
Ступай, ступай скорѣе, — полюбуйся!
И есть на что: что̀ дальше — будетъ лучше!

(Грязной замахивается на нее ножомъ).

Ну что̀ жъ, убей! Ты загубилъ мнѣ душу,
Ни слезъ моихъ ни просьбъ не пожалѣлъ...
Губи же вдосталь! *(Бросается къ Грязному)*
Рѣжь меня, разбойникъ!

Грязной *(ударяетъ ее ножомъ).* Такъ на̀ жъ тебѣ!

Любаша *(падая).* Спасибо прямо въ сердце!

(Князь Ростовскій, Сабурова, Малюта и сѣнныя дѣвушки подбѣгаютъ къ Любашѣ).

Сабурова. Ахъ, батюшки, зарѣзалъ!

Грязной. Да, зарѣзалъ!..
Собакѣ и собачья смерть!

Малюта *(наклоняясь къ Любашѣ).* Бѣдняжка!

(Бояре бросаются на Грязного и обезоруживаютъ его).

В. Собакинъ. Скрутите руки, руки-то скрутите,
Да отнимите ножъ: всѣхъ перерѣжетъ!
Грязной. Пустите! Я не трону никого
И не уйду... Вы слышали, бояре,
Вы слышали, какого я ей зелья
Поднесъ?.. Она умретъ, умретъ. Пустите!

(Вырывается и подбѣгаетъ къ Марѳѣ. Бояре его догоняютъ и схватываютъ снова).

Собакинъ. Тащите вонъ его, скорѣй тащите!
Грязной. Не троньте, дайте мнѣ проститься съ нею!

(Вырывается и бросается передъ Марѳой на колѣни).

Страдалица невинная, прости!
Марѳа *(встаетъ).* Иванъ Сергѣичъ! Ты ужъ и уходишь!
Куда же ты? Сейчасъ отецъ придетъ...
Грязной. Прости меня! Когда придешь ты въ память
И про меня они тебѣ разскажутъ,
Ты проклянешь кромѣшника... Кляни,
Кляни его! Но о душѣ проклятой
Хоть разъ одинъ усердно помолись!
Марѳа. Не уходи... Какой ты несговорный,
Нимало не похожъ на жениха:
Придетъ къ своей невѣстѣ въ кои вѣки
И только повернется! Будешь завтра?
Грязной. Прости меня! За каждую слезинку,
За каждый стонъ, за каждый вздохъ твой, Марѳа,
Я щедрою рукою заплачу:
Самъ буду бить челомъ царю Ивану
И вымолю себѣ такія муки,
Какихъ не будетъ грѣшникамъ въ аду!

(Встаетъ, его уводятъ).

Прощай! Прощай!
Марѳа *(кричитъ ему вслѣдъ).* Приди же завтра, Ваня!..

1849.

СЕРВИЛІЯ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вѣкъ первыхъ римскихъ кесарей обнимаетъ собою одну изъ самыхъ знаменательныхъ историческихъ эпохъ: его можно назвать заповѣдною скрижалью, на которой древній міръ начерталъ окончательные выводы своей религіозной и гражданской жизни. Всѣ духовныя и физическія силы древности, направленныя отъ четырехъ исходныхъ пунктовъ: религіи, закона, науки и искусства, стремятся къ одному центру, составляютъ четыре литеры, четыре звука одного слова — *Римъ*. Скоро это слово достигаетъ полноты своего смысла и означаетъ вселенную; но въ нравственномъ отношеніи смыслъ языческаго Рима и языческая вселенная представляютъ взорамъ наблюдателя плачевное зрѣлище.

Перенесемся во вторую половину кесарскаго вѣка и бросимъ бѣглый взглядъ на тогдашній Римъ.

Сосредоточивъ все вниманіе на своей внутренней жизни, Римъ сознаётъ повсемѣстное присутствіе внутренняго зла, тайнаго и неуловимаго недуга, который сушитъ его сердце и уноситъ жизненныя силы. Тщетно призываетъ онъ на помощь религію, философію и патріотизмъ: религія отвѣчаетъ ему сладострастнымъ бредомъ поэтовъ, философія—схоластическими софизмами, патріотизмъ — обвинительными рѣчами покупныхъ доносчиковъ. Семейный бытъ, сохранившій прежнія суровыя формы, уже утратилъ прежнее значеніе, и Римъ весь отдается быту общественному, выраженному въ растлѣвающихъ удовольствіяхъ цирка и термъ. Наука находится въ младенчествѣ и доступна немногимъ; искусство, хотя и доведено до идеала, но посвящено одной чувственности и только ослабляетъ немощный духъ Рима.

Для насъ, православныхъ и вѣрноподданныхъ христіанъ, понятенъ безыменный недугъ языческаго міра: онъ заключался въ отсутствіи святыни вѣры и закона, охраняемыхъ державною десницею помазанника Божія.

Но для Рима, слѣпотствовавшаго во тьмѣ идолослуженія, законы сдѣлались мертвыми буквами, а повелители всесвѣтной имперіи—орудіями всевышняго правосудія, карающаго людей, *да спасутся!*

Поразительнымъ примѣромъ небесной кары можетъ послужить Калигула,

съ котораго внезапно начинаются бѣдствія Рима, какъ бы ниспосланныя свыше, въ возмездіе за первое притѣсненіе христіанъ.

Приведемъ слова греческаго писателя Филона, изображающаго начальные мѣсяцы правленія Калигулы золотымъ вѣкомъ:

«Римъ и Италія, Европа и Азія, — говоритъ онъ: — казалось, пировали на непрерывномъ празднествѣ. По всѣмъ городамъ, у всѣхъ алтарей совершались жертвоприношенія, виднѣлись люди въ бѣлыхъ одеждахъ, увѣнчанные цвѣтами; повсюду, подъ звуки музыки, учреждались игры, пляски, конныя ристанія. Богатый и бѣдный, патрицій и плебей, господинъ и рабъ, заимодавецъ и должникъ веселились вмѣстѣ, какъ во времена Сатурна».

Черезъ годъ весь міръ трепеталъ передъ безумнымъ Калигулой, а тотъ сожалѣлъ, что у Рима не одна голова, и что онъ не можетъ отрубить ея однимъ взмахомъ сѣкиры.

Калигулу смѣнили Клавдій, Коммоды, Геліогабалы...

Нескоро измѣнилась горестная судьба Рима. Три вѣка представляютъ собою почти непрерывную лѣтопись своеволія, смутъ, крамолъ, кровопролитія, разсчитаннаго звѣрства, роскоши, разврата и безвѣрія. Въ духовномъ опьянѣніи, растерзавъ на себѣ послѣднія ризы, древній міръ шелъ быстрыми шагами къ своей гибели, доколѣ лучезарный крестъ Искупителя не освѣтилъ потемной бездны языческихъ заблужденій.

И между тѣмъ въ средѣ общаго мрака, тяготѣвшаго надъ Римомъ, появлялись иногда проблески высшаго духа и добродѣтели; отъ толпы раболѣпныхъ поклонниковъ порока отдѣлялись люди самоотверженные, мужи добра и правды. Такъ, представитель неостоической школы, Музоній Руфъ, изгнанный Нерономъ изъ Рима, удостоился даже похвалы одного изъ отцовъ церкви *). Такъ, при Неронѣ же, два другіе неостоика, Тразеа и Соранъ, гласно противодѣйствовали лживымъ доносамъ, губившимъ именитыхъ гражданъ, порицали современную роскошь и развратъ и служили Риму примѣромъ нравственности, праводушія и строгой жизни. Несправедливо обвиненные въ измѣнѣ противъ Рима и осужденные на смерть, они геройскою кончиною запечатлѣли неравную борьбу съ низкими льстецами, окружавшими Нерона. Вмѣстѣ съ Сораномъ, и такъ же безвинно, погибла двадцатилѣтняя дочь его Сервилія...

Но здѣсь я долженъ перейти къ моей драмѣ.

Основное ея содержаніе заимствовано изъ послѣднихъ страницъ Тацитовой лѣтописи, которая прерывается на описаніи гибели неостоиковъ. Историческія данныя перемѣшаны въ драмѣ съ посильнымъ вымысломъ, навѣяннымъ общимъ характеромъ эпохи. Общественная жизнь римлянъ въ эту эпоху, преданность кліентовъ патронамъ, значеніе отпущенниковъ въ семейной и гражданской жизни Рима, начинавшаяся эманципація **) женщинъ, разладъ философіи съ существовавшимъ порядкомъ и всепобѣдное вліяніе христіанскаго ученія — вотъ тѣ немногія черты, которыми мнѣ хотѣлось обвести мою драму, какъ слабый очеркъ римскаго быта при Неронѣ.

---

*) См. Апологію св. Юстина.

**) Въ римскомъ значеніи этого слова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА [1]):

Люцій Телезинъ } римскіе консулы.
Кай Светоній }
Софоній Тигеллинъ, префектъ преторіи.
Преторъ. }
Тразеа Петъ }
Соранъ Бареа } сенаторы.
Паконій Агриппинъ }
Гельвидій Прискъ }
Монтанъ }
Сенцій Торкватъ, юрисконсультъ.
Валерій Аруленъ Рустикъ, народный трибунъ.
Остогій Сабинъ, всадникъ.
Эгнатій, отпущенникъ.
Фульциній Аферъ }
Авидій Гиспо }
Посидесъ } граждане.
Велоксъ }
Мелла }
Цестъ }
Деметрій, философъ-циникъ.
Жрецъ.
Квесторъ.
Отпущенникъ.
Центуріонъ.
Преторіанецъ.
Гладіаторъ.
Мимъ.
Возничій.
Музыкантъ.
Первый, второй, третій и четвертый граждане.
Первый, второй и третій глашатаи.
Ликторъ.
Продавецъ поленты.
Архимагиръ.
Первый и второй рабы.
Старикъ.
Сервилія, дочь сенатора Сорана.
Силія, вдова сенатора Антистія.
Локуста.
Антонія, кормилица Сервиліи.
Неволея } невольницы Локусты.
Фортуната }
Дѣвочка.

Сенаторы, трибуны, жрецы, канефоры, писцы, преторіанцы, пѣвцы, музыканты, плясуньи, рабы, невольницы, прохожіе и народъ.

Дѣйствіе въ Римѣ, въ 67-мъ году по Р. Х.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Римскій форумъ [2]). — На заднемъ планѣ базилика Аргентарія, базилика Эмилія и храмъ Минервы. Мимо нихъ проходитъ священная дорога. Съ правой стороны арка Фабія, храмъ Вулкана съ священнымъ лотосомъ, храмъ Ромула съ священнымъ кипарисомъ и Грекостазъ. Съ лѣвой стороны Капитолій, городская тюрьма, омбиликъ, храмы Согласія и Юпитера Громовержца. Вокругъ форума идетъ тройной портикъ изъ коринѳскихъ колоннъ; въ промежуткахъ колоннъ изваянія боговъ и героевъ. Посреди форума водометъ Діаны, украшенный статуею богини.— Въ глубинѣ сцены, на горахъ Палатинской, Целійской и Эсквилинской возвышаются золотые чертоги Нерона, опоясанные рощами и садами. Вдали виденъ водопроводъ Клавдія.—На первомъ планѣ сцены и справа домъ Сорана, съ выступною террасою и бесѣдкой; слѣва термополій [3]) и небольшой домъ, надъ дверьми котораго написано: Locusta [4]). Эти зданія отдѣляются отъ форума улицей.—Утро. По форуму изрѣдка проходятъ воины, рабы, торговцы плодами и съѣстными припасами. На первой ступенькѣ водоема двое гражданъ играютъ въ кости [5]); вокругъ игроковъ группа зрителей...

ЯВЛЕНІЕ I.

Ф. Аферъ, Авидій Гиспо, Посидесъ, Мелла, Велоксъ, Цестъ.

А. Гиспо *(высыпаетъ изъ рожка кости).*
А, наконецъ... шесть да четыре — десять:
Ударъ Фортуны.

Ф. Аферъ. Праведные боги!
Какой счастливый смертный этотъ Гиспо!
Весь женскій полъ ему благоволитъ:
Не только молодая Фортуната,—
Сама Фортуна!

А. Гиспо *(злобно поглядѣвъ на Афера).* Прикуси языкъ.
Я этихъ шутокъ не люблю, Фульциній!

Ф. Аферъ. Не можетъ быть!.. *(Смѣется).*
Вы знаете, друзья,
Прелестную невольницу Локусты?

Мелла. Которую? Ихъ много...
Ф. Аферъ. Фортунату.
Мелла. Я не видалъ.
Посидесъ. А я недавно видѣлъ.

(Гиспо собираетъ кости).

Велоксъ. Что, какова?
Посидесъ. Беззубая старуха
И фурія!
Ф. Аферъ *(торжественно протягиваетъ руку).*
Се истина гласитъ
Правдивыми устами Посидеса!
А. Гиспо *(встаетъ, нахмуривъ брови).*
Довольно: разочтемся.
Ф. Аферъ. Какъ прикажешь.
Ты выигралъ два асса и кодрантъ...

(Снимаетъ съ пояса кошелекъ и считаетъ деньги).

Я нахожу, что имя у старухи
Приличное.
Мелла. А что, она слѣпа?
Ф. Аферъ. Подслѣповата... Да не въ этомъ дѣло.
Я, видишь ли, не знаю — у кого
Сестерцій [6]) больше: у богини счастья,
Или у этой гарпіи? При томъ же
Амуръ ея покорный рабъ!
А. Гиспо *(вспыливъ).* Aeferol [7])!
Ф. Аферъ *(медленно приподнимается).*
Не то?..

(Подходитъ, скрестивъ руки, къ Гиспо)

Не то?..
А. Гиспо *(отступаетъ).* Я жаловаться буду:
Отсюда до префекта недалеко.
Отдай мнѣ деньги.
Ф. Аферъ. Вотъ онѣ, возьми... *(Отдаетъ деньги).*
Я знаю, ты на выигрышъ сторгуешь
Вѣнокъ изъ розъ для нимфы безъ волосъ!
А. Гиспо *(грозитъ ему кулакомъ).*
Нѣтъ, я на нихъ куплю тебѣ веревку! *(Уходитъ).*
Ф. Аферъ *(смѣется и кричитъ ему вслѣдъ).*
Поскупишься!.. А ежели и купишь,
Такъ, вѣрно, самъ удавишься на ней!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Гиспо.

Велоксъ *(Ф. Аферу)*. За что ты такъ на Гиспо нападаешь?
Ф. Аферъ. Помилуй, Велоксъ, онъ — исчадье зла!
Я ужъ давно слѣжу за нимъ, а нынче
Нарочно заманилъ его играть,
Чтобъ помѣшать его преступнымъ кознямъ:
Вы знаете ли — что̀ такое Гиспо?
Рабъ, низостью добившійся гражданства,
Скупецъ, клієнтъ достойный Капитона,
Наушникъ, трусъ постыдный и предатель!..
Связался съ этой дряхлой Фортунатой,
Рабыней отравительницы...
Мелла *(оглядывается)*. Тише!
Ты позабылъ, что мы на площади.
Ф. Аферъ. Такъ что̀ же? Или ты не знаешь, Мелла,
Что, кромѣ кесаря, трибуна и боговъ,
Я никого на свѣтѣ не боюся?
Я — римлянинъ!
Мелла. Да мы и всѣ римляне,
А все же осторожность не мѣшаетъ.
Ф. Аферъ. Ты правъ: я горячуся понапрасну.
Пожалуй, будемъ тише говорить... *(Понижая голосъ)*
Ты спрашивалъ меня, любезный Велоксъ,
За что я такъ на Гиспо нападаю?
О, Аполлонъ! пошли мнѣ даръ витійства!
Будь этотъ Гиспо мытаря продажнѣй,
Презрѣннѣй и гнуснѣе кареагенца,
Клянусь, я только бъ пожалѣлъ о немъ.
Но онъ — онъ лжецъ и подлый соглядатай:
Онъ въ скаредной душѣ своей таитъ
Злой умыселъ на нашего трибуна
Валерія.
Мелла. На нашего любимца?
Велоксъ. На нашего защитника-патрона [5]?
Мелла. На отрасль дома Рустиковъ?
Посидесъ. На друга
Сенатора Тразеи?
Ф. Аферъ. На него.
И не одинъ трибунъ Валерій Рустикъ,
А всѣ друзья народные: Паконій,

Соранъ, Тразеа... всѣ погибнутъ
Невинной жертвой лживаго доноса.
Мелла. Юпитеръ!.. Но откуда эти вѣсти?
Ф. Аферъ. Послушайте...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и продавецъ поленты [9]) *катитъ на двухколесной тельжкѣ жаровню, на которой стоитъ накрытый котелокъ.*

Продавецъ поленты *(кричитъ).* Горячая полента!
Кому поленты? *(Останавливается предъ разговаривающими).*
Прямо съ очага
Богини Форнаксъ!
Велоксъ. Мы ужъ закусили.

(Полентовщикъ проходитъ дальше).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и дѣвочка *съ корзиною цвѣтовъ.*

Дѣвочка. Купите, добрые граждане, анемоновъ.
Мелла. Не надобно.
Дѣвочка. Купите гіацинтовъ:
Сама рвала сегодня на зарѣ!
Ф. Аферъ *(даетъ ей мелкую монету).* Ступай, дитя!
Дѣвочка. Спаси тебя Юнона!

(Отходитъ, крича нараспѣвъ)

Фіалки, гіацинты, анемоны!
Ф. Аферъ. Однако здѣсь неловко... Отойдемъ
Къ дверямъ Сорана: тамъ насъ не услышатъ.

(Отходитъ къ Соранову дому. Форумъ начинаетъ покрываться народомъ. Женщины и дѣти тѣснятся съ амфорами около водомета. Вокругъ продавца поленты собирается полуоборванная толпа).

Ф. Аферъ *(указываетъ на домъ Локусты).*
Вы видите вотъ тотъ вертепъ тигрицы?..
Она къ себѣ недавно затащила
Овечку...
Мелла *(улыбаясь).* Съ бѣлокурою косой?
Велоксъ. Съ лукавой бровью надъ лазурнымъ глазомъ?
Посидесъ. Съ плечами Леды?
Мелла. Словомъ: Неволѐю!

Ф. Аферъ. Ну, да... къ чему скрываться предъ друзьями?
От бѣдной, безпомощной сироты
Всѣ боги и богини отступились,
И только благосклонная Киприда
Своихъ очей еще не отвратила:
Ее Локуста держитъ для приманки
Богатыхъ и развратныхъ волокитъ
И никуда изъ дома не пускаетъ,
А на ночь запираетъ на замокъ.
Мелла. А какъ же вы видаетеся?
Ф. Аферъ *(качаетъ головой).* Мелла!
Ты посѣдѣлъ, а все не понимаешь
Того, что дѣти знаютъ наизусть:
Нѣтъ для Амура ни замковъ ни стражи.
Но слушай дальше. Хитрая Локуста
Скрываетъ очень ловко отъ невольницъ
Свои поступки гнусные и козни;
Наперсница всѣмъ тайнамъ Фортуната.
Но молодымъ невольницамъ Юпитеръ
Даетъ въ удѣлъ глаза и уши рысьи...
Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождникомъ, и сквозь густыя ставни
Бѣдняжка видитъ только лоскутъ неба
Да атріумъ [10])... Вчера ей не спалося,
А было поздно: ужъ вторая стража.
Вдругъ зазвенѣлъ придверный колокольчикъ [11]).
Свѣтъ ночника мелькнулъ сквозь щели ставня.
Послышались поспѣшные шаги
И шопотъ Фортунаты: «Ты ли, Гиспо?»
Замѣтьте: Гиспо ходитъ каждый день
Къ Локустѣ и, украдкой отъ ревнивой
Своей старухи, сильно докучаетъ
Любовью Неволеѣ...
Велоксъ. Вотъ за что
Другъ друга вы не любите!

(Ф. Аферъ презрительно улыбается).

Посидесъ. Ахъ, Велоксъ,
Да не мѣшай же слушать!
Ф. Аферъ. Неволея
Спрыгнула съ ложа, подошла къ окну
И увидала въ щелку Фортунату
И съ нею Гиспо. Оба, какъ ехидны,
Приползшія къ пастушьему огню,

У ночника коробились, сверкали
Другъ на друга глазами и шипѣли.
Она сначала говорила тихо,
Такъ тихо, что преступныя слова
Безъ звука на губахъ ихъ шевелились;
Потомъ ихъ рѣчи сдѣлались слышнѣе,
И наконецъ старуха прошептала:
«Смотри, будь осторожнѣе, Авидій!
Локуста все разскажетъ Мессалинѣ [12]);
Но если доказательствъ не найдется?..
Ты знаешь, это дѣло не простое:
Въ немъ Тигеллинъ [13]) участье принимаетъ,
А онъ шутить не любитъ... берегись!»
А Гиспо ей: «Не бойся, Фортуната:
Не только на философовъ безмозглыхъ,
Но даже на красавчика-трибуна
И на его обжорливаго друга
У насъ найдутся вѣрныя улики».
«Ну, если такъ,—сказала Фортуната:—
Пожива будетъ славная!..» И оба
Захохотали громко, но тотчасъ же,
Какъ будто спохватившись, поглядѣли
Такъ пристально на ставень Неволеи,
Что вся она со страха задрожала
И отошла скорѣе отъ окна...
Ну, что̀ теперь вы скажете о Гиспо?

Мелла. Ужасно!

Посидесъ. Никакого нѣтъ сомнѣнья:
Готовится доносъ, и на кого же?
На лучшихъ гражданъ Рима!

Велоксъ. Но Авидій
Вѣдь никого по имени не назвалъ?

Посидесъ. Къ чему? Вѣдь мы ихъ сразу отгадали.
Валерій чуть не названъ: въ цѣломъ Римѣ
Другого нѣтъ красавчика-трибуна,
Обжора-другъ—конечно ужъ—Паконій,
Философы—Тразеа и Соранъ.

Велоксъ. Да: это правда... Что̀ жъ мы будемъ дѣлать?

Посидесъ. Предупредимъ патроновъ поскорѣе.

Велоксъ. Я, впрочемъ, за трибуна не боюсь:
Скажи онъ слово—римскія матроны
Тотчасъ же обратятся въ амазонокъ
И Римъ возьмутъ.

Ф. Аферъ *(съ упрекомъ).* Ну, что̀ теперь за шутки!

Когда бѣда трибуну угрожаетъ,
Его спасать не женщинамъ, а трибу...
Но какъ спасти?

Цестъ *(молчавшій все время).* Я Гиспо задушу.

Ф. Аферъ. Нѣтъ, Цестъ! Твое намѣренье похвально,
И Гиспо не мѣшаетъ задушить,
Но не теперь: онъ будетъ нуженъ.

Цестъ *(киваетъ въ знакъ согласія головой).* Послѣ...

Посидесъ. Однакожъ мѣшкать нечего! Пойдемте
Искать своихъ патроновъ: я иду
Къ Валерію, но гдѣ онъ—въ базиликѣ [14])
Иль дома?

Ф. Аферъ. Ты отправься въ базилику,
А Мелла на домъ.

Велоксъ. Я пойду къ Тразеѣ.
А кто изъ васъ къ Паконію пойдетъ?

Ф. Аферъ. Паконій спитъ и никого не приметъ.
Мы съ Цестомъ лучше подождемъ Сорана:
Онъ, кажется, направился въ сенатъ.

Посидесъ. Пора, пора! И такъ на насъ всѣ смотрятъ...
Сойдемся здѣсь же, завтра утромъ... Vale!

ЯВЛЕНІЕ V.

Ф. Аферъ *садится на каменную скамью у Соранова дома;* **Цестъ** *стоитъ подлѣ, задумавшись. Толпа прибываетъ. Граждане, отпущенники, гладіаторы, преторіанцы и рабы наполняютъ форумъ. Вдоль портика ставятъ скамьи.*

Ф. Аферъ. Цестъ, для чего сбирается народъ?

Цестъ. Глазѣть на ходъ жрецовъ и канефоровъ.

Ф. Аферъ. Я позабылъ: теперь Панаѳинеи [15])...
А скоро ли процессія начнется?

Цестъ. Должно-быть, скоро.

ЯВЛЕНІЕ VI.

По сценѣ проходитъ старикъ, покрытый рубищемъ. Онъ очень усталъ и съ трудомъ передвигаетъ ноги, опираясь на посохъ. Поровнявшись со скамьей, онъ останавливается въ нерѣшимости.

Ф. Аферъ *(встаетъ со скамьи).* Отдохни, старикъ!
(Старикъ медлитъ).
Садись, садись: ты, вѣрно, издалёка!
(Старикъ, въ изнеможеніи, опускается на скамью и закрываетъ лицо руками).

Не хочешь ли съ дороги освѣжиться?
Пойдемъ со мной вонъ въ этотъ термополій.

(Старикъ отрицательно качаетъ головой. Ф. Аферъ подаетъ ему кошелекъ).

Смотри! Ты обронилъ свой кошелекъ.
Вотъ онъ...

Старикъ *(отводитъ руку Афера).*

Не нужно, добрый человѣкъ!

(Ф. Аферъ, поглядѣвъ въ недоумѣніи на старика, отходитъ въ сторону. Слышенъ звукъ трубы).

ЯВЛЕНІЕ VII.

На форумъ появляется **глашатай**, *одѣтый Меркуріемъ. Въ рукахъ у него серебряная труба и кадуцей.*

Глашатай *(протрубивъ три раза).*
Божественный нашъ кесарь Нѐронъ-Августъ
Послалъ меня къ вамъ, римскіе граждане,
Глашатаемъ своей священной воли!

Народъ. Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

Глашатай. Внемлите мнѣ: по случаю торжествъ
И шествія въ честь праведной Минервы,
Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ,
Желая съ вами радость раздѣлить,
Велѣлъ открыть, для игоръ и для зрѣлищъ,
Театръ и циркъ на всѣ Панаѳинеи.

Народъ. Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

(Глашатай проходитъ форумъ и скрывается).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, отпущенникъ, гладіаторъ, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й граждане, музыкантъ, возничій, мимъ, преторіанецъ, Ф. Аферъ и Цестъ *стоятъ въ сторонѣ у Соранова дома.*

Преторіанецъ. Хвала Нерону-Августу, вождю
Непобѣдимыхъ римскихъ легіоновъ!
Да здравствуетъ нашъ кесарь Неронъ-Марсъ!

Гладіаторъ. Онъ льва задушитъ голыми руками [16])!
Да здравствуетъ нашъ кесарь-Геркулесъ!

Музыкантъ. Онъ голосомъ божественнымъ и лирой
Вливаетъ жизнь въ бездушную природу
И камни въ трепетъ сладостный приводитъ!
Да здравствуетъ нашъ кесарь-Аполлонъ!

Возничій. Хвала ему! Когда онъ по аренѣ
Несется на квадригѣ [17]) бѣлоснѣжной,
Подумаешь—самъ Фебъ сошелъ на землю.
Мимъ. Когда на сцену кесарь нашъ выходитъ,
Богиня краснорѣчія незримо
Вселяется во всѣ его слова,
Во всѣ его движенія.
Отпущенникъ [18]). Граждане!
Нашъ кесарь Неронъ выше всѣхъ боговъ:
Онъ весь Олимпъ въ себѣ соединяетъ!
Хвала ему!
Ф. Аферъ *(тихо Цесту).* Вотъ этотъ похвалилъ!
Отпущенникъ. Граждане! Кто построилъ новый Римъ?
Ф. Аферъ *(тихо).* А старый гдѣ [19])?
Отпущенникъ. Кто насъ поитъ и кормитъ?
Кому земля несмѣтныя богатства,
Зарытыя царицею Дидоной,
Въ теченіе столѣтій сохранила?
Въ чью пользу сновидѣнье указало
Сокрытый кладъ?
Ф. Аферъ *(тихо).* Лжетъ: клада не нашли,
И самъ сновидецъ съ горя удавился [20]).
Отпущенникъ. На всѣ мои вопросы отвѣчаю:
Онъ, онъ, ему, ему, въ его же пользу!..
Но предоставимъ болѣе достойнымъ
Исчислить всѣ достоинства его;
Забудемъ обо всѣхъ благодѣяньяхъ,
Оказанныхъ имъ Риму, или міру,
А упомянемъ только объ одномъ,
Что сами боги кесарю Нерону
Обязаны признательнымн быть.

(Торжественно оглядывается кругомъ. Всѣ молчатъ).

Давно ли намъ безвѣріе грозило?
Давно ли ложное ученіе съ Востока
Умы людей собою заражало?
На нашу почву пало злое сѣмя,
И деревомъ вѣтвистымъ разрасталось,
И тѣнь свою бросало на Олимпъ;
Но кесарь поднялъ страшную сѣкиру
И древо ядовитое срубилъ
До корня...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и А. Гиспо *выходитъ изъ толпы.*

А. Гиспо. А не вырвалъ съ корнемъ вонъ!
Ф. Аферъ. Опять закаркалъ этотъ черный воронъ!
А. Гиспо *(отпущеннику).* Я рѣчь твою, по долгу гражданина
И кесаря слуги, перебиваю.
Ты началъ говорить о христіанахъ [21])...
А знаетъ ли божественный нашъ кесарь,
Что христіане снова появились?

(Общее изумленіе).

Отпущенникъ. Гдѣ? Въ Римѣ?
А. Гиспо. Нѣтъ, подъ Римомъ... въ катакомбахъ.

(Толпа взволновалась. Изъ нея раздаются крики)

Какъ? Христіане! . . . . . .
. . . . . Губители младенцевъ!
Они наслали голодъ и болѣзни!
Зажгли нашъ Римъ!
Своей нечистой кровью
Преддверья нашихъ храмовъ осквернили!
Первый гражданинъ. Не можетъ быть: ихъ кесарь истребилъ.
Я видѣлъ самъ, какъ ихъ въ куски рубили...
Второй гражданинъ. Я видѣлъ, какъ ихъ вѣшали на крючьяхъ,
Какъ въ землю ихъ живыми зарывали.
Третій гражданинъ. Я видѣлъ, какъ, зашивъ въ медвѣжьи шкуры,
Ихъ псами пріученными травили.
Четвертый гражданинъ. Дѣйствительно, не можетъ это быть.
Мы помнимъ всѣ ту ночь, когда намъ кесарь
Для празднества открылъ свои сады
И освѣтилъ ихъ небывалымъ свѣтомъ;
Мы помнимъ, какъ, на кольяхъ и цѣпяхъ,
Живые факелы качались и горѣли:
То были нечестивцы - христіане!
Ихъ блекли въ туники смоляныя,
Пропитанныя сѣрою горючей,
Пробили кольями имъ шеи съ тыла
И, на цѣпяхъ поднявши вверхъ, зажгли...
Откуда же они опять явились?
Первый гражданинъ. Прибавь еще, что сами христіане

Искали мукъ и къ плахѣ собирались
Какъ мотыльки на свѣточъ.

А. Гиспо. Каждый вечеръ
Сгораетъ очень много мотыльковъ,
Но остается больше... Я не знаю, —
Откуда появились христіане —
Съ крестовъ, съ костра, изъ челюстей звѣрей,
Изъ нѣдръ земли, а можетъ-быть, изъ Рима;
Но христіане, или тѣни ихъ,
Сбираются вседневно въ катакомбахъ,
И ежели...

(Смолкаетъ и глядитъ на террасу Соранова дома. На террасѣ появляется Сервилія, въ сопровожденіи Антоніи и двухъ невольницъ. Въ рукахъ невольницъ кошницы цвѣтовъ. Покрывало Сервиліи откинуто назадъ; въ распущенные волосы вплетены крупныя нити жемчуга. Общая тишина. За сценой начинается священная музыка).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Сервилія, Антонія и невольницы.

Отпущенникъ *(къ Гиспо).* Ты что̀ же замолчалъ?

А. Гиспо *(указываетъ движеніемъ головы на террасу).* Кто это?

Отпущенникъ. Дочь сенатора Сорана,
Сервилія.

А. Гиспо. Молва не обманула:
Красавица!..

Отпущенникъ. Да... Скоро Гименей
Свой пламенникъ зажжетъ для этой нимфы
И для Тразеи.

А. Гиспо. Что̀ ты говоришь?
Онъ въ дѣды ей годится.

Отпущенникъ *(пожимаетъ плечами).* Это воля
Ея отца.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и конный глашатай, *въ рукахъ у него знамя Минервы съ бронзовой совой.*

Граждане, мѣста! мѣста!
Священная процессія идетъ!

(Народъ разступается во всѣ стороны и пестрымъ поясомъ охватываетъ форумъ. На свя-

щенной дорогѣ показывается шествіе канефоровъ. Впереди идутъ маститые старики съ оливковыми вѣтвями, за ними воины, вооруженные щитами и копьями; за воинами юноши и дѣти. Дѣвицы несутъ на головахъ священныя корзины; ихъ сопровождаютъ невольницы, однѣ съ опахалами и складными сѣдалищами, другія съ возліяльниками, наполненными водою и медомъ. За всей этой толпой слѣдуютъ музыканты, рапсоды и вооруженныя съ ногъ до головы плясуньи; за плясуньями движется корабль, на которомъ развѣвается легкій парусъ съ изображеніемъ побѣды Минервы надъ титанами. Корабль окружаютъ жрецы. При появленіи шествія, весь народъ падаетъ на колѣни; только старикъ попрежнему сидитъ неподвижно на скамьѣ. Гисно указываетъ на него отпущеннику, который утвердительно киваетъ головой. Шествіе близится медленно и обходитъ форумъ).

Хоръ. О, Аѳина-миродавица,
Дщерь Зевеса лѣпокудрая!
Благодарные народы
Про тебя сложили оды
И поютъ ихъ въ честь твою.
Олимпійская красавица,
Непорочная, премудрая!
Ты оливу прорастила,
Ты титановъ поразила
Въ сокрушительномъ бою.

(Поровнявшись съ домомъ Сорана, шествіе останавливается. Плясуньи, подъ звуки флейтъ, начинаютъ воинственную пляску, представляющую битву Минервы съ титанами. По окончаніи пляски, шествіе направляется къ храму Минервы, въ который слѣдуетъ положить парусъ священнаго корабля. Сервилія, Антонія и невольницы бросаютъ съ террасы цвѣты).

Хоръ. Мужи, старцы убѣленные,
Дѣвы, юноши стыдливые,
Всѣ твоей опоры просятъ,
Всѣ на жертвенникъ приносятъ
Тучныхъ агнцевъ и козлятъ.
Пріими дары смиренные,
Ниспошли намъ дни счастливые:

Да навѣки, Титанида,
Насъ побѣдная эгида
И копье твое хранятъ!

(Шествіе входитъ въ храмъ Минервы. Переждавъ послѣднихъ жрецовъ, отпущенникъ, Гиспо и нѣсколько человѣкъ подходятъ къ старику).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Старикъ, А. Гиспо, отпущенникъ, первый, второй, третій и четвертый граждане, Ф. Аферъ и Цестъ, Сервилія, Антонія и невольницы. Народъ.

Отпущенникъ. Посмотримъ, что̀ за странный человѣкъ?
(Указываетъ на старика).
Приросъ къ скамьѣ, какъ мохъ сѣдой къ утесу... *(Старику)*
Го! Старый Фавнъ! Ты умеръ, или живъ?
(Старикъ не перемѣняетъ положенія).

Первый гражданинъ. Не глухъ ли онъ?

Второй гражданинъ. Не слѣпъ ли?

Третій гражданинъ. Просто, дремлетъ.

А. Гиспо. Такъ разбудить!.. *(Подходитъ къ старику).*
Эй, полно спать: проснися!
Эй! *(Бьетъ старика по плечу).*

Старикъ *(поднимаетъ голову).* Я не сплю... *(Помолчавъ)*
Но сонъ тяжелый вижу!
(Величественно встаетъ со скамьи. Лицо его покрылось румянцемъ; глаза горятъ).

Четвертый гражданинъ *(дергаетъ Гиспо за одежду).*
Не тронь его; ты видишь: сумасшедшій!
(Гиспо боязливо отходитъ. Сервилія, намѣревавшаяся уйти, останавливается. Народъ начинаетъ толпиться около старика. Молчаніе).

Старикъ *(поднимаетъ глаза къ небу).* Благодарю тебя,
всесильный Боже!
Мой часъ насталъ... *(Къ народу)*
Зачѣмъ вы здѣсь, безумцы?
(Указываетъ посохомъ на удаляющееся шествіе).
Что̀ это за потѣха Вельзевула?

Второй гражданинъ. Онъ бредитъ... Что̀ такое онъ сказалъ?
Какого Вельзевула?

Старикъ. Сатаны!

Отпущенникъ. Онъ, вѣрно, варваръ: скиѳъ или пароянинъ.
(Старику)

Старикъ! Твои слова намъ непонятны:
Кто эти Вельзевулъ и сатана?

Старикъ. О, чада тьмы!.. Слѣпотствуя во мракѣ,
Рождаяся рожденіемъ грѣховнымъ
И смертію грѣховной умирая,
Не знаете отца грѣха и смерти!
Ходя въ грѣхѣ и рабствуя грѣху,
Вы своего не знаете владыки!

Отпущенникъ. Да это просто сумасбродный риторъ,
Или философъ-циникъ, какъ Деметрій. *(Старику)*
Старикъ, ступай себѣ своей дорогой...
Философовъ-пришельцевъ намъ не нужно:
И отъ своихъ приходится намъ тошно!

Ф. Аферъ. Зачѣмъ его тревожили?

А. Гиспо. Зачѣмъ?
Онъ спитъ, когда проходятъ канефоры.
Да и теперь зачѣмъ онъ говоритъ,
Что мы не знаемъ своего владыки?
Мы кесаря владыкой признаёмъ!

Старикъ. Владыка нашъ не кесарь — сатана,
Исконный врагъ добра и благодати;
Вы — воинство позорное его!

А. Гиспо. Вы слышите, граждане? Этотъ нищій
Поноситъ насъ и гласно уличаетъ
Въ измѣнѣ кесарю...

Старикъ. О, злое племя!

(Идетъ смѣлыми шагами къ водомету Діаны, Толпа передъ нимъ разступается).

Первый гражданинъ *(къ Гиспо).*
Оставь его: онъ точно сумасшедшій.
Никто въ разсудкѣ здравомъ не посмѣетъ
На форумѣ такъ дерзко говорить...
Не намъ судить, гдѣ боги осудили...

Старикъ *(останавливается).* Кто осудилъ?.. Какіе боги?.. Боги!
Ихъ нѣтъ, слѣпцы!
Одинъ есть Богъ Всесильный,
Вселенную и горній міръ создавый,
Но вы Его не знаете, безумцы!
Гдѣ ваши боги? Гдѣ они? *(Указываетъ на храмы)*
Въ кумирняхъ!
Въ притонѣ любострастныхъ, пресыщенныхъ
Виномъ и мясомъ жертвеннымъ жрецовъ...
Что ваши боги? Срамныя идеи

Разврата, лжи, убійства и корысти,
Боготворимо-чтимыя народомъ
Въ мѣди и въ камнѣ, въ образахъ безстыдныхъ,
Возникшихъ подъ рѣзцомъ и молоткомъ
Наемнаго ваятеля...
О, горе!
Вотъ до чего прельщеньемъ сатанинскимъ
Унизились и исказились люди,
Созданья, сотворенныя Всевышнимъ
По образу Его и по подобью!
Ихъ вѣра — грѣхъ! Ихъ боги — истуканы!
Прозрите ль вы душой, идоложерцы?
Вотъ ваши боги! *(Разбиваетъ посохомъ изваяніе Діаны).*
Мрамора осколокъ...

(Народъ, оцѣпенѣвшій на мгновеніе, схватываетъ каменья и съ яростнымъ воплемъ устремляется на старика. Сервилія вскрикиваетъ и закрываетъ лицо руками. За сценой слышны голоса:)

Трибунъ! Трибунъ Валерій!

(На форумъ влетаетъ колесница, окруженная конными воинами).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, воины и Валерій Рустикъ.

Валерій *(соскакиваетъ съ колесницы и бросается въ толпу).*
Что̀ такое?
Ножи! каменья!.. *(Указываетъ на старика)*
Что̀ за человѣкъ?

Сервилія *(подбѣгаетъ къ перилам террасы).* Трибунъ!

(Валерій быстро оборачивается. Взглянувъ на Сервилію, онъ едва удерживается отъ восклицанія и почтительно наклоняетъ голову).

Спаси несчастнаго безумца,
Не дай пролиться крови у порога
Сенатора Сорана!

Валерій *(къ народу).* Успокойтесь...

(Голосъ его слегка дрожитъ).

Не стыдно ли шумѣть, какъ будто галлы
Иль кимвры осадили Капитолій?..
Что̀ сдѣлалъ вамъ старикъ?

Народъ *(кричитъ).* Онъ святотатецъ!
Не признаётъ всеправедныхъ боговъ!

Кощунствуетъ!
Смѣется надъ жрецами!
Разбилъ кумиръ Діаны свѣтозарной!
Гляди!..

(Нѣсколько рукъ указываютъ на разбитую статую).

Валерій *(съ изумленіемъ смотритъ на старика, который все время стоялъ недвижимо и спокойно выжидалъ своихъ убійцъ).* Кто ты, безумецъ дерзновенный?

Старикъ. Я грѣшный рабъ Спасителя Христа.

(Въ народѣ раздаются бѣшеные крики:)

Христіанинъ!
Звѣрь!
Аспидъ ядовитый!
Каменьями!
Въ клочки его!

(Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ отпущенникъ и Гиспо, кидаются на старика).

Валерій *(громовымъ голосомъ).* Назадъ!

(Толпа останавливается; Аферъ и Цестъ подходятъ къ Валерію и становятся сзади его).

Забыли вы, что нѣтъ самоуправства?
Что только кесарь нашъ имѣетъ право,
Съ согласія сената и народа,
На жизнь и смерть? *(Воинамъ)* Возьмите старика!

(Воины исполняютъ его приказаніе и связываютъ старику руки. Народный ропотъ утихаетъ).

Валерій *(старику).* Послушай, нечестивый изувѣръ!
Тобою оскорбленная богиня
Пріяла образъ благородной дѣвы
И чистымъ словомъ непорочныхъ устъ
Спасла тебя на краткій мигъ отъ смерти,
Чтобы ты могъ раскаяться...

(Сервилія, краснѣя, опускаетъ покрывало и медленно удаляется съ своими провожатыми. Валерій бросаетъ на нее долгій взглядъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, кромѣ Сервиліи, Антоніи и невольницъ.

Валерій *(продолжаетъ).* Но знай:
Юпитеръ самъ простить тебя не можетъ.
Тебя ждетъ казнь.

Народъ *(кричитъ).* На висѣлицу!
Въ циркъ!
Подъ когти тигра!
Въ челюсти гіены!
На крестъ!
На раскаленную рѣшетку!

Старикъ *(радостно).* Идемъ скорѣй! Я жажду лютой смерти!
О, Господи! мнѣ, грѣшнику, дозволь
Сподобиться неслыханныхъ мученій,
Да видятъ эти жалкіе безумцы,—
Какъ сладко умирать христіанину,
Твое святое имя прославляя!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Термы Агриппы [22]).—Мраморная столовая о четырехъ іоническихъ колоннахъ. Потолокъ сведенъ въ ключъ, опускающійся виноградною кистью; бѣлыя стѣны увѣнчаны рельефнымъ карнизомъ. На задней стѣнѣ ниша о трехъ уступахъ, по которымъ бѣжитъ вода; по обѣимъ сторонамъ ниши статуи Гигіи и Бахуса. Правая и лѣвая стѣны столовой прорѣзаны высокими дверьми. По срединѣ сцены мозаиковый столъ на металлической ножкѣ, изображающей Сатира; вокругъ стола трапезная ложа, одѣтая пурпуровыми тканями. У лѣвой двери горка съ драгоцѣнными сосудами.—Столовая освѣщается множествомъ лампъ, привѣшенныхъ къ канделябрамъ. На треножникахъ курятся благовонія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Паконій, Сенцій, Монтанъ и Гельвидій.

Паконій *(указываетъ на столъ).* Замѣтьте, носъ придавленъ
у Сатира,
А сквозь волосъ просунулись рога:
Такое изваяніе Сатира,
По мнѣнію ученыхъ [23]), означаетъ,
Что этотъ козлоногій волокита,
Напившись, неудачно подрался
И подтвердилъ собою изреченье
Горація въ какой-то одѣ: vinum
In praelia inermen trudit.

Гельвидій. Sic!
Ужъ ты бы не цитировалъ поэтовъ:
Навѣрное, все спутаешь...

Паконій. Не спорю:
Быть-можетъ, я не такъ прочелъ стихи,
Но смыслъ остался все одинъ и тотъ же,
Что и добрякъ полѣзетъ спьяна въ драку.
Монтанъ. Однакоже, Паконій, попытайся
Безъ эпизодовъ продолжать разсказъ.
Паконій. Меня Гельвидій съ толку сбилъ стихами...
Я продолжаю... Мы остановились
На томъ, какъ я явился къ Мессалинѣ,
Чтобъ разузнать подробнѣй о доносѣ,
Какъ у нея я встрѣтилъ Капитона,
И какъ онъ мнѣ лицомъ своимъ напомнилъ
Курносаго Сатира...
Сенцій. Это такъ.
Но растолкуй намъ, почему Валерій
Самъ не хотѣлъ навѣдать Мессалины?
Паконій. Съ недавнихъ поръ Валерій самъ не свой:
На форумѣ и днюетъ и ночуетъ,
Сталъ блѣденъ, худъ, угрюмъ и молчаливъ,
Какъ жрецъ Изиды... Но, прошу вниманья!
Я позабылъ сказать, что Мессалина
Насъ принимала въ перистильномъ гротѣ,
Откуда, только передъ нами, вышелъ
Ваятель Главкъ: онъ лѣпитъ съ Мессалины,
Для кесаря, статую Амфитриты...
Представьте гротъ изъ накра и коралла,
Причудливо раскинувшаго вѣтви;
Въ вѣтвяхъ дробятся струйки водометовъ,
И впутались растенья водяныя;
Полъ зернью мелкихъ раковинъ усыпанъ
И золотымъ пескомъ изъ Хризорроя;
Представьте, въ благовонномъ полумракѣ,
На ложѣ, мхомъ искусственнымъ поросшемъ,
Обрызганномъ росинками жемчужинъ,
Въ вѣнкѣ изъ влажнолиственныхъ нарциссовъ,
Владычицу сѣдого Океана.
Она на свѣжемъ ложѣ приподнялась
И выжимаетъ воду изъ волосъ,
А волосы такъ мягки и волнисты,
Что, кажется, прольются сквозь персты
И утекутъ съ водою по помосту.
Богиня улыбается. Одежда
Прозрачными струями обливаетъ
Погибы легкотрепетнаго стана

И отбѣжала только отъ ноги,
Какъ пѣна бѣлой, смѣло обнаженной,
Во всей ея скульптурной красотѣ,
До самаго колѣна... Обаянье!
Въ глазахъ темнѣетъ...
Вотъ вамъ Мессалина!

Монтанъ. Ого, Паконій! Что̀ за краснорѣчье!
Не хочешь ли ты сдѣлаться тритономъ
Богини моря?

Паконій. И, трубя повсюду
О красотѣ ея, ловить муренъ,
Дорадъ и вкусныхъ устрицъ?.. Я согласенъ!
Но, кромѣ шутокъ, эта Мессалина
Такъ хороша, что смѣло можетъ быть
Преемницей Поппеи.

Сенцій. Не находка:
Римъ женскаго владычества не любитъ.

Паконій. Ты думаешь, что Мессалина можетъ
Напомнить соименницу свою [24])?
Нѣтъ, ты ея не знаешь... Мессалина—
Дитя весны и солнца, какъ мимоза:
Коснись ея все, чуждое цвѣтку,
Она свернетъ печально лепесточки
И только... Но придирчивый Монтанъ
Просилъ меня не дѣлать отступленій:
Я постараюсь кончить поскорѣе,
И потому...

(Входитъ Эгнатій).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Эгнатій.

Гельвидій. А вотъ и нашъ Эгнатій!

Монтанъ. Да будетъ твой приходъ благословенъ!
Поторопи Паконія разсказомъ:
Онъ насъ моритъ хвалами Мессалинѣ
И до сихъ поръ объ общемъ нашемъ дѣлѣ
Не началъ даже.

Паконій. О, неблагодарность!
Какъ опытный ораторъ, я хотѣлъ
Все разсказать, какъ слѣдуетъ, по пунктамъ;
Но ежели вы такъ нетерпѣливы,
Я обойдусь немногими словами.

Доносы Гиспо заключались въ томъ,
Что всѣ мы—злые стоики...

Монтанъ. Какъ ново!

Паконій. Что всѣ мы были близкими друзьями
Рубеллію, погибшему достойно
За умыслы преступные его;
Что мы любовь народную снискали
Въ намѣреньи, скрываемомъ усердно,
Но слишкомъ явномъ.

Сенцій. Это ужъ не шутки.

Паконій. Какія шутки! Если бъ Мессалина
Къ Валерію боязни не питала,
Мы были бъ всѣ обвинены сенатомъ
Въ измѣнѣ Риму... А потомъ... ты знаешь?

Сенцій. Ланцетъ... Благодаренье Мессалинѣ!

Эгнатій. Благодари не Мессалину, Цеста.

Сенцій. За что?

Эгнатій *(подаетъ ему свитокъ папируса).* Прочти вотъ этотъ свитокъ, Сенцій!

Сенцій. Я вечеромъ не вижу.

Монтанъ. Дай сюда:
Я прочитаю. *(Развертываетъ свитокъ и пробѣгаетъ его глазами).* Что это такое?
Послушайте! *(Читаетъ вслухъ)* «Преторіи префекту,
Софонію-Либеллѣ Тигеллину.
Я, римскій гражданинъ Авидій Гиспо,
По силѣ клятвы, мною принесенной
Предъ алтаремъ всеправедныхъ боговъ,
И долгу гражданина, объявляю,
Что римскіе сенаторы: Тразеа,
Соранъ, Монтанъ, Гельвидій и Паконій,
А также римскій юрисконсультъ Сенцій,
Трибунъ Валерій Рустикъ и кліенты
Его, граждане—Велоксъ, Цестъ и Мелла,
А больше всѣхъ отпущенникъ Эгнатій
И римскій гражданинъ Фульциній Аферъ,
Замыслили измѣну противъ Рима.
Все сказанное клятвой утверждая,
Могу представить должныя улики
На всѣхъ поименованныхъ. Авидій,
Авидія-Домиція сынъ, Гиспо».

Сенцій. Что это значитъ?

Эгнатій *(беретъ свитокъ у Монтана).* Значитъ, что Авидій,
Не положась вполнѣ на Мессалину

И не желая съ кѣмъ-либо дѣлиться,
Самъ намаралъ безграмотный доносъ.
Паконій. Но какъ же онъ къ тебѣ попался?
Эгнатій. Просто
И вмѣстѣ съ тѣмъ почти невѣроятно...
Авидій Гиспо, написавъ доносъ,
Отправился съ нимъ прямо къ Тигеллину
Сегодня, раннимъ утромъ. По дорогѣ
Онъ встрѣтилъ Цеста: тотъ его толкнулъ
Такъ ловко, что Авидій растянулся
На мостовой и выронилъ свой свитокъ.
Цестъ поднялъ. Гиспо, на ноги вскочивши,
Какъ кошка, прыгнулъ старику на грудь,
А Цестъ своей увѣсистой рукою
Сдавилъ ему неосторожно горло...
Гельвидій. И подушилъ доносчика порядкомъ?
Эгнатій. Сказать точнѣе: просто задушилъ.
Монтанъ. Какъ, до смерти?
Эгнатій. Нѣтъ... Гиспо прежде крикнулъ
И побагровѣлъ, а de facto умеръ
Потомъ уже... На крикъ его сбѣжались...
По счастію, я шелъ случайно мимо,
И Цестъ успѣлъ мнѣ свитокъ передать.
Паконій. Mehercule: забавная развязка!
Сенцій. Предназначенье праведной судьбы,
Которая доселѣ насъ хранила
И нынѣ не престала сохранять.
Гельвидій. Вопросъ: къ чему?.. Но гдѣ же нашъ спаситель?
Эгнатій. Кто, старый Цестъ? Покамѣстъ онъ въ темницѣ,
А послѣ, вѣрно, будетъ брошенъ въ циркъ.
Монтанъ. Намъ надобно спасать его скорѣе.
Паконій. А если не удастся?
Эгнатій. Самъ спасется...
Германика любимый ветеранъ,
Силачъ, отлитый съ волоса до ногтя
Изъ мрамора, конечно, не робѣя,
Подниметъ на рогатину тигрицу
И даже льва...
Сенцій. Я думаю, что кесарь,
Знатокъ и страстный посѣтитель цирка,
Не согласится выпустить изъ рукъ
Такого звѣробойца.
Паконій. Безъ сомнѣнья...
Я самъ, хотя люблю душевно Цеста,

Но, признаюсь, желалъ бы посмотрѣть
На схватку звѣря съ старымъ Геркулесомъ.

Монтанъ. Однако же попытка въ пользу Цеста
Необходима!

Паконій. Это наше дѣло.

Сенцій. Друзья мои, намъ должно хлопотать
О личной безопасности: сегодня
Спаслися мы, а завтра не спасемся.
Вы вспомните, что въ Римѣ мало Цестовъ,
А Гиспо много...

Эгнатій. Это справедливо.

Гельвидій. И даже такъ, что намъ пора принять
Послѣднія, рѣшительныя мѣры.
Желая правды, мира и добра,
Мы медлимъ непростительно: вседневно
Сбираемся для безполезныхъ преній
И, подавая поводъ для доносовъ,
Походимъ не на стоиковъ степенныхъ, —
На крикуновъ и жалкихъ сумасбродовъ.
Чего хотимъ мы? Свергнуть Тигеллина
И прекратить ехидные доносы [25]),
Что̀ высосутъ у Рима кровь изъ сердца.

Монтанъ. Не мы одни, весь Римъ того желаетъ.

Сенцій. Для этого намъ слѣдуетъ представить,
Что Тигеллинъ—корыстный временщикъ
И кесаря ликъ свѣтлый заслоняетъ
Своею мрачною фигурой отъ народа;
Что, грабя Римъ, тиранствуя надъ Римомъ,
Онъ, въ то же время, на него клевещетъ
И кесаря всечасно раздражает
Извѣтами на благородныхъ гражданъ,
Которые не только не виновны
Въ злыхъ умыслахъ, взводимыхъ Тигеллиномъ,
Но со̀знали и вѣрятъ неизмѣнно,
Что кесарь нашъ есть повелитель міра,
Глава его, душа его, зерцало,
Въ которомъ виденъ образъ божества.
Вотъ наша цѣль.

Паконій. И наши убѣжденья
Согласны съ этой цѣлію; но какъ же
Достичь ея?

Гельвидій. Иди прямой дорогой.
Эгнатій намъ составитъ протоколъ,
А мы его подпишемъ, обязуясь

Предъ кесаря предстать съ глаголомъ правды
И умолять, отъ имени всѣхъ римлянъ,
О пресѣченьи зла и безпорядковъ,
Производимыхъ дерзкимъ Тигеллиномъ.
Согласны вы?

Паконій, Сенцій и Монтанъ. Согласны.

Эгнатій. Но Валерій,
Соранъ, Тразеа?

Паконій. Неужели можно
Въ нихъ сомнѣваться?

Эгнатій. Кто же сомнѣвался?
Я только вамъ хотѣлъ про нихъ напомнить.

Гельвидій. Понятно, что во всякомъ общемъ дѣлѣ
Согласье нужно общее.

Монтанъ. Итакъ,
Теперь мы всѣ рѣшилися?

Сенцій. Рѣшились.

Гельвидій. Пиши, Эгнатій, кратче, но сильнѣе,
А главное, яснѣе.

Эгнатій. Постараюсь.

Паконій. Позвольте предложить одинъ вопросъ:
Все сказано?

Сенцій. Все.

Паконій. Стало-быть, мы можемъ
Покончить дѣловые разговоры.
Благодаря судьбѣ, мы торжествуемъ:
Избавились отъ гнуснаго доноса,
Рѣшилися, какъ дальше поступать,
И слѣдовательно обязаны немедля
Принесть богамъ горячія молитвы
И возліянья...
Вы не позабыли,
Что я, предвидя счастливый конецъ,
Васъ пригласилъ отпраздновать удачу
Трапезою?..

Гельвидій. Добился своего!

Монтанъ. Но мы не всѣ здѣсь налицо.

Паконій. Валерій
Наврядъ придетъ.

Монтанъ. А твой философъ-циникъ?

Паконій. Деметрій [26]) такъ же точенъ, какъ тѣнникъ
На солнечныхъ часахъ, и посмотрите,
Что скоро самъ войдетъ къ намъ длинной тѣнью.

Гельвидій. Пусть входитъ: тѣнь для термъ необходима.

Паконій. Да, кстати! Догадался ли вы,
Зачѣмъ я нынче выбралъ эти термы?
Монтанъ. Загадка сфинкса!
Паконій. Кто жъ Эдипомъ будетъ?
Эгнатій. Пожалуй, я: здѣсь, вѣрно, новый поваръ?
Паконій. О, мудрый мужъ! ты выше всѣхъ похвалъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. *Входитъ* **Деметрій**. *На немъ худая мантія; въ рукахъ посохъ; за спиной сума.*

Деметрій *(останавливается у двери и ограждаетъ глаза рукою).*
Туда ли я по слѣпотѣ зашелъ?
Паконій звалъ меня на скромный ужинъ,
А здѣсь — дворецъ и пиръ...
Паконій *(идетъ ему навстрѣчу)*. Умилосердись
И не громи укорами своими
На этотъ только вечеръ...
Деметрій *(ставитъ въ уголъ посохъ)*. Я молчу.
Паконій. Позволь тебя съ друзьями познакомить.
Ты съ Сенціемъ и молодымъ Монтаномъ
Знакомъ уже?.. *(Указываетъ на Гельвидія и Эгнатія)*
Вотъ—это зять Тразеи,
Сенаторъ и пріятель мой Гельвидій,
А это вотъ — Эгнатій, римскій стоикъ...
Онъ выросъ въ домѣ стараго Сорана,
Воспитанъ и любимъ имъ, какъ родной.
Деметрій. Благодарю за новое знакомство:
Оно меня вполнѣ вознаградитъ
За твой обманъ.
Паконій. О, ради Діогена,
Не упрекай! Я такъ тебя боюся...
Гельвидій. Твой страхъ понятенъ для меня, Паконій!
Ну, если намъ докажутъ, что не должно
Ни ѣсть ни пить?
Паконій *(хватаетъ себя за голову)*. Me miserum! скорѣе,
Скорѣй за столъ! *(Ударяетъ въ ладоши)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. *Въ дверяхъ показываются рабы съ возліяльниками, блюдами и вѣнками.*

Паконій. Прошу возлечь на ложа
Ad libitum. За дружеской трапезой

Почетныхъ мѣстъ существовать не можетъ:
Всѣ равныя!

(Собесѣдники возлегаютъ. Рабы, надѣвъ имъ на головы пиршественные вѣнки, подаютъ сосуды съ водою и длинные платы).

Паконій *(отираетъ руки)*. Свершая омовенье,
Прилично, кажется, сказать два слова
О предстоящей трапезѣ. Межъ нами,
Обычные состольники мои,
Есть новый гость и строгій порицатель
Всѣхъ жизненныхъ удобствъ: в разумѣю
Деметрія. Желая угодить
Его суровымъ правиламъ и вкусу,
Я заказалъ сегодня легкій ужинъ
На образецъ аѳинскаго: въ немъ будетъ
Не болѣе трехъ скромныхъ перемѣнъ.

Деметрій. Не болѣе?.. Забавно!.. Я увѣренъ,
Что, ежели я попрошу тебя
Исчислить блюда первой перемѣны,
Ты будешь въ затрудненіи.

Паконій. Нисколько.
Намъ подадутъ немного свѣжихъ устрицъ
Да раковинъ, поджаренныхъ въ золѣ,
Павлиньи яица, свиныя ножки,
Свиное вымя съ уксусомъ и тминомъ,
Медвѣжью печень, голову ягненка...
Ну, что̀ еще?.. Телячьи потроха,
Съ подливкою изъ масла и горчицы,
Да птичекъ въ соусѣ горячемъ,
Да... вотъ и все... Прибавочныя снѣди
Я не считаю: это ужъ бездѣлка!
Кусочки брюквы, въ уксусѣ вареной,
Поджаренная въ маслѣ чечевица,
Сыръ, стрекозы, оливы изъ разсола,
Улитки, раки...

Деметрій. Пощади, Паконій!

Монтанъ *(Деметрію)*. Ты, кажется, невѣрно разсчиталъ,
Что у него плохая память?

Деметрій. Правда...
Я не дивлюсь способности римлянъ
Ничѣмъ не брезгать, но дивлюся крайне
Вмѣстимости желудка ихъ.

Паконій. А я

Дивлюсь тому, какъ греческій философъ
Не постигаетъ таинства науки,
Преподанной его же земляками,
Учеными, поэтами...
Но время,
Трапезные начатки отдѣливъ
Для алтаря Діаны свѣтозарной,
Наполнить кубки искрометнымъ сокомъ
И тихую бесѣду повести
За вечерей. *(Рабамъ)*
Готовьте возліянья!

(Рабы уносятъ сосуды съ водой и совершаютъ возліянія передъ серебряной статуей Діаны, поставленной на серебряномъ подносѣ. Столъ покрывается разнородными кушаньями. Виночерпій наливаетъ изъ кратэры тяжелый кубокъ и подаетъ его колѣнопреклоненно Паконію).

Паконій *(принимая кубокъ)*. Благословите, Гигія и Бахусъ [27])!
(Отпиваетъ кубокъ и передаетъ его Деметрію).
Хіосское, — и перваго разбора!

(Кубокъ обходитъ всѣхъ пирующихъ; за ними становятся рабы и прислуживаютъ имъ во все время ужина).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Архимагиръ [28]) *съ золотымъ блюдомъ; на немъ закрытыя устрицы. Онъ подходитъ къ* **Деметрію.**

Паконій *(Архимагиру)*. Что это значитъ: устрицы закрыты?
Архимагиръ. Онѣ прикрыты только, благородный
Паконій!
Паконій. Для того, чтобъ сохранить
Въ нихъ ароматъ и свѣжесть?...
Понимаю.

(Архимагиръ обноситъ устрицы; гостямъ подаютъ тарелки и заостренныя съ одного конца золотыя ложки).

Деметрій *(открываетъ раковину)*. Ого!.. смотрите, въ раковинѣ жемчугъ.
Гельвидій. И у меня!
Монтанъ. И у меня.
Эгнатій. У всѣхъ.
Сенцій. Паконій, эта роскошь выше мѣры!

Какъ можно бросить тысячи сестерцій
На обыдённый ужинъ?

Паконій. Что̀ за шумъ
Изъ-за пригоршни жемчугу дрянного!..
Я, впрочемъ, не причастенъ ничему:
Во всемъ виновенъ торопливый поваръ. *(Архимагиру)*
Откуда жемчугъ?.. Отвѣчай, мошенникъ!

Архимагиръ *(становится на колѣни).* Такой уловъ... Прости великодушно.

Паконій. Встань: я тебя прощаю. Это блюдо *(Архимагиръ встаетъ)*
Возьми себѣ, а эти черепки,
Насыпанные зернами, тотчасъ же
Отнесть моимъ гостямъ любезнымъ на домъ.

Гельвидій. Паконій!..

Паконій. Тс! Теперь я вашъ диктаторъ
И запрещаю прекословить мнѣ. *(Рабамъ)*
Подать намъ свѣжихъ устрицъ, а ритоны [29])
Налить ѳазосскимъ съ аравійской миррой. *(Гостямъ)*
По каплѣ нектаръ Ѳазоса впивая,
Мы будемъ слушать музыку...

(Рабы подносятъ устрицъ на финифтяныхъ блюдахъ и подаютъ гостямъ питейные рога).

Монтанъ!
Ты не споешь вакхическаго гимна?

Монтанъ. Нѣтъ, не могу: не въ голосѣ!

Паконій. Досадно!..
Скажи хоть рѣчь въ честь бога винограда.

Монтанъ. Уволь, Паконій, отъ рѣчей!..
А хочешь,
Я постараюсь кое-какъ припомнить
Стихотворенье одного поэта...

Паконій. Безъ имени?

Эгнатій. Мы, впрочемъ, догадались.

Паконій. Читай же намъ подъ музыку.

Монтанъ. Пожалуй...

(Паконій ударяетъ два раза въ ладоши. За сценой слышатся тихіе звуки флейты).

Монтанъ *(декламируетъ).* «Вакхъ вѣчно-юный! Я днесь на алтарь твой набросилъ
Вѣтвей зеленаго лавра и, агничій тукъ возложивши,
Облилъ пурпурнымъ виномъ и возжегъ тебѣ скромную жертву.

Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о, сынъ свѣтлоокой Семелы!
Чужды мнѣ были и пѣсни селянъ, собиравшихъ
Съ лозъ виноградныхъ прозрачно-янтарные грозды,
Чужды мнѣ были и рѣзвыя игры вакханокъ:
Жилъ я безъ цѣли, пока не видалъ Эвриноны.
Сидя недавно подъ сѣнью оливовой рощи,
Скрытый пахучимъ наметомъ вѣтвей остролистыхъ,
Слушалъ я оргіи шумной далекіе клики.
Вдругъ предо мною, еленицѣ стройной подобна,
Легкой, беззвучной стопою прошла Эвринона.
Быстрая пляска и сокъ виноградный ее утомили:
Тихо склонилась она на траву и заснула
Сномъ непробудно-глубокимъ, но жарко-тревожнымъ.
Млѣя отъ страсти, я видѣлъ, какъ тирсъ изъ руки ея выпалъ,
Какъ, постепенно скользя изъ-подъ тигровой кожи,
Млечной волной выбѣгали упругія плечи,
Какъ прикипали къ горячимъ ланитамъ рѣсницы,
Какъ раскрывались уста и манили лобзанья...
Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о, сынъ свѣтлоокой Семелы!»

Сенцій. Стихи не дурны, только не по мнѣ:
Я не любитель греческихъ вакханокъ
Съ ихъ тирсами и тигровою кожей.
Ну, то ли дѣло римскія менады [30])?
Увертливы, какъ птички полевыя,
Обнажены подъ тонкою небридой,
Съ запястьями на трепетныхъ рукахъ,
Съ обѣтами во взорахъ раскаленныхъ,
Съ тимпаномъ надъ кудрявой головою...
Глядѣлъ бы вѣкъ!

Паконій *(ударяетъ три раза въ ладоши).*
Да вотъ онѣ: гляди!

(За сценой раздается веселая музыка: въ столовую вбѣгаетъ нѣсколько менадъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и менады.

(Начинается пляска.—Менады, сцѣпясь руками, носятся по сценѣ, разбѣгаются, сходятся, опять разбѣгаются. Посерединѣ остается одна менада. Не двигаясь съ мѣста, словно прикованная къ по-

мосту, она извивается, какъ змѣя; каждая фибра ея тѣла дрожитъ подъ музыкальный тактъ тимпана; движенія становятся быстрѣе и быстрѣе, и вдругъ она вся перекидывается назадъ и замираетъ въ томительной позѣ. Но это одинъ мигъ: менада порвала цѣпь и кружится по сценѣ. Гости рукоплещутъ.—Въ то время, какъ все вниманіе пирующихъ привлечено плясуньями, за сценой раздается шумъ, шаги бѣгающихъ людей и наконецъ крики:)

Пожаръ! Пожаръ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. *Въ столовую вбѣгаетъ запыхавшійся рабъ.*

Рабъ. Горитъ библіотека!

(Пляска прекращается. Общая суматоха. Менады суетятся; рабы забираютъ сосуды, столовую утварь и приборы. Тѣ и другія толпою устремляются къ правому выходу, тѣснятся, давятъ другъ друга и уходятъ въ двери. Нѣсколько лампъ угасаетъ отъ движенія воздуха. Шумъ за сценой становится сильнѣе.—Пирующіе спокойно остаются на ложахъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ рабовъ и менадъ.

Паконій. Мнѣ кажется, мы всѣ неторопливы,
И слѣдственно допить ритоны можемъ. *(Допиваетъ ритонъ).*
Я не кричалъ нарочно на рабовъ:
Мерзавцы перебили бы амфоры
И ужинъ намъ испортили бъ совсѣмъ...
Теперь онъ цѣлъ! Надѣюсь, вы зайдете
Ко мнѣ?

(Сквозь лѣвую дверь начинаетъ пробиваться дымъ. Паконій указываетъ на него рукой).

Однакожъ сильно пахнетъ дымомъ:
Пора уйти.

(Встаетъ и идетъ къ дверямъ; другіе слѣдуютъ его примѣру).

Деметрій *(Паконію).* Я полагалъ, что ты
Безъ ужина останешься сегодня,
И что за твой сегодняшній обманъ
Тебѣ отмститъ, по крайней мѣрѣ, случай.
Эгнатій *(подходитъ къ дверямъ).*
Наврядъ ли случай: двери заперты.
Сенцій. Какъ такъ?
Эгнатій. Замкомъ.
Гельвидій. Что жъ это? западня?
Монтанъ. Насъ сжечь хотятъ?
Эгнатій. Сгорѣть намъ будетъ трудно,
А задохнуться можемъ.
Монтанъ. Постучись же:
Намъ отопрутъ.
Эгнатій *(прислушивается у дверей).*
Не тотъ ли, кто насъ заперъ?
Повѣрьте, это дѣло Тигеллина...
И за дверями никого не слышно...
Гельвидій. Что жъ дѣлать?
Паконій. Выбить, если можно, двери,
Пока не спохватились...
Эгнатій. Не трудися:
Со мной есть ключъ отъ всякаго замка.
(Вынимаетъ изъ-подъ тоги главный ключъ).
Но тише, тише...
(Осторожно отворяетъ двери и просовываетъ въ нихъ голову). Никого... Бѣгите!
Паконій. Эгнатій! Ты спасаешь насъ вторично:
Чѣмъ мы тебѣ отплатимъ!
Эгнатій. Я спасаю
Не васъ — себя...
(Всѣ постыдно уходятъ. Сцена пуста. Дымъ густѣетъ. Черезъ нѣсколько времени Эгнатій возвращается, подбѣгаетъ къ статуѣ Гигіи и ударяетъ два раза по ея подножію. Статуя сдвигается съ мѣста и открываетъ потаенную дверь; въ двери показывается Тигеллинъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Эгнатій, Тигеллинъ.

Эгнатій *(цѣлуетъ полу Тигеллиновой тоги).*
Будь вѣкъ благополученъ
И счастливъ, благородный Тигеллинъ!

Тигеллинъ *(входитъ въ столовую).* Гдѣ стопки?
Эгнатій. Я думаю, ужъ дома.
Тигеллинъ. Все удалося?
Эгнатій. Лучше, чѣмъ я думалъ.
Чтобъ одурачить этихъ мудрецовъ,
Довольно было ссоры двухъ плебеевъ,
Немного шума и немного дыма.
Тигеллинъ. Какъ и всегда, ты выдумалъ прекрасно.
Одна стрѣла въ двѣ цѣли угодила:
И термы можно будетъ перестроить
По плану и желанію Нерона...
Эгнатій. И стопки попалися намъ въ руки.
Тигеллинъ. Теперь ты твердо убѣжденъ въ успѣхѣ?
Эгнатій. Теперь они мнѣ жизнь свою довѣрятъ:
На-дняхъ я имъ составлю протоколъ,
И всѣ они подпишутся...
Тигеллинъ. Объ этомъ
Ты дома мнѣ подробнѣе разскажешь.
Скажи мнѣ лучше о самомъ себѣ,
Но только откровенно, понимаешь?
Эгнатій. Я не могу передъ тобой таиться.
Тигеллинъ. Безъ цѣли ты мнѣ преданъ быть не можешь.
Ты не тщеславенъ, вовсе не корыстенъ...
Что жъ придаетъ тебѣ такія силы?
Какая страсть твой разумъ окрыляетъ?
Месть?.. Жажда власти?.. Ненависть?..
Эгнатій *(наклоняетъ голову).* Любовь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Перистиль въ домѣ Сорана. Шестнадцать колоннъ, связанныхъ легкими арками, образуютъ на мраморномъ помостѣ перистиля правильный четыреугольникъ. На арки наброшенъ навѣсъ изъ цвѣтущаго плюща. Посрединѣ четыреугольника сажалка, выложенная мраморомъ и отѣненная кустомъ жасмина; по угламъ — четыре водоема; у одного изъ нихъ бронзовая фигура лани, пьющей воду. Въ промежуткахъ колоннъ вазы и статуи. Перистиль обнесенъ грядками цвѣтовъ; на заднемъ планѣ онъ отдѣляется трехступеннымъ порогомъ отъ уборной, задернутой занавѣсомъ. Справа и слѣва — надворныя стѣны дома съ выступами, украшенными живописью. Между выступовъ, направо, двѣ занавѣшенныя двери въ библіотеку и спальню, налѣво одна дверь въ божницу, другая въ пріемную.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сервилія *сидитъ подъ жасминнымъ кустомъ. Она въ голубой туникѣ безъ рукавовъ и безъ покрывала; черные волосы лежатъ на ея головѣ тяжелой косой, пронзенной золотой стрѣлою; въ рукахъ у нея длинный списокъ. Сервилія задумалась и играетъ стеблемъ цвѣтка въ водѣ сажалки. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сервиліи* **Антонія** *за прялкой и четыре невольницы, занятыя шитьемъ.*

Антонія *(прядетъ).* Въ былое время римскія матроны
Любили заниматься рукодѣльемъ
И въ атріумъ сбирались ежегодно,
Чтобъ ткать и шить смиренныя одежды
И слушать пѣсни тихія невольницъ.
Теперь не тѣ обычаи и нравы:
Съ утра тѣснятся въ атріумѣ гости,
Да паразиты, да толпа кліентовъ,
А римскія матроны не умѣютъ
И въ руки взять иглы иль челнока
Дѣвицы благородныя стыдятся
Веретена и прялки, позабывши,
Что пряжею богини не гнушались,
А за тканье...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Эгнатій.

Эгнатій *(выходитъ при послѣднихъ словахъ изъ пріемной).*
До смерти убивали.

Антонія *(тихо).*
Всегда съ насмѣшкой... дерзкій недовѣрокъ!

Эгнатій *(подходитъ къ Сервиліи и низко кланяется).*
Сервилія! да свѣтитъ это утро
Привѣтною улыбкою боговъ
Твоимъ очамъ небесновиднымъ.

Сервилія *(отвѣчаетъ на его поклонъ легкимъ движеніемъ головы).* Salve!

Эгнатій. Родитель твой прислалъ тебѣ сказать,
Что онъ съ тобой поговорить желаетъ
И проситъ подождать его немного
Здѣсь, въ перистилѣ.

Сервилія *(не поднимая глазъ).* Жду нетерпѣливо
Безцѣннаго родителя.

Эгнатій *(пристально поглядѣвъ на Сервилію, отходитъ къ Антоніи).* Дозволь,
Почтенная Антонія, замѣтить,
Что ты меня превратно понимаешь...
Упомянувъ о праведныхъ богиняхъ,
Я намекнулъ на древнее преданье,
Хранимое религіею нашей:
Изволь сама припомнить, какъ Минерва,
Завидуя искусству Арахнеи,
Во гнѣвѣ, челнокомъ ее убила,
А остальные праведные боги
Рѣшили обезсмертить Арахнею
И тутъ же обратили въ паука!
Вотъ видишь ли: я вѣрю и дивлюся
Величію и мудрости боговъ,
А ты меня считаешь недовѣркомъ!..

(Пожимаетъ плечами и уходитъ въ пріемную).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же кромѣ Эгнатія.

Антонія. Слухъ кошачій и кошачья душа.

Сервилія *(встаетъ съ мѣста).*
Кормилица! оставь его въ покоѣ
И не сердись: его отецъ мой любитъ.

(Бросаетъ цвѣтокъ и подходитъ къ Антоніи).

Позволь мнѣ поработать за тебя:
Я докажу, что римскія дѣвицы
Не всѣ стыдятся говорливой прялки
И прясть умѣютъ.

Антонія. Милое дитя!
Да развѣ ты на остальныхъ похожа?
Родитель твой воспитывалъ тебя
Въ смиренномъ благочестіи... Недаромъ
Ему наука разумъ просвѣтила:
Онъ сердце нѣжной женщины вмѣстилъ
Въ груди могучей твердаго мужчины
И волю непреклонную отца
Смягчилъ любовью матери, которой
Ты сызмала лишилась. *(Складываетъ руки)*
Веселися
Въ Элизіумѣ, праведная тѣнь!

Сервилія. Я не знавала матери моей,

Но ты ее собою замѣнила,
Любимая Антонія моя! *(Цѣлуетъ Антонію).*

Антонія. Я?.. Нѣтъ, моя Сервилія! Напрасно
Ты думаешь, что я тебя растила:
Все твой отецъ. Онъ взялъ меня изъ праха,
Онъ душу мнѣ очистилъ и покрылъ
Сосудъ скудельный яркой позолотой.
Я... я была орудіемъ бездушнымъ
Въ рукахъ у вертоградаря, который
Ухаживалъ за молодымъ растеньемъ...
И вотъ былинка листья распустила
И развилась въ цвѣтокъ благоуханный...

Сервилія *(съ упрекомъ).* Антонія!.. Позволь, я сяду прясть.

Антонія *(встаетъ).* Садись, моя привѣтливая нимфа!
Развеселися: ты грустна сегодня
И вовсе не похожа на невѣсту.

Сервилія. Не называй невѣстою меня:
Мнѣ въ этомъ словѣ слышится разлука
Съ моимъ отцомъ.

Антонія. Изволь, я перестану... *(Невольницамъ)*
Возьмите лиру! Будемъ вторить пѣсней
Работѣ нашей юной госпожи.

(Одна изъ невольницъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ невольницы. *Сервилія садится за прялку.*

Антонія. Поистинѣ, разумно говорится,
Что клевета, какъ мошка, незамѣтно
Въ щель проползетъ... Ты чище голубицы,
А на тебя клевещутъ злые люди...
Дня три тому я встрѣтила рабыню
Сосѣдки нашей Силіи [31]), Аллею:
Съ ней госпожа обходится жестоко
И при себѣ въ уборной истязуетъ
За каждую бездѣлку: за пылинку
На зеркалѣ, за погнутую шпильку,
За волосокъ, отставшій отъ кудрей.
Аллея мнѣ за тайну говорила,
Что Силія тебя при всѣхъ поноситъ
И называетъ наглою дѣвчонкой,
Которая гуляетъ по террасамъ
И въ разговоръ съ мужчинами вступаетъ.

Сервилія. Какія рѣчи низкія! Не вѣрю,

Чтобы вдова сенатора могла
Такъ говорить.

Антонія. Аллея увѣряетъ,
Что Силія всѣмъ сердцемъ ненавидитъ
Тебя за встрѣчу съ молодымъ трибуномъ
Валеріемъ...

Сервилія *(краснѣетъ и начинаетъ прясть).*
Я слушать не хочу
Про эту злую женщину...

(Входитъ невольница съ лирой).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и невольница.

Сервилія *(Антоніи).* Вели
Невольницамъ запѣть скорѣе пѣсню:
Пусть отдохнетъ мой оскорбленный слухъ
На тихостройномъ ритмѣ...

Антонія *(невольницамъ).* Начинайте!

Хоръ. Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебристыя!
Мы кудели напрядемъ,
Мы основу наснуемъ,
Станемъ брачныя туники
Ткать для юной Эвридики.

(Сервилія вздрагиваетъ и перестаетъ прясть).

Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебристыя!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Соранъ *выходитъ изъ пріемной, подходитъ потихоньку къ Сервиліи и цѣлуетъ ее.*

Сервилія *(встаетъ и обнимаетъ Сорана).* Carissime!

Соранъ. Ты—истая квиритка:
Прядешь подъ пѣсню мамки и невольницъ.

Сервилія. Мнѣ было грустно...

Соранъ. Молодымъ дѣвицамъ

И грустно передъ радостью.

(Машетъ рукой Антоніи и невольницамъ)

Уйдите!

(Антонія и невольницы уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Соранъ, Сервилія.

Соранъ *(отходитъ съ Сервиліею на авансцену).*
Сервилія! Ты знаешь, что подъ старость
Судьба меня утѣшила нежданно
Почетнымъ предложеніемъ Тразеи,
Учителя и друга моего? *(Сервилія молчитъ).*
Ты знаешь, что Тразеа удостоилъ
Тебя своимъ вниманьемъ и желаетъ
Назвать супругой?
Что̀ же ты молчишь?

Сервилія *(тихо).* Я знаю...

Соранъ. Время смутное настало;
Гоненія и ложные доносы
Распространили повсемѣстный ужасъ.
Хоть истина должна сразить неправду,
Но скоро ли?.. Доселѣ достоянье
И жизнь гражданъ висятъ на волоскѣ...
Я старъ и хилъ... тебѣ нужна опора
Такая, какъ Тразеа: цѣлый Римъ
Съ него беретъ примѣръ и подражаетъ
Его рѣчамъ, пріемамъ и осанкѣ.
Тразеи имя—символъ благородства,
И мудрости, и твердости геройской;
Поэтому я пригласилъ Тразею,
Чтобъ кончить дѣло—чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше
Приготовляйся къ брачному обряду.

Сервилія. Отецъ!.. послушай... Охъ, какъ тяжело!
Послушай... Неужель тебѣ не жалко
Съ Сервиліей твоею разставаться?
Я молода... Давно ли я надѣла
Дѣвичью столу?.. Дай мнѣ подышать
Твоей любовью и безпечной волей!

Соранъ. Сервилія! Стыдися отвѣчать
Словами неразумнаго ребенка
На рѣчи задушевныя...

Сервилія. Постой!
Ложь устъ моихъ еще не оскверняла.

Передъ тобой я разрываю грудь
И обнажаю трепетное сердце:
Гляди въ него!.. Ты мудръ и прозорливъ;
Гляди въ него! Ты видишь ли, какъ крѣпко
Его тоска холодная сжимаетъ?
Предчувствіемъ бѣды неотразимой,
Сомнѣньями и неотступной думой
Моя душа тревожная полна...
Ты знаешь ли? Меня и днемъ и ночью
Преслѣдуетъ повсюду чудный призракъ:
Ты помнишь, тотъ старикъ-христіанинъ...
Онъ весь въ крови: но взоръ его сверкаетъ
Величіемъ святого вдохновенья.
Онъ на меня привѣтливо глядитъ
И на небо рукою указуетъ!..

Соранъ. Утѣшься: твой загадочный фанатикъ
Исчезъ вчера изъ городской тюрьмы,
И не одинъ... Измучивъ на допросѣ,
Его, полуживого, опустили
Въ темницу и сковали вмѣстѣ съ Цестомъ;
Цестъ перервалъ заржавленныя цѣпи
И, выломавъ оконную рѣшетку,
Унесъ на мощныхъ плечахъ старика.
Должно-быть, ночью онъ пробрался къ Тибру
И переплылъ его съ христіаниномъ
По близости Фабриціева моста...
По крайней мѣрѣ полусонный сторожъ
Замѣтилъ, какъ на лѣвомъ берегу
Приподнялась громадная фигура
Съ какой-то ношей... И теперь твой призракъ,
Конечно, рыщетъ въ Галлинарскихъ дебряхъ
Съ полсотнею такихъ же побродягъ.

Сервилія. Онъ спасся! Да хранитъ его Юпитеръ!

Соранъ. Вотъ точно такъ, повѣрь мнѣ, убѣгаютъ
Всѣ призраки изъ костяной темницы,
Что̀ люди называютъ головой.
Когда они исчезнутъ, въ ней зажжется
Свѣтильникъ яркій разума... И ты
Его лучами также озаришься,
Назвавшися супругою Тразеи.

Сервилія. Не поминай мнѣ имени Тразеи:
Межъ нимъ и мной стоитъ уже не призракъ.
Да!.. я должна во всемъ тебѣ признаться.
Мнѣ кажется...что я люблю... другого... *(Падаетъ на колѣни).*

Отецъ! убей и прокляни меня —
Или спаси и вырви страсть изъ сердца!

Соранъ *(поднимаетъ Сервилію).* Безумное, безумное дитя!
Ты словъ своихъ сама не понимаешь.
Ты любишь?.. Да любовь и страсть — химера,
Любовь — недугъ прилипчивый души:
Чтобы ему развиться, нужно время,
И отъ него лѣкарство — то же время.
Ты не могла любовью заразиться,
Любить еще не можешь, и не любишь.

Сервилія. Я не могла? я не могу любить?
Я не люблю?.. *(Подбѣгаетъ къ Сорану).*
Не смѣйся надо мною
И пожалѣй Сервилію твою!
Спаси меня! спаси меня!..

(Припадаетъ къ Сорану на плечо головой и рыдаетъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ. Сенаторъ
Тразеа.

Соранъ. Попроси его сюда.
(Рабъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Соранъ, Сервилія.

Соранъ. Сервилія, отри пустыя слезы!

Сервилія. Отецъ, для пепла матери моей,
Не погуби дитя свое родное!..

Соранъ *(строго).* Сервилія! я даромъ словъ не трачу!
Сегодня же судьба твоя рѣшится...
Одѣнься и скорѣе приходи.

Сервилія *(гордо приподнимаетъ голову).* Приду.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается)
А ты, отецъ, скажи Тразеѣ,
Что дочь твоя Сервилія клянется
Не быть его женою никогда! *(Уходитъ въ уборную).*

Соранъ *(съ изумленіемъ смотритъ ей вслѣдъ).*
Нѣтъ! это — не ребяческій порывъ,
А боль души истерзанной... Ужели

Инстинктъ сильнѣе разума и воли?..

(Изъ пріемной выходятъ Тразеа и Эгнатій).

ЯВЛЕНІЕ X.

Соранъ, Тразеа, Эгнатій. *Въ рукахъ у Эгнатія свитокъ, чернильница и тростниковое перо.*

Соранъ *(идетъ навстрѣчу Тразеѣ).* Ты застаешь меня въ недоумѣньи:
Я предложилъ себѣ одинъ вопросъ
И разрѣшить его не въ состояньи.

Тразеа *(пожимаетъ руку).* Намъ многое придется разрѣшить,
Мой старый другъ!

Соранъ. И разрѣшить скорѣе.

Тразеа. Да! каждый день и каждый часъ намъ дорогъ,
А время, *этотъ образъ подвижной*
Недвижной вѣчности, летитъ на крыльяхъ...

Соранъ. Тебѣ читалъ Эгнатій протоколъ?

Тразеа. Я самъ прочелъ: составленъ онъ искусно,
Но двѣ-три фразы—болѣе чѣмъ рѣзки.

Эгнатій. Въ прошеніи ихъ можно и смягчить.

Тразеа. Такъ: но, пока напишется прошенье,
Скрѣпленный всѣми нами протоколъ
Останется такой живой уликой,
Что Тигеллинъ за каждую строку
Заплатитъ грудой золота... А впрочемъ,
Считай мои слова за *nota-bene:*
Я первый подпишусь на протоколѣ.

Эгнатій. Зачѣмъ же? Я составлю лучше новый.

Тразеа. А Тигеллинъ покамѣстъ насъ сожжетъ,
Иль наградитъ подаркомъ отъ Локусты.
Нѣтъ! дай сюда... Судьбы не измѣнить.

(Беретъ у Эгнатія свитокъ, кладетъ на подножье одной изъ статуй и подписываетъ).

Тебѣ, Соранъ. *(Передаетъ свитокъ).*

Соранъ *(подписываетъ).* За доблестнымъ Тразеей
Весь Римъ подпишетъ.

Тразеа. Чистый парадоксъ!
Едва ли въ Римѣ сотая часть гражданъ
Писать умѣетъ.

Соранъ. Можно научить. *(Подаетъ свитокъ Эгнатію).*

Эгнатій. Теперь итти къ Валерію?

Тразеа. Не нужно:
Валерій не подпишетъ
Соранъ. Почему?
Тразеа. Вотъ почему. На случай неудачи,
Намъ надобно защитника имѣть:
А кто жъ надежнѣй защитить насъ можетъ,
Какъ не Валерій?
Эгнатій. Властію трибуна,
Которую мы помнимъ по преданью?
Тразеа. Всѣмъ: именемъ, любовію народа,
Отвагою, краснорѣчивымъ словомъ,
А можетъ-быть, и властію трибуна.
Эгнатій. Но нѣтъ причинъ бояться неудачи:
За насъ — весь Римъ.
Тразеа. На это возраженье
Отвѣтитъ смерть Рубеллія, Сенеки,
Изгнаніе Музонія... Скорѣе
Мы можемъ ожидать центуріона [32])
Съ извѣстіемъ о грозномъ обвиненьи,
Чѣмъ что-либо другое.
Соранъ. Я согласенъ:
Валерія не нужно безпокоить. *(Эгнатію)*
Пускай теперь подпишутъ остальные...
А ты имъ передай нашъ разговоръ.
Тразеа. И повѣсти, что мы черезъ недѣлю
Надѣемся предъ кесаря предстать.
Соранъ. Иди же къ нимъ и не забудь, Эгнатій,
Что участь многихъ ввѣрена тебѣ:
Малѣйшая ошибка, промедленье,
Неосторожно сказанное слово,
Намекъ на нашу цѣль — и мы пропали.
Но я тебя воспитывалъ и вѣрю
Тебѣ, какъ сыну.
Эгнатій. Вѣришь не напрасно,
Мой благодѣтель и второй отецъ! *(Цѣлуетъ руку Сорана).*
Эгнатій твой погибнетъ, иль достигнетъ
Желанной цѣли. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тразеа и Соранъ.

Соранъ *(указываетъ на уходящаго Эгнатія).*
Явственный примѣръ
Побѣды воспитанья надъ природой:

Эгнатій-мальчикъ былъ волчонка диче;
Эгнатій-мужъ достоинъ удивленья,
Какъ образецъ разумнаго безстрастья
И тонкости... Не правда ли, Тразеа?

Тразеа. Неоспоримо... хоть съ недавнихъ поръ
Я начинаю сильно сомнѣваться
Въ возможности преодолѣть природу.

Соранъ. Твои сомнѣнья сходятся съ моими,
И знаешь, кто ихъ на меня наводитъ?..
Сервилія!

Тразеа. А на меня Валерій.

Соранъ. Валерій?.. Что̀ такое съ нимъ случилось?

Тразеа. Соранъ, твоя пріязнь даетъ мнѣ право
На смѣлое и тяжкое признанье...
Ты знаешь ли, что я пришелъ съ отказомъ...

Соранъ. Съ какимъ отказомъ? Отъ чего?

Тразеа. Отъ брака
Съ Сервиліей.

Соранъ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*
Отъ всякаго другого
Я принялъ бы подобныя слова
За кровную обиду; но отъ друга,
Но отъ Тразеи... я ихъ принимаю
За темную загадку...

Тразеа. Объяснимся...
Но не забудемъ, другъ мой, изреченья
Сенеки: *nihil magnum nisi quod*
Est placidum.

Соранъ. Я это изреченье
Себѣ поставилъ правиломъ, Тразеа:
«Величіе—въ спокойствіи».

Тразеа. Послушай.
Я дочь твою люблю и почитаю,
Какъ моего Валерія: сильнѣе
Изобразить любви я не могу,
Но погляди, Соранъ, на насъ... Нельзя же
Намъ утѣшать себя съ Анакреономъ
И говорить, что къ старческимъ сѣдинамъ
Пристала юная краса дѣвицы,
Какъ роза къ бѣлымъ лиліямъ!.. Конечно,
Я долженъ былъ заранѣе подумать
О посѣдѣлыхъ волосахъ моихъ;
Но эта необдуманность и служитъ

Безспорнымъ доказательствомъ того,
Что разумъ нашъ безсиленъ надъ побудкой...
Я былъ слѣпцомъ, да мнѣ глаза открыла
Моя же дочь замужняя, Сабина:
Она пришла и объявила мнѣ,
Что̀ я, къ осенней жатвѣ, буду... дѣдомъ!

Соранъ. Тразеа! Эти доводы...

Тразеа. Позволь!
Я привожу ихъ—только какъ вступленье.
Сознайся, что мы оба виноваты,
Что оба мы съ тобою заблуждались,
Скрѣпляя дружбу узами родства:
Какъ будто безъ того мы не родные!
Оставимъ это... Разсуди, Соранъ,
Имѣю ли я право, начиная
Борьбу на жизнь и смерть съ временщикомъ,
Связать свою загадочную участь
Съ судьбой твоей Сервиліи?

Соранъ. А я,
Ея отецъ, я развѣ не усердный
Сообщникъ твой?

Тразеа. Соранъ, отецъ—не мужъ!
Припомни, чѣмъ за мужа поплатилась
Супруга злополучнаго Сенеки?
Но выслушай теперь послѣдній доводъ
Невольнаго отказа моего.
Скажи мнѣ прямо, какъ ты понимаешь
Валерія?

Соранъ. Я такъ цѣню высоко
Валерія, что, по моимъ понятьямъ,
Одинъ безукоризненный Тразеа
Достоинъ былъ усыновить его.

Тразеа. Здѣсь похвала Тразеѣ неумѣстна...
Чтобъ болѣе не длить намъ разговора,
Скажу тебѣ: Валерій мой страдаетъ
И гордое молчаніе хранитъ,
А мы—его страданія причина...

Соранъ. Мы?

Тразеа. Оба мы: онъ любитъ безнадежно
Сервилію... Не спрашивай меня,
Какъ я успѣлъ проникнуть эту тайну,
Но знай, что, послѣ безконечныхъ споровъ,
Я убѣдилъ Валерія прійти
Къ тебѣ сегодня... Другъ мой, неужели

Мы, старики, уступимъ молодому
Въ величій и благородствѣ духа?

Соранъ. Все это такъ нежданно объяснилось,
Что я не въ силахъ пріискать отвѣта
И съ мыслями собраться не могу...
Однакоже, Тразеа, откровенность
Питается правдивыми рѣчами,
Какъ родниками свѣтлыми ручей...
Я, въ свой чередъ, тебѣ признаться долженъ:
Сервилія моя тебя не любитъ
И полюбила горячо другого.

Тразеа *(безпокойно).* Кого же?

Соранъ. Я не знаю; но узнаю...

(Ударяетъ въ ладоши, входитъ рабъ).

Сейчасъ ко мнѣ прибудетъ благородный
Трибунъ Валерій Рустикъ: пригласи
Повременить недолго въ перистилѣ.

(Рабъ уходитъ).
(Тразеа)

А мы съ тобой пойдемъ въ библіотеку
И кончимъ нашъ тяжелый разговоръ.

(Уходятъ; сцена пуста).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Входитъ **Сервилія.** *На ней бѣлая стола и прозрачное покрывало, прикрѣпленное къ волосамъ алмазнымъ уборомъ матронъ.*

Сервилія *(подходитъ къ цвѣтамъ).* Цвѣты мои! И вы, въ палящій полдень,
И вы, краса вѣнчанная весны,
Тоскливо наклоняете коронки
Подъ знойными лобзаніями вѣтра;
Но васъ кропитъ разсвѣтная роса,
Вечерняя прохлада освѣжаетъ,
И въ полдень поливаетъ васъ рука
Заботливой Сервиліи...
А сердце,
Палимое огнемъ ревнивой страсти,
Кропится только горькими слезами
И кровью обливается...

(Беретъ у водоема лейку и начинаетъ поливать цвѣты. Входитъ Валерій и останавливается).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Сервилія, Валерій.

Сервилія *(не видя Валерія).* Зачѣмъ же
Богами чувство женщинѣ дано,
Когда свободу чувства отнимаютъ
У ней судьба и люди? *(Ставитъ лейку на водоемъ).*
Вся природа,
Цвѣты, деревья, волны голубыя
И птицы голосистыя поютъ
Хвалебный гимнъ праматери Кипридѣ,
А бѣдная Сервилія не можетъ
Назвать того, къ кому душа стремится,
Сказать: люблю, люблю тебя!

(Отворачивается и, увидавъ Валерія, вскрикиваетъ)

Валерій!

Валерій *(кланяется Сервиліи).* Привѣтъ прекрасной дочери
Сорана!

Сервилія. Благодарю...

(Идетъ навстрѣчу Валерію).

Благодарю и случай,
Который неожиданно привелъ
Къ пенатамъ нашимъ дорогого гостя.
Отецъ сейчасъ придетъ... Не поскучай
Бесѣдой неразумною моей.

Валерій. Прости меня, Сервилія... Невольно
Я прервалъ нить твоихъ мечтаній ясныхъ
И образъ лучезарный ихъ затмилъ,
Какъ туча мимолетная невольно
Лучи звѣзды вечерней затмеваетъ.

Сервилія. Не ты, а я виновна, и стыжуся,
Что мой нестройный лепетъ долетѣлъ
До слуха благороднаго трибуна:
Смѣшны мужамъ меча и латиклавы [33])
Дѣвичьи грезы...

Валерій. Грезы молодыя
Съ душой дѣвицы такъ же неразлучны,
Какъ день и свѣтъ, какъ ароматъ и роза.
Смѣшно, когда мужчина станетъ грезить...
О невозможномъ счастьѣ!

Сервилія. Я слыхала,

Что для разумной воли человѣка
Нѣтъ въ мірѣ невозможнаго.

Валерій. Не спорю;
Но трудно, чтобы воля человѣка
Была всегда разумна и свободна.
Представь себѣ... я говорю примѣрно...
Представь себѣ, что я случайно встрѣтилъ
Богиню въ очертаньяхъ смертной дѣвы,
Что красоты ея не описать,
Что вся она, какъ нѣкогда Киприда,
Слилася изъ волны морской и свѣта,
Что обликъ чудно-дѣвственный сіяетъ
Невинно-величавой чистотой,
А очи — небо пламенное Рима:
Днемъ въ нихъ лазурь бездонная глядится,
А въ сумракъ зажигаются въ нихъ звѣзды...
Невольной данью чудной красотѣ —
Во мнѣ любовь безумная проснулась...
Безумная! И дерзостно забылъ я,
Что юная красавица—невѣста,
И чья жъ? Отца и друга моего!
Скажи теперь, Сервилія, свободна ль,
Разумна ль воля у меня?

Сервилія. Валерій!
Я на примѣръ примѣромъ отвѣчаю.
Положимъ: эта дѣвушка не любитъ
И прежде не любила жениха,
И поклялась — не быть его женою...

Валерій *(блѣднѣетъ).* Сервилія, ты шутишь? Я не вѣрю,
Чтобъ ты могла безжалостно шутить!

Сервилія. Валерій!
Я не шучу безсонными ночами,
Слезами, одиноко пролитыми,
И всей святыней чувства и любви...

Валерій. Сервилія! Клянуся грознымъ Стиксомъ,
Никто и никогда такъ не полюбитъ
И не любилъ, какъ я тебя люблю!
Но... выслушай...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Тразеа.

Тразеа. Остановись, Валерій!
Тразеа проситъ у тебя прощенья

И у тебя, Сервилія!
Подъ старость
Глаза людей слабѣютъ и не могутъ
Спосить лучей дневныхъ, не только блеска
Сіяющей и юной красоты...
Простите же меня великодушно!
Свою вину посильно я загладилъ:
Какъ твой отецъ, я для тебя, Валерій,
Просилъ у друга моего Сорана
Твоей руки, Сервилія!

Валерій. Тразеа!

Тразеа. Соранъ вашъ бракъ благословить согласенъ
И вслѣдъ за мной идетъ сюда.

Валерій *(обнимаетъ Тразею).* Тразеа!
Отецъ и другъ мой!

Сервилія *(подаетъ Тразеѣ руку).* Вотъ моя рука
И слово благородное римлянки:
Тебя я уважаю наравнѣ
Съ моимъ отцомъ и съ будущимъ супругомъ. *(Валерію)*
Валерій, я давно тебя любила,
Теперь люблю еще сильнѣй!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Соранъ.

Сервилія *(кидается въ объятія Сорана).* Отецъ!
Прости твою Сервилію!

Соранъ *(цѣлуетъ ее).* Дитя,
Дитя мое, Сервилія моя!

Валерій *(подходитъ къ Сорану).* Сорану благородному
извѣстна
Моя любовь къ Сервиліи: теперь
Я жду его отеческаго слова.

Соранъ. Усыновленникъ мудраго Тразеи
Чужимъ изъ дома моего не выйдетъ.
Валерій! Я всегда тебя считалъ
Своимъ роднымъ по сердцу и по мыслямъ:
Позволь же мнѣ обнять тебя, назвавши
Моимъ любезнымъ и желаннымъ сыномъ.
(Обнимаетъ Валерія).
Вотъ дочь моя! Тебѣ передаю
Я власть мою надъ нею: будь ей мужемъ,
Люби ее, храни и защищай.
(Соединяетъ руки Валерія и Сервиліи).

А ты, незримый и верховный разумъ,
Благослови союзъ моихъ дѣтей!

Валерій. Сервилія!

Сервилія. Валерій мой!

(Бросаются другъ другу въ объятія).

Соранъ *(отираетъ слезу).* Тразеа,
Вопросы о душѣ намъ разрѣшаетъ
Не наша философія—любовь.

(Указываетъ на Валерія и Сервилію)

Взгляни на нихъ: ихъ радости и счастью
Кто можетъ помѣшать?

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ. Центуріонъ!

Валерій. Центуріонъ?

Сервилія *(подбѣгаетъ къ Сорану).* Зачѣмъ центуріонъ?

Соранъ. Не знаю... *(Рабу)*
Приведи его.

(Рабъ поднимаетъ занавѣсъ пріемной. Входитъ центуріонъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и центуріонъ.

Центуріонъ. Граждане
Сенаторы, Тразеа и Соранъ!
Отъ имени сената и народа,
Я посланъ вамъ обоимъ возвѣстить,
Что вы и соумышленники ваши
Обвинены въ измѣнѣ противъ Рима.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріемная въ домѣ Локусты. Задняя стѣна комнаты задернута чернымъ занавѣсомъ; боковыя стѣны, съ врѣзными колоннами, выкрашены черной краской. Направо дверь въ атріумъ; налѣво маленькая дверь, искусно скрытая выступомъ колонны. По стѣнамъ разставлена бѣдная утварь; нѣсколько складныхъ сѣдалищъ и, съ лѣвой стороны, у двери невысокій аналогій; надъ нимъ качается двурогая лампа, привѣшенная къ потолку желѣзной цѣпью. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Локуста *перебираетъ на аналогіи нѣсколько свитковъ папируса, уложенныхъ въ ящичекъ.* **Силія** *сидитъ подлѣ аналогія.*

На Локустѣ черная туника, приподнятая съ правой стороны до колѣна; правая нога безъ обуви; волосы распущены; на головѣ вѣнокъ изъ желѣзняка. Силія въ сѣрой мантіи съ откинутымъ кукулемъ [34]*; изъ-подъ мантіи видна пурпуровая туника съ легкимъ золотымъ шитьемъ.*

Локуста *(вынимаетъ и развертываетъ одинъ изъ свитковъ).*
Теперь намъ остается испытать
Могущество любовныхъ чаръ Медеи:
Имъ научила нѣкогда меня
Покойная Канидія [35])... Посмотримъ. *(Читаетъ)*
«Отлить изъ воска малое подобье
Того, надъ кѣмъ должны свершиться чары;
Развесть огонь волшебный изъ вѣтвей
Смоковницы, растущей на гробницахъ,
И похоронныхъ вѣтокъ кипариса;
Въ огонь волшебный бросить: семь яицъ,
Окрашенныхъ въ крови могильной жабы,
Совиныхъ перьевъ, иберійскихъ травъ
И всѣхъ костей, отнятыхъ у голодной
Волчихи... Не гасить отнюдь огня,
Пока костей не обратитъ онъ въ уголь...
Домъ окропить авернскою водою...
Потомъ намазать ядомъ василиска
Фигуру восковую (имя-рекъ)
И, сердце у нея пронзивъ иглою,
Произносить такое заклинанье:
Богиня тьмы и тайны!..»
И такъ дальше.
(Свертываетъ свитокъ).
Желаешь ли ты, Силія, извѣдать,
Насколько мощны эти чарованья?

Силія. Локуста, дѣлай, что̀ тебѣ угодно.
Я, какъ ребенокъ, стала суевѣрна,
Слаба и легкомысленна... Бывало,
Я вѣрила однимъ могучимъ чарамъ—
Очей лазурныхъ и привѣтныхъ устъ:
Теперь любовь красу съ лица согнала,
Какъ ночь зарю съ потухнувшаго неба.
Я исхудала тѣломъ и душою,
И поневолѣ вѣрю заклинаньямъ.

Локуста. Недугамъ тѣла пособить нетрудно:
Крупинки три моей жемчужной мази
Да капля эликсира — и румянецъ

Опять освѣтитъ блѣдныя ланиты...

Силія. Но чѣмъ недугъ душевный исцѣлить?

(Сбрасываетъ мантію и встаетъ).

Локуста! Много страстныхъ поцѣлуевъ
Ремни моей котурны прожигало:
Нѣтъ класса и нѣтъ возраста, который
Не заплатилъ бы мнѣ сердечной дани—
Отъ консула до низкаго раба,
Отъ юноши стыдливаго до старца;
Но я надъ ихъ отчаянной любовью,
Надъ ревностью, надъ ихъ враждой взаимной
Безжалостно смѣялась, какъ надъ боемъ
Шутовъ и карловъ на аренѣ цирка.
Настало время полюбить и мнѣ:
И мнѣ на страсть отвѣтили презрѣньемъ
И предпочли другую... О, Юнона!
Чего бы ни дала я за возможность
Смѣнить титулъ и званіе матроны
На званіе гетеры, за возможность
Сносить презрѣнье и любить!.. Да нѣтъ:
Я только мстить могу и ненавидѣть... *(Помолчавъ)*
Локуста, ты условья не забыла?
Мильонъ сестерцій, если ты погубишь...
Сервилію доносомъ, или...

Локуста *(перебиваетъ).* Знаю;
Однакожъ ты не слишкомъ вѣрь разсказамъ.
Дѣйствительно, мнѣ нѣсколько извѣстны
Какъ польза, такъ и нѣкоторый вредъ
Врачебныхъ травъ; но остальное—слухи...

Силія *(улыбается).* Я уважаю въ женщинѣ стыдливость
И скромность.

Локуста. Впрочемъ... надобно замѣтить,
Что чары, совершенныя Медеей,
Имѣли цѣль двоякую: во-первыхъ,
Возжечь любовь угасшую Язона,
А во-вторыхъ, испепелить мгновенно
Креона дочь.

Силія. Мнѣ помнится, Медея
Сожгла свою соперницу не чарой, —
Отравленной туникой?

Локуста. Можетъ-быть.
Вопросъ не въ томъ: Сервилія погибнетъ...
Должна погибнуть... такъ или иначе...

Но вотъ вопросъ: помогутъ ли намъ чары
Валерія привесть къ твоимъ стопамъ?
Силія. Ты, стало-быть, сама не вѣришь чарамъ?
Локуста. Я вѣрю имъ... Но гдѣ же твой Валерій?
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стоики публично
Обвинены и судятся сенатомъ,
Валерій скрылся; цѣлыхъ двѣ недѣли
О немъ нѣтъ слуху... Неужели онъ,
Опора триба и поборникъ правды,
Бѣжалъ отъ страха и позорно кинулъ
Друзей, родныхъ, невѣсту молодую
И честь свою на произволъ судьбы?
Да и куда бѣжать отъ правосудья?
Силія. Локуста! не обманывай меня:
Ты мнѣ сказать не хочешь, но Валерій...
Погибъ?
Локуста. Клянусь, я ничего не знаю!
Не можетъ быть, чтобъ онъ погибъ безвѣстно,
Въ какой-нибудь темницѣ потаенной:
Отъ Мессалины этого не скрыть,
А Мессалина и въ смиренной долѣ
Своихъ друзей отстаивала гласно;
Теперь же Мессалина... но ты знаешь.
Силія. Такъ гдѣ жъ Валерій, ежели онъ живъ?
Локуста *(пожимаетъ плечами).*
Быть-можетъ, тайный недругъ...
Силія. Замолчи!
Я выносить сомнѣнія не въ силахъ:
Расшевели утробу всей земли,
Не пощади ни чаръ ни заклинаній,
И покажи Валерія живого,
Иль тѣнь его!
Локуста. Теперь я не могу,
Но завтра приготовлю все, что̀ нужно.
(За сценой слышенъ колокольчикъ).
Силія. Кто это? посѣтитель?
Локуста. Вѣроятно.
Силія. Я не хочу, чтобъ здѣсь меня застали.
(Набрасываетъ мантію и накрывается кукулемъ).
Локуста. Не бойся, я давно распорядилась:
Тебя проводитъ вѣрная рабыня
Въ другую дверь. *(Отворяетъ дверь въ атріумъ).*
Силія. До завтра?
Локуста. Да, до завтра. *(Силія уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Локуста *(одна)*

Локуста. О, римлянки! въ ребячьемъ вашемъ сердцѣ
Любовь и месть смѣняются чредою,
Какъ день и ночь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Локуста и Эгнатій *(приподнимаетъ уголъ занавѣса).*

Эгнатій *(вполголоса).* Ушла твоя Дидона?
Локуста *(тихо).* Ушла.
Эгнатій. А все ли у тебя готово?
Локуста. Не въ первый разъ... Однакоже идутъ.

(Эгнатій опускаетъ занавѣсъ).

(Дверь атріума отворяется; одна изъ невольницъ Локусты вводитъ Сервилію, закутанную съ ногъ до головы въ темную имплювіату [36]). По знаку Локусты, невольница уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сервилія, Локуста.

Локуста. Сервилія, привѣтствую тебя!
Я думала, что ты не согласишься
Прійти ко мнѣ въ глухую ночь.
Сервилія. Напрасно:
Моя душа полна одной печали
И для иного чувства недоступна,—
Тѣмъ болѣе для страха за себя.
Локуста. Чѣмъ я могу служить тебѣ?
Сервилія. Локуста,
Мое несчастье знаетъ цѣлый Римъ:
Отецъ мой обвиненъ и оклеветанъ;
Женихъ мой... гдѣ онъ, праведные боги?..
Узнать ихъ участь и поднять завѣсу
Грядущаго—вотъ для чего пришла
Къ Локустѣ дочь несчастнаго Сорана:
Не откажи помочь своимъ искусствомъ,
Сними съ очей гнетущую повязку
И дай прозрѣть мнѣ въ будущность отца
И моего Валерія... Локуста,
Ты можешь ли грядущее провидѣть?

Локуста. Грядущее намъ вѣетъ изъ-подъ крылъ
Незримаго, неслышнаго Сатурна,
А кто изъ насъ полетъ его извѣдалъ?
Но не хочу скрывать передъ тобою:
Я знаю средство... если согласишься...

Сервилія. Что̀ бъ ни было, я напередъ согласна.

(Откидываетъ покрывало и снимаетъ съ шеи серебряный ковчежецъ).

Вотъ здѣсь мои вѣнчальные уборы,
Алмазы, жемчугъ, геммы дорогія:
Прими ихъ за труды свои въ задатокъ.

(Отдаетъ ковчежецъ Локустѣ).

Я продала приданое свое
И выручила семьдесятъ талантовъ:
Они твои, Локуста, если ты
Поможешь мнѣ и разгадаешь участь
Валерія и моего отца.

Локуста. Но знаешь ли, Сервилія, что я
Должна покой могилы потревожить
И вызвать тѣнь волшебницы Саганы?
Передъ ея безплотными очами
Минувшее сливается съ грядущимъ
Въ одинъ недвижный, настоящій мигъ...
Ты въ силахъ ли снести безъ содроганья
Явленье тѣни?

Сервилія. Ежели весь Тартаръ
И смерть сама передо мной предстанутъ,
Я не содрогнусь.

Локуста. Подожди меня:
Черезъ минуту я къ твоимъ услугамъ.

(Приподнимаетъ занавѣсъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сервилія *одна.*

О, боги! укрѣпите робкій духъ
И волю слабой женщины: не праздность,
Не дерзость, не пустое любопытство,
А чувство и любовь повелѣваютъ
Мнѣ преступить запретные предѣлы
И тлѣнною рукою приподнять
Таинственный покровъ нетлѣнной жизни.

(Занавѣсъ отодвигается и открываетъ лабора-

торію Локусты, поднятую на двѣ ступени выше пріемной. На полкахъ и на столахъ видны въ полумракѣ разные сосуды и вазы, человѣческіе черепа и кости, скелеты животныхъ, металлическія полоски съ волшебными знаками и свитки папируса. На полу лежатъ мѣдный щитъ, груды лавровыхъ вѣтвей и ароматическихъ растеній. Въ одномъ углу механическая прялка съ колесомъ; въ другомъ углу—восковая фигура Гекаты, выкрашенная бѣлою, черною и красною краской; въ рукахъ у нея бичъ, лампада и мечъ, обвитый змѣею. Посрединѣ треножникъ съ пылающей жаровней. Локуста стоитъ съ волшебнымъ жезломъ подлѣ треножника).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Локуста, Сервилія.

Локуста *(подходитъ къ Сервиліи).*
Сервилія, хоть я убѣждена
Въ успѣхѣ чаръ (сегодня новолунье),
Но свой вопросъ я снова повторяю:
Согласна ль ты на вызовъ изъ Аида
Колдуньи?

Сервилія. Да!

Локуста. Ты этого желаешь:
Да будетъ такъ...

(Чертитъ жезломъ кругъ и вводитъ въ него Сервилію).

Теперь позволь тебя
Предостеречь...
За этою чертою *(грозитъ Сервиліи)*
Я не властна. Не выходи изъ круга!..

(Идетъ къ треножнику и начинаетъ бросать въ огонь волшебныя снадобья, произнося шопотомъ невнятныя заклинанія. Надъ жаровней вспыхиваетъ синее пламя; въ воздухѣ проносится жалобный звукъ).

Локуста *(возвышаетъ голосъ).* Геката, Геката!
Я слышу, я знаю—
Ты близко, ты близко:
Привѣтствуютъ воемъ
Тебя въ новолунье

Сторожкіе псы.
Геката, Геката!
Я въ пламя бросаю
Главу василиска
И мирру съ алоемъ
И старой колдуньи
Сѣдые власы.

(Надъ жаровней поднимается дымъ. Жалобный звукъ повторяется слышнѣе. Локуста беретъ мѣдный щитъ).

Символомъ созданья
И тайной природы
Тебя заклинаю,
Подземная сила:
Страшися, страшися
Таинственныхъ словъ!
Полна обаянья,
Я въ Тартара своды
Щитомъ ударяю:
Раскройся, могила!
Явися, явися,
Сагана, на зовъ!

(Ударяетъ въ щитъ. Комната озаряется красноватымъ свѣтомъ; въ дыму появляется призракъ старухи).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сервилія, Локуста, призракъ.

Призракъ *(глухо)*. Кто вызывалъ меня?
Сервилія *(твердымъ голосомъ)*.
Подземный призракъ!
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, осмѣлилась нарушить
Могильный твой покой и умоляетъ
Ей на вопросъ сомнительный отвѣтить...
Отвѣтишь ли?

(Призракъ молчитъ).

Отвѣтишь ли?

(Локуста повелительно протягиваетъ жезлъ).

Призракъ. Спроси.
Сервилія. Скажи мнѣ: гдѣ трибунъ Валерій Рустикъ,

Мой вѣрный другъ и дорогой женихъ?
Скажи еще: помилуетъ ли кесарь
И защититъ ли моего отца,
Неправо обвиненнаго въ измѣнѣ
Предателемъ и гнуснымъ лицемѣромъ?

Призракъ. На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь.

(Исчезаетъ. Занавѣсъ задергивается).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сервилія *одна.*

Исчезла!.. Охъ, какъ страшенъ міръ загробный!
Коснись меня она костлявымъ пальцемъ,
Иль просто погрози мнѣ—я упала бъ
Бездушнымъ трупомъ... Что̀ она сказала?..
Юпитеръ, дай мнѣ силы до конца!
Я чувствую, что разумъ мой мутится...

(Подходитъ къ аналогію и склоняетъ голову на руки).

Да... вспомнила. Она мнѣ говорила:
«На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь»...
Кого же обвиняю я?..

Эгнатій *(выходитъ изъ-за занавѣса).*
Меня.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сервилія, Эгнатій.

Сервилія *(быстро оборачивается).* Эгнатій!

Эгнатій. Я, Сервилія! Не бойся:
Я не врагомъ пришелъ къ тебѣ, а другомъ.

Сервилія. Какое лицемѣріе! Ты смѣешь,
Ты не стыдишься называться другомъ?

Эгнатій. Сервилія! во-первыхъ—успокойся:
Весь этотъ вызовъ призрака нарочно
Придуманъ мной, а для чего—узнаешь...
Позволь мнѣ возвратить твои игрушки.

(Подаетъ ей ковчежецъ).

Сервилія *(отступаетъ).* Я эти вещи отдала Локустѣ
И не хочу принять ихъ изъ руки
Предателя...

Эгнатій. На это оскорбленье
Отвѣчу я, Сервилія, тебѣ
Со временемъ. Покамѣстъ объясню,
Кто этотъ призракъ грознаго Аида.

(Кладетъ ковчежецъ на аналогій).

Локуста мнѣ старинная знакомка...
Я зналъ, что ты къ ней явишься сегодня,
И вмѣстѣ съ нею приготовилъ шутку:
Невольница Локусты, Фортуната,
Сыграла роль волшебницы Саганы...
Прости меня за это испытанье.

Сервилія. Скажи, Эгнатій, кто тебѣ далъ право
Такъ нагло издѣваться надъ несчастьемъ?
Оклеветать предъ Римомъ добродѣтель
И честь въ лицѣ сановника и старца,
Который былъ тебѣ вторымъ отцомъ,
Любилъ тебя, воспитывалъ, лелѣялъ,
Покрыть бѣдою голову сѣдую,
Убить печалью цѣлую семью —
Все это — тяжкій грѣхъ и преступленье;
Но издѣваться надъ несчастьемъ — низость!

Эгнатій. Весьма велерѣчивые упреки!
Я, впрочемъ, былъ давно на нихъ готовъ...
Не знаю—ты готова ли прослушать
Мое признанье... Я предупреждаю,
Что буду долго говорить съ тобою,
И что отъ этой будущей бесѣды
Зависитъ участь твоего отца...
Ты хочешь слушать?

Сервилія. Говори, Эгнатій...
Но не надѣйся хитрыми рѣчами
Прельстить меня: любовь моя къ отцу
И страсть моя къ Валерію, которой
Нѣтъ имени на языкѣ людей,
Замѣнятъ мнѣ и прозорливый разумъ,
И мужество, и волю... *(Садится).*

Эгнатій. Мы увидимъ...
Начну съ того, что назову себя:
Передъ тобой, Сервилія, Эгнатій,
Отпущенникъ сенатора Сорана.
Въ другихъ словахъ: передъ тобою рабъ,
Отпущенный на волю господиномъ.
Ты—римлянка, и съ молокомъ всосала

Извѣстныя понятія о рабствѣ;
Но думала ль ты иногда о томъ,
Какъ грозный Римъ рабовъ пріобрѣтаетъ?
Я приведу тебѣ одинъ примѣръ:
Вообрази, что хмельная когорта,
Не слушаясь вождя, во время мира,
Предательски-нежданно, темной ночью
Напала на германское селенье,
Зажгла его и грабитъ. Дикари,
Опомнившись отъ ужаса и сна,
Бросаются на грабящую шайку
Съ дубинами и копьями... Напрасно!
Ихъ слабое оружіе дробится
О шлемы и желѣзныя кольчуги,
И трупы ихъ валятся подъ мечами
На головни пылающихъ жилищъ.
Всѣ старики, старухи и младенцы,
Какъ лишній грузъ, безъ жалости убиты,
А молодыя жены и дѣвицы
И отроки отведены въ неволю.

Сервилія. Зачѣмъ мнѣ знать объ ужасахъ войны!
За праваго—поборниками боги,
Неправые страдаютъ за неправду.

Эгнатій. Не смѣшивай войны и грабежа.
Я для того о немъ упоминаю,
Чтобъ перейти къ себѣ...
Какъ медвѣжонокъ,
Похищенный ловцами изъ берлоги,
Я грызъ свои веревки и кусался,
Пока трехдневный голодъ не осилилъ
Моей природы... Насъ пригнали въ Римъ
И вывели на рынокъ, какъ животныхъ,
Въ ошейникахъ; меня купилъ Соранъ,
И вотъ я въ вашемъ домѣ поселился
Невольникомъ и жалкимъ сиротою.

Сервилія. Не клевещи! Ты въ домѣ нашемъ выросъ
Не такъ, какъ рабъ: тебя родитель мой
Не раздавилъ пятою, какъ змѣенка,
А отогрѣлъ у сердца своего.

Эгнатій. Но это сердце было мнѣ чужое!
Ужели снисходительность Сорана,
Заботы о моемъ образованьи,
Его вниманье, похвалы и ласки
Могли мнѣ все былое замѣнить?

Среди любимыхъ умственныхъ занятій,
Среди трудовъ—сродниться съ языкомъ,
Съ законами, съ гражданской жизнью Рима.
Среди моихъ отчаянныхъ усилій
Проникнуть глубже въ тайники науки,
Моимъ очамъ нежданно появлялась
Минувшаго ужасная картина:
Ночной пожаръ родимаго селенья.
Отецъ мой, съ размозженной головою,
И мать моя, съ затянутою петлей...
Сервилія! въ подобныя минуты
Я сознавалъ, старался сознавать,
Что долженъ быть Сорану благодарнымъ;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, какъ сильно
Въ лицѣ его всѣхъ римлянъ ненавижу!

Сервилія. Несправедливо мстить невиннымъ людямъ
За свой тяжелый жребій. Не участье,
Живой укоръ заслуживаетъ тотъ,
Кто жалокъ былъ и сдѣлался къ другому
Безжалостнымъ.

Эгнатій. Позволь мнѣ продолжать.
Пройдя молчаньемъ глупые года,
Честимые поэтами за что-то
Весною жизни, приступаю прямо
Къ той неизбѣжно-роковой минутѣ,
Которая, позднѣе или раньше,
Перерождаетъ душу человѣка.
Я понялъ вдругъ, что въ жизни у меня
Есть цѣль, что я ея достигнуть долженъ,
Преодолѣвъ всѣ трудности пути,
И къ ней пошелъ... надежда засвѣтила
Мнѣ впереди звѣздою путеводной,
И жизнь моя осмыслилась...
Въ два года,
Примѣрнымъ хладнокровіемъ, трудами
Лишеньями, прилежнымъ изученьемъ
Изгибовъ человѣческаго сердца,
Услугами, разсчитанною лестью,
Я пріобрѣлъ довѣренность Сорана,
Отпущенъ имъ на волю, получилъ
И званіе и тогу гражданина,
Введенъ былъ въ школу стоиковъ, сдружился
Со всѣми представителями школы,
Проникъ всѣ тайны, понялъ всѣ интриги

Двора Нерона, и увлекъ Тразею
И стоиковъ въ борьбу съ временщикомъ...
Все для чего?—чтобы достигнуть цѣли!
А стоики—и первый твой отецъ—
Мнѣ были бы естественной препоной.

Сервилія. Не знаю я, чего ты достигаешь,
Но средства обнаруживаютъ ясно
Преступность цѣли.

Эгнатій. Выводъ не логиченъ:
Цѣль иногда оправдываетъ средства.
Но кончимъ... Участь твоего отца
И стоиковъ въ моихъ рукахъ и волѣ.
Ты поняла? Два слова Тигеллину—
И твой отецъ оправданъ

Сервилія. Поняла.
Но самого тебя не понимаю.

Эгнатій. Сейчасъ поймешь... Я испыталъ тебя:
Та женщина, которая безстрашно
Идетъ къ Локустѣ и глядитъ въ глаза
Ночному привидѣнію, навѣрно,
Не побоится пошлыхъ предразсудковъ,
Пожертвуетъ минутнымъ увлеченьемъ,
Оцѣнитъ твердость разума и воли
И постоянство истиннаго чувства.
Сервилія! ты можешь, если хочешь,
Спасти отца—твоимъ единымъ словомъ,
Движеньемъ брови, легкою улыбкой!

Сервилія. Эгнатій, я готова... объяснися,
Скажи, чего ты требуешь?

Эгнатій *(падаетъ ей въ ноги).* Любви!

Сервилія *(встаетъ, блѣдная, какъ мраморъ).*
Будь проклятъ день, въ который ты родился!

Эгнатій *(простираетъ къ ней руки).*
Сервилія!... Сервилія!.. два года,
Два вѣка мукъ, терзаній и борьбы,
Люблю тебя, ревную, умираю
Отъ ревности, отчаянья и страсти!
Отецъ твой и Тразеа—это жертвы
На алтарѣ любви моей къ тебѣ...
Ты для меня—единая богиня,
Которой я и вѣрю и молюся...
Взгляни: я слѣдъ ноги твоей цѣлую,
Челомъ во прахъ склоняюся и плачу!
(Рыдаетъ, припавъ головой къ помосту).

Сервилія. Вотъ мой отвѣтъ, Эгнатій, и другого
Ты отъ мени не жди: патриціанка,
Невѣста благороднаго трибуна
И любящая женщина не можетъ
У ногъ своихъ безъ омерзѣнья видѣть
Предателя и подлаго раба!

Эгнатій *(встаетъ).* Такъ знай же, горделивая матрона:
Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!

Сервилія. Ты лжешь, презрѣнный! Если бы Валерій
Погибъ, мое недремлющее сердце
Расторглось бы на части!

Эгнатій. Утѣшайся
Безсонницей и чуткостію сердца...
Однакоже довольно пустословить...
Прослушай мой послѣдній приговоръ:
Я поклялся, что ты отсюда выйдешь
Моей женой, и не нарушу клятвы.

Сервилія. Я прежде черепъ раздроблю о стѣны,
Чѣмъ до меня рука твоя коснется.

Эгнатій. Съ безумными рѣчей не стòитъ тратить...
Пойми, что ты во власти у меня,
И не питай надежды на спасенье:
Твой крикъ замретъ подъ сводами глухими,
А слухъ хозяйки дома и невольницъ
Мертвѣе камня. Люди не помогутъ,
А боги пьютъ свой нектаръ на Олимпѣ.

Сервилія. И громъ на богохульника готовятъ!

Эгнатій. Эгнатій въ ихъ безсильный громъ не вѣритъ,
А вѣритъ въ умъ и волю человѣка.
Сервилія! я твердо убѣжденъ,
Что ты меня со временемъ полюбишь;
Теперь ты къ этой мысли не привыкла,
Но дай пройти минутному волненью...

Сервилія. Чудовище!..

Эгнатій. Я призову Локусту.
Она тебя въ уборную проводитъ.
При свѣтѣ лампъ, подъ звуки томной цитры,
Подъ сѣнью ароматною цвѣтовъ,
Ты просвѣтлѣешь мыслями и чувствомъ.
На нѣсколько мгновеній я оставлю
Тебя одну... Размысли хорошенько,
Одумайся, Сервилія! *(Уходитъ за занавѣсъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Сервилія *тушитъ лампу и подбѣгаетъ къ дверямъ атріума.*

О, боги!
Все заперто...
Послѣдняя надежда! *(Рыдаетъ).*
Валерій мой! безцѣнный мой Валерій!
Прости навѣкъ... Еще одно мгновенье —
И смерть меня избавитъ отъ позора. *(Ломаетъ себѣ руки).*
Но гдѣ же вы, всевидящіе боги?
Спасите! васъ несчастье умоляетъ:
Спасите отъ погибели...
Да нѣтъ! *(Отчаянно)*
Вы слѣпы, глухи!
(Дверь налѣво тихо отворяется; изъ нея выходитъ Неволея въ бѣлой одеждѣ, съ факеломъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сервилія и Неволея.

Неволея *(подходитъ къ Сервиліи).* Не зови боговъ,
Сестра моя Сервилія!
Сервилія. Кто ты?
Неволея. Невольница Локусты, Неволея,
Сестра твоя о Господѣ.
Сервилія. Сестра?
Откуда ты? зачѣмъ сюда пришла?
Неволея. Пришла спасти тебя, во имя Бога
И нашего Спасителя Христа.
Сервилія. Ты христіанка?
Неволея. Я оглашена
И омываю горькими слезами
Мои грѣхи... *(Указываетъ на дверь)*
За этой тайной дверью
Есть тайный ходъ подземный въ катакомбы:
Пойдемъ со мной! пойдемъ скорѣе... чу!
(За занавѣсомъ слышны скрипъ двери и шаги).
Сервилія. Веди меня!
Тебѣ, Богъ христіанскій,
Сервилія судьбу свою вручаетъ!
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Капище Венеры. — По срединѣ задней стѣны восьмиколонное преддверье капища съ рѣшетчатыми створами. Направо арка въ смежный притворъ кумирни; налѣво, противъ арки, колоссальный истуканъ Венеры. У подножья статуи трехступенная эстрада и на ней сѣдалища кесаря и двухъ консуловъ: у нижней ступеньки эстрады курульный стулъ претора и скамья трибуновъ: по бокамъ разставлены полукругомъ скамьи съ приступками для сенаторовъ. Эстрада и скамьи ограждены раздвижными перилами и крыты пурпуромъ. Въ лѣвомъ углу, за перилами, столъ для писцовъ. По срединѣ сцены жертвенникъ. За сценой слышенъ гулъ толпы [37]).

ЯВЛЕНІЕ I.

Консулы Кай Светоній и Луцій Телезинъ, сенаторы, преторъ, два трибуна и писцы *стоятъ у своихъ мѣстъ*, **квесторъ** *за сѣдалищемъ кесаря*, **глашатай** *за преторскимъ стуломъ*. **Сабинъ Осторій** *у скамьи трибуновъ; ликторы размѣщены съ двухъ сторонъ передъ перилами*; **жрецъ.**

Жрецъ *(подходитъ къ жертвеннику)*
Да будутъ мнѣ свидѣтелями боги!
Ни птицъ полетъ, ни внутренности жертвы
Не предвѣщаютъ ничего худого,
И трибуналъ имѣетъ приступить
Къ рѣшенью дѣлъ и всякимъ разсужденьямъ.

(Присутствующіе садятся, за исключеніемъ квестора, глашатая, Сабина Осторія и ликторовъ. Жрецъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ жреца.

Преторъ *(встаетъ)*. Для славы и для счастія особы
Божественнаго кесаря Нерона,
И слѣдственно для счастія и славы
Богами охраняемаго Рима,
Нашъ трибуналъ откроетъ засѣданье
Прочтеніемъ проекта нашихъ дѣйствій
Къ искорененью стоицизма.
(Развертываетъ свитокъ и читаетъ) «*Primo:*
За присужденьемъ къ вѣчному изгнанью
Сенаторовъ: Гельвидія, Монтана,

Паконія [38]) и Сенція Торквата,
Собранье наше полагаетъ: вызвать
Тразею и Сорана, уличенныхъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима.
По вызовѣ жъ виновныхъ, не стѣсняясь
Неявкою очередныхъ трибуновъ,
А именно: Валерія, трибуна
Тринадцатаго триба, прочитать
Сенаторамъ Тразеѣ и Сорану
Примѣрное рѣшенье трибунала,
Которое затѣмъ благоговѣйно
Препроводитъ на судъ и усмотрѣнье
Божественнаго кесаря Нерона».

К. Светоній. Ты пригласилъ виновныхъ, преторъ?

Преторъ. Да.

К. Светоній. Явилися?

Преторъ. Явилися.

К. Светоній. Глашатай,
Исполни долгъ!

Глашатай *(подходитъ къ перилами).*
Благоволятъ граждане
Сенаторы Тразеа и Соранъ
Предъ трибуналъ явиться!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Тразеа и Соранъ *выходятъ изъ-подъ арки и останавливаются передъ перилами.*

К. Светоній. Трибуналъ
Васъ пригласилъ, сенаторы-граждане,
Затѣмъ, чтобъ вамъ прочесть свое рѣшенье
И дать возможность строгость приговора
Смягчить сознаньемъ вашего проступка.

Л. Телезинъ. Что скажетъ въ оправданіе Тразеа?

Тразеа. Тразеа почитаетъ униженьемъ
Отвѣтствовать на ложь и клевету.

Л. Телезинъ. Ты трибуналу отвѣчать обязанъ.

Тразеа. Я отвѣчать обязанъ высшей силѣ
И кесарю, а кесарь знаетъ все:
Я самъ ему признался откровенно
Въ моихъ поступкахъ, въ правилахъ, въ понятьяхъ,
Въ моихъ рѣчахъ и даже въ помышленьяхъ.
До полученья отъ него отвѣта
Я буду глухъ и нѣмъ на всѣ вопросы.

К. Светоній. Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ
Въ Кампаніи.
Тразеа. Но я ему писалъ.
Л. Телезинъ. Однакоже позволь тебѣ замѣтить,
Что кесарь самъ назначилъ трибуналъ.
И мы, по предоставленной намъ власти,
Тебя осудимъ, если ты теперь же
Намъ не представишь ясныхъ доказательствъ
Невинности своей и правоты.
Тразеа. Я не могу и не хочу стѣснять
Законныхъ вашихъ дѣйствій: вы въ нихъ властны,
Какъ я въ своихъ... Но, если трибуналу
Отвѣтъ Тразеи нуженъ непремѣнно,
Вы можете на память записать,
Что я, Тразеа, всей моей душою,
Всѣмъ сердцемъ презираю Тигеллина,
Который ложно говорилъ устами
Усердныхъ обвинителей моихъ.
К. Светоній. Нашъ трибуналъ не изъ дѣтей составленъ:
Онъ различитъ, что̀ истинно, что̀ ложно.
Тразеа. Послушайте, сенаторы и судьи,
И консулы: ты, Луцій Телезинъ,
И ты, Светоній! Правый человѣкъ
Погибнуть можетъ: правда не погибнетъ!..
Вы слышите народный шумъ и крики?
То голоса молвы тысячеустой,
Которая потомству передастъ
И вашъ позоръ, и судъ лицепріятный,
И имена смиренныя страдальцевъ,
Несправедливо обвиненныхъ вами...
Л. Телезинъ. Довольно! Это гордое упорство
Сочтется, при рѣшеніи суда,
За новую улику.
Тразеа. Превосходно!
Я подожду правдиваго рѣшенья.
К. Светоній *(Сорану)*. Соранъ, тебѣ грозитъ еще одно,
И важное, по смыслу, обвиненье:
Твой обвинитель—этотъ римскій всадникъ,
Сабинъ Осторій... Знаешь ли его?
Соранъ. Я видывалъ Осторія, во время
Азійскаго проконсульства, въ Пергамѣ:
Онъ помогалъ корыстному Акрату
Отнять обманомъ у пергамскихъ гражданъ
Картины ихъ и статуи.

С. Осторій. А ты,
Ты поукрылъ насильно этихъ гражданъ,
Которые Акрата оскорбили,
Хотя Акратъ—отпущенникъ Нерона...
Ты, римлянинъ, сенаторъ и проконсулъ,
Гоняясь за любовью чужеземцевъ,
Поддерживалъ мятежническій духъ
Племенъ азійскихъ... Кто тебѣ былъ другомъ?
Рубеллій Плавтъ, который осужденъ
Сенатомъ за измѣну противъ Рима!

Соранъ. Я дружбою Рубеллія гордился
Такъ точно, какъ горжуся справедливо
Любовію и дружбою Тразеи.

Тразеа. Благодарю... У нашихъ римлянъ есть
Пословица, что путнику въ дорогѣ
Веселый другъ нужнѣе колесницы;
Но я скажу: на жизненномъ пути
Надежный другъ всего необходимѣй.

С. Осторій. Отцы и судьи! собственнымъ сознаньемъ
Въ своихъ связяхъ съ преступными людьми
Соранъ мои укоры подтверждаетъ:
Мнѣ кажется, другихъ уликъ не нужно...
Но вы еще не знаете, какъ гнусны
И какъ преступны умыслы Сорана:
Охотой ставъ подъ знамя стоицизма
И обвиненный наравнѣ съ другими,
Соранъ дерзнулъ прибѣгнуть къ заклинаньямъ
Подземныхъ силъ и призывать на помощь
Жильцовъ могилы.

Соранъ. Это—клевета.

С. Осторій. Пусть преторъ поступаетъ по закону.

Преторъ. Благоволитъ прослушать трибуналъ
Второй параграфъ нашего проекта. *(Читаетъ)*
«*Secundo:* Пригласить предъ трибуналъ
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію».

Л. Телезинъ. Приглашена?

Преторъ. Явилась.

Соранъ. Я узнаю правдивый римскій судъ:
Онъ не щадитъ ни возраста ни пола.

Тразеа. Квириты судятъ безпомощныхъ женщинъ,
Должно-быть, по предчувствію, что скоро
Самихъ ихъ тѣ же женщины осудятъ.

Л. Телезинъ. Нашъ трибуналъ законами и волей

Божественнаго кесаря Нерона
Поставленъ выше всякихъ порицаній,
И не тебѣ судить его... Глашатай!
Исполни долгъ!

Глашатай *(громко)*. Благоволитъ гражданка,
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, предъ трибуналъ явиться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Сервилія. *На ней длинная туника изъ грубой ткани: покрывало совершенно скрываетъ ея станъ и лицо. Сервилія проходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается.*

Соранъ. О, бѣдное, о, бѣдное дитя!

Тразеа *(тихо)*. Сервилія, друзья твои не дремлютъ...

К. Светоній. Мы, консулы и судьи, пригласили
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію, затѣмъ, чтобы спросить:
Давно ль и какъ знакомъ съ ней римскій всадникъ
Сабинъ Осторій?

Сервилія *(тихо)*. Я его не знаю.

С. Осторій. Неправда: ты меня встрѣчала часто
На форумѣ, на улицахъ и въ храмахъ.

Сервилія *(взглядываетъ на Осторія)*. Быть-можетъ, ты со мною и встрѣчался,
Но я тебя ни разу не видала.

С. Осторій. Должно-быть, ты мое лицо забыла...
Припомни, какъ кормилица твоя
Ходила продавать наряды
Въ ту лавку?.. знаешь?..

Сервилія. Знаю, что мнѣ стыдно
И за тебя и за твои слова.

Л. Телезинъ. Здѣсь трибуналъ: предъ ликомъ правосудья
Не существуетъ ложнаго стыда.

С. Осторій. Позволь спросить: зачѣмъ ты приказала
Продать свое приданое? *(Сервилія молчитъ)*.
Зачѣмъ?

Сервилія. Ужели трибуналъ не запрещаетъ
Такихъ вопросовъ?

С. Осторій. Ты на нихъ не хочешь,
А правильнѣй—боишься отвѣчать.
Я помогу тебѣ и самъ отвѣчу:
Ты продала приданое затѣмъ,

Чтобъ, выручивъ значительную сумму,
Снести ее волшебникамъ и магамъ. *(Указываетъ на Сорана)*
По наущенью своего отца,
Ты къ нимъ ходила, совершала чары
И вызывала съ ними изъ Аида
Боговъ подземныхъ... можетъ-быть, на гибель
Сената и народа!.. Признавайся:
Зачѣмъ ты имя кесаря не разъ
Во время заклинаній поминала?
А! ты молчишь, блѣднѣешь?..
Я сказалъ.

(Сервилія складываетъ руки, становится на колѣни и плачетъ, закрывшись покрываломъ).

К. Светоній. Сервилія, ты можешь оправдаться? *(Молчаніе).* Мы ждемъ отвѣта...

Сервилія *(встаетъ).* Консулы и судьи!
Нѣтъ,—я боговъ подземныхъ не звала [39])
И гибели ничьей не замышляла.
Молилась я единственно о томъ,
Чтобъ кесарь нашъ, по благости душевной,
Помиловалъ любимаго отца.
Я къ магамъ не ходила, а ходила
Къ... гадальщицѣ, и точно отнесла
Ей всѣ мои вѣнчальные уборы.
Проси она души моей и жизни—
Повѣрьте, я и ихъ бы отдала.
Ужель за эту женщину я буду,
Какъ за себя, отвѣтствовать закону?
Я прежде съ нею не была знакома:
Слыхала только объ ея искусствѣ,
Но тайнъ искусства этого не знала;
Сама же я о кесарѣ иначе,
Какъ о богахъ, нигдѣ не говорила,
Но если я виновна, осудите
Меня одну: несчастный мой родитель
Не вѣдалъ даже о моемъ проступкѣ...

Соранъ. Сервилія, не трать сердечныхъ словъ!
Благоволите, консулы и судьи,
Прослушавъ дочь, прослушать и отца:
Вы дочь мою, Сервилію, призвали,
Какъ жалкую преступницу, къ отвѣту;
Но въ чемъ она преступна и виновна?

Она со мной въ Пергамѣ не была
И Плавта не знавала. Отношенья
Мои къ Тразеѣ и другимъ особамъ,
Которыя обвинены со мною,
Ей были вовсе чужды. Неужели
Вы можете вмѣнить ей въ преступленье
Дочернюю привязанность и нѣжность?
Прошу васъ—отдѣлить судьбу отца
Отъ участи невиннаго ребенка—
И жребій мой, каковъ бы ни былъ онъ,
Покажется мнѣ сладостнымъ.

Сервилія *(простираетъ къ нему руки).* Родитель!

Соранъ. Сервилія!

(Они хотятъ броситься другъ къ другу въ объятія; ликторы ихъ разлучаютъ).

Л. Телезинъ. Соранъ, предъ трибуналомъ
Нѣтъ ни отца ни дочери, а есть
Сообщникъ и сообщница.

Преторъ. Не время ль
Позвать теперь свидѣтелей? По списку,
Важнѣе всѣхъ отпущенникъ Эгнатій...

К. Светоній. Явился онъ на вызовъ?

Преторъ. Да.

К. Светоній. Глашатай,
Исполни долгъ!

Глашатай *(громко).* Отпущенникъ Эгнатій!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Эгнатій *подходитъ къ жертвеннику. Соранъ наклоняетъ голову. Тразеа презрительно смотритъ на Эгнатія.*

Л. Телезинъ. Эгнатій, ты обязанъ намъ поклясться
Юпитеромъ, что скажешь трибуналу
Всю истину.

Эгнатій *(кладетъ руку на жертвенникъ).* Клянуся!

Телезинъ. Подойди
И объясни, что̀ знаешь, откровенно.

Эгнатій *(подходитъ къ эстрадѣ).* Свидѣтельство мое не многословно
Я снова просмотрѣлъ ихъ протоколъ
И свѣрилъ съ черновою: онъ исправленъ.

(Подаетъ претору свитокъ).

Хотя здѣсь говорится о префектѣ

Преторіанцевъ и о тѣхъ доносахъ,
Которые терзаютъ гражданъ, но...
Я самъ составилъ этотъ протоколъ
И знаю твердо стоиковъ: конечно,
Они не ждали легкихъ обвиненій
И будутъ рады, если ихъ осудятъ,
Какъ безпокойныхъ и зловредныхъ гражданъ,
Которымъ слѣдуетъ пресѣчь всѣ средства
Къ развитію химерныхъ ихъ идей.
Чѣмъ ни рѣшилъ бы трибуналъ ихъ участь,
Рѣшенье будетъ крайне благосклонно:
Они со мною сами согласятся
И, вѣрно, мнѣ не будутъ прекословить.

Л. Телезинъ. Соранъ, ты слышишь?

(Соранъ не поднимаетъ головы).

Тразеа. Именитый консулъ!
Онъ слышитъ... *Ты* не видишь, что презрѣнье
И скорбь уста Сорана заграждаютъ.

(Указываетъ на Эгнатія)

Вгляните: этотъ низкій обвинитель,
Когда-то плѣнный сирота-ребенокъ,
Безъ языка и образа людского,
Сораномъ поднятъ былъ изъ состраданья
И снятъ съ мостковъ на грязномъ рабскомъ рынкѣ.
Не годъ, не два, десятки лѣтъ Соранъ
Его растилъ, какъ дорогого сына,
Образовалъ и отпустилъ на волю,
И даже въ завѣщаньи отказалъ
Немалое богатство... Вотъ награда!

(Между сенаторами поднимается ропотъ; на нѣсколькихъ лицахъ выражается участіе).

Вскормите звѣря дикаго, и тотъ
Вамъ будетъ преданъ...

Эгнатій. Перестань, Тразеа!
Твои слова всѣ клонятся къ тому,
Чтобъ объяснить молчаніе Сорана
Презрѣніемъ... Зачѣмъ же *ты* молчишь?

Тразеа. Я не молчу.

Эгнатій. Но замолчишь, Тразеа,
Когда я буду говорить о цѣли
Твоихъ собратій.

Тразеа. Новаго не скажешь!
Все знаетъ кесарь; я ему писалъ.

Эгнатій. И ты такъ легковѣренъ?..

(За сценой шумъ и слышны голоса:)

Преторъ! преторъ!
Свидѣтелей къ тебѣ не допускаютъ!
Вели открыть рѣшетку!

Преторъ *(ликторамъ).* Отворите!

(Ликторы отворяютъ рѣшетку).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Ф. Аферъ, Посидесъ, Мелла, Цестъ.

Сквозь отворенную рѣшетку видна часть форума, покрытая густою массою народа. Передняя толпа взбирается на ступени храмовой лѣстницы, сталкиваетъ стоящихъ на ней преторіанцевъ и тѣснится у дверей капища. Въ первомъ ряду Аферъ, Цестъ, Мелла и Посидесъ.

Преторъ *(вошедшимъ).* Кто вы такіе?

Ф. Аферъ. Римскіе граждане:
Цестъ, Аферъ, Посидесъ и Мелла.

Преторъ. Что же?
Зачѣмъ вы всѣ явились въ трибуналъ?

Посидесъ. Мы избраны Валеріевымъ трибомъ —
Просить тебя...

Преторъ. О чемъ?

Мелла. Позволь намъ, преторъ,
Прослушать, за отсутствіемъ трибуна,
Рѣшенье трибунала.

Преторъ *(послѣ нѣсколькихъ словъ съ консулами).* Позволяю.

(Ликторамъ тихо)

Но затворить рѣшетку.

Одинъ изъ ликторовъ *(тихо).* Невозможно!

Посидесъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, преторъ, ты насъ допусти
Въ свидѣтели.

Преторъ. Чего же вы хотите?

Посидесъ. Хотимъ тебя увѣрить, что невѣста
Трибуна нашего, Валерія, — права,
А вы... то-есть не всѣ вы... виноваты.

Преторъ. Вы объяснитесь...

Голосъ изъ толпы. Аферъ, говори!

Ф. Аферъ. Пресвѣтлый, правосудный трибуналъ!

Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, обвинена неправо.

(Консулы и сенаторы начинаютъ шептаться Преторъ торопливо пишетъ, Эгнатій подходитъ къ нему и говоритъ на ухо. Изъ-подъ арки, одни за другими, выходятъ вооруженные преторіанцы и становятся вдоль стѣнъ капища).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и преторіанцы.

Аферъ *(продолжаетъ)*. Сервилія обманута Локустой,
Которая, заранѣй сговорившись
Съ предателемъ Эгнатіемъ, успѣла
Завлечь ее въ свой тартаръ обѣщаньемъ
Открыть предъ нею будущность Сорана.
Вы можете порядкомъ допросить
Невольницу Локусты, Фортунату.

(Указываетъ на С. Осторія)

Вотъ этотъ старый всадникъ былъ подкупленъ,
Черезъ Локусту, Силіей, вдовою
Сенатора Антистія; спросите
Ея невольницъ. А волшебнымъ чарамъ
Сервилія нимало не причастна,
И вообще мы клятвой утверждаемъ,
Что нѣтъ ея невиннѣй въ цѣломъ Римѣ,
И что она достойна быть супругой
Такого молодца и гражданина,
Какъ нашъ трибунъ Валерій! Кто не вѣритъ,
Тотъ не другъ намъ и трибу.
Я сказалъ.

(Оборачивается къ Сервиліи и кланяется).

Сервилія *(откидываетъ покрывало)*. Благодарю тебя, Фульциній Аферъ,
Не за себя, за твоего трибуна,
За память о душѣ его безцѣнной.

(Опускаетъ покрывало и плачетъ).

Соранъ *(Фульцинію Аферу)*. Отецъ за дочь тебя благодаритъ.

Тразеа. А я за Римъ.

Посидесъ. Скажи еще имъ, Аферъ,
Что у такихъ хорошихъ дочерей
Худыхъ отцовъ, навѣрно, не бываетъ.

Мелла. А у отцовъ хорошихъ и друзья
Должны быть также не худые, Аферъ?

(Сенаторы выражаютъ свое неудовольствіе ропотомъ).

Нѣсколько голосовъ:

Что̀ это значитъ, преторъ?
Здѣсь не форумъ!
Свидѣтели съ какихъ-то перекрестковъ!
Гдѣ ихъ улики? Какъ ихъ допускать
Къ присягѣ? Plebs! туничники!

Ф. Аферъ *(спокойно).* Законы
Не дозволяютъ гражданъ оскорблять,
А ограждаютъ ихъ права и личность.
Мы требуемъ, чтобъ вы насъ допустили
Къ свидѣтельству и достодолжной клятвѣ.

Л. Телезинъ. Свидѣтели, отъ васъ не отнимаютъ
Законныхъ правъ: вы можете явиться
Въ другое время. Наше засѣданье
Кончается, и преторъ прочитаетъ
Примѣрное рѣшенье трибунала.

Преторъ *(встаетъ и скидываетъ съ себя претексту).*
Благоволятъ отцы и судьи слышать! *(Читаетъ)*
«Единогласнымъ мнѣніемъ, скрѣпленнымъ
Печатями и подписью всеобщей,
Всѣ члены трибунала положили:
Сенаторовъ Тразею и Сорана,
Безспорно уличенныхъ трибуналомъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима,
Лишить публично римскаго гражданства
И осудить на вѣчное изгнанье;
Имущество виновныхъ распродать
И, воспретивши имъ огонь и воду,
А вмѣстѣ съ тѣмъ отнявъ у нихъ права
На собственность во всѣхъ владѣньяхъ Рима
Оставить имъ безпрекословно право:
Все отчуждать въ общественную пользу,
Хотя бы даже самую ихъ жизнь.
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію, по молодости лѣтъ
И по сомнѣнью въ важности проступка,
Отдать, для испытанья, на поруки
Такому-то...»
Здѣсь слѣдуетъ назвать

Кого-нибудь... Положимъ, что... Эгнатій...

(Вписываетъ).

Теперь намъ остается подписать,
Такъ какъ трибуны римскаго народа
Согласны и не произносятъ...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Валерій *появляется въ преддверіи капища.*

Валерій. Veto [40])!

Нѣсколько голосовъ. Валерій!

(Изъ груди Сервиліи вырывается страшный крикъ; она шатается и падаетъ на руки подоспѣвшаго Сорана).

Эгнатій *(рветъ на себѣ волосы).* Живъ?.. Смертельный врагъ мой живъ!
А я, безумецъ, вѣрилъ въ силу воли!
Проклятье!

Валерій. Властью римскаго трибуна,
Я закрываю засѣданье.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Тигеллинъ.

Тигеллинъ *(подходя къ Валерію).* Что̀-о?!
Трибунъ? трибунъ при кесарѣ Неронѣ?
Трибунъ и veto?

Преторъ. Мы не позволяемъ.
Валерій не являлся въ засѣданье
И потому теряетъ въ этомъ дѣлѣ
Права трибуна.

Валерій. Консулы и судьи!
Я вамъ привезъ отъ кесаря посланье.

(Подаетъ свитокъ Л. Телезину, который передаетъ его квестору).

Тигеллинъ. Отъ кесаря?

Эгнатій *(тихо).* А!.. это Мессалина!

Преторъ. Я требую вниманія!

(Всѣ встаютъ; глубокая тишина).

Квесторъ *(читаетъ).* «Отцы
Сенаторы! Трибунъ Валерій Рустикъ
Все это время былъ удержанъ мною
Для пересмотра нѣкоторыхъ дѣлъ:

Прошу считать, на прежнемъ основаньи,
Его моимъ очереднымъ трибуномъ.
Календы мая. Кесарь Неронъ-Августъ».

Валерій. При этомъ кесарь далъ мнѣ повелѣнье
Увѣдомить сенаторовъ и судей,
Что завтра утромъ онъ прибудетъ въ Римъ.

Народъ. Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

Преторъ. Собранье наше кончено... Отцы
Сенаторы! мы можемъ удалиться.

(Присутствующіе сходятъ съ мѣстъ. Консулы, преторъ, нѣсколько сенаторовъ, квесторъ, глашатай, писцы и ликторы уходятъ одни за другими. Валерія окружаетъ толпа. Кліенты цѣлуютъ полы его тоги).

Эгнатій *(Тигеллину).* Не выпускай Валерія изъ храма!
Вели убить!

(Тигеллинъ молча указываетъ на толпу, пожимаетъ плечами и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, *кромѣ вышедшихъ.*

Эгнатій *(глядитъ вслѣдъ Тигеллину).* Не хочешь?
Такъ я самъ...
Пусть разорветъ толпа меня на части,
Я не одинъ погибну: все же легче! *(Садится на скамью).*

Валерій *(пожимаетъ руки нѣкоторымъ изъ окружающихъ его).*
Теперь я вашъ, друзья мои!

(Подходитъ къ Тразеѣ, обнимаетъ и цѣлуетъ его)
Тразеа!

(Ищетъ глазами Сорана и, увидѣвъ Сервилію, вскрикиваетъ)
Сервилія!
Сервилія! ты здѣсь! *(Бросается къ Сервиліи).*

Сервилія *(слабымъ голосомъ).* Валерій!.. ты... не подходи ко мнѣ!
Я такъ слаба... не подходи ко мнѣ!

Валерій *(останавливается).* Сервилія, да что съ тобой?..
Твой голосъ,
Твои глаза...

Сервилія. На нихъ—печать могилы.

Валерій. Сервилія! зачѣмъ меня пугать?

Сервилія *(Сорану)*. Пусти, отецъ!.. Мнѣ легче... *(Выпрямляется. Валерію)*
Милый другъ!
Я чувствую, во мнѣ достанетъ силы
Все разсказать... Меня сейчасъ судили.
Валерій. Тебя? судили?
Сервилія. Да... за колдовство.
Я о тебѣ и о моемъ отцѣ
Пошла гадать... Нашлися злые люди,
И мнѣ въ вину поставили гаданье...
Но гдѣ жъ ты былъ, мой дорогой Валерій?
Валерій. У кесаря. Условіемъ спасенья
Отца, Тразеи, всѣхъ насъ было то,
Чтобъ я не смѣлъ показываться въ Римѣ
И вѣсти не давалъ вамъ о себѣ.
Быть-можетъ, это было испытанье?
Сервилія. А я, Валерій, думала, что мы
Не встрѣтимся съ тобой на этомъ свѣтѣ.
Меня враги увѣрили... сказали:
«Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!»
Я плакала, и плакала такъ долго,
Молилася, молилась такъ усердно,
Что наконецъ Господь меня утѣшилъ.
Валерій. Сервилія! ты очень нездорова...
Тебѣ покой и сонъ необходимы,
А здѣсь такое множество народа.
Соранъ. Дитя мое! уйдемъ скорѣй отсюда:
Ты отдохнешь подъ кровлею родною.
Сервилія. Я отдохну, но подъ другою кровлей...
Валерій! обѣщай исполнить волю
И просьбу умирающей: клянися—
Не мстить моимъ заблудшимся врагамъ
Клянись не предаваться малодушью,
Отчаянью...
Валерій. Сервилія!..
Сервилія. Клянися!
Валерій. Клянусь тебѣ, Сервилія!
Сервилія. Послушай:
(Беретъ его за руку и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).
Эгнатій *(встаетъ со скамьи)*. Она его сама ко мнѣ подводитъ...
Пойдемъ навстрѣчу молодой четѣ!
Сервилія *(останавливается)*. Валерій!
(Голосъ ея звучно раздается подъ сводами ка-

пища. Толпа тѣснится внимательнымъ кружкомъ. Эгнатій становится за Валеріемъ).

Я прозрѣла въ новый міръ,
Узнала силу чудной благодати
И поняла душою просвѣтленной,
Что наша человѣческая мудрость,
Поэзія, искусство и наука,
И наши боги — эти идеалы
Юдольныхъ добродѣтелей и истинъ —
Не болѣе, какъ тѣни отъ пылинокъ
Предъ вѣчнымъ солнцемъ правды и любви...
Я — христіанка!

(Валерій вздрагиваетъ. Толпа съ ропотомъ отступаетъ).

Эгнатій *(радостно).* А! моя звѣзда,
Ты не угасла!

Сервилія. Да, я христіанка,
Но имени Христова недостойна...
Простясь съ тобою мысленно навѣки,
Я, у святого алтаря Господня,
Произнесла обѣты — посвятить
Себя служенью Богу и отречься
Отъ радостей земныхъ и отъ любви.
Когда жъ тебя я снова увидала,
Изъ моего болѣзненнаго сердца
Рванулся вопль, такой ужасный вопль,
Что струны жизни разомъ порвалися...
Теперь звучитъ послѣдняя струна,
И та слабѣетъ...
Милый мой Валерій!
Сервилія, поклонница кумировъ,
Тебя любила сердцемъ; христіанка
Тебя душой своей безплотной любитъ...
Увѣруй, обратися ко Христу —
И мы съ тобою въ небѣ съединимся!

(Голосъ ея слабѣетъ съ каждымъ словомъ).

Я знаю... ты увѣруешь... и скоро...
Найди того, котораго недавно
Ты защитилъ отъ ярости народа:
Онъ защититъ тебя отъ искушенья
И отъ духовной гибели спасетъ,
Какъ спасъ меня и многихъ грѣшныхъ братій...
Теперь земное кончено. Валерій,

Простись съ твоей Сервиліей... Отецъ...

(Шатается. Валерій и Соранъ ее поддерживаютъ).

Дай руку... гдѣ ты... гдѣ ты, мой Валерій?.

Валерій. Здѣсь, здѣсь, мой другъ! у сердца твоего!

Эгнатій. Съ ней обморокъ! Врача сюда скорѣе!

Сервилія *(шопотомъ).* Прости меня, небесный Искупитель,
Какъ я прощаю... злѣйшаго врага...

Валерій. Сервилія!.. Сервилія!.. Я вѣрю,
Съ тобою вмѣстѣ вѣрю...

Соранъ. Не зови:
Сервилія насъ больше не услышитъ!

Валерій. Меня услышитъ! *(Выхватываетъ изъ-подъ тоги ножъ).*

Тразеа *(останавливаетъ руку Валерія).*
Клятвы не забудь:
Гдѣ духъ ея — туда не долетитъ
Душа самоубійцы.

(Валерій закрываетъ лицо руками и плачетъ).

Эгнатій *(подходитъ ближе и смотритъ на трупъ Сервиліи).*

Умерла...
Враговъ... меня простила, умирая... *(Раздираетъ на себѣ одежду)*
О, горе мнѣ! Есть всемогущій Богъ,
Есть неумытный Судія на небѣ,
Защитникъ добрыхъ и каратель злыхъ!

1854.

ПСКОВИТЯНКА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.
Царевичъ Іоаннъ.
Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.
Малюта Скуратовъ.
Князь Аѳанасій Вяземскій.
Дьякъ Елизаръ Вылузгинъ.
Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ.
Сокольничій.
Елисѣй Бомелій.
Князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ, царскій намѣстникъ и степенный посадникъ въ Псковѣ.
Бояринъ Иванъ Семеновичъ Шелога (псковичъ).
Бояринъ Никита Матута (псковичъ).
Максимъ Иларіоновичъ, бывшій степенный посадникъ въ Псковѣ.
Иванъ Гахоновичъ
Григорій Хрусталовъ
Юрій Копылъ
Иванъ Теншинъ
Яковъ Кротовъ
} псковскіе посадники.
Михаилъ Андреевичъ Туча
Четвертка Терпигоревъ
} посадничьи сыновья.
Дмитро Патракѣевичъ, сотскій.
Ѳедосъ Гоболя
Иванко Торгоша
Клементій Сесториковъ
Иванко Подкурскій
Колтырь Раковъ
Василій Суконникъ
} очередные псковскихъ концовъ.
Яковъ Желѣзовъ
Юшко Велебинъ, гонецъ.
Семенъ Ивановъ Бороусовъ, псковской гость.
Боярыня Вѣра Дмитріевна Шелога.
Боярышня Надежда Дмитріевна Насонова, ея сестра.

Перфильевна, мамка.
Княжна Ольга Юрьевна Токмакова.
Боярышня Степанида Матута
Княжна Дябренская } подруги Ольги.
Боярышня Ѳедосья Умылъ-Бородина
Настька, сѣнная дѣвушка.
Власьевна
Ипатьевна } мамки.
Парѳеновна

Тысяцкій, судья, псковскіе бояре, опричники, рынды, московскіе стрѣльцы, псковская вольница, сѣнныя дѣвушки, мальчишки, народъ. Въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ — Псковъ; въ пятомъ — берегъ рѣки Мѣдѣдни.

Первое дѣйствіе въ 1555, остальныя въ 1570 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица:

Бояринъ Иванъ Семеновичъ Шелога.
Вѣра Дмитріевна, его жена.
Надежда Насонова, сестра Вѣры.
Князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ.
Матрена Перфильевна, мамка Надежды.

Псковъ. 1555 г.

Свѣтлица. На заднемъ планѣ—сѣнная дверь; направо два окна въ садъ; одно раскрыто, и въ него вбивается нѣсколько вѣтокъ черемухи. Налѣво полурастворенная дверь; подлѣ нея столъ, и на немъ ларецъ; передъ открытымъ окномъ пяльцы и два стула съ высокими рѣзными спинками. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда *сидитъ за пяльцами;* **Перфильевна** *стоитъ у стола и отпираетъ ларецъ.* **Надежда** *въ сарафанѣ; волосы заплетены въ косу.* **Перфильевна** *въ тѣлогрѣѣ и кикѣ.*

Перфильевна. Вотъ, матушка-боярышня, такъ поднизь!..
Гляди-ка-ся, какъ жемчугъ-то подобранъ —
Роса на травкѣ... Этакую поднизь
Не то, что королевичнѣ носить,
Хоть бы самой царицѣ—право слово!

(Подходитъ къ Надеждѣ).

Прикинемъ-ка къ волосикамъ твоимъ
Шелковыимъ... *(Примѣриваетъ поднизь)*
Куда какъ разуборно!..

Сама-то ты жемчужина въ окатѣ,
Аль камешекъ лазоревый... во Псковѣ
Красавицъ нѣту супротивъ тебя,
Опричь твоей сестрицы.

Надежда. Полно, няня!
Хвали сестру, да не стыди меня:
Мы съ Вѣрушкой и сестры, да не ровни.

Перфильевна. Надеженька! да вы съ сестрой—двойчатки,
Двѣ ягодки на вѣточкѣ одной...
Намедни мы пошли съ сестрицей въ церковь—
Народу много, и пригожихъ много—
Гляжу, гляжу: все дѣвки молодыя,
А краше Вѣры Дмитріевны нѣтъ!
Вотъ, думаю я спросту: хоть и стерто,
Да золото литое, хоть и цѣльно,
А серебро.

Надежда *(въ раздумьѣ).* Перфильевна! не знаешь,
О чемъ сестра тоскуетъ?

Перфильевна *(кладетъ поднизь на пяльцы и вздыхаетъ).*
Знаетъ грудь
Да подоплека... Муженекъ не ѣдетъ —
Вотъ и тоскуетъ... Порознь-то давненько,
А молодой женѣ безъ мужа скучно.

Надежда. Такая все печальная, такая
Понурая... Словечка не промолвитъ;
Сидитъ себѣ весь день надъ колыбелью
Да Оленьку цѣлуетъ...

Перфильевна. Эхъ, Надежда!
Какъ выйдешь замужъ, такъ сама узнаешь
Въ ту пору,—каково оно легко
И мужа-то любить и дѣтокъ няньчить.
Вотъ погоди: твой женишокъ, князь Юрій,
Съ бояриномъ вернется изъ похода —
Ужъ,—плачь не плачь,—а косу расплету.

Надежда *(наклоняется надъ пяльцами).*
Заплачется, коль суженый невзраченъ.

Перфильевна. Князь Юрій-то! Да что̀ ты, Богъ съ тобою!
Не грѣхъ тебѣ?.. Да этакого князя
Всѣ дѣвушки съ руками оторвутъ...
Бывало, онъ по улицѣ поѣдетъ —
Конь, что̀ твой звѣрь: и фыркаетъ, и пляшетъ,
И на дыбки, а онъ-то, разсоколикъ,
Сидитъ себѣ на немъ и въ усъ не дуетъ:
Знай, шапочку соболью оправляетъ

Да встряхиваетъ кудрями, а самъ
На теремъ нашъ все смотритъ, все-то смотритъ...
А ты: невзраченъ! *(Бьетъ объ полы руками)*
Дура же, я дура!
И невдомекъ, что ты меня морочишь:
Давно ль сама хвалила жениха?

Надежда *(улыбается)*. Я пошутила.

Перфильевна. Видно, пошутила!
А плакала зачѣмъ, какъ онъ уѣхалъ?..
Ну, что̀ стыдиться! Плакать не зазорно
По суженомъ...

(Качаетъ головой и смѣется).

Забыть мнѣ—не забыть,
Какъ онъ въ Великихъ-Лукахъ-то со мною
Столкнулся—и давай мнѣ напѣвать
Про дѣвичью красу, свою зазнобу...
Изъ Лукъ-то мы когда съ тобой?

Надежда. Великимъ
Постомъ.

Перфильевна. Ну вотъ, на пятой-то недѣлѣ
Ровнехонько былъ годъ... Аль на четвертой?
Не помню... а распутица стояла:
Такая склизь, что Боже упаси!
Плетуся я проулкомъ отъ вечеренъ
Да подъ ноги гляжу, а князь-отъ Юрій
Навстрѣчу мнѣ: «Перфильевна, здорово!»
Я кланяюсь, а онъ мнѣ говоритъ:
«Скажи своей боярышнѣ, родная,
Что вся душа моя по ней изныла,
И Божій день, молъ, безъ нея не въ день
(А самъ кису мнѣ въ руки суетъ, суетъ).
Смотри жъ, скажи, Перфильевна!»—«Скажу, молъ,
Родимый мой, скажу»

Надежда. И не сказала!

Перфильевна. Какъ не сказала?.. Да Господь съ тобою!
Да ты тогда...

Надежда. И слушать не хочу.
Молчи, молчи!

(Зажимаетъ Перфильевнѣ ротъ и смѣется. За сценой слышенъ дѣтскій крикъ).

Ахъ! Оленька проснулась.
Вѣдь это мы съ тобою разбудили.

Вѣра *(за сценой).* Шш-шш-шш,
Баю-бай-бай-бай,
Баю-бай-бай-бай.

Перфильевна *(шопотомъ).* Припрятать поднизь, да сходить на погребъ.

(Запираетъ поднизь въ ларецъ и уходитъ въ сѣнную дверь).

ЯВЛЕНІЕ II.

Надежда, *потомъ* **Вѣра.**

Вѣра *(за сценой напѣваетъ вполголоса).*
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
Что на зорькѣ на зорѣ,
О весенней о порѣ,
Птички Божіи поютъ,
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
Соловейка, соловей!
Ты гнѣзда себѣ не вей:
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокій теремокъ.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки пригрѣть,
Олѣ пѣсенку пропѣть.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

(Входитъ въ свѣтлицу. На ней цвѣтная шубка и каптуръ).

Надежда *(оборачивается).* Что, Оленька подъ пѣсенку твою Заснула?

Вѣра. Да. *(Садится на стулъ).*
А ты чему смѣялась?

Надежда. Съ Перфильевной: она хвалила князя,
А я его бранила.

Вѣра. Жениха-то?

Надежда. Вѣдь я шутя.

Вѣра *(улыбается).* А любишь не на шутку?

Надежда. Не знаю, какъ: люблю и не люблю...
Какъ здѣсь онъ былъ, такъ я его боялась,
А какъ уѣхалъ, стало словно жалко...
Бывало, и не думаю о немъ,
И не взгляну, когда проѣдетъ мимо,
Теперь-то—вотъ хоть бы глазкомъ взглянула,
Да не на что. Когда они вернутся?
Пора бы насъ порадовать...
Вѣра *(потупилась).* Пора...
Надежда. Давно твой мужъ подъ Колывань уѣхалъ?
Вѣра. Давно...
Надежда. И Оли не видалъ, сестрица?
Вѣра *(задыхаясь).* Нѣтъ...
Надежда. Какъ же онъ утѣшится, сердечный!
Какъ расцѣлуетъ Оленьку!
Вѣра *(вскрикиваетъ).* Молчи!
Не рѣжь меня...
Надежда *(испуганнымъ голосомъ).* Господь съ тобою, Вѣра!
Вѣра *(падаетъ на колѣни).* Сестра, сестра, я обманула мужа:
Моя малютка — не его ребенокъ!
Надежда *(поднимаетъ Вѣру).* Голубушка-сестрица, полно, полно!
Перекрестися... Что̀ ты говоришь?
Опомнися!
Вѣра *(опускается на стулъ).* Опомнюсь я въ могилѣ.
(Рыдаетъ. Надежда хочетъ ее обнять).
Не подходи ко мнѣ, не оскверняйся:
Я грѣшница, я клятву преступила—
Нѣтъ у меня ни друга ни сестры!
Надежда *(обнимаетъ и цѣлуетъ Вѣру).*
Мой другъ!.. сестра!.. не надрывай мнѣ сердца...
Господь проститъ. Давай Ему молиться...
Вѣра. Надежда! мнѣ не замолить грѣха,
Не выплакать у Господа прощенья!
Надежда. Зачѣмъ же такъ отчаиваться, Вѣра?
У Господа и слезы на счету...
Вѣра. Не смыть съ моей души любви проклятой,
Не смыть со щекъ проклятыхъ поцѣлуевъ
Любовника... *(Отираетъ слезы).*
Нѣтъ! жеребій мой выпалъ!
И какъ мнѣ быть—я твердо порѣшила...
Пріѣдетъ мужъ, подамъ ему топоръ,
Скажу: «Пришла съ тобою распроститься.
Прискучилъ мнѣ твой свычай и обычай,

Нашла себѣ я мужа помоложе,
Да надъ тобой, сѣдымъ, и насмѣялась!
Ищи и ты хозяюшку другую,
Получше да почище, а съ меня
Снимай и стыдъ и голову...»

Надежда. Ахъ, Вѣра!
Какъ у тебя языкъ-то повернулся
На эту рѣчь грѣховную? Татаринъ —
И тотъ своей хозяйки не зарѣжетъ,
А твой Иванъ Семеновичъ — крещеный!
Ну... пригрозитъ, посердится, потужитъ,
Да и проститъ...

Вѣра. Не надо мнѣ прощенья
И милостей! Я мужу не жена
И никогда женой ему не буду:
Люблю другого, и любови этой
Мужъ и ножомъ не вырѣжетъ изъ сердца.
(Обнимаетъ Надежду).
Охъ, не кори! И ты бы полюбила,
Когда бъ *ему* въ недобрый часъ попалась
На зоркій глазъ, на ласковое слово...
И ты бы грѣхъ на душу приняла!

Надежда. Да кто жъ такой?

Вѣра. Не спрашивай, Надежда!
Не вымолвить, а то языкъ отсохнетъ!
Я и въ молитвахъ шопотомъ боюся
Проговорить желанное словечко:
Назвать *его* по имени... *(Хватаетъ Надежду за руку)*
Послушай!
Грѣхъ говорить, а промолчать не въ силу.
Хоть казнися, да выслушай...

Надежда *(припадаетъ головой къ плечу Вѣры).* Не бойся:
Я... не стыжусь... Я... вышла изъ подростковъ.

Вѣра. Такъ слушай же! Шла замужъ я неволей...
Привыкла послѣ... Мой Иванъ Семенычъ
Преправный, а души во мнѣ не чаялъ
И баловалъ, какъ малаго ребенка:
Въ глаза глядитъ и мысли-то, кажися,
Всѣ выглядитъ да высмотритъ насквозь...
Сегодня что̀ ни есть мнѣ приглянулось,
А завтра—ужъ несутъ на дворъ купцы...
Даритъ, даритъ, да самъ еще боится —
Въ угоду ли? Колечко не колечко,
Запястье не запястье... Такъ мы жили

Съ нимъ до весны... Весною слышно стало:
На нѣмцевъ рать сбираютъ. Мой хозяинъ
Куды тужилъ, что надо намъ разстаться,
Да какъ тутъ быть?—пошелъ и онъ въ походъ.
Поплакала я, Богу помолилась,
Дала обѣдъ къ печерскимъ чудотворцамъ
Сходить, какъ только радостную вѣстку
Услышу... Вотъ и прискакалъ гонецъ:
«Сломали нѣмцевъ—Богъ послалъ побѣду».
Недѣли съ три прошло — другой гонецъ:
«Царь будетъ въ Псковъ, и наши съ нимъ вернутся...»
Пріѣхалъ царь, вернулися и наши,
А мужа нѣтъ: остался на сторожѣ
Подъ Колыванью — словно ненадолго,
Прислалъ поклонъ мнѣ съ нашими, гостинцы...
Жду, жду—не ѣдетъ... Думаю: навѣрно,
Господь меня за то и наказуетъ,
Что я дала обѣтъ и не сдержала...
Взяла съ собою дѣвушекъ, пошла
Угодникамъ Господнимъ поклониться...
Ты не была въ монастырѣ?

Надежда. Въ Печерскомъ?
Нѣтъ, не была...

Вѣра. Туда дорога лѣсомъ...
А лѣсъ густой; березы да осины
Переплелися, спутались вѣтвями,
Какъ волоса, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнемъ раскинулся—разросся —
Продору нѣтъ. Идемъ мы по опушкѣ,
Вдругъ Степанида мнѣ и говоритъ:
«Боярыня, гляди-ка: подосинникъ.
Пойдемъ искать грибовъ».

Надежда. Ты и пошла?

Вѣра. Я и пошла... Давно ужъ это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ:
Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ—что коверъ шелковый подъ ногами...
А впереди деревья гуще, гуще,
Темнѣй, темнѣе: такъ къ себѣ и манятъ...
Иду... кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь...
Тутъ боровикъ, волвянка, подорѣшникъ,
Тутъ земляника... Тишь въ лѣсу такая,
Что ни одинъ листокъ не шелохнется...

Вотъ слышится мнѣ, будто бы кукушка
Кукуетъ гдѣ-то, только далеко...
Дай, думаю, послушаю поближе:
Надолго ли Господь грѣхамъ потерпитъ?
Аукнула и побѣжала дальше.
За мной: «ау! ау!», а я ныряю
Промежъ кустовъ, не хуже куропатки...
Вотъ и иду... кустарникъ чаще, чаще, —
Все жимолость, да цѣпкая такая:
То тамъ, то здѣсь лѣтникъ сучкомъ прихватитъ...
На ту бѣду моя кукушка смолкла;
Куда итти — не знаю, да и полно...
Остановилась, духъ перевела,
Подумала: «заблудишься, пожалуй!»,
Пошла назадъ тихонько, а сама
По сторонамъ гляжу, ищу дороги...
Кажися, здѣсь? Прошла шаговъ съ десятокъ —
Нѣтъ, здѣсь не шла; свернула полѣвѣе —
Опять не то; взяла направо — топь·
По щиколку ушла нога въ болото.
Я крикнула—никто не отвѣчаетъ;
Еще, еще — опять отвѣту нѣтъ...
Я не сробѣла, крикнула погромче,
Прислушалась: чу! кто-то отозвался...
Я на голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать,
Все цѣликомъ, по хворосту, по кочкамъ,
Изорвала лѣтникъ, каптуръ сронила,
Валежникомъ всѣ ноги исколола,
Всѣ руки исцарапала—задаромъ:
Не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ!
Трущоба, глушь! А сучья, словно руки,
Такъ вотъ тебя за полы и хватаютъ...
Страхъ обуялъ: я побѣжала шибче,
Куда глаза глядѣли, безъ пути,
Безъ памяти бѣжала и кричала,
Пока языкъ и ноги не отнялись;
Споткнулася о что-то и упала —
Тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ...

Надежда. Какъ ты жива осталась?.. Жутко, Вѣра!..
И слушать — страхъ!..

Вѣра. Не страшенъ страхъ, Надёжа,
А страшенъ грѣхъ... Вотъ какъ любовь-змѣя
Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
Да высосетъ всю кровь изъ ретивого,

Да какъ не то, что о грѣхѣ молиться—
А, кажется, молилась бы грѣху,—
Такъ тутъ вотъ жутко... что твой лѣсъ потемный!
(Помолчавъ)
Ну... Что̀ со мною было—я не знаю...
Какъ сквозь просонокъ слышала: кричали,
Трубили въ рогъ... Очнулася я поздно,
Ужъ въ сумерки... Въ какомъ-то я шатрѣ...
Гляжу: коверъ подостланъ подо мною,
А въ головахъ камчатная подушка,
И парчевой попоной я накрыта...
Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
Народъ гуторитъ...

Надежда. Что̀ жъ это такое?
Бояре, что ль, охотилися?

Вѣра. *Онъ...*
Приподняла̀ я голову—подходитъ...
Впотьмахъ лица не видно, только очи
Какъ уголья въ жаровнѣ... Говоритъ:
«Долгонько спалось, гостья дорогая!
А намъ бы вотъ довѣдаться: какъ гостья
Велитъ себя по имени назвать,
Какъ величать по отчеству?» Самъ—въ поясъ.
Я ни гугу: языкъ не шевелится...
А вижу-то, что изъ бояръ бояринъ,
По рѣчи слышно: голосъ такъ и льется,
Что̀ за осанка, что̀ за ростъ и плечи!..
Онъ мнѣ опять: «Мужевая жена,
Аль красная дѣвица—обзовися:
Мы до̀ дому проводимъ». Я молчу.
Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
«Князь Вяземскій! Послать сюда дѣвчонку!»
И вышелъ вонъ... Втолкнули Степаниду...
А тамъ, ужъ какъ свезли меня домой,
Какъ на постель раздѣли—положили—
Не помню.

Надежда. Вѣра!.. Знаешь ли ты?

Вѣра. Что̀?

Надежда. И я бы также полюбила...

Вѣра. Надя,
Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?
Душа изъ тѣла рвется... Ты послушай!
(Слышенъ отдаленный звукъ трубъ).

Надежда *(въ смущеніи прислушивается).* Что̀ это? трубы?

Вѣра. Пусть себѣ ихъ трубятъ!
Дослушай лучше пѣсенку мою.
Проснулася я ночью на постели:
Щемитъ мнѣ сердце,—сладко таково;
По тѣлу дрожь, какъ искры присѣкаетъ;
Коса трещитъ, вертится изголовье;
Въ глазахъ круги огнёвые пошли...
Вскочила я, окошко распахнула,
Дышу-дышу всей грудью... а въ саду
Роса дымится и укропомъ пахнетъ,
И пòдъ ухомъ въ травѣ куетъ кузнечикъ...
Ну, чтò, Надёжа, чтò бы ты сказала,
Какъ если бъ онъ да шасть изъ-за угла,
Да пошептомъ промолвилъ: «Эхъ, молодка!
Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?
Аль бѣлою рукой не поманишь?
Пустила бы въ свѣтелку...»
Я шатнулась
И о косякъ ударилась плечомъ,
А самоё трясетъ, какъ въ лихоманкѣ...
Сказать хотѣла: «отойди, проклятый!»
А говорю: «влѣзай же, что ль, скорѣе!»
Ужъ, видно, Богъ попуталъ за грѣхи!..

(Трубы слышнѣе. Надежда глядитъ въ окно. Вѣра опускаетъ голову на руки и плачетъ. Молчаніе).

Вѣра *(встаетъ).* Да чтò тутъ! вырвалъ сердце мнѣ изъ груди,
Какъ изъ гнѣзда безкрылую касатку,
Ударилъ òземь, да и прочь пошелъ.

(Ходитъ по свѣтлицѣ).

Жену завелъ—Настасьею зовутъ,
Романовной по батькѣ прозываютъ...
Ужъ я бъ ее, лебедку, угостила,
Да не достанешь: руки коротки!

(Труба раздается у самыхъ воротъ).

Надежда *(отскакиваетъ въ испугѣ отъ окна).* Ахъ, Господи помилуй! Вѣра, Вѣра!
Они, они!.. Иванъ Семенычъ съ княземъ!
Вѣра *(вскрикиваетъ).* Мужъ!
Надежда. Убѣги, голубушка-сестрица!..
Я не пущу ихъ! *(Бросается къ сѣнной двери).*

Вѣра *(ломаетъ себѣ руки).* Матушка, не выдай!
Дай унести мнѣ Оленьку: убьетъ!

(Бѣжитъ въ дверь налѣво).

Надежда *(прислушивается къ сѣнной двери).* Скорѣй, скорѣй!.. ворота отворили...
Скорѣй! идутъ по лѣстницѣ...
Вѣра *(вбѣгаетъ съ Оленькой на рукахъ).* Пусти!

ЯВЛЕНІЕ III.

Сѣнная дверь растворяется; на порогѣ показываются бояринъ **Шелога** *и князь* **Токмаковъ**, *оба въ кольчугахъ и шлемахъ.*

Шелога. Здорово! Дорогихъ гостей не ждали?

(Снимаетъ шлемъ и молится).

Вѣра *(бросается въ безпамятствѣ между нимъ и Токмаковымъ).* Пусти, пусти!
Шелога *(заступаетъ ей дорогу, смѣясь).* Аль мужа не признала?
Знать, съ нѣмцами и самъ я нѣмцемъ сталъ.
Здорово, Вѣра! дай поцѣловаться!

(Хочетъ ее обнять).

Кажися, годъ промаялись...
Вѣра *(отскакиваетъ отъ него).* Не тронь,
Не тронь ребенка.
Шелога *(крестится).* Наше мѣсто свято!
Ребенка?.. Какъ ребенка?.. *(Дѣлаетъ шагъ впередъ).*
Вѣра *(отбѣгаетъ къ окну).* Отойди!
Въ окошко кинусь...
Шелога. Господи, помилуй!..
Неужто я на смертный грѣхъ вернулся!..

(Возвышаетъ голосъ)

Жена!.. а чей пащенокъ этотъ?..
Надежда *(падаетъ на колѣни).* Мой!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Псковъ, 1570 годъ.

Садъ князя Юрія Токмакова. Яблони, груши, кусты смородины, малины и крыжовника. Вдоль сада пробита широкая дорожка. Направо видны боярскія хоромы: налѣво щелистый заборъ въ сосѣдній садъ. На первомъ планѣ, справа, густое дерево черемухи, подъ нимъ столъ и двѣ скамьи: слѣва разростокъ бузины. На заднемъ планѣ, изъ-за деревьевъ, виденъ Кремль и часть Пскова. Сумерки. Боярышни и сѣнныя дѣвушки играютъ въ горѣлки, мамки сидятъ за столомъ, перебираютъ ягоду и шепчутся.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга *горитъ. За ней нѣсколько паръ; въ первой парѣ княжна* **Дябренская** *и боярышня* **Умылъ-Бородина**; *во второй боярышня* **Матута** *и* **Настька.**

Ольга. Горю! *(Умылъ-Бородина и княжна Дябренская бѣгутъ).*

Умылъ-Бородина. Лови!

(Ольга бѣжитъ за нею; Умылъ-Бородина увертывается).

Проворнѣй—не поймаешь!

(Сбѣгается съ княжной Дябренской).

Ольга *(смѣется и грозитъ Умылъ-Бородиной).*

Ну, погоди, Ѳедосья, попадешься!

(Возвращается на мѣсто).

Горю! *(Стеша Матута и Настька бѣгутъ).*

Настька *(пробѣгаетъ мимо Ольги).* Сгоришь!

(Бросается и ловитъ).

Не ты ли подожгла?

Стеша Матута *(улыбается).* Куда ужъ намъ!.. Сосѣди ближе...

Ольга *(хватаетъ ее за руку).* Стеша!

Стеша Матута *(откидываетъ голову).* Ну, Ольга?

Ольга *(вполголоса).* Ну!.. Да ты меня не нукай,

А говори по сердцу все, какъ есть.

Стеша Матута *(также вполголоса).* Такъ что жъ?.. Скажу...

Ты думаешь, боюся? *(Громко)*

Параша! Ѳеня!

(Княжна Дябренская и Умылъ-Бородина подходятъ).

Будетъ намъ въ горѣлки:

Устала... ноги—точно какъ колодки.

Кн. Дябренская. И у меня.
Умылъ-Бородина. А что̀ жъ мы будемъ дѣлать?
Стеша Матута. Такъ что-нибудь...
Настька. Боярышни, давайте—
Кто ягоду крупнѣе наберетъ?
Умылъ-Бородина. Давайте... Кто затянетъ «По малину»?
Стеша Матута. А хоть бы я... Ну, разсыпайся, жемчугъ!..
Подруженьки, ау!

(Ныряетъ въ кусты; остальныя разсыпаются по саду съ крикомъ)—Ау! ау!

ЯВЛЕНІЕ II.

Ипатьевна. Вотъ молодость-то рѣзвая, что̀ зябликъ;
Все прыгъ да скокъ, все съ вѣтки да на вѣтку—
Не посидитъ на мѣстѣ и часочку...
Парѳеновна. Ипатьевна, когда жъ и порѣзвиться,
Коль не въ подросткахъ?.. Что̀, твоей-то сколько?
Ипатьевна. Да что? никакъ пятнадцатый годокъ,
Парѳеновна!
Парѳеновна. Ну, мати, перестарокъ!
Сложить ихъ четырехъ-то, врядъ дотянутъ
До Власьевны...
Власьевна. Да! ты гляди на нихъ!
Изъ молодыхъ, да раннія... поди-ка-сь!
Одна моя такая егоза,
Что гдѣ это такая уродилась!..
Ни въ батюшку ни въ матушку... знать, въ вѣтеръ
Аль въ полымя пожарное...
Ипатьевна. Такъ что̀ жъ ты?
Вѣстимо: надо по коню уздечку...
Парѳеновна. По дѣвкѣ — парня...
Власьевна. На-тка, подступися,
Заговори-ка съ ней о сватовствѣ... *(Махаетъ рукой)*
И ворогу того не пожелаю!
Парѳеновна *(качаетъ головой).*
Ахъ, мать моя! да какъ же это?
Власьевна. Такъ же:
Росла такая сызмалу. Досужа,
Привѣтлива, отходчива; а воли
Съ нея никто — и батька — не снимай!
Ипатьевна. Иныя такъ покорливы: изъ воли
Родительской не смѣютъ выходить,
И на обычай дѣвичій стыдливы...

Вотъ хоть бы мы съ Перфильевной — извѣстно,
Своимъ добромъ не слѣдъ бы и хвалиться, —
А къ слову молвить: выносили пташекъ.

Власьевна. Ну, матушка, у вашихъ соколёнъ
И путы золотыя, а у Стеши
Пеньковыя...

Пароеновна. Пеньковыя! Порыться
У васъ въ пенькѣ, по кладовымъ-то вашимъ,
Такъ, чай, зобницу жемчугу нароешь,
А, говорятъ, рублями — прудъ пруди:
Всѣ закрома насыпаны до верху.

Власьевна. Какъ вамъ не знать сосѣдскаго добра!

Ипатьевна. Ужъ полно, полно, Власьевна-голубка,
Ужъ не грѣши на старости!.. Богатъ,
Куды богатъ бояринъ твой, Никита
Семеновичъ!..

Пароеновна. Богатъ и тароватъ,
Хоша и вдовъ, а холостого лучше...

Ипатьевна. И молодецъ, — одинъ на цѣлый Псковъ.
Посватала бъ ему я и невѣсту —
Ужъ былъ бы благодаренъ! Отдадутъ,
Затѣмъ: женихъ сподручный имъ...

Власьевна. Не сватай,
И безъ тебя найдутся: свахъ во Псковѣ,
Что̀ въ огородѣ кочней...

Пароеновна. Знать, что правду
Просвирня наша мнѣ вчера сказала.
Не погнѣвися, матушка Матрена
Перфильевна, на глупый спросъ, и ты
Не погнѣвися, Власьевна!

(Перфильевна не отвѣчаетъ).

Власьевна. А мнѣ что̀?
Звони—языкъ не колоколъ, не треснетъ.

(Вдали запѣваютъ пѣсню).

Голосъ Стеши Матуты. По малину я ходила, молода, —
Прилучилась молодешенькѣ бѣда.
По малину, по малину, по смородину...

Нѣсколько голосовъ *подхватываютъ:*
По малину, по малину, по смородину...

Пароеновна. Вотъ ты молчокъ, Перфильевна, и слова
Мнѣ на ушко ни разу не шепнула,
Да быль и правда — все одно, что̀ масло:
Хоть въ рѣку вылей — выплыветъ наверхъ.

Перфильевна. Да что̀ ты, мать?
Власьевна. Къ чему ты прибираешь?
Парѳеновна. Къ тому и прибираю: «Быть княжнѣ
Боярыней...» а вы отъ насъ таитесь:
Нашли простыхъ!
Перфильевна. Что̀ жъ? мало ли княженъ!
Парѳеновна. Да лихъ не всѣ намѣстничія дочки!..
Твоей княжнѣ, Перфильевна!
Перфильевна *(кланяется).* Спасибо
На чести-почести! Не ждали — не гадали,
Анъ радость и въ воро̀та къ намъ!..
Парѳеновна. Смекаешь,
Ипатьевна?
Ипатьевна *(качаетъ головою).* Ну, что̀ и говорить?
(Голоса ближе).
Стеша *(за кустами).*
Ужъ какъ росъ въ лѣсу да кустикъ молодой —
Я запуталась въ немъ русою косой.
По малину, по малину, по смородину...
(Голоса дѣвушекъ)
По малину, по малину, по смородину...
Перфильевна. Ну, разыгрались ласточки, распѣлись:
Знать, будетъ вёдро...
Ипатьевна. Дай имъ Богъ на радость!
А ты-то что̀ разгукалась совою?
Что̀ и взаправду учала таиться?
Диви бъ чужія... Слава Богу, сватья,
Да и кума въ придатокъ.
Власьевна. Эка зависть!
Хоть не носить чужого сарафана,
Такъ дай рукой поглажу по камкѣ.
Перфильевна. Послушайте-ка, ро̀дныя, негоже
Хвалить пирогъ, поколѣ тѣсто мѣсишь.
Взойдетъ опара — дѣло въ полудѣлѣ,
И какова-то выдастся начинка;
Вотъ испечемъ да подадимъ на столъ,
Тогда хвалите, милостные гости,
И сами мы хвалиться станемъ... такъ-то-сь!
А что̀ теперь?.. какое сватовство?..
Вонъ вѣсти-то изъ Новгорода... Лучше
И не слыхать бы...
Парѳеновна. А какія вѣсти?..
Перфильевна. Прослышала я мелькомъ, да не вѣрю:
Опять-таки просвирня говорила...

Власьевна. Ужъ эта — жерновъ: положи известки —
Все за муку измелетъ... Пустомеля!
Перфильевна. Нѣтъ, Власьевна! Просвирня чисто мелетъ,
А тутъ, гляди, посыпать не сумѣетъ...
Такія страсти... Самъ вѣдь князь-отъ Юрій
Мнѣ сказывалъ — ужъ, стало, Божья правда.
Ипатьевна. Да не томи, Перфильевна!
Парѳеновна. И впрямь!
Перфильевна. Охъ, матушки, вѣдь царь Иванъ Васильичъ
На Новгородъ прогнѣваться изволилъ,
Пришелъ со всей опричиною...
Парѳеновна, Ипатьевна и Власьевна. Что̀ ты?!
Перфильевна. Казнитъ по всѣмъ концамъ и по посадамъ [2])
И стараго и малаго—кто виненъ,
А кто и не виновенъ—безъ разбора,
Безъ жалости, безъ милости казнитъ.
Пригналъ оттуда къ князю спѣшный вершникъ:
«Стонъ-стономъ, князь, по городу стоитъ;
На Волховѣ, пониже моста съ версту,
Набило тѣлъ—такая-то плотина,
Что по̀лою водою не размоетъ...»
Три тысячи, никакъ—онъ говорилъ—
На площади казнёно было за день,
А что̀ ужъ тамъ, по пригородамъ, селамъ,
Монастырямъ... Охъ, Господи, помилуй
Насъ грѣшныхъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Стеша Матута *выходитъ на дорожку; за ней* **Ольга**, *другія боярышни и дѣвушки.*

Перфильевна *(указывая на нихъ).* Дѣти... доскажу.
Стеша Матута *(сбираетъ ягоды по дорожкѣ и поетъ).*
Кто-то на помочь мнѣ, дѣвицѣ, придетъ?
Кто-то косыньку отъ вѣтокъ отовьетъ?
По малину, по малину, по смородину...
Боярышни и дѣвушки. По малину, по малину, по смородину...
(Всѣ собираются въ кучку; въ платкахъ у нихъ ягоды).
Стеша Матута *(запѣваетъ).* Не видалъ, не чаялъ суженый сѣдой:
Увидалъ—распуталъ косыньку мило̀й.
По малину, по малину, по смородину!..

Всѣ вмѣстѣ. По малину, по малину, по смородину!..

(Подходятъ къ мамкамъ).

Княжна Дябренская *(Ипатьевнѣ).* Смотри-ка, мама, что̀ я набрала!

Видала ты крупнѣе?

Ѳедосья Умылъ-Бородина. Эко диво,
Что крупную малину отыскала!
Ты мнѣ найди смородину такую!

(Развертываетъ платокъ).

Не ягода—бурмицкое зерно.

Стеша Матута. А мнѣ сегодня, просто, незадача:
Впередъ шла Настька—все обобрала,
Что̀ повиднѣй...

Перфильевна. Ужъ эта воръ-дѣвчонка:
И ягоду наперечетъ всю знаетъ!

Настька. Я, мамушка, все съ краешка...

Перфильевна. Толкуй ты!

Стеша Матута. Что̀ жъ мы стоимъ? Садитесь разбирать.

(Княжна Дябренская и Умылъ-Бородина садятся на скамью; Настька и сѣнныя дѣвушки перебираютъ ягоды стоя).

Ольга *(тихо Стешѣ Матутѣ).* Ну, что̀ же, Стеша?

Стеша Матута *(тихо).* Отойди подальше.

(Ольга отходитъ. Стеша Матута садится на скамью. Вслухъ)

Эхъ, дѣвушки! прямыя вы касатки:
Летали—щебетали безъ умолку,
А сѣли—смолкли. Затяните пѣсню,
Иль Власьевну попросимъ: скажетъ сказку.

Княжна Дябренская и Умылъ-Бородина. Голубка Власьевна, пожалуйста, для насъ...

Пожалуйста!.. одну!..

Власьевна. Да отвяжитесь.
Какія сказки! Всѣ перезабыла...

Стеша Матута. Нѣтъ, помнитъ, помнитъ. Мнѣ еще недавно
Разсказывала на ночь...

Власьевна. Охъ, юла!
Разслышала ты много!.. Приставала:
«Скажи, скажи!», а стала говорить—
Гляжу—на первой присказкѣ заснула...
Какъ ключъ ко дну... И вся тебѣ тутъ сказка.

Стеша Матута *(смѣется).* Такъ доскажи: теперь я не засну...

Начни вотъ эту: про царевну Ладу.

Умылъ-Бородина. Ахъ, разскажи намъ, мама, про царевну!

Княжна Дябренская. Да разскажи же, Власьевна!

Ипатьевна. Ну, полно:
Повесели боярышень...

Власьевна. Постойте:
Я, можетъ, вспомню «про царевну»...

(Опирается головой на руки. Молчаніе. Стеша Матута отходитъ къ кустамъ нальво).

Стеша Матута *(рветъ бузину, вполголоса).* Ольга!

Ольга *(выходитъ изъ-за куста. Шопотомъ).* Я здѣсь...
Ну, что̀?..

Стеша Матута *(также).* Покончимъ сразу, Ольга!
Ты любишь?..

Ольга. Да.

Стеша Матута *(задыхаясь).* Сосѣда?

Ольга *(качаетъ головой).* Не сосѣда.

Стеша Матута *(хватаетъ ее за руку).* Какъ, не его, не дьявола
Четвертку?

Ольга. Клянусь тебѣ Заступницею, Стеша!...
Люблю я... *(Шепчетъ).*

Умылъ-Бородина. Что̀ же, мама?

Власьевна. Погоди же!
Вѣдь сказка не доро̀га: тамъ споткнешься,
Да и опять пошелъ; а тутъ иное —
И о словечко не моги запнуться...

Стеша Матута. Охъ, Ольга! если бъ ты да разумѣла,
Какой мнѣ камень сдвинула ты съ сердца,
Сама со мной заплакала бъ навзрыдъ
Отъ радости... *(Припадаетъ къ Ольгѣ на грудь и плачетъ)*
А я — твоя рабыня:
Возьми меня, вели разнять ножами —
И слова не промолвлю...

Власьевна. Такъ и быть,
Скажу вамъ сказку, только чуръ — ужъ слушать
Да не мѣшать.

Умылъ-Бородина и княжна Дябренская. Какъ можно!.. мы
не будемъ.

(Ольга и Стеша Матута цѣлуются, подходятъ, рука въ руку, къ скамьѣ и садятся. Въ саду темнѣетъ).

Власьевна *(откашливается).* Сказка про хоробраго витязя Горыню, про лютого змѣя Тугарина и про царевну Ладу.

«Починается сказка
Приговоромъ да присказкой,
Тихимъ пошептомъ, частымъ причитомъ;
Починается сказка—
Что отъ синяго моря Хвалынскаго,
Отъ семи рѣкъ восточныихъ,
Отъ семи звѣздъ закатныихъ,
Отъ семи горъ великихъ полуночныхъ.
Ой, на морѣ-морѣ
Погасаютъ зори,
За поморскою Камень-горой поднебесною,
За янтарнымъ узорочнымъ теремомъ!
На небѣ темно, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ солнце, въ теремѣ ночь непроглядная...
Зачурованъ тотъ теремъ споконъ вѣковъ —
И положенъ зарокъ на немъ изстари
На три сотни головъ богатырскіихъ,
А молодшихъ людей на три тысячи.
Гдѣ онъ сталъ, та земля не извѣдана,
Тутъ дорога къ нему заповѣдана,
И залегъ ту дорогу Тугаринъ Змѣй.
Пасть у Змѣя, что̀ печь раскаленная,
Лапы—словно дубы трехохватные,
Крылья мѣдныя, когти булатные,
Хвостъ на семьдесятъ саженъ волочится...
Русскій духъ слышитъ Змѣй ровно за семь верстъ,
Убиваетъ людей ровно за версту,
Убиваетъ, собака, не чѣмъ другимъ,
Какъ разбойничьимъ, громкимъ посвистомъ:
Зашипитъ онъ—деревья шатаются,
А какъ свиснетъ...»

(За сосѣднимъ заборомъ раздается рѣзкій свистъ; дѣвушки вскрикиваютъ):

Ай!

Княжна Дябренская *(въ испугѣ)*. Что̀ это, мамушка?

(За заборомъ веселый хохотъ и опять свистъ, еще сильнѣе).

Перфильевна. Ахъ, окаянный! Господи прости,
Перепугалъ не на животъ, а на смерть.

Ипатьевна. Да кто это, Перфильевна?

Перфильевна. А кто же,
Какъ не постылый сорванецъ Четвертка!

(Обращается къ забору)

Подслушалъ, видно... Подожди: ужо-тка
Скажу я князю: будетъ на орѣхи,
Хоть ты и сынъ посадничій... Вѣдь вишь ты,
Какой пострѣлъ!

Парѳеновна. Перфильевна, уйти бы
Покамѣстъ что?...

Перфильевна. Вѣстимо, что уйти:
Съ нимъ до грѣха недолго... *(Сѣннымъ дѣвушкамъ)*
Убирайте
Все со стола. Боярышни, пойдемте!

(Боярышни и дѣвушки торопливо собираютъ и уходятъ съ мамками).

Умылъ-Бородина *(робко).* А что же сказка?

Стеша Матута. Власьевна доскажетъ
Вамъ въ терему... Пойдемте поскорѣе!

(Всѣ выходятъ въ калитку; Стеша Матута роняетъ на полдорогѣ платокъ и останавливается).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стеша Матута и Четвертка Терпигоревъ *за заборомъ.*

Стеша Матута *(подходитъ къ забору).* Четвертка, ты?

Четвертка. Все я же, Степанида
Никитична! *(Показываетъ голову изъ-за забора).*
Позволишь перелѣзть?

Стеша Матута. Вотъ я тебѣ позволю!.. Здѣсь Михайла
Андреичъ?

Четвертка. Туча?.. У меня на лавкѣ
Сидитъ, повѣся голову...

Стеша Матута. Скажи,
Чтобы сюда пришелъ и дожидался.

Четвертка. А я-то что жъ, Терпигоревъ?

Стеша Матута. А ты
Проваливай!

Четвертка. Благодаримъ покорно.

Стеша Матута. Смотри жъ, Семенъ Михайлычъ, тише...
(Хочетъ уйти).

Четвертка. Стеша!

(Стеша Матута останавливается).

Зашлю я сватовъ?

Стеша Матута. Засылай, пожалуй,—
Не ты первой, у тятеньки ворота
Какъ впустятъ, такъ и выпустятъ.

Четвертка. Послушай:
Твой родный самъ жениться норовитъ?
Стеша Матута. Не знаю.
Четвертка. Эхъ, не любятъ насъ, не скажутъ!..
Ну, Стеша, Богъ съ тобою! Дай хоть ручку!..

(Стеша Матута молча подходитъ къ забору и подаетъ руку; Четвертка беретъ ее за руку, притягиваетъ къ себѣ и цѣлуетъ).

Стеша Матута. Пусти, Семенъ Михайлычъ!

(Четвертка цѣлуетъ ее еще разъ). Неотвязный

(Вырываетъ руку и убѣгаетъ).

Прощай!
Четвертка *(тихо).* Прощай! Господь Христосъ съ тобою!

ЯВЛЕНІЕ V.

Сцена сначала пуста. **Михайла Туча** *перелѣзаетъ черезъ заборъ и становится за бузинные кусты; на немъ терликъ и высокая шапка.* **Четвертка** *за заборомъ. Изъ-за Кремля выплываетъ мѣсяцъ.*

Четвертка *(поетъ вполголоса).* Раскукуйся ты, кукушечка,

Во темномъ лѣсу, въ дубровушкѣ,
Посчитай ты добру молодцу
Его годы безталанные:
Долго ль будетъ такъ-то маяться —
На красну дѣвку поглядывать,
Горючи слезы глотаючи,
Про бездольице гадаючи?..

Что̀, Миша, ладно ль схоронился?
Михайла Туча. Ладно.
Четвертка. А ладно — стой! Не нѣмца вѣдь сторожишь.

(Поетъ громче)

Охъ! не тяжко мнѣ бездольице,
А тяжка мнѣ кось да перекось
Со моимъ гнѣвливымъ батюшкой,
Со моей гнѣвливой матушкой...

Охъ!..
Михайла Туча *(шопотомъ).* Сс! Нишкни!..
Четвертка *(такъ же).* Ты, Миша, посмѣлѣе,
А я уйду...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ольга, *закутанная въ фату, выходитъ въ садъ и быстро идетъ по дорожкѣ;* **Настька** *прокрадывается въ калитку ползкомъ и прячется въ малинникѣ.*

Михайла Туча *(выходитъ изъ-за куста навстрѣчу Ольгѣ и приподнимаетъ шапку).* Княжна, ты не тревожься
И не пугайся. Повелишь — уйду.
Пришелъ сюда въ первой да и въ послѣдній...
Велишь уйти?.. *(Ольга вся дрожитъ и не отвѣчаетъ).*
Велишь?..

Ольга *(еле слышно).* Не уходи...
Мнѣ страшно... Какъ я ночью въ садъ попала —
Однимъ-одна... украдкой?.. Охъ, мнѣ страшно!
Застыла кровь и разумъ помутился...

Михайла Туча. Я за тебя не властенъ отвѣчать,
А за себя по совѣсти отвѣчу:
Пришелъ проститься... Полно мнѣ истомой,
Какъ угольемъ горячимъ, душу жечь!..
Коль доли нѣтъ, возьму свою недолю
И убѣгу за тридевять земель...
Скажи мнѣ только слово на прощанье:
Вѣдь за меня отецъ тебя не выдастъ?

Ольга. Не выдастъ: я просватана другому.

Михайла Туча *(презрительно улыбается).*
Матутѣ?

Ольга. Да... Матутѣ.

Михайла Туча. Экой свадьбы
Псковъ-осударь всей сходкой не попуститъ.
Твой батюшка не знаетъ, кто Матута.
Онъ—перевѣтчикъ, прихвостень московскій,
Кривая отрасль отъ прямого корня,
А псковичи не жалуютъ такихъ.
Нѣтъ! если Богъ грѣхамъ моимъ потерпитъ,
Не побоюсь Матуты...

Ольга. Ахъ, Михайла
Андреевичъ! не знаешь ты отца:
Скорѣе вспять Великую отдвинешь,
Чѣмъ батюшкино княжеское слово...

Михайла Туча. Богъ милостивъ!.. Жалѣла бъ ты меня,
А тамъ — на все Его святая воля!

Ольга. Да какъ же мнѣ тебя еще жалѣть?
(Подходитъ къ Тучѣ ближе).

Ты видишь самъ: потайно и обманомъ
Пришла сюда, хоть мелькомъ поглядѣть,
Хоть слова два съ тобою перемолвить...
Чего жъ тебѣ, безсовѣстный?

Михайла Туча. Мнѣ надо
Тебя, княжна, да надо не потайно —
Предъ Богомъ и предъ добрыми людьми.
И быть тому!.. Я бѣденъ и безроденъ,
А никому тебя не уступлю.
Прислушай, что̀ я накрѣпко задумалъ:
Пойду, къ Успенью, подъ Сибирскій-Камень,
Съ Четверткой и съ псковскими удальцами,
Добуду тамъ мѣховъ и серебра,
Вернусь къ веснѣ—и князю поклонюся
Моимъ добромъ и головой сиротской:
Волёнъ казнить и жаловать волёнъ,
А я на помощь Божію надѣюсь...
Благослови, княжна, меня на путь!

Ольга *(складываетъ руки).* Желанный мой! Задумалъ ты мнѣ горе!..
Зачѣмъ пойдешь въ такую даль и стужу?
Ужъ сколько нашихъ полегло подъ Камнемъ,
А много ли вернулося оттуда?
Добыть добра ты хочешь, да отецъ
И самъ богатъ, и не добра, а зятя,
По сердцу и обычаю, онъ ищетъ.
Попуталъ Богъ! Матута подольстился —
Онъ слово далъ и заручилъ меня,
И о̀бъ полы ударили... Зачѣмъ же
Уѣдешь ты? Зачѣмъ меня покинешь —
На слезы да на смертную кручину?

Михайла Туча. Нѣтъ, Ольга Юрьевна! смущать негоже.
Я порѣшилъ—и слово это крѣпко.

Ольга. Ты порѣшилъ! Ты порѣшилъ, Михайла
Андреевичъ, сгубить меня совсѣмъ!
(Закрываетъ лицо руками и плачетъ).

Михайла Туча *(беретъ ее за руку).* Не плачь, слезами горю не поможешь...
Не плачь же, Ольга: ты пытаешь душу,
А съ лютой пытки мало ли что̀ скажешь!

Ольга *(поднимаетъ голову).* А ежели отцу я кинусь въ ноги,
Скажу ему, что мнѣ постылъ Матута,
Что я пойду скорѣе въ монастырь,
Чѣмъ подъ вѣнецъ?

Михайла Туча. Отецъ твой посмѣется
Надъ прихотью дѣвичьей—да и полно.
Ольга. А ежели преложитъ гнѣвъ на милость
И отказной поклонъ пошлетъ Матутѣ, —
Останешься?
Михайла Туча. Не искушай, княжна!
Ольга. А ежели во всемъ ему покаюсь,
Какъ, не спросясь его отцовской воли,
Я молодца другого полюбила
За сиротство, пригожество и удаль,
Какъ безъ него и воля мнѣ—неволя,
И красный теремъ—что̀ досчатый гробъ...
(Беретъ Михайлу Тучу за руки).
И ежели помилуетъ родимый,
Не прогнѣвится на мое безсчастье —
Останешься, мой миленькій?
Туча *(рыдаетъ).* Останусь!
Ольга *(весело).* Такъ жди же! Я въ Печерскій отпрошуся...
Тебѣ дамъ знать и...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Настька *(выскакиваетъ изъ куста).* Матушка-княжна!
(Ольга вскрикиваетъ).
Скорѣе спрячься: тятенька идетъ...
Сюда съ Матутой... спрячься—не пужайся:
Я въ дѣлѣ—я въ отвѣтѣ!... *(Шелеститъ кустами)*
Разойдитесь!..
Михайла Туча *(цѣлуетъ Ольгѣ руки).* Прости, княжна!
Ольга *(обнимаетъ его).* Прощай, мой милый!
(Исчезаетъ въ кустахъ. Михайла Туча безъ шума перелѣзаетъ черезъ заборъ. На дорожкѣ показываются князь Юрій и бояринъ Матута; оба въ кафтанахъ, но безъ шапокъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Юрій, бояринъ Матута, Ольга и Настька *въ кустахъ.*

Князь Юрій *(обтираетъ лицо платкомъ).* Такъ-то...
Вотъ здѣсь не то, что̀ въ теремѣ—прохладно,
Да и свободнѣй рѣчь вести, бояринъ.
Бояринъ Матута. Постой-ка, князь! свободнѣе ли, полно?
Входили мы, — почудилось мнѣ, что ли?—

Какъ будто кто-то крикнулъ... *(Оглядывается кругомъ).*
И кусты...
Вонъ тамъ... *(Указываетъ рукой)*
Гляди-ка, словно шевелятся.

Князь Юрій. Что̀ жъ, поглядимъ... Не кошка ли залѣзла?
(Идетъ къ кустамъ. Настька шевелитъ вѣтвями).

Бояринъ Матута. Двурукая!.. Ты видишь?

Князь Юрій *(подходитъ къ кусту, громко).* Кто тутъ?

Настька *(раздвигаетъ вѣтви и падаетъ въ ноги князю).* Я!
Князь осударь! помилуй: виновата!

Князь Юрій. А!.. это Настька... Что̀ ты, пострѣленокъ?
Зачѣмъ ушла изъ дѣвичьей?

Настька *(на колѣняхъ).* Помилуй!
По ягодку... ядреная такая...
Попутало... у мамки отпросилась,
Сказала: такъ...

Князь Юрій. Грѣхъ, Настька, воровать!
Какъ будто мамка ягодой обидитъ...

Настька. Всего еще пять ягодъ сорвала... *(Показываетъ ягоды и кланяется въ ноги).*
Помилуй!.. *(Плачетъ).*

Князь Юрій. Ну, пошла домой, дѣвчонка!
Да берегись,—не попадись мнѣ въ шашняхъ.

Настька. Не буду, осударь мой князь, не буду!

Князь Юрій. Пошла домой! *(Настька вскакиваетъ и убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Настьки.

Бояринъ Матута. Я что-то плохо вѣрю...
Дѣвчонка ужъ на возрастѣ: не станетъ
За ягодой шататься по ночамъ...
Смотри: одна ль была въ саду, и нѣтъ ли
Еще кого!

Князь Юрій. Нѣтъ, не грѣши, бояринъ:
Вотъ тридцать лѣтъ худого не случалось
По цѣлой дворнѣ: люди у меня
Подъ страхомъ Божьимъ ходятъ; да и Настька—
Бойка-бойка, а что̀ еще она?
Пискленокъ...

Бояринъ Матута. Ну, на лѣта грѣхъ не смотритъ.
Не худо бы по кустикамъ пошарить

На всякъ случай...

Князь Юрій. Э, перестань, Никита
Семеновичъ! Мы время только тратимъ
По пустякамъ...

Бояринъ Матута. Какъ знаешь!.. Все бы лучше...:
Покойнѣе... Хоть говори потише...

Князь Юрій. Напуганъ же ты кѣмъ-то.

Бояринъ Матута. Обожжешься
На молокѣ, такъ, знаешь—станешь дуть
И на воду... Такое нонѣ время.

Князь Юрій. Не время, а безвременье, бояринъ!
Да!.. дожили до бури, до невзгоды... *(Вздыхаетъ).*

Бояринъ Матута *(тихо).* А что, князь Юрій! не къ ночи сказать...
Что, если царь изъ Новгорода прямо
Свернетъ на Псковъ... да гнѣвный-то? да грозный?

Князь Юрій. Что жъ? Мы—челомъ... Гроза—Господня воля!

Бояринъ Матута. Да мы-то такъ... А вольница-то наша?
Поди-ка, ломомъ нешто уломаешь!
Въ посадникахъ-то разума нисколько,
А сыновья посадничьи—тѣ хуже:
Всѣ въ лѣсъ глядятъ! Вонъ хоть Михайла Туча
Съ своимъ дружкомъ Четверткой... Попадися
Подъ лапу имъ, такъ закричишь спасибо!
Нѣтъ, плохо намъ, и Пскову-то не лучше...

Князь Юрій. Все знаю, все... Тяжелая обуза
Легла на плечи: Господу угодно
На старости послать мнѣ испытанье—
И голову подъ Божій гнѣвъ кладу,
А не дремлю: давно послалъ провѣдать
Я въ Новгородъ—какъ тамъ у нихъ и что?
Да вотъ все жду отвѣта...

Бояринъ Матута. Не дождешься:
Извѣстно—задержали.

Князь Юрій. Статься можетъ...
Опять—все то жъ: на все Господня воля!
Мы, впрочемъ, завтра больше потолкуемъ,
Какъ съ міромъ быть... Теперь свое покончимъ.

Бояринъ Матута. Покончимъ, князь. Ужъ мнѣ и невтерпежъ:
Пора кончать. Какъ хочешь, все голубкѣ
Не боязно и грозу перенесть
Въ гнѣздѣ сокольемъ, подъ крыломъ угрѣвнымъ

Князь Юрій. Святая правда! Я ужъ и старенекъ
И сталъ меня недугъ одолѣвать...

А ты въ порѣ—и съ Олею споешься,
Что̀ зимній вѣтеръ съ вешнею мятелью...
Да, знаешь. Я передъ тобою виненъ —
Не все сказалъ...

Бояринъ Матута. А не сказалъ, такъ скажешь.

Князь Юрій. Скажу тебѣ великую я тайну...
Ты думаешь: мнѣ Ольга—дочь родная?

Бояринъ Матута *(изумленъ).* А кто же?

Князь Юрій. Кто?.. Какъ и назвать—не знаю...
Слыхалъ ты про боярина Шелогу?

Бояринъ Матута. Женатъ былъ на своячинѣ твоей?

Князь Юрій. На Вѣрѣ на Насоновой...

Бояринъ Матута. Слыхали.

Князь Юрій. Ну, Ольга—дочь вотъ самой этой Вѣры.

Бояринъ Матута. Такъ вотъ что̀!

Князь Юрій. Вотъ что̀... А отца... не знаемъ...

Бояринъ Матута. Э!.. такъ-то?.. *(Ольга слабо вскрикиваетъ).*
Чу! ты слышалъ?..

Князь Юрій. Что̀ такое?

Бояринъ Матута *(встаетъ).* Въ кустахъ налѣво кто-то крикнулъ.

Князь Юрій. Полно!
Кому кричать?.. Какой же ты чудной!
Ну, воробей спросонокъ встрепенулся...

Бояринъ Матута. Нѣтъ, князь, постой!..
(Въ Кремлѣ ударъ колокола).
А это что̀ еще?
(Еще ударъ, третій, четвертый).

Князь Юрій. Набатъ! набатъ! *(Колоколъ не перестаетъ гудѣть).*
На сходку созываютъ!

(За дальнимъ заборомъ частые шаги и голоса; надъ Кремлемъ вспыхиваетъ зарево).

Бояринъ Матута. На сходку, точно... Вонъ костры зажгли...
Князь, я съ тобой... аль въ теремѣ дождаться,
Пока ты сходишь?..

Князь Юрій. Постыдись, Никита!
Тутъ, можетъ, Псковъ остаивать придется,
А ты—на печь, со страху, словно баба!
Идемъ проворнѣй... *(Крестится)*
Господи, помилуй! *(Оба поспѣшно уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Торговая площадь въ псковскомъ Кремлѣ. На заднемъ планѣ Довмонтова стѣна, съ храмомъ св. Аѳанасія посерединѣ и съ двумя сходами: по угламъ Гремяцкая и Кутная башни. Направо храмы Живоначальной Троицы, св. Спаса и Бориса и Глѣба; за ними новая стѣна съ Бурковской и Снѣтовою башнями; Святыя и Петровскія ворота; налѣво Княжній дворъ, Владыченъ дворъ и Красный дворъ; старая стѣна съ всходомъ и тремя воротами: Княжими, Михайловскими и Смердьими. Посреди сцены вѣчевое мѣсто съ нѣсколькими ступеньками, крытое алымъ сукномъ. На площади разложены костры. На Троицкой колокольнѣ гудитъ колоколъ. Во всѣ ворота поспѣшно входятъ на площадь толпы народа. Мѣсячная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юшко Велебинъ, *гонецъ, стоитъ у нижней ступеньки вѣча. Около него кружокъ псковичей:* **Иванко Торгоша; Ѳедосъ Гоболя**, *мясникъ;* **Клементій Сесториковъ**, *кузнецъ;* **Иванко Подкурскій; Исакъ Шестникъ; Демешка**, *мыльникъ;* **Ѳедорко-Царскій сынъ; Колтырь Раковъ; Василій Луковица**, *суконникъ;* **Кирей Шеметовъ; Яковъ Желѣзовъ.** *Народъ постепенно прибываетъ. Смутный говоръ.*

Иванко Торгоша *(Велебину).* Оглохъ ты, Юшко? али закичился
И отвѣчать не хочешь? *(Велебинъ молчитъ).*
Кирей Шеметовъ *(Торгошѣ).* Экій олухъ!
Ну, что̀ присталъ-то? Знаемо—гонецъ
Къ степенному посаднику и скажетъ...
А ты-то что̀?
Иванко Торгоша. Эхъ, ты, Кирей Шеметовъ!
Ѳедосъ Гоболя. Слышь, Торгоша, не балуй языкомъ
Съ похмелья-то... *(Бьетъ его по плечу).*
Иванко Торгоша *(вскрикиваетъ).* Охъ!.. *(Оборачивается)* Онъ и есть—Гоболя! *(Третъ себѣ плечо).*
Да какъ же?.. Впрямь мясницкая рука!..
Да какъ же, дѣдка? Сходку созвонили,
А вѣсти нѣтъ—по что и про кого?..
Ѳедосъ Гоболя. А ты дождаться набольшихъ не хочешь?
Иванко Торгоша. А что̀ ихъ ждать?
Голоса въ толпѣ. Ребята! сотскій, сотскій!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дмитро Патракѣевичъ, *сотскій, пробирается къ* **вѣчевому** *мѣсту.*

Дмитро Патракѣевичъ *(приподнимаетъ шапку).*
Здорово, людъ честной!

(Народъ также приподнимаетъ шапки).

Нѣсколько голосовъ. Тебѣ во здравье!
Дмитро Патракѣевичъ. Что̀, есть со всѣхъ концовъ по сотнѣ?
Голоса. Надоть быть.
Ѳедосъ Гоболя. Побольше будетъ, Дмитро Патракѣичъ!
Дмитро Патракѣевичъ. Очередныхъ подняли?
Голоса. Тута всѣ.

(Народъ продолжаетъ сходиться; колоколъ не умолкаетъ; въ толпѣ шумъ и крики).

Дмитро Патракѣевичъ *(во весь голосъ).* По пошлинѣ, честные господа,
По старинѣ мірской и по порядку!
Голоса. Повольте слушать сотскаго!
Повольте!
Очередной... Повольте, осудари!
Не поперечьте!
Голосъ. Тише, чтобъ васъ тамъ!..

(Народъ утихаетъ и сбирается въ кучки. Молчаніе).

Дмитро Патракѣевичъ. Пока бояръ и тысяцкаго нѣтъ,
Очередныхъ бы перекликнуть?
Голоса. Ладно!
Дмитро Патракѣевичъ. Очередной Торговаго конца?
Исакъ Шестникъ *(выходитъ изъ толпы).* Исакъ Шестникъ.
Дмитро Патракѣевичъ. Опоцкаго?
Иванко Подкурскій *(выходитъ впередъ).* Иванко Подкурскій... *(Ударяетъ себя въ грудь)*
Я!
Дмитро Патракѣевичъ. Болѡвинскаго?
Мыльникъ Демешко *(выходитъ впередъ).* Мыльникъ Демёшко...
Дмитро Патракѣевичъ. Городецкаго?
Гоболя *(изъ толпы).* Гоболя!

(Въ толпѣ смѣются).

Голоса. Ѳедосъ Гоболя! дѣдка-домосѣдка!
Воловій крестный! медососъ-ѳедосъ!
Гоболя *(громко).* Тьфу, зубоскалы! Распахнули глотки!..

Дмитро Патракѣевичъ. По пошлинѣ повольте, осудари!
Голоса. По пошлинѣ! по-тиху! шш! по-тиху!

(Толпа снова смолкаетъ).

Дмитро Патракѣевичъ. Кто съ Острой-Лавицы конца?
Клементій Сесториковъ *(выходитъ изъ толпы).* Клементій Ивановъ сынъ Сесториковъ, кузнецъ.
Дмитро Патракѣевичъ. А кто конецъ Богоявленскій правитъ?

(Никто не выходитъ).

Дмитро Патракѣевичъ *(помолчавъ).* Очередной оправщикъ Богоявленъ?..
Голоса. Очередной!
Да кто очередной?
Желѣзовъ Яковъ...
Полно врать! вдругорядь:
Намедни былъ, и нонѣ за него же!
Да нѣту: нонѣ, братцы, Колтырь Раковъ...
И то вѣдь онъ...
Давай его сюда!
Куда уползъ?
Хватай его за клешни,
Ракушку!

(Въ толпѣ хохотъ).

Дмитро Патракѣевичъ. Осудари-псковичи!
Присудите: быть сходкѣ, аль не надо?..
Идутъ бояре съ тысяцкимъ, съ судьею,
И со дьякомъ царевымъ, и съ подьячимъ...
И князь-намѣстникъ выйти соизволилъ.
Народъ. Быть сходкѣ! быть! На всей на псковской волѣ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Изъ Княжескихъ воротъ входятъ на площадь: **Князь Юрій Токмаковъ, тысяцкій Никита Насоновъ; бояре: И. Теншинъ, Я. Кротовъ, кн. С. Дябренскій, Г. Умылъ-Бородинъ, Н. Матута, Андрей Коза,** *царскій дьякъ;* **Ортюша,** *подьячій;* **Сидоръ Оданья,** *судья; московскіе стрѣльцы. Вслѣдъ за ними посадники:* **Иванъ Гахоновичъ, Григорій Силычъ Хрустоловъ, Юрій Копылъ, Михайла Помазовъ.** *Псковскіе ратные люди и новыя толпы народа входятъ изъ Святыхъ воротъ.*

Князь Токмаковъ *(идетъ къ мѣсту; толпа передъ нимъ разступается).*

Кто созвонилъ?
Голоса. Гонецъ Велебинъ Юшко.

Юшко Велебинъ *(выступаетъ впередъ и кланяется).*
Я, осударь, пригнанъ со спѣшной вѣстью:
Вели держать ко Пскову рѣчь.
Князь Токмаковъ. Держи.
Юшко Велебинъ *(всходитъ на мѣсто, снимаетъ шапку, крестится на церкви и кланяется на три стороны).*
Поклонъ и слово Новгорода:
«Братья
Молодшая, всѣ мужи псковичи!
Вамъ кланялся-де Новгородъ-Великій,
Чтобъ помогли вы супротивъ Москвы,
И вы-де брату вашему старшому
Не дали помочь ниже никакую,
И цѣлованье крестное забыли:
Ино на то вся ваша власть и воля,
И помоги вамъ Троица Святая!
А братъ-де вашъ старшой открасовался
И наказалъ вамъ долго жить, да править
По немъ поминки...»

(Кланяется и надѣваетъ шапку. Въ толпѣ поднимается шумъ).

Голоса. Новгородъ Великій!
Родимый нашъ!
Ужели и взаправду
Конецъ ему!
Придетъ конецъ и Пскову!
И подѣломъ: сидѣли, склавши руки!
Чужой бѣдѣ порадовались!
Тише!
Пущай гонецъ все скажетъ... Говори
Всю правду, Юшко!
Али всей не скажетъ?
Ужъ разомъ слушать!
Казниться, такъ вдосталь.
Молчите жъ!
Юшко Вебелинъ *(опять снимаетъ шапку и кланяется на три стороны).*
Осударь Великій Псковъ!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Михайла Туча, Четвертка Терпигоревъ, Богданъ Ковыринъ, Василій Борбошинъ *и псковская вольница входятъ въ Смердьи ворота и пробиваются сквозь толпу къ вѣчевому мѣсту. Опять шумъ. Колоколъ смолкаетъ.*

Голоса. Ну, привалили!
Вольница!
Буяны!
Ори пошибче—знать, глаза-то пропилъ:
Вишь, сыновья посадничьи!
Да что̀ жъ я?..
Я только!..

Юшко Велебинъ *(громче).* Осударь Великій Псковъ!

(Говоръ утихаетъ).

Пусть Богъ меня не милуетъ на страшномъ
Судилищѣ Христовомъ, коль пролгуся
Въ единомъ словѣ: что̀ за вѣрно слышалъ,
А что̀ и самъ сквозь слезы доглядѣлъ!..

(Мертвая тишина).

Попрежъ всего, подъ Новгородъ-Великій
Пришелъ съ Москвы передній полкъ, изгономъ:
Бояре, и князья, и воеводы,
Съ дворянами, съ боярскими дѣтьми
И всякимъ ратнымъ людомъ—туча тучей...
Которые поставили заставы
Вкругъ города, а кто въ монастыри —
Казну печатать, иноковъ и старцевъ
Вязать, да въ станъ съ собою, на правежъ,
До царскаго пріѣзда... Да собрали
Со всѣхъ церквей новогородскихъ причетъ,
За приставовъ раздали по десятку,
И то жъ, до государева пріѣзда,
Велѣли ставить на правежъ и бить
До искупа, всякъ Божій день, безщадно...
А правили по двадцати рублевъ...
Новогородскихъ съ каждаго...

Голоса. Злодѣи!
Опричина кромѣшная!

Юшко Велебинъ. Пождите:
Цвѣточки только—ягодки-то будутъ...
Дѣтей боярскихъ отрядили въ городъ —

Ловить гостей, приказныхъ именитыхъ,
И всѣхъ—въ желѣза, домы и имѣнье —
Все запечатать, а дѣтей и женъ
Блюсти подъ стражей твердо...

Ѳедосъ Гоболя. Юшко, врешь ты!
Аль дѣти-то, младенцы-то повинны
Въ чемъ ни на есть?

Юшко Велебинъ. А вру—казни Господь!
Постой—еще!.. Прошло Богоявленье —
Прошла и поголовная бѣда:
Самъ государь пріѣхалъ... Разобрали—
Кто правый, кто виновный?..
Ну... не можно
Сказать: была ль доподлинно измѣна,
Аль наказалъ Господь новогородцевъ
За ихъ грѣхи... А только былъ разгромъ
И городу, и всѣмъ его пятинамъ,
И выселкамъ, за двѣсти верстъ, и больше...
Про это слышалъ...
А глазами видѣлъ
Такую кару грозную и казнь —
Не приведи Господь и лиходѣю...
Охъ! больно грозенъ царь Иванъ Васильичъ...
Коль прогнѣвятъ, такъ что твой громъ небесный!..
А тутъ ему лихое подшепнули —
Разгнѣвался на Пимена-владыку,
Не подошелъ и ко кресту святому:
«Ты, говорилъ, не Крестъ Животворящій
Въ десницѣ держишь, а на насъ оружье;
Ты наше сердце царское замыслилъ
Злотворною измѣной уязвить:
Богохранимый Новгородъ Великій,
Державы нашей вотчину, ты хочешь,
Со всѣмъ единомысленнымъ синклитомъ,
Предать Литвѣ, Жигмонту королю!..
Отселѣ наречешься ты не пастырь,
Не сопрестольникъ всесоборной церкви
Премудрости Господніей Софіи,
А хищный волкъ, измѣнникъ и губитель,
И досадитель нашей багряницѣ
И нашему престольному вѣнцу!»
Какъ вымолвилъ—такъ Новгородъ—и полно!..
Вотъ цѣлый мѣсяцъ съ Волховского моста
Въ кипучій омутъ мученыхъ бросаютъ:

Сначала стянуть локти бечевою
И ноги свяжутъ, а потомъ пытаютъ
Составомъ этимъ огненнымъ, *поджаромъ*,
Да такъ въ огнѣ и мечутъ съ моста въ воду...
А кто всплыветъ наверхъ, того зацѣпятъ
Баграми и рогатиной приколятъ,
Аль топоромъ снесутъ ему макушку...
Младенцевъ вяжутъ къ матерямъ веревкой—
И тоже въ воду.

Князь Токмаковъ *(поднимаетъ руки къ небу)*. Господи, мой Боже!
Не можетъ быть, чтобъ царь Иванъ Васильичъ
Казнилъ такъ крѣпко!

Юшко Велебинъ. Царь на Городищѣ
Всѣмъ станомъ сталъ, а это безъ него
Опричники злодѣйствуютъ...

Ѳедосъ Гоболя. Да что̀ же:
Когда жъ конецъ-то будетъ?

Кирей Шеметовъ. Нѣтъ управы
И нѣтъ суда на этихъ окаянныхъ.

Голоса. Вѣстимо, нѣтъ!
А мы-то, псковичи,
Положимъ также голову на плаху?
Подшепчутъ что̀—тю-тю! не погнѣвися!
Нѣтъ!.. какъ же такъ?
Аль стѣны развалились?
Аль у воротъ заржавѣли замки̇̀?
Не выдавай, ребята, Псковъ-Великій!
А щитъ—такъ щитъ!
И вправду, что̀ мы дремлемъ?
Звоните вѣче!
У святого Спаса!
У Троицы!
За осударя-Псковъ!
За пошлину мірскую и за вѣче!
Рубись, ребята!
Съ улицы, аль съ дома?
Рубися съ дома!
Сельскіе съ сохи.
Звоните вѣче!
Любо!
Вѣче! вѣче!

(За сценой звукъ колокола).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. *Въ Петровскія ворота въѣзжаетъ взмыленная тройка. Изъ телѣжки выскакиваетъ псковскій гость* **Семенъ Ивановъ Бороусовъ.** *Онъ запыхался и еле переводитъ духъ.*

Кирей Шеметовъ. Никакъ еще намъ вѣсти?
Юшко Велебинъ. Не къ добру!
Голоса. Съ вѣстями гость!
Раздайся!
Пропустите!
Семенъ Бороусовъ *(прерывающимся голосомъ).* Бѣда!.. бѣда намъ, мужи-псковичи!
На Псковъ идутъ!..
(Пробивается къ вѣчу и нѣсколько времени не можетъ выговорить слова).
Иванко Торгоша. Еще какіе гости?
Литва?
(Семенъ Бороусовъ машетъ рукою).
Кирей Шеметовъ. Шальные нѣмцы?
Семенъ Бороусовъ *(переводитъ духъ). Самъ* идетъ!..
Татары изъ полку передового
Пригнали ужъ въ Невадичи... насилу
Уѣхалъ...
Иванко Торгоша *(кричитъ).* Ой, голубчики, пропали!..
Юшко Велебинъ *(сбѣгаетъ съ вѣча).* Прости-прощай, головушка!
Голоса. Пропали!..
Пропали мы!..
Идетъ!..
Идетъ изгономъ!..
Охъ, батюшки, ворота завалите!
Посады жечь!
Добро-то гдѣ намъ спрятать?
Дѣтей-то малыхъ съ женами куда?
Звоните вѣче!..
(Общая суматоха; снова раздаются удары колокола).
Никита Матута *(тихо князю Юрію Токмакову).* Вотъ теперь за дѣло!
Струхнули скоро... Вразуми безумцевъ...
(Князь Токмаковъ входитъ на вѣчевое мѣсто).
Потише, люди вольные, потише

Тысяцкій *(кричитъ)*. Степенный нашъ посадникъ держитъ слово!

Сотскій *(бѣгаетъ въ толпѣ)*. Позвольте, осудари-псковичи! Самъ князь-намѣстникъ говорить желаетъ.

(Вѣчевое мѣсто обступаютъ посадники, бояре, царскій дьякъ, подъячій, судья и московскіе стрѣльцы. Въ первыхъ рядахъ Михайла Туча, Четвертка Терпигоревъ и Ѳедосъ Гоболя. Тишина).

Князь Юрій Токмаковъ *(снимаетъ шапку, крестится на соборы и кланяется народу)*.

Отцы и братья, мужи-псковичи,
Великая держава государя,
И отчина и дѣдина его —
Всѣ люди добровольные!
Къ вамъ слово!

Народъ. Изволь повѣдать, осударь намѣстникъ!

Князь Юрій Токмаковъ. Богъ жаловалъ и Троица святая,
Живоначальная!.. Здоровіемъ царя
И государя нашего, и князя
Великаго всея Руси, управу
Я взялъ на всей на вашей псковской волѣ...
А нонѣ любъ, аль не любъ—порѣшите!

Иванъ Гахоновичъ. Князь-осударь! Стоитъ твоимъ здоровьемъ
Великій Псковъ...

Григорій Хрустоловъ. И ласкою твоею...

Юрій Копылъ. И правдою твоею неумытной...

Иванъ Теншинъ. И хитростію ратной...

Яковъ Кротовъ. И житіемъ монашескимъ...

Князь Дябренскій. И... всѣмъ...

Никита Матута. А наипаче милостью царевой!

Четвертка *(тихо)*. Ну, погоди ты, старый—*наипаче!*

Князь Юрій Токмаковъ. Посадники, бояре и князья!
Челомъ вамъ бью за милостное слово,
А пусть меня Великій-Псковъ разсудитъ—
Отъ старшаго и меньшаго!.. по правдѣ,
По всей завѣтной псковской старинѣ...

Народъ. Князь-осударь! Намъ за тобою любо!
Съ тобою мы, князь Юрій, не боимся!
Всѣ за тебя—и старъ и малъ!

Князь Юрій Токмаковъ *(кланяется)*. А любо,
Такъ слушайте!

Народъ. Все слышимъ, осударь!

Князь Юрій Токмаковъ. Великій-Псковъ! Кого вы испугались?
Законнаго державца и владыки!..
Отца родного испугались дѣти!..
Что государь идетъ псковской святынѣ,
Живоначальной Троицѣ и Спасу,
Со страхомъ и молитвой поклониться,
Такъ вы тотчасъ за шестоперъ и бердышъ,
Что̀ ворога встрѣчаете...
А можетъ,
Насъ государь пожалуетъ и льготой;
Вѣдь мы—не ваша братья, новгородцы:
Съ Литвой и съ Мистромъ перевѣтъ не держимъ;
Обѣльное и всѣ подъѣзды правимъ;
Посошной ратью завсегда готовы!
А буде нуженъ человѣкъ охочій—
Да только кликни царь и государь—
Весь Псковъ всѣлъ на конь!..
Такъ ли, осудари?

Голоса. Оно все такъ...
Вѣстимо: молодцы
У насъ охочи...
Что̀ и не срубиться?
Навыкнуть дѣлу надо молодымъ-то...

Князь Юрій Токмаковъ. Вотъ видите!.. За что же государю
Прогнѣваться на отчину свою?
А не за что!.. Нѣтъ, царь Иванъ Васильичъ,
Какъ сѣлъ на мѣсто царское свое,
Печаловался Псковомъ, да и нонѣ
Жалѣетъ Псковъ...

Четвертка Терпигоревъ. Жалѣлъ и волкъ кобылу—
Оставилъ хвостъ да гриву!

Ѳедосъ Гоболя. Такъ-то такъ!
А Новгородъ-то какъ же? Нешто вправду
Владыка Пименъ перевѣтъ держалъ
Съ Литвою, али съ нѣмцами?

Иванко Торгоша. Пожалуй,
И Псковъ-то будетъ безъ вины виновенъ!

Кирей Шеметовъ. А Богъ ихъ вѣсть! Лихому человѣку,
Наушнику бѣда чужая—прибыль...

Никита Матута. Позвольте князь-намѣстника дослушать
Ему и сердце царское открыто.
Такъ намъ ужъ онъ накажетъ, что̀ добро.

Князь Юрій Токмаковъ. Спасибо за присловіе, бояринъ!..

А я не больно падокъ до наказовъ:
Прошу совѣта осударя Пскова,
Какъ намъ служить царю и государю?

Голоса. По рѣчи—князь!
Да онъ же нашъ посадникъ
Да и степенный!
Что̀ же, осударь,
Что̀ намъ почать?
Какъ быть и какъ намъ съ бытомъ
Псковскимъ отъ злыхъ кромѣшниковъ отбиться?

Князь Юрій Токмаковъ. Скажу я вамъ и — съ мѣста не сойти—
Скажу на благо осударю Пскову...
Пеките хлѣбы, хмельный медъ сытите,
Варите брагу... Каждый у воротъ
Накрой свой столъ съ гостиннымъ хлѣбомъ-солью:
Всѣмъ выходить, отъ мала до велика,
Во стрѣтенье царю и государю
И бить челомъ о милости его...
И простоитъ вовѣки Псковъ-Великій
Своимъ смиреньемъ, жалова̀ньемъ царскимъ
И милостью Господнею...

Никита Матута. Аминь!
(Князь Юрій надѣваетъ шапку и садится на верхней ступени вѣчевого мѣста. Нѣсколько мгновеній тишина).

Четвертка Терпигоревъ *(выступая впередъ).* И я скажу:
Аминь! Аминь! Разсыпься!
Не надо Пскову оборотней царскихъ!
Своимъ-то вбить осиновый колъ въ спину
Такъ только въ пору...
Князю не перечу:
Онъ любитъ осударя, Псковъ-Великій,
И слово молвитъ—оторветъ отъ сердца...
А ты-то что̀, Матута? Ты отколѣ,
Что, словно попъ, обѣдню повершаешь?..
Мы пришлецовъ-то этакихъ видали
И провожали съ честью за рубежъ
Татарской плетью, къ сватамъ ихъ, татарамъ.
Да не робѣй, по совѣсти, по чести,
Скажи ты намъ...

Никита Матута *(дѣлаетъ надъ собою усиліе и перебиваетъ Четвертку).* Что̀?.. Я-то оробѣю
Передъ тобой, нахаломъ первоусымъ?

Постой! Тебя, любезнаго дружка,
Какъ разъ скрутятъ... Москва-то недалёко!

Четвертка. Подальше, чѣмъ кулакъ мой отъ иного...
Спасибо, смиренъ, ссоры не люблю,
А то бы...

(Грозитъ кулакомъ)

Далъ разà, такъ было бъ мокро...

Ѳедосъ Гоболя *(беретъ его за руку).* Четвертка, стыдно!

(Четвертка наклоняетъ голову. Въ толпѣ шумъ и крики).

Ѳедосъ Гоболя *(Михайлѣ Тучѣ).* Чтò же ты, Михайла
Андреевичъ? Посадничій ты сынъ,
А словомъ не порадуешь...

Михайла Туча. Гоболя!
Я жду старшого нашего, чтò скажетъ—
Тому и быть...

(Оборачивается къ Михайловскимъ воротамъ)

Да вотъ онъ самъ бредетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и посадникъ Максимъ Иларіоновичъ *входитъ на площадь, опираясь на клюку. Народъ разступается.* **Князь Юрій Токмаковъ** *встаетъ съ вѣчевой ступени, снимаетъ шапку и взводитъ Максима Иларіоновича на мѣсто. Народу:*

Порадуйтесь! Родительской молитвой
Помиловалъ Спасъ Милостивый Псковъ—
Послалъ намъ умъ и разумъ стародавній.

(Сходитъ съ вѣча и становится у нижней ступени).

Четвертка Терпигоревъ *(подходитъ къ вѣчу, снимаетъ шапку и кланяется въ поясъ).*

Максимъ Иларіонычъ! Пскову плохо...
Ты слышалъ: царь на Новгородъ былъ гнѣвенъ
И разгромилъ его, съ сердцовъ, до тла,
А нонѣ къ намъ идетъ—на Псковъ-Великій...
Такъ, чтò ты намъ присудишь—то и будетъ...

(Кланяется и надѣваетъ шапку).

Максимъ Иларіоновичъ *(крестится и кланяется. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ).*

Не чаялъ я, отцы мои и братья,
Что мнѣ еще придется молвить слово
Съ Великимъ-Псковомъ, осударемъ нашимъ,

А Богъ привелъ подъ старость... не взыщите,
Коль въ чемъ и какъ, непомнящій, промолвлюсь.

Ѳедосъ Гоболя. Ты говори, а мы ужъ подберемъ...
Слова- что̀ жемчугъ: если закатились
Въ какую щелку—лучше половицу,
Аль двѣ поднять, чѣмъ потерять добро.

Максимъ Иларіоновичъ. Прослышалъ я про нашу про невзгоду...
Знать, Богъ велѣлъ... а супротивъ велѣнья
Господняго никто не возмоги!..
Вотъ мнѣ теперь девятый ужъ десятокъ...
Видалъ я волю—красною дѣвицей,
Видалъ ее—безпомощной старухой,
И самъ отнесъ покойницу въ могилу...
Ну!.. было время, и не въ нашу версту,
И потягаться было бы кому
Съ Москвой... Да нѣтъ! Умнѣе были дѣды.
Аль Псковъ-отъ былъ имъ словно подороже:
Покора будто слыхомъ не слыхали!
Обиды будто видомъ не видали!
Какія слезы къ горлу подступили—
Такъ отогнали къ сердцу пивомъ-медомъ...
И веселились... Что̀ жъ не веселитесь
По-дѣдовски?..
Великій князь Василей
И колоколъ корсунскій снять велѣлъ,
И вѣче рушилъ... Какъ у насъ тогда
Не выпали зѣницы со слезами—
И Богу вѣсть!.. А все же веселились,
А все же Псковъ-Великій сберегли—
Любили Псковъ побольше внуковъ дѣды...
А я сказалъ...
Кто хочетъ мнѣ перечить,
Тотъ, видно, молодъ и Москвы не знаетъ...
Не то свое—чужое на счету:
Все вывѣритъ, да вывѣситъ, да сметитъ,
Да и возьметъ,—поди ты съ ней—судися,
Въ великій день, передъ судомъ Христовымъ!
И то сказать: въ мое-то время были
Цари въ Москвѣ, да только-что царями
Въ Москвѣ звались, а нонѣ царь московскій
На всѣ страны и на народы—царь.
Тяжка рука, да и душа—потемки
У Грознаго... Проститеся со Псковомъ.

Хорошій будетъ пригородъ московскій—
И слава Богу!

(Сходитъ съ вѣча).

Четвертка. Правда, слава Богу
За все... хоть даже за такія рѣчи:
Какъ сказаны, такъ ихъ и заморозитъ...
А я такъ рѣчь иную поведу
И буду кликать нашихъ поименно...
Желѣзовъ Яковъ!

Желѣзовъ *(поднимается изъ-за дальняго костра).*
Тутъ онъ.

(Идетъ на голосъ Четвертки Терпигорева).

Четвертка. А Василій
Суконникъ?

Василій Суконникъ *(выходитъ изъ толпы).* Тутъ же!

Четвертка. Колтырь Раковъ?

Колтырь Раковъ *(въ толпѣ).* Тутъ!

Четвертка. Всѣ *тутъ*... а *здѣсь*, со мною, остальные...

(Михайлъ Тучъ)

Чего ты ждешь?.. Добромъ не сговоришь!
Матута князя Юрія поставилъ
На вѣчѣ, а тебя-то, братъ Михайла,
Кому же ставить, коль не мнѣ, Четверткѣ?

Богданъ Ковыринъ и Василій Борбошинъ.
И мы поможемъ...

Четвертка. Ну, кричи, Богданъ!
И ты, Борбошинъ!

Богданъ Ковыринъ. Мужи псковичи!
Посадниковъ послушали, а кровныхъ,
А сыновей посадничьихъ не надо?

Василій Борбошинъ. Зачѣмъ ихъ?.. Ну ихъ къ ляду! Пусть ихъ гибнутъ
За міръ и вѣче—міру что̀ за дѣло?..
Пущай...

(Народъ начинаетъ шумѣть).

Голоса. А что̀ жъ мы, братцы, оплошали—
Своихъ забыли?
Гдѣ же сыновья
Посадничьи?
Зови Михайлу Тучу.
Пусть скажетъ слово...
Тучу! Тучу! Тучу!

(Туча подходитъ къ вѣчевому мѣсту).

Михайлу Тучу!..
Вышелъ!.. Не горланьте!
Пусть говоритъ намъ съ мѣста!
Тучу! Тучу!

Михайла Туча *(съ вѣчевого мѣста, крестится и кланяется народу).*

Псковъ-осударь!
Посадничьему сыну
И вѣчнику молодшему не слѣдъ
И слово молвить поперекъ старшому,
А стольному намѣстнику и князю,
Аль выборнымъ посадникамъ степеннымъ
Перечить—стыдъ и грѣхъ неотпускной...
Коль нѣтъ на то Господняго велѣнья...
Да Божьей воли намъ не исповѣдать:
Въ уста младенцевъ Онъ влагаетъ правду
И слабую десницу укрѣпляетъ
На силу силъ, престоловъ и господствій...
Позвольте молвить, мужи-псковичи
И люди добровольные, всю правду,
Какъ положилъ мнѣ на душу Господь!..
Вы, отчина крестопріимной Ольги,
Любимый столъ поборниковъ Руси,
Домъ Троицы святой Живоначальной,
Вы, осударь Великій-Псковъ! Радѣйте
И о себѣ всѣмъ міромъ промышляйте
По пошлинѣ...
Аль были мы повинны
Въ чемъ ни на есть передъ великимъ княземъ
И государемъ? Были, такъ скажите...

Голоса. Да въ чемъ повинны?..
Словно бы ни въ чемъ...

Михайла Туча. Аль мы Литвы дурной не сторожили?

Богданъ Ковыринъ. Литвы-то?

Михайла Туча. Аль жалѣли шестоперовъ
На нѣмцевъ?

Ѳедосъ Гоболя. Какъ-ста не жалѣть?.. А чѣмъ же
Свиней чудскихъ лобанить?

Василій Борбошинъ. Ха-ха-ха!
Мясникъ свое!

Михайла Туча. Скажите, осудари,
За коимъ прахомъ лечь намъ головою?
За правду-то? за наше-то добро?
За кровь-то нашу и за нашу службу?

За цѣлованье крестное?
Отбейте
Ворота всѣ у нашего Кремля,
Мечи и копья наши притупите,
Въ церквахъ съ иконъ оклады обдерите,
Кромѣшникамъ на хмельный смѣхъ и радость...
Пусть, кто слуга для Пскова-осударя —
Я дослужилъ... Не царскій гнѣвъ обиденъ,
Обиденъ подшибъ гнуснаго холопа.
Не царь, а псарь не жалуетъ. Учнете
Ловить воронъ да галокъ соколами,
Тогда меня вспомянете...
А я
Прощаюсь съ вѣчемъ и иду подъ Камень...
Кто носитъ сердце подъ крестомъ купельнымъ,
Пойдетъ со мной, чтобъ око не видало
Позора и безчестія псковского...
Аль я одинъ, аль нѣтъ грозы за Тучей
Надъ подкупной татарщиной московской! *(Молчаніе).*

Голоса. Есть, батюшка, есть, батюшка Михайла
Андреевичъ!
Нашлися?
Загрозили?
Помилуй Богъ!

Ѳедосъ Гоболя. Охъ, дурни!.. громъ не грянетъ,
Мужикъ не перекрестится...

Бояринъ Матута. Ну, громъ
Изъ тучи!..

Четвертка. Знать, изъ ней, а не изъ кучи
Съ матутинскаго задворка!

Иванко Торгоша. Ребята!
И вправду, нешто Пскову нѣтъ радѣльцевъ?

Голоса. Да что̀ тутъ! Слышь — за Псковъ и старину
Вались къ одной!
Катай-валяй за Тучей!
За Тучею Михайлой!

Михайла Туча *(сходитъ съ мѣста).* А за мною,
Такъ на̀ поле — встрѣчать гостей московскихъ.

Голоса. Дружнѣе! Гой, навстрѣчу москвичамъ!
Валися, людъ честной, дружнѣй валися!
(Толпа дѣлится надвое. Смятѐніе).

Бояринъ Матута *(князю Юрію).* Князь, князь! вели стрѣльцамъ палить въ буяновъ,
Не выпускай ихъ изъ Кремля!

Михайла Туча *(снимаетъ рукавицу).* Матута!
Мы свидимся съ тобою! Повѣшаю
Тебя заранѣй... Вотъ-те и гонецъ!

(Бросаетъ рукавицу въ лицо Матутѣ).

Бояринъ Матута *(хватаясь за щеку).*
Князь, не пускай; вели палить!

Михайла Туча. Князь Юрій
Ивановичъ! съ тобою псковичи —
Охочій людъ — прощаются...

Князь Юрій Токмаковъ *(опомнившись).* Куда?

Михайла Туча. Господь сведетъ... Не поминай насъ лихомъ!.
Великій-Псковъ оставилъ государю
Святыню храмовъ, вѣче вѣковое,
Дома и землю, семьи и могилы...
А волю сложитъ къ царскому подножью —
Гдѣ Богъ укажетъ — съ буйной головою.

(Снимаетъ шапку и кланяется).

Князь Юрій Токмаковъ. Да стойте жъ, полоумные!

Михайла Туча. Стояли,
Пока стоялъ Великій-Псковъ, а нонѣ
Пришлось итти, куда глаза глядятъ...

Четвертка. И лучше:
Пройдемся—разгуляемся.

Василій Борбошинъ. И пѣсню
Споемъ на путь-дорогу!..

Четвертка *(бьетъ его по плечу).* Вотъ такъ правда!
Гдѣ Колтырь Раковъ?

Голоса. Запѣвала! Раковъ!
Проснися!.. Эй!..

Князь Юрій Токмаковъ. Постойте! образумьтесь!..
Куды вы рветесь и кому грозите,
Безумцы!.. Что̀ вы кличете на Псковъ?
Правдивый гнѣвъ законнаго владыки!..
Иванъ Васильичъ Грозный вѣдь не шутитъ.

Четвертка. А пусть не шутитъ; шутка — не обида,
А отъ нешутки отпоемся пѣсней...
Ну, Колтырь Раковъ, гдѣ ты?

Колтырь Раковъ *(выходитъ изъ толпы съ балалайкой).*
Здѣсь... Ау!..

Четвертка. Прощальную!

Михайла Туча. Со Псковомъ-осударемъ...

(Машетъ шапкой. Полъ-толпы бѣжитъ къ нему съ криками).

Голоса. Прощальную со Псковомъ-осударемъ!..

Колтырь Раковъ *(ударяетъ по балалайкѣ).*

Осудари псковичи!
Собирайтесь на дворы!
Зазубрилися мечи,
Притупились топоры...
То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

Нѣсколько голосовъ *(подхватываютъ).* То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

(Толпа уходитъ въ Смердьи ворота. М. Туча, Четвертка Тертиторевъ и К. Раковъ впереди).

Голосъ Колтыря Ракова *(вдали).*

Али не зачѣмъ точить
Ни мечей ни топоровъ,
Али негдѣ намъ сложить
И головушекъ за Псковъ?
То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

Голоса *(вдали).* То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Теремъ князя Юрія Ивановича Токмакова. Столовая. Вглуби четыре окна съ веницейскими стеклами. Кругомъ стѣнъ лавки съ полавочниками. Направо дверь и налѣво дверь. Передъ окнами большой столъ со скамьями. Направо кривой столъ и лавки, налѣво княжеское мѣсто съ навѣсомъ. Въ переднемъ углу кіотъ съ лампадкою; столы накрыты. За окнами шумъ и говоръ. По городу звонъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Перфильевна *оправляетъ скатерть на кривомъ столѣ.*

Голоса мальчишекъ за окнами. По бабкамъ!..
Стой!..
Конъ за конъ!..
Жогъ!..
Анъ ничка!..

Перфильевна *(прислушивается).*

Ахъ, матушки!.. Никакъ они?.. И вправду...
(Торопливо подходитъ къ окну).
Ну, такъ и есть!.. *(Стучитъ въ окно)*
Ахъ, ты, безстыжій глазъ,
Глаза твои безстыжіе, Матюшка:
Какіе дни, а ты все за свое —

Опять за бабки!.. Вишь ты, пострѣленокъ?
Ты говори ему, а онъ тебѣ...

Голосъ мальчишки. Корга!

Перфильевна. И дразнишься? Вотъ черти-то потянутъ
Тебѣ языкъ!

Голоса мальчишекъ. Тебя-то, кочерга,
Въ три гибели согнутъ, да и заставятъ
Лизать горячій противень!..

Перфильевна *(грозитъ кулакомъ).* Ужо васъ!
Скажу: поднимутъ на воротъ рубашки.

Мальчишки *(поютъ съ присвистомъ).*

Фить-фить-фить!
Видно, для старушекъ —
Фить-фить-фить —
Мало колотушекъ!
Бей долбней ихъ въ лобъ,
Чтобы бѣсъ ихъ сгребъ!

Перфильевна. Вы такъ-то?.. Ну, постойте жъ, жиденята!..

(За окнами хохотъ. Перфильевна сталкивается въ дверяхъ съ Ольгою и Стешей Матутой).

ЯВЛЕНІЕ II.

Перфильевна, Ольга и Стеша Матута, *обѣ въ лѣтникахъ и повязкахъ съ покрывалами.*

Стеша Матута *(беретъ Перфильевну за плечи).*
Постой, постой, не торопись, молодка:
Такъ съ ногъ собьешь!..

Перфильевна *(задыхаясь).* Голубушка моя,
Боярышня! Мальчишки разсердили.
Тутъ смерть, они—поди ты—разыгрались...

Стеша Матута. Такъ ты ихъ—знаешь?..

Перфильевна. Нешто убѣжали?
А то я ихъ...

Стеша Матута. Бѣги, бѣги скорѣе! *(Смѣется).*

(Перфильевна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ольга и Стеша.

Стеша. Спровадила!

Ольга. Ахъ, Стеша!.. Какъ Господь
Тебѣ на шутки силу посылаетъ!

Стеша. А что̀ же? Плакать?.. Буду умирать —
Смѣяться буду.
Ольга *(обнимаетъ ее)*. Стешенька, я знаю,
Что для меня, голубушка, смѣешься:
Мою кручину шуткою отводишь...
А мнѣ ужъ нѣту краснаго веселья...

(Утираетъ рукавомъ слезы)

Притужно мнѣ...
Стеша. Да перестань же, Оля!
Ольга. Что̀ перестать?.. Да какъ я перестану!
Вѣдь я теперь безродная... Не знаю
И отчества... Не знаю, кто отецъ,
И живъ ли онъ... А Богъ послалъ по-душу —
Не знаю, какъ и въ церкви помянуть...
И матери своей не цѣловала,
Благословенье ро̀дной не приняла
Съ святымъ крестомъ...
А тутъ другое горе:
Росла-росла... Пріемнаго отца,
Какъ батюшку родного, облюбила,
Да сызмалу отцомъ и величала,
И на могилку къ тетушкѣ ходила,
Какъ къ матери...
А рядышкомъ другая,
Забытая могилка зеленѣла... *(Падаетъ на колѣни)*.
Заступница святая! Покарай
Грѣхъ окаянный!..
Стеша *(обнимаетъ ее)*. Ольга! Ольга! Оля!
Ольга. Дочь матери могилы не узнала!..

(Припадаетъ къ ней и рыдаетъ. Стеша отвертывается и глядитъ въ окно. Слышенъ звукъ колокола. Ольга приподнимается и бросается къ окну вмѣстѣ со Стешей).

Голоса на улицѣ. Ударили въ Застѣньѣ!
Скачутъ! скачутъ!
Въ Святыхъ воротахъ тронули хоругви!
Что̀ понамарь-то машетъ съ колокольни?
Передовые!
Ровно бы татаре...
Они и есть: вишь—мѣховыя шапки,
И лошади, что̀ звѣри, такъ и пышутъ..
Женскій голосъ. Татаре?.. Съ плеткой?.. Мати пресвятая!..

Ольга *(заламываетъ руки).* Охъ, если бъ мнѣ связали руки-ноги
Да прикрутили къ конскому хвосту —
Не видѣла бъ, не слышала бъ...
Стеша. Чего?
Ольга. Московскаго прихода...
Знаешь, Стеша,
Кого я жду, по комъ душа заныла!
Стеша. Какъ мнѣ не знать!
Ольга. Не знаешь?.. *(Потупляетъ голову).*
По Иванѣ!..
(Стеша хватаетъ ее за руку).
Ольга. По немъ! по немъ!
(Рветъ раструбъ лѣтника; нѣсколько пуговокъ отлетаетъ).
Вотъ къ сердцу подкатило!..
Такъ вотъ и жметъ... Что̀ жерновъ... Давитъ, давитъ...
И свѣтъ не милъ, поколѣ не взгляну...
Я на него... Про своего Михайлу,
Про бѣднаго, не вспомнила!..
(Плачетъ. Стеша потупляетъ голову).
Голоса на улицѣ. Встрѣчаютъ!
Стягъ за Псковòй...
Никакъ что Юрги!
Знамо —
Не кто, какъ онъ!
Ольга *(крестится).* Готова!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Юрій и Никита Матута; *оба въ боярскихъ кафтанахъ; въ рукахъ высокія шапки.*

Князь Юрій. Здравствуй, Оля!..
Ты что̀ здѣсь?.. Съ гостьей?.. Лучше бы ушли
Пока въ свѣтелку... Послѣ и сойдете,
Во всемъ приборѣ, съ чаркой и съ подносомъ,
Да и съ поклономъ надобнымъ хозяйскимъ
Навстрѣчу гостю жданному... коль будетъ.
(Указываетъ на окно).
Голоса на улицѣ. Маячатъ!..
(Ольга и Стеша уходятъ).
Слышь: еще маячатъ стягъ!..

Который?
Знать, что отъ «большого полку»...
Спасъ на херуговѣ!
Вѣстимо: отъ большого...
Готовы ли столы-то?
Вишь ты, шельма,
Какой ты хлѣбъ выносишь?

Женскій голосъ. А вчерашній:
Сама пекла...
Сама!

Женскій голосъ. А нешто ты?..
Печешь ты!

Никита Матута. Князь, прости меня: два слова...
Великій часъ.

Князь Юрій. Да говори, Никита
Семеновичъ, затѣмъ вѣдь и пришли.
(Оба молчатъ, понурясь).

Голоса на улицѣ. Еще два стяга, справа, да и слѣва—
А по какой дорогѣ?
По Дубовкѣ—
Тотъ, правый-то.
А лѣвый-то?
По Вревкѣ,
Анъ по Изборской.
Экіе вы дурни!
Не видите: съ Невадичей...

Никита Матута *(указываетъ рукой на окно).*
Ты слышишь,
Ты слышишь, князь, какъ Псковъ заговорилъ?..
Заговорю и я.

Князь Юрій. Да только прежде
Меня послушай: если я рѣшился
Домъ пресвятыя Троицы оставить,
Оставить Псковъ для моего бы дома,
Хоть бы на мигъ, такъ, вѣрно, ужъ недаромъ...
Съ тобой, бояринъ, я покончу разомъ:
Скажу всю правду, если не бѣжишь...
Не зналъ тебя—задумалъ породниться,
Узналъ—раздумалъ...

Никита Матута. Что ты, князь, съ похмелья,
Или со страху царскаго?

Князь Юрій. Молчи!
Съ тобою насъ Господь и царь разсудятъ,
Какъ разсудила и мірская сходка...

А я тебѣ—передъ судомъ великимъ—
Поклонъ прощальный...

(Низко кланяется и указываетъ на образа)

Вотъ тебѣ и Богъ...

Никита Матута *(перебиваетъ его).*
А вотъ порогъ, не правда ли?

Князь Юрій. Безъ Бога
Ни до порога...

Никита Матута. Ладно! И не скажешь:
Какъ и за что?..

Князь Юрій. За то, что не псковичъ ты,
Что не слуга ни Пскову-осударю
Ни государю нашему, Ивану
Васильичу.

Никита Матута. А кто же?

Князь Юрій. Перевѣтчикъ!

Никита Матута. Спасибо, князь, за честь и за почетъ,
За проводы гостиные!.. *(Кланяется).*

Князь Юрій. Никита!
Я старъ и хилъ... рука отяжелѣла:
На ворога поднимется ли, нѣтъ ли,
А на тебя...

Никита Матута. А! ты еще глумишься! *(Вытягиваетъ руку)*
Глядь на кистень! на всякаго былъ поднятъ,
И гирей билъ во всякаго—подавно...
Во псковскаго намѣстника...

(На улицѣ конскій топотъ и гикъ татарскихъ наѣздниковъ).

Мои!.. *(Указываетъ на окно)*
Прихлынули! *(Смѣется и грозитъ кулакомъ)*
Попомни же, князь Юрій,
Каковъ я былъ... Каковъ я есть—увидишь—
И не забудешь!.. *(Уходитъ въ дверь направо).*

Князь Юрій *(бросается за нимъ).* Ахъ, ты, песъ паршивый!..
Отребье!.. Я-те!

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ столовой палатѣ князя Токмакова никого; на улицѣ говоръ и звонъ, не умолкавшіе ни на мигъ, слышны ближе и ближе.

Голоса. Царь и государь,
Твои рабы ложатся головами
Ко твоему ко царскому подножью:

Твоя на насъ царева власть и воля.
Вели казнить! *(Звукъ трубъ и роговъ).*
Аль жалуй насъ и милуй. *(Еще ближе голоса).*

Нѣсколько голосовъ. Мы, государь, невинны-неповинны
И супротивъ тебя не поднимались!

(Звукъ трубъ и роговъ становится явственнѣе; слышенъ мѣрный топотъ конной дружины).

Толпа *(у порога токмаковскаго дома).* Царь-государь! помилуй насъ! помилуй!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Двери справа распахиваются. **Князь Юрій** *держитъ шапку обѣими руками, кланяется въ поясъ и входитъ, не оборачиваясь къ зрителямъ за нимъ.*

Царь Іоаннъ Васильевичъ *(въ кольчугѣ и шлемѣ, останавливается на порогѣ).*

Войти, аль нѣтъ?

Князь Юрій. Какъ, государь, поволишь!

Царь Іоаннъ *(помолчавъ).* Войти, коль есть и Божье милосердье
И милость Божья на дому...

Князь Юрій *(еще разъ кланяется въ поясъ).* А гдѣ же,
Коль не въ твоей державѣ, Божья милость?
Гдѣ милосердье Божье, коль не здѣсь—
Въ дому слуги царева и радѣльца
И въ отчинѣ царевой?

Царь Іоаннъ. Да не въ псковской.

Князь Юрій. Передъ Христомъ—во псковской!

Царь Іоаннъ. Инъ—войти!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Царь Іоаннъ, князь Токмаковъ, Малюта Григорьевичъ Скуратовъ, князь Аѳанасій Вяземскій, бояринъ Матута. *Въ дверяхъ видны* **рынды и опричники.**

Царь Іоаннъ *(оборачивается и машетъ рукой).*
Вы не входите... *(Малютѣ)*
Да скажи, Малюта,
Ванюшѣ и Борису, что... того...

(Малюта уходитъ; двери запираются).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Царь Іоаннъ, князь Токмаковъ, князь Вяземскій и Матута.

Царь Іоаннъ. Ну, здравія желаемъ вамъ, князь Юрій!
Присѣсть поволите?..

(Князь Токмаковъ и Матута торопливо подходятъ къ царю Іоанну и берутъ его подъ руки — князь Юрій справа, Матута слѣва, и усаживаютъ на княжеское мѣсто).

Спасибо... отдохну...
Умаялся...

(Снимаетъ шлемъ и отдаетъ князю Вяземскому)

Возьми-ка, Аѳанасій!

(Князь Вяземскій беретъ шлемъ и отходитъ къ двери).

Спасибо, право, мужи-псковичи!
Царя псковскимъ намѣстникомъ сажаютъ
Честь-честью—подъ-руки!.. Ей-ей, спасибо!..
И какъ еще сажаютъ-то?—вдвоемъ,
Какъ подобаетъ намъ по-христіански:
Направо—ангелъ, а налѣво—дьяволъ...
Молчатъ, а шепчутъ, устъ не отверзая,
Всякъ про свое... *(Помолчавъ)*
Да я-то, скудоумный,
Я, худородный, грѣшный рабъ Господній,
Васъ разберу... Коль Богъ на то поволитъ.

(Матута блѣднѣетъ, прокрадывается къ князю Вяземскому и цѣлуетъ у него полу кафтана. Князь Вяземскій торопливо машетъ ему рукой. Князь Токмаковъ покорно наклоняетъ голову).

Усталъ теперь... Пора бы чарку выпить
Да закусить... чѣмъ ни на есть во Псковѣ...
Что̀, у тебя, князь Юрій, есть хозяйка?

Князь Токмаковъ *(голосъ у него дрожитъ).* Нѣтъ, осударь, давно похоронилъ...
Осиротѣлъ... лѣтъ, надо-быть, двѣнадцать...
Да такъ и маюсь...

Царь Іоаннъ. Стало, бабъ-то нѣтъ?

Князь Токмаковъ. Есть дочка...

Царь Іоаннъ. И подросточекъ?

Князь Токмаковъ. Да надо-ть
Вести къ вѣнцу...

Царь Іоаннъ *(гладитъ бороду).* Вели-ка поднести.

Князь Токмаковъ *(подходитъ къ боковой двери, отворяетъ ее и шепчетъ).*

Перфильевна!.. Давай скорѣе Олю,
Въ приборѣ и съ подносомъ... Ну, и тѣхъ...
Кто тамъ у васъ, въ свѣтелкѣ-то?—съ закуской!

Перфильевна *(шопотомъ за дверями).*

Готовы, князь мой, батюшка, голубчикъ,
Кормилецъ мой... Закуска только...

Князь Токмаковъ *(хочетъ махнуть рукой, но удерживается. Шопотомъ).*

Полно!..

(Оборачивается къ царю Іоанну и кланяется).

Ужъ не взыщи, великій осударь,—
Чѣмъ Богъ послалъ.

Царь Іоаннъ. Эхъ, князь, на перепутьѣ
И просфорѣ желѣзной будетъ радъ
Калика перехожій...

Князь Токмаковъ *(опять подходитъ къ двери. Шопотомъ).*

Подносите!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Ольга *съ подносомъ, на немъ медовая стопа и чарки.* **Стеша Матута** *съ подносомъ, на немъ разныя закуски. Сзади Ольги—***Перфильевна, Настька** *и нѣсколько спнныхъ дѣвушекъ.* **Ольга,** *потупивъ глаза, подходитъ съ подносомъ къ царю Іоанну и становится передъ нимъ на колѣни.*

Князь Токмаковъ *(кланяется въ землю).*

Царь-осударь! *(Протягиваетъ руки)*
Челомъ бью.

Царь Іоаннъ. Осударь!..
Все—осудари мы, и осударь нашъ Псковъ,—
И Новгородъ... Да кто же противъ Бога
И Новогорода-Великаго? *(Хохочетъ)*
Цари!
Цари Иваны—дѣдушка и внучекъ...
Во Псковѣ мы не царствуемъ, а въ гости
Пріѣхали!..

(Повертываетъ голову къ входной двери. Князю Вяземскому и Матутѣ)

Ну, милостивы гости!

Садитеся: хозяинъ подалъ меду!

(Князь Вяземскій и Матута садятся).

Садитеся за столъ-то: хоть кривой,
А все же княженецкій...

(Встаетъ съ княжескаго мѣста и поднимаетъ Ольгу).

Позабылъ!
Прости, княжна! языкъ-то разболтался,
Какъ вашъ же *вѣчникъ*... Глянь-ка на меня...

(Ольга вздрагиваетъ и потупляетъ голову еще ниже).

Стыдливая!.. Прошу не погнѣвиться
На насъ, княжна!.. Твой батюшка поволилъ,
Чтобъ ты мнѣ чарку меда поднесла,
А какъ тебя по имени назвать,—
И не сказалъ... Пускай же, въ наказанье,
Самъ прежде выпьетъ да потомъ и скажетъ,
Какъ звать тебя? *(Ольга медлитъ).*
Ну, поднеси же!.. Развѣ
Во Псковѣ медъ полыни горче?

Ольга *(вся дрожитъ).* Ольга...

Іоаннъ. Такъ, Оленька, возьми-ка—поднеси,
Да и налей сама.

(Ольга взглядываетъ искоса на князя Токмакова, онъ ей киваетъ головой. Ольга наливаетъ и подноситъ чарку).

Князь Токмаковъ *(пьетъ).* Тебѣ во здравье,
Царь-осударь!

Царь Іоаннъ *(помолчавъ, Ольгѣ).* Ну, поднеси и мнѣ.
Да не съ поклономъ только — съ поцѣлуемъ...

(Ольга быстро поднимаетъ голову и взглядываетъ въ первый разъ на Іоанна; онъ впивается въ нее глазами и почти вскрикиваетъ).

Что̀?.. Что̀ такое!.. *(Проводитъ рукой по лбу)*
Мати Пресвятая!..
Не навожденье ль?..

(Оправляется и насильственно хохочетъ).

Ты, княжна, не хочешь?..
Не хочешь ты со мной поцѣловаться?..

(Въ это время Матута толкаетъ локтемъ князя Вяземскаго).

Со мною-то?..

Матута *(Вяземскому, шопотомъ).* Смекаешь ты?
Князь Вяземскій *(шопотомъ).* Нишкни!
Ольга *(любовно глядитъ на царя Іоанна).*
Царь-осударь! Съ тобою цѣловаться
Твоей рабѣ побѣдной недостойно;
А повелишь — живая лягу въ гробъ,
Лишь ты бъ со мной простился поцѣлуемъ.
Царь Іоаннъ *(повеселѣвъ).* Спасибо!.. Вотъ мой перстенекъ завѣтный
Со малаго съ мизинчика: носи
Его на память о рабѣ Иванѣ...

(Голосъ у него слегка дрогнулъ. Онъ снимаетъ перстень и кладетъ его на блюдо).

За перстенекъ ужъ, вѣрно, поцѣлуешь?..

(Цѣлуетъ Ольгу, потомъ беретъ съ подноса чарку меда).

А медъ-то слаще будетъ... *(Пьетъ).*
Право, слаще!
Пожалуй, что теперь и закусить
Не худо бы...
Стеша Матута *(подходитъ ближе къ царю Іоанну съ подносомъ).*
Чѣмъ Богъ послалъ, во Псковѣ...
Царь Іоаннъ *(улыбается и, не глядя на Стешу, беретъ съ подноса кусокъ пирога).*
Чего жъ еще?.. Пирогъ псковской!
Стеша Матута *(кланяется въ поясъ).* Съ грибами...
Царь Іоаннъ *(строго взглядываетъ на Стешу).*
Ась?.. Съ чѣмъ?..
Стеша *(не смущается и кланяется еще разъ).*
Съ грибками, осударь! Съ грибками:
У насъ, во Псковѣ, лѣта-то грибовны...
Вонъ издалека гости наѣзжаютъ,
Такъ ровно бы и хвалятъ...
Царь Іоаннъ *(не спускаетъ со Стеши глазъ).* Ты бойка!..
А чьихъ ты?
Стеша *(кланяется третій разъ).* Дочь боярина Матуты.
Царь Іоаннъ. А какъ зовутъ?
Стеша. Крестили Степанидой.
Царь Іоаннъ *(улыбается).* Бойка ты и... приглядна! Знать, во Псковѣ

Грибы-то на красавицахъ растутъ?.. (*Вздыхаетъ*)
Не то, что̀ въ нашей слободѣ... Слыхала?

Стеша. Какъ не слыхать?.. Неволею зовутъ.

Царь Іоаннъ. Неволей ли, аль волею, да только
Ты заѣзжай къ намъ, по дорогѣ, въ гости...

Стеша. Вели свезти.

Князь Вяземскій (*толкаетъ локтемъ Матуту и говоритъ шопотомъ*).
Смекаешь ты?

Матута (*блѣдный и взволнованный, довольно громко*).
Нишкни!

Царь Іоаннъ (*услыхалъ и оборачивается къ нимъ*).
Вы что̀ тамъ?

(*Князь Вяземскій и Матута дрожатъ всѣмъ тѣломъ*).

...Я про васъ и позабылъ.
Да ладно!.. Вы ступайте-ка!..

(*Князь Вяземскій и Матута уходятъ, но не вплотъ притворяютъ дверь и подслушиваютъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ князя Вяземскаго и Матуты.

Царь Іоаннъ (*Ольгѣ*). Княжна!
А ты въ Москву пожалуешь?

(*Ольга во все время разговора царя Іоанна стоитъ, понуривъ голову, и не отвѣчаетъ на вопросъ*).

Не бойся,
У насъ въ Москвѣ высокій теремокъ...
А ты въ своемъ, пока тамъ что̀, подумай...
Пора хозяйкѣ отдохнуть...

(*Дѣлаетъ знакъ рукой Ольгѣ и Стешѣ. Онѣ кланяются и уходятъ съ Перфильевной и сѣнными дѣвушками*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Царь Іоаннъ и князь Юрій Токмаковъ.

Царь Іоаннъ. Князь Юрій!
Изъ головы вонъ... все хотѣлъ спросить
Я давеча... (*Садится на мѣсто*).
Хотѣлъ спросить: на комъ ты
Женатъ былъ?

Князь Юрій. На Насоновой, великій
Царь-осударь!
Царь Іоаннъ. На Вѣрѣ?..
Князь Юрій. На Надеждѣ,
Царь-осударь!..
А Вѣра-то была
За тутошнимъ бояриномъ Шелогой.
Царь Іоаннъ. Да...
Гдѣ жъ теперь онъ?..
Князь Юрій. Нѣмцы уходили,
Царь-осударь, подъ Невелемъ...
А Вѣра,
Съ тоски бы, что ли, словно какъ рехнулась
И померла...
Царь Іоаннъ. Такъ Ольга-то твоя
Племянница покойницѣ, выходитъ?
Князь Юрій. Царь-осударь! Передъ тобой не скрою:
Побольше, чѣмъ племянница...
Царь Іоаннъ. Да какъ же?..
Князь Юрій. Да такъ, что Вѣра родила безъ мужа,
И отъ кого — не знаемъ, осударь.
А грѣхъ ея покойница-хозяйка
Своею честью дѣвичьей прикрыла,
Хоть и была тогда моей невѣстой!..
Да — лихъ — Иванъ Семенычъ-то Шелога
Повѣрилъ-было, только усомнился!..
Ну, и пошелъ, съ великой со печали,
Подъ Невель... тамъ и голову сложилъ...
Царь Іоаннъ *(взволнованъ)*. А Вѣра?..
Князь Юрій *(вздыхаетъ)*. Вотъ покинула намъ Олю
Съ Перфильевною, мамкой...
Царь Іоаннъ *(встаетъ и крестится на иконы)*. Помяни,
О, Господи! во царствіи небесномъ
Рабу Твою!
(Подходитъ къ входной двери и говоритъ громко)
Малюта! *(Громче)* Гей, Григорьичъ!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Малюта Скуратовъ *на порогѣ.*

Малюта. Что̀ повелишь, владыка?
Царь Іоаннъ *(торжественно)*. Да престанутъ
Убійства!.. Много крови... Притупите
Мечи о камень: Псковъ хранитъ Господь!..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Царская ставка. Задняя пола откинута: видна лѣсистая мѣстность и крутой берегъ рѣки Мѣдѣдни. Ночь. Свѣтитъ мѣсяцъ. Ставка устлана коврами. Спереди, налѣво, медвѣжья шкура поверхъ ковра; на ней крытый золотою парчою столъ съ двумя шестирогими подсвѣчниками; на столѣ мѣховая шапка, кованый въ серебро ножъ, стопа, чарка, чернильница и нѣсколько свитковъ; направо походный аналогій и на немъ зажженная лампадка, складень, развернутый требникъ, просфора и обожженная свѣчка. Ставка подперта столпникомъ; на немъ броня и оружіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Царь Іоаннъ *стоитъ посреди ставки, скрестивъ руки и опустивъ голову.* **Царевичъ Іоаннъ** *за столомъ; въ рукахъ перо; передъ нимъ свитокъ. Подлѣ аналогія дьякъ* **Елизаръ Вылузгинъ**; *у стола* **Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.** *Мимо приподнятой полы ставки ходитъ сторожевой опричникъ. На* **Іоаннѣ** *опашень съ мѣховой оторочкой; на прочихъ цвѣтныя полукафтанья.*

Царь Іоаннъ. Да, Боря, тяжко!..
Обѣлилъ я Псковъ,
Да... что-то вотъ...
Опять взяло раздумье...
На благо ли его я обѣлилъ
И обопричнилъ! Что̀ ты, Боря, скажешь?
Борисъ Годуновъ. Скажу я въ ладъ: что̀, государь, укажешь?..
Царь Іоаннъ. Что̀ указать?.. Вѣдь вольница псковская
Новогородской вольницѣ сродни...
Попомни ты, князей-то дѣдъ управилъ,
А, въ ладъ ему, какъ самъ ты говоришь,
Лихихъ бояръ, досмыслясь, внукъ убавилъ,
А съ малыми, съ молодшими людьми
Управиться?..
Борисъ Годуновъ. Царь-государь, не время!
Царь Іоаннъ. Что̀, Боря?..
Царевичъ Іоаннъ. Отче!.. ты на насъ не сѣтуй:
Съ Борисомъ мы недавно говорили—
Прижать-прижать, да надо обождать.
Царь Іоаннъ *(смѣется).* Ребята вы!.. Туда жъ хитрятъ со мною.
Хотятъ задобрить, чтобъ не клалъ опалы...
Да на кого? На людъ-то православный—
Краеугольный камень нашей власти

И наше всевозлюбленное чадо!
Въ умѣ ли вы?.. Къ тому ли рѣчь я велъ?
Нѣтъ, Ваня, вотъ тебѣ завѣтъ отцовскій:
Поволитъ Богъ меня къ себѣ воззвати,
И будешь ты царемъ всея Руси:
Храни тебя Заступница—обидѣть
Единаго отъ малыхъ сихъ... Попомни:
То только царство крѣпко и велико,
Гдѣ вѣдаетъ народъ, что у него
Одинъ владыка, какъ въ единомъ стадѣ
Единый пастырь... Если же подпаскамъ
Пастухъ дастъ волю—погибай все стадо!..
Не то что волки, сами будутъ рѣзать
Да сваливать вину свою на псовъ...
Нѣтъ! такъ бы мнѣ управиться хотѣлось,
Русь оковать закономъ, что̀ бронею.
Да дастъ ли Богъ мнѣ разума и силы?..
Недуженъ я... *(Вылузгину)*
Эй, Елизаръ, найди-ка,
Вонъ, въ требникѣ...

(Вылузгинъ беретъ требникъ).

Какая, бишь, страница?..

(Вылузгинъ смотритъ на Іоанна).

Сто... сорокъ... пятая...

(Вылузгинъ перелистываетъ требникъ).

Нашелъ?..

Вылузгинъ *(читаетъ).* *Молитва...*

Царь Іоаннъ *(перебиваетъ его).* Молитва... да!.. надъ грѣшнымъ человѣкомъ
Очародѣяннымъ: «Всесильный Боже!..»

Вылузгинъ *(читаетъ).* «Всесильный и человѣколюбивый Господи, Іисусе Христе Боже нашъ!.. Предвѣчнаго...»

Царь Іоаннъ. Постой!.. пониже: пятая строка.

Вылузгинъ *(читаетъ).* «Яко да злодѣянія бѣсовская испраздниши, и ученикомъ своимъ власть давай, еже наступити на змія и скорпія, и на всю силу вражію».

Царь Іоаннъ. Аминь!.. *(Протягиваетъ правую руку и выступаетъ впередъ).*

На силу вражью!..

(Хватается руками за грудь).

Что-то тошно!..
Какъ словно рѣчь подхлынула подъ сердце
И вверхъ ползетъ, и за̀ горло хватаетъ. *(Царевичу)*

Пусти-ка, Ваня!..

(Царевичъ встаетъ, Іоаннъ садится на мѣсто).

Хочется гуторить...

Послушайте...

(Царевичъ и Борисъ Годуновъ подходятъ къ столу).

Недаромъ я просилъ
Прочесть молитву: точно очарованъ
Я смолоду... да, видно, зачурованъ...

Вылузгинъ. «Мать Пресвятая!..»

Царь Іоаннъ *(машетъ рукой).* Полно, Елизарій,
Молчи и дай сказать нѣмому слово!

Вылузгинъ *(оторопѣвъ).* Я, осударь...

Царь Іоаннъ. Ну, ладно, помолчи!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и дворецкій Л. Андреевичъ Салтыковъ.

Салтыковъ *(выглядываетъ изъ-за откинутой полы ставки и манитъ Вылузгина шопотомъ).* Что̀?.. можно?..

(Вылузгинъ отмахивается).

Царь Іоаннъ *(замѣтивъ, оборачивается).* Кто тамъ?..

Салтыковъ *(входитъ и кланяется въ поясъ).* Осударь, поволишь:
Сокольничій Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ
Пришелъ съ докладомъ.

Царь Іоаннъ. Что̀ ему? Зови!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Царь Іоаннъ *(говоритъ, не поворачивая головы).*
Нашелъ гнѣздо?

Бобрищевъ-Пушкинъ. Нашелъ, царь-осударь,
Да какъ прикажешь?.. Соколъ больно въ мытѣхъ...

Царь Іоаннъ. Ну, переждать, а князю Токмакову
Велѣть сказать, что выслалъ бы съ надежнымъ
И съ спѣшнымъ къ нашей милости гонцомъ.

Бобришевъ-Пушкинъ *(почесываетъ затылокъ).*
Ивашко Пушкинъ, ловчій, похвалялся,
Что царское величество твое
Потѣшитъ звѣремъ...

Царь Іоаннъ *(оборачивается).* Тура подсмотрѣли?

Бобрищевъ-Пушкинъ. Ѣлъ, осударь, въ стогу полѣсномъ сѣно,
Тутъ недалечко, у самой Мѣдѣдни,
На задворкахъ, у сельскаго дьячка...

Царь Іоаннъ. Ступай!.. Скажу потомъ... А казначею
Вели: дьячку дать полтрета рубля
За досмотръ...

(Пушкинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Пушкина.

Царь Іоаннъ. Наказать бы, Елизарій,
Чтобъ въ ставку, кромѣ Вяземскаго князя,
Да нашего Григорьича Малюты,
Живой души впускать не смѣли.

(Вылузгинъ хочетъ уйти).

Стой же!
Ложися спать: понадобишься—кликну.

(Вылузгинъ уходитъ. Пола опускается).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Вылузгина.

Царь Іоаннъ. Ну, вотъ одни... Ну, вотъ одинъ я съ вами,
Любезные сыны, порфирородный
И воспріемный!
Ужъ кого я больше
Люблю—не знаю.

Борисъ Годуновъ *(прижимаетъ руки къ сердцу).* Смилуйся,
владыка!

Царевичъ Іоаннъ *(бросается къ отцу и цѣлуетъ ему руку).*
Владыка-отче! не клади опалы
На своего несмысленнаго сына,
А первый разъ я, отче, домекнулся
Теперь, что ты—отецъ и государь!

Царь Іоаннъ *(обнимаетъ его и говоритъ Годунову).*
И ты ко мнѣ!

(Годуновъ падаетъ на колѣни).

Царь Іоаннъ *(поднимаетъ его).* Ко мнѣ, ко мнѣ, голубчикъ!

(Цѣлуетъ его въ лобъ).

Борисъ, попомни!.. Коль Иванъ Васильичъ

Не снялъ доселѣ буйной головы
Съ широкихъ плечъ Малютинова зятя,
А цѣловалъ ту голову, такъ—значитъ—
Той головѣ не царскимъ поцѣлуемъ,
А Божіимъ нарядомъ красоваться...
Ну, дѣти, вы послушайте теперь... *(Помолчавъ)*
Тогда—еще былъ живъ покойный Дмитрій,
А ты еще и не родился, Ваня,
Какъ боленъ былъ я при смерти... Такъ крѣпко
Сломилъ меня недугъ, что я не чаялъ
Въ живыхъ остаться и молился только,
Чтобъ васъ, сиротъ, и русскую державу,
Свой домъ отъ вѣка избранный, святая
Заступница покровомъ осѣнила!..
Никѣмъ-кого у моего одра:
Лежу одинъ—недвижимъ и безгласенъ...
Послѣдній вздохъ мнѣ сердце поднимаетъ...
А за дверьми моей опочивальни
Всѣ слуги и всѣ близкіе мои
Заранѣе ужъ ризы наши дѣлятъ,
И мечутъ жребій объ одеждѣ нашей,
И брата Володимера соборнѣ
Зовутъ на царство, а младенца Митю
Известь хотятъ, какъ извели голубку
Мою Настасью, мать твою родную!..
Взглянулъ я скорбно на Господній образъ,
На Спаса ликъ нерукотворный: силюсь
Крестъ сотворить десною,—нѣту силы
Поднять десной... И горько я заплакалъ!
(Царевичъ утираетъ слезу).
И внялъ Господь мольбѣ моей безгласной
О сиротствѣ невиннаго младенца—
Не допустилъ, чтобъ лиходѣйный ножъ
Изъ тѣла душу ангельскую вынулъ!
Въ груди моей внезапу смерти льдину
Пробила слезъ горячая струя,
И снова кровь по жиламъ побѣжала,
И отошли замерзнувшія мышцы...
Я всталъ съ одра—на радость и веселье
Моимъ друзьямъ, моимъ слугамъ любезнымъ
Князьямъ-боярамъ... было же имъ любо!..

Борисъ Годуновъ. А кто тутъ были, государь?

Царь Іоаннъ. Да всѣ:
Курлетевы и Шуйскіе, Алешка

Адашевъ, со милымъ своимъ дружкомъ
Попомъ Сильвестромъ... Какъ припомню только,
Что̀ сотворили эти доброхоты
Съ державой нашей—сердце содрогнется.
А, кажется, кому бы и радѣть,
Коли не имъ, измѣнникамъ?

Царевичъ Іоаннъ. Я слышалъ,
Что жаловалъ Адашева ты много,
Не по заслугамъ?

Царь Іоа̀ннъ. По какимъ заслугамъ!
Не вѣдаю, какимъ ужъ обыча̀емъ
Онъ изъ батожниковъ во дворъ нашъ царскій,
Когда мы были молоды, явился.
Я взялъ его отъ гноища, поставилъ
Съ вельможами моими на ряду...
Какихъ честей, какихъ богатствъ ни принялъ
Онъ отъ меня, да не одинъ онъ только —
Весь родъ его! Какое же смиренье
Я отъ него, лихой собаки, видѣлъ!
Сочли меня съ Сильвестромъ — недоумкомъ
И стали власть снимать съ меня безстыдно
Не только въ думѣ нашей царской — въ домѣ,
Кормили, одѣвали, обували
И клали спать, когда и какъ хотѣли...
Ну, наконецъ меня взяла тоска!

Борисъ Годуновъ. Царь-государь, твое долготерпѣнье
Намъ вѣдомо...

Царь Іоаннъ. Тогда я не стерпѣлъ!
Хоть мы порфиру золотую носимъ,
Но также тлѣнны, также человѣки
И немощью людской облечены...
Сыскалъ вины измѣнника Алешки
И всѣхъ его совѣтниковъ лукавыхъ,
И милостивый гнѣвъ свой учинилъ:
Не положилъ на нихъ я смертной казни,
А разослалъ по дальнимъ городамъ.
Потомъ нашлись другіе доброхоты:
Вонъ Курбскій князь сбѣжалъ, какъ воръ, въ Литву
Да лается оттуда на меня,
Что я бояръ всеродно погублю!
Лихъ лжетъ онъ, вѣроломецъ и предатель:
Кладу опалу на рабовъ ослушныхъ,
А казнь вездѣ измѣнникамъ бываетъ...
Да и казненныхъ милую по смерти:

Въ монастыри, по грѣшнымъ ихъ душамъ,
Я сколько поминаній разсылаю;
Своей рукой синодики пишу
И вкладами въ домъ Божій не скуплюся
За нихъ, моихъ злодѣевъ и враговъ...
Пускай насъ Богъ на свѣтѣ томъ разсудитъ.

(Пола ставки приподнимается; входитъ князь Вяземскій въ кольчугѣ и снимаетъ шлемъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и князь Вяземскій.

Іоаннъ. Гдѣ побывалъ, голубчикъ?
Князь Вяземскій. Подъ Печерскимъ.
Іоаннъ. Не вздумалъ ли, за грубость, ты обидѣть
Николу-старца?
Князь Вяземскій. Нѣту, осударь,
А по пути настигъ купца съ товаромъ,
Да не своимъ, захваченнымъ. Такъ, кстати,
Ужъ и его съ собою захватилъ...
Іоаннъ. Ну, разыскать... товаръ отдать хозяямъ!
А вора, до расправы съ нимъ, въ колодки.
Князь Вяземскій. Онъ говоритъ, что везъ къ тебѣ съ поклономъ...
Товаръ хорошъ, и воръ-то мнѣ знакомый...
Іоаннъ. Да что̀ ты мнѣ загадки задаешь!
Какой тамъ воръ!
Князь Вяземскій. Бояринъ изо Пскова,
Матута.
Іоаннъ. Что̀ жъ ему за треба?
Князь Вяземскій. Треба
Такая, что... И какъ сказать—не знаю.
Шли въ монастырь псковскія богомолки...
Одна-то больно пригожа̀: такъ онъ
Наѣхалъ съ дворней и умчалъ голубку.
Іоаннъ *(нахмуриваетъ брови).* А кто она?
Князь Вяземскій *(помолчавъ).* Дочь князя Токмакова.
Іоаннъ *(вскакивая съ мѣста).* Холопъ!.. И ты дерзнулъ съ такою рѣчью
Предстать предъ око своего владыки?
Малюту мнѣ!
Князь Вяземскій *(падаетъ на колѣни).* Помилуй, осударь!

Іоаннъ *(грозно)*. Долой съ очей! *(Годунову)*
Борисъ, ввести скорѣе
Сюда, ко мнѣ, Матуту!.. Гдѣ мой посохъ?
(Вяземскій и Годуновъ быстро уходятъ. Іоаннъ беретъ въ углу ставки посохъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Іоаннъ и царевичъ.

Царевичъ *(тихимъ голосомъ)*. Владыка-отче!
Іоаннъ *(въ сильномъ волненіи)*. Не проси, Иванъ!
На псовъ жалѣть не подобаетъ палки...
Разбойники!.. Я снялъ вину со Пскова,
Молился у угодниковъ печерскихъ,
Не наказалъ монаха грубой рѣчи,
А эти воры смѣли увезти
Дочь моего намѣстника и князя!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Малюта, Годуновъ, князь Вяземскій, Матута и нѣсколько опричниковъ.

Матута *(при входѣ въ ставку, падаетъ на колѣни и бьетъ челомъ о земь)*. Помилуй!
Іоаннъ. Я помилую тебя! *(Малютѣ)*
Григорьичъ! Тотчасъ молодцовъ въ желѣза
И въ Псковъ вести у стремени, а дочь
Князь Юрія сажайте прямо на возъ
И отвезите бережно къ отцу:
Обидчиковъ, за то безчестье, князю
Я соизволилъ выдать головою,
Со всѣми ихъ помѣстьями и скарбомъ.
А прежде ихъ... *(Поднимаетъ посохъ)*.
Матута *(складываетъ руки)*. Царь, осударь великій!
Казни своей рукою недостойныхъ,
Но повели сказать подъ пыткой слово.
Іоаннъ *(опускаетъ посохъ и опирается на него)*. Солги еще!
Матута. Ни, осударь; ни йоты.
Дочь Токмакова въ монастырь ходила —
Не пресвятой Заступницѣ молиться,
А видѣться съ посадничіимъ сыномъ
Михайлой Тучей: это онъ изъ Пскова,
Передъ твоимъ пріѣздомъ государскимъ,
Увелъ съ собою вольницу псковскую.

Онъ, да еще Четвертка, тоже сынъ
Посадничій — ослушники твои,
Смутители... Такъ дочь-то Токмакова
Мы увезли, чтобъ ты велѣлъ о ворѣ,
Михайлѣ Тучѣ, опросить ее.

Малюта. Такъ, государь! я посылалъ ужъ сыскныхъ.
Развѣдали, что вольница псковская
Взаправду бродитъ по лѣсамъ печерскимъ.

Іоаннъ. Инъ ладно... Уводи съ собою этихъ,
А ту ко мнѣ... Да одного оставьте
Меня на малый часъ.

(Малюта, Вяземскій, Матута, опричники уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Іоаннъ, царевичъ и Борисъ Годуновъ.

Іоаннъ. Я говорилъ,
Что торопливо порѣшилъ со Псковомъ—
И вышло такъ...
Никакъ ее ведутъ? *(Царевичу)*
Ступай въ шатеръ къ Борису...
Я узнаю
Всю подноготную...

(Царевичъ и Годуновъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Іоаннъ, Ольга *откидываетъ полу ставки и останавливается.*

Іоаннъ *(идетъ ей навстрѣчу).* Здорово, Ольга
Ивановна... бишь, Юрьевна! Здорово!

(Ольга заламываетъ руки, кланяется Іоанну въ ноги и рыдаетъ).

Іоаннъ *(приподнимаетъ ее).*
Привстань, привстань! Поди-ка вотъ сюда,
Присядь, да отдохни. *(Ведетъ и сажаетъ на мѣсто).*
Не ждалъ—не чаялъ
Тебя увидѣть объ ночную пору,
Да гдѣ еще?—въ моей походной ставкѣ.
Какъ довезли тебя?

(Ольга рыдаетъ и не можетъ сказать ни слова).

Не плачь, касатка!
Я не медвѣдь, не людоѣдъ косматый,
А твой хозяинъ, гостья дорогая,
Да, правду молвить кстати, и должникъ:

Ты чарку мнѣ съ поклономъ подносила—
Я принималъ; теперь чередъ за мною:
Мнѣ подносить, а принимать тебѣ.

(Наливаетъ изъ стопы чарку и подноситъ съ поклономъ Ольгѣ).

Пригубь изъ нашей чарки, не гнушайся...
Отвѣдай: медъ и у меня недуренъ...

(Ольга встаетъ, прихлебываетъ и со слезами цѣлуетъ у Іоанна руку).

Іоаннъ *(ставитъ чарку на столъ и опять усаживаетъ Ольгу).*
Ну вотъ, теперь немножко отдохнула...
Разсказывай, какъ увезли тебя?

Ольга *(складываетъ руки).* Царь-государь, спаси меня, помилуй!
Я сирота...

Іоаннъ. А кто же князь-то Юрій
Ивановичъ?

Ольга. Онъ мнѣ отецъ пріемный.
Я ни отца ни матери не знала...
Не откажи въ помогѣ безпомощной!
Оборони отъ недруга лихого!..

Іоаннъ. А кто твой недругъ?

Ольга. Самый онъ, Матута.
Ему меня просватали сначала,
Да я потомъ упала въ ноги князю
И упросила, слезно умолила—
Не загубить моей дѣвичьей воли
За старымъ, ненавистнымъ и постылымъ...
За то и злится... Нынче наскакалъ
Съ холопьями у монастырской рощи...
Схватили, завязали ротъ платкомъ
И на сѣдло втащили... Дѣвку Настю
Съ ногъ сбили плетью... Тутъ ужъ я не помню.

Іоаннъ. Зачѣмъ же ты ходила въ монастырь?

Ольга. У князя отпросилась помолиться.

Іоаннъ. Объ суженомъ?

Ольга. Не скрою, государь.
Есть суженый.

Іоаннъ. Когда же будетъ свадьба?

Ольга. Какъ Богъ велитъ.

Іоаннъ. А за кого выходишь?

Ольга. За сына за посадничьяго.

Іоаннъ. Тучу?

Ольга *(удивленная)*. Такъ, государь.
Іоаннъ. Вѣдь свадьбѣ не бывать!..
За то, что ты всего мнѣ не сказала,
Я увезу тебя въ Москву съ собою...
Скажи: кого у рощи дожидалась?
Ольга *(падаетъ на колѣни)*. Прости: его...
Іоаннъ. И не проси прощенья!
Пошлю сказать князь Юрью, что въ Москву
Везу тебя, а воли нашей царской
Ослушника, посадничьяго сына,
Велю поймать и привезти въ желѣзахъ...
Гдѣ онъ теперь?
Ольга. Помилуй, государь!
Іоаннъ. Гдѣ онъ теперь?
Ольга. Не вѣдаю, не знаю.
Іоаннъ *(грозно)*. Гдѣ онъ теперь?
Ольга *(плачетъ)*. Хотѣлъ быть въ келью старца
Николы.
Іоаннъ. Встань и поцѣлуй меня. *(Цѣлуетъ ее въ лобъ)*.
Я пошутилъ: въ Москву тебя возьму,
Отдамъ тебя за молодца любого,
Кого сама захочешь... А Михайлы
Казнить не стану—засажу въ темницу...
И денегъ дамъ тебѣ на колачи—
Корми его по праздникамъ...
Ольга. Вели
Меня казнить за то, что головою
Я выдала милого.
Іоаннъ *(смѣется)*. Ни-ни-ни!
Зачѣмъ казнить красавицъ? Замужъ выдамъ.
Ольга *(складываетъ руки)*.
Охъ, государь! не тѣшься надо мною:
Пусти во Псковъ молиться за тебя—
Я въ монастырь пойду.
Іоаннъ Небось, въ Печерскій?
Какъ не пойти!.. *(Смѣется и опирается рукой о столъ)*.
Ольга. Великій государь!
Передъ тобою мнѣ, какъ передъ Богомъ,
И помысла не можно утаить.
Дозволь сказать всю правду.
Іоаннъ. Только правду!
Ольга. Дѣвичьи слезы и дѣвичье горе
Тебѣ смѣшки и шутка, государь...
Да надъ молитвой ты шутить не станешь...

Такъ вѣдай же: ребенкомъ несмышленымъ
Я за тебя молиться научилась;
За мамкою, передъ иконой Спаса,
Я лепетала: «Господи, помилуй
Отца и государя моего!»

(Іоаннъ видимо взволнованъ; Ольга складываетъ руки).

Ты властенъ посмѣяться надо мною
И не повѣрить истинному слову...
А я тебя тогда еще почасту
Во снѣ видала.

Іоаннъ. Жаль—не наяву!
Похожъ былъ, чай, я на царя Ивана
Васильича?

Ольга. Да, государь, похожъ!..
Одно, что былъ моложе, веселѣе
И...

Іоаннъ. Что̀? красивѣй?..

Ольга. Вымолвить не смѣю.

Іоаннъ. Не бойся, Ольга Юрьевна!.. *(Качаетъ головой).*
Не зналъ я,
Что ты у насъ забавница такая...

(Молчаніе. Ольга стоитъ, печально опустивъ голову).

Іоаннъ *(пристально глядитъ на Ольгу).*
Скажи-ка ты мнѣ лучше, безъ утайки—
Кѣмъ чаще: букой, иль царемъ Иваномъ
Тебя пугали въ дѣтствѣ?.. *(Ольга молчитъ).*
А когда
Ты подросла, чай, наслыхалась притчей
О нѣкоемъ злодѣѣ, кровопійцѣ,
Гонителѣ бояръ и слугъ усердныхъ,
Мучителѣ, казнителѣ...

Ольга. Дозволь...

Іоаннъ *(не слушая ея).*
Объ извергѣ!.. Отъ слова и до слова
Готовъ я всю ихъ пѣсенку пропѣть:
«Онъ, молъ, какой: чѣмъ только кто правѣе
Тѣмъ на судѣ его и виноватѣй;
Кто житіемъ, воистину молчальнымъ
И монастырскимъ, Господу угоденъ,
Тотъ у него—ханжа и лицемѣръ;
Кто лестію гнушается—завистникъ,

А кто стоитъ за правду по присягѣ
И цѣлованью крестному,—отмётникъ,
Злокозненный измѣнникъ и предатель!..
И вотъ, молъ, онъ мужей, толико доблихъ,
Преславныхъ царства русскаго сигклитовъ,
Всеродно истребляетъ аки звѣрь,
О немъ же намъ гласитъ Апокалипсисъ...
Ни возраста ни пола ни жалѣетъ;
Грудныхъ младенцевъ, старцевъ безпомощныхъ,
Невинныхъ дѣвъ терзаетъ лютой мукой
И тѣшится ихъ кровью, со своею
Кромѣшной тьмой, что сатана съ бѣсами...»
Что̀? такъ ли, Ольга Юрьевна, аль нѣтъ?
Аль, можетъ, и послаще напѣвали?
Ты не таи: вѣдь сказано—не бойся.

Ольга. Мнѣ нечего бояться; не причастна
Моя душа ни лести ни обману,
И видитъ Богъ, что я сказала правду.
Да и скажу: я въ бережѣ, въ охранѣ
У батюшки названнаго жила;
Пустыхъ рѣчей ко мнѣ, въ дѣвичій теремъ,
Не заносилъ никто и никогда;
А если отъ подружекъ и отъ мамокъ
И доводилось слышать что̀ такое,
Такъ понимать мнѣ было не по лѣтамъ
Про царскій гнѣвъ и царскую опалу...
А послѣ...

Іоаннъ. Видно: послѣ домекнулась?

Ольга *(смѣло взглядываетъ на Іоанна).*
Да: домекнулась!.. Какъ не домекнуться,
Когда вездѣ стонъ-стономъ по Руси?..
Охъ! не о томъ тебѣ бы допроситься,
А о моихъ молитвахъ многогрѣшныхъ,
Что̀ слышала ли, нѣтъ ли—полуночь...
Узналъ бы ты...

(За ставкой слышенъ шумъ и окликъ сторожевого:)

Что̀ за̀ люди такіе?
Что̀ за народъ?

Голосъ Четвертки. Народъ все Божій: мы.

(Къ ставкѣ приближаются быстрые шаги толпы; раздается звукъ рога; выстрѣлы и шумъ схватки).

Впередъ, ребята, къ ставкѣ!

Іоаннъ *(откидываетъ полу).* Что̀ такое?

Голосъ Четвертки. Вотъ это—ставка Вяземскаго вора:
Сюда! правѣй, правѣе забирайте!

(Изъ шатровъ выбѣгаютъ толпы стрѣльцовъ; слышны выстрѣлы пищалей и звукъ оружія).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Царевичъ, Годуновъ и Малюта *вбѣгаютъ въ ставку.*

Малюта *(запыхавшись).* Царь, вольница псковская!

(Ольга вскрикиваетъ).

Іоаннъ *(сдерживаетъ со столпника мечъ).*
Всѣхъ ихъ лоскомъ!

Царевичъ *(заступаетъ Іоанну дорогу).*
Владыка-отче! не труди напрасно
Своей десницы.

Іоаннъ *(въ бѣшенствѣ).* Слышишь? Всѣхъ, Малюта!
А вожака треклятыхъ взять живьемъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Малюты.

(Крики, выстрѣлы и схватка сильнѣе).

Голосъ Михайлы Тучи. Князь Вяземскій? Гдѣ Ольга Токмакова?
Отдайте Ольгу Токмакову! Ольга!
Ты здѣсь ли, Ольга?

Ольга. Здѣсь!

(Хочетъ броситься вонъ изъ ставки; Годуновъ сильно ее отталкиваетъ).

Ольга *(шатается и падаетъ на одно колѣно).*
Христе-Исусе!

(За сценой бѣлый огонь и сѣча).

Голосъ Михайлы Тучи *(ближе).*
Прости! съ тобой намъ больше не видаться!

Голосъ Малюты. Бери живьемъ!

Нѣсколько голосовъ. Не дался! соскочилъ
Въ Мѣдѣдню. Поплылъ... Вотъ онъ... Эй, вы, разомъ!

(Ольга вскакиваетъ).

Голоса. Стрѣляй!.. *(Залпъ).*
Попали!..

(Выстрѣлы утихаютъ; входитъ Малюта).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Малюта *съ окровавленнымъ бердышемъ. За нимъ опричники.*

Малюта. Всѣхъ угомонили!
Іоаннъ *(безпокойно).* А Туча?
Малюта *(машетъ рукой).* Ко дну!
Ольга *(хватаетъ со стола ножъ).* Господи! прости мнѣ...
(Падаетъ въ крови на полъ).
Іоаннъ. Безумная!..
Бомелія сюда!
(Подбѣгаетъ къ Ольгѣ и относитъ ее съ царевичемъ и Годуновымъ на мѣсто).
Безумная!.. Ты слышишь ли?.. Ты слышишь?..
Вѣдь я тебѣ...
(Наклоняется къ Ольгѣ и осыпаетъ ее поцѣлуями).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Бомелій *поспѣшно подходитъ къ* **Ольгѣ.**

Іоаннъ *(задыхается).* Спаси ее, Бомелій!
(Бомелій беретъ Ольгу за руку и прикладываетъ ухо къ ея сердцу).
Іоаннъ *(ломаетъ себѣ руки).* Спаси мою голубку!..
Бомелій *(качаетъ головой).* Государь!
Господь единый воскрешаетъ мертвыхъ...

1850—1860.

ПЕРЕВОДЫ.

БУРЯ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ

ШЕКСПИРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Алонзо, король Неаполя.
Себастіанъ, его братъ.
Просперо, законный герцогъ Милана.
Антоніо, его братъ, похититель миланскаго престола.
Фердинандъ, сынъ неаполитанскаго короля.
Гонзало, честный и старый неаполитанскій совѣтникъ.
Адріанъ, **Франциско** — неаполитанскіе вельможи.
Калибанъ, безобразный невольникъ, дикарь.
Тринколо, шутъ.
Стефано, пьяница-ключникъ.
Шкиперъ, **подшкиперъ** и **матросы**.
Миранда, дочь Просперо.
Аріэль, духъ воздуха.
Ириса, **Церера**, **Юнона**, **Нимфы**, **Жнецы** — духи.

Прочіе духи, подвластные Просперо.

Сцена: сначала море и на немъ корабль, потомъ—необитаемый островъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На кораблѣ.

Буря. Удары грома и молнія.

(На палубу входятъ шкиперъ и подшкиперъ).

Шкиперъ. Подшкиперъ!

Подшкиперъ. Здѣсь, хозяинъ! Что̀ надо?

Шкиперъ. Все ладно: перетолкуй съ матросами да правь половчѣе, а не то сядемъ на мель... живо! живо! *(Уходитъ).*

(Входятъ **матросы***).*

Подшкиперъ. Не робѣй, сердечные! Крѣпче, крѣпче, сердечные! Берись, берись! Марсели долой! Слушать хозяйскаго свистка!.. Бушуй теперь на просторѣ, пока вѣтра хватитъ!

(Входятъ **Алонзо, Себастіанъ, Антоніо, Фердинандъ, Гонзало** *и другіе).*

Алонзо. Любезный подшкиперъ, будь внимательнѣе... Гдѣ хозяинъ? Расшевели своихъ людей.

Подшкиперъ. Я бы васъ попросилъ оставаться внизу.

Антоніо. Подшкиперъ, гдѣ хозяинъ?

Подшкиперъ. Развѣ не слышите, гдѣ? Не мѣшайте намъ — оставайтесь въ своихъ каютахъ: вы только помогаете бурѣ.

Гонзало. Перестань, молодецъ, сердиться!

Подшкиперъ. Когда море перестанетъ. Прочь отсюда! Боятся, что ли, волны королевскаго имени? Въ каюту: молчать и не мѣшать намъ.

Гонзало. Хорошо; но помни—кто у тебя на кораблѣ.

Подшкиперъ. Никого дороже меня самого. Вы совѣтникъ: посовѣтуйте же, если можете, стихіямъ смолкнуть и смириться, мы ни до одной веревки не дотронемся, буди во всемъ ваша власть. А если не можете, благодарите, что такъ долго еще прожили, и ждите въ каютѣ бѣды, коль приключится... Живѣй, сердечные!.. Долой съ нашей дороги, говорю! *(Уходитъ).*

Гонзало. Этотъ малый внушаетъ къ себѣ большое довѣріе: мнѣ кажется, что кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. Сдержи же свое слово, благая судьба, и пусть посуленная ему веревка будетъ нашимъ канатомъ,—а корабельные намъ слабая помога. Если ужъ онъ не рожденъ для висѣлицы,—дѣло наше плохо. *(Уходитъ).*

*(***Подшкиперъ** *возвращается).*

Подшкиперъ. Долой гротъ-марсъ! Легче! ниже, ниже! Трави

канатъ. *(Внизу крикъ).* Да подохните вы всѣ! Завыли, что не слышно ни бури ни команды.

(Входятъ опять **Себастіанъ, Антоніо** *и* **Гонзало***).*

Какъ, опять? Что̀ васъ сюда тянетъ? Намъ отъ дѣла отступиться, что ли, и тонуть? Или вамъ самимъ захотѣлось пойти ко дну?

Антоніо. Язву тебѣ въ глотку, брехунъ, богохульникъ!

Себастіанъ. Цыцъ, песъ! Волочайкинъ выродокъ, нахальный крикунъ! Мы меньше тебя боимся утонуть.

Подшкиперъ. Такъ маневрируйте сами.

Гонзало. Я поручусь за него, что онъ не утонетъ — будь корабль слабѣе орѣховой скорлупки и точи изъ себя воду, какъ плакса-дѣвчонка.

Подшкиперъ. Лавируй, лавируй! Отдай оба паруса!.. И опять въ море! въ море отваливай!

(Входятъ мокрые **матросы***).*

Матросы. Все пропало! На молитву! на молитву! Все пропало!

Подшкиперъ. Какъ? Неужели ужъ нашимъ губамъ приходится застынуть?

Гонзало. Король и принцъ на молитвѣ—присоединимся къ нимъ: ихъ участь—наша участь.

Себастіанъ. Я потерялъ все терпѣніе!

Антоніо. У насъ грабительски отнята жизнь по произволу пьяницъ.

Мерзавецъ этотъ!.. Если бы давно ужъ
Ты утонулъ, и десять разъ приливъ
Влился тебѣ въ гортань!

Гонзало. И ничего!
Онъ не утонетъ, а повѣшенъ будетъ,
Хотя бъ все море до послѣдней капли
Клялося поглотить его...

(Внизу невнятный крикъ).

О, Боже!
Мы ударились о камень! мы ударились о камень!
Простите, жена моя и дѣти! Прости, мой братъ!
Мы разбились о камень, разбились, разбились!

Антоніо. Потонемъ съ кораблемъ. *(Уходитъ).*

Себастіанъ. Простимся съ нимъ. *(Уходитъ).*

Гонзало. Теперь я отдалъ бы десять миль моря за десятину земли: дрокъ ли растетъ на ней, верескъ ли, все равно. Да: будь что̀ будетъ, а умереть мнѣ хотѣлось бы сухоткой! *(Уходитъ).*

СЦЕНА ВТОРАЯ.

На очарованномъ островѣ передъ пещерой Просперо.

(Входятъ: **Просперо** *и* **Миранда***).*

Миранда. Своимъ искусствомъ, дорогой родитель,
Заставили вы дикую волну
Ревѣть, какъ звѣрь: теперь ее смирите.
Все небо словно черную смолу
Льетъ на море, а море хлещетъ въ небо
И вырубаетъ изъ него огонь.
О, какъ же я страдала вмѣстѣ съ тѣми,
Чьи видѣла страданья!.. И корабль,
Съ пловцами благородными, конечно,
Изломанъ въ щепки!.. О, ихъ крикъ ударилъ
Мнѣ прямо въ сердце... Бѣдные погибли!
Будь божествомъ могучимъ я, скорѣе
Въ земную глубь я море вогнала бы,
Чѣмъ поглотить дозволила бъ ему
Корабль и съ нимъ трепещущія души...

Просперо. Миранда, будь спокойна, не тревожься:
Увѣрь свое растроганное сердце,
Что никого несчастье не постигло.

Миранда. Ужасный день!

Просперо. Бѣды не приключилось.
Я эту бурю поднялъ для тебя,
Мое дитя родное, дорогое!
Ты про себя еще не знаешь, кто ты,
И про меня не знаешь—что я былъ
Поболѣе когда-то, чѣмъ Просперо,
Владѣлецъ этой маленькой пещеры
И твой отецъ.

Миранда. А болѣе узнать
И въ мысли мнѣ не приходило.

Просперо. Время
Узнать тебѣ и больше. Помоги мнѣ
Снять мантію волшебную... Вотъ такъ. *(Снимаетъ мантію).*
Пусть здѣсь лежитъ символъ моей науки...
Утѣшься же и слезы оботри.
Твое участье истинное вызвалъ
Ужасный видъ крушенья корабля;
Но я своимъ искусствомъ такъ устроилъ,
Что ни души единой не погибло
И волоска не выпало у тѣхъ,

Чей смертный крикъ на кораблѣ тонувшемъ
Ты слышала... Садись же, ты должна
Узнать о многомъ...

Миранда. Заводили часто
Вы рѣчь о мнѣ и вдругъ смолкали снова,
И я терялась попусту въ догадкахъ
Отъ вашихъ словъ: «Нѣтъ, подожди, не время!».

Просперо. Часъ наступилъ: такъ слушай со вниманьемъ.
Припомнишь ли ты время, передъ тѣмъ
Какъ мы въ пещерѣ этой поселились?..
Не думаю: тебѣ невступно было
Три года...

Миранда. Сэръ, я помню это время.

Просперо. А почему? другой былъ домъ, иль лица?..
Ты мнѣ скажи: какой предметъ иль образъ
Напечатлѣлся въ памяти твоей?

Миранда. Все это такъ давно и такъ далеко,
Что кажется мнѣ грезой, а не былью...
Вотъ: не было ль когда-то у меня
Иль четырехъ, или пяти прислужницъ?

Просперо. И болѣе, Миранда! Только странно,
Какъ ты могла запомнить? Что̀ еще
Передъ тобой встаетъ изъ темной бездны
Минувшаго? Когда ты не забыла
Про это время, такъ должна припомнить,
Какъ мы сюда попали?

Миранда. Нѣтъ, не помню.

Просперо. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, Миранда,
Какъ твой отецъ былъ герцогомъ Милана,
Владыкою могущественнымъ.

Миранда. Сэръ,
Вы развѣ не отецъ мнѣ?

Просперо. Говорила
Мнѣ мать твоя, честнѣйшій образецъ
Невинности, что ты мнѣ дочь, Миранда!
А твой отецъ былъ герцогомъ Милана,
И ты была наслѣдною принцессой,
Ни болѣе ни менѣе.

Миранда. О, небо!
Какое же несчастье увлекло
Оттуда насъ? Или, быть-можетъ, счастье?..

Просперо. То и другое, милое дитя:
Несчастіе насъ изгнало, а счастье
Направило нашъ путь на этотъ островъ.

Миранда. О, у меня облилось сердце кровью
При мысли, что напомнила я вамъ
Былое горе, забытое мною!..
Но далѣе, родитель мой, прошу васъ...

Просперо. Мой братъ родной Антоніо, твой дядя,—
Замѣть, какъ братъ коваренъ можетъ быть!—
Онъ, послѣ лишь тебя одной, любимой
Всѣхъ болѣе на свѣтѣ мною, онъ,
Кому правленья ввѣрилъ я кормило
Надъ герцогствомъ миланскимъ,—а тогда
Оно другихъ владѣній было выше,
И герцогомъ миланскимъ былъ Просперо,
Всечтимый за любовь свою къ искусствамъ
И погруженный въ таинства науки.
Такъ онъ, мой братъ и твой коварный дядя...
Ты слушаешь?

Миранда. Не проронила слова.

Просперо. Разъ изучивъ—какъ расточать награды
И какъ на просьбы отвѣчать отказомъ,
Кого унизить, а кого возвысить,
Чьи замыслы строптивые смирить,
Антоніо искусно пересоздалъ
Всѣхъ преданныхъ и вѣрныхъ мнѣ людей:
Иль измѣнилъ ихъ прежній образъ мыслей,
Иль, говорю, совсѣмъ ихъ создалъ вновь.
Всему урядчикъ—голоса придворныхъ
Настроилъ онъ на тонъ ему любезный
И, словно плющъ, ползучими листами
Сокрылъ и стволъ у дуба онъ и зелень...
Ты слышишь ли?

Миранда. Повѣрьте, сэръ!

Просперо. Замѣть же,
Пренебрегая суетою міра,
Отдавшися вполнѣ уединенью,
Старался я обогатить свой разумъ
Познаньями,—и стали мнѣ дороже
Они любви общественной, а это
И навело на злыя мысли брата:
Довѣрье безграничное мое
Въ немъ вызвало неменьшее коварство.
И вотъ мой братъ, вполнѣ распоряжаясь
Не только что доходами казны,
Но всѣмъ, что власть моя могла доставить,
Какъ человѣкъ, твердившій безпрестанно

Всѣмъ ложь одну и ту же, напослѣдокъ
Повѣрилъ ей и возмечталъ и самъ,
Что онъ и вправду полноправный герцогъ,
А не случайный представитель власти,
И съ каждымъ днемъ въ немъ жажда властолюбья
Росла, росла... Ты слушаешь, Миранда?

Миранда. Разсказъ вашъ, сэръ, отъ глухоты излѣчитъ.

Просперо. Чтобъ не было завѣсы между ролью,
Имъ игранной такъ долго за другого,
И между тѣмъ, кого онъ представляетъ,
Антоніо рѣшается похитить
Миланскую корону: мнѣ, бѣдняжкѣ,
По мнѣнію его, довольно было
За герцогство моей библіотеки...
Онъ счелъ меня къ правленью неспособнымъ
И съ королемъ Неаполя вступился
Въ такой союзъ, что будетъ ежегодно
Онъ дань ему выплачивать признаньемъ
Себя его вассаломъ, подчинитъ
Его вѣнцу миланскую корону,
А вмѣстѣ съ ней и бѣдный мой Миланъ,
Не знавшій ига чуждаго дотолѣ.

Миранда. О, небеса!

Просперо. Замѣть же ихъ условье
И самое событіе: ужели
Антоніо мнѣ братъ родной, скажи?

Миранда. Великій грѣхъ мнѣ—бабку заподозрѣть
Въ какомъ-нибудь проступкѣ. Зачастую
Худыхъ дѣтей на лонѣ непорочномъ
Лелѣетъ мать.

Просперо. А вотъ само условье:
Король, мой врагъ старинный, просьбѣ брата
Склонилъ свой слухъ, а просьба состояла
Въ томъ, чтобъ король за дань и за присягу
Изъ герцогства изгналъ меня съ семьею,
А мой Миланъ и герцогскую власть
Вручилъ ему, Антоніо. Измѣной
Собрали войско; темной полуночью
Братъ отперъ самъ миланскія ворота,
И въ тьмѣ ночной сторонники коварныхъ
Изгнать меня съ тобою поспѣшили,
А ты кричала.

Миранда. Боже милосердый!
Не въ память мнѣ, какъ я тогда кричала;

Зато теперь готова я рыдать!
И на глаза мнѣ слезы навернулись
Отъ вашего разсказа.

Просперо. Слушай дальше.
Я по порядку перейду къ тому,
Что̀ насъ теперь съ тобою занимаетъ,
А иначе разсказъ мой надоѣлъ бы.

Миранда. Зачѣмъ они тогда насъ не убили?

Просперо. Прямой вопросъ, дѣвица, и невольно
Я самъ его своимъ разсказомъ вызвалъ.
Они боялись, милая (такъ сильно
Любилъ меня народъ), и не дерзнули
Запечатлѣть свою измѣну кровью,
А нѣжною ее прикрыли краской.
Ну, словомъ: насъ они пихнули въ лодку
И отвезли на нѣсколько миль въ море
До остова полугнилого бота,
Безъ мачты, безъ снастей и парусовъ.
Его и крысы даже поневолѣ
Покинули... Въ него-то насъ съ тобою
И втиснули, оставя тщетнымъ воплямъ
И вздохами сливаться съ ревомъ моря
И съ вѣтрами; но вѣтры отвѣчали
На каждый вздохъ нашъ стономъ дружелюбнымъ.

Миранда. Увы! какимъ я бременемъ была
Тогда для васъ!

Просперо. Была ты херувимомъ,
Хранителемъ! Ты райски улыбалась,
Когда я лилъ, убитый горемъ, въ волны
Потоки слезъ горючихъ; свѣтлый образъ,
Ты придала мнѣ мужество и силу—
Съ моей судьбой бороться до конца.

Миранда. Но какъ же мы спаслися?

Просперо. Провидѣнье—
Оно спасло! У насъ припасы были:
И пищей и водою насъ снабдилъ
Неаполя вельможа благородный,
По имени Гонзало; на него
Возложено изгнанье наше было...
Благодаря ему мы получили
Бѣлье, одежды, ткани дорогія
И все, что̀ намъ необходимо было
Тогда и что̀ намъ послѣ пригодилось...
Его жъ вниманью былъ я одолженъ

И книгами моей библіотеки,
Цѣнимыми дороже мной престола
Неаполя.

Миранда. О, если бъ я могла
Его увидѣть!

Просперо. Я теперь кончаю.
Ты не вставай, дослушай все спокойно...
Мы прибыли съ тобой на этотъ островъ,
И здѣсь-то я, учитель твой прилежный,
Такое далъ тебѣ образованье,
Какого нѣтъ ни у одной принцессы,
Уроками безплодно отягченной.

Миранда. Вознагради за это васъ самъ Богъ!..
Но я бы васъ, родитель, попросила
(И просьба задушевная моя),
Чтобъ вы сказали: для чего вы бурю
Надъ бездной моря подняли?

Просперо. Дослушай.
Случайно и какъ будто странно даже,
Слѣпое счастье всѣхъ моихъ враговъ
На берегъ нашъ направило: объ этомъ
Предвѣденье мое мнѣ повѣстило,
А также и о томъ, что на зенитѣ
Моемъ взошла счастливая звѣзда,
И что стеречь ее я долженъ зорко,
Когда хочу воспользоваться счастьемъ.
Теперь тебѣ и прекратить вопросы
И спать пора: покойный отдыхъ нуженъ
Тебѣ, дитя, и знаю я навѣрно,
Что, кромѣ сна, ты ничего не можешь
И выбрать...

(Миранда засыпаетъ).

Ну! скорѣй, слуга мой вѣрный,
Скорѣй ко мнѣ, скорѣе, Аріэль!

(Появляется **Аріэль***).*

Аріэль. Привѣтъ тебѣ, владыка мой могучій
И господинъ всевластный! Что̀ прикажешь,
Летѣть иль плыть? Въ огонь ли окунуться,
Иль пронестись на кудреватыхъ тучахъ?
Твой Аріэль и всѣ его готовы
Служить тебѣ.

Просперо. Исполнилъ ли ты, духъ,
Мои велѣнья въ точности?

Аріэль. Исполнилъ,

И бурею слетѣлъ я на корабль.
То тамъ, то здѣсь, на декѣ, у кормила,
Во всѣ каюты проливалъ я пламя,
А иногда дробился и на части!
На марсѣ я, на реяхъ, на бугспритѣ
Горѣлъ и вдругъ все пламя воедино
Сбиралъ опять... Что̀ молніи Зевеса,
Предвѣстницы карательнаго грома,
Передъ моей грозой? Заколебались
Подводные чертоги отъ ударовъ
Моихъ перуновъ сѣрныхъ, и отъ треска
У самого Нептуна задрожалъ
Въ рукѣ трезубецъ страшный.

Просперо. Досточтимый
И смѣлый и довѣренный мой духъ,
Ты подвигомъ похвальнымъ не увлекся?

Аріэль. Нѣтъ. Но повѣрь, что ни одна душа
Отчаянья и ужаса горячки
Не избѣжала; только моряки
Остались; всѣ прочіе гурьбою
Въ кипучій омутъ кинулись стремглавъ,
Спасаяся отъ пламени, и первый
Сынъ короля, наслѣдный Фердинандъ.
Не волоса, а словно бы осока
На головѣ его поднялись дыбомъ,
Когда онъ въ море бросился и крикнулъ:
«Адъ выпущенъ, и дьяволы всѣ здѣсь».

Просперо. Все это такъ, все было бы прекрасно,
Да берегъ-то далеко ли былъ?

Аріэль. Подлѣ.

Просперо. И всѣ они, мой Аріэль, спаслися?

Аріэль. Не выпалъ ни единый волосокъ,
На платьяхъ ихъ не только нѣту пятенъ,
Но на водѣ они ихъ поддержали
И сдѣлались свѣжѣй, чѣмъ были прежде...
Затѣмъ, какъ ты приказывалъ мнѣ самъ,
На островѣ разбросилъ всѣхъ я порознь.
Сынъ короля—его я въ одиночку
На островъ твой доставилъ и оставилъ
Въ укромной бухтѣ—грустный и унылый
Сидитъ, скрестивши руки, и вздыхаетъ.

Просперо. А что̀ жъ, скажи, корабль-то королевскій
И моряки и остальной весь флотъ?

Аріэль. Корабль стоитъ на якорѣ спокойно

Въ глубокой бухтѣ, гдѣ когда-то, въ полночь,
Меня послалъ ты собирать росу
На острова Бермудскіе. Матросы
По люкамъ всѣ попрятались и спятъ,
Отягчены усталостью и чарой.
А прочій флотъ, хоть былъ разсѣянъ мною,
Соединился снова и плыветъ
Къ Неаполю съ извѣстіемъ печальнымъ,
Что видѣли и гибель корабля
И короля особы вѣнценосной.

Просперо. Ты, Аріэль, все выполнилъ прекрасно;
Но ждетъ тебя еще другое дѣло...
Который часъ?

Аріэль. Да за̀ полдень ужъ есть.

Просперо. И кажется, что на двѣ склянки. Время
Мы съ пользою потратимъ до шести.

Аріэль. Ты, стало-быть, мнѣ что-нибудь прикажешь.
Но, если я еще трудиться долженъ,
Позволь тебѣ напомнить обѣщанье...

Просперо. Какое, духъ? Ты, кажется, не въ духѣ?..
Чего же ты желаешь отъ меня?

Аріэль. Свободы.

Просперо. Какъ! до срока?.. Ни полслова!

Аріэль. Прошу тебя припомнить: я служилъ
Тебѣ, какъ могъ,—и вѣрою и правдой,
Не лгалъ и не обманывалъ, служилъ
Съ охотою и безъ упрека... Ты
Мнѣ посулилъ за это годъ неволи
Убавить.

Просперо. Что̀? А развѣ позабылъ ты,—
Отъ сколькихъ мукъ избавилъ я тебя?

Аріэль. Нѣтъ.

Просперо. Позабылъ... И будто трудъ тяжелый
Тебѣ нырнуть на тинистое дно
Волны соленой, или пронестися
На рѣзвомъ вѣтрѣ сѣвера верхомъ,
Иль углубиться въ земляныя жилы,
Когда морозъ скуетъ ихъ серебромъ?

Аріэль. Нетрудно, сэръ!

Просперо. Ты лжешь, созданье злое!
А помнишь ли про гнусную ту вѣдьму,
Про Сикораксъ, согбенную годами?

Аріэль. Нѣтъ, сэръ!

Просперо. Забылъ... Гдѣ родилась она?

Аріэль. Въ Алжирѣ, сэръ!

Просперо. Вотъ видишь ли. Я долженъ
Тебѣ, мой духъ, напомнить каждый мѣсяцъ
О томъ, чѣмъ былъ у ней ты. И нельзя:
Ты очень ужъ забывчивъ. Изъ Алжира
Ее изгнали за такія чары,
Какихъ и слухъ людской не переноситъ,
И ежели оставили ей жизнь,
Такъ потому лишь... Правда?

Аріэль. Правда, сэръ!

Просперо. Лишь потому, что вѣдьмѣ синеглазой
Пришла пора... Съ чудовищнымъ ребенкомъ
На этотъ островъ кинули матросы
Ее тогда, а ты, слуга мой вѣрный,
Какъ самъ себя усердно величаешь,
Ты былъ рабомъ у Сикораксъ тогда.
Но, нѣжный духъ, ея велѣній гнусныхъ
Ты исполнять не въ силахъ былъ: за это,
При помощи потемныхъ адскихъ силъ,
Она тебя и въ ярости и въ гнѣвѣ
Забила въ расщеленную сосну.
Двѣнадцать лѣтъ ты высидѣлъ въ темницѣ,
А въ это время вѣдьма умерла
И не сняла съ тебя жестокой кары,
И ты стоналъ такъ жалобно и часто,
Какъ мельничьи колеса на ходу.
И не было обличья человѣка
На островѣ тогда, коль не считать
За человѣка сына старой вѣдьмы,
Чудовища...

Аріэль. Я знаю Калибана!

Просперо. Ты знаешь, духъ забывчивый? Конечно:
Теперь рабомъ мнѣ служитъ Калибанъ.
Но лучше всѣхъ и каждаго ты знаешь,
Какъ я тебя избавилъ отъ мученій.
Ты такъ кричалъ, что волки и медвѣди
Тебя въ сердцахъ суровыхъ пожалѣли.
И Сикораксъ была невластна
Отъ лютаго мученія избавить
Тогда тебя: я только могъ одинъ;
Одна моя наука раздробила
Сосну, и ты теперь опять на волѣ.

Аріэль. Благодарю, владыка мой!

Просперо. Но если

Ты на меня хоть разъ еще заропщешь,
Тогда я дубъ маститый разломаю,
И ты въ его утробѣ узловатой
Двѣнадцать зимъ провоешь.

Аріэль. Извини,
Владыка! Я готовъ твои велѣнья
Исполнить всѣ,—насколько хватитъ силы.

Просперо. И исполняй... Два дня мнѣ послужи,
А послѣ я пущу тебя на волю.

Аріэль. Неужели, владыка? Что̀ жъ мнѣ дѣлать?
Скажи мнѣ самъ, владыка: что̀ мнѣ дѣлать?

Просперо. Преобразись ты въ нимфу водяную,
Но видимъ будь мнѣ только одному.
Преобразись скорѣе и вернись.

(Аріэль уходитъ).

Проснись, голубка! ты спала довольно:
Проснись!

Миранда. Меня, родитель, обезсилилъ
Таинственный разсказъ вашъ...

Просперо. Позабудь же
Ты про него... Пойдемъ искать вдвоемъ—
Гдѣ Калибанъ, мой рабъ, не отвѣчавшій
Ни разу мнѣ на зовъ мой добрымъ словомъ.

Миранда. Онъ злой; его я видѣть не хотѣла бъ.

Просперо. А безъ него нельзя намъ обойтися,
Онъ истопникъ нашъ, колетъ намъ дрова
И служитъ намъ съ тобой... Эй, Калибанъ!
Эй, ты, комокъ изъ глины, отзовися!

Калибанъ *(изъ пещеры).* У васъ вѣдь дровъ довольно.

Просперо. Выходи,
Я говорю: помимо дровъ есть дѣло...
Эй! да ползи ты, что ли, черепаха!

(Входитъ Аріэль въ образѣ водяной нимфы).

Прелестное видѣнье!.. Аріэль,
Нагнися: я шепну тебѣ...

Аріэль. Владыка,
Все сбудется по слову твоему. *(Уходитъ).*

Просперо. Что̀ жъ, мерзкій рабъ, что̀ жъ, дьявола исчадье,
Придешь ли ты?

Калибанъ *(входитъ).* Охъ, если бъ на обоихъ
На васъ заразой канула роса,
Что̀ мать моя на вороновы перья

Со ржаваго болота собирала!
Охъ, если бъ зюдъ-эстъ вамъ пахнулъ на тѣло
И оба вы опухли!

Просперо. Такъ-то ты?..
Ну, будь теперь увѣренъ, что съ полночи
Колотье подъ бокъ духъ тебѣ захватитъ,
И домовые будутъ, что̀ есть мочи,
Тебя давить, и будешь весь ты въ ранахъ
Сплошныхъ какъ сотъ, и каждая изъ ранъ
Тебя пчелы язвительнѣй ужалитъ.

Калибанъ. Да я хочу обѣдать... Этотъ островъ
Мнѣ мать моя по смерти завѣщала,
А ты его заграбилъ. Первый разъ,
Когда пришелъ, пришелъ ты мнѣ по нраву:
И угостилъ водою съ сокомъ ягодъ,
И научилъ, какъ называть свѣтила
Большое и меньшое, что̀ родятся
То днемъ, то ночью. Я тебя за это
Любилъ тогда и показалъ весь островъ,
И прѣсные ключи и соляные,
Безплодную и плодовую землю.
Будь проклятъ я за это, и обрушься
Все чарованье матери моей
На голову тебѣ: и скорпіоны
И жабы всѣ, и всѣ нетопыри!
Теперь я твой единственный невольникъ,
А прежде былъ я самъ себѣ царемъ.
Меня въ мѣшокъ скалистый ты упряталъ,
А островъ мой себѣ взялъ...

Просперо. Лживый рабъ!
Ты только и понятливъ на побои,
А доброты не можешь и понять.
Тебя, урода, съ состраданьемъ принялъ
Я въ хижину свою, и что̀ же вышло?
На дочь мою ты звѣрски покусился.

Калибанъ. Ого! ого! жаль—мнѣ не удалося,
А то бы калибанчиковъ порядкомъ
На островѣ твоемъ я расплодилъ.

Просперо. Рабъ мерзостный! къ добру ты неспособенъ,
И только зло одно тебѣ съ руки.
Мнѣ стало жаль тебя; я постарался
Осмыслить умъ твой рѣчью человѣка
И каждый часъ я вразумлялъ тебя,
Что этотъ вотъ предметъ зовется такъ-то,

А этотъ—такъ, а безъ меня, дикарь,
Ты передать не могъ своихъ же мыслей
И только каркалъ да рычалъ... И что̀ же?
Напрасно мысль твою одѣлъ я словомъ:
Не въ прокъ тебѣ пошла моя наука,
Взяла свое проклятая порода,
И отъ тебя съ невольнымъ омерзѣньемъ
Бѣжали всѣ. И былъ я справедливъ,
Когда тебя въ скалистую пещеру
Я заперъ. Ты иной темницы сто̀ишь.

Калибанъ. Да, говорить ты выучилъ меня—
Спасибо; я теперь навѣрно знаю,
Какъ проклинать! Пусть огненная рожа
За рѣчь твою спалитъ тебѣ все тѣло!..

Просперо. Пометъ колдуньи! Убирайся вонъ
И дровъ неси скорѣй... Не огрызайся,
Не пожимай плечами, а не то,
Вотъ не исполни только приказанья,
Я корчами въ конецъ тебя измучу
И кости всѣ тебѣ переломаю,
И зарычишь ты у меня такъ страшно,
Что дикій звѣрь въ дубровѣ содрогнется.

Калибанъ. Нѣтъ, нѣтъ! ужъ ты, пожалуйста... *(Въ сторону)*
Невольно
Повиноваться долженъ я ему:
Его наука такъ сильна, что даже
Самъ Сэтебосъ, богъ матери моей,
Преклонится предъ нею.

Просперо. Убирайся жъ!

(Калибанъ уходитъ).

(Въ отдаленіи показывается Фердинандъ, и передъ нимъ Аріэль, невидимый, играетъ на лютнѣ и поетъ).

Аріэль *(поетъ).* Сюда, на желтый нашъ песокъ!
Стихъ вѣтерокъ.
Сплетайтесь въ дружный хороводъ,
А духи водъ
Васъ будутъ страстно цѣловать
И припѣвать...
Чу!

(Вдали припѣвъ: боуфъ! воуфъ!)

Лаютъ псы сторожевые,
Слышу оклики ночные,
Это пѣтелъ на току
Спѣлъ зарѣ кукареку.

Фердинандъ. Откуда эти звуки? Прямо съ неба,
Или съ земли? . . . . . .

Апрѣль 1862 г.

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Драматическое стихотворение

Ф. Шиллера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Вахмистръ } изъ карабинернаго полка Терцкаго.
Трубачъ }
Констабль.
Стрѣлки.
Два конные егеря Голька.
Драгуны Буттлера.
Пищальники изъ полка Тиффенбаха.
Кирасиръ валлонскаго полка.
Кирасиръ ломбардскаго полка.
Кроаты.
Уланы.
Рекрутъ.
Горожанинъ.
Крестьянинъ.
Парень, его сынъ.
Капуцинъ.
Учитель солдатской школы.
Маркитантка.
Служанка.
Солдатенки.
Гобоисты.

Дѣйствіе—передъ городомъ Пильзеномъ въ Богеміи.

ПРОЛОГЪ.

Произнесенъ при возобновленіи и открытіи Веймарскаго театра, въ октябрѣ 1798 года.

Шутливой маски важная игра,
Къ которой мы и взоръ и слухъ и сердце
Такъ часто и охотно преклоняли,
Вновь въ этомъ залѣ насъ соединяетъ...
И вотъ—старинный залъ помолодѣлъ:
Его во храмъ искусство превратило.
И слышится намъ голосъ благозвучный
За благородной этой колоннадой,—
И вновь въ душѣ—торжественныя чувства.
А между тѣмъ не разъ помостъ старинный
Былъ колыбелью юношескихъ силъ
И поприщемъ возросшаго таланта,
Мы тѣ же все, которые когда-то
Такъ ревностно предъ вами развивались.
На этомъ мѣстѣ пламенный художникъ
Переносилъ васъ творчествомъ своимъ
Въ обитель лучезарную искусства.
О, если бы величье новой сцены
Достойнѣйшихъ въ среду насъ привлекло,
И столько лѣтъ лелѣянной надежды
Исполнилась завѣтная мечта!
Въ душѣ высокой образецъ высокій
Соревнованье долженъ пробудить
И творчеству дать высшіе законы.
Да будетъ же возникшій вновь театръ
Свидѣтелемъ созрѣвшаго таланта!
И гдѣ же можно испытать такъ силы,
Помолодить маститый обликъ славы,
Какъ не предъ кругомъ зрителей избраннымъ?
На первый же волшебный зовъ искусства,
Они летучей мыслію и чувствомъ
Уловятъ образъ мимолетный духа.

Да! Скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользитъ искусство пламенное мима,
А образцы рѣзца и пѣснь поэта
Тысячелѣтья могутъ пережить.
Да! Обаянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ

И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
И вѣковѣчной славы за собой—
Мгновенное созданье—не оставитъ.
Искусство мима строго, но потомство
Не для него сплететъ вѣнокъ лавровый:
Затѣмъ-то онъ скупится настоящимъ
И жадно каждымъ мигомъ дорожитъ,
Чтобъ имъ зажечь, въ сіяніи и блескѣ,
Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
Себѣ поставить памятникъ при жизни
И слить безсмертье съ именемъ своимъ:
Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благую пользу—не умретъ вовѣки.

Теперь, когда дли Таліи настала
На этой сценѣ новая эпоха,
Становится смѣлѣе стихотворецъ:
Онъ покидаетъ проторённый путь—
И васъ, за тѣсный кругъ мѣщанской жизни,
Выводитъ на позорище иное,
Достойное великаго момента
Намъ современной и тревожной жизни.
Великаго потрясть основы міра
Могли одни великія событья.
Какъ тѣсный кругъ тѣснитъ мысль человѣка,
Такъ эта жъ мысль растетъ съ высокой цѣлью.
Такъ и теперь, на самомъ склонѣ вѣка,
Когда вся жизнь—поэзія, когда
Кипитъ борьба межъ ярыми бойцами,
И все стремится къ неуклонной цѣли,
И подняты великіе вопросы
О власти самобытной и свободѣ, —
Такъ и теперь, подъ сѣнію театра,
Искусство выше воспарить должно,
Не устыдясь житейской сцены всуе.
Мы видимъ—распадается во прахъ
Та старая, устойчивая форма,
Что, полтораста лѣтъ тому, Европѣ
Принесъ миръ благодатный; форма та
Безцѣнный плодъ войны тридцатилѣтней.
Но васъ опять фантазія поэта
Въ ту мрачную эпоху переноситъ —
И веселѣй глядѣть на наше время.
И свѣтитъ мнѣ надежды лучъ въ грядущемъ.

Война въ разгарѣ. Въ самый пылъ васъ вводитъ
Пѣвецъ. Шестнадцать лѣтъ опустошенья,
Разбоя и невзгоды пронеслися:
Міръ все еще бурливой массой бродитъ,—
И не блеститъ надежды лучъ вдали:
Все царство обратилось въ поле битвы;
Всѣ города и села запустѣли:
Легъ грудой щебня Магдебургъ; торговля,
Промышленность—о нихъ нѣтъ и помину,
Вездѣ и все—солдатъ, а горожанинъ—
Ничто, и безнаказанная наглость
Надъ нравами безстыдно наругалась,
И шайки, одичалыя въ войнѣ,
Разбили станъ въ странѣ опустошенной.

На этомъ мрачномъ и кровавомъ полѣ
Выходитъ ярко горделивый образъ —
Съ неукротимымъ нравомъ человѣкъ.
Вы знаете творца отважныхъ шаекъ,
Кумира ихъ, бича страны, опору
Для цесаря, страшилище его
И перваго любимца—полководца.
Онъ, счастья баловень, достигнулъ быстро
Всѣхъ почестей, но все стремился дальше—
И палъ безумной жертвой честолюбья.
Духъ партій, благосклонность и вражда,
Какъ историческій характеръ, намъ не ясно
Представили его: теперь искусство
Должно его приблизить къ вашимъ взорамъ —
И къ сердцу. Находя всему предѣлы
И связь, искусство все наружное опять
Приводитъ въ первый прирожденный образъ:
Оно слѣдитъ за человѣкомъ въ жизни
И многія вины его относитъ
Къ вліянію несчастливыхъ созвѣздій.

Не онъ сегодня появиться долженъ
На сценѣ. Но средь шаекъ удалыхъ,
Ему покорныхъ, имъ одушевленныхъ,
Предстанетъ передъ вами тѣнь его,
Покамѣстъ муза робкая рѣшится
Облечь его въ живую плоть и тѣло:
Затѣмъ, что власть ему прельстила сердце,
А лагерь будетъ только обличитель
Его высокомѣрнаго поступка.

Простите же поэту, если онъ
Не поведетъ теперь васъ прямо къ цѣли,
А развернуть посмѣетъ передъ вами
Лишь рядъ картинъ великаго событья.
Пусть это представленіе успѣшно
Преклонитъ слухъ вашъ къ необычнымъ звукамъ.
Со временемъ я скоро васъ опять
На дикую, воинственную сцену,
На мѣсто дѣйствій нашего героя
Перенесу.

Но если бы сегодня
Богиня пѣнія и пляски, муза,
По старому германскому закону,
Потребовала риѳмы—ничего!
Благодаря ей, мрачный обликъ правды
Въ обители искусства озаренъ
И измѣнился, но подлогъ невинный
Исчезнетъ самъ собою, а сіянье
Горитъ затѣмъ, что не горѣть не можетъ:
Жизнь сумрачна, но свѣтъ искусства ясенъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маркитантская палатка и передъ ней мелочная и ветошная лавочки. У входа тѣснятся солдаты разныхъ мундировъ и знаменъ; всѣ столы заняты. Кроаты и уланы что-то варятъ на жаровнѣ. Маркитантка наливаетъ вино. Солдатенки играютъ въ кости на барабанѣ; въ палаткѣ слышны пѣсни.

Крестьянинъ *и его* **сынъ.**

Парень. Батька, смотри—не случилось бы худа:
Видишь—ихъ сколько!.. Уйти бы отсюда.
Къ этимъ ходить неповадно и въ гости:
Какъ бы они не помяли намъ кости!
Крестьянинъ. Э, ничего! Не съѣдятъ. А солдату
Надо жъ гульнуть на наемную плату.
Видишь ли, все собрались новички—
Прямо съ Заалы да съ Майна полки:
Чай, понаграбили вдоволь, злодѣи!
Только бы дѣло повесть поумнѣе,
Все будетъ наше. Парнюга, смотри—
Съ этимъ народомъ хитри да хитри!
Ротный—зарѣзали бѣднаго черти—
Пару костей подарилъ мнѣ при смерти:

Ну, ужъ и кости!.. Какъ хочешь ихъ кинь,
Деньги бери со стола—и аминь!..
Знаешь, прикинуться, парень, намъ надо...
А ужъ какое солдатикъ нашъ чадо—
Дѣло извѣстное: только польсти —
И, какъ угодно, его оплети.
Пусть нашу брагу онъ цѣдитъ ковшами,
Всю перечерпаемъ ложками сами;
Пусть онъ и рубитъ и колетъ съ плеча —
Хитрость крестьянину вмѣсто меча.

(Въ палаткѣ пѣсни и хохотъ).

Экъ распумѣлися!.. Видно, въ охотку!
Если бъ попались—заткнулъ бы имъ глотку.
Тѣшатся съ нашего все же добра.
Не сбережешь ни кола ни двора:
Какъ побываютъ любезные гости,
Въ цѣломъ селѣ не найдешь ни пера —
Хоть голодай, хоть гложи себѣ кости.
И при Саксонцѣ — нельзя не сказать —
Было не лучше, — а эти-то псарни
Надо имперскими, вишь, величать.

Парень. Батька! вотъ двое идутъ изъ поварни:
Кажется, съ этихъ ужъ нечего взять?

Крестьянинъ. Нечего! Это, голубчикъ, не нѣмцы, —
Просто и напросто, видишь, — богемцы,
Карабинеры у Терцкаго... Ой!
Вотъ такъ на славу пришли на постой!
Вотъ такъ ужъ сказано: дикіе звѣри
Сѣли себѣ на теплѣ и квартерѣ,
Да ужъ и рюмка-то станетъ коломъ,
Ежели выпить пришлось съ мужикомъ —
Къ чорту ихъ!.. Сказано: всѣ однопольцы,
Стало-быть, всѣ — и стрѣлки и тирольцы.
Вѣрно, хоть руку себѣ отрубить,
Этакихъ намъ бы добыть да добыть:
Пташки веселыя, ну, и болтливы, —
Благо имъ много добра и поживы.

(Входятъ въ палатку).

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе. Вахмистръ, трубачъ, уланъ.

Трубачъ. Что̀ тебѣ, сволочь? Проваливай, что ль!
Крестьянинъ. Воинъ честной, молвить слово дозволь.
Крошки не съѣлъ я — вотъ цѣлыя сутки.
Трубачъ. Да, вамъ бы только что пичкать желудки.
Уланъ *(со стаканомъ).*
Ну, коль не завтракалъ, вотъ тебѣ, песъ!

(Ведетъ крестьянина въ палатку; прочіе выходятъ на авансцену).

Вахмистръ. Слушай-ка, братецъ! такой тебѣ спросъ:
Думаешь какъ ты, что даромъ *двойное*
Выдали намъ на харчи и хмельное?
Трубачъ. Выдадутъ даромъ! Не даромъ, когда
Ѣдетъ сама герцогиня сюда,
Вмѣстѣ съ сіятельной дочкой...
Вахмистръ. Едва ли!
Сказки-то эти мы сами слыхали:
Тутъ герцогиня твоя не при чемъ.
Тутъ не ее, а вотъ пришлыя войски
Надобно намъ приголубить по-свойски —
Добрымъ глоткомъ да хорошимъ кускомъ —
Чтобы не только остались друзьями,
А побраталися накрѣпко съ нами.
Трубачъ. Да... Знать — итти на другія квартиры...
Вахмистръ. Все генералы вѣдь, все командиры...
Трубачъ. Да... Ну, опаснаго очень-то нѣтъ?
Вахмистръ. Нѣту: послалъ Богъ любовь и совѣтъ.
Трубачъ. Что̀ же слетѣлись-то? Али для смѣны?
Вахмистръ. Шепчутся... Видно: въ чесоткѣ языкъ...
Трубачъ. Развѣ!
Вахмистръ. А этотъ-то старый изъ Вѣны?
Видно по волосу, что̀ за парикъ!
Коль на груди золотая цѣпочка,
Значитъ — недаромъ, голубчикъ!.. и точка.
Трубачъ. Правда! охотиться все норовятъ,
Вотъ и послали такую ищейку,
Что хоть и герцога выслѣдитъ, братъ!
Вахмистръ. Выслѣдитъ, если узнаетъ лазейку...
Намъ-то нѣтъ вѣры. Фридландецъ-то имъ
Кажется только не чортомъ самимъ —
Выросъ — такъ видишь ли: дай опрокинемъ!

Трубачъ. Какъ же! А мы его нешто покинемъ?
Нешто не всѣ мы ему не рука?
Вахмистръ. Полкъ нашъ и прочихъ четыре полка
Терцкій управитъ — онъ герцогу шуринъ,
Ну и полки — ни который не дуренъ;
Да и подъ каждымъ мундиромъ сердца
Бьются за герцога, что̀ за отца:
Только бы выбралъ да далъ бы намъ ходу, —
Всѣ за него и въ огонь мы и въ воду!

ЯВЛЕНІЕ III.

Кроатъ *съ ожерельемъ, за нимъ* **стрѣлокъ. Прежніе.**

Стрѣлокъ. Гдѣ ожерелье подтибрилъ, кроатъ?
Вотъ такъ находка! Послушай-ка, братъ,
Развѣ съ тобой помѣняться мнѣ, что ли?
Хочешь, возьми за него терцероли...
Кроатъ. Нѣтъ, братъ, надуешь.
Стрѣлокъ. Хитри ты, хитри!
Мало? Такъ трону тебя я за струнку:
Вотъ посмотри-ка, колпакъ-то какой?
Синій дворянскій: достался въ фортунку.
Кроатъ *(играетъ ожерельемъ на солнцѣ).*
Ну, да и мой-то товаръ не простой —
Купимъ, такъ будемъ съ тобою богаты:
Это вѣдь жемчугъ, а это гранаты —
И настоящіе: видишь ли — какъ
Блещутъ на солнцѣ?
Стрѣлокъ *(беретъ ожерелье).* Ты — просто дуракъ!
Вотъ тебѣ только ужъ такъ, для подарку,
Дамъ я, пожалуй, походную чарку.
(Глядитъ на ожерелье).
Такъ только — будто игра недурна...
Трубачъ. Правда, что дѣло мое — сторона,
А надуваетъ, голубчикъ, кроата...
Чуръ — пополамъ, такъ, пожалуй, смолчу.
Кроатъ *(надѣлъ колпакъ).* Точно: колпакъ твой съ дворянчика-хвата —
Я потому и купить-то хочу.
Стрѣлокъ *(киваетъ трубачу).* Стало-быть, мы помѣнялись съ тобою —
Будьте свидѣтельми всѣ, господа!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, констабль.

Констабль *(подходитъ къ вахмистру).*
Какъ поживается карабинерамъ?
Долго ли этакимъ, братцы, манеромъ
Около печекъ-то руки намъ грѣть?
Вѣдь непріятелю скучно сидѣть!
Вахмистръ. Скучно? Зудятъ у него, видно, ноги;
Только, голубчикъ, не сыщетъ дороги.
Констабль. Мнѣ — такъ навѣрное бы не сыскать!
А вотъ на мѣстѣ пришлося узнать,
Что Регенсбургъ удалося имъ взять.
Трубачъ. Что̀ же, что взяли! Назадъ мы отнимемъ.
Вахмистръ. Да и съ баварцемъ умкомъ пораскинемъ,
Какъ онъ на князя ни злись. Ничего!
Констабль. Будто бы? Знать, не слыхали всего.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе. Двое егерей, *потомъ* **маркитантка, солдатенки, школьный учитель, служанка.**

Первый егерь. Вотъ такъ компанія! Вотъ удалая!
Трубачъ. Что̀ за плащи?.. Знать, не сволочь какая!
Вахмистръ. Гольковцы: слово ты молвилъ не зря —
Всѣ на подборъ, какъ одинъ, егеря.
Маркитантка *(входитъ и приноситъ вино).*
Здравствуйте! Съ праздникомъ!
Первый егерь. Вотъ такъ находка:
Изъ Близевица попалась красотка!
Маркитантка. Прямо оттуда... Здорово, мусьё,
Петеръ въ двѣ сажени, изъ Ицейо!
Какъ ты, припомни-ка, чуть не сорочку
Пропилъ въ Глюкштадтѣ, въ веселую ночку,
Съ нашимъ полкомъ?..
Первый егерь. Видно, знаетъ сноровку —
Какъ на перо мы мѣняемъ винтовку?
Маркитантка. Охъ! вѣдь мы изстари съ нимъ знакомы.
Первый егерь. Вотъ и сошлися въ Богеміи мы.
Маркитантка. Точно, въ Богеміи нонче сошлися,
Только вотъ завтра-то гдѣ, шуринокъ,
Гдѣ бы сойтися? Война—что̀ потокъ:
Мчитъ тебя вдаль, и какъ знаешь, держися...

Первый егерь. Вѣрю: понятно само по себѣ.
Маркитантка. Вѣришь?.. Такъ слушай — скажу я тебѣ:
Отъ Темесвара пришла я съ обозомъ.
Тамъ мы травили Мансфельдера!.. Да,
Такъ-то травили, что просто бѣда!
Ну, не повѣрила я и угрозамъ:
Вмѣстѣ съ Фридландцемъ я въ Штральзундъ пошла —
И обобрали голубку до тла!
Въ Мантуѣ вмѣстѣ съ резервомъ жила
И воротилася, съ Феріей рядомъ,
Вмѣстѣ съ помощнымъ испанскимъ отрядомъ.
Вотъ и пришла маркитантка я въ Гентъ,
А изъ него въ эти страны: быть-можетъ,
Здѣсь получу за долги хоть процентъ,
Ежели добрый нашъ герцогъ поможетъ.
Вишь, маркитантскую ставку разбила...
Первый егерь. Такъ-то все такъ! Что̀ тужить о грошѣ!
Ты вотъ мнѣ лучше скажи по душѣ —
Гдѣ твой шотландецъ?
Маркитантка. А ну его къ чорту!
Просто мошенникъ былъ перваго сорту.
Солдатенокъ *(вбѣгаетъ въ припрыжку).* Мама! да ты про кого такъ? Про тятю?
Первый егерь. Ну, этихъ цесарь кормить не усталъ:
Войско ему годъ отъ года нужнѣе.
Школьный учитель *(входитъ).* Эй, ребятишки, маршъ въ школу скорѣе!
Первый егерь. Тоже вѣдь знаютъ, что тѣсенъ ихъ классъ
Служанка *(входитъ).* Тетушка, гости уходятъ.
Маркитантка. Сейчасъ.
Первый егерь. Это какая - такая плутовка?
Маркитантка. Это — племянница.
Первый егерь. Ай да головка!
Будь я ей дядей!
Второй егерь *(удерживая дѣвушку).* Куда ты? Аль тутъ
Скучно?
Служанка. Не скучно, да гости-то ждутъ!
(Вывернулась и ушла).
Первый егерь. Да!.. На охотника эта красотка!
Только бъ поспорила прежде съ ней тетка...
Всѣ передрались въ полку за нее.
Ну, не такое и было житье:
Нонече развѣ на прежде похоже?
Нонече развѣ, какъ прежде, все то же?

Право, не то: да и дни-то летятъ —
Хочешь — лови, а поймаешь наврядъ!
(Вахмистру и трубачу)
Аль, на здоровье вамъ, вспрыснуть сердечко.
Только дадите ль намъ, грѣшнымъ, мѣстечко?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Егеря, вахмистръ, трубачъ.

Вахмистръ. Милости просимъ! Садитесь сюда.
Ждали въ Богемію васъ, господа,
Мы ужъ давненько...
Первый егерь. Да вамъ ничего!
Вы бы спросили: вотъ намъ каково?
Трубачъ. Вамъ-то?.. Да щеголей этакихъ мало!
Вахмистръ. Точно, что съ Мейссена да и съ Заалы
Вѣсти, покуда, худыя про васъ.
Второй егерь. Полноте! Лучше послушайте насъ:
Мы передъ Богомъ и правы и святы;
Если шалилъ кто, такъ развѣ кроаты.
Трубачъ. Ой! воротникъ-то у васъ въ кружевахъ,
Да и франтите вы въ знатныхъ штанахъ!
Ну, и бѣлье и перо на беретѣ —
Все это стòитъ вѣдь денегъ на свѣтѣ:
Буршъ будетъ радъ, коли такъ наряди,
А ужъ на васъ, горемыкъ, не гляди.
Вахмистръ. Тряпки-то! Бабамъ ихъ развѣ? А съ нами
Честь и почетъ, и фридландское знамя.
Первый егерь. Чтò жъ ты Фридландцемъ-то тычешь насъ зря?
Будто бы мы не его егеря!
Вахмистръ. Точно: и вы въ косякѣ замѣшались.
Первый егерь. Мы-то?.. А вы-то чтò больно зазнались?
Разница только въ мундирахъ—такъ стой:
Въ свой я, пожалуй, уйду съ головой.
Вахмистръ. Вы, господинъ егерь, въ дѣло не вникли:
Вы къ деревенщинѣ только привыкли, —
Ну, а манеры хорошія, тонъ—
Ихъ надо видѣть въ персонѣ-персонъ,
То-есть въ фельдмаршалѣ!
Первый егерь. Экая штука!
Вотъ ужъ наука, скажу, такъ наука:
Плюнетъ онъ, что ли, аль высморкнетъ носъ,
Вы за нимъ тоже... Да вотъ вѣдь вопросъ:
Умъ-то его, глубину его взгляда
Вынесъ ли кто за собой съ вахтпарада?

Второй егерь. Чортъ побери! Поспросили бъ объ насъ,
Такъ и узнали бы правду какъ разъ —
Скажутъ всѣ въ голосъ вамъ: «у *самого*-то
Вотъ такъ охотники, вотъ такъ охота!»
Вражье ли поле, аль нивы друзей —
Слышны повсюду рога егерей!
Мигъ—мы вотъ здѣсь, а другой—нѣтъ и слѣду;
Дальше ищите, гдѣ трубятъ побѣду...
Какъ бы сказать-то?.. Да вотъ какъ, точь въ точь:
Пламя обхватитъ деревню въ полнòчь;
Спятъ сторожа; суматоха; задаромъ
Мечется сонный, испуганный людъ—
Гдѣ ему сладить съ лукавымъ пожаромъ!
Такъ-то и мы: жжемъ и тамъ, да и тутъ —
Пламенемъ вспыхнемъ, потопомъ нахлынемъ,
Сзади насъ нѣтъ ни кола ни двора:
Все истребимъ, разоримъ, опрокинемъ,
А потому, что такая пора,
Дѣло военное—пахнетъ добычей.
Тутъ не до жалости, не до приличій:
Каждая дѣвушка—наша сестра,
Ну и братались... бывала пора!..
Не въ похвальбу... а вы тò разумѣйте:
Если въ Вестфаліи, или въ Байрейтѣ,
Или въ Фойхтландѣ разспросите вы:
Знаете гольковцевъ? Чтò? Каковы?
Лѣтъ черезъ триста—а меньше нисколько—
Можетъ, забудутъ про насъ и про Голька!

Вахмистръ. Вотъ оно чтò! Вамъ бы въ рыло, да въ усъ,
Да на разводѣ прикрикнуть въ придачу, —
Вы ужъ того... разрѣшили задачу:
Можетъ солдатомъ быть даже хоть трусъ,
А что до смѣтки, приглядки, привѣсу —
Нѣтъ вамъ и дѣла!..

Первый егерь. Да ну тебя къ бѣсу!
Чтò ты поешь мнѣ! По-моему, братъ,
Всякая школа — прямая докука,
Воля—кормилица, мать и наука:
Ежели воленъ, такъ вотъ и солдатъ!
Нешто за тѣмъ я со школьной-то лавки
Къ вамъ убѣжалъ, чтобъ, какъ мальчикъ, опять
Прѣть надъ указкой, читать и писать,
Въ душной каморкѣ да въ каторжной давкѣ?
Нѣтъ, извините! Я воли хочу:

Я на просторѣ, какъ вѣтеръ, лечу
Ввстрѣчу всего, что̀ и свѣже и ново.
Въ чемъ я заслышалъ законное слово!..
Продалъ я цесарю шкуру затѣмъ,
Чтобъ не тревожиться мнѣ ужъ ничѣмъ,
Ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Скажетъ
Старшій мнѣ слово—истлѣю въ огнѣ,
Кинуся въ бродъ, хоть бы въ Рейнъ по веснѣ;
Тамъ, гдѣ не трое, такъ третій ужъ ляжетъ,
Словомъ: и бровью наврядъ шевельну, —
Ну, а конецъ,—не взыщите: гульну!

Вахмистръ. Ну, если только и надобно вамъ,
Милости просимъ подъ крылышко къ намъ.

Первый егерь. Вотъ живодерство-то видѣли тоже
Мы при Густавѣ, при шведѣ... Ахъ, Боже!
Въ пустынь свой станъ обратилъ, почитай:
Съ первой зарею—вставай и читай;
А загуляешь—сейчасъ и нагрянетъ, —
Съ клячи читать поученіе станетъ.

Вахмистръ. Богобоязненный былъ молодецъ!

Первый егерь. Дѣвушка въ лагерѣ — истое чудо,
А заманилъ, такъ веди подъ вѣнецъ...
Вижу я: плохо!.. и драла оттуда!

Вахмистръ. Нынче тамъ иначе все, говорятъ?

Первый егерь. Вотъ и махнулъ я къ лигистамъ-то, братъ!
Только-что—только подъ Магдебургъ сбились,
Тамъ ужъ иная статья подошла,
И покутили мы, повеселились:
Пьешь да играешь—была не была!
А ненаглядныхъ-то — цѣлое стадо...
Лихо жилося — убей меня Богъ!
Тилли смекалъ, какъ командовать надо:
Самъ-то къ себѣ ужъ куда онъ былъ строгъ,
А для солдата съ нимъ льгота прямая...
Только его сундуковъ не замай,
А у него поговорка такая:
«Самъ поживай и другимъ жить давай!»
Эхъ, сорвалося у насъ, ускользнуло
Прежнее счастье, что̀ рыба съ крючка!
Съ самаго Лейпцига намъ не рука,
Сунешься—глядь: на рожонъ и наткнуло.
Гдѣ ни покажешься, гдѣ ни стучишь —
Заперто, братецъ, и подъ носъ те шишъ!
Шлялись мы, шлялись такъ съ мѣста на мѣсто,

Нѣтъ намъ почета нигдѣ и никакъ...
Я поскорѣе съ такого насѣста
Прямо къ саксонцамъ—и деньги въ кулакъ.

Вахмистръ. Мм!.. разумѣется; васъ раздразнили
Чешской добычей.

Первый егерь. Дери ихъ горой!
Просто—пришли на казенный постой...
Насъ дисциплиной въ конецъ заморили.
Зàмки имперскіе, вишь, карауль,
Честь отдавай, снаряжайся въ патруль...
А на войну, какъ на шутку, бывало,
Смотришь... и сердце-то къ ней не лежало...
Думаешь: право, не лестно и бить—
Гдѣ ужъ тутъ чести воинской добыть!
Я вѣдь, пожалуй, безъ шума-огласки,
Въ школу свою, за перо и указки,
Мигомъ опять бы вернулся... Да вотъ
Вашъ-то Фридландецъ подъ знамя зоветъ...

Вахмистръ. Ну, и пробудете съ нами вы долго?

Первый егерь. Шутите, что ли?.. Не знаю я долга?
Вотъ вамъ: покуда начальникомъ онъ,
Не убѣгу я изъ лагеря вонъ...
А потому, что вѣдь нашему брату
Негдѣ такую добыть себѣ плату.
Да и опять же: здѣсь пахнетъ войной;
Здѣсь у васъ все на широкій покрой;
Всѣ заодно; всѣ—чтò вихорь да вьюга:
Рейтеръ послѣдній—и тотъ головой
Ляжетъ тотчасъ за товарища-друга...
Какъ же, подумайте, къ вамъ не пристать?
Знаю, какой вы почтенный народецъ!
Знаю, что съ вами начну помыкать
Цѣлымъ мѣщанствомъ, какъ нашъ полководецъ
Герцогствомъ, или тамъ княжествомъ, что ль?
Стало-быть, съ вами: чтò хочешь — изволь.
Лишь бы палашъ-то побрякивалъ съ бока...
Правда: дождешься, пожалуй, попрека,
Да вѣдь за что же?.. Особая рѣчь:
Слову начальника ты не перечь;
Чтò жъ не бывало въ полку запрещòно,
Значитъ—дозволено... вò время оно...
А ужъ про то и не спроситъ никто:
Вѣришь ли ты? почему? и во что?
Служба гласитъ намъ простыми словами:

«Это вотъ—наше, а это вотъ—нѣтъ!
Вѣрь въ нихъ, да вѣрь въ полководца и въ знамя».

Вахмистръ. Ай, молодецъ, что̀ ни слово—привѣтъ:
Словно родился и росъ между нами.

Первый егерь. Точно: онъ началъ приказывать вамъ
Не по-имперскому, не по чинамъ...
Нешто онъ цесарю служитъ изъ службы?
Развѣ-что-развѣ, пожалуй, изъ дружбы...
И удружилъ же! Смотри-ка, какой
Цѣлой державѣ сулитъ онъ покой!
Чѣмъ оградилъ ее? Чѣмъ успокоилъ?
Царство военное въ царствѣ устроилъ.
Жжетъ да громитъ, ну, и вся недолга,
Станетъ на верхъ, коль не дрогнетъ нога.

Трубачъ. Тише! Мы рѣчи такой не выносимъ.

Первый егерь. Вы не выносите? Милости просимъ!
«Слово свободно!»—онъ самъ намъ сказалъ.

Вахмистръ. Точно: не разъ говорилъ генералъ:
«Слово свободно и дѣлу закрѣпа;
Дѣло безъ словъ; послушаніе слѣпо»—
Такъ онъ говаривалъ намъ завсегда.

Первый егерь. *Онъ* ли, не *онъ* ли, а точно что: да!

Второй егерь. Да!.. Къ нему счастье не станетъ спиною:
Онъ—не другой кто; иного покрою...
Тилли—вонъ пережилъ славу свою,
А за Фридландцемъ и горя мнѣ мало.
Ежели онъ полководецъ мой, стало—
Будетъ побѣда,—на томъ и стою.
Приколдовалъ къ себѣ счастье, сдается...
Кто у него подъ знаменами бьется,
Тотъ завороженъ, того сторожатъ
Темныя силы: вѣдь всѣ говорятъ,
Что полководецъ нашъ чорта изъ ада
Нанялъ въ услуги и платитъ, что̀ надо.

Вахмистръ. Не безъ грѣха тутъ, сдается и мнѣ:
Вотъ хоть подъ Люценомъ—жарко намъ стало
Такъ, что ой-ой же! А онъ-то въ огнѣ
Рыщетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало!
Пулями весь продыравленъ беретъ,
Сквозь сапоги у него и колетъ—
Видимъ мы—пули свистятъ то и дѣло,
И хоть одна бъ ему кожу задѣла!
А отчего? Знаетъ чортову мазь.

Первый егерь. Вотъ такъ доподлинно дивная штука!

Чай, онъ лосиный колетъ не вчерась
Вздѣлъ на плеча? Прошиби его, ну-ка!
Вахмистръ. Нѣтъ, это мазь ужъ такая: она,
Слышь, изъ волшебной травы сварена.
Трубачъ. Не сдобровать ему!
Вахмистръ. Вотъ вѣдь болтаютъ,
Будто читаетъ онъ все по звѣздамъ,
Будто онѣ ему все открываютъ;
Все это сказки—провѣдалъ я самъ.
Дѣло-то вотъ оно въ чемъ, чтобъ вы знали:
По ночи ходитъ къ нему старичокъ,
Даромъ, что дверь заперта на крючокъ...
И часовые не разъ окликали...
Вотъ, какъ придетъ этотъ сѣденькій—быть
Важнымъ дѣламъ: замѣчали нарочно.
Второй егерь. Закабалилъ себя чорту онъ, точно...
Ну, оттого намъ и весело жить.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе, новобранецъ, горожанинъ, драгунъ.

Новобранецъ *(выходитъ изъ палатки, на головѣ у него шишакъ; въ рукѣ фляжка).*
Батькѣ и дядямъ—поклонъ, и—клянуся
Честью солдата—домой не вернуся!
Первый егерь. Вонъ: притащили еще новичка!
Горожанинъ. Францъ! Образумься—не поздно пока...
Новобранецъ *(поетъ).*

Бьютъ барабаны,
Трубы трубятъ;
Въ страны и страны
Борзые мчатъ...
Въ воду, въ огонь —
Вихремъ твой конь;
Острый мечъ съ бока;
Гладко—широко...
Зябликомъ пой
Въ шири лѣсной!
То ли не доля?
То ли не воля?
Лугъ и лѣса —
И небеса!

Эхъ, поступлю подъ знамена къ Фридландцу!

Второй егерь. Парень-то бравый! Мы будемъ свои!
(Кланяются ему).

Горожанинъ. Полно! Онъ, право, изъ честной семьи...

Первый егерь. Что же? А мы—не чета новобранцу?
Нешто на улицѣ подняли насъ?

Горожанинъ. Есть у него кое-что про запасъ:
Вонъ балахонъ-то—притроньтеся разъ —
Что за сукно-то—ужъ, стало, есть средства...

Трубачъ. Ежели цесарь кафтанъ дастъ, ну, да —
Это вотъ честь!

Горожанинъ. Вѣдь ему, господа,
Шляпная фабрика будетъ въ наслѣдство.

Второй егерь. Деньги безъ воли—да чортъ ли мнѣ въ томъ!

Горожанинъ. Да мелочную отъ бабушки лавку
Приметъ онъ...

Первый егерь. Фуй! Торговать-то тряпьемъ!

Горожанинъ. Ну, да отъ крестнаго—вонъ, на прибавку,
Погребъ достанется знатный такой,
Бочекъ десятокъ-другой наберется.

Трубачъ. Что же? Съ друзьями не то разопьется!

Второй егерь *(новобранцу).* Слышь! Мы съ тобою въ палаткѣ одной.

Горожанинъ. Да безъ него вѣдь невѣстѣ болѣзно;
Плачетъ бѣдняжка всѣ дни напролетъ...

Первый егерь. Что жъ?—молодецъ! Значитъ—сердце желѣзно.

Горожанинъ. Ну, а какъ бабушка съ горя умретъ?

Второй егерь. Съ Богомъ! Скорѣе наслѣдство получитъ.

Вахмистръ *(важно подходитъ къ новобранцу и кладетъ ему на шишакъ руку).*

Слушай! Вотъ ты на дорогу попалъ,
Просто другимъ человѣкомъ ты сталъ:
Каска и перевязь сразу научитъ,
Какъ межъ достойныхъ товарищей жить...
Долженъ ты храбрость въ душѣ пробудить...

Первый егерь. Главное: деньгами долженъ сорить.

Вахмистръ. На кораблѣ у фортуны вы вновѣ,
А ужъ поднять паруса наготовѣ;
Какъ на ладони весь міръ предъ тобой:
Будь только смѣлымъ—и всюду удача.
Что мѣщанинъ съ его глупой башкой?
Словно въ красильнѣ лѣнивая кляча,
Ходитъ въ кругу на веревкѣ бѣднякъ...
Ну, а солдату живется не такъ:

Онъ можетъ всѣмъ быть, затѣмъ—что на свѣтѣ
Въ дѣлѣ—война, и она же въ отвѣтѣ.
Вотъ погляди на меня: вотъ кафтанъ
Съ посохомъ вмѣстѣ мнѣ цесаремъ данъ.
А почему? По такому, вишь, толку:
Посохъ—управа всемірному пòлку;
Скипетромъ держится наша земля —
Чтò же онъ?—посохъ въ рукѣ короля;
Это ужъ вѣдаютъ даже ребята...
Если жъ капраломъ ты сталъ изъ солдата,
Тутъ ужъ рукою тебя не достать,
Тутъ ни по чемъ ни граница ни мѣра...

Первый егерь. Если умѣешь читать и писать.

Вахмистръ. Вотъ, разскажу я тебѣ для примѣра, —
Это я пережилъ самъ на вѣку.
Видишь ли, шефъ есть въ драгунскомъ полку,
Буттлеръ... Ну, съ нимъ постояли довольно
Мы рядовыми, на Рейнѣ, у Кёльна...
Лѣтъ этакъ съ тридцать прошло съ этихъ поръ...
Чтò же? Вѣдь онъ—генералъ ужъ майоръ!
Все оттого: отличился съ оглаской,
По свѣту славу умѣлъ протрубить...
Я не трубилъ,—такъ съ капральской указкой
Няньчусь... Да чтò тутъ далеко ходить!
Нашъ высокòповелительный самъ-отъ:
Чтò у него и титуловъ и грамотъ!
Есть ли на комъ-нибудь этакій чинъ!
Чтò жъ онъ былъ прежде? Да такъ—дворянинъ...
Ну, а къ войнѣ прилѣпился душою —
Экую добылъ и славу и честь:
Сдѣлался цесарю правой рукою!
Да еще то ли съ нимъ будетъ!.. Богъ вѣсть! *(Лукаво)*
Вечера утро всегда мудренѣе...

Первый егерь. Да! — началъ малымъ, а кончилъ большимъ.
Помню его я студентомъ простымъ
Въ Альтдорфѣ: жилъ, какъ умѣлъ, веселѣе;
Вѣтренымъ буршемъ былъ. Право—не лгу;
Разъ уходилъ-было на смерть слугу.
Вотъ господа нюренбергцы за это
Приговорили къ темницѣ его,
Просто—вотъ такъ, ни съ того ни съ сего.
Ну, а гнѣздо-то, какъ на смѣхъ, пригрѣто
Не было пташкой еще не одной:
Только-что свили, и не было клички —

Назвали бъ именемъ первой жилички.
Что̀ жъ молодецъ-то нашъ? Передъ собой
Пуделя въ двери пустилъ на забаву!
Такъ и зовется собачьей тюрьмой
До сихъ поръ... вотъ одурачилъ на славу!
Болѣе громкихъ и доблестныхъ дѣлъ
Эта мнѣ штучка пришлася по нраву.

(Въ это время входитъ служанка и начинаетъ прислуживать; второй егерь заигрываетъ съ нею).

Драгунъ *(становится между ними).* Полно, не трогай!
Второй егерь. А ты что̀ поспѣлъ?
Драгунъ. Сказано толкомъ: дѣвчонки не трогай.
Первый егерь. Хочетъ одинъ прогуляться дорогой —
Прочіе въ сторону! Что̀ ты? Проснись!
Второй егерь. Хочетъ особо мѣсить толоконце?
Въ лагерѣ нашемъ красотка, кажись,
Всѣхъ достоянье, какъ красное солнце.

(Цѣлуетъ дѣвушку).

Драгунъ *(вырываетъ ее у него изъ рукъ).*
Слушай, пока до грѣха, не замай!
Первый егерь. Тише вы! Экій народъ сумасбродный!
Праговцы идутъ...
Второй егерь *(драгуну).* Ты драться? Давай!
Вахмистръ. Полно же вамъ! Поцѣлуи свободны!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ **рудокопы** *и начинаютъ наигрывать вальсъ, сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе.* **Первый егерь** *пляшетъ съ* **служанкой, маркитантка** *съ* **новобранцемъ.** *Служанка отскакиваетъ въ сторону, егерь гонится за ней и ловитъ только-что вошедшаго* **капуцина.**

Капуцинъ. Гэй вы! раз-гэй вы! Ну, какъ васъ—и какъ?..
Сразу попалъ я на пиръ и впросакъ!..
Это ли воинство, свита Христова?
Или мы турки, иль снова-здорово
Анабаптисты? Безъ рукъ и безъ ногъ,
Видно, хирагрою мучится Богъ,
Что не сразитъ Онъ васъ громомъ небеснымъ:
Шутите, что ли, вы днемъ-то воскреснымъ?
Развѣ теперь вамъ настала пора
Пить-пировать отъ утра до утра!
Quid hic statis otiosi?
Что̀ вы сложили и руцѣ и нози?

Ужъ подъ Дунаемъ былъ трахъ-тарарахъ;
Пали окопы Баваріи въ прахъ;
Регенсбургъ также во вражьихъ клещахъ;
А вы—въ Богеміи... близко отъ дѣла!..
Что же! утроба зато потолстѣла!
Не о войнѣ вѣдь здѣсь рѣчь—о винѣ:
Лучше точить себѣ зубы—не сабли;
Лучще дѣвчонокъ захватывать въ грабли!
Что Оксенштирнъ вамъ?—бычачій-то лобъ!
Лучше, коль цѣлую тушу загребъ!..
Всѣ христіане, во вретищѣ, въ пеплѣ,
Еле отъ слезъ пролитыхъ не ослѣпли,
А у солдата карманы полны.
Въ небѣ явленія, знаменья, дива;
Въ облацѣхъ ризой кровавой войны
Богъ потрясаетъ надъ міромъ правдиво
И съ многозвѣздной выси голубой
Людямъ кометой грозитъ, что лозой.
Свѣтъ обратился въ юдолю печали,
Церкви ковчегъ утопаетъ въ крови.
Римской *имперіей* прежде мы звали—
Римской *остеріей* нынче зови.
Рейнскія волны погибели полны,
Монастыри всѣ теперь—*пустыри;*
Всѣ-то аббатства и *пустыни* нынѣ
Стали не братства—прямыя *пустыни:*
Каждый маститый епископства *склепъ*
Преобразился въ позорный *вертепъ*,
И представляетъ весь *край* благодатный—
Край безобразія... Все отчего?
Все оттого, что вы грѣшны, развратны,
Не признаёте святымъ ничего,
Идолочтеніе—вотъ ваша вѣра
Отъ рядового и до офицера,
Грѣхъ вѣдь магнитъ неотклонный, и вотъ
Въ нашу страну онъ желѣзо влечетъ.
А за неправдой жди кару да муку,
Словно слезы послѣ горькаго луку,
Послѣ *онъ* слѣдуетъ тотчасъ *покой:*
Въ азбукѣ нашей порядокъ такой.
Ubi erit victoriae spes,
Si offenditur Deus? Какая побѣда,
Если лукавый смущаетъ васъ бѣсъ,
Если вы пьяны еще до обѣда,

Если вамъ проповѣдь—скука одна?
Правда, что во время оно жена
Нѣкая лепту свою отыскала;
Вотъ и Саулъ заблудился сначала,
Да отыскалъ же ослицъ онъ отцу;
Братьевъ Іосифъ нашелъ же къ концу;
Все это правда; но кто у солдата
Будетъ искать Божій страхъ и почетъ,
Скромность и стыдъ, тотъ немного найдетъ,
Если хоть сто фонарей онъ зажжетъ.
Такъ-то въ пустыню пророка когда-то
Нѣсколько воиновъ слушать сошлось:
Каясь, крестились, во имя закона,
И вопрошали: Quid faciemus nos?
Какъ намъ достичь Авраамова лона?
Et ait illis, и сталъ имъ вѣщать:
Neminem consutiatis —
Не живодерничать и не терзать,
Neque calumniam faciatis —
Не клеветать никогда и не лгать;
Contenti estote—а будьте вы рады
Stipendiis vestris—коль дали оклады...
Будь въ васъ привычка ко злу проклята!
Слышали заповѣдь: Имени Бога
Всуе твои не глаголютъ уста?
Ну, разсудите вы: гдѣ же такъ многс
Божатся и проклинаютъ подчасъ,
Какъ на фридландскихъ постояхъ у васъ?
Если бъ за каждою клятвою вашей—
Только ее изрыгнете вы зря—
Въ колоколъ бить, скоро бъ въ области нашей
Ни одного не нашлось звонаря;
Если жъ бы съ каждой молитвы лукавой,
Сродной нечистому лишь языку,
Брать изъ хохла у васъ по волоску,—
За ночь бы вы оплѣшивѣли,—право!—
Будь вашъ загривокъ такой же густой,
Какъ у Давидова Авессалома.
У Іисуса Навина съ войной
Тоже была вѣдь десница знакома,
И Голіаѳа низвергнулъ Давидъ:
Кто же про нихъ, какъ про васъ, говоритъ?
Гдѣ про нихъ писано слово: ругатель?
То-то не очень-то глотку дери,

Чаще молися: помилуй, Создатель!
Нежели вскрикивай: чортъ побери!
Но у кого ужъ сосудъ въ недоглядѣ
И переполненъ—всегда потечетъ...
Заповѣдь есть и еще: «Не укради!»
Этой вы держитесь—честный народъ!
Явно утащите что̀ ни попало...
Да для такихъ ястребиныхъ когтей
И для крючковъ никогда не бывало
Да и не будетъ надежныхъ ларей:
Вы и въ коровѣ теленка найдете;
Курицу вмѣстѣ съ яичкомъ въ мѣшокъ...
Что̀ говорятъ вамъ? *Contenti estote*,
Сирѣчь: «вотъ ѣшьте артельный кусокъ».
Впрочемъ, въ какомъ же тутъ слуги расчетѣ.
Ежели сверху—соблазнъ и порокъ?
Ужъ голова для такого народца!
Онъ ни во что и не вѣруетъ, чай?

Первый егерь. Отче! солдатъ ты, пожалуй, ругай.
Но не моги оскорблять полководца

Капуцинъ. Ne custodias gregem meam!
Это—Ахавъ, или Іеровоамъ!
Правую вѣру съ лица земли сгонитъ,
Къ идоламъ сердце народа преклонитъ!

Трубачъ и новобранецъ. Не говори ты еще такъ при насъ!

Капуцинъ. Вотъ шпагоѣдъ-то, ужъ вотъ Брамарбасъ!
Хочетъ всѣ за̀мки разрушить заразъ,
Хвалится нагло, въ безбожной гордынѣ,
Что овладѣетъ штральзундской твердыней—
Съ неба держись она сотней цѣпей.

Трубачъ. Глотки никто не заткнетъ ему, вѣрно?

Капуцинъ. Этакій онъ заклинатель чертей,
Хуже Іэгуа и Олоферна!
Вздумалъ отречься, исчадье грѣха,—
Вотъ ему страшенъ и крикъ пѣтуха.

Оба егеря. Ну, берегись: не спасетъ власяница!

Капуцинъ. Вотъ ужъ лукавый-то Иродъ—лисица!

Трубачъ и оба егеря *(бросаются къ нему).*
Эй, замолчи ты! Иль чешется лобъ?..

Кроаты *(загораживаютъ капуцина).* Батюшка, полно, не трусь: разскажи-ка
Лучше намъ притчу какую, аль что̀ бъ?

Капуцинъ *(кричитъ громче *)*. Вотъ Вавилона надменный владыка!
Вотъ прародитель всѣхъ золъ, еретикъ!
И Валленштейномъ вѣдь зваться привыкъ:
Я, дескать, камень — какой вамъ опоры?
Подлинно—камень соблазна и ссоры!
Дондеже войско въ когтяхъ сатаны,
Мира не будетъ для цѣлой страны.

(При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ громкимъ голосомъ, капуцинъ начинаетъ понемногу отступать. Кроаты охраняютъ его отъ остальныхъ солдатъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, кромѣ капуцина.

Первый егерь *(вахмистру)*. Что̀ за нелѣпость про крикъ пѣтушиный
И полководца несла эта дрянь?
Такъ, что ли, брякнулъ, въ насмѣшку и брань?
Вахмистръ. Нѣтъ! онъ сказалъ не совсѣмъ безъ причины.
Нашъ полководецъ рожденъ мудрено—
Ухо его черезчуръ щекотливо
Кошки мяуканье, а особливо
Крикъ пѣтуха для него—все равно—
Ножъ.
Первый егерь. У него это общее съ львами.
Вахмистръ. Вкругъ его ставки не пикни никто,
И часовые ужъ знаютъ про то.
Правда, что занятъ такими дѣлами...
Голоса *(въ палаткѣ, гдѣ суматоха)*.
Такъ его, шельму!—скрути его!—бей!
Голосъ крестьянина. Ай, помогите! уходятъ до смерти!
Нѣсколько голосовъ. Полно вамъ, смирно!
Первый егерь. Колотятъ, ей-ей!
Второй егерь. Какъ, безъ меня-то? *(Оба бѣгутъ въ палатку)*.
Маркитантка *(выходитъ изъ палатки)*. Бездѣльники! черти!
Трубачъ. Что̀ вы, хозяйка, въ такихъ попыхахъ?
Маркитантка. Воры! бродяги! безстыднымъ манеромъ

---

*) Вся рѣчь капуцина исполнена у Шиллера едва ли переводимою игрою словъ, а переводъ заключительныхъ строкъ рѣшительно невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня. *Переводчикъ.*

Смѣть плутовать у меня на глазахъ!
Что̀ я скажу господамъ офицерамъ?
Вахмистръ. Что̀ тамъ, сестрица?
Маркитантка. А то, господа:
Шельма-крестьянинъ забрался къ намъ въ гости—
Вздумалъ поддѣть на фальшивыя кости!
Трубачъ. Вонъ его тащатъ съ сынишкой сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Солдаты *(волочатъ по землѣ крестьянина).*
Первый егерь. Этому петля.
Стрѣлки и драгуны. Къ профосу! къ профосу!
Вахмистръ. Да, и приказъ есть на это.
Маркитантка. А тотъ
Мигомъ повѣситъ его, безъ допросу!
Вахмистръ. Подлинно: худо къ добру не ведетъ.
Первый пищальникъ *(другому).* Это съ отчаянья онъ и съ недоли.
Видишь: ихъ прежде въ конецъ разорятъ-
Ну, къ воровству и пріучатъ.
Трубачъ. Что̀, братъ?
Ты за него заступаешься, что ли?
Чортъ ли во псѣ?
Первый пищальникъ. Да возьмите вдомёкъ:
Хоть и крестьянинъ, а все человѣкъ!
Первый егерь *(трубачу).* Полно, оставь ихъ! Изъ Брига невѣжи.
Все гарнизонные; смотришь—портнымъ
Или башмачникамъ сваты—такъ гдѣ же
Знать и обычай военный такимъ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе и кирасиры.

Первый кирасиръ. Смирно! Зачѣмъ здѣсь крестьянское рыло?
Первый стрѣлокъ. Шельма!.. въ игрѣ плутовать захотѣлъ?
Первый кирасиръ. Что̀ жъ, не тебя ль и поддѣлъ-то онъ-было?
Первый стрѣлокъ. Да, вѣдь и какъ еще ловко поддѣлъ!
Первый кирасиръ. Что̀?.. Ты—фридландскій солдатъ,—и не стыдно,
И не зазорно тебѣ, не обидно

Счастья съ крестьянскою швалью пытать?

(Крестьянину)

Эй! удирай, чтобы пятки сверкали!

(Крестьянинъ убѣгаетъ; прочіе сходятся въ кружокъ).

Первый пищальникъ. Сразу покончилъ—его ли видали:
Этотъ молодчикъ и намъ бы подъ стать...
Кто онъ такой? Не богемецъ?

Маркитантка. Валлонецъ.
Этому низкій, да низкій поклонецъ:
Онъ паппенгеймовскій былъ кирасиръ!

Первый драгунъ *(вмѣшивается въ разговоръ).* Да... Молодой Пикколомини ими
Нынче начальствуетъ: какъ командиръ,
Былъ онъ подъ Люценомъ ими самими
Выбранъ, когда Паппенгеймъ былъ убитъ.

Первый пищальникъ. Видно, что очень ихъ полкъ знаменитъ?

Первый драгунъ. И не задаромъ: дерутся чертовски;
Всѣхъ впереди они въ каждомъ бою:
Ну, и управу имѣютъ свою,
Да и Фридландецъ ихъ любитъ отцовски.

Первый кирасиръ *(второму).* Вѣрно ли это? Кто вѣсти принесъ?

Второй кирасиръ. Самъ я сейчасъ отъ полковника слышалъ.

Первый кирасиръ. Катъ подери ихъ! Да нешто я песъ?

Первый егерь. Что у нихъ тамъ? Али споръ какой вышелъ?

Второй егерь. Нѣтъ ли чего, господа, и до насъ?

Первый кирасиръ. Да, въ Нидерланды итти есть приказъ...
Врядъ ли утѣшатъ кого эти вѣсти!

(Солдаты подходятъ къ нему).

Съ конныхъ стрѣлковъ, съ кирасиръ, съ егерей
Выставить восемь, что ль, тысячъ людей...

Маркитантка. Вотъ тебѣ разъ! Не сидится на мѣстѣ...
Только вчера я изъ Фландріи—на!

Второй кирасиръ *(драгунамъ).* Буттлерцы! съ нами и вы въ стремена!

Первый кирасиръ. Пуще всего имъ—валлонцевъ въ разгоны.

Маркитантка. Что ни на лучшіе все эскадроны!

Первый кирасиръ. Что же? вѣдь служба должна быть слѣпа;
Намъ провожать приказали Миланца.

Первый егерь. Какъ такъ? Инфанта? Забавно!..

Второй егерь. Попа?—
Лопни самъ чортъ!

Первый кирасиръ. Мы оставимъ Фридландца
И распрощаемся съ нашимъ отцомъ?
Въ поле съ кощеемъ-испанцемъ мы выйдемъ,
Съ тѣмъ, что̀ издавна душой ненавидимъ?
Нѣтъ!.. Подождутъ: мы налѣво кругомъ.

Трубачъ. Чорта ль тамъ дѣлать? Мы продали кровь
Цесарю,—но ужъ не шапкѣ испанца.

Первый егерь. Мы изъ довѣрія къ слову Фридландца
Въ рейтары шли, и когда бъ не любовь
Наша къ Фридландцу, конечно бъ, подъ знамя
Насъ Фердинандъ не собралъ никогда.

Первый драгунъ. Насъ вѣдь Фридландецъ сбиралъ — такъ надъ нами
Пусть и сіяетъ Фридландца звѣзда!

Вахмистръ. Слѣдуетъ прежде подумать: словами
Дѣла не двинешь впередъ, господа!
Вѣрьте,—я вижу васъ далѣе вдвое:
Кроется въ этомъ походѣ дурное.

Первый егерь. Слушай приказа, и смирно, народъ!

Вахмистръ. Ну-ка, сестрица Густэль! Напередъ
Чарку мельнеккерца мнѣ, для желудка,
Да и за рѣчи...

Маркитантка *(наливаетъ вино)*. Вотъ вамъ, господинъ
Вахмистръ!.. Ахъ, Господи, страхъ-то одинъ!..
Видно, плохая сыграется штука!..

Вахмистръ. Видите: точно что надо ступать
Каждый шагъ въ жизни весьма осторожно;
Но полководецъ насъ учитъ неложно:
Главное—надо все дѣло понять.
Всѣ мы фридландскіе носимъ мундиры,
Намъ горожанинъ готовитъ квартиры,—
Долженъ похлебку варить для стола;
Долженъ крестьянинъ—во сколько ни стало бъ—
Впрячь намъ въ обозъ и коня и вола,
Да еще какъ—безо всякихъ безъ жалобъ.
Что̀ тутъ! Ефрейторъ да семь молодцовъ,
Чуть появились—деревня и наша:
Всѣмъ и командуй! И каждый готовъ
Лучше на чорта взглянуть, воля ваша,
Чѣмъ на фридландскій нашъ желтый колетъ!
А отчего у нихъ смѣлости нѣтъ
Выгнать насъ вонъ—и съ руками пустыми?
Ихъ вѣдь гораздо насъ больше числомъ:

Машутъ дубьемъ, что̀ и мы палашомъ:
Такъ отчего жъ мы смѣемся надъ ними?
Вотъ что̀: сплошною стѣною идемъ!

Первый егерь. Именно, именно! Въ этомъ вся сила!
Это Фридландецъ и самъ разгадалъ,
Вотъ—какъ для цесаря войско сбиралъ,
Лѣтъ тому девять... Они-то вѣдь-было
Тысячъ двѣнадцать задумали сбить:
«Ихъ говоритъ, будетъ нечѣмъ кормить:
Вотъ шестьдесятъ тысячъ—дѣло иное:
Эти не будутъ со̀ мной голодать!»
Съ тѣхъ поръ и началъ онъ насъ собирать.

Вахмистръ. Взять для примѣра, ну, что̀ бы такое?
Ну—хоть, положимъ: такой-то отсѣкъ
Правый мизинецъ мнѣ... Всѣ и рѣшили:
Только, молъ, палецъ отсѣкъ! А забыли,
Что онъ мнѣ руку испортилъ навѣкъ.
Все, что̀ увѣчно, куда оно гоже?..
Да... Вотъ и восемь-то тысячъ коней,
Что̀ отряжаютъ во Фландрію, тоже—
Только мизинецъ у арміи всей:
А отпусти ихъ, небось, насъ убудетъ
Только что пятая часть? Какъ не такъ:
Все распадется! И всякій забудетъ
Страхъ и почтенье къ намъ: каждый батракъ
Гребень заломитъ, что̀ твой пѣтушина,
Да еще въ Вѣну отпишетъ иной:
Мнѣ, молъ, давно, за прокормъ и постой,
Слѣдуетъ вотъ что̀, съ такого-то чина.
Ну, и начнемъ мы опять бѣдовать,
Все и пойдетъ, что подъ кручу колеса;
И полководца замыслятъ отнять:
Тамъ, при дворѣ, на него смотрятъ косо...
Тутъ и придетъ намъ погибель сама.
Кто намъ оклады отдастъ по расчету?
Кто о контрактахъ приложитъ заботу?
И у кого изъ нихъ столько ума
И прозорливой воинской науки?
Столько значенья?.. Чьи крѣпкія руки
Сплотятъ въ одно составные куски
Нашего войска—съ доски до доски?
Вотъ, я примѣръ приведу вамъ покуда...
Слушай, драгунъ: ты записанъ откуда?

Первый драгунъ. Изъ самой дальней губерніи, знать.

Вахмистръ *(обоимъ кирасирамъ).*
Ты вѣдь — валлонецъ: узналъ мимоходомъ;
Ты—итальянецъ: по рѣчи слыхать.
Первый кирасиръ. Кто я?.. не знаю—откуда я родомъ?
Знаю, украденъ съ младенческихъ лѣтъ.
Вахмистръ. Чай, вѣдь и ты не изъ-близка, поди-ка.
Первый пищальникъ. Я изъ Бухау.
Вахмистръ. А вы-то, сосѣдъ?
Второй пищальникъ. Прямо изъ Швица.
Вахмистръ *(второму егерю).* Ну, егерь, скажи-ка:
Ты-то отколѣ забрелъ къ намъ въ полки?
Второй егерь. Да за Висмаромъ живутъ старики.
Вахмистръ *(указывая на трубача).*
Этотъ и я — мы изъ Эгера оба.
Видите—вотъ оно что!.. Ну, а кто бы,
Глядя на всѣхъ насъ, ну, кто бы такой
Могъ догадаться, что съ сѣвера, съ юга
Вѣтеръ насъ сдулъ и наснѣжила вьюга?
Будто бы мы не изъ щепки одной?
Будто бы, вражьи встрѣчая колонны,
Мы не стоимъ, словно слиты-склеёны,
Будто летучѣе мельничныхъ крылъ
Мы не стремимся одинъ за другого—
Съ перваго знака и съ перваго слова?
Кто же насъ вмѣстѣ такъ крѣпко сплотилъ,
Что отличить насъ нельзя посемейно?
Все это дѣло его—Валленштейна!
Первый егерь. Ну, признаюся, что мнѣ никогда
Не приходило и въ голову даже,
Будто мы пригнаны такъ, господа!
Мнѣ бы лишь воля, а жизнь все одна же...
Первый кирасиръ. Вахмистра всѣ мы одобрить должны:
Дворскіе точно не любятъ войны,
Тотчасъ солдата унизить готовы;
Только бы въ руки всю власть захватить...
Это — *ихъ* заговоръ, это — *ихъ* ковы!
Маркитантка. Заговоръ! Господи! Какъ же мнѣ быть?
Вѣдь господа перестанутъ платить!
Вахмистръ. Да! Тутъ банкротства бываютъ немалы...
Многіе шефы у насъ, генералы
Войску платили изъ собственныхъ кассъ:
Сильно хотѣлось имъ стать на показъ —
И зарвались выше средствъ, поджидая,
Что ниспадетъ къ нимъ роса золотая.

Ну, а когда полководецъ упалъ —
Нечего дѣлать, — прости, капиталъ!

Маркитантка. Ахъ, мой Спаситель! На мнѣ какъ вериги!
Чуть не полъ-войска записано въ книгѣ.
Графъ Изолани — ужъ вотъ господинъ! —
Двѣсти мнѣ талеровъ долженъ одинъ.

Первый кирасиръ. Какъ же, товарищи? надо рѣшиться!
Намъ остается спасенье одно:
Слѣдуетъ слиться въ такое звено,
Чтобъ побоялися къ намъ подступиться.
За *одного* поголовно стоимъ,
И — хоть приказами бъ насъ завалили —
Мы здѣсь, въ Богеміи, корни пустили
И не идемъ никуда — не хотимъ,
А остаемся спокойно на мѣстѣ:
Нынче солдатъ вѣдь дерется изъ чести.

Второй егерь. Мы не позволимъ собой помыкать:
Сунься-ка къ намъ — мы дадимъ себя знать!

Первый пищальникъ. Эхъ, господа! Да поймите вы сразу:
Тутъ вѣдь кто? — цесарь!.. Съ его же приказу.

Трубачъ. Очень намъ нужно!—пожалуй! скажи!

Первый пищальникъ. Слышишь — языкъ за зубами держи!

Трубачъ. Какъ же! Сказалось — пускай и сказалось!

Первый егерь. Да: вотъ и мнѣ это слышать случалось,
Что голова намъ Фридландецъ одинъ.

Вахмистръ. Точно! на немъ и урядъ весь и чинъ.
Знайте, что властенъ онъ безпрекословно —
Длить намъ войну, иль покончить любовно;
Властенъ имѣнія конфисковать;
Властенъ онъ вѣшать и властенъ прощать.
Можетъ въ полковники онъ рядового
Жаловать, если захочетъ какого:
Все это цесарь довѣрилъ ему.

Первый пищальникъ. Герцогъ свѣтлѣйшій великъ по всему,
Но, какъ и всѣ мы, — не самъ онъ собою —
Цесарскимъ долженъ почтенъ быть слугою.

Вахмистръ. Нѣтъ! не какъ всѣ мы! Ума не спросясь
Сказано. Онъ — независимый, вольный,
Какъ и баварецъ, имперіи князь.
Былъ на часахъ я въ палатѣ престольной,
Слышалъ, какъ цесарь его убѣждалъ,
Чтобъ онъ берета предъ нимъ не снималъ.

Первый пищальникъ. Втѣпоры цесарь, мнѣ помнится это,
Мекленбургъ отдалъ Фридландцу, какъ есть.

Первый егерь *(вахмистру)*. Какъ, передъ нимъ не снимаетъ берета?
Вотъ ужъ такъ подлинно рѣдкая честь!

Вахмистръ *(шаритъ въ карманѣ)*. Ежели васъ не увѣришь словами,
Вотъ—поглядите, увѣрьтеся сами, *(показываетъ монету)*
Чья здѣсь фигура и чья здѣсь печать?

Маркитантка. Ну! Валленштейна-то намъ не узнать!

Вахмистръ. Вотъ вамъ! Ну что̀ жъ еще? Князь онъ, аль нѣту?
Али чеканить не можетъ монету,
Какъ Фердинандъ, да и всѣ короли?
Аль нѣтъ людей у него и земли?
Если свѣтлѣйшимъ Фридландца признали,
Стало — онъ можетъ солдатъ вербовать.

Первый пищальникъ. Спору нѣтъ, точно; но, правду сказать,
Насъ вѣдь въ цесарскія войски сбирали:
Цесарь за это и платитъ теперь.

Трубачъ. Цесарь-то нашъ и не платитъ, повѣрь!
Хочешь, присягу дадутъ всѣ солдаты?
На обѣщанья-то всѣ тароваты,
А на оклады вотъ — туги куда!

Первый пищальникъ. Не пропадетъ нашъ окладъ никогда:
Въ вѣрныхъ рукахъ онъ теперь...

Первый кирасиръ. Господа,
Полно вамъ! Этакъ дойдетъ и до ссоры...
Что̀ за сомнѣнія, что̀ тутъ за споры,
Цесарь властитель надъ нами, иль нѣтъ?
Именно въ томъ-то у насъ и совѣтъ,
Что, ратовавъ подъ его знаменами,
Намъ непригоже пастися стадами
И непригоже ревѣть табуномъ
Подъ шутовскимъ иль испанскимъ бичомъ!
Ну, вѣдь и цесарю прибыли мало...
Надо, чтобъ войско его поддержало,
Надо, чтобъ цесарь нашъ былъ потентатъ
Купною силою вѣрныхъ солдатъ.
Да и кому жъ, коль не намъ, его слово
Ставить закономъ, во имя Христово?
Ужъ не яремникамъ робкимъ его
И не ватагѣ льстецовъ безтолковыхъ,
Что̀ съ нимъ пируетъ въ чертогахъ дворцовыхъ!
Что̀ же намъ цесарь даетъ? Ничего,
Кромѣ труда и заботы вседневной...
Вотъ и люби его тутъ задушевно!

Второй егерь. Даже и въ Римѣ тиранъ и злодѣй
Велъ себя въ этомъ гораздо умнѣй;
Мучили прочихъ они и казнили,
Но ужъ куда-какъ солдата честили.
Первый кирасиръ. Такъ! И поэтому каждый солдатъ
Долженъ быть честенъ въ душѣ, благороденъ,
Или солдатомъ онъ быть не пригоденъ.
Ежели ставлю я жизнь наугадъ,
Долженъ же быть я другого достойнѣй
Въ чемъ-нибудь, — или не битвой, а бойней
Станетъ борьба, и солдатъ, какъ кроатъ,
Шею подставитъ.
Оба егеря. Честь жизни дороже!
Первый кирасиръ. Мечъ—не соха и не заступъ вѣдь тоже;
Глупъ, кто захочетъ имъ землю пахать:
Всходовъ зеленыхъ ему не видать...
Нѣтъ у солдата родимаго крова,
Нѣтъ у него своего очага,
Быстро его пробѣгаетъ нога
Мимо приманокъ жилья городского
И деревенскихъ зеленыхъ луговъ;
Нѣтъ для него колосистыхъ вѣнковъ,
Нѣтъ для него винограднаго сбора...
Что̀ же, скажите, солдату опора,
Что̀ же онъ долженъ хранить и беречь? —
Честь! Надо собственность дать человѣку, —
Иначе станетъ онъ рѣзать и жечь.
Первый пищальникъ. Плохо житье намъ!
Первый кирасиръ. А лучше отъ вѣку
Не было людямъ. Помыкался я,
Понасмотрѣлся житья да бытья!
Всѣмъ послужилъ: и коронѣ испанской,
Ну, и республикѣ Венеціанской,
Ну, и Неаполю... Что̀ жъ, какъ на зло,
Просто нигдѣ мнѣ, нигдѣ не везло!
Видѣлъ я рыцарей, знался съ купцами,
Съ мастеровыми, — подумайте сами, —
И ни одинъ мнѣ нарядъ не пришелъ
Такъ по душѣ, вотъ какъ этотъ камзолъ.
Первый пищальникъ. Ни!.. Не могу съ вами я согласиться.
Первый кирасиръ. Ежели въ свѣтѣ кто хочетъ нажиться,
Долженъ работать и долженъ трудиться;
Кто за почетомъ сановнымъ пойдетъ,
Пусть себѣ спину предъ золотомъ гнетъ;

Кто съ юныхъ лѣтъ осѣненъ благодатью,
Благословенъ отъ родителей, радъ
Жить посреди и дѣтей и внучатъ, —
Мирному пусть предается занятью...
Все это такъ, только мнѣ не рука:
Жилъ я на волѣ: умру я на волѣ;
Грабить чужое, наслѣдовать, что ли —
Я не хочу, и за мною пока
Нѣту наслѣдства, опричь чепрака.

Первый егерь. Браво! И самъ я такихъ же вотъ правилъ.

Первый пищальникъ. Правила просты: конемъ какъ управилъ,
Такъ и рыщи по чужимъ головамъ!

Первый кирасиръ. Нѣтъ! тяжелы времена, и мечамъ
Столько не вѣсить, какъ прежде... Конечно,
Не упрекнутъ меня, если сердечно —
Такъ сказать—я примѣнился къ мечу:
Значитъ, что быть человѣкомъ хочу
И не позволю себя оболванить,
Иль на спинѣ у себя барабанить.

Первый пищальникъ. Ну, а кому, коль не всѣмъ намъ, укоръ
Что горожаниномъ зваться — позоръ?
Шутка! Шестнадцатый годъ, безъ отдышки,
Длится война, и рѣзня, и нужда!

Первый кирасиръ. Братецъ! И Богъ, вонъ, съ лазоревой вышки,
Разомъ всѣхъ просьбъ-то не выполнитъ. Да!
Проситъ одинъ, чтобы солнце свѣтило,
А для другого, вишь, больно свѣтло;
Этому надо, чтобъ сухо все было,
А вонъ тому, чтобъ побольше дождило;
Что̀ для тебя на подъемъ тяжело,
То для меня, можетъ, кладь, а не ноша...
Спору нѣтъ: если коснется что̀ гроша,
Иль горожанъ, или тамъ поселянъ, —
Жалко мнѣ будетъ за ихній карманъ,
Да пособить я не въ силахъ. Сравненье:
Вотъ началося, положимъ, сраженье...
Кони зафыркали — только держи,
Взвились — и кто на пути ни лежи —
Братъ ли родимый твой, сынъ ли любезный,
Какъ ни терзай тебя стонъ ихъ болѣзный,
Скачешь на нихъ, и нельзя своротить
Даже съ дороги...

Первый егерь. Куда тутъ!

Первый кирасиръ. Бываетъ —
Счастье солдата порой приласкаетъ:
Кажется, какъ бы руками схватить
Да и держать! Анъ схватилъ неудачу:
Вечеромъ — бой; къ ночи — миръ заключенъ,
Ну, и конецъ... И разнуздывай клячу...
А у крестьянина конь запряженъ,
Значитъ, что старые будутъ порядки.
Но вѣдь покамѣстъ мы всѣ заодно,
Не выпускаемъ изъ пальцевъ тетрадки
И другъ на друга пока безъ оглядки
Мы вѣдь не скачемъ... А то, неравно —
Съ хлѣбомъ мѣшокъ и повыше поднимутъ.

Первый егерь. Ну, ужъ куска-то у насъ не отнимутъ:
Всѣ мы одинъ человѣкъ.

Второй егерь. Рѣшено!

Первый пищальникъ *(вынимая кожаный кошелекъ, маркитанткѣ).* Сколько, кума?

Маркитантка. Ахъ, не стòитъ и счета!
(Считаются).

Трубачъ *(пищальникамъ).* И хорошо, что пришла вамъ охота
Взяться за шапки: вы намъ не подъ стать.
(Пищальники уходятъ).

Первый кирасиръ. Жаль ихъ: ребята на что ужъ честнѣе!

Первый егерь. Честны, зато — мыловаровъ глупѣе.

Второй егерь. Благо свои все, пора бъ столковать,
Какъ намъ разрушить-то замыселъ новый?

Трубачъ. Чтò же? Какъ будто не всѣ мы готовы?

Первый кирасиръ. Отъ дисциплины, друзья, ни на пядь!
Каждый въ свой корпусъ иди, да толково
Дай сослуживцамъ разумный совѣтъ
И докажи имъ, отъ слова до слова,
Что разбрестися намъ порознь — не слѣдъ.
Я за валлонцевъ ручаюся смѣло:
Если мое — такъ и ихнее дѣло.

Вахмистръ. Терцки полки, на конѣ и пѣшкомъ,
Всѣ заодно, и одна у нихъ доля.

Второй кирасиръ *(становится рядомъ съ первымъ).*
Вотъ и ломбардецъ съ валлонцемъ рядкомъ.

Первый егерь. Воля для егеря — воздухъ.

Второй егерь. А воля
Слѣдомъ за силою ходитъ всегда:
Жизнь или смерть — при одномъ Валленштейнѣ!

Первый стрѣлокъ. Мы, лотарингцы, чтò волны на Рейнѣ,

Любимъ просторъ и стремимся туда,
Гдѣ намъ привольнѣе.

Драгунъ. Счастья звѣзда
Водитъ ирландца.

Второй стрѣлокъ. Тиролецъ отъ вѣку
Службу несетъ одному человѣку.

Первый кирасиръ. Ладно! Теперь по полкамъ отъ солдатъ
Взять *Pro Memoria:* пусть ихъ напишутъ,
Что расходиться они не хотятъ;
Что про походъ хоть и слышатъ — не слышатъ,
И не идутъ; что ни сила ни лесть
Не пригрозитъ имъ, фридландскимъ ребятамъ,
Такъ какъ Фридландецъ отцомъ былъ солдатамъ...
А какъ напишется, — чинно отнесть
Все къ Пикколомини — вѣдомо — къ сыну:
Тотъ разберетъ всему дѣлу причину
И у Фридландца все сдѣлаетъ онъ...
И при дворѣ-то куда какъ силенъ:
Жалуетъ цесарь его безпримѣрно...

Второй егерь. Кончено! Всѣ по рукамъ! — и ужъ вѣрно,
Что отстоитъ Пикколомини насъ.

Трубачъ, драгуны, 1-й егерь, оба кирасира и стрѣлки *(вмѣстѣ).*
Пусть отстоитъ Пикколомини насъ! *(Хотятъ уйти).*

Вахмистръ. Стой: по стакану!.. Вѣдь насъ не убудетъ...
(Пьетъ).
За Пикколомини!

Маркитантка *(приноситъ бутылку).* Рада всегда!
Этой бутылки на биркѣ не будетъ:
Счастливо кончить дѣла, господа!

Кирасиры. Всѣ мы и всякій да здравствуемъ въ станѣ!

Оба егеря. И да прокормятъ нашъ станъ горожане!

Драгуны и стрѣлки. Да процвѣтаетъ веселіе въ войскѣ!

Трубачъ и вахмистръ. И да царитъ въ немъ Фридландецъ—
геройски!

Второй кирасиръ *(поетъ).* Живѣе, друзья! На коня, на коня!
На поле! На волю честную!
На полѣ — на волѣ ждетъ доля меня,
И сердце подъ грудью я чую!
Мнѣ въ полѣ защитниковъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою — за себя одного!
(На тѣсню изъ глубины сцены подходятъ нѣсколько солдатъ и составляютъ хоръ).

Хоръ. Мнѣ въ полѣ защитниковъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою — за себя одного!

Драгунъ. Нѣтъ воли на свѣтѣ!.. Владыка казнитъ
Рабовъ безотвѣтно-послушныхъ.
Притворство, обманъ и коварство царитъ
Надъ сонмомъ людей малодушныхъ...
Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ —
Одинъ только воленъ. А кто онъ? — Солдатъ!
Хоръ. Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ —
Одинъ только воленъ. А кто онъ? — Солдатъ!
Первый егерь. Житейскія дрязги — съ души онъ долой, —
Нѣтъ страха ему и заботы;
Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой.
Не нынче, такъ завтра съ ней счеты,
А завтра — такъ что̀ же? Вѣдь чаша полна:
Сегодня жъ ее мы осушимъ до дна!
Хоръ. А завтра — такъ что̀ же? Вѣдь чаша полна;
Сегодня жъ ее мы осушимъ до дна!

(Стаканы налиты снова; пѣвцы чокаются и пьютъ).

Вахмистръ. Солдату веселье хоть съ неба сошли,
А самъ онъ труда и не знаетъ!
Поденщикъ копаетъ утробу земли
И думаетъ — кладъ откопаетъ.
И заступомъ роетъ, всю жизнь удрученъ,
Покамѣстъ могилы не выроетъ онъ!
Хоръ. И заступомъ роетъ, всю жизнь удрученъ,
Покамѣстъ могилы не выроетъ онъ!
Первый егерь. И къ за̀мку ѣздокъ подлетѣлъ на конѣ —
Нечаянный гость и нежданный:
А въ свадебномъ за̀мокъ пылаетъ огнѣ, —
И въ за̀мокъ онъ входитъ незванный...
Недолго онъ ждалъ, серебромъ не брянчалъ —
Съ налету награду любви онъ сорвалъ!
Хоръ. Недолго онъ ждалъ, серебромъ не брянчалъ —
Съ налету награду любви онъ сорвалъ!
Второй кирасиръ. Что̀ плачетъ красотка? Тоскуетъ по комъ?
Пусти! Не собьешь вѣдь съ дороги:
Съ семейною кровлей солдатъ незнакомъ,
Не вѣдалъ сердечной тревоги...
Влечетъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ* и *покой*.
Хоръ. Влечетъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ* и *покой*.
Первый егерь. Живѣй же, друзья! Вороного сѣдлай:
Бой жаркую грудь расхолодитъ...

И юность и жизнь такъ и бьетъ черезъ край:
Пей смѣло, пока еще бродитъ...
И жизни своей на игру не жалѣй:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!
Хоръ. И жизни своей на игру не жалѣй:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

(Занавѣсъ опускается при пѣніи хора).

1837.

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Неоконченная трагедія

Ф. Шиллера.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Сеймъ въ Краковѣ.

При поднятіи занавѣса открывается большая зала сената, въ которой засѣдаетъ собраніе польскихъ государственныхъ чиновъ. На высокой эстрадѣ о трехъ ступеняхъ, крытыхъ алымъ сукномъ, королевскій тронъ съ сѣнію; по бокамъ висятъ польскіе и литовскіе гербы.

Король *возсѣдаетъ на тронѣ; справа и слѣва стоятъ на эстрадѣ десять* **коронныхъ сановниковъ.** *Подъ эстрадой, по обѣимъ сторонамъ сцены, сидятъ* **епископы, палатины** *и* **кастелланы.** *Близъ нихъ помѣщаются, въ два ряда,* **выборные отъ шляхты** *съ непокрытой головой. Всѣ вооружены.* **Гнѣзненскій архіепископъ,** *какъ примасъ королевства, сидитъ ближе всѣхъ къ авансценѣ, за нимъ его* **капелланъ** *держитъ золотое распятіе.*

Архіепископъ Гнѣзненскій. Итакъ, нашъ бурный сеймъ благополучно
Достигъ давно-желаннаго конца:
Король съ чинами разстается дружно;
Оружіе съ себя слагаетъ шляхта;
Упрямый *рокошъ* *) разойтись согласенъ;
А самъ король даетъ святое слово —
Внимать отнынѣ жалобамъ правдивымъ.
. . . . . **)

*) *Рокошъ* (rokosz)—возстаніе шляхты противъ короля и сенаторовъ. *Прим. переводчика.*

**) Предлагаемая трагедія, какъ извѣстно, не была окончена Шиллеромъ. Строки, означенныя точками, находятся въ подлинникѣ: онѣ означаютъ монологи еще не написанные, не положенные авторомъ на бумагу, но уже обдуманные имъ и долженствовавшіе быть въ тѣхъ мѣстахъ.

Внутри все мирно, и теперь мы можемъ
Окинуть взоромъ внѣшнія дѣла.

. . . . . .

Угодно ли чинамъ свѣтлѣйшимъ будетъ,
Чтобъ князь Димитрій, правый притязатель
На русскую корону, какъ законный,
Какъ истый сынъ покойнаго Ивана,
Предсталъ и доказалъ свои права
На русскій тронъ здѣсь, передъ *сеймомъ вальнымъ* *)?

Краковскій кастелланъ. Конечно! Гдѣ же честь и справедливость?
И отказать намъ князю неприлично...

Епископъ Вермеландскій. Всѣ документы на его права
Просмотрѣны теперь и оказались
Всѣ подлинными. Выслушать его
Намъ *можно*.

Нѣсколько выборныхъ шляхтичей. Нѣтъ! не только можно— *должно*.

Левъ Сапѣга. Но выслушать — все то же, что признать.

Одоевскій **). Не выслушать — все то же, что отвергнуть.

Архіепископъ Гнѣзненскій. Благоволятъ ли допросить его?
Вопросъ въ другой и въ третій разъ предложенъ.

Великій коронный канцлеръ. Пусть предстаетъ предъ королевскій тронъ!

Сенаторы. Пусть говоритъ!

Выборные. Мы всѣ готовы слушать.

(Великій коронный маршалъ даетъ придвернику знакъ своимъ жезломъ; придверникъ отворяетъ двери).

Левъ Сапѣга. Я протестую — пусть запишетъ канцлеръ —
Противъ всего, что̀ несогласно съ миромъ
Межъ Польшей и московскою короной.

---

*) *Seym Walny* — генеральный сеймъ. *Прим. переводчика.*

**) Нѣкоторыя собственныя имена искажены у Шиллера; такъ, напримѣръ, вмѣсто *Одоевскій*—у него *Одовальскій* (Odowalsky). Вообще, какъ иностранный писатель тогдашняго времени, незнакомый съ русскимъ бытомъ и съ русской исторіей, онъ неминуемо долженъ былъ впасть въ погрѣшности и анахронизмы. Они будутъ указаны послѣдовательно въ выноскахъ. *Прим. переводчика.*

Входитъ **Дмитрій**, *приближается на нѣсколько шаговъ къ трону и, не снимая шапки, отдаетъ по поклону королю, сенаторамъ и выборнымъ; ему отвѣчаютъ наклоненіемъ головы. Затѣмъ Дмитрій становится такъ, что ему видна большая часть собранія и присутствующихъ на сеймѣ; къ королевскому трону онъ только-что не повернулся спиной.*

Архіеп. Гнѣзненскій. Князь Дмитрій Іоанновичъ! Быть-можетъ,
Блескъ сейма и величье короля
Тебѣ невольно связываютъ рѣчи?
Такъ вѣдай, что дозволено сенатомъ
Тебѣ избрать повѣреннаго: можешь
Его устами съ сеймомъ объясниться.

Дмитрій. Отецъ-архіепископъ, я предсталъ
Искателемъ наслѣдственнаго царства
И скипетра державнаго: негоже
Смущаться мнѣ передъ народомъ вольнымъ,
Передъ его владыкой и сенатомъ.
Я никогда еще не лицезрѣлъ
Подобнаго высокаго собранья —
И этотъ видъ мнѣ возвышаетъ душу,
Но — не страшитъ. Чѣмъ послухи *) достойнѣй,
Тѣмъ мнѣ желаннѣй; а теперь я слово
Держу наисвѣтлѣйшему собранью.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

. . . . . .

Рѣчь Посполита слову твоему
Благо вонметъ. Скажи не обинуясь.

Дмитрій. Отцы-епископы, вельможный сонмъ
Достойныхъ палатиновъ, паны-рада
И выборные Рѣчи Посполитой!
Дивлюсь и съ несказаннымъ изумленьемъ
Себя, пріимца русскаго престола,
Наслѣдника державы Іоанна,
На вашемъ сеймѣ всенародномъ вижу...
Кровавою враждою оба царства,
Русь съ Польшей, обмѣнялися; о мирѣ
И рѣчь не шла, пока отецъ былъ живъ...
И — вотъ теперь благо-рѣшило небо,
Чтобъ плоть отъ плоти и отъ крови кровь,

---

*) Я не нашелъ приличнѣе забытаго слова *послухъ* для передачи современнаго понятія *свидѣтель*. Оттѣнки обоихъ понятны.

Прим. переводчика.

Сынъ Іоанна, съ молокомъ всосавшій
Наслѣдственно-пріемную вражду,
Чтобъ я предъ вами странникомъ явился
И у враговъ, въ срединномъ градѣ Польши,
Отстаивалъ законныя права!..
Забудьте жъ прежде, чѣмъ держать мнѣ слово,
Забудьте быль былую благодушно:
Не осудите сына за отца
И кровною войной не упрекните.
Я, русскій князь, ограбленъ, угнетенъ,
Прошу защиты. Развѣ угнетенный
Не въ правѣ полагаться на участье
Людей правдивыхъ, благородно-вольныхъ?
А есть ли что̀ правдивѣе на свѣтѣ,
Какъ храбрый, независимый народъ?
Верховной властью древле-облеченный,
Онъ самъ свои дѣянья повѣряетъ
И преклоняетъ ухо ко всему,
Что̀ человѣчно.

Архіепископъ Гнѣзненскій. Князь! Ты передъ нами
Предсталъ, какъ сынъ законный Іоанна.
Твоя наружность и слова согласны
Съ такимъ высокомѣрнымъ притязаньемъ;
Но докажи намъ подлинность твою
Неотвержимо — и надѣйся смѣло
На благородство Рѣчи Посполитой:
Она встрѣчалась съ русскими на полѣ
И доказала, что способна быть
Честнымъ врагомъ и вселюбезнымъ другомъ.

Дмитрій. Иванъ Васильичъ былъ женатъ пять *) разъ
И первую супругу взялъ изъ дома
Романовыхъ. Царица родила
Царевича Ѳеодора: наслѣдникъ
И царь онъ былъ по смерти Іоанна.
Но у покойнаго еще былъ сынъ Димитрій,
Отъ брака съ Марѳой, изъ роду Нагихъ **).
Съ послѣднею супругою Димитрій
Въ пеленкахъ былъ, когда скончался царь.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, и тѣломъ
И духомъ слабый, передалъ кормило

---

*) Ошибка: Іоаннъ былъ женатъ не пять, а семь разъ. *Прим. переводчика.*

**) У Шиллера: Нагори (Nagori). *Прим. переводчика.*

Правленія Борису Годунову,
Великому конюшему, и тотъ
Всѣмъ царствомъ русскимъ правилъ самовластно.
Бездѣтному Ѳеодору надежды
На сына и наслѣдника престола
Царицы юной лоно не сулило.
А между тѣмъ правитель хитрый царства
Снискалъ любовь и преданность народа
И на вѣнецъ возвелъ свой смѣлый взоръ.
Одной препоной былъ царевичъ-отрокъ
Димитрій Іоанновичъ, взрощенный
Въ удѣльномъ Угличѣ царицей Марѳой.
Когда Бориса замыслы созрѣли,
Послалъ убійцъ онъ въ Угличъ потаенно,
Чтобъ умертвить царевича-младенца.
Глухою ночью, въ терему царицы,
Вдругъ вспыхнули отдѣльные покои,
Гдѣ съ дядькою опочивалъ царевичъ.
Все сдѣлалось добычею пожара,
А самъ царевичъ безъ вѣсти пропалъ:
И мать и всѣ сочли его погибшимъ,
Оплакали безвременную смерть —
Тѣмъ дѣло и покончилось. Спросите —
И вся Москва вамъ въ этомъ присягнетъ.

Архіепископъ Гнѣзненскій. Мы слышали тогда же эти вѣсти:
Всѣ государства обошла молва,
Что въ Угличѣ царевичъ средь пожара
Погибъ; и такъ какъ смерть его, конечно,
Была желанна для царя Бориса,
Бориса въ этой смерти обвинили.
Теперь однакожъ не о смерти рѣчи:
Царевичъ живъ. Ты увѣряешь, будто
Онъ живъ въ твоей особѣ: докажи,
Гдѣ основанье тожеству такому?
По чемъ признать намъ подлинность твою?
Какъ поисковъ Бориса несомнѣнныхъ
Ты избѣжалъ и чрезъ шестнадцать лѣтъ
Явился въ Божьемъ мірѣ такъ нежданно?

Дмитрій. И года нѣтъ, какъ самого себя
Обрѣлъ я, ибо жизнь моя доселѣ
Была покрыта непроглядным мракомъ,
И о своемъ рожденьи я не вѣдалъ.
Едва себя запомню, былъ я служкой
За крѣпкой монастырскою оградой.

Охъ, какъ тѣсна монашеская жизнь,
Когда душа запроситъ вольной-воли
И въ богатырскихъ, юношескихъ жилахъ
Забьетъ ключомъ наслѣдственная кровь!
Я сбросилъ ненавистный мнѣ подрясникъ
И убѣжалъ потайно въ вашу Польшу.
Здѣсь славный Сендомирскій воевода
Мнѣ далъ пріютъ въ своемъ вельможномъ зàмкѣ
И честнымъ знаньемъ воина облекъ.

Архіеп. Гнѣзненскій. Какъ? О себѣ ты самъ еще не вѣдалъ,
Когда по свѣту слухъ ходилъ издавна,
Что былъ спасенъ отъ гибели царевичъ?
Борисъ, дрожа на отнятомъ престолѣ,
По всѣмъ границамъ учредилъ заставы,
Чтобы слѣдить за путниками зорко.
Какъ? До тебя слухъ этотъ не достигнулъ,
И ты не выдавалъ себя нигдѣ
За Дмитрія?

Дмитрій. Я разсказалъ, чтò знаю.
Коль слухи о моемъ существованьи
Ходили — ихъ разсѣялъ самъ Господь.
Себя не зналъ я. Въ домѣ палатина
Я прожилъ юность въ сонмѣ челядинцевъ.
Въ молчаніи благоговѣйномъ, страстно
Я полюбилъ одну изъ дочерей
Хозяина, хоть взоровъ и не поднялъ
На высоту, запретную пришельцу.
Но вотъ чтò было: Львовскій кастелланъ,
Женихъ моей красавицы, случайно
Узналъ про страсть мою къ его невѣстѣ
И оскорбилъ меня кичливой бранью,
И даже руку поднялъ на меня...
Я взялся за оружіе: безумный,
Онъ въ бѣшенствѣ попался мнѣ подъ саблю —
И палъ... Но въ смерти этой я невиненъ.

Мнишекъ. Да, такъ все было. . . .

Дмитрій. Боже! Безыменный
И бѣглый чужеземецъ умертвилъ
Сановника, пріятеля и зятя
Вельможнаго патрона своего!..
Ни явная невинность, ни участье
Всей челяди, ни даже милосердье
Патрона не могли меня спасти:
Законъ, къ полякамъ милостивый, прямо

Меня, пришельца, осуждалъ на казнь.
И вотъ меня приговорили къ смерти...
И я колѣна преклонилъ предъ плахой
И шею подъ ударъ меча подставилъ...
Но въ это-то мгновенье у меня
Блеснулъ на шеѣ золота литого,
Каменьями осыпанный, наперсный
Купельный крестъ! У насъ такой обычай,
Чтобы символъ святого искупленья
Не скидывать съ груди отъ колыбели.
Въ тотъ самый мигъ, какъ съ жизнью разставаться
Пришлося мнѣ, я этотъ крестъ купельный
Поднесъ къ устамъ съ благочестивой думой.

(Поляки знаками выражаютъ свое сочувствіе).

Замѣтили святую драгоцѣнность
Съ немалымъ изумленіемъ; любопытство
Понудило мнѣ узы разрѣшить
И допросить меня; но я не вѣдалъ —
Съ которыхъ поръ ношу святыню эту.
Тутъ были трое изъ дѣтей боярскихъ,
Бѣжавшихъ отъ Бориса въ Сендомиръ:
Они признали крестъ, по изумрудамъ
И аметистамъ, за наперсный крестъ
Царевича Димитрія: возложенъ,
По ихъ словамъ, онъ былъ Мстиславскимъ княземъ *)
При самомъ воспринятьи отъ купели
Царевича. Оглядываютъ ближе
Меня — и замѣчаютъ съ изумленьемъ,
Что правая рука моя короче,
Чѣмъ лѣвая: такая же примѣта
Была и у Димитрія, случайно.
Допрашиваютъ крѣпко... Я припомнилъ,
Что захватилъ съ собою, при побѣгѣ
Изъ монастырской келіи, псалтырь,
Что въ псалтырѣ есть греческая надпись,
Начерчена игумномъ, а какая —
Не знаю, по незнанью языка.
Псалтырь нашли и разобрали надпись
Гласитъ: что братъ Василій-Филаретъ
(Тогда мое монашеское имя),
Владѣлецъ псалтыря сего, — законный

---

*) У Шиллера: Вестисловской (Westislowskoy). *Прим. переводчика.*

Царевичъ Дмитрій, младшій сынъ Ивана;
Что чудомъ спасъ младенца дьякъ Андрей
И скрылся отъ клевретовъ Годунова;
Что есть тому свидѣтельства: хранятся
Въ какихъ-то двухъ обителяхъ и нынѣ.
Тогда бояре *) мнѣ упали въ ноги,
И съ полнымъ убѣжденьемъ и сознаньемъ
Челомъ мнѣ били, какъ цареву сыну.
Итакъ: внезапно, изъ потемной бездны,
Горѣ меня судьбина вознесла!

Архіепископъ Гнѣзненскій . . . . . .

Дмитрій. И вотъ — теперь я чувствую, какъ будто
Съ моихъ очей ниспала чешуя,
Воспоминанья подняли завѣсу
Минувшаго,—и ясно въ отдаленьи,
Какъ купола въ лучахъ зари вечерней,
Два образа передо мной мелькаютъ,—
Двѣ первыхъ искры дѣтскаго сознанья.
Тѣ облики: бѣгу я темной ночью;
Взглянулъ назадъ—потемки словно спрыснулъ
Пылающими брызгами пожаръ...
Должно-быть, вспоминанье стародавне,
Затѣмъ, что облики, съ нимъ слитые, погасли
Въ моей душѣ. Я смутно помню только
Вотъ этотъ страшный, неотступный образъ.
Потомъ яснѣй мои воспоминанья:
Припоминаю, какъ меня обидѣлъ
Одинъ изъ служекъ, упрекнувши царскимъ
Пріемышемъ... Тогда я счелъ за шутку
Его слова; заушиной отвѣтилъ
На нихъ—и думалъ, что вполнѣ былъ правъ,
Какъ человѣкъ. Теперь я понимаю —
Не какъ простой я смертный былъ разгнѣванъ,
Какъ царскій сынъ... Теперь единымъ словомъ
Разрѣшена судьбы моей загадка:
Не по примѣтамъ, можетъ-быть, обманнымъ,
А по біенью собственнаго сердца
Я узнаю наслѣдственную кровь —
И ужъ скорѣй пролью ее по каплѣ,
Чѣмъ уступлю права на мой вѣнецъ.

Архіеп. Гнѣзненскій. Нельзя же намъ-то на слово повѣрить,

---

*) Шиллеръ смѣшиваетъ званіе боярина и боярскаго сына. *Прим. переводчика.*

Что впечатлѣнья дѣтскія правдивы!
Кому должны мы вѣрить? Бѣглецу?
Иль показанью бѣглецовъ такихъ же?
Прости меня: я вижу—благороденъ
Ты, юноша! По голосу, по рѣчи
И по осанкѣ—видимо, не лжецъ;
Но, можетъ-быть, и *самъ* вѣдь ты ооманутъ?
Понятно: человѣческому сердцу
Простительно забиться ложно, если
Вопросъ идетъ о царственной игрѣ.
Что̀ можетъ быть словамъ твоимъ порукой?

Дмитрій. Пятнадцать я свидѣтелей представлю,
Пятнадцать родовитыхъ поляко̀въ,
Отъ корня безукорнаго Піастовъ:
Пусть подтвердятъ, иль нѣтъ, мои слова...
Вотъ, къ слову, Сендомирскій воевода
И кастелланъ Люблинскій, полагаю,
Что за меня ручательства дадутъ.

. . . . . .

Архіеп. Гнѣзненскій. Такъ что̀ жъ еще, пресвѣтлое собранье?
Свидѣтельствомъ такихъ особъ высокихъ
Разрѣшено сомнѣніе. Давно
По свѣту слухъ прошелъ, что князь Димитрій,
Сынъ Іоанна, живъ еще доселѣ:
Самъ царь Борисъ невольно подтверждаетъ
Слухъ этотъ непонятнымъ опасеньемъ.
Теперь предъ нами юноша: лѣтами,
Обличьемъ, даже до примѣтъ малѣйшихъ,
Случайною природною игрою,
Онъ сходенъ съ тѣмъ, кто такъ необъяснимо
Пропалъ, кого такъ долго и такъ тщетно
Искали. Этотъ юноша достоинъ
По разуму и сердцу предъявить
Высокое такое притязанье,
Судьба его чудесна несказанно:
Изъ кельи монастырской бѣдный служка
Является, и на груди его—
Тотъ самый крестъ безцѣнный, что̀ царевичъ
Носилъ когда-то... тотъ купельный крестъ,
Съ которымъ онъ ни разу не разстался,
Онъ, то-есть—этотъ юноша... Припомнимъ,
Какъ рукопись смиренная монаха,
Безъ спору несомнѣнная, гласитъ
О томъ, что яко-бъ самый этотъ служка

И есть Димитрій... Я не говорю,
Не помяну, что ясное чело
И рѣчь по правдѣ—всякому порука:
Съ такимъ челомъ обманъ потайный въ свѣтѣ
Еще ни разу не посмѣлъ пройти,
Закидывая громкими словами...
Итакъ—я дальше возражать не смѣю
На притязанье юноши и имя —
Даю ему, какъ примасъ, первый голосъ!

Архіепископъ Львовскій. Мой голосъ — твой!

Нѣсколько епископовъ. И наши — также ваши!

Нѣсколько палатиновъ. И я!

Одоевскій. И я!

Выборные *(поспѣшно другъ за другомъ).* Мы всѣ!

Сапѣга. Но нѣтъ, позвольте,
Позвольте, паны-рада! Не спѣшите:
Обдумать надо... Благородный сеймъ
Изъ пустяковъ не долженъ расходиться.

Одоевскій. Тутъ нечего обдумывать; все ясно,
Свидѣтельство и дѣло—налицо.
Здѣсь—не Орда: здѣсь горла не затянетъ,
За слово правды, ханская веревка!
Здѣсь истина чела не потупляетъ!
Надѣюсь, что въ собраньи благородномъ,
Здѣсь, въ Краковѣ, на главномъ польскомъ сеймѣ,
Ни одного нѣтъ ханскаго холопа.

Дмитрій. Благодарю сенаторовъ свѣтлѣйшихъ
За признанную истину! И если
Я подлинно тотъ самый, за кого
Меня признали, прибѣгаю къ сейму
Съ усердною, но правомѣрной просьбой:
Ужели благородный сеймъ допуститъ,
Чтобъ дерзостный и наглый похититель
Владѣлъ моимъ наслѣдіемъ законнымъ
И государскимъ скипетромъ моимъ?

. . . . . .

Мои — права, а ваши — мощь и сила:
Такого нѣтъ ни царства ни престола,
Гдѣ не было бы слова: справедливость,
Гдѣ не было бы собственности правой;
Тогда и веселъ только человѣкъ,
Когда онъ знаетъ, что его наслѣдье
Ограждено закономъ, что надъ каждымъ
И домомъ и престоломъ вѣетъ знамя

Свободнаго, святого договора,
Какъ бы хоругвь охранная правамъ.
Недаромъ говорятъ, что справедливость—
Десницей смертной возведенный сводъ,
На немъ же опочіетъ все—едино
Все то, что съ нимъ же рушиться должно

. . . . . .

(Одобрительныя мнѣнія сенаторовъ).

Дмитрій. Король пресвѣтлый Сигизмундъ! Проникни
Мнѣ въ душу яснымъ и духовнымъ взоромъ;
Пойми, что участь скорбная моя
Сродна съ твоей; что ты и самъ родился
Въ темницѣ, самъ безропотно сносилъ
Судьбы несправедливые удары.
Твой первый взглядъ на склепъ тюремный брошенъ;
И изъ тюрьмы избавиться ты могъ
Единымъ бѣгствомъ—на престолъ наслѣдный...
Достигъ—а съ нимъ достигъ великодушья:

. . . . . .

Такъ будь же и ко мнѣ великодушенъ...
А вы, сановники, предстатели сената,
Вы, преподобно-твердые столпы
Всей церкви христіанской, палатины
И кастелланы! Вотъ удобный мигъ—
Слить два родныхъ народа воедино.
Давно они между собой враждуютъ...
Оставьте же вы славу за собой,
Что поняли, что даже доказали,
Какъ Польша сопрестольна со Москвой,
И какъ въ враждебномъ, видимо, сосѣдѣ
Вы друга благодарнаго нашли...
А вы, опора Рѣчи Посполитой,
Вы, шляхтичи, скорѣй коней сѣдлайте,
Влетайте въ золотыя ворота,
Что передъ вами распахнуло счастье!
Я подѣлюсь всей вражьею добычей.
Москва богата. Царская казна
Несчетна: награжу друзей по-царски:
Кто въѣдетъ въ Кремль за мной, такъ—вотъ клянусь!—
Тотъ въ бархатѣ, въ шелку, и въ соболяхъ,
И въ жемчугахъ ходить по буднямъ будетъ,
А серебромъ—подкуй коня, кто хочетъ...

(Сильное волненіе между выборныхъ отъ шляхты).

Комля, казачій атаманъ *(объясняетъ, что онъ готовъ привести Дмитрію войско).*

Одоевскій. Ужели же казакъ у насъ похититъ
И славу и богатую добычу?

. . . . . .

Мы въ мирѣ съ Крымомъ, съ турками и съ шведомъ.
Уже давно всю нашу молодежь
Такой нежданно-долгій миръ тревожитъ...
Давно покрылись ржавчиною сабли...
Пора!.. Гайда—на царскія владѣнья!..

Нѣсколько шляхтичей. Война, война съ Москвою!
Остальные. Рѣшено!
По голосамъ рѣшимъ!
Сапѣга *(встаетъ).* Коронный маршалъ!
Вели молчать: хочу держать я слово.
Множество голосовъ. Война, война съ Москвою!
Сапѣга. Стойте: слово!
Вы, маршалъ, долгъ исполнить не хотите?
Коронный маршалъ. Вы видите, что это невозможно.
Сапѣга. Какъ? И коронный маршалъ также купленъ?
На сеймѣ, значитъ, больше нѣтъ свободы?
Да бросьте жъ жезлъ, въ знакъ общаго молчанья:
Я требую, упорствую, хочу.

(Коронный маршалъ бросаетъ свой жезлъ на средину палаты; говоръ стихаетъ).

О чемъ тутъ спорить? Развѣ мы не въ мирѣ,
Не въ полномъ соглашеніи съ Москвою?
Я, полномочный короля посолъ,
Я на двадцать лѣтъ вѣрно, самолично,
Скрѣпилъ съ Москвой условье перемирья:
Я поднялъ руку правую къ соборамъ
Во имя королевское и Польши...
Царь слово держитъ... Но зачѣмъ же клятвы,
Зачѣмъ же и святые договоры,
Коль можно ихъ нарушить сеймомъ сразу?

Дмитрій. Князь Левъ Сапѣга! Вы намъ говорите,
Что миръ съ царемъ московскимъ заключили?
Неправда: царь одинъ московскій—я.
Во мнѣ Москвы величіе; за мною
Наслѣдная держава Іоанна...
Коль поляки миръ съ Русью заключатъ,
Такъ заключатъ съ ея царемъ законнымъ.

Одоевскій. И намъ-то что̀ за дѣло? Мы тогда
Хотѣли такъ—теперь хотимъ другого.

Сапѣга. А! Вотъ куда зашло!.. И не найдется
Здѣсь никого, кто бъ сталъ теперь за правду?
Такъ стану я, такъ я сорву личину
И обнаружу истину. Какъ? Примасъ,
Ты можешь такъ сочувствовать усердно
Налетной, недосказанной молвѣ?
Иль можешь такъ искусно притворяться?
Какъ? Польскіе сенаторы доступны
Для первой сплетни? Какъ?.. И ты, король,
Такъ слабодушенъ, что повѣрилъ этой сплетнѣ?
Да развѣ вы не вѣдали доселѣ,
Что были вы игрушкою въ рукахъ
У воеводы хитраго, что онъ-то
И сочинилъ вамъ русскаго царя,
Такого честолюбца, самозванца,
Что̀ загодя, на нашихъ же глазахъ,
Свою Москву родную намъ же дѣлить?
Напоминать объ этомъ вамъ, помимо
Всѣхъ клятвенно-скрѣпленныхъ договоровъ,
Не нужно, а скажу, что воевода
Дочь младшую ему же, самозванцу,
Помолвилъ... Будто въ Рѣчи Посполитой
Всѣ слѣпы такъ, что разглядѣть не могутъ,—
Гдѣ омутъ? Но зачѣмъ же намъ вдаваться
Въ опасности, въ случайности войны,
На пользу воеводы Сендомира,
И быть ступенькой для его Марины,
Чтобъ легче ей взойти на русскій тронъ?
Онъ—мало: *покупаетъ—подкупаетъ...*
Про сеймъ теперь ужъ я не говорю:
Что̀ сеймъ! Когда по Кракову повально
Принаняты и праздныя ватаги
И тридцать тысячъ праздныхъ лошадей?..
Сторонники его и здѣсь, въ палатѣ,
Свободный голосъ заглушить хотятъ
Неправо, покупными голосами...
Но страхъ душѣ правдивой непричастенъ,
А потому, пока течетъ по жиламъ
И не застыла родовая кровь,
Упорно я отстаиваю право
Свободой мнѣ дарованнаго слова:

Я заручался миромъ и съ Москвою
Билъ *по рукамъ*, онъ святъ мнѣ поневолѣ.

Одоевскій. Не слушайте его!—По голосамъ!

(Епископы Краковскій и Виленскій встаютъ и становятся на сторону Одоевскаго, чтобы отбирать голоса).

Многіе. Война, война съ Москвою!

Архіепископъ Гнѣзненскій *(Сапѣгѣ).* Панъ, сдавайся!
Нельзя противу видимости спорить,
Иначе выйдетъ неразумный споръ
И несогласіе.

Коронный канцлеръ *(сходитъ со ступенекъ трона и говоритъ Сапѣгѣ).*
Король васъ очень проситъ,
Чтобъ какъ-нибудь разнорѣчивымъ мнѣньемъ
Разстроенъ не былъ общій голосъ сейма.

Придверникъ *(на ухо Одоевскому).* Васъ просятъ: стойте смѣло на своемъ,
А проситъ—цѣлый Краковъ, за дверями.

Коронный маршалъ *(Сапѣгѣ).* Рѣшенье обще: лучше — согласитесь!

Краковскій епископъ *(отобравъ съ одной стороны голоса).*
Направо—всѣ согласны.

Сапѣга. Пусть согласны.
А все-таки и всѣмъ скажу я: нѣтъ!
Я сеймъ, по праву, распускаю: Veto!
Кричите, какъ хотите, но вашъ крикъ
Никѣмъ, нигдѣ не можетъ быть услышанъ!

(Общее смятеніе. Король встаетъ съ трона. Перила раздвигаются. Шумъ. Выборные обнажили сабли и сверкаютъ ими, справа и слѣва, передъ Сапѣгой. Епископы съ обѣихъ сторонъ прикрываютъ его своими столами).

Что̀ видимость! Въ ней нѣту даже смысла,
Затѣмъ, что смыслъ-то есть, да не у всѣхъ.
Что̀ для слѣпого значитъ очевидность?
Что̀ потерять, пожалуй—все, тому,
Кто не имѣетъ ничего? Для нищихъ
Есть развѣ выборъ? Нѣту: нищій долженъ
Служить тому, кто милосердо кормитъ
И обуваетъ за продажный голосъ.
Не счетъ, а вѣсъ быть долженъ голосамъ:
То государство, рано или поздно,

Обрушится, гдѣ *видимость* царитъ,
А неразумье дѣло разрѣшаетъ.

Одоевскій. Не слушайте извѣтчика!

Выборные. Долой!
Долой его! Рубите на куски!

Архіепископъ Гнѣзненскій *(вырываетъ изъ руки своего капеллана крестъ и становится между спорщиками).*
Миръ!.. Уступи, Сапѣга благородный!
Ужели сеймъ быть можетъ... окровавленъ? *(Епископамъ)*
Скорѣй его отсюда... Потихоньку...
Въ дверь боковую... Защитите грудью,
Чтобы толпа въ куски не растерзала...

(Сапѣга, все еще грозя очами, насильно уводится епископами. Архіепископъ Гнѣзненскій и Львовскій удерживаютъ въ это время выборныхъ отъ шляхты. При общемъ шумѣ и звукѣ сабель, палата пустѣетъ; остаются только Дмитрій, Мнишекъ, Одоевскій и казачій атаманъ).

Одоевскій. Мы промахнулись. . . . . .
. . . . . Только не отсюда
Вы помощи и ждите: пусть тамъ Польша
Съ Москвою въ мирѣ, справимся мы сами.

Комля. И кто бъ подумалъ, чтобы онъ одинъ
На цѣлый сеймъ такъ дерзко поднялъ голосъ?

Мнишекъ. Король идетъ.

Входитъ **король Сигизмундъ,** *за нимъ коронные* **канцлеръ, маршалъ** *и нѣсколько* **епископовъ.**

Король. Позвольте васъ, царевичъ
Димитрій Іоанновичъ, обнять:
Вы признаны всей Рѣчью Посполитой,
Хоть наше сердце васъ—признало прежде.
Мы тронуты до глубины души
Судьбою вашей: столько въ ней уроковъ
Для насъ, владыкъ, по милости Господней!..

Дмитрій. Я все забылъ, что̀ прожито когда-то,
И на груди у васъ я возрождаюсь.

Король. Я много словъ не трачу, но спрошу васъ:
Какъ властвовать возможно королю,
Когда вассалы и его богаче!
Вы видѣли теперь примѣръ плачевный.
Но худа не подумайте о Польшѣ:

Случайно государственный корабль
Былъ потрясенъ грозою мимолетной.

Мнишекъ. А смѣлый кормчій и подъ шумомъ бури
Направитъ судно въ пристань безопасно.

Король. Сеймъ надвое распался. Я не властенъ,
Коль и хотѣлъ бы, миръ съ царемъ нарушить,
Но—сильные друзья у васъ... Поляки
Могли бъ и на свой страхъ вооружиться,
И казаки могли бы попытать
Удачи: тѣ да и другіе вольны.

Мнишекъ. Весь *рокошъ* подъ оружьемъ, государь!
Коль вашему величеству угодно,
Потокъ мятежный можете отвесть
Вы на другое русло—на Москву.

Король. Царевичъ, вамъ сильнѣйшее орудье
Дастъ Русь; щитомъ вамъ будетъ грудь народа.
Русь побѣдима развѣ только Русью.
Какъ нынче говорили передъ сеймомъ,
Такъ точно говорите и въ Кремлѣ:
Всѣ вашимъ сердцемъ доблестнымъ плѣнятся,
И властвовать вы будете, конечно.
Я въ Швеціи, наслѣдникомъ природнымъ,
Вступилъ когда-то на престолъ законно,
Но потерялъ отцовское наслѣдье,
Затѣмъ, что мнѣ противился народъ.

Марина *(входитъ).*

. . . . . .

Мнишекъ. Всепресвѣтлѣйшій, вотъ къ твоимъ стопамъ
Дочь младшая моя, Марина, здѣсь
Со всеусердной просьбой припадаетъ:
Ей руку, вмѣстѣ съ сердцемъ, предлагаетъ
Царевичъ... Ты—одна у насъ опора:
Твоей рукѣ единой подобаетъ
Ввести къ намъ въ домъ достойнаго супруга.

(Марина колѣнопреклоняется передъ королемъ).

Король. Согласенъ съ вами, братецъ! Если нужно,
И если вамъ пріятно, я готовъ
Быть у царевича отцомъ на свадьбѣ.

(Дмитрію, влагая руку Марины въ его руку)

Я лучшій фантъ теперь вамъ вынимаю:
Богиню счастья... Только бы дожить,
Пока чета прелестная такая
Возсядетъ на достойномъ ей престолѣ.

Марина. Я, государь, всегда всеуниженно

Склонюсь передъ твоимъ великодушьемъ,
Всегда твоей останусь рабой.

Король. Царица, встаньте! Здѣсь вы не у мѣста—
Здѣсь мѣста нѣтъ возлюбленницѣ царской
И дочери такого воеводы,
Какимъ отецъ вашъ нами признаётся.
У насъ онъ—первый, и хоть вы моложе
Сестеръ, однакожъ умъ вашъ и любезность
На высоту должны васъ возвести.

Дмитрій. Король, изъ рукъ передаю я въ руки,
Какъ государь такому жъ государю,
Вотъ эту клятву: принимаю руку
Дѣвицы Мнишекъ, какъ залогъ на счастье!
Клянусь, взойдя на отческій престолъ,
Взвести ее торжественно туда же,
Какъ подобаетъ, истою царицей!
На утро, послѣ свадьбы, ей даю,
Какъ брачный даръ, и Псковъ, и Новый-Городъ,
Всю пригородь ихъ, волости, концы,
И села, и поселки, и угодья,—
Даю ихъ ей я въ вѣчное владѣнье—
И грамоту пишу въ Кремлѣ московскомъ!
За то, что благородный воевода,
Въ защиту правъ моихъ, теперь сбираетъ
Пошляхтѣ ополченье, предлагаю
Мильонъ дукатовъ польскаго чекана!

. . . . . .

Помогъ бы мнѣ Господь и всѣ святые,
А клятву я сдержу ненарушимо!

Король. Вы сдержите: нельзя вамъ позабыть,
Чѣмъ обязалъ васъ польскій воевода.
Тотъ, то свое завѣдомое благо,
Кто дерзъ свою любимую бросаетъ,
Какъ гаданье лучшее на жребій—
Такого друга надобно цѣнить,
И, если посчастливится, вамъ должно
Припомнить всѣ престольныя ступени...
Съ одежою вы сердца не смѣняйте—
И не забудьте, что нашлися въ Польшѣ,
Что Польша васъ вторично породила.

Дмитрій. Я просъ вѣдь въ бездольѣ и узналъ,
Какъ толь узы чувства и пріязни
Людей взаимно межъ собой связуютъ.

Король. Но вотъ теперь вступаете на царство,

Гдѣ нравы и обычаи не схожи
Съ такой землей свободною, какъ Польша.
Здѣсь самъ король, хотя изъ первыхъ первый
По блеску, долженъ часто уступать...
Тамъ, на Руси—священныя права,
Семейныя; тамъ—*отческая* власть...

. . . . . .

Дмитрій. Я здѣсь свободу сладкую вкусилъ—
Перенести ее хочу въ отчизну...

. . . . . .

. . . . . .

Король. Не торопитесь! Время нужно выждать!
Послушайте, царевичъ, три совѣта,
И слѣдуйте имъ вѣрно: предлагаетъ
Вамъ ихъ старикъ, а въ старческомъ совѣтѣ
Для юноши всегда таится польза.

Дмитрій. О, научите, доблестный король!
Вы почтены, вы избраны народомъ
Свободнымъ: какъ достигнуть мнѣ того же?

Король . . . . . .
Вы на Руси явились изъ чужбины,
Явилися подъ вражескимъ оружьемъ—
Сумѣйте жъ, чтобъ про это позабыли,
Чтобъ признали васъ родичемъ Москвы,
И мѣстные обычаи уважьте.
Блюдите слово, данное полякамъ:
На новомъ тронѣ нуженъ старый другъ,
Иначе та же самая рука,
Что вознесла, и ниспровергнуть можетъ.
Но помните, что подражать не надо;
Обычай чуждый для страны не въ прокъ...

. . . . . .

А главное: къ чему бъ ни приступали,
У матери своей благословитесь,—
Вѣдь вы ее найдете?

Дмитрій. Государь!

Король. Какъ сынъ, ее вы чтить должны сызнова—
Почтите же... Межъ вами и народомъ
Она да будетъ связію священной.
Конечно—нѣтъ законовъ для царей;
Но для людей законы естества
Не только есть, а боязливо чтимы...
Для вашего народа нѣтъ святѣе
Залога, доказательства и права,

Какъ дѣтская—*сыновняя* любовь.
Я замолчу объ этомъ. Слишкомъ много
Препятствій неожиданныхъ придется
Вамъ побороть, чтобъ наконецъ достигнуть
До золотого вашего руна.
Вамъ предстоитъ нелегкая побѣда.
Силенъ и чтимъ престолъ царя Бориса,
Не съ нѣженкой вступаете вы въ споръ.
Въ чьи руки скипетръ вложенъ всенародно,
Того не скоро опрокинетъ вѣтеръ
Молвы пролетной: у того въ замѣну
Всѣхъ предковъ есть дѣянья и заслуги.
Я васъ ввѣряю вашему же счастью:
Оно спасло васъ два раза отъ смерти—
Спасло какимъ-то непонятнымъ чудомъ—
Оно же васъ и увѣнчать должно.

Марина, Одоевскій.

Одоевскій. Ну, панна, я исполнилъ договоръ:
Жду, чтобъ мое усердье похвалили.
Марина. Да... Хорошо, что мы теперь одни,
Одоевскій! Поговорить намъ нужно
О многомъ, очень важномъ. Чтобъ царевичъ
Не зналъ объ этомъ. Впрочемъ, если бъ онъ
Могъ до конца небесному внушенью
Послѣдовать! Въ себя онъ вѣритъ такъ же,
Какъ свѣтъ въ него. И пусть его объемлетъ
Та тьма, та тайна, изъ которой столько
Исходитъ дѣлъ и подвиговъ великихъ;
Но между нами все должно быть *ясно*.
У насъ въ рукахъ все дѣло,—такъ разсудимъ;
За нами—мысль, и если мы разумно
Идемъ къ желанной цѣли и успѣху,
Пускай онъ остается въ заблужденьи,
Что это все ему ниспало съ неба.
Одоевскій. Повелѣвайте, панна! Я дышу,
Живу затѣмъ, чтобъ вашимъ быть слугою.
Ужель мнѣ занимателенъ вопросъ
О томъ, кто сядетъ на московскомъ тронѣ?
Меня величье ваше занимаетъ
И слава: я за нихъ готовъ отдать
И жизнь и кровь—всю до послѣдней капли.
Вѣдь для меня ужъ не бывать весны;

Зависимый и бѣдный, я не смѣю
Моихъ желаній дерзостно возвысить;
Но милость вашу я снискать хочу
И домогаюсь одного я только,
Чтобъ, панна, вы взошли на высоту;
Затѣмъ—пускай другой владѣетъ вами!
Вы все-таки мое произведенье.

Марина. Затѣмъ и я сердечно васъ люблю
И дѣло вамъ спокойно довѣряю.
Король его считаетъ вовсе ложнымъ.
Я вижу пресвѣтлѣйшаго насквозь:
Игра съ Сапѣгой тайная—и только.
Хотя ему, конечно, по душѣ,
Что мой отецъ, кого онъ такъ боится,
Что все дворянство, страшное ему,
Вмѣшалось въ это дѣло, отклонило
Всю силу къ чужеземной сторонѣ;
Но все-таки онъ самъ въ борьбу не вступитъ,
А всю удачу съ нами раздѣлитъ.
Насъ побѣдятъ — ему тѣмъ легче будетъ
Нагнуть всю Польшу подъ свое ярмо.
Одни мы въ полѣ. Жеребій нашъ выпалъ.
Онъ — за себя; такъ, стало, мы — за васъ.

. . . . . .

Вы — въ Кіевъ, съ войскомъ. Пусть дадутъ присягу
Царевичу Димитрію и мнѣ, —
Мнѣ, слышите? Необходимо нужно...

. . . . . .

Одоевскій. . . . . . .

Марина. Мнѣ мало рукъ—мнѣ нужны и глаза.

Одоевскій. Повелѣвайте!

Марина. Самъ царевичъ съ вами,
И безотлучно: ровно ни на шагъ;
Иначе мнѣ отвѣтите за каждый.

Одоевскій. Повѣрьте: ни на шагъ не отпущу.

Марина. Неблагодарны люди! Какъ почуетъ,
Что царь — тотчасъ и сброситъ наши путы.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Марина, Одоевскій, Опалинскій, Бѣльскій *и множество* **шляхтичей.**

Опалинскій. Намъ очень нужно денегъ, патронесса!
Сеймъ истощилъ въ конецъ насъ, а вѣдь надо
Тебя поставить русскою царицей.
Марина. Епископъ Каменецкій, онъ же Кульмскій,
Подъ общинный залогъ земли и душъ,
Вамъ вышлетъ деньги. За его порукой,
Продайте или заложите избы
Своихъ крестьянъ, все обратите въ деньги
На вашего коня и на оружье!
Война—торговецъ смѣтливый; пожалуй,
Хоть изъ желѣза золото скуетъ.
Москва убытокъ въ десять разъ оплатитъ.
Бѣльскій. Двѣ сотни пьютъ теперь еще въ корчмѣ.
Войди туда и выпей съ ними кубокъ,
Тамъ всѣ твои: я коротко ихъ знаю.
Марина. Жди: ты сейчасъ туда меня проводишь.
Опалинскій. . . . . . .
Ты рождена, конечно, королевой.
Марина. Конечно. Ей и буду непремѣнно.
Бѣльскій. Такъ. Только вотъ что̀: прикажи сѣдлать
Ты иноходца бѣлаго, садися,
Броней покройся, и — вторая Ванда —
Сама веди безстрашныя дружины.
Марина. Зачѣмъ? Мой духъ вамъ соприсущимъ будетъ.
Войну не слабымъ женщинамъ вести!
Вамъ сборнымъ мѣстомъ — Кіевъ. Мой отецъ
Немедленно отправится туда,
И съ нимъ три тысячи коней. Мой деверь
Даетъ еще двѣ тысячи; да съ Дону
Мы ждемъ коней и всадниковъ въ подмогу.
Даете вы присягу мнѣ?
Всѣ. Даемъ! *(Обнажаютъ сабли).*
Одни. Vivat Marina!
Другіе. Russiae regina!

(Марина рветъ на себѣ покрывало и раздаетъ куски шляхтичамъ. Всѣ кромѣ нея уходятъ).

Мнишекъ, Марина.

Марина. Зачѣмъ отецъ такъ хмуренъ, если счастье
Нашъ каждый шагъ улыбкою встрѣчаетъ,
И всѣ для насъ берутся за оружье?

Мнишекъ. Затѣмъ-то именно! Все, все на ставку
Поставлено. О! это ополченье
Задавитъ силу твоего отца!
Опора есть, да грустно вѣдь подумать,
Какъ измѣнятъ и счастье и успѣхъ?

. . . . . .

Марина. . . . . . .

Мнишекъ. Ты вовлекла меня въ такое дѣло,
Что опасаюсь... Слабый я отецъ...
По королѣ я первый воевода
И всѣхъ богаче... Если бъ мы *тогда*
Не заключили договоръ — ничто бы
Покоя не нарушило; но ты
Рвалась душой повыше: скромный жребій
Твоихъ сестеръ тебѣ былъ не подъ стать;
Стремилась ты всечасно къ высшей цѣли:
Тянула руку къ царскому вѣнцу;
А я, родитель слабый, я для милой
Для дочери готовъ былъ заблуждаться
И позволялъ себя вполнѣ дурачить
И грезѣ совѣсть честную повѣрить.

Марина. Какъ? Ты, отецъ, раскаялся? Да въ чемъ?
Не въ добротѣ ль?.. Тотъ капли не услышитъ,
Надъ кѣмъ неслышно пролилась рѣка.

Мнишекъ. Однако сестры счастливы покуда,
Хотя не коронованы. . . . . .

. . . . . .

Марина. Кто счастливъ?
Онѣ-то, сестры? Развѣ это счастье,
Когда изъ дому моего отца
И воеводы я перевожуся
Въ домъ мужа моего и палатина?
Что̀ новаго кому въ такомъ обмѣнѣ?
Какъ для меня должно быть это *завтра*
Пріятнѣй, чѣмъ *сегодня*? Какъ и чѣмъ?
Одно и то же, все одно и то же!
Нѣтъ ни стремленья, даже ни надежды!
По мнѣ—одно: любовь или величье,
А все другое — ровно ничего.

Мнишекъ. . . . . . .

Марина. Развеселись, мой дорогой родитель!
Довѣримся несущему потоку!
Не думай ты о жертвѣ принесенной —
А о давно намѣченной ужъ цѣли:

Подумай ты, что дочь свою увидишь
Царицей, въ полномъ царственномъ убранствѣ,
На томъ московскомъ царственномъ престолѣ,
Гдѣ возсѣдать твои же будутъ внуки!

Мнишекъ. Я ни о чемъ не думаю, опричь,
Какъ я тебя, дитя мое родное,
Въ вѣнцѣ увижу царскомъ. Такъ ты хочешь,
А я тебѣ не смѣю отказать.

Марина. Еще — вотъ просьба, милый мой родитель!

Мнишекъ. Какая?

Марина. Неужели въ Сендомирѣ
Я схимницей все буду изнывать?
Мой жеребій далеко переброшенъ
Поверхъ Днѣпра: искать его мнѣ долго
И тяжело, сносить его — нѣтъ силы!
Ты знаешь самъ, что ожиданье — пытка,
И что его измѣрить можно только
Тоскливыми біеніями сердца.

Мнишекъ. Такъ что же ты? Скажи: чего ты хочешь?

Марина. Пусти меня ты въ Кіевъ за удачей!
Тамъ буду черпать новости вседневно
Изъ свѣжаго, живого родника,
Тамъ, на предѣлахъ нашихъ царствъ обоихъ.

. . . . . .

Мнишекъ. Ты вся теперь въ волненьи! Успокойся!

Марина. Какъ упрекать меня теперь за то,
Во что ты самъ вовлекъ меня.

Мнишекъ. Нѣтъ! ты,
Ты вовлекла меня — твоя и воля!

Марина. Родитель мой любезный, если буду
Московскою царицей я, смотри,
Чтобъ Кіевъ былъ у *насъ*, въ предѣлахъ нашихъ.
Ты царствовать тамъ будешь.

Мнишекъ. Грезишь ты!
Тебѣ уже сама Москва тѣсна:
Ты польскія владѣнья отбираешь?

Марина. Да Кіевъ развѣ Польша? Тамъ варяги
Споконъ-вѣка наслѣдственно княжили.
Я лѣтопись старинную читала
И вникла: онъ отъ русскаго княженья
Оторванъ — надо и назадъ отдать.

Мнишекъ. Сс! Сс! Не говори при воеводѣ! *(Слышны трубы).*
Здѣсь, говорятъ, и письма-то вскрываютъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Монастырь, Бѣлое озеро.

По сценѣ переходитъ длинный рядъ монахинь, въ черныхъ рясахъ и покрывалахъ. На нихъ смотритъ **Марѳа** *изъ-подъ бѣлаго покрывала; она уединенно склонилась надъ надгробнымъ камнемъ.* **Ольга** *выходитъ изъ ряда, съ минуту смотритъ на Марѳу и подходитъ къ ней.*

Ольга. Весна идетъ и зиму разбудила,
А у тебя къ ней сердце не лежитъ.
Вѣдь вотъ и солнце... да и ночь короче;
Ледъ ломится по рѣчкамъ и оврагамъ,
И сани — ужъ не сани — челноки,
И птицы перелетныя — вотъ тянутъ...
Земля вздохнула; обновленный воздухъ
Всѣхъ выманилъ на монастырскій дворъ
Изъ душныхъ келій; только ты одна
Печальна, общей радости не дѣлишь.

Марѳа. Оставь меня, не покидай сестеръ.
Кому есть радость въ свѣтѣ — есть надежда!
Мнѣ ничего не принесетъ весна:
Все прошлое какъ тѣнь идетъ за мною.

Ольга. Неужели ты вѣкъ не перестанешь
Оплакивать потеряннаго сына
И прежнее величіе твое?
Я слышала, что время проливаетъ
Бальзамъ на раны сердца: отчего же
Оно безсильно только надъ тобой?
Была ты царства мощнаго царицей
И матерью цвѣтущаго младенца:
Онъ былъ случайно у тебя похищенъ;
Ты скрылася въ стѣнахъ монастыря,
Здѣсь, на предѣлѣ всякой жизни... Что̀ жъ!
Шестнадцать лѣтъ съ поры той миновало,
Шестнадцать разъ юнѣлъ Господній міръ
И измѣнялся — ты не измѣнилась:
Ты холодна, какъ памятникъ надгробный,
Обсаженный цвѣтами юной жизни!
Похожа ты на неподвижный обликъ,
Изваянный художникомъ изъ камня
И навсегда *однимъ* запечатлѣнный.

Марва. Да, годы всю меня окаменили
На память о судьбѣ моей ужасной!
Я не могу ни сдвинуться съ былого,
Ни позабыть того, что̀ было прежде.
То сердце слабо, ежели ужъ время
Ему способно раны заживить
И замѣнить, что̀ ввѣкъ незамѣнимо.
Моей печали подкупить нельзя:
Какъ сводъ небесный путника повсюду
Сопровождаетъ, такъ и скорбь меня.
Она меня объяла, словно море,
И не изсякнетъ никогда отъ слезъ.

Ольга. А! Посмотри: вонъ тамъ столпились сестры
Вокругъ мальчишки-рыбака. Онъ вѣсти
Принесъ намъ изъ далекой стороны,
Гдѣ есть жилье и люди. Посмотри же —
Теперь отливъ, и улицы свободны.
Ужель тебя не тянетъ любопытство?
Мы всѣ здѣсь словно умерли для свѣта,
Но слушаемъ о немъ еще охотно.
Пойдемъ на берегъ: тамъ съ тобой мы можемъ
Напоромъ волнъ спокойно любоваться.

. . . . . .

Монахини *подходятъ съ маленькимъ* **рыбакомъ.**

Ксенія и Елена. Скажи, скажи, что̀ новаго?
Алексія. . . . . . Что̀ въ мірѣ?
Рыбакъ. Дозвольте, сестры, духъ перевести.
Ксенія. Война, иль миръ?
Алексія. Кто властвуетъ надъ міромъ?
Рыбакъ. Пришелъ корабль въ Архангельскъ ото льдовъ,
Гдѣ, говорятъ, и кровь-то замерзаетъ.
Ольга. А какъ зашелъ онъ въ Ледяное море?
Рыбакъ. То англійскій купеческій корабль.
Къ Архангельскому въ первый разъ заходитъ.
Алексія. Ой! Люди гдѣ не будутъ изъ наживы!
Ксенія. Теперь отъ міра никуда не скрыться.
Рыбакъ. Да это новость малая, а вотъ что̀:
Молва другая по свѣту прошла...
Алексія. Что̀? Что̀?
Ольга. Скажи, пожалуйста, скорѣе.
Рыбакъ. На свѣтѣ снова появились дива.
Ольга. Какъ такъ?
Рыбакъ. А вотъ какъ: Дмитрій-то царевичъ

(Тужили лѣтъ шестнадцать, говорятъ,
По немъ по мертвомъ) — Дмитрій-то царевичъ
Теперь вѣдь въ Польшѣ!

Ольга. Что? царевичъ Дмитрій?

Марѳа *(подходя).* Мой сынъ!

Ольга. Скрѣпися! Сердце удержи,
Пока всѣ сестры не слыхали вѣсти.

Алексія. Царевичъ Дмитрій!.. Да его убили:
Онъ въ Угличѣ погибъ среди пожара.

Рыбакъ. Вишь: отъ огня и полымя онъ спасся;
Его укрыли гдѣ-то, вишь, монахи;
Въ монастырѣ подросъ и появился,
Какъ, значитъ, время самое пришло.

Ольга *(Марѳѣ).* Царица! Ты дрожишь... Вся поблѣднѣла...

Марѳа. Я знаю, знаю: это только греза!
Но такъ еще малѣйшая надежда
И страхъ меня тревожатъ, что невольно
Трепещетъ сердце.

Ольга. Отчего же греза?
Послушай... Даромъ не идетъ молва.

Рыбакъ. Какъ даромъ! Да вѣдь дѣло-то какое:
На насъ Литва поднялася, поляки.
Царевичъ въ градъ престольный свой грядетъ!..

(Марѳа дрожитъ всѣми членами и должна опереться на Ольгу и Алексію).

Ксенія. Да говори жъ ты, говори, что знаешь!

Алексія. Да ты скажи — откуда эти вѣсти?

Рыбакъ. Я развѣ лгу?.. Вѣдь грамота царева
Давно пришла, и намъ читалъ посадникъ
На городу, на сходкѣ вѣчевой,
А писано, что, слышите, обманщикъ,
И намъ тому обману бы не вѣрить...
А мы-то вѣримъ. Коль была бъ неправда,
Такъ... Что тутъ ужъ!.. Царевичъ не солжетъ.

Марѳа. Такъ оттого мнѣ сердце защемило?
Ужель оно такъ слушается міра,
Что слухъ пустой его тревожить можетъ?
Шестнадцать лѣтъ оплакиваю сына—
И вѣрю сразу, что онъ живъ еще.

Ольга. Шестнадцать лѣтъ ты плакала по мертвомъ,
А никогда и трупа не видала.
Молвы ничто не можетъ опровергнуть,
И кто же можетъ предсказать судьбу
Народовъ и надъ ними главъ вѣнчанныхъ?..

Открой же въ сердце путь для упованья:
Свершилось нѣчто большее, какъ видно,
Что̀ ты недавно называла грезой...
Предѣла Всемогущему вѣдь нѣтъ!

Марѳа. Ужели взоръ приходится на то
Мнѣ обратить, что̀ такъ давно ужъ было?

. . . . . .

На мертвыхъ я тогда не уповала...
Не говори, сестра, мнѣ ничего!
Не раздражай видѣньемъ ложнымъ сердца!
Не допусти вторично потерять
Возлюбленнаго сына. Нѣтъ покою
И мира нѣтъ въ душѣ моей давно!..
Охъ! И слова-то даже я забыла...
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сына потеряла,
Не знаю я—жива, иль умерла?
Отчаянье безмѣрное!

(Слышенъ ударъ колокола. Входитъ сестра-привратница).

Ольга. Что̀ значитъ? *(Привратницѣ)*
Сестра, скажите—что̀ такое значитъ?

Привратница. У монастырскихъ вратъ архіепископъ
Желаетъ быть допущенъ отъ царя.

Ольга. Архіепископъ! Самъ архіепископъ...
За чудомъ чудо!... . . . . .

Ксенія. Поскорѣе всѣ
Навстрѣчу!..

(Монахини отправляются къ воротамъ; при входѣ архіепископа преклоняютъ предъ нимъ колѣни, онъ ихъ осѣняетъ благословеннымъ крестомъ).

Іовъ. Миръ обители во имя
Отца и Сына и Святаго Духа!

Ольга. Владыко, паству допусти къ рукѣ
Святительской...

Іовъ. Гдѣ инокиня Марѳа?

Ольга. Владыко, здѣсь: твоихъ ждетъ повелѣній!

(Всѣ инокини удаляются).

Іовъ и Марѳа.

Іовъ. Самъ государь послать меня изволилъ
Къ тебѣ, царица, съ государскимъ словомъ:
Со своего высокаго стола
Онъ келію отшельницы попомнилъ,
Зане: какъ солнце лучезарнымъ окомъ

Вселенную повсюду освѣщаетъ,
Такъ государь своимъ всезрящимъ взглядомъ
Все освѣщаетъ царство, ибо свыше
Печалуетъ о всемъ и обо всѣхъ.

Марѳа. Я знаю, какъ рука его *печальна!*

Іовъ. Познавъ твою великую печаль,
Позналъ онъ также и всю силу духа
И все твое безвременье, царица!
Разгнѣванъ онъ правдиво, какъ и ты,
Тебѣ же нанесенною обидой...

Марѳа. . . . . . .

Іовъ. Уразумѣй, царица! Отъ поляковъ
Является какой-то отщепенецъ,
Какой-то бѣглый, безызвѣстный служка,
Всей братіей отторгнутый соборнѣ,
И Божье имя призываетъ всуе
О имени младенца твоего,
Представшаго передъ престолъ Господній;
И сыномъ Іоанновымъ дерзаетъ
Сей скоморохъ народно величаться!
Миро-измѣнникъ, польскій воевода,
Ведетъ на Русь изъ Польши самозванца
Во всеоружьѣ, вѣрныя сердца
Къ предательству и мятежу склоняя.

. . . . . .

Теперь свою державшую *печаль*
Царь восхотѣлъ мнѣ возложить на рамо—
Послалъ къ тебѣ... Душевно поминая
Покойнаго младенца, ты не можешь
Дозволить потревожить прахъ и имя
Во гробѣ опочіющаго сына;
Ты не должна позволить проходимцу
Права у непорочнаго похитить...
Но объяви всегласно, что скитальца
Не признаёшь за собственное чадо,
Что этой подлой крови не могло
Быть у тебя подъ сердцемъ благороднымъ:
Царь ждетъ, что ты, конечно, отречешься
Отъ выдумки позорной, наказуя
Ее правдиво заслужённымъ гнѣвомъ.

Марѳа *(въ продолженіе всей рѣчи силится сдержать душевное волненіе).* Владыко, что̀ я слышу?.. Невозможно!
Какой же признакъ, поводъ, да и доводъ,
Чтобъ кто-нибудь обманщику повѣрилъ?

Іовъ. Со Іоанномъ сходство, письмена
И крестъ святой—вотъ чѣмъ обманщикъ этотъ
Къ себѣ привлекъ немало легковѣрныхъ.
Марѳа. Какой же крестъ?.. Повѣдай мнѣ, владыко!
Іовъ. Крестъ золотой... въ немъ девять изумрудинъ...
И говорятъ, что князь Иванъ Мстиславскій,
Какъ воспріемникъ, имъ благословилъ.
Марѳа. Владыко, какъ?.. И крестъ онъ этотъ знаетъ?
(Подавляетъ сердечный порывъ).
А объяснилъ обманщикъ, какъ онъ спасся?
Іовъ. Онъ говоритъ, что дьякомъ былъ спасенъ
Отъ смерти и полночнаго пожара,
Что былъ въ Смоленскъ потайно увезенъ.
Марѳа. Да гдѣ же пребывалъ-то онъ доселѣ?
Гдѣ, говоритъ, доселѣ онъ скрывался?
Іовъ. Онъ выросъ въ Чудовомъ монастырѣ,
Не вѣдая и самъ-то—кто такой?
Бѣжалъ оттуда онъ въ Литву и въ Польшу,
Гдѣ, разъ, при сендомирскомъ воеводѣ,
Узнавъ свое происхожденье...
Марѳа. Будто
Такою побасенкой онъ нашелъ
Такихъ друзей, что̀ крови не жалѣютъ?
Іовъ. Царица, всѣ лукавы поляки:
Завистливо на нашу землю смотрятъ
И ловятъ случай—какъ бы имъ внести
Войну въ предѣлы русскіе.
Марѳа. Послушай!..
Но есть ли легковѣрные въ Москвѣ?
Іовъ. Царица, знаешь, что народа голосъ
Разноситъ вѣтромъ... Перемѣну любятъ...
Имъ новость власти вдохновляетъ вѣру.
Не ложь, а правда въ спасенье... Затѣмъ-то
И пожелалъ державный государь,
Чтобъ ты, по праву, съ глазъ сняла повязку
У цѣлаго народа: скажешь слово—
И для Руси обманщикъ сей—ничто...
Обманщикъ сей твой яко бъ сынъ, царица!
Твое смущенье радуетъ меня:
Я вижу—скоморошество его
До глубины души тебя волнуетъ,
И гнѣвъ тебѣ ланиты зарумянилъ.
Марѳа. Но гдѣ, скажи мнѣ, гдѣ тотъ дерзновенный,
Что̀ имя сына нашего присвоилъ?

Іовъ. Изъ Кіева идетъ онъ подъ Черниговъ;
За нимъ толпа вооруженныхъ ляховъ
И цѣлый хвостъ казаковъ, прямо съ Дону.
Марѳа. Благодарю Тебя я, Всемогущій,
Благодарю, что далъ Ты наконецъ
Мнѣ силу права, вмѣстѣ съ правомъ мести.
Іовъ. Да что̀ съ тобой? Какъ разумѣть велишь?
Марѳа. Всѣ Силы и Господствія, спасите!
Архангелы, крылами осѣняйте
Его хоругвь!
Іовъ. Какъ?.. И тебя обманщикъ...
Марѳа. Мнѣ сынъ онъ! Я по признакамъ всѣмъ знаю
И признаю... хоть по боязни царской...
Онъ, самый онъ! Онъ живъ! Онъ недалеко!
Долой, тиранъ, съ престола! Трепещи!
Въ конецъ не сгибла Рюрикова отрасль,
И царь грядетъ, наслѣдный царь грядетъ
Спросить у вѣрноподданныхъ отчета.
Іовъ. Безумная, слова свои обдумай!
Марѳа. Вотъ наконецъ зардѣлся день отместный:
На Божій свѣтъ выводитъ изъ могилы
Невинность угнетенную Господь!
Самъ Годуновъ, смертельный врагъ мой, долженъ
У ногъ моихъ пощады вымолять:
Услышаны горячія молитвы!
Іовъ. Ужели месть слѣпитъ тебя настолько?
Марѳа. А не настолько страхъ слѣпитъ царя,
Что онъ себѣ спасенья ожидаетъ
Отъ женщины, обиженной самимъ же?
. . . . . .
Мнѣ отрекаться надобно отъ сына,
Что̀ изъ могилы вызвало мнѣ чудо?
И отрекаться для чего? Въ угоду
Всерѐднаго убійцы моего?
Мнѣ избѣгать Господняго спасенья
Отъ материнскихъ скорбей и печалей,
Ниспосланнаго свыше наконецъ?
Іовъ. . . . . .
Марѳа. Не убѣждай, а выслушай меня!
Не выслушавъ, ты не уйдешь, владыко!
Охъ, наконецъ вздохнула грудь свободно.
Мнѣ наконецъ пришлось излить всю желчь,
Подъ сердцемъ хороненную . . . .
. . . . . Скажи мнѣ:

Кто заживо зарылъ меня въ могилу,
Со всею силой свѣжею моей
И дѣвственнымъ волненьемъ юныхъ персей?
Кто отнялъ сына милаго отъ лона
Подъ ножъ убійцы? Не найдешь ты словъ
Для передачи всѣхъ моихъ страданій,
Когда меня безсонница томила
Всѣ ночи, вмѣстѣ съ ясными звѣздами,
Когда платила я за каждый часъ
Тоскою и горючими слезами.
Насталъ и часъ спасенія и мести:
Мнѣ мощь влагаетъ въ душу Всемогущій!

Іовъ. Не мнишь ли ты, что царь тебя боится?

Марѳа. Онъ у меня во власти: только слово,
Одно вотъ слово—и ему конецъ!
За нимъ-то онъ послалъ тебя, владыко!
Всѣ на меня—и Русь и Польша—смотрятъ:
Признай теперь я сыномъ Іоанна
Царевича—ему удастся все;
А не признай—все словно въ воду канетъ.
Вотъ почему: кто и когда повѣритъ,
Чтобы, какъ я, обиженная мать
Отъ подлиннаго сына отреклася,
Съ убійцею семейнымъ по согласью?..
Скажу другое слово—цѣлый міръ
Отступитъ отъ обманщика. Не правда ль?
Вотъ это слово вамъ теперь и нужно;
И услужить могу я Годунову.

Іовъ. Нѣтъ, не царю, а царствію всему:
Ты отъ войны спасла бы государство
Правдивымъ словомъ. Ты сама, царица,
Не можешь въ смерти сына твоего,
По совѣсти и чести, сомнѣваться.

Марѳа. Я плакала объ немъ шестнадцать лѣтъ,
А мертвымъ не видала; да и въ смерти
Его затѣмъ лишь только убѣдилась,
Что всѣ сказали... что мнѣ было тяжко.
Теперь—молвѣ всеобщей, да и сердцу,
Я вѣрю, что мой сынъ не умиралъ.
Сомнѣніемъ заблудшимся не должно
Переступать прямыхъ путей Господнихъ.
Но, если бъ я подъ сердцемъ не носила
Его, теперь подъ сердцемъ мщенье носитъ
Его же. Я того усыновляю,

Кого мнѣ возродили небеса.

Іовъ. Несчастная! Ты съ сильнымъ не борися!
Его рука, ты знаешь, далека:
Въ обители достанетъ.

Марѳа. Пусть убьетъ—
Мой голосъ вѣдь не то, чтобъ изъ темницы,
Изъ-за могилы будетъ слышенъ міромъ...
Въ ту и въ другую онъ повергнуть можетъ,
Но вотъ чего не можетъ: приказать
Мнѣ говорить со словъ его, и даже
Не сможетъ онъ при хитрости своей.

Іовъ. Послѣднее твое, царица, слово?..
Что̀ жъ мнѣ сказать царю и государю?

Марѳа. Пусть на небо надѣется, коль смѣетъ,
И на народъ, коль можетъ!

Іовъ. Помолчи.
Не завершай заранѣй преступленья:
Ты беремя берешь себѣ на плечи,
Да беремя-то плечи къ земли клонитъ.

Марѳа *(одна)*. Сынъ—несомнѣнно!.. Дальніе края
И дикія пустыни возмутились—
И за него оружіе подняли,
Полякъ-вельможа, гордый палатинъ,
Рѣшается отдать ему въ супруги
Не дочь свою, а золото литое...
И я одна, я, мать, его отвергну
И буду очевидицей нѣмой,
Какъ вихорь общей радости и счастья
Всю Русь охватитъ въ день вѣнчальный сына?
Онъ *сынъ* мой—знаю, чувствую и вѣрю!
Хочу повѣрить и берусь за якорь,
Ниспущенный мнѣ съ неба для спасенья.
Онъ! онъ! Идетъ сюда вооруженный
Спасти меня и отомстить врагу!
Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
Сбирайтеся отъ сѣвера и юга,
Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
Всѣ языки, державному навстрѣчу,
По всѣмъ путямъ! сѣдлайте и коня,
Взнуздайте и оленя и верблюда!
Какъ волны моря, слейтесь отовсюду
Безчисленно подъ царскую хоругвь!
О, для чего же здѣсь съ тоской-печалью

(А имъ конца и мѣры нѣтъ) я гибну?
Ты, солнце вѣковѣчное! Ты ходишь
Кругомъ земли—снеси мои желанья!
Ты, воздухъ, необъятный и летучій,
Вѣй на *него* моимъ благословеньемъ!
Опричь молитвъ и скорби ничего
Нѣтъ у меня. Изъ глубины душевной
Ихъ окрыленно шлю я въ выси неба,
Чтобъ воинствомъ помощнымъ низошли
И къ моему возлюбленному сыну.

ЯВЛЕНІЕ II.

Пригорокъ, осѣненный деревьями. Открывается вдали веселая окрестность широкая рѣка; кругомъ зеленыя нивы; тамъ и сямъ мелькаютъ церковные купола нѣсколькихъ городовъ; за сценой трубы и звуки военной музыки.

Появляются **Одоевскій** *и прочіе* **военачальники**; *вслѣдъ за ними* **Дмитрій**.

Одоевскій. Лѣсъ окружить всѣмъ войскомъ, а покуда
Осмотримъ мы окрестности съ пригорка.

(Нѣкоторые изъ присутствующихъ уходятъ. Дмитрій выступаетъ на авансцену).

Дмитрій *(осматриваясь кругомъ)*. Га! Что̀ за видъ!
Одоевскій. Теперь ты предъ собою
Свое же царство видишь, государь!
Русь!..
Разинъ. На межѣ поставленъ столбъ московскій;
А польскія владѣнья прекратились.
Дмитрій. Что̀ жъ это, Днѣпръ?
Одоевскій. Нѣтъ, государь, Десна:
Вотъ это—кремль въ Черниговѣ бѣлѣетъ.
Разинъ. А дальше—вонъ сверкаютъ купола:
Самъ Новгородъ то Сѣверскій.
Дмитрій. Прелестно!
Что̀ за поляны!
Одоевскій. Государь, весна!
Беременна роскошной жатвой нива.
Дмитрій. И взглядомъ не окинешь.
Разинъ. Государь!
По правдѣ молвить, это вѣдь начатокъ
Руси. Идетъ она необозримо
Къ востоку и къ востоку, а на сѣверъ

Предѣлъ ей тамъ, гдѣ кончились предѣлы
Всему живому . . . . . .
. . . . . .

Разинъ. . . . Посмотри: нашъ царь
Задумался надъ чѣмъ-то.

Дмитрій. И вотъ эти
Поля, доселѣ мирныя, я долженъ
Наслѣдовать оружіемъ, какъ врагъ.

Одоевскій. Такъ, государь, и слѣдуетъ.

Дмитрій. Послушай:
Вѣдь ты полякъ, а я москвичъ природный,
Вѣдь это все—все родина моя.
Прости меня, прости, земля родная!
Прости меня и ты, столбъ пограничный
Съ наслѣдственнымъ родительскимъ орломъ!
Простите, что съ оружіемъ враждебнымъ
Я въ мирный храмъ насильственно вхожу,
Чтобъ возвратить законное по праву
И достоянье отчее и имя!
Здѣсь властвовало тридцать поколѣній
Моихъ родоначальниковъ-варяговъ;
Но дубъ упалъ—осталась только отрасль,
Единственно въ моемъ лицѣ осталась,
Неизреченной милостью Господней
. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ III.

Русское село. Церковный погостъ. Звучитъ набатъ.

Глѣбъ, Илья *и* **Тимошка** *выходятъ на сцену; за поясами у нихъ топоры.*

Глѣбъ *(выходя изъ избы)*. Куда народъ?

Илья *(выходя изъ другой избы)*. Да кто въ набатъ ударилъ?

Тимошка. Сосѣдушка, скорѣе всѣ на сходку!

Входятъ **Олегъ** *и* **Игорь**; *за ними толпа крестьянъ, бабъ и ребятишекъ съ пожитками.*

Глѣбъ. Куда вы всѣ, бабье и ребятежь?

Игорь. Бѣги скорѣй: подъ Муромомъ поляки,
И бьютъ и рѣжутъ, кто ни попадется.

Олегъ. Бѣги, бѣги!.. Скорѣе!.. Въ городъ! въ городъ!
А ужъ село со всѣхъ концовъ зажгли.
Всѣмъ міромъ снялись—прямо въ царскій станъ.

Тимошка. Ну, вонъ и тѣ!

Съ противоположной стороны выходятъ **Ивашка** *и* **Петрушка**; *за ними вооруженная толпа.*

Ивашка. Да здравствуетъ навѣки
Великій князь Димитрій!
Глѣбъ. Это что̀?
Илья. Ты что̀ такое?..
Тимошка. Да ты кто такой?
Петрушка. А вотъ: кто только носитъ крестъ—за мною.
Тимошка. Да что̀ жъ такое? Все село бѣжитъ
Отъ поляковъ, а ты—вотъ такъ и лѣзешь
Подъ лапу имъ? Аль ворогъ-то—не ворогъ?
Петрушка. Какой онъ ворогъ?.. Онъ нашъ другъ, а хочетъ
Свое наслѣдье отобрать, по правдѣ...

Входитъ посадникъ и начинаетъ читать манифестъ Дмитрія. Между поселянами замѣтно колебаніе, и они дѣлятся на двѣ стороны. Поселянки первыя склоняются въ пользу Дмитрія и даютъ перевѣсъ его партіи.

Станъ Дмитрія. Онъ разбитъ въ первомъ сраженіи, но войско царя Бориса одержало побѣду какъ бы нехотя и не пользуется своимъ успѣхомъ. Дмитрій въ отчаяніи, хочетъ умертвить себя; Комля и Одоевскій съ трудомъ его отговариваютъ. Своевольные поступки казаковъ, даже противъ самого Дмитрія.

Царскій станъ. Самъ царь Борисъ находится въ отсутствіи, и это очень вредитъ царю, потому что его больше страшатся, чѣмъ любятъ. Войско сильно, но очень ненадежно. Воеводы несогласны между собою и, по разнымъ причинамъ, держатъ сторону Дмитрія. Одинъ изъ воеводъ, Салтыковъ, объявляетъ себя сторонникомъ Дмитрія по убѣжденію. Его переходъ влечетъ за собою самыя важныя послѣдствія: бо̀льшая часть войска переходитъ къ Дмитрію.

Борисъ въ Москвѣ. Онъ еще не утратилъ самодержавной своей власти и окруженъ вѣрными слугами; но постоянно огорченъ худыми вѣстями. Страхъ народнаго возстанія въ Москвѣ не позволяетъ ему принять военачалія надъ войскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ царь, стыдится вступить въ борьбу съ обманщикомъ. Сцены между нимъ и патріархомъ.

Со всѣхъ сторонъ гонцы приносятъ печальныя вѣсти, и опасенія Бориса увеличиваются все болѣе и болѣе. Онъ слышитъ объ измѣнѣ крестьянъ и уѣздныхъ городовъ, о бездѣйствіи и мятежѣ войскъ, о народномъ волненіи въ Москвѣ, о приближеніи Дмитрія. Романовъ, тяжело оскорбленный Борисомъ, прибылъ въ Москву. Его прибытіе возбуждаетъ новое опасеніе царя. Приходитъ вѣсть, что бояре перебѣгаютъ изъ стана къ Дмитрію, и что все войско передалось ему.

Борисъ и Ксенія. Царь растроганъ, какъ отецъ, и въ разговорѣ съ дочерью открываетъ всю свою душу.

Борисъ достигнулъ престола преступленіемъ, но всѣ обязанности самодержавнаго владыки безтрепетно взялъ себѣ на рамена и выполнялъ добросовѣстно. Онъ—безцѣнный повелитель страны и истинный отецъ народа. Только въ своихъ личныхъ отношеніяхъ онъ гнѣвенъ, мстителенъ и суровъ. По своему уму и положенію, онъ выше всего, что̀ его окружаетъ. Долговременная привычка къ верховной власти, умѣнье повелѣвать людьми и самодержавная форма правленія развили въ немъ гордость до того, что онъ не въ силахъ пережить своего величія. Онъ видитъ ясно, что̀ его ожидаетъ, но онъ еще царь и никогда не дойдетъ до униженія, потому что рѣшился умереть.

Онъ вѣритъ въ примѣты, и, въ настоящемъ настроеніи его духа, ему кажутся важными такія бездѣлицы, которыми онъ пренебрегалъ нѣкогда. Случайныя обстоятельства принимаетъ онъ за предвѣщаніе судьбы, и оно заставляетъ его прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ.

Незадолго до смерти, въ душѣ его происходитъ перемѣна: онъ кротко выслушиваетъ даже вѣстниковъ неудачи и стыдится прежнихъ порывовъ гнѣва. Онъ заставляетъ разсказывать себѣ все, до мельчайшихъ подробностей, мало того—награждаетъ разсказчика.

Получивъ вѣсть объ окончательной неудачѣ, онъ хладнокровно и самоотверженно рѣшается покончить съ собою: облекается въ иноческую одежду и въ послѣднее мгновеніе удаляетъ отъ себя дочь. Въ стѣнахъ обители должна она найти защиту отъ оскорбленій; сыну его Ѳеодору, какъ юношѣ, гро-

зитъ меньшая, можетъ-быть, опасность. Борисъ принимаетъ ядъ и удаляется въ уединенную горницу, чтобы умереть спокойно.

Общее смущеніе при вѣсти о смерти царя. Бояре составляютъ государскую думу и правятъ въ Кремлѣ. Романовъ (впослѣдствіи царь и прародитель нынѣшняго Императорскаго дома) является во главѣ вооруженнаго отряда передъ останками царя Бориса, присягаетъ сыну его Ѳеодору и принуждаетъ бояръ послѣдовать его примѣру. Месть и честолюбіе не сродны его душѣ: онъ служитъ единой правдѣ. Ксенію любитъ онъ безнадежно и любитъ взаимно, не подозрѣвая этой любви.

Романовъ спѣшитъ къ войску, чтобы склонить его на сторону юнаго царя. Волненіе въ Москвѣ, произведенное приверженцами Дмитрія. Народъ врывается въ боярскіе дома, овладѣваетъ особами Ѳеодора и Ксеніи, заключаетъ ихъ въ темницу и посылаетъ выборныхъ къ Дмитрію.

Дмитрій въ Тулѣ, на высотѣ своего благополучія. Войско ему присягнуло; ему подносятъ ключи отъ городовъ. Одна Москва, повидимому, противится. Дмитрій ласковъ и любезенъ, съ благороднымъ сердечнымъ волненіемъ выслушиваетъ онъ вѣсть о смерти царя Бориса; прощаетъ обличеннымъ заговорщикамъ покушеніе на его жизнь; отклоняетъ отъ себя рабскія изъявленія покорности русскихъ и выказываетъ намѣреніе уничтожить съ корнемъ низкопоклонничество. Напротивъ, окружающіе Дмитрія поляки обращаются съ русскими сурово и презрительно. Дмитрій изъявляетъ желаніе видѣться съ своею матерью и отправляетъ пословъ къ Марѳѣ.

Посреди толпы русскихъ, скопившихся въ Тулѣ около Дмитрія, появляется человѣкъ, котораго царевичъ признаётъ сразу и встрѣча съ которымъ въ высшей степени его обрадовала. Онъ удаляетъ отъ себя всѣхъ и, оставшись наединѣ съ этимъ человѣкомъ, приноситъ ему сердечную благодарность, какъ своему спасителю и благодѣтелю. Незнакомецъ объясняетъ, что Дмитрій, безъ всякаго сомнѣнія, очень обязанъ ему, и даже болѣе, чѣмъ самъ думаетъ. Дмитрій вынуждаетъ его объясниться опредѣлительнѣе—и убійца законнаго царевича показываетъ всю правду. Онъ не получилъ награды за убійство и могъ ожидать отъ Бориса только смерти. Пылая мщеніемъ, онъ увидалъ случайно одного отрока и былъ пора-

женъ его сходствомъ съ царемъ Иваномъ. Случая нельзя было упустить. Убійца усыновилъ мальчика, бѣжалъ съ нимъ изъ Углича, поручилъ своего пріемыша одному духовному лицу, принявшему участіе въ его предпріятіи, и передалъ этому сообщнику драгоцѣнный крестъ, снятый имъ самимъ съ умерщвленнаго царевича. И вотъ теперь онъ отомстилъ своему врагу въ лицѣ этого отрока, котораго никогда не терялъ изъ виду и за которымъ слѣдилъ незамѣтно. Лжедмитрій, его орудіе, царитъ надъ Русью вмѣсто Бориса.

Во время этого разсказа въ душѣ Дмитрія кипитъ борьба. Молчаніе его ужасно. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ предается необузданному отчаянію, убійца выводитъ его изъ себя кичливымъ и дерзкимъ требованіемъ награды. Дмитрій закалываетъ его.

Монологъ Дмитрія. Онъ борется съ властолюбіемъ, но сознаніе необходимости—объявить себя царемъ—превозмогаетъ.

Являются выборные отъ Москвы и подчиняютъ городъ власти Дмитрія. Ихъ принимаютъ сурово и съ грозными предосторожностями. Между ними находится патріархъ. Дмитрій слагаетъ съ него патріаршее званіе и вслѣдъ затѣмъ осуждаетъ на смертную казнь одного изъ знатныхъ россіянъ, усомнившагося въ его неподложности.

Марѳа и Ольга ожидаютъ Дмитрія въ роскошно убранной ставкѣ. Марѳа говоритъ о предстоящемъ свиданіи болѣе съ волненіемъ и боязнью, чѣмъ съ надеждою, и трепещетъ того мгновенія, которое сулитъ ей полное благополучіе; Ольга ее уговариваетъ, хотя и сама не вѣритъ своимъ словамъ. Во время долгаго пути онѣ успѣли обсудить всѣ обстоятельства, и восторженность уступила мѣсто раздумью. Суровое молчаніе и угрюмые взгляды стражей только увеличиваютъ сомнѣнія.

Гремятъ трубы. Марѳа въ нерѣшимости: итти ли ей навстрѣчу Дмитрія, или нѣтъ? И вотъ онъ стоитъ предъ нею, одинъ. При первомъ взглядѣ на царевича, въ сердцѣ Марѳы угасаетъ послѣдняя искра надежды. *Что-то невѣдомое* стало между ними; природа не сказалась: они навѣкъ чужды другъ другу. Въ первое мгновеніе была обоюдная попытка—кинуться другъ другу въ объятія; но Марѳа отшатнулась назадъ. Дмитрій замѣтилъ ея движеніе и — пораженъ. Знаменательное молчаніе.

Дмитрій. И ничего не говоритъ тебѣ сердце? И не сказалась во мнѣ кровь твоя?

Марѳа *(молчитъ).*

Дмитрій. Голосъ естества святъ и свободенъ: не изнасиловать его, не исказить. Забейся твое сердце при взглядѣ на меня—и мое отвѣтило бы, и палъ бы тебѣ на грудь покорный и любящій сынъ. Чему суждено—сбылось бы доброскловно, любовно, искренно. Но если ты не чувствуешь, какъ мать, обдумай все, какъ великая княгиня, укрѣпи свой духъ, какъ царица. Меня судьба повергаетъ въ твои объятія нежданнымъ сыномъ—прими же меня на свое лоно, какъ даръ небесный. Если бы я не былъ твоимъ сыномъ, какъ теперь, что̀ же я отнимаю у твоего дитяти? Отнимаю я что-нибудь—только у твоего врага. Тебя и кровь твою извлекъ я изъ бездны, гдѣ тебя заживо похоронили,—извлекъ и возвелъ на «царское мѣсто». Пойми, что твой жребій скованъ съ моимъ. Ты—высоко стоишь возлѣ меня и упадешь со мной. Народъ не спускаетъ съ насъ глазъ.

Ненавижу я скоморошество, облыжнымъ чувствомъ не кичуся, но передъ тобой благоговѣю и достойно преклоняю колѣни. *(Марѳа молчитъ; въ ней замѣтна сильная душевная тревога).*

Дмитрій. Рѣшайся. Не стѣсняй своей воли, говори по душѣ. Я не требую ни лицемѣрія ни лжи: требую истиннаго чувства. *Полно тебѣ казаться моею матерью—будь ею.* Откинь отъ себя прошлое, прилѣпись всѣмъ сердцемъ къ настоящему! Если я не сынъ твой—я царь. За меня—сила, за меня—счастье. *Тотъ* лежитъ въ гробу, тотъ—прахъ и ничего болѣе: у него нѣтъ сердца, чтобы любить тебя, нѣтъ взора, чтобъ привѣтствовать. Полюби того, кто живъ. *(Марѳа плачетъ).*

Дмитрій. О, эти слезы — золотая роса! Пусть ихъ падаютъ, пусть на нихъ смотритъ народъ!

(Дмитрій дѣлаетъ знакъ: пола шатра поднимается, и толпы русскихъ становятся зрителями этой сцены).

Въѣздъ Дмитрія въ Москву. Торжество пышно, но лица окружающихъ царевича угрюмы. Поляки и казаки во главѣ поѣзда. Какая-то мрачность и боязнь нарушаютъ общее веселіе. Такъ и вѣетъ недовѣріемъ и предчувствіемъ бѣды.

Романовъ прибылъ въ войско въ недобрый часъ: онъ опоздалъ и возвратился въ Москву, чтобы защитить Ѳеодора и Ксенію. Попытки его напрасны; онъ становится узникомъ.

Ксенія прибѣгаетъ подъ покровъ царицы Маѳы и бьетъ ей челомъ о защитѣ отъ поляковъ. Здѣсь видитъ ее Дмитрій, и въ душѣ его вспыхиваетъ мгновенная, неодолимая страсть. Ксенія гнушается Дмитріемъ.

Дмитрій—царь. Несетъ его вдаль грозная стихія, и онъ не можетъ противостать ей; его увлекаютъ страсти другихъ людей. Въ глубинѣ души своей онъ никому не довѣряетъ: у него нѣтъ ни друга ни преданнаго сердца. Поляки и казаки вредятъ ему въ народномъ мнѣніи своею дерзостью. Даже то, что дѣлаетъ ему честь, то-есть его любовь къ народу, простота обращенія, пренебреженіе къ стариннымъ льстивымъ обрядамъ и обычаямъ, даже и эти достоинства возбуждаютъ общій ропотъ. Иногда онъ необдуманно попираетъ ногами завѣтъ праотцевъ. Онъ преслѣдуетъ монаховъ, потому что долго вращался между ними. Бываютъ мгновенія, когда его гордость глубоко уязвлена, и тогда онъ становится причудливымъ деспотомъ. Одоевскій сумѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ человѣкомъ, удалилъ отъ него русскихъ и окончательно упрочилъ свое вліяніе.

Дмитрій задумалъ измѣнить Маринѣ. Онъ разсуждаетъ объ этомъ съ патріархомъ Іовомъ, а тотъ, въ надеждѣ отстранить поляковъ, одобряетъ его замыслы и представляетъ ему царскую власть во всемъ ея величіи.

Марина прибыла въ Москву съ многочисленною свитою. Свиданіе съ Дмитріемъ. Съ обѣихъ сторонъ коварство и холодность; но Марина лучше умѣетъ носить личину. Она торопитъ бракосочетаніемъ. Приготовленія къ пышному празднеству.

По приказанію Марины, Ксеніи подносятъ отравленный кубокъ. Смерть отрадна для молодой царевны: она боялась, что Дмитрій поведетъ ее къ алтарю.

Неутолимая печаль Дмитрія. Съ растерзаннымъ сердцемъ онъ становится подъ вѣнецъ съ Мариною.

Послѣ вѣнца Марина открываетъ своему супругу, что она никогда не считала и не признавала его за истиннаго Дмитрія, и оставляетъ его въ самомъ безпомощномъ, въ самомъ ужасномъ положеніи.

Между тѣмъ одинъ изъ воеводъ царя Бориса, Шуйскій *) пользуется возрастающимъ негодованіемъ народа и составляетъ заговоръ противъ Дмитрія.

Романовъ, въ темницѣ, утѣшенъ неземнымъ видѣніемъ: ему является душа Ксеніи, заставляетъ его прозрѣть въ будущія счастливыя времена, повелѣваетъ ему спокойно дожидаться своего жребія и не обагрять своихъ рукъ въ крови. Въ словахъ призрака слышенъ намекъ, что Романовъ самъ нѣкогда взойдетъ на престолъ. Вскорѣ затѣмъ его приглашаютъ сдѣлаться участникомъ въ заговорѣ.

Салтыковъ горько упрекаетъ себя, что измѣнилъ отчизнѣ ради Дмитрія; но не хочетъ быть вторично измѣнникомъ и невольно держится прежней партіи. Бѣда уже стряслась надъ головами: по крайней мѣрѣ, нужно отвратить ее хоть сколько-нибудь, нужно ослабить власть поляковъ. За свою попытку Салтыковъ платится жизнью, но считаетъ смерть заслуженною карою и, умирая, самъ сознаётся въ этомъ Дмитрію.

Казимиръ, братъ молодой польки Лодойской, тайно и безнадежно любившей Дмитрія въ дому Сендомирскаго воеводы, сопровождалъ лжецаревича во всѣхъ походахъ и, по просьбѣ своей сестры, не одинъ разъ мужественно защищалъ его. Въ минуту величайшей опасности, когда всѣ приверженцы оставили Дмитрія, Казимиръ остался ему вѣрнымъ и сложилъ за него голову.

Заговоръ обнаруживается. Дмитрій у царицы Марѳы; мятежники врываются въ ея покои. На мгновеніе величавый видъ и смѣлость Дмитрія производятъ впечатлѣніе на заговорщиковъ. Онъ едва не обезоруживаетъ ихъ обѣщаніемъ— предать имъ въ жертву поляковъ. Но вотъ появляется Шуйскій во главѣ новой разъяренной толпы. Они настоятельно требуютъ отъ царицы крестной присяги, что Дмитрій ея сынъ. Царица не въ силахъ клятвопреступно измѣнить своей совѣсти: молча отворачивается она отъ Дмитрія и хочетъ выйти.— «Она молчитъ! — вскрикиваетъ шумная толпа.— Она отрекается отъ него! Умри же, обманщикъ!» И заколотый Дмитрій падаетъ къ ногамъ Марѳы.

---

*) У Шиллера *Шинскій* (Schinsky).

Прим. переводчика.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

Драматическая поэма

Ф. Шиллера.

Отрывки, пропущенные въ переводѣ В. А. Жуковскаго.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Седьмой выходъ.

Король. Въ благословенный край съ тобой мы ѣдемъ:
Тамъ небо вѣкъ съ безоблачной улыбкой,
И вѣтерокъ тамъ вѣетъ такъ легко,
И нравы кротки, и звучитъ повсюду,
Во славу жизни и любови, пѣсня.

Восьмой выходъ.

Агнеса. Побѣда! О, какъ слово это иногда
Звучитъ божественно и музыкально!..

Девятый выходъ.

Агнеса. Какъ? Дѣвица
Свершила это чудо?

Десятый выходъ.

Дюнуа. Нѣтъ, не словамъ — ея глазамъ я вѣрю
И чистотѣ дѣвической ея.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Второй выходъ.

Королева. И хорошо! скорѣй запечатлѣйте
Союзъ вашъ крѣпкимъ, братскимъ поцѣлуемъ —
И на вѣтеръ всѣ гнѣвныя слова.

(Герцогъ и Тальботъ обнимаются).

Тальботъ. Намъ, королева, нечего бояться
И чорта, если васъ не будетъ близко.

Королева. Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній!
Ліонель. Да! — сынъ какой для матери судья!
Королева. Онъ мать свою на ссылку осудилъ.
Тальботъ. Согласно, впрочемъ, съ общимъ приговоромъ.
Королева. Мнѣ, мать его простить?..
Герцогъ. И правда — похвалиться вы должны,
Что мнѣнья свѣта встрѣтили безстрашно.
Королева. Во мнѣ есть страсти, кровь во мнѣ кипитъ,
Какъ и въ другой! Я вашей королевы
Вѣнецъ надѣла для того, чтобъ жить,
А не сіять безжизненной звѣздою:
Ужели мнѣ отъ радостей житейскихъ
Велите отказаться — потому,
Что волей рока годы молодые
Я принесла безумному на жертву?
Свобода мнѣ дороже самой жизни!
А кто меня стѣсняетъ?.. Впрочемъ, полно
Мнѣ съ вами спорить о моихъ правахъ!
У васъ съ пеленъ въ крови застой и порча:
Вамъ не понять всей силы наслажденья.
Вотъ бѣшенство — оно для васъ понятно!
И этотъ бѣдный герцогъ всю-то жизнь
Промаялся между добромъ и худомъ:
Не можетъ онъ сердечно ненавидѣть,
Да и любить не можетъ. Я — въ Мелунъ!
(Указывая на Ліонеля)
Подайте мнѣ вотъ этого, чтобъ было
Мнѣ съ кѣмъ спастися отъ мертвящей скуки;
А тамъ уже какъ знаете: пожалуй,
И слушать я не стану про бургундцевъ
И англичанъ.
(Киваетъ головой своему пажу и хочетъ выйти).
Ліонель. Позвольте — мы въ Мелунъ
Доставимъ цвѣтъ французской молодежи,
Весь цвѣтъ, что̀ будетъ сорванъ въ ратномъ полѣ.
Королева *(останавливаясь).* Вы годны лишь владѣть мечомъ; одинъ
Французъ умѣетъ нѣжно говорить.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Второй выходъ.

Король *(прерываетъ рѣчь Шантильона).* Не будь мнѣ части въ царствіи небесномъ,

Коль ложно я ударилъ по рукамъ!
Чего же герцогъ требуетъ еще?

Третій выходъ.

Герцогъ. Мы, государь, издревле торговцы!
Все, что цвѣтетъ, красуется подъ солнцемъ,
Все на показъ на нашемъ рынкѣ въ Брюгге.
А красота — товаръ у насъ отборный.
Агнеса. Цѣннѣе есть: хоть женская бы вѣрность;
Да жаль, нельзя ее купить на рынкѣ!
Герцогъ *(вплетая ей въ волосы алмазную розу).*
Жаль, что теперь въ рукахъ моихъ цвѣточекъ,
А не вѣнецъ французской королевы:
Какъ возложилъ бы я его любовно
На эту несравненную головку...
(Значительно пожимаетъ руку Агнесы).
И ежели понадобится другъ,
Вы на меня разсчитывайте смѣло.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Девятый выходъ.

(Опущенная одна строка въ концѣ девятаго выхода:)
Съ безумными рѣчей не стоитъ тратить.

Одиннадцатый выходъ.

Солдатъ. О, горе!
Что вижу я! — нашъ вождь стѣсненъ отвсюду.
Королева *(замахиваясь кинжаломъ на Іоанну).*
Умри, несчастная!
Солдатъ *(торопливо).* Освободили...
Фастальфъ на нихъ съ затылку налетѣлъ:
Онъ мнетъ враговъ, онъ врѣзался въ ихъ гущу...
Королева *(прячетъ кинжалъ).* Есть ангелы-хранители!

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Л. ЖЕМЧУЖНИКОВА *).

Быть-можетъ, нѣкогда предъ свѣтомъ
Страница эта промелькнетъ:
Онъ не почтитъ ее привѣтомъ,
И имя скромное поэта
Онъ невнимательно прочтетъ.

И, можетъ-быть, и ты порою
Заглянешь также въ свой альбомъ,
И мой листокъ, передъ тобою
Мелькнувъ знакомою рукою,
Тебѣ напомнитъ о быломъ.

Перенесясь мечтой крылатой,
Ты вспомнишь радости, утраты...
Того, чей стихъ ихъ воскресилъ...
...И скажетъ свѣтъ: «Онъ былъ когда-то!»
Ты скажешь: «Онъ меня любилъ!»

30 сентября 1840 г.

---

*) Александръ Лукичъ Жемчужниковъ—товарищъ Мея по Царскосельскому лицею. Стихотвореніе получено отъ сенатора Александра Алексѣевича Хвостова.

ПРИМѢЧАНІЯ АВТОРА.

1. *Къ драмѣ „Царская невѣста“.* «Скучая вдовствомъ... царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный уже искалъ себѣ третьей супруги. Впаденіе ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновала, царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ, долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Мароу Васильевну Собакину, дочь купца новгородскаго, въ то же время избравъ невѣсту и для старшаго царевича Евдокію Богдановну Сабурову... Но царская невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть; сказали, что она испорчена злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейнаго благополучія. Разыскивали, вѣроятно, страхомъ и лестію домогались истины или клеветы... Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ; знаемъ — кто и какъ погибъ въ сію «пятую» эпоху убійствъ. Открылись казни иного рода: злобный клеветникъ, докторъ Елисѣй Бомелій предложилъ царю истреблять лиходѣевъ ядомъ и составлялъ, какъ увѣряютъ, губительное зелье съ такимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назначаемую минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ, Григорія Грязного. Между тѣмъ царь женился 20 октября (1572 г.) на больной Марѳѣ... черезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами; Марѳа 13 ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы, или только несчастною виновницею казни безвинныхъ».

Вотъ лѣтописныя указанія, собранныя Карамзинымъ о третьемъ бракѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго: они послужили историческою канвою для моей драмы. Завязка, развязка и весь ходъ драмы, разумѣется, — вымыселъ; но вымыселъ, основанный на «могло быть», и выведенныя въ драмѣ лица по возможности исторически-вѣрны. Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ.

Семейный бытъ нашихъ предковъ, несмотря на усиленные труды любителей старины, все еще не вполнѣ разгаданный вопросъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ одни голые факты, одни описанія мѣстничества бояръ, царскихъ опалъ, царскихъ пиршествъ и т. п., и очень мало о внутренней жизни народа. Иностранцы, очевидцы былинъ Святой Руси, говорятъ иногда о нравахъ и обычаяхъ «полудикихъ москвитянъ»; но сообщаемыя ими свѣдѣнія — вполовину грубыя выдумки, вполовину указанія на то, что̀ выдалось бы угломъ въ собственномъ ихъ семейномъ и гражданскомъ быту, да и эти указанія для насъ весьма незначительны. Остается возсоздать былую жизнь по аналогіи съ нынѣшней жизнью народа, остается еще изустная, переходящая изъ рода въ родъ лѣтопись: пословицы и пѣсни.

Въ пословицахъ, этой обиходной философіи нашихъ предковъ, отпечатлѣлся глубокій, затѣйливый русскій умъ, въ пѣсняхъ вылилось горячее русское сердце, и въ особенности — сердце женщины. Мертвая, едва замѣтная въ лѣтописи русская женщина является въ пѣснѣ живою, повсемѣстною двигательницею страсти. Здѣсь она — то лютая свекровь, которая «ходя похваляется: хорошо учить чужихъ дѣтей, нерóженыхъ, нехóженыхъ, невóспоенныхъ, невóскормленныхъ», то печальная невѣстка, «думающая крѣпкую думу о томъ, какъ вчера ея милъ-сердечный другъ загадалъ недогадливую загадку, повѣдалъ ей про свою затѣю — застрѣлить ея пéлюба въ зеленóмъ саду: не тужитъ она о постыломъ, о постыломъ своемъ мужѣ, а тужитъ о любимыхъ, о любимыхъ своихъ дѣтяхъ»; то «душа красная дѣвица, отъ которой огнемъ горитъ ретивое сердце молодецкое», то — разгульная жена, которой «стряпня — рукава стряхня», которой «доспѣхъ — всѣмъ на смѣхъ». Такова-то въ пѣснѣ русская женщина, а «изъ пѣсни слова не выкинешь».

Въ моей драмѣ два главныя женскія лица: Мароа и Любаша.

О Мароѣ говоритъ самъ Іоаннъ: «Благословленный митрополитомъ Кирилломъ, я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ избралъ; но зависть, вражда губили Мароу, только именемъ царицу: еще въ невѣстахъ лишилась она здравія и черезъ двѣ недѣли супружества преставилась дѣвою».

Мароа — одинъ пѣсенный типъ: робкая, застѣнчивая дѣвушка, покорная волѣ отчей, покорная своему жеребью. Безотчетно, безъ бѣшеныхъ порывовъ страсти, полюбила она; безотвѣтно, безъ порывовъ отчаянія, склонила побѣдную голову подъ яремъ горя. Подъ кикою жены она могла позволить себѣ однѣ слезы, одни тихіе упреки:

«И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту своему доносила.
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствами жить мнѣ — съ совѣтомъ».

У нея недостало силъ наложить на себя руки при разставаньи съ милымъ, но недостало бы также и силъ — пережить этой разлуки:

«Я втѣпоры милà друга забуду,
Когда засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками!»

Она и безъ зелья истаяла бы, «какъ свѣча воску ярова».

«Не жилица я на бѣломъ свѣту
Безъ тебя, моя надеженька!»

Поэтому-то и сумасшествіе ея — тихая мономанія, отчужденіе всего, кромѣ задушевной мысли, постоянное присутствіе друга передъ очами души.

Любаша — другой типъ, другая олицетворенная пѣсня, начинающаяся жалобами красной дѣвицы на заѣзжаго добра молодца, «что сманилъ онъ ее отъ батюшки и матушки, завезъ на чужедальнюю сторону, а завезши, хочетъ кинути».

Пѣсня продолжается упреками:

«Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ ни совѣсти:

Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки...
Зазнобилъ меня сердечный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ,
Безъ краснаго солнца высушилъ,
Безъ мороза сердце вызнобилъ».

И кончается угрозами:

«Я сама дружка повысушу —
Не зельями, не кореньями,
Безъ морозу сердце вызноблю,
Безъ краснаго солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду подъ грушею,
Я сама сяду — послушаю:
Не стонетъ ли мать сыра-земля,
Не вскрывается ль гробова доска,
Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
Зарасти, моя могилушка,
Ты травушкой-муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ — полюбовницѣ!»

Вотъ два пѣсенные первообраза, по которымъ мнѣ хотѣлось создать Мароу и Любашу. О Любашѣ нужно еще замѣтить, что она была воспитанницей Александровской слободы, одной изъ обитательницъ слободскихъ гинекеевъ, и потому не могла быть разборчивой на средства къ достиженію своей цѣли: голосъ страсти легко долженъ былъ заглушить въ ней чувство стыда.

Перейдемъ къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Понятно, что такой характеръ, какъ характеръ Грязного, могъ вылиться въ эту эпоху смутъ, козней и казней. Грязной не былъ однимъ изъ тѣхъ опричниковъ, которыхъ Курбскій называетъ «прегнуснодѣйными, богомерзкими кромѣшниками, тмы-тмами горшими палачей». Нѣтъ. Онъ былъ, говоря словами Курбскаго же, однимъ изъ «согласующихъ царю ласкателей и товарищей трапезы», однимъ изъ молодцовъ, жалованныхъ Іоанномъ за отвагу и преданность, однимъ изъ тѣхъ, которые могли похвалиться:

«Было, братцы, попито-поѣдено,
Въ краснѣ-хорошѣ похожено,
Съ одного плеча платья поношено».

Прихотливый, избалованный удачами, уже утомленный наслажденіями, Грязной полюбилъ Мароу всѣми силами буйной души. Препятствія только раздражали его страсть. Безъ раскаянія, безъ сожалѣнія погубилъ онъ Лыкова, земскаго — врага по сердцу и по долгу; не пощадилъ прежней полюбовницы, но не пощадилъ и себя... Безумная страсть и дикая сила воли вели его до конца, и онъ выкупилъ свой проступокъ страшными муками тѣла и души!.. Смерть Висковатаго, Шибанова, Митькова и сотни другихъ, свидѣтельствуя объ упорныхъ нравахъ нашихъ предковъ, подтверждаетъ возможность существованія «вымышленнаго Грязного».

О Лыковѣ не стоило бы упоминать, если бы вводъ его въ драму не былъ анахронизмомъ. Курбскій, разсказывая о казни Михаила Матвѣевича Лыкова, нарвскаго воеводы, говоритъ, что царь убилъ съ нимъ «ближняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, въ самомъ наусію, иже посланъ

былъ на науку во Ерманію и тамъ навыкъ добрѣ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ, учась, и объѣздилъ всю землю Нѣмецкую и возвратился былъ къ намъ въ отечество...» Но Лыковы казнены за годъ до смерти Мароы. Еще одно замѣчаніе. Въ первомъ дѣйствіи Лыковъ защищаетъ нѣмцевъ и хвалитъ ихъ жизнь; эти похвалы относятся собственно къ внутреннему устройству Германіи и семейному быту германцевъ, а тишины и спокойствія въ эти года не могло быть въ Германіи.

Лицо Бомелія, извѣстное исторически, представляетъ много затрудненій относительно языка: я предпочелъ ломаныя фразы искаженному выговору. Эта роль вся въ рукахъ актера.

Прочія лица драмы незначительны, но, кажется, очерчены вѣрно.

Вотъ краткая отповѣдь на нѣкоторые вопросы, могущіе возродиться при чтеніи моей драмы. Повторяю: основное ея слово — «могло быть».

2. *Къ драмѣ „Сервилія“.* [1]) Историческое содержаніе моей драмы требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ о стоицизмѣ вообще и объ укорененіи его въ Римѣ.

Въ древнихъ Аѳинахъ галлерея, открытая сверху и украшенная картинами, называлась *стоа.* Философъ Зенонъ обратилъ такую галлерею въ свою аудиторію, и основанная имъ *) философская школа получила названіе *стоической.* Современникъ Эпикура, вскормленный идеями послѣдователей Сократа, циниковъ и академиковъ, Зенонъ противопоставилъ скептицизму ученіе, опирающееся на нравственныхъ основаніяхъ **). Не распространяясь объ ученіи Зенона, скажемъ, что наука служила ему путемъ для достиженія мудрости; мудрость заключалась въ познаніи божества и людей, а примѣненная къ жизни, порождала добродѣтель. Добродѣтель, по понятіямъ Зенона, есть истая гармонія человѣка съ самимъ собою; она достигается владычествомъ надъ страстями, предполагаетъ въ человѣкѣ высшее внутреннее спокойствіе и изящество въ наслажденіяхъ; она не дѣлаетъ мудреца безчувственнымъ, но облекаетъ его несокрушимой броней и даетъ духу полную власть надъ тѣломъ, допускающую даже лишеніе себя жизни. Самопожертвованіе, или самолишеніе, Зенонъ считаетъ главною добродѣтелью, а порокомъ признаётъ такія человѣческія дѣйствія, которыя противорѣчатъ природѣ дѣйствующаго лица. Зенонъ и его ученикъ, Клеанѳъ Ассосскій, сами лишили себя жизни въ глубокой старости. Клеанѳъ подраздѣлилъ стоическую философію на діалектику, риторику, этику, политику, физику и теологію. Послѣдователь Клеанѳа, Хризиппъ Солійскій ***), приводитъ въ своей физикѣ явные доводы того, что вліяніе судьбы, или необходимыхъ соотношеній между предметами, не можетъ стѣснять ни божественнаго промысла, ни человѣческой воли въ ея разумныхъ проявленіяхъ. Сочиненія Хризиппа образовали римскихъ философовъ, между которыми Сенека, Эпиктетъ и Маркъ-Аврелій Антонинъ, кесарь-философъ, сдѣлались поборниками стоицизма. Римскіе философы обработали преимущественно практическую сторону стоицизма, а нравственную его силу старались развить назидательными сочиненіями; но сочиненія ихъ блестятъ заимствованнымъ свѣтомъ — вѣроятнымъ плодомъ тайныхъ сношеній стоиковъ съ христіанами.

Римскій стоицизмъ, или, правильнѣе, неостоицизмъ, возникшій еще до Катона, получаетъ полное развитіе въ первые годы правленія Нерона. Представителями стоицизма при кесарѣ являются Сенека и Бурръ. Побѣ-

---

*) За 300 лѣтъ до Р. Х.

**) *Нравственныя основанія* приняты здѣсь въ смыслѣ относительномъ: языческая мудрость—все-таки мудрость человѣческая и исчезаетъ предъ глаголами евангельскихъ истинъ.

***) Умершій въ 212 году до Р. Х.

дивъ своимъ вліяніемъ на Нерона вліяніе Агриппины, Сенека и Бурръ, послѣ ея смерти, управляли дѣлами Рима; но владычество ихъ было непродолжительно: оно кончилось со смертью Бурра, бывшаго префектомъ преторіи. Преемникъ его, Софоній Тигеллинъ, пріобрѣтаетъ полную довѣренность Нерона, и съ этой минуты начинается борьба философовъ съ временщикомъ и его клевретами. Обстоятельства ея извѣстны: одни за другими слѣдуютъ изгнаніе и смерть Рубеллія Плавта, смерть его жены и тестя, смерть самого Сенеки и племянника его, поэта Лукана. Философы и стоики: Корнутъ, Персій, Аполлоній и Музоній Руфъ изгоняются изъ Рима. Вмѣстѣ съ ними и тогда же (въ 67 году по Р. Х.) изгоняются римскій юрисконсультъ Кассій и родственникъ его Силанъ, оба — опоры стоической школы.

Въ это время, при консулахъ Каѣ Светоніи и Луціи Телезинѣ, выступаютъ неостоики: Тразеа Петъ и Соранъ Бареа.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ разсказа Тацита *).

XXI. «По умерщвленіи столькихъ именитыхъ мужей, Неронъ вознамѣрился напослѣдокъ истребить самую добродѣтель въ лицѣ Тразеи Пета и Бареи Сорана, которые оба ему были ненавистны съ давнихъ поръ, а Тразеа по особеннымъ причинамъ, за то, что вышелъ изъ куріи, когда сенатъ разсуждалъ объ убіеніи Агриппины, о чемъ я уже упоминалъ, за то, что неохотно принималъ участіе въ ювенальскихъ играхъ — обида тѣмъ болѣе чувствительная, что въ своемъ родномъ городѣ Патавіи **) на учрежденныхъ троянцемъ Антедоромъ играхъ въ честь, Тразеа пѣлъ въ трагедіи. При этомъ, въ тотъ день, когда осуждали на смерть претора Антистія за сочиненныя на Нерона сатиры, Тразеа высказалъ болѣе снисходительное мнѣніе, одержавшее верхъ; а когда присуждали божескія почести Поппеѣ, самовольно отлучился изъ сената и не былъ на похоронахъ. Эти поступки не предавались забвенію стараніями Капитона Коссуніана ***), человѣка съ душою, склонною къ низости, и недруга Тразеи за то, что Тразеа помогалъ своимъ авторитетомъ киликійскимъ легатамъ ****), ходатайствовавшимъ о взысканіи съ Капитона за его лихоимство».

Капитонъ поддерживалъ подозрѣнія Нерона постоянными упреками Тразеѣ въ непринесеніи торжественной присяги и жертвъ, въ нерадѣніи о благополучіи кесаря и т. д. По словамъ Капитона, Тразеа и его приверженцы-подражатели составляли партію, которая грозила открытою войною. «Жадный до раздоровъ городъ говоритъ о тебѣ, Неронъ, и о Тразеѣ, какъ о Ю. Кесарѣ и о М. Катонѣ... Провинціи и войско читаютъ дневники римскаго народа единственно для того, чтобъ убѣдиться изъ нихъ въ молчаніи и бездѣйствіи Тразеи... Впрочемъ, не пиши ни слова противъ Тразеи: пусть сенатъ разсудитъ между нимъ и мною». Неронъ, одобривъ Капитона, далъ ему въ помощники Марцелла, оратора, замѣчательнаго силою краснорѣчія.

Между тѣмъ Соранъ, по окончаніи азійскаго проконсульства, былъ обвиненъ римскимъ всадникомъ Сабиномъ Осторіемъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Рубелліемъ Плавтомъ и въ намѣреніи снискать любовь провинціи для исполненія честолюбивыхъ замысловъ. Въ это время Римъ ожидалъ прибытія Тиридата, который долженъ былъ получить изъ рукъ Нерона армянскій вѣнецъ. Тразеѣ было запрещено появляться въ публикѣ. Тразеа написалъ Нерону письмо, въ которомъ удостовѣрилъ, что, если ему объявятъ его вину, онъ представитъ полное оправданіе. Противъ ожиданія, Неронъ не нашелъ въ этомъ письмѣ никакихъ льстивыхъ выраженій и повелѣлъ сенату собраться для сужденія Тразеи и Сорана.

---

*) См. Тацита Лѣтописи, кн. XIV, гл. XXI и послѣдующія.
**) Въ Падуѣ.
***) Тигеллиновъ зять.
****) Выборнымъ посламъ.

Тразеа собралъ друзей. Одни совѣтовали ему оправдываться; другіе старались доказать, что всякое оправданіе навлечетъ только преслѣдованіе на супругу и дѣтей Тразеи. Молодой трибунъ Рустикъ Аруленъ просилъ дозволенія воспротивиться сенатскому рѣшенію властью, присвоенною его званію, но Тразеа удержалъ этотъ порывъ благоразумнымъ совѣтомъ.

Тацитъ продолжаетъ такъ:

«На другой день, на разсвѣтѣ, двѣ когорты преторіанцевъ обложили храмъ Венеры-родотворной; толпа гражданъ тѣснилась у входа; по форумамъ и базиликамъ были разставлены отряды воиновъ; сенаторы вошли въ курію посреди этого скопища, не щадившаго угрозъ. Рѣчь кесаря была прочтена его квесторомъ. Не называя никого, Неронъ укорялъ сенаторовъ въ томъ, что они уклоняются отъ исполненія общественныхъ обязанностей и своимъ примѣромъ поощряютъ бездѣйствіе римскихъ всадниковъ. Неудивительно, что одни не являются къ должности изъ отдаленныхъ провинцій, когда другіе, получившіе консульство и жреческое достоинство, избрали исключительнымъ своимъ занятіемъ украшеніе садовъ. Эта стрѣла была поймана обвинителями на-лету.

«Капитонъ и Марцеллъ осыпали упреками отсутствовавшаго Тразею. Марцеллъ вопіялъ, между прочимъ, что сенаторамъ стыдно оставлять безъ преслѣдованія законовъ Тразею, Гельвидія Приска, раздѣлявшаго вражду своего тестя, Паконія Агриппина, наслѣдника отеческой ненависти къ Нерону, и Курція Монтана, автора безстыдныхъ пѣсенъ.

«Рѣчь Марцелла, всегда свирѣпаго и грознаго, а тогда пламенѣвшаго гнѣвомъ, устрашила сенаторовъ, хотя и убѣжденныхъ въ невинности обвиненныхъ».

Выписываемъ далѣе изъ Тацита:

XXX. «Между тѣмъ входитъ Осторій Сабинъ, обвинитель Сорана, и укоряетъ его въ сношеніяхъ съ Рубелліемъ Плавтомъ и въ стремленіи, во время азійскаго проконсульства, въ ущербъ Риму снискать народную любовь возмущеніемъ азійскихъ племенъ. Къ этимъ стариннымъ упрекамъ Осторій присоединилъ еще новый: онъ обвинилъ дочь Сорана въ раздачѣ денегъ волшебникамъ. И дѣйствительно, дочерняя привязанность породила это заблужденіе; Сервилія (такъ называлась молодая женщина), по любви своей къ отцу и по молодости лѣтъ, обращалась за совѣтами къ магамъ; но она хотѣла узнать единственно о томъ, — какая участь ждетъ ея семейство, умилостивится ли Неронъ, и не будетъ ли процессъ ея отца имѣть гибельныхъ послѣдствій?

«Итакъ, Сервилія явилась въ сенатъ. Передъ трибуналъ консуловъ предстали, съ одной стороны, престарѣлый отецъ, съ другой—дочь, едва достигшая двадцатилѣтняго возраста и уже осужденная на вдовство и одиночество недавнимъ изгнаніемъ ея супруга, Полліона. Сервилія не осмѣливалась взглянуть на своего отца, почитая себя виновною въ усиленіи грозившей ему опасности».

XXXI. «Когда обвинитель спросилъ ее: не продавала ли она своего ожерелья и свадебныхъ подарковъ съ цѣлью употребить деньги на волхвованіе, Сервилія сначала простерлась ницъ, долго молчала и плакала; наконецъ, обнимая алтари, сказала: «Я не призывала подземныхъ боговъ»... и т. д.

Рѣчь ея и отвѣтъ Сорана сохранены, съ нѣкоторыми отступленіями, въ моей драмѣ. Чтобъ не повторять, продолжимъ повѣствованіе Тацита:

«Приступили къ слушанію свидѣтелей, и къ чувствамъ состраданія, возбужденнымъ жестокостью обвиненія, присоединились омерзѣніе и ужасъ, вызванные показаніемъ Эгнатія. Этотъ кліентъ Сорана, продавшій своего друга, прикрывался строгостью стоической секты, придавалъ своему лицу и всей наружности тщательно изученное выраженіе благодушія, а въ глу-

бинѣ души таилъ вѣроломство, обманъ, скупость и развратъ. Деньги обнажили всѣ пороки этого презрѣннаго, который доказалъ, что не только нужно опасаться отъявленныхъ хитрецовъ и людей, заклейменныхъ безчестіемъ, но что и подъ личиною добродѣтели скрываются иногда лицемѣры, а подъ личиною дружбы — предатели».

XXXIV. «Тѣмъ не менѣе, въ этотъ же самый день, Кассій Асклепіодотъ явилъ собою примѣръ честности. Богатый и знатный вольноотпущенникъ, онъ знавалъ Сорана въ дни его славы: не покинулъ и въ несчастіи».

Описаніемъ послѣднихъ минутъ Тразеи оканчивается лѣтопись Тацита, но со смертью Тразеи не прекратилось значеніе стоицизма. При Веспасіанѣ, Гельвидій Приискъ, возвращенный изъ изгнанія, преслѣдуетъ обвинителя Тразеи, Марцелла; Музоній Руфъ преслѣдуетъ П. Эгнатія (Публій Эгнатій Целеръ).

Читатели могутъ усмотрѣть, — насколько остался я вѣренъ въ моей драмѣ разсказу Тацита, насколько измѣнилъ его.

Напримѣръ: лицо мужа Сервиліи, Полліона, замѣнено лицомъ Рустика Арулена, которому придано названіе Валерія; вмѣсто Кассія Асклепіодота, защитниками неостоиковъ являются ихъ кліенты; Тразеа выведенъ на сцену вдовцомъ; участіе Нерона въ обвинительномъ процессѣ отстранено; дальнѣйшая судьба Тразеи и Сорана оставлена въ безвѣстности.

Отвѣчать на вопросы о причинахъ такихъ измѣненій — и долго и трудно. На всякій случай ограждаюсь пресловутымъ реченіемъ: *licentia poetica.*

[2]) *Римскій форумъ* (Forum romanum). Декорація представляетъ собственно часть форума, прилегавшую къ Капитолію и священной дорогѣ. Зданія размѣщены по плану *Дезобри*, составленному по историческимъ указаніямъ и по остаткамъ знаменитаго древняго плана Рима, вырѣзаннаго на мраморѣ *). Значеніе римскаго форума извѣстно: на немъ происходили засѣданія сената и народныя собранія, рѣшались дѣла общественныя и частныя. Сенатъ собирался обыкновенно въ Юлійской куріи, народъ—въ Комиціумѣ; политическія дѣла разбирались въ базиликѣ Эмиліи, дѣла денежныя—въ базиликѣ Аргентаріи и въ храмѣ Сатурна; частные процессы разсматривались въ трибуналѣ претора, при Колоннѣ-Менніи и т. д.

[3]) *Термополіи* замѣняли у римлянъ современныя кофейни; въ нихъ преимущественно продавались подогрѣтыя вина и разные напитки **).

[4]) *Locusta*, Локуста — отравительница, содержавшаяся при началѣ правленія Нерона въ темницѣ. По случаю отравленія Британика, Неронъ освободилъ ее отъ заключенія, одарилъ и предоставилъ ей полную свободу дѣйствій. Впослѣдствіи она имѣла даже учениковъ ***). Объ ученикахъ Локусты упоминаетъ также Ювеналъ ****). Поэтому, въ первой декораціи моей драмы, имя Локусты, написанное на дверяхъ ея дома, служитъ какъ бы вывѣскою школы.

[5]) *Игральныя кости* назывались у римлянъ *tali*; числомъ ихъ было четыре; видомъ онѣ походили на употребляемыя въ наше время, съ тою разницею, что были перемѣчены очками не со всѣхъ шести сторонъ, а только съ четырехъ, именно: очкомъ, тремя, четырьмя и шестью.

Кости высыпались изъ рожка на особо устроенную доску, или на столъ. Число выпавшихъ на верхней сторонѣ очковъ и различное ихъ сочетаніе составляло 35 различныхъ *ударовъ*, названныхъ по именамъ боговъ, богинь, героевъ и т. д. Главнымъ ударомъ считался *ударъ Венеры*, состоявшій изъ четырехъ различныхъ чиселъ; самымъ неудачнымъ — *ударъ собаки*,

---

*) См. Rome au siècle d'Auguste, par Desobry, t. I.

**) См. „Помпея" Классовскаго.

***) См. Светонія въ Неронѣ, гл. 23, и Тацита Лѣт., XIII. 15.

****) Сат. I, 71.

состоявшій изъ четырехъ очковъ, по очку на каждой кости *). Игра въ кости бывала иногда очень значительна; напримѣръ, Неронъ игралъ по 400 большихъ сестерцій на очко.

6) У римлянъ были въ обращеніи монеты мѣдныя, серебряныя и золотыя. Мѣдныя монеты были: *ассъ* и его подраздѣленія—*семиассъ* (полуассъ), *тріентъ* (треть), *квадрантъ* (четверть), *секстантъ* (шестая доля) и *унцисъ* (двѣнадцатая доля асса). Четыре асса составляли мелкую серебряную монету — *сестерцію,* равную нашему пятачку. Другая серебряная монета—*квинарій*—равнялась нашему гривеннику, *динарій* — двугривенному. Золотая монета была одна и называлась *nummus aureus*, или просто *aureus* (золотой), и стоила 25 динаріевъ. Считали обыкновенно сестерціями (*sestertius*), отъ которыхъ слѣдуетъ отличать большія сестерціи (*sestertium*), воображаемую монету, заключавшую въ себѣ 1.000 обыкновенныхъ сестерцій. Другою воображаемою монетою былъ *талантъ*, стоившій около 500 рублей сер. **).

7) *Aedepol!* Это слово сокращено изъ двухъ словъ: *aede Pollucis*, и означаетъ: клянусь храмомъ Поллукса! Мужчины обыкновенно употребляли эту клятву въ минуту волненія страстей; женщины клялись Касторомъ: *Mecastor!* ***).

8) *Патроны и кліенты.* Слово патроны (*patroni*) происходитъ отъ *patres* (отцы), слово кліенты (*clientes*) — отъ *colentes* (почитающіе). Ромулъ, при учрежденіи гражданской системы Рима, предоставилъ каждому плебею выбирать себѣ защитника и покровителя изъ среды патриціевъ. Обязанности покровителей, или патроновъ, и покровительствуемыхъ, или кліентовъ, были обоюдны и заключались въ слѣдующемъ: 1) Патронъ долженъ былъ замѣнять кліентамъ отца, долженъ былъ заботиться какъ о присутствовавшихъ, такъ и объ отсутствовавшихъ кліентахъ; долженъ былъ объяснять имъ гражданскія ихъ обязанности, оказывать денежныя пособія, защищать отъ несправедливостей, словомъ: охранять ихъ во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. 2) Кліенты были обязаны хлопотать о замужествѣ дочерей своего патрона въ случаѣ его недостаточности, помогать ему собирать приданое, выкупать изъ плѣна какъ самого патрона, такъ и его дѣтей; платить за того и за другихъ въ случаѣ проигранной тяжбы и доставлять имъ деньги, необходимыя для занятія общественныхъ должностей и для другихъ общественныхъ расходовъ. Патронамъ и кліентамъ воспрещались взаимныя обвиненія и свидѣтельства передъ судомъ, возбранялась и взаимная вражда; уличенный въ одномъ изъ этихъ проступковъ считался измѣнникомъ, а по закону Ромула, всякій гражданинъ имѣлъ право убить измѣнника ****).

Эти отношенія патроновъ и кліентовъ, сохранявшіяся въ теченіе шести вѣковъ, ощутительно измѣнились при кесаряхъ. Еще при Августѣ слово «кліентъ» означало (за немногими исключеніями) бѣдняка, обязаннаго, за кусокъ насущнаго хлѣба, льстить и всячески угождать богатому патрону, не знавшему своего кліента даже и по имени. Съ утра толпясь въ атріумѣ патрона, кліенты по нѣскольку часовъ дожидались выхода своего лѣниваго покровителя и ежедневной подачки (sportula), состоявшей или изъ съѣстныхъ припасовъ, или изъ незначительной суммы. Марціалъ упоминаетъ, что въ его время любимые кліенты получали каждый день отъ своихъ патроновъ до трехъ динаріевъ *****); но бо̀льшая часть довольствовалась де-

---

*) См. Авла Геллія I. 20. Проперція II, 18. Марціала XIV, 14 и др.
**) См. Плинія XXX, 3.
***) См. Плавта.
****) См. Плутарха Ромулъ 13, Марій 5 и Діон. Галикарн. II, 10.
*****) См. Марціала III, 7. I, 26. IX, 103. X, 75.

сятью сестерціями въ мѣсяцъ. Правда, что кліентамъ не возбранялось имѣть по нѣскольку патроновъ, и что многіе изъ плебеевъ успѣвали въ одно утро обѣгать за подачками до десяти домовъ. Подобныя отношенія породили, съ одной стороны, высокомѣріе, съ другой—готовность на всякую низость и вѣроломство: кліенты продавали себя тому, кто имъ платилъ дороже, и не питали ни къ кому особенной привязанности. Но между тѣмъ самая продажность кліентовъ вынуждала патроновъ къ строгому выполненію ихъ обязанностей, и это понятно: кліенты были гражданами и имѣли голоса на выборахъ въ общественныя должности, а съ этими должностями соединялось и политическое значеніе и богатство. Рѣдкіе примѣры привязанности кліентовъ къ патронамъ составляли исключеніе изъ общаго правила, но тѣмъ не менѣе они достовѣрны. Римляне дѣлили кліентовъ, по мѣрѣ приближенности ихъ къ патронамъ, на нѣсколько разрядовъ: тѣ, которыхъ обязанность состояла единственно въ обычномъ посѣщеніи и поклонѣ, назывались *salutatores*, выходившіе съ патрономъ изъ дома именовались *anteambulones*, а сопровождавшіе его повсюду—*assectatores* и *prosecutores* *). Намъ остается замѣтить, что патроны могли быть въ то же время и кліентами. Напримѣръ: Помпей былъ кліентомъ оратора Гортензія **), Марій былъ кліентомъ Герсинія ***).

[9]) Съ большою вѣроятностью можно полагать, что полента употреблялась древними римлянами ****). *Dea Fornax* была кухонною богинею римлянъ.

[10]) *Атріумъ*. Постройка римскихъ домовъ °) и расположеніе комнатъ имѣли нѣкоторыя особенности, непонятныя для незнакомыхъ съ древнею архитектурою.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе объ устройствѣ римскихъ домовъ, приведемъ описаніе Дезобри °°).

Авторъ переноситъ насъ въ вѣкъ Августа и заставляетъ присутствовать при осмотрѣ дома Мамурры тогдашнимъ архитекторомъ-писателемъ Витрувіемъ, который показываетъ это вновь отстроенное имъ зданіе молодому галльскому путешественнику Камулогену и греческому писателю Діонисію Галикарнасскому.

«Витрувій—старикъ: изъ уваженія къ его лѣтамъ, я (Камулогенъ) и Діонисій отправились къ нему на домъ, а отъ него пустились въ путь уже втроемъ. Взобравшись на Целіусъ, мы вышли на площадку передъ домомъ Мамурры. Я поспѣшно прошелъ площадку и направился-было къ двери дома, но Витрувій остановилъ меня словами: «Не торопись, Камулогенъ: здѣсь должно начаться наше объясненіе. Ты нѣсколько разъ проходилъ эту площадку, но знаешь ли, что она составляетъ часть дома, и знаешь ли, какъ она называется? Это—сѣни (area или vestibulum),—продолжалъ Витрувій, замѣтивъ, что я молчу.—Мнѣ нѣтъ нужды объяснять тебѣ, что находящаяся посреди сѣней статуя представляетъ, по обычаю, хозяина дома. Статуя отлита изъ мѣди и изображаетъ Мамурру на конѣ, въ одѣяніи префекта работнаго отряда при кесарскомъ войскѣ. При постройкѣ большого дома, мы имѣемъ обыкновеніе оставлять между фасадомъ зданія и улицей пустое пространство, обрамляемое или портиками, или двумя сосѣдними домами. Эти сѣни придуманы для того, чтобъ кліентамъ, приходящимъ

---

*) См. Цицерона de Petit. Consul. Тацита de Orat. 13. Марціала II, 18.

**) См. Сенеку Controvers, VII, 2.

***) См. Плутарха, Марій 5. Катуллъ (46, V. 7) называетъ Цицерона всесвѣтнымъ патрономъ, „optimus omnium patronus“.

****) См. „Помпею“ Классовскаго и Rome au siècle d'Auguste, Desobry, t. I. XIV.

[9]) Дома раздѣлялись на собственно дома (domus) и на такъ называемые *острова* (insulae), дома-особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ улицами.

[00]) Rome au siècle d'Auguste. Lettre IX.

иногда къ патрону съ слишкомъ раннимъ поклономъ, не дожидаться пробужденія невольниковъ на улицѣ. Теперь войдемъ: здѣсь нечего болѣе осматривать».

«При этихъ словахъ, онъ приблизился къ двустворчатой дубовой двери, вставленной между двухъ пилястровъ, увѣнчанныхъ изящнымъ карнизомъ; половинки двери были обиты мѣдью и усажены крупными гвоздями, съ золотой насѣчкой на шляпкахъ. Витрувій позвонилъ въ колокольчикъ, употребляющійся почти во всѣхъ домахъ для призыва придверника, и мы уже переступали порогъ, какъ вдругъ передъ нами появился изъ своей келейки придверникъ (ostiarius) и, протянувъ длинный прутъ, крикнулъ: «Кто вы?» Въ то же мгновеніе помѣщенная рядомъ съ придверникомъ собака (римляне постоянно держатъ у входа въ домъ собакъ, какъ помощниковъ сторожей) залаяла такъ сильно, что нѣсколько времени мы не могли разслышать другъ друга. Придверникъ насъ узналъ, заставилъ замолчать пса, и мы вошли въ коридоръ, устланный штучнымъ помостомъ изъ бѣлаго мрамора, перемѣшаннаго съ квадратиками изъ чернаго мрамора.

«—Мы теперь въ *протирумѣ* (prothyrum),—сказалъ Витрувій.

«Въ концѣ протирума, ощутительно покатаго къ дверямъ, находится вторая дверь: она ведетъ на красивый четырехугольный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ мраморными колоннадами, образующими портики.

«—Мы называемъ этотъ дворъ *атріумомъ*,—продолжалъ Витрувій.—Слово atrium происходитъ отъ Atria, этрусскаго города, въ которомъ получила начало эта счастливая архитектоническая выдумка — примкнуть къ дому крытые портики, подъ которыми можно прогуливаться въ тѣни, а посреди двора устроить водоемъ, отъ котораго вѣетъ свѣжею прохладою. Ежели вы хотите знать поименно всѣ части атріума, я вамъ скажу, что примыкающіе къ дому портики называются *cavaedia*, невымощенное пространство, т.-е. самый дворъ называется *impluvium*, а водоемъ, находящійся въ его центрѣ—*compluvium*» *).

Поименовавъ пять видовъ атріума: тосканскій *(Toscanicum)*, четырехколонный *(tetrastyle)*, коринскій *(Corynthicum)*, бездождничный, или атріумъ съ сплошнымъ навѣсомъ *(displuviatum)* и черепаховидный *(testudinatum)*, авторъ продолжаетъ:

«Замѣтьте украшенія атріума. Колонны въ немъ изъ цѣльныхъ кусковъ бѣлаго лунскаго мрамора; помостъ, изъ того же мрамора, обрамленъ черною чертою, для отдѣленія отъ стѣнъ, которыхъ обводы выложены также мраморомъ, а верхняя часть покрыта живописью. «И очень странною,—сказалъ я Витрувію.—Сколько разъ останавливался я передъ этими рисунками, а все-таки не понимаю значенія этихъ фигуръ людей и животныхъ, оканчивающихся причудливыми орнаментами. Напримѣръ: что̀ означаютъ эти бюсты женщинъ съ хвостами дельфиновъ, эти листья, свивающіеся въ

---

*) Классовскій высказалъ болѣе вѣроятное мнѣніе, что слово *дождникъ* (compluvium) должно было означать отверстіе, оставляемое въ потолкѣ атріума, для пропуска дневного свѣта и дождевой воды, стекавшей въ impluvium, водоскопильникъ. По крайней мѣрѣ этимъ мнѣніемъ объясняется хозяйственное значеніе дождника: онъ служилъ для освѣщенія римскихъ комнатъ, не имѣвшихъ оконъ на улицу, потому что римляне до конца перваго вѣка не знали употребленія оконныхъ стеколъ, и свѣтъ проникалъ въ ихъ комнаты сквозь окна, закрываемыя на ночь ставнями, или сквозь окошечки, прорѣзываемыя въ дверяхъ. Для сохраненія въ комнатахъ тепла и для защищенія ихъ отъ дождя, необходимо было обратить окна на внутренній дворъ, крытый навѣсомъ, или на *атріумъ*. Недостаткомъ дневного свѣта въ римскихъ домахъ порождены, по словамъ Классовскаго, многія условія домашней жизни древнихъ, какъ-то: ихъ ночныя занятія всѣмъ, что̀ не могло совершаться на форумѣ; напримѣръ, чтенія, пиршества, дружескія собранія; б) отсутствіе зданій для помѣщенія школъ, кабинетовъ чтенія, присутственныхъ мѣстъ и т. п., несообразное съ тѣмъ, что̀ мы положительно знаемъ о большомъ числѣ въ древности тяжебъ, риторовъ, софистовъ и преподавателей наукъ, о числѣ, предполагающемъ цѣлыя сотни слушателе

раковины, эти цвѣты, изъ чашечки которыхъ выходитъ передняя часть льва? Воображеніе живописца, расписавшаго эти портики, слишкомъ ужъ вычурно...»—«Скажи лучше, сумасбродно,—возразилъ нашъ проводникъ.—Прежде живописцы старались примѣнять свои рисунки къ роду, положенію и назначенію комнатъ, но теперь все перемѣнилось, и Мамурра, какъ и всякій другой, уступилъ общему вліянію дурного вкуса».

Посѣтители разсматриваютъ въ атріумѣ разныя мѣдныя и мраморныя статуи — произведенія иностранныхъ художниковъ. Витрувій указываетъ имъ на льняное пурпуровое покрывало, натянутое надъ атріумомъ. «Оно поддерживаетъ такую свѣжесть, — говоритъ онъ: — что въ атріумѣ можетъ расти мохъ». Глубину атріума занимаютъ три комнаты: пріемная (tablinum) и крылья (alae). Въ первой хранятся семейные архивы, во вторыхъ — семейные портреты, т.-е. восковыя фигуры, каждая въ отдѣльномъ шкапу; надписи на шкапахъ означаютъ титулъ, заслуженныя почести и подвиги изображеннаго лица.

«—Начнемъ по порядку,—сказалъ Витрувій.—Не выходя изъ атріума, осмотримъ окружающія его комнаты. Начнемъ со столовыхъ (triclinia).—Онъ отворилъ нѣсколько дверей, однѣ за другими, а мы послѣдовали за нимъ.

«Столовыя блещутъ роскошью утвари и всѣми затѣйливыми выдумками утонченнаго римскаго вкуса. Онѣ размѣщены сообразно временамъ года: зимнія обращены на западъ, весеннія и осеннія на востокъ, лѣтнія на сѣверъ... украшены колоннами и вымощены или мраморными плитами, или мозаикою.

«По бокамъ атріума находятся съ лѣвой стороны кухни, сараи и конюшни (carceres, equilia), съ правой—пекарня и помѣщеніе для рабовъ.

«Мы снова вошли въ атріумъ.

«—Все, что вы видѣли до сихъ поръ,—сказалъ намъ Витрувій:—составляетъ переднюю половину дома, половину публичную, въ которую могутъ проникать кліенты. Теперь мы осмотримъ *хозяйскую* половину, въ которую никто не можетъ войти безъ приглашенія. Пройдемъ этими коридорами (fauces), проведенными съ обѣихъ сторонъ пріемной. Мы въ перистилѣ.

«Этотъ портикъ, болѣе длинный, чѣмъ короткій, и поддерживаемый колоннами, напоминаетъ своей формою атріумъ, но убранъ гораздо роскошнѣе: передъ каждою колонною возвышается статуя; между колоннъ вырыты канавки (plutei); онѣ обложены мраморомъ, наполнены землею и замѣняютъ цвѣточныя грядки. Посреди перистиля находится цвѣтникъ (xystus) и мраморный фонтанъ».

Витрувій направляется къ западной оконечности перистиля и вводитъ посѣтителей въ разныя залы, украшенныя колоннами.—«Вотъ женское отдѣленіе,—сказалъ онъ.—Эти залы называются *oeci* и служатъ женщинамъ рукодѣльнями» *).

За рукодѣльнями слѣдуетъ библіотека; она обращена на востокъ, потому что въ ней занимаются обыкновенно утромъ.

На западной оконечности перистиля Витрувій показываетъ *экзедру*—большую галлерею, украшенную живописью и служащую для пріема ученыхъ людей, ораторовъ и поэтовъ. Въ экзедру входятъ чрезъ *базилику*, ничѣмъ не отличающуюся отъ базиликъ общественныхъ. Изъ экзедры посѣтители переходятъ въ бани и въ игорныя залы. Зала для игры въ мячъ называется *spheristerium*, а залы для болѣе мирныхъ игоръ — *aleatoria*. Возвратясь снова въ перистиль, посѣтители осматриваютъ расположенныя вокругъ него *спальни (cubicula)* и *божницу (sacrarium)*.

«— Намъ остается осмотрѣть верхніе этажи дома *(coenacula)*,—сказалъ Витрувій:—но въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Полюбуемся лучше об-

*) Классовскій считаетъ *oeci* будуарами.

щимъ видомъ дома. Пойдемте на *solarium*. Вы, безъ сомнѣнія, знаете,— продолжалъ онъ:—что такъ называется терраса, возвышающаяся надъ главнымъ корпусомъ зданія и служащая мѣстомъ прогулки. На solarium всходятъ иногда погрѣться весенними или осенними лучами солнца...

«Общій видъ дома привелъ Діонисія и меня въ истинное изумленіе: Витрувію пришлось поименовывать отдѣльно каждую часть зданія, для доказательства, что передъ нашими глазами находится одинъ домъ, а не семь или восемь».

Сойдя съ террасы, посѣтители выходятъ изъ дома тайнымъ ходомъ *(posticum)* въ заднюю дверь *(pseudothyrum)*; но при выходѣ Витрувій обращаетъ ихъ вниманіе на особый портикъ, примыкающій къ картинной галлереѣ *(pinacotheca)*.

Греческія названія комнатъ указываютъ на происхожденіе римской архитектуры отъ греческой.

Верхніе этажи занимались или бѣдными жильцами, или невольниками. Вотъ почему въ моей драмѣ сказано:

«Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождникомъ».

11) О колокольчикахъ см. Плинія XXXVI, 19.

12) *Мессалина Статилія* *), третья супруга Нерона. Она была внукою Статилія Тавра, одного изъ консуловъ при Августѣ; вышла замужъ за Нерона послѣ четвертаго своего супруга, консула Вестина; по смерти Нерона намѣревалась сочетаться бракомъ съ кесаремъ Оттономъ, и только преждевременная кончина кесаря помѣшала исполненію этого намѣренія. Красавица и образованнѣйшая женщина своего времени, Статилія занималась риторикой и философіей и написала нѣсколько сочиненій, не дошедшихъ до насъ.

13) *Софоній Тигеллинъ*, родомъ изъ Агригента, былъ изгнанъ изъ Рима при Калигулѣ, за преступную связь съ Агриппиной. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ изгнаніи, проживая въ калабрскомъ городѣ Сквиллаціумѣ и занимаясь рыбною ловлей. Неожиданно доставшееся наслѣдство дало ему возможность пріобрѣсти въ Калабріи пажити, на которыхъ онъ воспитывалъ отличную породу бѣгуновъ для цирка. Это занятіе сблизило Тигеллина съ Нерономъ. Впослѣдствіи Тигеллинъ сдѣлался префектомъ преторіи и всевластнымъ человѣкомъ. Тацитъ (см. Истор. кн. I, гл. 72) говоритъ о Тигеллинѣ такимъ образомъ: «Софоній Тигеллинъ, низкаго происхожденія, развращенный съ малолѣтства, безстыдный въ старости, достигъ своими пороками (а тогда пороки были ближайшимъ путемъ къ достиженію чего-нибудь) префектуры городской стражи, префектуры преторіи и всѣхъ почестей, вознаграждающихъ добродѣтель. Потомъ, прославившись другими, болѣе зрѣлыми преступленіями, жестокостями и грабежами, онъ увлекъ во всѣ эти злодѣянія Нерона, совершалъ ихъ даже безъ вѣдома кесаря и кончилъ тѣмъ, что оставилъ его и предалъ. Поэтому римляне никогда еще не требовали съ такимъ ожесточеніемъ ничьей смерти, какъ смерти Тигеллина; въ этомъ требованіи соединились и тѣ, которые ненавидѣли Нерона, и тѣ, которые о немъ сожалѣли. При Гальбѣ Виній поддерживалъ Тигеллина своею властью, подъ тѣмъ предлогомъ, что Тигеллинъ спасъ жизнь его дочери. И въ самомъ дѣлѣ Тигеллинъ ее спасъ, но не изъ милосердія, а по расчету».

14) *Базиликами* назывались общественныя зданія, въ которыхъ производились и рѣшались общественныя дѣла.

15) *Панаѳинеи*. Римляне, заимствовавшіе свою религію отъ грековъ, есте-

---

*) См. Тацита Лѣт. кн. XV, LXVIII.

ственно заимствовали вмѣстѣ съ нею религіозные обряды и процессіи. Къ послѣднимъ относится шествіе *канефоровъ*, происходившее во время празднества *Панаѳиней*. Панаѳинеи учреждены были греками съ незапамятныхъ временъ, въ честь побѣды Минервы надъ титанами. Тезей установилъ ежегодное ихъ празднованіе въ память соединенія всѣхъ аттическихъ племенъ, отчего и происходитъ греческое названіе празднества. Панаѳинеи праздновались въ первый мѣсяцъ послѣ солнцестоянія и продолжались нѣсколько дней: ристанія на колесницахъ, конныя скачки, состязанія пѣвцовъ и музыкантовъ, бѣганье съ зажженными свѣтильниками и общія трапезы ознаменовывали народное торжество.

Самое шествіе канефоровъ, то-есть *корзиноносцевъ*, приведено въ моей драмѣ; оно взято изъ описанія *Бартелеми* *).

Перенесенныя въ Римъ празднества Панаѳиней подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Классовскій замѣчаетъ, что впослѣдствіи шествіе канефоровъ внесено въ кругъ свадебныхъ римскихъ обрядовъ **). Въ корзинахъ, носимыхъ канефорами, заключались священныя орудія, священные пироги и разные жертвенные аттрибуты.

16) *Онъ льва задушитъ голыми руками.* По поводу этого стиха и послѣдующихъ, считаю нужнымъ привести нѣсколько строкъ Светонія, обрисовывающихъ личность Нерона ***).

«Неронъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, упражнялся почти во всѣхъ свободныхъ искусствахъ; но Агриппина отклонила его отъ изученія философіи, по ея мнѣнію, безполезной для будущаго кесаря, а учитель его, Сенека, возбранилъ ему чтеніе древнихъ ораторовъ, чтобы на одномъ себѣ сосредоточить удивленіе своего питомца. И такъ Неронъ обратился къ поэзіи и сочинилъ, безъ труда и безъ усилій, нѣсколько стихотвореній. Несправедливо увѣряютъ, что онъ выдавалъ чужіе стихи за свои: у меня были таблички со стихами, несомнѣнно принадлежащими Нерону и написанными его рукою. Легко было убѣдиться, что эти стихи не были ни переведены ни написаны подъ диктовку, а составляли плодъ заботливаго размышленія:—такъ много было въ нихъ поправокъ, вставокъ и помарокъ. Онъ имѣлъ также замѣчательную склонность къ живописи, и въ особенности къ ваянію.

«Алкавшій болѣе всего народныхъ рукоплесканій, Неронъ являлся соревнователемъ всякаго, кто имѣлъ какое бы то ни было вліяніе на толпу. Общее мнѣніе утверждало, что, не довольствуясь вѣнками, полученными на сценѣ театра, Неронъ намѣревался въ слѣдующее пятилѣтіе появиться на олимпійской аренѣ между атлетами. И дѣйствительно, онъ тщательно упражнялся въ борьбѣ, а на гимнастическія игры въ Греціи смотрѣлъ не иначе, какъ сидя, по обычаю судей, на пескѣ стадіума: ежели какая-нибудь пара борцовъ удалялась отъ центра арены, онъ собственными руками приводилъ ихъ снова на средину. *При этомъ, такъ какъ его называли Аполлономъ за пѣніе и Фебомъ за искусство править колесницею, онъ вознамѣрился подражать подвигамъ Геркулеса, и, говорятъ, былъ уже приготовленъ левъ, котораго Неронъ хотѣлъ убить дубиной, или задушить голыми руками на аренѣ амфитеатра, передъ глазами всего народа...*

«При концѣ своей жизни онъ далъ торжественный обѣтъ: если одолѣетъ враговъ, отпраздновать побѣду играми и въ продолженіе ихъ играть на гидравлическомъ органѣ, на флейтѣ и на волынкѣ, а въ послѣдній день игоръ сдѣлаться гистріономъ и проплясать *Turnus* Вергилія.

«Желаніе увѣковѣчить свою память обратилось у него въ плачевное помѣшательство. Такимъ образомъ онъ измѣнилъ названія многихъ предме-

*) См. Voyage d'Anacharsis, t. II, ch. XXIV.
**) См. „Помпею" Классовскаго.
***) См. Свет. Неронъ, LII, LIII, LIV и LV.

товъ и даже городовъ, чтобы придать имъ свое имя. Мѣсяцъ апрѣль онъ назвалъ мѣсяцемъ Нерона (Neroneum) и намѣревался назвать Римъ *Нероноградомъ* (Neropolis)».

[17]) *Квадрига*—четверка коней.

[18]) *Отпущенникъ.* Значеніе римскихъ отпущенниковъ превосходно развито у Шампаньи въ его сочиненіи «Кесари». Перескажемъ нѣсколько его словъ.

Римляне не были очень склонны къ дружественнымъ отношеніямъ. Друзья видались на форумѣ между двухъ рѣчей. Женщины оставались дома, съ ними обращались почтительно, болѣе какъ съ матронами, чѣмъ съ супругами: онѣ пряли шерсть и не являлись къ столу. Ученый, вѣрный и смѣтливый рабъ провожалъ своего господина на форумъ, не отходилъ отъ него дома, лежалъ у его ногъ во время пира, льстилъ ему, развеселялъ его, оказывалъ ему тысячи услугъ и заботъ, на которыя не согласились бы ни одинъ римлянинъ, ни одна римлянка. Этотъ рабъ былъ наперсникомъ, неизмѣннымъ, а иногда и безстыднымъ повѣреннымъ римскаго гражданина. Взоры его постоянно были обращены на одну цѣль—полученіе свободы. Когда же онъ прикрывался колпакомъ отпущенника, когда господинъ облекалъ его тогою, онъ, въ качествѣ свободнаго человѣка, становился еще необходимѣе, еще полезнѣе. Чѣмъ ниже онъ стоялъ въ обществѣ, чѣмъ меньше возбуждалъ зависти, чѣмъ меньше принималъ громкаго участія въ дѣлахъ, тѣмъ яснѣе понималъ онъ ихъ, тѣмъ лучшимъ становился совѣтникомъ. Отпущенникъ былъ произведеніемъ своего господина, носилъ его имя, былъ членомъ его фамиліи, увеличивалъ на форумѣ число его кліентовъ, вступалъ какъ бы въ родство съ своимъ господиномъ-благодѣтелемъ и, не выходя изъ его дома, оставался человѣкомъ, готовымъ на всѣ услуги, но не слугою, не рабомъ: отпущенникъ и господинъ, какъ свободные люди, дѣлались друзьями, и ихъ отношенія облагораживались отпущенничествомъ, всегда выражавшимъ благодѣяніе съ одной и преданность съ другой стороны. Отпущенники кесаря имѣли иное значеніе...

Дальнѣйшее объясненіе Шампаньи не идетъ къ дѣлу. Замѣтимъ только, что кесарскіе отпущенники имѣли огромное вліяніе на дѣла: неоспоримыя доказательства налицо у Тацита, Светонія, Плинія, Ювенала и Діона.

[19]) *А старый гдѣ?* Аферъ намекаетъ на пожаръ Рима, приписываемый Светоніемъ и Тацитомъ Нерону. Однакожъ Неронъ обвинилъ въ этомъ пожарѣ христіанъ, выкупившихъ страшными муками несовершенное ими преступленіе.

[20]) *И самъ сновидѣцъ съ горя удавился!* Въ 66-мъ г. по Р. Х., нѣкто Цезеллій Бассъ, родомъ кареагенецъ, прибылъ въ Римъ и, явившись къ Нерону, объявилъ, что посланное богами сновидѣніе указало ему, подъ его полемъ, глубокую пещеру, наполненную огромными золотыми слитками и золотыми колоннами. По его мнѣнію, это сокровище принадлежало нѣкогда Дидонѣ, которая зарыла его тотчасъ же по основаніи Кареагена, во избѣжаніе новой вражды съ нумидійскими царями. Неронъ не только повѣрилъ на слово кареагенцу, но отрядилъ ему въ помощь цѣлыя толпы воиновъ и поселянъ и далъ въ его распоряженіе лучшія свои суда, для перевоза сокровища въ Римъ; мало того: въ счетъ будущихъ благъ, онъ истратилъ огромныя суммы на подарки своимъ друзьямъ. Между тѣмъ Бассъ, перерывъ все свое поле и большое пространство окружной земли, долженъ былъ наконецъ убѣдиться въ своемъ безуміи. Тацитъ, разсказывающій это происшествіе, заключаетъ: «Не постигая, какимъ образомъ всѣ его сновидѣнія дотолѣ сбывались, а послѣднее его обмануло, Бассъ избавился отъ стыда и страха добровольною смертью. Нѣкоторые удостовѣряютъ, что онъ былъ заключенъ въ темницу, но вскорѣ освобожденъ, а имѣніе его конфисковано, взамѣнъ (небывалаго) клада».

[21]) *Ты началъ говорить о христіанахъ.* Повѣствованіе о водвореніи въ Римѣ истинной вѣры принадлежитъ исторіи церкви. Дѣянія святыхъ апостоловъ, житіе священномучениковъ и первыхъ отцовъ церкви освѣтили передъ міромъ и торжество евангельскаго ученія, и тернистые пути, по которымъ страстотерпное воинство Христово, *отвержись себѣ*, несло крестъ свой во имя Искупителя.

Мы, съ своей стороны, приведемъ первыя свидѣтельства римскихъ писателей о христіанахъ.

Светоній смѣшиваетъ сначала христіанъ съ іудеями; но въ описаніи правленія Нерона уже называетъ христіанъ по имени: *afflicti suppliciis christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae*».

Тацитъ въ XV-й книгѣ выражается такъ: «Для уничтоженія этихъ слуховъ (то-есть слуховъ, обвинявшихъ Нерона въ пожарѣ Рима) Неронъ сталъ разыскивать виновныхъ и подвергъ страшнымъ мученіямъ несчастныхъ, которыхъ обыкновенно называютъ христіанами». Описывая мученія христіанъ, Тацитъ говоритъ: «Казнь ихъ была сопряжена съ какимъ-то посмѣяніемъ: ихъ зашивали въ звѣриныя шкуры и травили псами; ихъ обливали смолой, привязывали къ крестамъ и ночью зажигали вмѣсто факеловъ. Неронъ уступилъ свои сады для этого зрѣлища, а самъ въ то же время давалъ игры въ циркѣ, толкался между народомъ въ одѣяніи возницы и правилъ колесницами: поэтому христіане, хотя были виновны *), возбудили общее состраданіе».

Тацитъ описывалъ казнь христіанъ, не бывши ея очевидцемъ; но другой писатель, Сенека, повидимому, былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти мучениковъ. Подтверждая свидѣтельство Тацита, онъ говоритъ **): «Мученики спокойно и съ веселой улыбкой смотрѣли на свои растерзанныя утробы и ставили страданія ни во что. Итакъ, да не убоится тотъ угрозъ, кто понялъ вѣчность своей душою. Да и какъ ихъ бояться тому, для кого смерть — надежда!» Марціалъ ***) и Ювеналъ ****) упоминаютъ съ содроганіемъ о безчеловѣчныхъ мукахъ, исчисленныхъ Тацитомъ.

Между тѣмъ христіане, со времени гоненія, воздвигнутаго на нихъ Нерономъ, не могли уже гласно появляться въ Римѣ. Оставшіеся въ живыхъ укрылись въ *катакомбахъ*, гдѣ и основалась первая церковь, утвердившая свои алтари во мракѣ этихъ погребальныхъ подземелій, этихъ бывшихъ каменоломенъ, изъ которыхъ вышли зданія языческаго Рима и долженствовалъ излетѣть духъ Рима христіанскаго.

[22]) *Термы Агриппы.* Термами у римлянъ назывались бани. Термы Агриппы были однѣми изъ общественныхъ бань, въ которыхъ римляне проводили по нѣскольку часовъ въ день. Термы строились съ необычайной роскошью и великолѣпіемъ, украшались произведеніями изящныхъ искусствъ и вмѣщали въ себѣ всѣ удобства общественной жизни; при нихъ находились библіотеки, столовыя, игорныя залы и т. п. Считая излишнимъ входить въ подробности, замѣтимъ только, что римскія общественныя термы могли назваться городками. Любознательные читатели найдутъ описанія термъ у Лампридія, Марціала, Амміана, Марцеллина и другихъ.

[23]) *По мнѣнію ученыхъ.* Я позволилъ себѣ эту шутку на объясненіе Классовскимъ изображенія на жертвенномъ возліяльникѣ рогатаго сатира [o]). Въ моей драмѣ Паконій измѣняетъ стихъ Горація, который читается такъ: *in praelia trudit inermem.*

---

*) Благоволятъ гг. читатели вспомнить, что здѣсь, такъ же, какъ и въ моей драмѣ, говоритъ язычникъ.

**) См. Сенеку Ess. 14, 85 и 102.

***) См. Марц., X.

****) См. Ювен., VIII, 235 id. Sat., I, 155.

o) См. „Помпею“ Классовскаго, примѣч. 191.

24) *Напомнить соименницу свою*, Мессалину-Валерію, жену Клавдія, извѣстную своей жестокостью и распутствомъ.

25) *И прекратить ехидные доносы.* По римскимъ законамъ, имѣніе осужденнаго поступало въ казну, то-есть въ пользу кесаря. Расточительному Нерону нужны были деньги, а деньги доставлялись очень легко, по завѣщаніямъ осужденныхъ, поставленныхъ въ необходимость отказывать часть своего имущества кесарю и Тигеллину, безъ чего ихъ дѣти и родственники лишались наслѣдства. Отсюда множество доносовъ и доносчиковъ, губившихъ общественную жизнь Рима *).

26) *Димитрій*, философъ-циникъ, былъ другомъ Тразеи и стоиковъ, преслѣдовалъ своими рѣчами роскошь и развратъ богатыхъ римлянъ, которые охотно собирались его слушать. Впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ изъ Рима.

27) *Благословите, Гилія и Бахусъ!* Излишне говорить о роскоши римскихъ пировъ и о римской гастрономіи. Всякому извѣстно. до какого безумія доходила эта роскошь, поглощавшая въ одинъ ужинъ годовые доходы съ цѣлыхъ провинцій. Напримѣръ, однажды Калигула истратилъ на вечерній столъ десять милліоновъ сестерцій. Частные люди соперничали съ кесарями въ сумасбродныхъ тратахъ на пиршества. Имена Лукулла, Октавія, Апиція, Полліона и кесаря Клавдія, восклицавшаго въ сенатѣ: *rogo vos—qui potest sine offula vivere?* **)—достаточно свидѣтельствуютъ о сластолюбіи римлянъ, породившемъ изреченіе: «*edunt ut vomant, vomant ut edunt*».

28) *Архимагиръ*—главный поваръ. Во время Нерона учредились въ Римѣ гастрономическія школы, и изъ нихъ-то выходили пресловутые повара, стоявшіе на челѣ дворской челяди и получавшіе огромное жалованье и подарки.

29) *Ритоны*—греческое слово, означающее питейные рога.

30) *Менадами* назывались въ Греціи вакханки. Слово «менада» значитъ собственно бѣснующійся. Римскія танцовщицы, являясь на пиры, одѣвались иногда вакханками, и безумная пляска, доводившая ихъ до самозабвенія, упрочила за ними прозваніе менадъ.

31) *Сосѣдки нашей Силіи.* Силія—лицо историческое. Она была близкой пріятельницей Петронія, описавшаго, подъ вымышленными именами, любовныя похожденія Нерона и его приближенныхъ. Петроній, замѣшанный въ дѣлѣ Пизона, самъ лишилъ себя жизни, а передъ смертью послалъ Нерону упомянутое нами сочиненіе. Подозрѣвая нѣкоторое содѣйствіе со стороны Силіи, бывшей замужемъ за сенаторомъ и знакомой съ тайнами римскаго общества, Неронъ изгналъ ее изъ Рима. Тацитъ выражается такъ: «*agitur in exilium tanquam non siluisset quae viderat pertuleratque proprio odio*» ***).

32) *Центуріонъ* — сотникъ римскаго войска. Центуріоны обыкновенно посылались къ обвиненнымъ для возвѣщенія воли кесаря и сената.

33) *Латиклава*—бѣлая тога съ красными каймами. Носить ее имѣли право только сенаторы и важные сановники.

34) *Кукулемъ* (cuculus) назывался капюшонъ, который накидывали себѣ на голову римскія женщины, когда не хотѣли быть узнанными.

35) *Канидія.* Извѣстная волшебница, о которой нѣсколько разъ упоминаютъ Горацій и Овидій. Декорація лабораторіи, костюмъ и заклинанія Локусты основаны также на свидѣтельствахъ обоихъ поэтовъ. Волшебницъ называли сагами (*sagae*), отъ глагола *sagire*, значащаго «имѣть тонкое чутье» ****).

---

*) См. Светонія и Тацита.
**) Спрашиваю: кто можетъ прожить день безъ куска хлѣба?
***) См. Тац. Лѣт., XVI, 20.
****) См. Горація, II, s. 80 вид. Heroica, 6. Его же Amor., III ч. и др.

[36]) *Имплувіата*—длинная женская одежда, употреблявшаяся въ ночное или ненастное время.

[37]) *Капище Венеры.* Тацитъ къ имени Венеры придаетъ эпитетъ *родотворной (genitrix).* Открытіе судебнаго засѣданія удостовѣреніемъ жреца, размѣщеніе консуловъ, претора, сенаторовъ и прочихъ лицъ, вызовъ осужденныхъ и свидѣтелей черезъ глашатая, чтеніе судебнаго протокола, словомъ, весь порядокъ римскаго уголовнаго судопроизводства сохраненъ въ моей драмѣ почти безъ измѣненія.

[38]) *Паконія.* Паконій Агриппинъ показалъ замѣчательное хладнокровіе. Эпиктетъ *) разсказываетъ, что друзья Паконія пришли къ нему съ извѣстіемъ: «Тебя судятъ въ сенатѣ».—«Въ добрый часъ! Однакожъ мнѣ пора на гимнастическія игры». По окончаніи игръ, ему говорятъ: «Ты осужденъ».—«На смерть или на изгнаніе?»—«На изгнаніе».—«А мое богатство?»—«Тебѣ его оставили».—«Прекрасно! Отправимся въ Арисію... **) обѣдать».

[39]) *Нѣтъ, я боговъ подземныхъ не звала!* Эта рѣчь Сервиліи переведена изъ Тацита. Слѣдующій за нею монологъ Сорана также оттуда, но нѣсколько измѣненъ.

[40]) *Veto.* Римскіе трибуны, обязанные защищать права своего триба, могли останавливать рѣшеніе сената однимъ словомъ: veto! (не дозволяю). Трибунство, знаменательное при Гракхахъ, Сатурнинѣ, Друзѣ и Руллѣ—при кесаряхъ не значило ровно ничего, хотя удержало прежній видъ и de jure—прежнюю власть.

Боясь утомить вниманіе читателей, я ограничился самыми необходимыми примѣчаніями и ссылками на авторовъ. Теперь да позволено мнѣ будетъ поговорить о языкѣ и строѣ моей драмы.... Строй ея холоденъ и однозвученъ; рѣчи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ торжественны; движенія души передаются витіеватыми фразами, но эта холодная торжественность, эта звучная витіеватость—намѣренны. Меня спросятъ: для чего? Постараюсь отвѣтить.

Жизнь древняго римлянина проходила на форумѣ, въ базиликахъ и въ термахъ. Привычка къ общественности, соединенная съ римскою важностью, положила на тогдашніе нравы отпечатокъ какой-то офиціальности; самые пріемы древнихъ римлянъ, обусловленные отчасти и одеждою, отзывались чѣмъ-то заученнымъ, ораторскимъ. Предназначенное къ неизбѣжной трибунѣ, римское юношество получало образованіе въ риторскихъ школахъ, привыкало къ ораторскимъ оборотамъ и періодамъ. Поэтому ораторская рѣчь проникла во всѣ поры римской жизни. Это положеніе подтверждается на каждомъ шагу историческими данными. Приведемъ въ примѣръ подготовленную импровизацію Антонія противъ Цицерона, рѣчь 12-лѣтняго Октавія въ похвалу покойной бабки, предсмертную рѣчь Германика, рѣчь Сенеки и отвѣтъ Нерона и т. д. Припомнимъ теперь, что въ моей драмѣ дѣйствуютъ тѣ же римляне, да еще римляне-стоики, которые выше всего ставили разумное безстрастіе. Естественно, что, желая быть вѣрнымъ взятой эпохѣ, я придалъ моей драмѣ холодно-ораторскій тонъ. Но, можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что, избѣгая анахронизмовъ, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшить передъ искусствомъ...

Это ужъ другой вопросъ.

Я вполнѣ сознаю недостатки своего сочиненія и вполнѣ буду благодаренъ за всякое добросовѣстное замѣчаніе.

---

*) См. Эпикт. in Arriano.

**) Вилла, принадлежавшая нѣкогда Агриппѣ.

3. *Къ драмѣ „Псковитянка“.* Царь Иванъ Васильевичъ Грозный былъ два раза во Псковѣ — одинъ разъ въ 1546 году, другой разъ въ 1570. Первый разъ былъ онъ во Псковѣ какъ-то загадочно, глухо; второй его пріѣздъ еще загадочнѣе.

На этихъ двухъ загадочныхъ посѣщеніяхъ и основанъ вымыселъ моей драмы. Вотъ лѣтописное свидѣтельство о первомъ пріѣздѣ царя Іоанна:

«Въ лѣто 1546, князь великій Иванъ Васильевичъ, да братъ его князь Георгій, быша въ Новѣгородѣ и во Псковѣ мѣсяца декабря 28-й день въ недѣлю; одну ночь ночевали и на другую ночь на Вороночи были, а 3-ю ночь были у Пречистой въ Печерахъ; паки во Псковѣ въ среду; и бывъ не много и поѣде къ Москвѣ, съ собою вземъ князя Володимера Андреевича, а князь Юрій, братъ его, оста, и той бывъ немного, и пойде и той къ Москвѣ, а не управитъ своей отчины ничего. А князь великій все гонялъ на мскахъ; а христіаномъ много проторъ и волокидѣ учинили». Пск. лѣтопись.

Какой же былъ тогда великій московскій князь, и какія были отношенія Москвы ко Пскову?

Лѣтопись отвѣчаетъ и на послѣдній вопросъ и на первый.

На послѣдній отвѣчаетъ она такъ:

«Въ лѣто $^{7018}/_{1510}$ князь великій Василій Ивановичъ ходилъ ратью ко Пскову. Генваря въ 24 день, на Оксеньинъ день, и городъ Псковъ взялъ, и колоколъ свезъ къ Москвѣ, и посадниковъ, и Псковичъ торговыхъ людей вывелъ къ Москвѣ, а Москвичъ гостій прислалъ во Псковъ».

На первый вопросъ Новгородская 1-я лѣтопись отвѣчаетъ сначала кратко:

«Того же лѣта $^{7038}/_{1530}$ родись великому князю сынъ князь Иванъ Васильевичъ, августа въ 25 день *), а крестили его у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, а держали его игуменъ Данилъ Всесвяцкой изъ Переславля, да Косьянъ Босой изъ Осифовы пустыни...» Новг. 1-я лѣтопись.

А потомъ лѣтопись распространяется и даже начинается заголовкомъ:

ПОСТАВЛЕНІЕ

царя Іоанна Васильевича.

Привожу это лѣтописное *поставленіе* отъ слова до слова:

«Того же лѣта $^{7056}/_{1548}$ **) вѣнчанъ бысть на царство Московское государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ, генваря въ 16-й день и помазаша святымъ муромъ, и вѣнчанъ бысть святыми бармами и вѣнцемъ Мономаховымъ, по древнему закону царскому, яко-же Римстіи и Гречистіи царіи православніи поставляхуся; и наречеся царь и великій князь всея великія Росіи самодержецъ великій показася, и страхъ его обдержаше всея языческія страны, и бысть вельми премудръ, и храбросердъ, и крѣпкорукъ, и силенъ тѣломъ и легокъ ногами, аки пардусъ подобенъ дѣду своему великому князю Іоанну Васильевичу: прежде бо его никто же отъ прадѣдъ его царемъ словяше въ Росіи, не *смѣяше* отъ нихъ никійждо поставитися царемъ, и зватися тѣмъ *новымъ* именемъ, блюдущася зависти и возстанія на нихъ *поганыхъ* царей и невѣрныхъ...»

Новгор. 3-я лѣтопись.

Двумя-тремя чертами обведенъ въ этомъ лѣтописномъ очеркѣ грозный образъ царя Ивана IV-го, зато какъ вѣрно и какъ смѣло.

Весьма премудрый, и *силенъ тѣломъ* и *легокъ ногами, аки пардусъ*, «гоняетъ» юный царь *«на мскахъ и пшакахъ»* по лѣснымъ островамъ великаго Пскова...

«А христіанамъ много проторъ и волокидѣ учинили...»

---

*) Ошибка: Іоаннъ родился 29-го августа 1530 года; умеръ 18 марта 1584 г.

**) Невѣрно: Іоаннъ вѣнчанъ несомнѣнно въ $^{7055}/_{1547}$.

Другими словами: вволю натѣшился тогда царь надъ псковскими дубровами и псковскими теремами...

Второй пріѣздъ царя Ивана Грознаго былъ лѣтъ 15 спустя, а именно въ 1570 году.

Лѣтописи говорятъ объ этомъ пріѣздѣ подробно, но я предполагаю, что лучше сдѣлать изъ нихъ извлеченіе.

«Того же лѣта 7051/1553 ноября въ 20-й день, поставленъ бысть Новуграду и Пскову Пимпнъ, клирикъ честныя обители Кирилова монастыря съ Бѣлаозера...»

Въ 1570 году прогнѣвался царь и государь Иванъ Васильевичъ на владыку Пимена. Неизвѣстно—за что? Встрѣчаются въ лѣтописи темныя указанія на то, что владыка *перевѣтъ* съ Литвою, то-есть хотѣлъ присоединить Новгородъ къ велико-княжеству Литовскому; но положительныхъ доказательствъ этому—нѣтъ. Такъ или не такъ, только пошелъ Иванъ Васильевичъ на Новгородъ изгонною ратью и разгромилъ его по всѣмъ концамъ.

Въ мою драму вошелъ весь лѣтописный разсказъ объ этомъ плачевномъ событіи, и повторять его не зачѣмъ *).

Съ Новгорода Иванъ Васильевичъ свернулъ ко Пскову... но псковичи его уже ждали и встрѣтили хлѣбомъ-солью и повинными головами, а впереди всѣхъ—его же царскій намѣстникъ князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ. Умилился государь и пожаловалъ Псковъ своею царскою милостью: не казнилъ Псковъ, во гнѣвѣ своемъ, нещадно, а указалъ опричникамъ: «Притупите мечи о камень: да престанутъ убійства!»

Съ перваго взгляда, это нежданное помилованіе покажется дѣйствительно загадочнымъ, и Карамзинъ не могъ объяснить его обстоятельно, а вдался въ какія-то психологическія отвлеченности, даже въ мистицизмъ.

По его словамъ, царь Иванъ Васильевичъ посѣтилъ въ Печерскомъ монастырѣ юродиваго схимника Николу Содоса и убоялся его откровенной рѣчи.

Дѣло было постомъ. Никола подалъ царю кусокъ кроваваго мяса.—«Не ѣмъ я въ постъ мясного»,—возразилъ ему Іоаннъ.—«Ты дѣлаешь хуже, царь! (отвѣчалъ, по Карамзину, инокъ). Ты пьешь кровь христіанскую!!!»

И не разсердился государь и Псковъ помиловалъ...

Сталъ онъ станомъ невдалекѣ отъ Пскова, на рѣкѣ Медѣднѣ, и пробужденъ былъ въ первую же ночь благовѣстомъ псковскихъ церквей.

«Сердце его умилилось чудеснымъ образомъ, — говоритъ опять же Карамзинъ:—и...»

И Псковъ простоялъ дольше Новгорода...

Но такъ ли это? Потому ли это?

Врядъ ли.

Царь Іоаннъ IV, прежде всего, былъ политикомъ. Разгромляя Новгородъ, онъ хладнокровно разсчитывалъ, какъ и кѣмъ населитъ онъ его сожженные концы и урочища, кто и какъ пріурочитъ этотъ вольный городъ къ Московскому велико-княжеству?.. Да еще и не такъ, не къ великокняжеству московскому,—къ царству... И населили, по царскому его государеву слову, великій Новгородъ—ярославцы, калужане, рязанцы, москвичи; а новгородскія семьи переселены въ Вологду, въ Вятку, въ Пермь, въ Архангельскъ, подъ Сибирскій Камень и къ Бѣлому морю... Все, что было въ Новѣгородѣ живого и стародавняго, все или вырвано съ корнемъ вонъ, или выселено и замѣщено другими стихіями. Словомъ, покончилъ царь Иванъ Васильевичъ съ Новымъ-городомъ, да ужъ кстати хотѣлъ и со Псковомъ покончить, и вдругъ... передумалъ.

---

*) Въ 3-й Новгородской лѣтописи это событіе озаглавлено такъ:

„О приходѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Русіи самодержца, какъ казнилъ великій Новгородъ, еже оприщина и разгромъ именуется“.

Отчего же?

Неужели для Іоанна, не устрашившагося ни святыни собора ни митры московскаго святителя, были такъ важны слова печерскаго отшельника? Неужели повѣрилъ онъ чистосердечно колѣнопреклоненнымъ воздѣяніямъ руку псковичей и возгласамъ ихъ, и моленіямъ, и повинной ихъ головѣ, и хлѣбу-соли намѣстника своего?

Положительно можно отвѣчать: *нѣтъ!*

До тѣхъ поръ онъ крѣпко не жаловалъ Псковъ; въ лѣтописи псковской то и дѣло читаешь, что князь великій опалився на псковичъ, а псковичи ему челомъ бьютъ, «чтобъ князь великій печаловался своею отчиною, мужей псковичь добровольныхъ людей». Но рѣдко удавалось псковскимъ посламъ сразу умилостивить разгнѣваннаго государя. Онъ приказывалъ сажать ихъ въ порубъ, жечь имъ бороды, по мѣсяцамъ не отпускалъ въ Псковъ, и только псковское серебро, которымъ псковичи начали торговать съ 1420 года, задерживало *возметную* грамоту. Намѣстникамъ своимъ во Псковѣ государь не разъ напоминалъ, «что они дѣлаютъ не гораздо, гораздо государева указа и росписи не слушаютъ, и государевымъ дѣломъ не промышляютъ». О первомъ его пріѣздѣ во Псковъ мы уже говорили; но тогда съ нимъ не было ни опричниковъ ни войска, и отъ пріѣзда его пострадали немногіе, большею частью богатые псковичи. Второй его приходъ былъ вполнѣ грозенъ и вѣщалъ недоброе Пскову. Съ государемъ была вся опричина и отборное войско, до 25 тысячъ человѣкъ.

Взглянемъ на тогдашнюю

РОСПИСЬ ВОЕВОДАМЪ.

Въ большомъ полку: Кн. Великій Семіонъ Бекбулатовичъ Тверской, да бояр. князь Ив. Ѳ. Мстиславскій, да кн. Данило Андр. Ногтевъ, да кн. В. Кривоборской.

Въ правой рукѣ: Кн. Петръ Тутаевичъ Шейдяковъ, да бояр. кн. Ив. Петр. Шуйскій, да окольничій Вас. Шереметевъ.

Въ передовомъ полку, бояре: Кн. Ѳ. И. Мстиславскій, да кн. Сем. Дан. Пронской, да окольничей кн. Дмитр. Иван. Хворостининъ.

Въ сторожевомъ полку, бояре: Кн. В. Ив. Мстиславскій, да кн. Вас. Юрьев. Голицынъ, да воевода кн. Мих. Юрьев. Лыковъ.

Въ лѣвой рукѣ: бояр. кн. Ив. Юр. Голицынъ, да окольничей Борисъ Вас. Шеинъ, да воевода князь Андрей Дмитріевичъ Палецкой.

А бояръ и приказныхъ людей изъ земскаго съ государемъ: Бояр. Ник. Романов. Юрьевъ, дворецкой, кн. Ѳед. Ив. Мих. сынъ Пушкинъ, казначей Петръ Головинъ.

Изъ двора бояре: кн. Ѳед. Михайловичъ Трубецкой, кн. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій, Дмитрій Ивановичъ Годуновъ.

Кравчей Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, оружничей Богданъ Яковлевичъ Бѣльской.

Дворяне, которые въ думѣ:

Аѳ. Ѳед. Нагой, Вас. Григ. Зюзинъ, Дементей Ив. Черемисиновъ, Баимъ Вас. Воейковъ, Романъ Мих. Пивовъ.

Дьяки: Андрей Шерефединовъ, Иванъ Стрешневъ, Андр. Арцыбашевъ, Сава Фроловъ, Елизарей Вылузгинъ, Петръ Тріуновъ.

А которымъ людямъ съ государемъ быти: князей служилыхъ и Черкаскихъ князей, и Оболенскихъ князей, Суздальскихъ кн., Ярославскихъ кн., Стародубск. кн., Мосальскихъ и дворянъ выборныхъ 212 человѣкъ.

Рынды: у большаго саадака кн. Ив. Шуйскій, *у большаго копья* Ѳ. Мих. Романовъ.

У *другаго саадака* Ал. Мих. Романовъ.
У *рогатины* кн. Борисъ Петровичъ Татевъ.
У *третьяго саадака* кн. Анд., княж. Вас. сынъ Сицкой.
У *сулицы* кн. Ѳед. Андр., сынъ Татевъ.
Поддатни рындовъ — жильцы.
Дворецкій, Левъ Андреевичъ Салтыковъ.
Протопопъ Евстафій.
И всего всякихъ людей 27.969 человѣкъ.

Зачѣмъ же, при ясномъ желаніи — сокрушить Псковъ, пощадилъ царь Иванъ свою отчину?

Ужъ, во-первыхъ, потому, что досталась она ему отъ крестопріимной Ольги.

Потому, во-вторыхъ, что со Псковомъ, прежде его, управился его родитель, великій князь Василій Іоанновичъ, по лѣтописи тако *): «По семъ нача князь В. деревни давати бояромъ своимъ сведеныхъ бояръ Псковскихъ и посади намѣстники во Псковѣ: Григорія Ѳедоровича Морозова, да Ивана Андреевича Челагина, а діака Мисюря Мунехина, а другимъ Діакомъ ямскимъ Андрея Волосатаго и 12 городничихъ и старостъ Московскихъ 12, и Псковскихъ 12, и деревни имъ даша».

Потому еще пощадилъ царь Иванъ Псковъ Великій, что, добиваясь своей отчины, Лифляндовъ, или, попросту сказать—Балтійскаго моря, царь, при всей опалѣ на своеволіе и неурядицу, очень хорошо помнилъ, что Новгородъ и Псковъ были Ганзейскими городами, и что въ нихъ, всѣми Балтійскими заливами, входила европейская жизнь, на шведскихъ и норвежскихъ шкунахъ, на голландскихъ и англійскихъ судахъ, и наоборотъ—новгородскія и псковскія ладьи передавали Европѣ могучими веслами могучую русскую жизнь.

И наконецъ потому, что билъ ему осударь великій Псковъ челомъ и просилъ его, великаго осударя, печаловатися о его осударевой отчинѣ...

Ну, какъ было устоять царю Ивану противъ этихъ, такъ называемыхъ *политическихъ* доводовъ?

На этомъ-то, признаться, утломъ историческомъ *челнокѣ* и основалъ я свою драму... Не знаю—впопадъ ли?

Впрочемъ, такъ какъ, по закону, собственное признаніе паче всего, привожу:

«ВЫПИСКИ ИЗЪ СКАЗАНІЯ КНЯЗЯ КУРБСКАГО».

Содержаніе 1-го письма Іоанна къ Курб. Смот. часть 2-ю, стран. 11.

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?

Понеже, Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому Государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити дѣда нашего дѣтемъ и внучатамъ. И ты то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши и раба своего во благочестивіи не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыкѣ,—отвергся еси,

---

*) Въ 1510 г.

Аще есть малое согрѣшеніе, но сіе отъ вашего жъ соблазна и измѣны: паче же и человѣкъ есмь: нѣсть бо человѣкъ безъ грѣха, токмо единъ Богъ; а не яко же ты, яко мнится быти выше человѣка, со ангелы равенъ. А о безбожныхъ человѣцѣхъ, что и глаголати? Понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ. а Россійское Самодержство изначала сами владѣютъ всѣми Царствы, а не бояре и Вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго Попа и вашего злочестія повелѣнія Самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти Попа съ вашего злодѣянія! Се ли разумѣваемая сопротивъ яко вашему злобѣсному умышленію тогда, Божьею милостью и Пресвятыя Богородицы заступленіемъ, всѣхъ Святыхъ молитвами и родителей своихъ благословеніемъ, погубити себѣ не дали есми? А какова зла и тогда отъ васъ тогда пострадахъ! Се убо пространнѣйши напреди слова извѣстить.

Какъ же и сего не моглъ еси разумѣти, яко подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смиритися? Яко же рече Апостолъ: *своихъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня выхищающе;* видиши ли, яко Апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасати. Тако же и во благочестивыхъ Царей временѣхъ много обращается злѣйшее мученіе. Како же убо, по твоему безумному разуму, однако быти Царю и не по настоящему времени? То убо разбойницы и татіе мукамъ неповинни, паче же и злѣйшія сихъ лукавыя умышленія, то убо вся Царствія не въ строеніи и междоусобными браньями вся растлятся? И тако ли убо пастырю подобаетъ, еже не разсмотряти о настроеніи отъ подвластныхъ своихъ?

Како же не стыдишися злодѣевъ мученики нарицати, не разсуждая, за что кто постраждетъ? Апостолу вопіющу: *аще кто незаконно мученъ будетъ, сирѣчь не за вѣру, не вѣнчается.* Божественному убо Златоусту и великому Аѳанасію въ своемъ исповѣданіи глаголющимъ: *мучили убо суть татіе, и разбойницы, и злодѣи, и прелюбодѣи: таковы ли убо блаженіи?* Понеже грѣхъ ради своихъ мучими бысть, а не Бога ради. Божественному же Апостолу Петру глаголющу: *лучше убо благотворяще пострадати, не сіе зло творящимъ мученія.* Вы же злобѣснымъ своимъ обычаемъ, подобящеся ехиднину прыганію, ядъ изливающи, ничто же повиновенія, человѣкъ и законопреступленія, и временъ разсуждающи, свою злолукавую измѣну, бѣсовскимъ умышленіемъ, лестью языка покрыти хотяше! Се ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяне же и во Царехъ великаго Константина: како, Царствія ради сына своего, рожденнаго отъ себе, убилъ есть! Князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, въ Смоленскѣ на Пасху колико крови проліялъ есть! И во святыхъ причитаются.

И на всегда убо Царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть Царь: Царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ; хощеши ли не боятися власти? благотвори; аще ли злое твориши, бойся; не бо туне мечъ носишь, въ месть злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ.

Почесому же и учитель еси души моей и тѣлу моему? Кто убо постави судію или властелѣ надъ нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день

Страшнаго Суда. Апостолу Павлу глаголющу: *како убо вѣруютъ безъ проповѣдующаго, како же и проповѣдуютъ, а не послани будутъ?* И се убо бысть въ пришествіе Христово; ты же отъ кого посланъ еся? и кто тя рукополагателя постави, яко учительскій санъ восхищающи, Апостолу Іакову сіе и т. д.

Нигдѣ же бо обрящеши, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ Царствіе погибшихъ и Туркомъ повинувшихся? сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ! Къ сему же и сему подобенъ.

Или убо сіе свѣтло, Попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, Царю же токмо предсѣданіемъ и Царствіи честію почтену быти, властію же ни чѣмъ же лучше быти раба? А се ли тьма яко Царю содержати повелѣнная? Како же и Самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? яко же рече Апостолъ Павелъ къ Галатомъ пиша: *въ нѣсколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба; но подъ повелительми и приставники есть, до нарока отча.* Мы же, благодатію Христовой, дойдохомъ лишь нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже. Речеши же убо, яко едино слово, обращая сѣмо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ, злобѣснаго умышленія, понеже съ Попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ Государь, а вы бъ съ Попомъ владѣли; сего ради вся сія сключишася, понеже и доднесь не престаете, умышляюще совѣты злые. Воспомяни же, егда Богъ, изводяще Израиля изъ работы, егда убо постави священника владати людьми, или многихъ рядниковъ? Но единаго Моисея, яко Царя постави владѣтелемъ надъ ними; священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его повелѣ священствовати, людскаго же строенія ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскіе строи тогда и отъ Бога люди отведи. Смотри же сею, яко не подобаетъ Священникомъ Царская творити. Тако же Даѳанъ и Авиронъ...»

Убѣжденъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, что противниковъ его и сопостатовъ поглотитъ сама земля... Да и какъ же не убѣдиться было въ этомъ царю всея Руси, тому, про кого весь православный народъ сложилъ пѣсню:

«Зачиналася каменна Москва —
Зачинался въ ней и грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Онъ Казань-городъ походомъ взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань;
Полонилъ царство Сибирское;
Выводилъ измѣну изъ Новагорода,
Выводилъ измѣну изъ Пскова...»

Какъ же было не вѣрить ему въ свою звѣзду? Онъ и комету 1584 года считалъ провозвѣстницей своей судьбы—и не ошибся: 18-е марта 1584 г. скатилась звѣзда его съ поднебесья...

Кажется, изъ приведенныхъ мной лѣтописныхъ отрывковъ, изъ народныхъ пѣсенъ, изъ личной исповѣди Іоанна на ухо князю Курбскому, — ясно видно — что̀ за мощь, что̀ за свѣтлая мысль таилась, *подъ Мономаховой шапкой*, на челѣ царя Ивана?

Вотъ мой отвѣтъ на всѣ грядущія возраженія противъ моей «Псковитянки».

«Отцы и братія! Чтите, Бога дѣля, но не кляните...»

ПРОЗА

ОХОТА.

1. Сборное воскресенье.

Охота пуще неволи.

Читателямъ, вѣроятно, извѣстно значеніе «Сборнаго» или «Соборнаго воскресенья». Не станемъ повторять сказаннаго, а приступимъ прямо къ дѣлу.

«Сборнымъ воскресеньемъ» начинается охотничій годъ, и въ охотничьемъ смыслѣ оно означаетъ и время и мѣстность: «Будете вы на Собачьей площадкѣ?» Для иногородныхъ читателей прибавимъ, что «Собачья площадка» находится въ Москвѣ, на Театральной площади, и граничитъ: къ сѣверу—Театральнымъ проѣздомъ, къ востоку—домомъ купца Челышева, къ югу—«Цвѣточнымъ садомъ», а къ западу—веревкой, протянутой на Театральномъ плацѣ. Пространство ея можно опредѣлить, съ достовѣрностью, въ $^1/_{50}$-ю квадратной географической мили.

На этомъ-то «тѣсномъ лоскутѣ земли» съ 9-ти часовъ утра (подразумѣвается — Сборнаго воскресенья) начинаютъ толкаться всевозможные охотники: охотники купить, охотники продать, охотники пріобрѣтать по самой сходной цѣнѣ, т.-е. даромъ, охотники потолкаться, и наконецъ—охотники по преимуществу. Послѣдній классъ можно подраздѣлить на нѣсколько родовъ, видовъ и видоизмѣненій, что̀ со временемъ и приведется въ ясность.

Покамѣстъ мы ограничимся общимъ взглядомъ на сборное мѣсто всѣхъ вообще охотниковъ.

Ежели часовъ въ 9 утра посмотрѣть на снѣжную «Собачью площадку» съ высшей точки зрѣнія, напримѣръ, изъ окна

одного изъ окрестныхъ трактировъ, она представится нашимъ взорамъ листомъ исписанной бумаги, или, выражаясь словами народной загадки, «бѣлымъ полемъ съ чернымъ сѣменемъ». Въ продолженіе получаса можно еще разбирать эти ходячія буквы, но часамъ къ десяти онѣ уже сливаются въ такую «сутолочь», что нужно или разсматривать ихъ въ микроскопъ, или подойти поближе. Выбираемъ второе средство, какъ самое простое.

Подойдя поближе, вы все-таки сначала ничего не увидите: передъ вами волнуется и мелькаетъ что-то такое, люди не люди, а словно пестрый платокъ, на которомъ нарисованы люди, собаки, птицы въ клѣткахъ, ружья и Богъ знаетъ что̀ еще. Кончается тѣмъ, что у васъ непремѣнно зарябитъ въ глазахъ. Но вы не смущайтесь, войдите въ толпу, остановитесь и осмотритесь кругомъ.

Вотъ прямо передъ вами парень въ зеленомъ чекменѣ, стянутомъ ремнемъ, въ черномъ картузѣ, съ волосами, обстриженными въ кружокъ, и съ рыжими усами, держитъ свору поджаристыхъ борзыхъ. Собаки хорошія... Подходитъ какой-то баринъ, въ сѣрой шинели и бобровой шапкѣ съ кисточкой, внимательно осматриваетъ собакъ, потомъ парня съ рыжими усами, потомъ опять собакъ.

— Какія это собаки?

— Псовыя.

На лицѣ барина показывается недовольная мина.

— Я тебя дѣло спрашиваю, а ты что̀?

— А что̀ я? Псовыя, какъ есть.

Баринъ начинаетъ сердиться.

— Да что̀ ты, братецъ!.. Я тебя спрашиваю: какой породы?

— Видите—борзыя.

— Знаю, что борзыя... Что̀ жъ ты ихъ плохо кормишь?.. Ишь какія худыя—кости да кожа... И животы подвело.

Парень ничего не отвѣчаетъ, посматриваетъ по сторонамъ, раскланиваясь съ знакомыми мужиками.

Баринъ въ сѣрой шинели отходитъ прочь.

— Что̀ свора?

Парень приподнимаетъ картузъ.

— Недорого, судырь!

— Чьи?

— Мои-съ.

— А ты чьихъ?

— Господина Курмилина.

— Здѣшній?

Новое лицо, выглядывающее изъ-подъ надвинутой на брови шляпы и енотоваго воротника, повидимому, внушаетъ парню достодолжное уваженіе. Онъ окончательно снимаетъ картузъ и отвѣчаетъ почтительно:

— Богородскіе-съ.

Въ продолженіе разговора около парня и «енотоваго воротника» собирается кружокъ.

— Купите, судырь: собака—«миль, легкоскокъ»...

— А сколько?

— Безъ запросу-съ?

— Ну?

— Сорокъ пять цѣлковыхъ.

— Съ тобой?

— Сколько же пожалуете?

Но енотовый воротникъ уже скрылся въ толпѣ.

— Евтово я призналъ,—говоритъ одинъ изъ тулупниковъ.— Слава, что торгуетъ, а купить тебѣ—ничего не купитъ. Вонъ и у насъ по лавкамъ ходитъ да икру смакуетъ: то, вишь, солона, а то и вовсе прѣсна.

— А вы бъ ему на приглядку продавали,—замѣчаетъ другой тулупникъ.

— Дворянскій сынъ и глядѣньемъ сытъ! — прибавляетъ извозчикъ-синекафтанникъ, взгромоздившійся на сани, чтобы было повиднѣе.

— А вотъ я-те накормлю!.. Куды лѣзешь съ лошадью-то? Нешто те-ѣ дорога здѣсь?.. А?

— Да я, кавалеръ, проѣздомъ.

— Пошелъ прочь, отъѣзжай!—кричитъ будочникъ.—Много васъ проѣзжихъ; пошелъ, пошелъ прочь!

— Ну, ты, сиротинка!.. — говоритъ нараспѣвъ извозчикъ, забирая вожжи и выбираясь изъ толпы.—Вытягивай!

И, привставъ на саняхъ, онъ дѣйствительно вытягиваетъ лошадь кнутомъ по спинѣ, промолвя:

— Огорчаешься?

Вытягиваетъ второй разъ и, прикрикнувъ: «Огорча-а-айся!», передергиваетъ вожжами и скрывается за фонтаномъ.

Пойдемте дальше.

Дряхлая, сморщенная салопница съ связкой чубуковъ и ящикомъ вырубныхъ трубокъ, точеныхъ изъ дерева и представляющихъ медвѣдей, собакъ и совъ; мальчишка съ побѣдной физіономіей и съ пустой крошней, гдѣ за минуту сидѣла пара «чистыхъ» голубей, а теперь положена рукавица въ знакъ продажи; другой мальчишка съ разинутымъ ртомъ и лохматой, разноглазой шавкой на веревкѣ; испитой мѣща-

нинъ въ синей чуйкѣ съ такъ называемымъ «чижиковымъ домикомъ»: двое-трое горожанъ неизвѣстнаго званія, одѣтые «по-нѣмецки»; двѣ-три «барыньки», какъ выражаются разносчики; халатникъ - подмастерье; еще мальчишка съ лоткомъ гречневиковъ, кокетливо драпированныхъ въ какую-то тряпицу... Вотъ первая толпа, хлынувшая намъ навстрѣчу. За ней—другая, за другой—третья, и такъ дальше. Но, посреди этихъ переносныхъ волнъ, бросаются въ глаза тѣсно сбившіяся и неподвижныя кучки народа: подойдемъ къ ближайшей. Кругомъ пряничника, укрѣпившаго свой лотокъ на незыблемомъ основаніи, жмутся и толкаются охотники «поломать» пряники. Слышенъ смѣшанный говоръ и отрывистыя слова:

— На три!.. Ломай!.. Два гроша...

— Много ли проломалъ?.. Эхъ, ты: пятакъ выломалъ!.. Ой-ли?

Бойкій продавецъ проворно вынимаетъ пряники, еще проворнѣе бросаетъ въ лотокъ мѣдныя деньги и убѣдительно перебранивается съ мальчишками. Вдругъ толпа заколебалась отъ натиска могучаго плеча, и къ лотку продрался ражій дѣтина въ тулупѣ на одно плечо и въ шапкѣ-коломенкѣ... «Митрошка, Митрошка!» — кричатъ нѣсколько голосовъ. Дѣтина прихватываетъ полу тулупа лѣвой рукой, поправляетъ шапку и говоритъ:

— А ну?

— Давай, давай!—отвѣчаютъ голоса:—на одну, что ли?

— По-мнѣ хошь и на двѣ.

— Ребята, давай на двѣ?—Давай!

— Митрюха, по копейкѣ, али по грошу?

— Нѣтъ, ребята, праздникъ: по пятаку.

— Много... Али и по пятаку?.. Ну, по пятаку, такъ по пятаку! Вали деньги!

Слѣдовало бы перевести этотъ разговоръ, но читатели тотчасъ же сами поймутъ, въ чемъ дѣло.

Митроха достаетъ изъ-за пазухи кожаный кошелекъ и вынимаетъ изъ него гривенникъ и пятакъ.

— Съ кѣмъ?

— Со мной, со мной!

Вызываются четверо охотниковъ; деньги сочтены и положены въ шапку. Митроха протягиваетъ обѣ руки и растопыриваетъ пальцы, красные и крѣпкіе, какъ кирпичъ. Между каждымъ пальцемъ ему всовываютъ по прянику. Замѣтимъ въ скобкахъ, что пряники эти, по своей добротѣ, тотъ же кирпичъ, только вымазанный медомъ и посыпанный мукой.

Митроха сжимаетъ кулаки, нагибаетъ голову и выставляетъ правую ногу.

— Много ли васъ?

Нѣсколько мальчишекъ, подростковъ и взрослыхъ парней бросаются на Митроху, виснутъ ему на шеѣ и на рукахъ и стараются вырвать у него пряники. Въ двѣ переминки дюжихъ плечъ Митроха сбрасываетъ съ себя противниковъ и, проговоривъ: «Осламонился!»—торжественно показываетъ кулаки: въ промежуткѣ каждаго пальца торчитъ по куску сломаннаго пряника. Ежели бы противникамъ удалось вырвать хоть одинъ пряникъ цѣликомъ, Митроха проигралъ бы закладъ, но теперь онъ только посмѣивается, пересчитываетъ деньги да приговариваетъ:

— Аль еще?

— Берегись! берегись!—раздается визгливый голосъ форейтора. Митрошка, увлеченный своимъ торжествомъ, отшатнулся на проѣзжую дорожку и чуть не наткнулся на уносную лошадь... Чтобы и намъ не попасть какъ-нибудь подъ лошадь, перейдемте на другую сторону.

Къ продавцу охотничьихъ принадлежностей и снарядовъ, обвѣшанному ягдташами, патронташами, арапниками, ошейниками, кисетами и пр., подходитъ его собратъ, обвѣшанный точно такимъ же образомъ, но нѣсколько помоложе. Оба они напоминаютъ собою шамановъ въ «Ермакѣ» Дмитріева, и между ними начинается не менѣе печальный разговоръ.

— На много ли продалъ?

— На два двугривенныхъ!

— Эки времена! Вотъ тутъ и мѣси снѣгъ до вечеренъ... перезябъ-то какъ... А и въ трактиръ зайдешь, блезиру нѣтъ: свои заплатишь... какая тутъ выручка?

— Мизерная выручка. Вотъ волосяныя-то сумки не идутъ съ рукъ, что̀ хошь...

— По чемъ сумка?—спрашиваетъ какой-то юноша въ щегольскомъ бекешѣ.

— Вотъ эта восемь рубликовъ, а энта десять рублей.

— Которая десять рублей?

— Вотъ энта вотъ, побольше.

— Десять рублей, т.-е. какъ: серебромъ или три цѣлковыхъ?

— Да оно хошь и три цѣлковыхъ.

— Меньше нельзя?

— Себѣ убытку полтина. Для почину за три цѣлковыхъ отдаемъ.

— Давай сюда.

— Эхъ, баринъ, дешевенько, да ужъ для васъ...—говоритъ продавецъ, снимая съ руки сумку.—Гривенничекъ бы на чаекъ прибавили.

— Будетъ, будетъ!.. А что, она не прорвется?

— Прорвется!—говоритъ другой продавецъ.—Да въ нее хоть цѣлую свинью клади, не токма что бекаса, и тутъ не прорвется!

— Есть сдача съ пяти цѣлковыхъ?

— Есть-съ.

Продавецъ достаетъ изъ кармана кошелекъ и высыпаетъ мелочь на ладонь.

— Какъ же, ваше сіятельство, гривенничка не хватаетъ.

— А мнѣ что за дѣло?

— Да ужъ не скупитесь, ваше сіятельство! Съ легкой моей руки т.-е. во-какъ: всю сумку сразу накладете. Съ перваго т.-е. поля... Ей-Богу!

— Ну, чортъ съ тобой!

Продавецъ снимаетъ картузъ и кланяется чуть не до земли, съ разными причетами. Юноша уходитъ съ сумкой.

— Баринъ, баринъ! — кричитъ ему вслѣдъ другой продавецъ:—ничего больше вашей милости не требуется?

— Ошейничекъ бы купили.

Юноша обертывается.

— Ошейничекъ купите, батюшка! Всего бы одинъ цѣлковенькій взялъ.

— Полтинникъ хочешь?

Опять собаки. На «живейномъ» извозчикѣ пріѣхала пара «маркловокъ»; рубашка, подпалины, стати: все какъ на подборъ. Около саней стоитъ господскій человѣкъ, а къ нему жмется лягавка, съ короткими ушами и съ рубленымъ хвостомъ: такъ себѣ—помѣсь. По всему видно, что продавецъ считаетъ ни во что господскихъ собакъ, но своей очень доволенъ. Онъ старается привлечь на нее общее вниманіе, повторяя поминутно: — «Субретка! иси, Субретка, кушъ!». Субретка всякій разъ ложится и всякій разъ вздыхаетъ изъ глубины души. Господскій человѣкъ разговариваетъ съ своимъ знакомымъ, у котораго на каждомъ плечѣ по ружью: на одномъ—ржавая винтовка съ сломаннымъ куркомъ, а на другомъ—заграничное, двухударное ружье, яко бы съ витыми стволами и золотою надписью: «Lazareff».

— Собака—чего жъ тебѣ? Собака капитальная, а эти что?

Господскій человѣкъ указываетъ на маркловокъ, которыя свернулись калачомъ, дрожатъ и жмурятся.

— Эти мякотенье... Нешто чутье не пришиблено, а чтобы этакъ куды въ болото: не пойдутъ.

— Не пойдутъ?

— Не пойдутъ... Да съ моимъ бариномъ какой курьезъ случился... Купили они двухноску, шпанку. Ну, говорятъ, Сидоръ, собака!—А что̀, дескать, сударь?—Больно, говорятъ, хороша, двойное чутье. Вотъ и пошли они въ поле...

— Съ ей-то?

— Съ ею. Приходятъ это къ болоту; она мимо.

— Двухносая-то?

— Двухносая! Баринъ думаетъ: тутъ, знать, нѣту. А пойду я, думаетъ, туда вотъ, къ болотцу... знаешь: полѣвѣе Филей?

— Къ Шелепихѣ?

— Полѣвѣй Шелепихи...

— А! Знаю.

— Пришли. Она и туда нейдетъ: ходитъ около да нюхаетъ, а лапъ мочить не хочетъ... Да, знать, ужъ хвостомъ, что ли, утку выпугнула. Баринъ-то смекнулъ дѣломъ, да хваленую-то собаку арапельникомъ...

— Ищи!

— Ищи... Батюшки-свѣты!.. Завизжала, заскучала, и прочь! Какъ ни звалъ: «иси, иси!»—нѣтъ: не подходитъ, да и полно. Пошли съ ней въ другой разъ: какъ болото, такъ она его, не говоря ни слова, обѣжала, сѣла на другой сторонѣ и хвостомъ виляетъ. «Ты, дескать, какъ хочешь, а я ужъ тамъ!..» Такъ и продали за цѣлковый, не то за два.

— Вотъ оно двойное чутье!

— Да... А моя собака—вѣрная, учливая... Это чтобы она отошла отъ меня, али сманилъ ее кто...

Увлеченный похвалами своей собакѣ, разсказчикъ не замѣтилъ, что вертѣвшійся около саней мальчишка-мастеровой уже давно подманивалъ Субретку кускомъ витушки, приговаривая:

— Зубрилка, Зубрилка, Зубри-илочка! Подь сюда! На̀!.. На̀ же, на̀!

«Ретка» или «Зубрилка», несмотря на свою вѣрность, пошла-было за кускомъ, но, къ счастію, хозяинъ замѣтилъ ея проступокъ и крикнулъ повелительно:—«Иси! Арьеръ иси!»

Субретка вильнула хвостомъ, но не вернулась. Тогда хозяинъ настигъ ее, ухватилъ за шиворотъ и далъ ей пинка, прибавивъ:

— Кушъ тутъ: лягъ!

Пусть ее ложится, а мы посмотримъ—нѣтъ ли еще чего? Какъ не быть! Вотъ превосходный водолазъ, съ шелковистой, курчавой шерстью; собака дорогая: въ первомъ словѣ четыреста рублей. Вотъ пара мордашекъ съ морщиноватой мордой, поразительно схожей съ морщиноватымъ лицомъ курно-

саго старика. Далѣе пара меделянокъ, привязанныхъ къ розвальнямъ. Около нихъ опять кружокъ.

— Господи! вотъ страсти-то!—говоритъ баба въ рыжеватой шубейкѣ.—Съ добраго теленка будутъ.

— За Рогожской и не такія есть: медвѣдя возьметъ и повалитъ.

— Попадись эвдакимъ ночью!

— Загрызутъ.

— Отойди, отойди подальше! — кричитъ хозяинъ собакъ. Но его окрики не дѣйствуютъ на зрителей до тѣхъ поръ, пока одна изъ собакъ не ощетинилась и не зарычала, загремѣвъ пудовою цѣпью. Зрители отскакиваютъ отъ розвальней, какъ отъ огня.

Впрочемъ, это—мгновенный страхъ, и любопытство снова сбиваетъ ихъ въ тѣсный кружокъ.

По сосѣдству съ розвальнями поставленъ деревянный ящикъ съ рѣшеткой, въ ящикѣ—волкъ. Любопытные припадаютъ къ землѣ и поглядываютъ въ рѣшетку издали, передавая свои впечатлѣнія краткими возгласами: «Ухъ!.. Батюшки! глаза-то!.. Эва какой! Ну!»

А между тѣмъ толпа растетъ и растетъ; по обѣимъ сторонамъ дорожки, оставленной для проѣзда экипажей, льется двойнымъ потокомъ волнующаяся масса шинелей, салоповъ, шубъ, чуекъ, теплыхъ пальто, тулуповъ и т. д. Остановимся гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, чтобы всмотрѣться въ выраженія всѣхъ этихъ мимо плывущихъ лицъ и потомъ вынести какое-нибудь раздѣльное, единичное воспоминаніе. Нѣтъ никакой возможности! Въ памяти остается только одно, страшно-знакомое лицо, лицо толпы, если позволятъ намъ такъ выразиться. Но это лицо долго не позабудешь; долго будетъ оно преслѣдовать неосторожнаго наблюдателя тысячью взглядовъ, улыбокъ, гримасъ и движеній...

Однако мы отстранились отъ нашего предмета. Читатели, можетъ-быть, уже утомились слѣдить за нами, но мы позволимъ себѣ остановить ихъ вниманіе еще на двухъ отдѣльныхъ группахъ.

Высокій, худощавый собачникъ, передъ которымъ стоитъ что-то въ родѣ квашни, прикрытой мѣшкомъ, запускаетъ въ квашню руку и вытаскиваетъ оттуда за шиворотъ моську-щенка. Щенокъ бьетъ по воздуху лапками и упорно смотритъ внизъ.

— Экій горохъ!—замѣчаетъ собачникъ:—четвериками продаемъ.

— Отсыпь мнѣ парочку, любезный! — говоритъ ему почтенный баринъ въ медвѣдяхъ.

— На фатеру прикажете доставить?

— А ты знаешь, гдѣ я живу?

— Какъ не знать, батюшка! — отвѣчаетъ съ поклономъ собачникъ.

— А что̀ тебѣ?

— Лишняго не возьмемъ-съ.

— Ну, приноси завтра.

— Слушаю-съ. Безпремѣнно принесу.

Шагахъ въ трехъ стоитъ другой собачникъ: за пазухой у него пара микроскопическихъ болонокъ.

— Продаешь собачекъ?

— Продавать-то продаю, да вы не купите, сударыня!

— Ахъ, батюшка! Да почемъ ты знаешь?

— Не купите-съ... И парикмахеръ, который ихъ завивалъ, уѣхалъ.

— Да сколько жъ ты просишь?

— По одиночкѣ — сто рублей серебромъ, а за пару съ двухъ сотенъ, пожалуй, двадцать пять рублей скину.

— Сто семьдесятъ пять рублей серебромъ — за пару? Это шестьсотъ рублей-то: ты, видно, съ ума спятилъ?

— Я же вамъ докладывалъ, что не купите.

— Кто у тебя ихъ купитъ!

— Покупаютъ добрые люди. Парочку ужъ продалъ...

Но барыня уходитъ, говоря:—Вздоръ, вздоръ! И не повѣрю, чтобы у кого-нибудь такія сумасшедшія деньги были.

А собачникъ ворчитъ въ свою очередь:—А по-мнѣ, пожалуй, не вѣрь! Кому что̀ надо...

И онъ совершенно справедливъ: «кому что̀ надо».

Прошло то время, когда полеванье было исключительнымъ занятіемъ русскаго помѣщика: перевелись закоренѣлые охотники, которые не жалѣли ничего за поголосно подобранный смычокъ гончихъ, за огневую, урывную свору борзыхъ; рѣже и рѣже слышатся разсказы о великолѣпныхъ охотахъ, о страшныхъ облавахъ, о залитыхъ золотомъ стременныхъ и доѣзжачихъ, о черкесскихъ и дамскихъ скакунахъ, хвостъ въ хвостъ, копыто въ копыто; но слово «охота» все еще имѣетъ обаятельную силу для москвичей. Да и не для однихъ москвичей, для всѣхъ русскихъ. Слышится въ этомъ словѣ родимый разгулъ, родимое молодечество и удаль. Вѣетъ отъ этого слова темнымъ боромъ, безграничнымъ полемъ, широкой волею, широкимъ раздольемъ. Оттого-то раздробилась и обмелѣла охота, но не исчезла, и существуетъ, и долго еще будетъ существовать на Руси въ мощныхъ размѣрахъ, хотя и рѣже. Мы боимся вдаваться въ подробности, которыя не должны входить

въ эту статью. Скажемъ только, что на «Сборномъ воскресеньѣ» многое продается и многое покупается за хорошія деньги. Честный охотникъ не преминетъ быть на Сборномъ и ни за что не рѣшится воротиться домой съ пустыми руками: что-нибудь да купитъ. Повторимъ еще разъ слова собачника: «кому что̀ надо».

Поглядите на эти длинныя вереницы народа, возвращающагося съ «Сборнаго воскресенья». Сколько каждый изъ бывшихъ съ нами на «Собачьей площадкѣ» принесетъ домой разсказовъ, воспоминаній, впечатлѣній. Иной распродалъ все, что̀ хотѣлъ распродать, другой купилъ, что̀ было нужно, третьему просто было весело, а отчего? — Оттого, что онъ наглядѣлся, наслушался того, чему невольно сочувствуетъ, къ чему есть у него призваніе... «охота»... Вотъ этотъ мальчишка, опоясанный веревкой, къ концу которой привязанъ пестрый щенокъ, этотъ мальчишка не затѣмъ ходилъ на «Сборное», чтобы продавать своего щенка. Избави Боже! Онъ ни за что не разстанется съ своей собачонкой, съ которой привыкъ дѣлить кусокъ хлѣба и пригоршню каши. А онъ затѣмъ ходилъ на «Сборное», чтобы показать щенка: «пусть, молъ, полюбуются!». И вотъ онъ торопится домой, въ надеждѣ поспѣть въ «задирные» какой-нибудь стѣнки, наткнуться на пріятеля Сеньку, или Ѳедьку, и промежду двухъ затрещинъ сказать ему: — «А мы съ Шарикомъ были на «Сборномъ»! А Сенька или Ѳедька скажутъ ему: — «ой?» — и опять оба примутся угощать другъ друга подъ бока.

Останется доволенъ «Сборнымъ воскресеньемъ» и молодой щеголь, показывая своимъ друзьямъ волосяную сумку, за которую заплатилъ десять руб. ассигнаціями, или, «пожалуй, хоть и три цѣлковыхъ». Останется довольна и бѣлокурая дѣвушка, вбивая въ стѣну гвоздикъ и вѣшая клѣтку съ чижикомъ подъ окномъ, гдѣ стоитъ горшокъ бальзамина, вѣчный свидѣтель ея шитья и вязанья. Останутся довольными и тѣ господа, которые съ «Собачьей площадки» зашли отогрѣться въ ближайшій трактиръ и слѣдятъ жадными взорами за суетливыми половыми, проносящимися—увы!—мимо нихъ съ чашками и рюмками, проносящимися до тѣхъ поръ, пока не наступитъ желанная череда. Останутся довольными, очень довольными и сами половые, потому что порядочно перепадетъ на ихъ долю въ «Сборное воскресенье». Вообще, многіе останутся довольны!

Не останется развѣ доволенъ Ваня, да и то — когда пройдутъ недѣли три, когда пронесутъ мимо оконъ его дома всѣхъ пѣвчихъ птицъ, а тятенька не купитъ ему ни одной.

Болѣе всего боимся мы, что останутся недовольны «Сборнымъ

воскресеньемъ» наши читатели, но и въ этомъ случаѣ мы надѣемся на ихъ снисходительность и даже осмѣливаемся пригласить ихъ въ слѣдующей статьѣ за Рогожскую заставу, на медвѣжью травлю.

На сей конецъ считаемъ не лишнимъ приложить копію съ подлиннаго объявленія:

О травлѣ звѣрей.

Содержатель травли, Шкаринъ, симъ честь имѣетъ извѣстить Почтенную публику, что за Рогожскою заставою, въ амфитеатрѣ, сего марта 12 числа, т.-е. въ «Сборное воскресенье», будетъ въ первый разъ большая травля разныхъ медвѣдей лучшими меделянскими собаками и англійскими мордашками, напускомъ по охотѣ. Гг. охотники, имѣющіе своихъ собакъ, могутъ присылать ихъ на травлю и охотиться оными. Начало травли въ 4 часа. Цѣна мѣстамъ и пр.

---

2. Медвѣжья травля.

Чтобы дать нашимъ читателямъ предварительное понятіе о медвѣжьей травлѣ, попросимъ ихъ обратить вниманіе на эти троечныя сани, которыя остановились у Рогожской заставы. Дюжая тройка, пролетѣвшая верстъ восемь по голымъ и мокрымъ камнямъ мостовой, храпитъ и вздрагиваетъ; осанистый кучеръ ходитъ около лошадей и оправляетъ сбрую; трое сѣдоковъ барахтаются въ шубахъ, усиливаясь достать сигарочницы изъ боковыхъ кармановъ наглухо застегнутыхъ пальто. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ пальто разстегнуты, сигары вынуты, остается только закурить. Но это «только» не такъ-то легко. Давно уже замѣчено, что у заставъ вѣтеръ гораздо крѣпче, чѣмъ въ полѣ. Существуетъ ли для этого особая физическая причина, или просто вѣтеръ врывается въ городскія улицы на зло проѣзжимъ, а себѣ въ похвальбу: «вотъ-де мнѣ и останавливаться незачѣмъ, а вы, голубчики, подождите!» — неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что у заставъ вѣтеръ гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и такъ какъ трое вышеупомянутыхъ господъ непремѣнно хотятъ закурить сигары у самой заставы, а вѣтеръ непремѣнно желаетъ перетушить у нихъ всѣ спички, намъ представляется удобный случай разсмотрѣть будущихъ курильщиковъ поближе. Въ серединѣ саней помѣщается полный, сѣдоватый господинъ въ медвѣжьей шубѣ. Лицо очень знакомое: если не ошибаемся, полный господинъ — помѣщикъ, пріѣзжающій въ Москву зимовать. По бокамъ его,

какъ поджаристыя пристяжныя около развалистаго корневика, сидятъ «на отлетъ» двое господъ въ енотовыхъ шубахъ, повидимому—москвичи. Не вдаваясь въ дальнѣйшія предположенія, замѣтимъ покамѣстъ, что при первомъ порядочномъ ухабѣ господамъ въ енотовыхъ шубахъ не сдобровать, чего они и сами нѣсколько опасаются, потому что одинъ поставилъ ногу на копылья, а другой закинулъ лѣвую руку за спинку саней и подбираетъ шубу. Помѣщикъ старается зажечь спичку подъ полой; лѣвый сѣдокъ скусываетъ сигару; правый заглядываетъ своему сосѣду подъ полу.

— Потухла?

— Потухла.

— Позвольте, Никаноръ Сергѣичъ, я зажгу.

— Да какъ вы тутъ зажжете? Вѣтеръ-то одинъ, что̀ для васъ, что̀ для меня!

— И откуда онъ взялся? Ѣхали, все было тихо... Что̀? Опять потухла?

— Опять... Нѣтъ, ужъ это такія подлыя спички... Вонъ онѣ, вонъ онѣ: что̀ хочешь!

— Да позвольте мнѣ попробовать.

— Что̀ тутъ пробовать!.. Сидоръ!

Кучеръ подходитъ.

— Держи шапку... по вѣтру держи... Вотъ такъ.

— Горитъ?

Никаноръ Сергѣичъ не отвѣчаетъ, наклоняется къ шапкѣ и закуриваетъ сигару.

— Закурили?.. Позвольте позаимствоваться.

Двѣ секунды длится молчаніе, сигары закурены.

— Сидоръ, садись!

По лично намъ принадлежащему праву и вопреки пословицѣ: «не въ свои сани не садись», сядемъ въ сани этихъ господъ и поѣдемъ съ ними по ухабистой загородной дорогѣ.

Новые наши знакомцы, не замѣчая посторонняго присутствія, продолжаютъ незадолго начатый разговоръ:

— Вы говорите, Петръ Ивановичъ,—за Тверской заставой...

Петръ Ивановичъ, которому лѣнь вынуть сигару изо рта и который все молчалъ да подбиралъ шубу, отвѣчаетъ сквозь зубы:

— Это не я: это Иванъ Петровичъ говоритъ.

— Ну, Иванъ Петровичъ... За Тверской! За Тверской-то травлю Богатыревъ держалъ: тотъ былъ мастеръ на выдумки. Разъ, что̀ же вы думаете? Объявилъ, что будетъ дикую лошадь на семь медвѣдей пускать... Поѣхали мы... Видимъ: точно! Выпустили дикую лошадь на медвѣдей... Какъ пошла косить передомъ и задомъ, такъ всѣхъ въ лоскъ и положила!

— Что̀ вы?

— Я вамъ говорю! Зубами съѣла: за загривокъ схватитъ да и броситъ.

— Куда жъ она его броситъ?

— Куда броситъ? Тутъ и броситъ... на земь... Или опять медвѣди промежъ дружки начнутъ бороться... Господи! Одной земли съ цѣлый погребъ выроютъ... Одного звали Аханомъ... Асханомъ... Да: Аханомъ, а другому кличка была какая-то мудреная... Ну ужъ и медвѣди: станетъ на дыбки, такъ мало чѣмъ моему корневику башкой въ дугу не упрется.

— А дикая-то лошадь велика? — спрашиваетъ Иванъ Петровичъ.

— Да вѣдь это такъ говорится: дикая. Какая она дикая? Просто лошадь съ норовомъ; въ конюшню не идетъ — вотъ и дикая... А это, Сидоръ, что̀ же? Господа, что ль, въ трактирѣ-то?

— Гдѣ, Никаноръ Сергѣичъ?

— А вонъ направо-то... Вишь извощики стоятъ.

Сидоръ повернулъ голову направо.

— А это извощики домой ѣдутъ.

— Какъ домой ѣдутъ?

— Такъ-съ... Ну, спотыкайся!

Сидоръ прихлестнулъ вожжой одну изъ пристяжныхъ.

— Ѣзда плохая... который на барщинѣ, у котораго калиберу на весну нѣту... Ему что̀ на саняхъ-то дѣлать? Вотъ они у заставъ съ Москвой и прощаются... Иной дня три не просыхаетъ.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе.

— Какъ же это вы, господа? — заговорилъ Никаноръ Сергѣичъ.—Живете въ Москвѣ, считаетесь охотниками, а въ амфитеатрѣ за Тверской не бывывали?

Иванъ Петровичъ отвѣчалъ: «не случилось!». Петръ Ивановичъ ничего не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, я ѣздилъ. Втѣпоры у меня былъ пріятель, Сергѣй Лукичъ, не слыхивали ли, Ворнѣевъ? Такъ у него былъ морданъ; звали Мидаской... Экое зелье было! Кошку ли, собаку ли гдѣ завидитъ, не считай живой...

Иванъ Петровичъ дѣлаетъ: «гм!», и качаетъ съ удивленіемъ головой. Никаноръ Сергѣичъ продолжаетъ:

— Возилъ онъ этого Мидаску на травлю. Какъ, бывало, пуститъ, такъ медвѣдя и скрутитъ: либо въ горло вопьется, либо норовитъ на носу повиснуть... Вотъ одинъ медвѣдь Мидаску и примѣтилъ; вѣдь тоже вороватъ! Поѣхали мы какъ-то съ Сергѣемъ Лукичомъ въ амфитеатръ, выпустили Мидаску на медвѣдя, а тотъ одной лапой уперся въ землю, а другой

какъ хватитъ Мидаску по спинѣ, только и видѣли: пополамъ переломилъ! Подбѣжалъ бѣдный Сергѣй Лукичъ, завернулъ Мидаску въ плащъ, а у Мидаски ужъ и глаза выскочили...

— Замѣтьте: сила-то какая! — говоритъ Иванъ Петровичъ.

— Двѣнадцать силъ лошадиныхъ, батюшка! Это не шутка... Двѣнадцать лошадиныхъ силъ... Теперь, если бы медвѣдю въ амфитеатрѣ волю дали, показалъ бы онъ этимъ собачонкамъ, что̀ онъ такое значитъ. А то привяжутъ, когти подпилятъ, клыки повышибутъ, да еще кругомъ съ рычагами стоятъ. Чуть мало-мальски сталъ силу забирать, сейчасъ и подъ бока. Какая это травля! Нѣтъ, ты ему свободу дай... А что̀, Сидоръ, далеко травля?

— Недалечко-съ, съ версту осталось.

— Пошелъ скорѣй!

Сидоръ и безъ барскаго приказанія ѣхалъ очень скоро. Занявшись разговорами, Никаноръ Сергѣичъ не замѣчалъ, что его тройка опережала всѣхъ и каждаго, а стоило бы взглянуть на оставленныхъ позади. Вся столбовая дорога была запружена санями и пѣшеходами, и всякій торопился попасть къ началу травли. Дружными вереницами неслись сани, запряженныя тройками, парами и въ одиночку; кучера и извозчики перебранивались и перекрикивались налету; брызги грязи и комки талаго снѣга летѣли одесную, ошую и прямо, падая безъ разбора и въ матерчатый салопъ купчихи, и въ синюю чуйку купца, и въ лицо неосторожнаго барина, и въ бѣлую шляпку мѣщанки-щеголихи. Вся толпа стремилась къ одному сборному пункту, къ деревянному зданію, виднѣвшемуся въ кучѣ обнаженныхъ деревьевъ, на правой сторонѣ дороги.

Оттуда доносился смѣшанный гулъ голосовъ и густой лай.

— Экъ народу-то! — замѣтилъ Сидоръ, подбирая вожжи, чтобы уровнять тройку и потомъ ужъ пустить ее на славу. — Словно на ярманкѣ.

Въ это время продробила частая иноходь, и красивый купчикъ съ двумя бѣлолицыми и краснощекими молодками скользнулъ на легкихъ санкахъ безъ задка мимо увѣсистыхъ саней Никанора Сергѣича. Караковый иноходецъ такъ и выбивался изъ-подъ оглоблей.

Сидоръ встрепенулся: лѣвой рукой забралъ вожжи, правой вытащилъ изъ-подъ себя кнутъ и, «озадачивъ» имъ на перекоски всю тройку, пустилъ ее въ розсыпь. Лихіе кони поприпали, вытянулись и рванули во весь скокъ. Напрасно Никаноръ Сергѣичъ покрикивалъ: «легче! легче!» — Сидоръ крестилъ кнутомъ, какъ угорѣлый, корневикъ мчалъ такъ, что пристяжныя едва-едва уносили постромки, и наконецъ «караковый» отсталъ.

Сидоръ только успѣлъ крикнуть мимолетомъ: «то-то!». Однако шагахъ во ста отъ поворота къ амфитеатру Сидоръ сталъ придерживать коней и остановилъ ихъ какъ разъ передъ широкой выбоиной; вода стояла въ ней въ уровень съ краями. Мы попросимъ читателей выйти за-добра-ума изъ саней, потому что Сидоръ собирается бултыхнуть сани прямо въ выбоину, а неровенъ случай!

У поворота стоитъ нѣсколько десятковъ саней; возчики, отъ-нечего-дѣлать, похлопываютъ рукавицами и смотрятъ на дорогу, дѣлая приличныя замѣчанія. Сидоръ обращается къ самому рыжему:

— Проѣдемъ, что ли, дядя?

— Проѣдешь! — отвѣчаетъ увѣрительно рыжій: — бери правѣе!

Сидоръ поворотилъ лошадей, привсталъ на саняхъ, взялъ правѣе и смѣло въѣхалъ въ выбоину: вода хлынула въ сани; Петръ Ивановичъ и Иванъ Петровичъ, сохранявшіе всю дорогу надлежащее равновѣсіе, отъ сильнаго толчка разлетѣлись по сторонамъ и попали по колѣно въ снѣжную воду; но Никаноръ Сергѣичъ усидѣлъ, и тройка вытянула сани на противоположную закраину.

— Эка здоровенная тройка! — говоритъ рыжій. — Думалъ, завязнетъ...

Оставимъ на время нашихъ знакомцевъ и пойдемъ въ такъ называемый амфитеатръ. Это просто деревянный заборъ, выведенный кругомъ; за заборомъ подѣланы уступами мѣста для чернаго народа, а для почетной публики устроено нѣчто въ родѣ бесѣдки или голубятни; по бокамъ бесѣдки выстроены двѣ крытыя галлереи. Бесѣдка—1-е мѣсто, галлереи—второе, мѣсто за заборомъ—третье. Къ круглому забору пристроены загорода и хлѣвъ: въ загородѣ—медвѣди, въ хлѣву—«быкъ и кабанъ». Двери изъ загороды и хлѣва отворяются въ арену. Собаки просто привязаны къ окружнымъ деревьямъ и къ основнымъ столбамъ бесѣдки.

Около зданія и у самаго входа толпится народъ; приказчикъ за прилавкомъ, подъ бесѣдкой, принимаетъ деньги, выдаетъ билеты и говоритъ, указывая руками въ разныя стороны: «пожалуйте!». Мы можемъ не заплатить ничего, а побывать вездѣ: такъ и сдѣлаемъ. Пройдемъ подъ бесѣдкой на арену, осмотримъ публику, а тамъ сядемъ въ бесѣдку и будемъ поджидать начала травли. Но посмотримъ прежде, гдѣ наши знакомцы? А! вотъ они: заплатили деньги въ первыя мѣста и также пробираются на арену. Тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ, компанія хорошая.

Мѣста заняты сплошь, а публика все еще прибываетъ: голова вырастаетъ надъ головой, плечи сближаются съ плечами, и наконецъ въ амфитеатръ—некуда «яблока бросить». Господа, заплатившіе деньги въ первыя мѣста, толпятся на аренѣ, за протянутой веревкой, и приказчикъ, выдающій билеты, уже минуты три говоритъ: «пожалуйте въ кружайку». Въ бесѣдкѣ мелькаютъ женскія и дѣтскія личики, невозмутимыя лица господъ среднихъ лѣтъ, вѣроятно, мужей, папенекъ и воспитателей, да еще какія-то усатыя физіономіи.

На аренѣ, или въ «кружайкѣ», жмутся охотники до травли и искатели сильныхъ ощущеній: ихъ можно перебрать по одиночкѣ, да некогда. Достаточно сказать, что эти господа—представители всѣхъ почти слоевъ общества и всѣ почти курятъ сигары и папиросы. Въ галлереяхъ, на переднихъ лавкахъ, стоятъ живымъ частоколомъ зрители обоего пола: къ нимъ также можно подойти и разсмотрѣть выраженіе каждаго лица, но опять-таки некогда. Иногда изъ-за частокола показывается шапка или картузъ, мгновенія три колеблется надъ частоколомъ и снова погружается въ глубь галлереи. Въ третьихъ мѣстахъ рѣшительно ничего не разберешь: пестрая куча головъ, сваленная какъ ни попало. Ярче всего выдаются желтый платокъ на головѣ какой-то бабы и свѣсившаяся за перегородку русая голова мальчишки-извозчика.

Сквозь общій говоръ пробиваются отдѣльныя «реченія»:

— Скоро ли начнутъ?—Сейчасъ. Ждите!—А вотъ и рычаги вынесли. Откуда выпускать-то будутъ?

— А вотъ изъ двери-то.—До смерти будутъ травить?

— Затравишь его до смерти! — А вѣдь сборъ порядочный.

— У денегъ глазъ нѣтъ. — А вы за чѣмъ? — Спросите: за кѣмъ? — Ну, за кѣмъ? — За вами.—Нельзя не сострить. Да — куды ты лѣзешь-то? Вишь, некуда.—Потѣснись, голубчикъ!—Куды тѣсниться-то? Эхъ, ты! въ тѣснотѣ люди живутъ...

Плотный дѣтина чуть не повалилъ мощнымъ плечомъ одинъ изъ частоколовъ и придавилъ къ самой стѣнѣ какую-то «барышню», которая, къ общему удивленію, оказывается Богъ вѣсть откуда попавшей нѣмкой и визжитъ: «Herr Je! S'ist ja ein Bär!». Стоящій за ней магазинный приказчикъ отвѣчаетъ утвердительно: «Eben. Sie sind alle so!»

Одинъ изъ тѣснящихся въ «кружайкѣ» охотниковъ вѣжливо наклоняется съ незакуренной сигаркой къ дымящейся папироскѣ своего сосѣда и еще вѣжливѣе говоритъ: Pardon! Сосѣдъ откланивается съ улыбкой и отряхаетъ съ папироски пепелъ, но вмѣстѣ съ пепломъ улетаетъ огонь, и искры разносятся по вѣтру.

— Экій вѣтеръ!—замѣчаетъ кто-то сверху, а кто-то снизу присовокупляетъ:

— Одинъ по всей Москвѣ!

— Что же вы-то, Петръ Ивановичъ?—спрашиваетъ Никаноръ Сергѣичъ.

— Что? Ничего.

— То-то ничего. Ничего не говорили во всю дорогу, да и теперь помалчиваете.

— Я, видите ли, думаю...

— О чемъ это, батюшка?

— А вотъ о чемъ. Что бы сказали теперь римляне временъ Калигулы и Нерона, если бы ихъ изъ Колизея перенести сюда?

— Да что имъ говорить? Сказали бы: свѣжо!

— Нѣтъ, не свѣжо, а мелко...

— Какъ это мелко?

— Мелко... знаете ли вы, что для полутораста тысячъ зрителей, помѣщавшихся въ Колизеѣ, нужны были не медвѣди и не меделянки.

— Медвѣдей-то они, можетъ, и не видали, а такихъ меделянокъ и мордашей—навѣрное, нѣтъ.

— О меделянкахъ я не читалъ, а какія-нибудь три-четыре сотни львовъ, тигровъ и гіенъ, да цѣлыя толпы рабовъ, идущія на вѣрную смерть. Это не травля за Рогожской.

— Вы вотъ что скажите мнѣ, Петръ Ивановичъ: вы сами видѣли римскія травли, или читали про нихъ?

— Читалъ.

— Вѣрите тому, что написано?

— Вѣрю.

— Поздравляю васъ.

— Покорно благодарю.

— Не за что... А вотъ я вамъ разскажу случай... Впрочемъ, не теперь. Никакъ хотятъ выводить медвѣдя; такъ мы сначала посмотримъ на «доморощенку», а потомъ, какъ это въ афишахъ говорится?—въ антрактахъ? да,—въ антрактахъ—я вамъ разскажу кой-что.

Одна изъ дверецъ, выходящихъ въ «кружайку», отворилась, и показалось человѣкъ шесть приспѣшниковъ амфитеатра. Подавшись нѣсколько набокъ, они тащили за веревку порядочнаго бѣлесоватаго медвѣдя, который упирался лапами въ грязный помостъ загороды и не изъявлялъ никакого желанія предстать предъ свѣтлыя очи публики. Однакоже, несмотря на сопротивленіе, онъ былъ вытащенъ на середину «кружайки», привязанъ за конецъ веревки, обмотанной вкругъ его

шеи, къ желѣзному кольцу, укрѣпленному въ самомъ центрѣ «кружайки», и оставленъ въ гордомъ одиночествѣ. Сначала онъ припалъ на переднія лапы и встряхнулся, словно вышелъ изъ воды; потомъ шатнулся въ сторону и сталъ понемногу вытягивать и подергивать веревку: веревка не подавалась. Медвѣдь круто повернулъ назадъ и рванулся изо всѣхъ силъ къ стоявшимъ въ «кружайкѣ»: кольцо скрипнуло, зрители отскочили къ самой стѣнкѣ, но надежная веревка выдержала. Тогда медвѣдь съежился и подпрыгнулъ вверхъ, подпрыгнулъ разъ, другой, третій: веревка не обрывалась. Онъ началъ метаться и поворачивать голову назадъ, боязливо поглядывая на дверь, изъ которой привыкъ поджидать своихъ противниковъ. Изрѣдка онъ останавливался неподвижнымъ и внимательно прислушивался къ знакомому лаю; потомъ снова начиналъ метаться и прыгать. Было ясно, что онъ очень хорошо зналъ—какая горячая схватка ожидаетъ его, и не то чтобы не надѣялся на свои силы, а желалъ бы уклониться отъ предстоящей потѣхи.

Между тѣмъ зрители изъявляютъ свое нетерпѣніе восклицаніями:—Начинай!—Пускай собакъ!—Скорѣе начинайте!—Собакъ! Собакъ!

Около медвѣдя становятся четверо рычажниковъ; медвѣдь мечется во всѣ стороны и косится на дверь, за которой слышно глухое рычаніе.

— Собакъ! Собакъ давай! — кричатъ десятки голосовъ, сопровождаемые стукомъ и свистками.

Наконецъ наступаетъ вожделѣнная минута: дверь подъ бесѣдкой растворяется; зрители притаиваютъ дыханіе; медвѣдь оглядывается въ послѣдній разъ, сбираетъ въ комокъ свои широкія лапы и прилегаетъ правымъ вискомъ къ землѣ...

Три меделянки, одна за другой, вылетаютъ изъ растворенной двери и бросаются на медвѣдя. На мгновеніе и медвѣдь и собаки сливаются въ одну безобразную груду, которая катается по снѣгу, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Но это одно мгновеніе: рычажники ужъ подоспѣли, и груда раздѣлилась на четыре части, стало видно и медвѣдя и собакъ. У медвѣдя подъ мышками по собакѣ, которымъ удалось вцѣпиться ему въ бока; онъ ихъ мнетъ и коверкаетъ, отгрызаясь отъ третьей собаки, но та уже схватила его за горло. Рычажники дружно бросаются на собакъ, ухватываютъ двухъ за хвостъ, отрываютъ отъ медвѣдя и отталкиваютъ въ сторону. Третьяго пса имъ не оттащить. Всею силою страшной пасти онъ впился въ горло медвѣдя, который въ свою очередь сдавилъ ему шею желѣзными лапами и, опрокинувшись на спину,

стиснулъ зубами грудь меделянки. Тщетно стараются ихъ разнять: ни тотъ ни другая не подаются на волосъ; слышенъ только хриплый ревъ, да снѣгъ багровѣетъ больше и больше. Подбѣгаютъ еще двое приспѣшниковъ и хватаются за веревку, къ которой привязанъ медвѣдь; вшестеромъ имъ удается кое-какъ растащить противниковъ. Оторванная меделянка, окровавленная, измятая, задыхается отъ злости; медвѣдь перевертывается кубаремъ, роняетъ двоихъ приспѣшниковъ и старается еще разъ достать меделянку лапой. Зрители хлопаютъ и вызываютъ содержателя травли. Слышны крики:

— Еще разъ, еще разъ! еще разъ!

Желаніе ихъ удовлетворяется: тѣ же собаки спущены еще разъ, но теперешняя схватка уже измѣняетъ прежній видъ. Медвѣдь отскакиваетъ отъ первыхъ двухъ налетѣвшихъ собакъ и отбрасываетъ ихъ наотмашь къ стѣнкѣ кружайки. Ему не до нихъ: онъ ждетъ «свою», а она ужъ у него на загривкѣ; онъ сбрасываетъ ее съ себя, какъ котенка, но она налету схватываетъ его за ухо. Подоспѣваетъ другая и ловитъ медвѣдя за другое ухо; сила у него отнята, и онъ падаетъ подъ тяжестью третьей собаки, при громкихъ крикахъ и рукоплесканіяхъ. Собакъ отнимаютъ и уносятъ; содержатель травли кланяется и махаетъ шапкой; медвѣдю даютъ вздохнуть.

Въ «кружайкѣ» поднимается говоръ.

— Славная собака! какъ она его перепятнала!

— Старый-то песъ хорошъ, а вотъ молодые-то сноровки не знаютъ.

— Любезный! Есть щенки?

— Есть-съ.

— Какъ?

— Хорошій сто рублей серебромъ, а средственныхъ пара 50 цѣлковыхъ.

— А сколько имъ?

— По пяти недѣль-съ.

— Что̀ теперь? Опять меделянокъ?

— Можно и мордашей пустить-съ.

— Пусти-ка!

— Яблоки хороши. Яблоковъ не угодно ли?

— Иванъ Петровичъ! А вѣдь хорошо?

— Хорошо, Никаноръ Сергѣичъ!

— Господа, господа! пожалуйте за веревку! — говоритъ казакъ.

А мы попросимъ васъ, почтеннѣйшіе читатели, въ бесѣдку.

Трое мальчиковъ, очень чисто одѣтыхъ, ведутъ разговоръ съ своимъ гувернеромъ.

— M'sieur Falon! pourquoi ce qu'il saute comm'ça l'ours?

— Est ce qu'il a peur?

— Peur! не peur, а больно.

— Tenez vous tranquille, Théodor, et parlez français.

— Какое «франсе»! — говоритъ красивенькій баринъ, сидящій подлѣ мальчиковъ.—Вы что̀ у него спрашиваете? Нешто онъ знаетъ? Вы меня спросите.

— Qu'est ce qu'il dit?—спрашиваетъ гувернеръ.

— Il dit que vous n'en savez rien! — отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Taisez vous!

— Тутъ не «тезе-ву»,—продолжаетъ баринъ:—а медвѣдь. Онъ тебѣ такое «тезе-ву» задастъ, что дома не скажешься. Медвѣдь-то дусёровъ не любитъ, а возьметъ вашего брата, коли попадешься ему въ лапы, да и того...—Баринъ дѣлаетъ выразительное тѣлодвиженіе.—Кранкенъ, компрене?

Гувернеръ смотритъ упорно въ туманную даль; мальчики переглядываются съ недоумѣніемъ.

— Иванъ Евстигнеичъ, — говоритъ приторнымъ голосомъ наштукатуренная купчиха своему сѣдобородому сожителю:— нагнитесь, я вамъ на ушко шепну.

Сожитель нагибается; сожительница говоритъ ему вполголоса:

— Что̀ если бы васъ зашить въ медвѣжью шкуру да притравить меделянками?

Сожитель смѣется и говоритъ вслухъ:

— Казусъ бы вышелъ случайный... Оно и мордашами ничего: вишь какъ щиплютъ!

Въ самомъ дѣлѣ, три мордашки вьются около медвѣдя, лаютъ и теребятъ его съ наскоку. Медвѣдь отмахивается, словно нехотя, и медленно поворачивается то въ ту, то въ другую сторону. Но вдругъ онъ закружился на одномъ мѣстѣ и заревѣлъ: невѣсть откуда взялась еще мордашка, ловко скользнула у него подъ крестцомъ и врѣзалась въ грудь. Медвѣдь отряхнулся: не тутъ-то было. Медвѣдь присѣлъ и сталъ отрывать лапами четвероногую піявку отъ косматой груди, но мордашка извивалась, какъ ужъ, впивалась глубже и глубже и наконецъ вытянулась и окоченѣла. Рычажники снова принялись за работу и съ большимъ трудомъ оттянули за хвостъ разсвирѣпѣвшую собаку, которая тутъ же была окунута головой въ лужу и унесена съ торжествомъ.

— Какъ кличка? какъ кличка?—раздается со всѣхъ сторонъ.

— Травка.

— Чья?

— Мѣщанина Медвѣдева.

— Ай-да Травка! вотъ такъ собачонка! — Да вѣдь какъ увертлива, волкъ ее зарѣжь!—Поди жъ ты!

Во время напуска мордашекъ, нѣсколько охотниковъ притравливали годовалыхъ щенковъ, подпуская ихъ на цѣпи шаговъ на пять къ медвѣдю, чтобы они внюхались въ кровь.

— Ну вотъ, дѣти, видѣли?—говоритъ краснолікій баринъ.— Вотъ это мордашей пускали. Три-то дрянь, а четвертая подороже вашего гувернера стòитъ.

Одинъ изъ мальчиковъ улыбается; гувернеръ взглядываетъ злобно на барина и шепчетъ:

— C'est bien, Voldemar!

Баринъ входитъ въ силу.

— А эта вотъ какъ упарила медвѣдя. Онъ ужъ теперь не годится: его уведутъ. Видите, веревку накидываютъ... Ну, а если бы онъ ее сгребъ, только бы мокренько осталось... Вы это французу растолкуйте. Такъ, молъ: на одну руку положить, другой прихлопнуть — только мокренько останется! И папенькѣ это скажите: «Папа! сидѣлъ подлѣ насъ Вуколъ Ивановичъ и приказалъ вамъ доложить...»

Но Вукола Ивановича не переслушаешь. Не сойти ли намъ опять внизъ?

Послѣ первыхъ схватокъ снѣгъ на «кружайкѣ» былъ взборонованъ и смѣшанъ съ грязью: его уровняли, убили, подмели кровь, и вотъ снова отворилась боковая дверь, снова показались приспѣшники, а за ними большой рыжій медвѣдь съ подшибленнымъ глазомъ. Медвѣдя привязываютъ къ кольцу, а содержатель травли отвѣшиваетъ почтеннѣйшей публикѣ поклонъ и провозглашаетъ:

— Давила!

Публика «третьяго мѣста» разомъ признала въ Давилѣ истаго медвѣдя, и на него посыпались приличные эпитеты и придаточныя клички.

— Михаилъ Семенычъ, здравствуйте!—Топтыгинъ! Топтыгинъ!—Косолапый чортъ!—Чтò башку повѣсилъ? хвостъ-отъ береги! Собаки послѣдній огрызокъ оторвутъ.—А ну, Миша, какъ малые ребята горохъ воруютъ? — Чтò жъ ты не попляшешь? Аль до ужоткаго мурбалы бережешь?—Мишка, хочешь водки?—У! пентюхъ! Какой онъ пентюхъ? Онъ дуги изъ осины гнетъ, да и ихъ никто не покупаетъ! — Эка спинища-то! — А глазъ-отъ, глазъ-отъ! Гдѣ это ты, сердешный, на кулачки дрался? и т. д.

Но Михаилъ Семеновичъ не обращаетъ вниманія на насмѣшки, а стоитъ, понуривъ голову и ероша шерсть. Пови-

димому, ему хочется почивать и нѣсколько досадно, что его потревожили некстати.

Его тронули рычагомъ,—онъ проворчалъ съ просонокъ; пустили на него мордашку, другую, третью—онъ лѣниво пораскидалъ ихъ по сторонамъ; мордашки не отставали, впивались ему въ бока, въ заднія лапы, и наконецъ разсердили: онъ сталъ ревѣть и неуклюже поворачиваться, отдирая мордашекъ лапами и зубами. Минуты черезъ двѣ мордашекъ оттащили.

Пустили меделянокъ и неотвязную мордашку: меделянокъ онъ сильно помялъ, одной переломилъ лапу, другую чуть не задушилъ, но и онѣ дали ему себя знать. Мордашку насилу отняли. Давила разсвирѣпѣлъ, сталъ рыть когтями снѣгъ и песокъ, тянуть веревку и переваливаться съ боку на бокъ. Въ «кружайкѣ» снова появился содержатель травли, снова поклонился почтеннѣйшей публикѣ и произнесъ:

— Полканъ и Змѣйка!

Зрители призатихли.

Едва успѣли растворить дверь подъ бесѣдкой, какъ въ кружайку ворвалась пара сѣрыхъ меделянокъ. Раздался тройной ревъ и стихнулъ: Давила лежалъ на землѣ. Полканъ и Змѣйка лежали по бокамъ, растянувъ его за уши. Рычажники разомкнули собакамъ пасти и оттащили за хвосты, но онѣ вырвались изъ рукъ и снова налетѣли на Давилу. Рычажники бросились-было разнимать, но со всѣхъ сторонъ послышались крики:—Не тронь! Не тронь! Отойди!

Впрочемъ, разнять Давилу съ собаками не было никакой возможности. Змѣйку Давила подмялъ подъ себя, легъ на нее всей тушей и стиснулъ лапами. Полканъ сѣлъ Давилѣ на загривокъ и впился ему въ башку зубами и когтями. Давила поднялся, стряхнулъ Полкана и положилъ на него лапу; Змѣйка выбилась, кинулась Давилѣ на горло, и всѣ трое покатились по «кружайкѣ» кубаремъ. Три раза медвѣдь былъ наверху, три раза собаки сѣдлали медвѣдя; шерсть, кровь и снѣгъ отлетали по сторонамъ при каждомъ судорожномъ поворотѣ. Вдругъ медвѣдь собралъ всѣ силы и отодралъ Змѣйку отъ своего горла: она взвизгнула и вцѣпилась ему въ лапу, а Полканъ врѣзался медвѣдю въ щеку; черезъ мгновеніе Давила былъ растянутъ по всѣмъ правиламъ собачьяго искусства: Полканъ сидѣлъ на немъ и душилъ; Змѣйка схватила медвѣдя за ухо и замерла. Въ заключеніе содержатель травли лично отнялъ и унесъ въ объятіяхъ одну изъ собакъ; другую долго отворачивали рычагами... Зрители хлопали до-нельзя и кричали:—Браво! фора! еще разъ! Шкарина! Шкарина!

Шкаринъ раскланивался.

Восторгъ былъ общій: даже самъ ученый Иванъ Петровичъ позабылъ на время и Колизей, и львовъ съ братіей. Одинъ Никаноръ Сергѣичъ не принималъ никакого участія въ побѣдномъ торжествѣ. Онъ не кричалъ, не хлопалъ, не смотрѣлъ даже на усталаго, полумертваго медвѣдя... Но грудь Никанора Сергѣича высоко поднималась, глаза горѣли. Казалось, онъ не видалъ ничего вокругъ себя, а видѣлъ что-то далекое и родное, видѣлъ очами своей души. И что̀ онъ видѣлъ, о чемъ думалъ? Можетъ-быть, онъ мысленно возражалъ Ивану Петровичу:—«Вы скажите мнѣ сами, вы видѣли римскія травли, или читали про нихъ? Читали? Не вѣрьте! Да и что̀ вамъ за охота копаться въ чужомъ старьѣ? Вы посмотрите-ка на жизнь, какъ она есть, посмотрите хоть на меня... Много ли мнѣ нужно, чтобы позабыться, опьянѣть духовно? — Грызня собакъ съ медвѣдемъ... Вотъ я и опьянѣлъ... Нешто я вижу васъ или кого-нибудь? Никого не вижу. Вижу я дремучій боръ: сосны, да ели, да сугробы съ заиндевѣвшимъ валежникомъ. Стою я подъ сосной; снигирь прыгаетъ по кустамъ жимолости; векша шелеститъ верхушками орѣшины... Я стою съ своимъ ружьемъ и поджидаю... Доносятся до меня крики «облавниковъ», ближе, ближе... Я смотрю на пробитую нечеловѣческими ступнями тропу, взвожу курокъ, и вотъ... шарахнулись кусты, и прямо на меня валитъ медвѣдь. Дрогнуло сердце, рука взметнула ружье на плечо: осѣчка! Дуло въ руки, замахнулся прикладомъ, а тотъ становится на дыбки, лапы протягиваетъ... не вытерплю, брошу ружье, схвачусь съ Давилой въ «поясъ», да и пусть онъ меня коверкаетъ!..»

Можетъ-быть, и другая картина представлялась воображенію Никанора Сергѣича, но онъ вдругъ пришелъ въ себя и обратился къ своимъ спутникамъ:

— Господа! дѣлать здѣсь больше нечего: поѣдемъ въ Москву.

— Что̀ вы, Никаноръ Сергѣичъ?

— Право, поѣдемъ. Я вамъ говорю, что нечего смотрѣть. Вотъ теперь выведутъ медвѣдя Ганьку... Муравьятникъ, да при томъ же и подлецъ: отъ собакъ бѣгаетъ да уши бережетъ. Потомъ вытащатъ, нѣтъ ли, переярка: этотъ передъ мордашками «польку» танцуетъ да черезъ голову кувыркается... Если бы еще кабана или быка выпустили, можно бы повременить, потѣхи для... А то вѣдь я знаю: кабанъ-то просто боровъ, а быкъ—теленокъ. Одному ноги искусаютъ, а другому уши порвутъ: вотъ и вся недолга!

— Мнѣ бы на медвѣжью польку хотѣлось посмотрѣть,—го-

воритъ Петръ Ивановичъ.—Какъ это мордашки «poursuite» дѣлаютъ?

— Эхъ, какой! Говорятъ: нечего смотрѣть. Даже и не смѣшно... Телятъ-то или свиней, что ли, не видалъ? Пріѣзжай ко мнѣ въ деревню—и не такихъ покажу.

— Поѣдемте, Петръ Ивановичъ!

— Поѣдемте! — присовокупляетъ Иванъ Петровичъ.—Мнѣ ужъ и надоѣло.

— Оно не то чтобы надоѣло... На хорошихъ медвѣдей я бы и посмотрѣлъ, да смотрѣть-то не на что. Вы ужъ мнѣ повѣрьте... А вотъ мы Сидору велимъ въ «Московскій» завернуть, да поотогрѣемся, такъ дѣло будетъ лучше.

При словѣ: «Московскій», которое, вѣроятно, не было равносильно съ словомъ «Москва», оба спутника тотчасъ же прониклись справедливостью доводовъ Никанора Сергѣича и вышли вмѣстѣ съ нимъ изъ «кружайки».

Попросимъ читателей повѣрить на слово Никанору Сергѣичу и проводить нашихъ знакомцевъ до саней. Въ «Московскій» мы съ ними не поѣдемъ, а въ Москву—давно пора, тѣмъ болѣе, что за «Рогожской» «намъ ужъ надоѣло».

Никаноръ Сергѣичъ выглядываетъ изъ-подъ руки свои сани и, послѣ долгихъ наблюденій, открываетъ ихъ подъ сѣнью какой-то осины. Только Сидора при лошадяхъ нѣтъ. Сидоръ занимается дѣломъ: слушаетъ розсказни извощиковъ и кучеровъ, составившихъ кружокъ около лаковыхъ саней, запряженныхъ въ одиночку. На саняхъ сидитъ кучеръ, подперши подбородокъ ладонью и покрикивая изрѣдка на сѣраго рысака, который ржетъ и скребетъ копытомъ талый снѣгъ:—«Ба-а-луй!»

Возлѣ саней стоитъ другой кучеръ, рослый, плечистый, покуриваетъ коротенькую трубку, сплевываетъ и разсказываетъ, должно-быть, очень интересную исторію.

Никаноръ Сергѣичъ, подойдя поближе, останавливается, вслушивается и улыбается, кучеръ продолжаетъ разсказывать.

— Приходитъ... Дайте, говоритъ, мнѣ, Ванечка, веревку,— прекратить свою жись... А я говорю: я знаю, говорю, Машенька, какая мечта тяготитъ ваше сердце... А самъ думаю: ступай, голубушка, въ конюшню: тамъ не токмо веревки, тамъ и ременныя вожжи есть... Давись себѣ по душѣ!

— Да!—перебиваетъ сѣдой извозчикъ.—Давись, коли хошь!

— Ну, говоритъ, отъ васъ, Ванечка, не скроешься... Дайте мнѣ, говоритъ, приворотнаго корня...—Далъ ей, дурѣ, соли... Побрасывай, молъ, гдѣ пройдетъ.

— Ну что жъ?—спрашиваетъ извозчикъ.

— Ну и сшилъ себѣ рубаху да шаровары.

Вѣроятно, слушатели ожидали другого заключенія, но Никаноръ Сергѣичъ удовольствовался имъ вполнѣ и, не ожидая продолженія, толкнулъ своего Сидора и сказалъ:

— Подавай!

Сидоръ засуетился, отвязалъ лошадей отъ дерева и подкатилъ къ самому тому мѣсту, гдѣ стоялъ его баринъ съ своими спутниками.

Садясь въ сани, Иванъ Петровичъ не преминулъ напомнить Никанору Сергѣичу объ его обѣщаніи разсказать что-то въ антрактахъ.

— Да-да-да. А я-было и запамятовалъ...—заговорилъ Никаноръ Сергѣичъ.—Диви бы съ кѣмъ другимъ, а то со мной случилось... Поступилъ я въ полкъ юнкеромъ. Ну, извѣстно, полковая жизнь. Стояли-то по деревнямъ: то къ одному помѣщику, то къ другому. Пріѣхалъ я какъ-то къ ближайшему; тоже въ полку служилъ и лихой такой... Пріѣхалъ, а у него дымъ коромысломъ: въ картежъ дуются, пунши распиваютъ. Я-было къ сторонкѣ, а хозяинъ меня за рукавъ: «ты что̀ жъ?». Не пью и не играю. — «Не пьешь?» Не пью и не играю. — «Не пьешь? А это что̀?» — полѣзъ въ карманъ и вытащилъ какую-то бумажку...—«Читай, говоритъ, что̀ тутъ напечатано. Читать умѣешь? Видишь: «у пріятелей безъ подпитія дружества не бываетъ»?.. Печатано, говоритъ, али нѣтъ?»—Печатано.— «Такъ что̀ жъ ты?» Я ему повѣрилъ, какъ вы римскимъ травлямъ, повѣрилъ да и подпилъ, а онъ меня тутъ же и затравилъ на десять тысячъ ассигнаціями... Вотъ и вѣрьте!—заключилъ Никаноръ Сергѣичъ.—А ты, Сидоръ, выбоину объѣзжай.

— Потрафимъ-съ!

1850.

КИРИЛЫЧЪ.

(Нѣсколько листковъ изъ записокъ ***).

...Яковъ Кирилычъ былъ крѣпостнымъ моей бабушки Настасьи Степановны. Я запомню и отца его, Кирилу, семидесятилѣтняго старика. По какому-то непонятному для меня раздѣлу, Кирила отошелъ къ другой моей бабушкѣ, Дарьѣ Григорьевнѣ, и «ѣздилъ у нея въ кучерахъ». Старикъ Кирила былъ олицетвореніемъ простодушія и правоты. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о немъ замѣчательные разсказы. Напримѣръ, разъ онъ пошелъ продать лишній возъ сѣна. Выѣхалъ съ нимъ на рынокъ; стали подходить покупатели: кто ни подойдетъ, всякій похвалитъ сѣно и деньги хорошія даетъ, а Кирила всякому и подговоритъ:—«Купи, баринъ! Что не купить? Сѣно хорошее... Хоша и есть въ середкѣ мышеѣдина, а хорошее сѣно!..» Разумѣется, сѣна не купили...

Жены его я не засталъ; говорятъ, была баба бойкая, да рано умерла и оставила Кирилу съ двумя сиротами, Катериной и Яковомъ. Катерина также умерла, еще до француза; объ ней я наслышался отъ самого Якова. «Эхма! — говаривалъ онъ обыкновенно: — важная была дѣвка!.. полная, съ лица чистая... да вотъ отпроситесь когда погулять: сходимъ на Калитвинское кладбище»... Вообще Кирилычъ не могъ вспомнить безъ умиленія о своей покойной семьѣ. Каждый годъ онъ покупалъ тетрадку въ цвѣтной оберткѣ, и, по его просьбѣ, я вооружался перомъ и тщательно выводилъ на заглавномъ листкѣ: «Поминаніе». На первой страничкѣ писалось: «помяни, Господи, души рабъ твоихъ: Кирилы, Ирины и Екатерины»; второй листокъ оставался бѣлымъ, а на третьемъ начинался длинный синодикъ, и постоянно «боляриномъ Іоанномъ». Послѣднія имена усопшихъ измѣнялись ежегодно.

Большею частью поминаніе Кирилыча могло замѣнить послѣдовательный некрологическій перечень моихъ родныхъ и ихъ прислуги, но иногда встрѣчались имена, совершенно мнѣ незнакомыя.

Въ такомъ случаѣ я обыкновенно спрашивалъ: «Это кто?». Кирилычъ доставалъ изъ-за пазухи тавлинку, нюхалъ съ разстановкой, въ три пріема, свой особенный табакъ и отвѣчалъ: «А это Алексѣй Макарычъ, серебренникъ съ Зацѣпы... На масляной померъ... Вѣнчикъ на икону Николая Чудотворца мнѣ дѣлалъ». Или: «А это—Гавриловна, богадѣленка... къ Троицѣ вмѣстѣ ходили... дочь въ Петровскихъ казармахъ живетъ: за тамошнимъ ундеромъ замужемъ». Нужно замѣтить, что поминаніе писалось съ возможной таинственностью. Тетрадка покупалась непремѣнно въ свѣчной лавкѣ у Иверскихъ воротъ, и непремѣнно изъ синей бумаги. На первой недѣлѣ Великаго поста, наканунѣ родительской субботы, когда весь домъ, по старинному обычаю, предавался послѣобѣденному отдыху, Кирилычъ вызывалъ меня потихоньку изъ горницы и уводилъ въ кухню. Тамъ онъ разстилалъ на уголку обѣденнаго стола чистое полотенце, клалъ на него тетрадку и ставилъ мѣдную дорожную чернильницу, похожую на крошечный самоваръ; сверху у нея отвинчивалось металлическое перо—тогда большая рѣдкость, снизу — песочница. Эту чернильницу Кирилычъ купилъ, по случаю, на Смоленскомъ рынкѣ, чистилъ передъ каждымъ двунадесятымъ праздникомъ и цѣнилъ, по крайней мѣрѣ, рублей въ пять. Грамотѣ онъ не зналъ: покойный мой дѣдъ началъ-было учить его азбукѣ и дошелъ до тройныхъ складовъ, но скоропостижно умеръ. Тѣмъ не менѣе Кирилычъ могъ отличать буквы и азбуку читалъ безъ запинки отъ аза до ижицы. Кромѣ обыкновенной азбуки, у него была еще своя, съ причитами, а именно: азъ-буки-бабашки, вѣди-таракашки, глаголь-кочерыки, добро-помелò, и т. д. Почему онъ не выучился читать самоучкой — для меня загадка. Правда, въ послѣднее время я не разъ готовъ былъ побожиться, что Кирилычъ умѣетъ читать, но его не легко было поймать, и онъ легъ со своею тайной въ могилу. Несмотря на видимую безграмотность, Кирилычъ, благодаря своей изумительной памяти, получилъ значительное образованіе. Церковную службу онъ зналъ наизусть и понималъ отъ слова до слова: этимъ пониманіемъ онъ былъ обязанъ приходскому священнику, который любилъ его и зачастую бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. По воскресеньямъ и господскимъ праздникамъ Кирилычъ помогалъ причту: зажигалъ и тушилъ мѣстныя свѣчи, прислуживалъ старостѣ, ходилъ съ

кружкой. Вербная суббота, Свѣтлое воскресенье, Троицынъ день, вешній и зимній Никола—наши приходскіе праздники были для него особенно торжественными днями. Въ эти дни онъ вставалъ задолго до заутрень, приводилъ въ порядокъ свой тѣсный уголокъ, тщательно одѣвался въ длинный черный сюртукъ и синіе штаны, повязывалъ на шею бѣлый кисейный платокъ съ лиловыми мушками, зажигалъ передъ образомъ св. Николая Чудотворца — родительскимъ благословеніемъ—восковую свѣчу и отправлялся въ церковь. Домой возвращался онъ, отстоявъ заутреню, раннюю и позднюю обѣдню. «Богъ милости прислалъ!» — говорилъ онъ всегда, входя съ поклономъ въ нянину комнату, гдѣ мы, маленькія дѣти, обыкновенно пили утренній чай; потомъ поздравлялъ съ праздникомъ, подходилъ къ ручкѣ сестры и подавалъ просфору, освященную вербу, крашеное въ вѣникахъ яйцо или пучокъ полевыхъ цвѣтовъ. Кстати замѣтить, что богобоязненность и набожность, отличительныя черты Кирилыча, истекали прямо изъ его честной природы и тихаго, ровнаго нрава: онъ былъ до-нельзя почтителенъ съ господами, никогда не заводилъ ссоры съ домашними, никогда не торопился осуждать, никогда не злословилъ, и только изрѣдка, по врожденной бойкости ума, позволялъ себѣ красное словцо. Большею частью онъ выражалъ свое мнѣніе въ пословицахъ и поговоркахъ. «Матушка рожь кормитъ всѣхъ сплошь, а пшеница по выбору!»—говаривалъ онъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. При другихъ замѣчалъ, понюхавъ табаку и немножко прищурившись: «поживешь на вѣку, поклонишься и хряку: господинъ хрякъ, сдѣлай такъ! а онъ хрю-хрю... посмотрю!» Для обозначенія человѣка себялюбиваго въ словарѣ Кирилыча находилось знаменательное слово: «янька» (покойный Шевыревъ не зналъ, къ сожалѣнію, этого слова, а то, вѣроятно, замѣнилъ бы имъ пришлое слово: «эгоистъ»). Про одну суетливую и крикливую барыню Кирилычъ выражался такъ. «Охъ, ужъ эта Степанида Сергѣевна! Стоя ѣдетъ—семерыхъ везетъ!» Вообще вся система его жизненной философіи была выстроена на пословицахъ и поговоркахъ. Одну только пословицу: «ученье свѣтъ, а неученье тьма»—повторялъ онъ безсознательно и больше по привычкѣ: въ сущности онъ не признавалъ пользы ученья, или, по крайней мѣрѣ, предполагалъ, что учиться слѣдуетъ не всѣмъ, а кого Богъ вразумитъ. «Дается наука—учи,—говаривалъ онъ: —не дается, и учить не надоть. А то вонъ одинъ баринъ посылалъ сынка за море учиться. Обучился онъ тамъ разнымъ наукамъ, вернулся домой—отецъ и вздумалъ дознать—хорошо ли его выучили? Взялъ въ руку кольцо, да и

говоритъ: «узнай, молъ, что̀ у меня въ рукѣ?» По наукѣ-то сынъ и дошелъ, что круглое и по серединѣ дыра...—«Ну, ладно, что̀ жъ такое?»—«А жерновъ!»—говоритъ. При этомъ Кирилычъ выразительно кивалъ головой. Иногда ему казалось, что учителя пустякамъ учатъ и только деньги берутъ даромъ, но къ подобному заключенію онъ приходилъ осторожно, окольными путями.

Однажды, напримѣръ, онъ предложилъ мнѣ загадку: «Безъ денежки грошъ, да три денежки отложь, много ли будетъ?» Подумавъ немного, я отвѣчалъ: «ничего не будетъ». Кирилычъ предложилъ другую: «Денегъ: пять денегъ, грошъ, пять копеекъ, да денежка стара,—много ли стало?» Я опять отгадалъ и довольно скоро.

— Да вы, вѣрно, прежде слыхали?—замѣтилъ Кирилычъ.

Нѣтъ, право, не слыхалъ.

— Ну, а это какъ будетъ: шли мужъ съ женою, братъ съ сестрою, шуринъ съ зятемъ—много ли шло?

— Шестеро,—отвѣтилъ я, не задумавшись,—и попался.

— Шестеро!—повторилъ насмѣшливо Кирилычъ.

— Конечно, шестеро.

— Нѣтъ, не шестеро.

— А сколько же?

— Трое.

Я засмѣялся, но тутъ же былъ пристыженъ Кирилычемъ: оказалось, что я вовсе не знаю названій родственныхъ степеней. «Чему это васъ учитъ Александръ Васильевичъ?—говорилъ Кирилычъ, качая головой.—Только деньги даромъ беретъ, право—даромъ. Трахтусъ—перетрахтусъ, саранда, акупанда... Словно какая мельница, а толку никакого нѣтъ». Кирилычъ намекалъ на безполезную, по его мнѣнію, латынь. Представителями нѣмецкаго языка у него были три слова: «васмахтеръ»—«дахтеръ»—«парфлюхтеръ»—несомнѣнно подслушанныя у какого-нибудь нѣмца. Французовъ Кирилычъ дразнилъ цѣлыми реченіями, въ родѣ слѣдующаго: «Мусю, мусю, пардонъ, анетомъ, панафотъ. Этакъ они пардону просятъ,—прибавлялъ онъ обыкновенно.—Насмотрѣлся я на нихъ въ двѣнадцатомъ году... Настоящіе были французы: съ Бонапартомъ приходили». Пожуривъ заочно учителя, Кирилычъ растолковалъ мнѣ всѣ степени родства живыми примѣрами; «Вотъ Иванъ Сергѣичъ женились на тетенькѣ на Аннѣ Михайловнѣ: теперича дѣдушка Михайла Андреичъ и будутъ имъ тестемъ, а они дѣдушкѣ будутъ зятемъ и бабушкѣ Аринѣ Семеновнѣ будутъ зятемъ, а тетенька Анна Михайловна»... и т. д. Въ другой разъ Кирилычъ напалъ на моего учителя за то, что не учитъ класть на счетахъ, и тутъ же, за одинъ

присѣстъ, выучилъ меня считать. Самъ онъ клалъ на счетахъ не торопясь, бережно отдѣлялъ косточки и не кидалъ ихъ, а медленно отводилъ среднимъ пальцемъ и слегка пристукивалъ. Въ умѣ считалъ онъ съ непостижимой быстротой и какъ-то по-своему: десятками, пятками, полтретями и полчетвертями. Сколько разъ принимались мы считать взапуски — я на бумагѣ, онъ въ умѣ: какъ бы ни былъ дробенъ и сложенъ счетъ, Кирилычъ всегда меня опередитъ, при чемъ не преминетъ упрекнуть учителя. Но тайны его искусства я не постигъ— Кирилычъ ли не сумѣлъ передать ее мнѣ толково, или у меня недостало сметки. Стали меня учить географіи и купили карту Россіи. Кирилычъ не замедлилъ полюбопытствовать—что̀ это за листъ? Я сказалъ, что географическая карта,—Кирилычъ не понялъ. «Что̀ же тутъ за разводы такіе?» — спросилъ. —

— Тутъ рѣки проведены, города назначены...

— Наши города?

— Наши.

— Извольте-ка посмотрѣть—гдѣ тутъ Москва написана?

Я показалъ.

— А Богородскъ?

— Вотъ и Богородскъ.

— А Владимиръ гдѣ?

— Вотъ.

— А Нижній?

— Нижній здѣсь.

Кирилычъ слѣдилъ за моимъ пальцемъ; понюхалъ табаку, покрутилъ головой и сказалъ:

— Экъ мы крюку-то дали въ двѣнадцатомъ году!.. А извольте-ка посмотрѣть, сколько верстъ до Нижняго?

— Тутъ версты не показаны.

— А до Владимира?

— И до Владимира не показаны; нигдѣ нѣтъ верстъ.

— Стало, въ книжкѣ есть?

— Да и въ книжкѣ нѣтъ.

Кирилычъ остался очень недоволенъ.

— Эхъ! чему только васъ учатъ! Я вотъ неученый, да и то сочту... До Богородска тепереча пятьдесятъ двѣ версты, отъ Богородска до Владимира положить хоть сто двадцать, али сто девятнадцать—это будетъ сто семьдесятъ одна верста, а тамъ до Мурома сто двадцать двѣ считаютъ, да отъ Мурома до Нижняго съ лишнимъ девяносто, а выйдетъ безъ малаго четыреста верстъ.

— Да ты почему знаешь?

— А какъ же? А отъ француза-то ѣхали... Что̀ тутъ было передряги!

— Торопились?

— И-и-и! Въ одинъ день скрутили... Выѣхали этакъ около вечеренъ, отъѣхали верстъ двадцать пять, стали лошадей кормить... Восемнадцать лошадей подъ нами было: въ каретѣ шестерикъ, въ коляскѣ четверка, въ бричкѣ тройка, въ кибиткѣ тройка, въ возу пара...

— А ты гдѣ ѣхалъ?

— Я фалеторомъ въ каретѣ ѣхалъ; батюшка - покойникъ кучеромъ.

— Сколько же тебѣ лѣтъ было?

— Да что мнѣ?.. Лѣтъ осьмнадцать никакъ было... Повелъ я лошадей къ колодѣ, погляжу — катитъ по дорогѣ телѣга... тройкой. Какъ поровнялась съ колодцемъ, такъ обѣ пристяжныя и чубурахнулись. Баринъ соскочилъ... а еще и баринъ-то знакомый былъ—Полѣсовъ, Николай Иванычъ, въ антилеріи служилъ, такой видный... Соскочилъ это съ телѣги, прямо на меня.—«Давай, говоритъ, парнюга, тройку, а моихъ себѣ возьми—выводишь». Я ему говорю:—«Батюшка, Николай Иванычъ, лошади барскія!». Глянулъ на меня—призналъ.—«Ахъ, это ты, Яшка! Гдѣ твои господа?»—«Пожалуйте, молъ, сударь, въ избу... чай изволятъ кушать». Вбѣжалъ онъ въ избу, да какъ кинется къ старому барину на шею:—«Голубчикъ мой, Иванъ Григорьичъ! Вѣдь вошли въ Москву окаянные!» А у самого слезы такъ ключомъ и бьютъ. Стала его барыня уговаривать:—«Успокойтесь, Николай Иванычъ! Отдохните часокъ-другой... Никакъ вы и руку разбередили?..» Куды тебѣ!—«Прощайте, говоритъ, Настасья Степановна! Некогда мнѣ отдыхать: полкъ догоняю. А коли вы меня любите, Иванъ Григорьичъ, прикажите мнѣ своихъ лошадей впрячь». Велѣлъ старый баринъ отдать ему тройку изъ-подъ брички: перепрягли мы съ батюшкой, переплетъ веревочный напутали... Поцѣловался съ господами, подошелъ къ покойной тетенькѣ Александрѣ Ивановнѣ къ ручкѣ, сѣлъ въ телѣгу — только его и видѣли!.. Тутъ, поглядимъ, къ вечеру стало небо краснѣть, какъ сукно красное стало... А по дорогѣ-то народъ валомъ валитъ, кто пѣшкомъ, кто на возу... Жарко же и горѣла Москва-матушка... Ухъ! какъ зарево разметалось! Верстъ за сорокъ видно было...

Я часто наводилъ Кирилыча на разговоръ о двѣнадцатомъ годѣ и каждый разъ узнавалъ новыя любопытныя подробности. Бывало, отучивъ уроки, а особенно сбывъ съ рукъ учителя, я нетерпѣливо выжидалъ той минуты, когда мнѣ можно будетъ незамѣтно уйти на кухню. Лѣтомъ подобные побѣги производились легко, но зато зимой удавались очень рѣдко:

во-первыхъ, у насъ почти каждый вечеръ бывали гости, а при гостяхъ какъ Яковъ Кирилычъ, такъ и другой бабушкинъ слуга, Иванъ Степанычъ, обязаны были присутствовать въ передней: во-вторыхъ, если и никого не было, трудно было отворять промерзлую сѣнную дверь безъ скрипа, а этотъ скрипъ тотчасъ достигалъ въ сосѣднюю комнату до чуткаго слуха няни, — и тогда бѣда! Старушка разомъ смекала, что ушелъ одинъ изъ ея питомцевъ, я или мой маленькій братъ, а пожалуй, и оба,—пережидала минуту-другую и заставала виновныхъ на мѣстѣ преступленія. Начинались увѣщанія и упреки:

— Безстыдники! Нешто вамъ мѣсто здѣсь?.. Ахъ, ты, Господи Боже мой! Скажу, непремѣнно скажу маменькѣ: — «Воля ваша, сударыня! Сидятъ дѣти на кухнѣ—сладу нѣтъ!»

Конечно, мы начинали ее упрашивать, обѣщали не ходить на кухню, а дня черезъ два повторялась та же исторія. Много же и приманокъ представляла кухня нашему дѣтскому любопытству! Она отдѣлялась отъ барскихъ покоевъ сѣнями и состояла изъ двухъ комнатъ: изъ собственно кухни, она же и застольная, и изъ каморки. Въ каморкѣ помѣщался Иванъ Степанычъ съ своей женою Марьей; въ застольной стояла завѣшанная ситцевымъ пологомъ кровать кормилицы Маланьи. Маланья кормила когда-то и няньчила одну изъ моихъ тетокъ; питомица ея умерла по третьему году, а Маланья такъ успѣла привыкнуть къ бабушкиному дому, что и не думала оставлять его. Должность ея заключалась въ мытьѣ половъ, въ стиркѣ бѣлья и въ приготовленіи кушанья для людей. Барской стряпухою была Марья. Кромѣ нихъ, въ кухнѣ помѣщался и Кирилычъ; ему былъ отведенъ узкій запечекъ, въ которомъ онъ ухитрился примостить самодѣльную кровать, а надъ кроватью устроилъ изъ четырехъ досокъ полати. На весну и на лѣто Кирилычъ перебирался въ просторный амбаръ, гдѣ и оставался до глубокой осени, именно до тѣхъ поръ, пока его не выгоняли крѣпкіе заморозки. Благодаря рѣдкой чистоплотности бабъ, кухня всегда была въ приборѣ: горшки перемыты, кастрюли вычищены, полъ подметенъ; столъ, лавки и полки ежедневно перетирались мокрой мочалкой. Каморка Ивана Степаныча отличалась особенною щеголеватостью: въ переднемъ углу висѣлъ крашеный кіотъ съ образами; два изъ нихъ были въ посеребренныхъ ризахъ; за кіотомъ постоянно находился пучокъ пѣтой вербы; на выступѣ кіотнаго ящика стояла лампадка и лежалъ часословъ; въ ящикѣ хранились артусъ, восковыя свѣчи, ладанъ и бутылочка со святой водой. Подъ окномъ стоялъ небольшой столикъ, за которымъ Иванъ Степанычъ работалъ цѣлый день: онъ шилъ башмаки.

Кирилычъ также шилъ башмаки, но стола у него не было; его замѣняла лавка, и на ней Кирилычъ раскладывалъ въ порядкѣ весь свой башмачный снарядъ.

Наружность того и другого башмачника представляла рѣзкую противоположность: Иванъ Степанычъ былъ вершковъ двѣнадцати росту, сухой, мускулистый, смуглый; черные его волосы сильно порѣдѣли и серебрились на вискахъ; черные какъ уголь глаза отличались странностью взгляда: они какъ-то особенно разбѣгались по сторонамъ, словно заглядывали вамъ за спину справа и слѣва. Ходилъ онъ всегда согнувшись и потупивъ голову; очень часто хохоталъ сиплымъ голосомъ и безъ всякой видимой причины, но вообще былъ угрюмъ и молчаливъ.

Когда мы переѣхали изъ уѣзднаго города въ Москву и поселились у бабушки, Степанычу было года пятьдесятъ два—пятьдесятъ три. Кирилычу въ это время было лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Приземистый, свѣтло-русый и кудреватый, съ проницательными сѣрыми глазами, онъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе умнымъ выраженіемъ лица: съ его тонкихъ, крѣпко сжатыхъ губъ никогда не сходила привѣтливая и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатая улыбка; впрочемъ, смѣялся онъ рѣдко; въ разговорѣ откашливался и многозначительно щурилъ лѣвый глазъ. Голосъ у него былъ мягкій и пріятный: Кирилычъ возвышалъ его тона на два или на три, если разсказывалъ что-нибудь трогательное или торжественное, и точно такъ же понижалъ, если разговоръ касался какихъ-нибудь загадочныхъ или сомнительныхъ вопросовъ. О предметахъ таинственныхъ или сверхъестественныхъ онъ говорилъ шопотомъ и предварительно оглядывался назадъ. По временамъ Кирилычъ затягивалъ и пѣсню, но вообще пѣлъ черезчуръ однообразно и не иначе, какъ высочайшимъ фальцетомъ. Любимою его пѣснею была: «Во полѣ березынька стояла». Онъ всегда пѣвалъ ее за работой и послѣ припѣва—«кудрявая моя!»—непремѣнно стучалъ молоткомъ по подошвѣ башмака, иногда безъ всякой надобности.

Кстати о башмакахъ. Степанычъ смолоду учился у хорошаго мастера, шилъ очень чисто козловые и матерчатые башмаки и ботинки и сбывалъ ихъ довольно выгодно знакомому рядскому купцу. Товаръ онъ выбиралъ съ виду казистый, но въ сущности праховый; работалъ на скорую руку. Кирилычъ выучился шить самоучкой,—шилъ только выростковые или опойковые башмаки и непремѣнно на заказъ, по личной просьбѣ какой-нибудь знакомой кухарки или горничной. Башмаки его славились по околотку, и немудрено: имъ износу не было.

Нужно было посмотрѣть, какой товаръ выбиралъ онъ на подошвы, какими концами союзилъ! Право: кажется, добрая лошадь нескоро бы разносила его башмаки — особенно выростковые. Стоило взглянуть на башмачные снаряды Кирилыча, чтобы убѣдиться въ прочности его работы: колодки у него были словно литыя изъ дуба; ножи, толстые, тупорылые, сидѣли, какъ припаянные, въ деревянныхъ череньяхъ, перетянутыхъ еще, на всякой случай, проволокой; каждымъ его шиломъ можно было стѣну провертѣть; въ наперсткѣ было, навѣрное, четверть фунта вѣсу. Работалъ Кирилычъ медленно, осмотрительно и съ нѣкоторымъ педантизмомъ. Приходилось ли, примѣрно, расколотить вымоченную подошву, онъ и этого не дѣлалъ спроста: когда-то—когда-то достанетъ доску, да перевернетъ ее разъ пять, да поприщурится; потомъ станетъ посвистывать и выбирать, съ разными замѣчаніями, гвозди и наконецъ начнетъ выколачивать вымокшую кожу. Все это дѣлалось изъ видимаго желанія показать, что вотъ, молъ, всякое дѣло мастера боится. Какъ бы то ни было, башмачная работа Кирилыча доставляла мнѣ много наслажденія, тѣмъ болѣе, что онъ разсказывалъ за нею сказки, и — надобно отдать ему полную справедливость — разсказывалъ очень хорошо; впослѣдствіи мнѣ случалось слыхать многихъ сказочниковъ, но нѣтъ, — не то! Далеко не то... Кромѣ сказокъ, Кирилычъ зналъ нѣсколько легендъ. Эти легенды, вѣроятно, составленныя въ прошломъ вѣкѣ безыменными авторами, были гораздо занимательнѣе сказокъ и длились иногда по цѣлымъ вечерамъ. Разсказывалъ иногда подъ веселую руку и Иванъ Степанычъ, но его разсказы были уже слишкомъ проникнуты мистицизмомъ и потому не могли занимать дѣтскаго воображенія. При томъ же Степаныча обыкновенно слушала его жена и считала обязанностью вздыхать чуть не на каждомъ словѣ: я всегда былъ слабонервнымъ ребенкомъ, и эти воздыханія дѣйствовали на меня раздражительно. Замѣчу здѣсь, что Марья была совершенно подъ стать своему мужу: высокая, худощавая, черная, смолоду очень недурная. Передъ мужемъ она трепетала, какъ листъ осиновый, и, говоря о немъ въ третьемъ лицѣ, называла: «самъ». Дѣтей у нихъ было что-то неимовѣрно много—двадцать два или двадцать три человѣка, но въ живыхъ остались только двѣ дочери: старшая, Анисья, жила въ услуженіи у нашихъ родственниковъ, меньшая, Софья, была горничной у бабушки.

Не могу не остановиться на этой дѣвочкѣ, потому что съ ней связаны многія воспоминанія моего дѣтства.

Софьѣ пошелъ шестнадцатый годъ; она еще не сложилась

порядкомъ—вытянулась какъ-то вдругъ, не успѣла еще привыкнуть къ своему росту и качалась, какъ вешняя травка, которую за одну ночь выгнало изъ земли. Въ лицѣ у ней не было ни кровинки, но окладъ его былъ безукоризненно правиленъ. Большіе черные глаза смотрѣли безжизненно: съ нихъ какъ будто кто стеръ эмаль—такъ они были тусклы. Пугливо-приподнятыя брови и рѣсницы, блѣдныя губы, синеватыя полосы подъ глазами доказывали несомнѣнную болѣзненность организма. Впрочемъ, Софья не жаловалась ни на какую боль, а говорила только, что чувствуетъ слабость, и что сонъ ее больно клонитъ по вечерамъ. Марья увѣряла, что ея дочь сглазили, но бабушка Анна Степановна рѣшилась посовѣтоваться съ хорошимъ докторомъ. Еще одна странность: лѣтъ до пятнадцати Софья была прерѣзвая дѣвочка: на мѣстѣ, бывало, пяти минутъ не посидитъ. Няня безпрестанно ее бранила и прозвала юлой. По шестнадцатому году Софья вдругъ перемѣнилась: притихла, стала задумываться и перешла въ другую крайность—сдѣлалась какой-то безчувственной, сонливой и даже безтолковой. Въ этомъ положеніи нашелъ ее тогдашній знаменитый врачъ М., давнишній знакомый бабушки.

Съ перваго взгляда, М. опредѣлилъ болѣзнь Софьи раннимъ развитіемъ; сказалъ, что лѣченіе ея очень просто, но потребуетъ болѣе удобнаго помѣщенія и неослабнаго присмотра, и въ заключеніе посовѣтовалъ положить дѣвочку въ больницу. Такъ и поступили.

Между тѣмъ подходила весна. Кирилычъ давно уже прочелъ мнѣ наставленіе о морозахъ—«крещенскихъ, аѳанасьевскихъ, коровьемъ рогѣ». Теперь онъ толкуетъ, какъ весну ждать. «Вотъ придетъ время — грачи прилетятъ; тамъ, денъ черезъ пять, — жаворонки прилетятъ; прошла недѣля — «съ горъ потоки», а тамъ ужъ и Благовѣщеніе — ни одна птица гнѣзда не вьетъ; а тамъ и Святая, и Красная горка!»

Прошумѣли «съ горъ потоки»; поплелись по улицамъ мужички съ длинными жердями, обвѣшанными сѣтчатыми клѣтками; по рѣкѣ пошли закраины да полыньи; отъ оконъ запахло весной. Какъ только припечетъ солнце, Кирилычъ выходитъ за ворота съ метлой, заступомъ и ломомъ: ледъ скалываетъ, снѣгъ подчищаетъ, отъ калитки воду гонитъ, чтобы на дворъ не заходила.—«Важная пора,—приговариваетъ онъ, возвращаясь съ работы:—днемъ солнышкомъ снѣгъ истомитъ, а на зарѣ утренникомъ прихватитъ—всю, почитай, воду выжметъ: важная пора!» На Страстной Кирилычъ зазвалъ на дворъ птичника, и... о, радость! Намъ позволили выйти на крыльцо и купить себѣ птицъ; на покупку выдали цѣлый пол-

тинникъ. Кирилычъ, разумѣется, былъ уполномоченъ вести торгъ.

Парнишка, лѣтъ восемнадцати, скуластый и рябой, съ необыкновенно плутовскими глазами, спустилъ клѣтки на крыльцо, снялъ шапку и низко поклонился. Мы бросились разсматривать птицъ. Въ ивовыхъ бѣлыхъ клѣткахъ, кой-гдѣ тронутыхъ для красы сурикомъ, чирикали и прыгали чижики; въ лукошкахъ, обшитыхъ сборчатою сѣтью, съ отчаяннымъ упорствомъ подскакивали жаворонки и безпрестанно выставляли сквозь петли свои острые носики; въ довольно большой крашеной клѣткѣ сидѣло нѣсколько красивыхъ, неизвѣстныхъ намъ птичекъ; наконецъ одна клѣтка была завѣшена тряпицей.

Кирилычъ началъ съ жаворонковъ.

— И-и! Да все самки.

— Помилуйте, какъ можно самочекъ продавать! — возражалъ птичникъ.—Мы вѣдь не то что: сами ловимъ.

— Самъ ловишь! Знаемъ-ста, какъ вы ихъ въ Охотномъ ряду ловите!

— Нѣтъ, дядюшка, не въ Охотномъ ряду... въ полѣ Божіемъ, въ лѣсу Господніемъ...

— Точи балясы-то! Насажалъ самокъ, да и продаетъ, какъ путный.

Парень тряхнулъ головой, развязалъ сѣть, вытащилъ жаворонка и поднесъ прямо къ носу Кирилыча.

— Нешто эвдакія самки бываютъ? Вонъ онѣ шпоры-те, какъ у пѣтуха!

— Что̀ жъ, что самецъ? Какъ есть ледащій... Пѣть не станетъ.

— А не станетъ пѣть, всѣмъ товаромъ отвѣчаю—вотъ что̀!

— Да, ищи тебя потомъ!.. Ну, что̀ просишь?

— За эвтого, али другого показать прикажете?

Парень опустилъ руку въ сѣть.

— Ты другого-то мнѣ не суй. Стой, братъ, не тотъ, не тотъ!.. Вонъ энтотъ-то... вонъ голову просунулъ.

Парень крякнулъ и вытащилъ жаворонка.

— Выжига же ты!—замѣтилъ Кирилычъ.

Парень не разслыхалъ.

— Съ клѣткой, что ли, покупаете?—спросилъ онъ.

— Своя есть.

— Да что̀ съ васъ, безъ запросу, право слово, три двугривенныхъ стоитъ?

— Съ тобой?

— Нѣтъ, дядюшка, я—большого барина: меня не купишь.

— А не продажный, такъ и ступай со двора долой.

Парень поднялъ клѣтки на плечо и направился къ калиткѣ,

но не успѣлъ пройти четырехъ шаговъ, какъ обернулся, рѣшительно махнулъ рукой и сказалъ:

— Давай для почину три гривенника.

— Ступай, ступай съ Богомъ, — говорилъ Кирилычъ такимъ голосомъ, что парень долженъ былъ потерять всякую надежду.

— Да что же вы, дядюшка? Не даромъ же отдавать?

— Давай: мы и даромъ возьмемъ.

— Да сколько же по-вашему?

— По-нашему... — Кирилычъ понюхалъ табаку и прищурился:—пятиалтынный.

У насъ замеръ духъ отъ отчаянія, но дѣло сладилось какъ-то неожиданно: Кирилычъ накинулъ пятакъ мѣди, парень уступилъ пятакъ, Кирилычъ еще накинулъ, и жаворонокъ былъ купленъ за шестьдесятъ пять копеекъ. По усиленной нашей просьбѣ, была куплена еще, за сорокъ копеекъ, одна изъ красивенькихъ птичекъ, оказавшаяся щегленкомъ. Затѣмъ Кирилычъ отыскалъ на чердакѣ двѣ старыя клѣтки, пересадилъ птицъ, потребовалъ съ парня въ присыпку торицы и коноплянаго сѣмени и торжественно внесъ новую покупку въ переднюю. Вколачивая гвозди и вѣшая клѣтки на указанныхъ мѣстахъ, въ няниной комнатѣ, Кирилычъ разсказывалъ—какая птица водится на свѣтѣ и какую чѣмъ слѣдуетъ кормить. Орнитологическія его свѣдѣнія были такъ же своеобразны, какъ и всѣ остальныя.

— А славный былъ у парня реполовъ,—прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Какой реполовъ?—спрашивали мы.

— А развѣ вы не видали? — тряпичкой клѣтка накрыта... Да, чай, дорогъ... парень-то кулакъ.

...Святая тогда была ранняя. Преполовеніе пришлось въ двадцатыхъ числахъ апрѣля. Въ этотъ день намъ была разрѣшена первая прогулка по саду. Нашъ садикъ былъ очень невеликъ: узенькая дорожка вдоль, узенькая дорожка поперекъ, густо обсаженныя акаціями; направо и налѣво по круглому цвѣтнику; въ одномъ углу, около сосѣдскаго брандмауера, двѣ высокія березы, въ другомъ углу кленъ; нѣсколько яблонь и грушъ; кусты смородины, кружевника и малины—вотъ и все. Надзоръ за садикомъ былъ порученъ Ивану Степанычу. Степанычъ проявилъ свою дѣятельность разными затѣями: насадилъ вдоль брандмауера земляныхъ грушъ; одну акацію подстригъ шапкой; двѣ другихъ сплелъ вмѣстѣ жгутомъ; между акаціями развелъ кусты Божьяго дерева; по забору насѣялъ шалфею и наконецъ сколотилъ двѣ скамейки.

Цвѣтниковъ онъ не касался: они состояли подъ вѣдѣніемъ тетеньки. Въ февралѣ и мартѣ она сѣяла и сажала въ горшки разныя сѣмена, а въ маѣ и іюнѣ пересаживала въ грунтъ цѣлый лѣтникъ: витейки, душистый горошекъ, лупины, настурціи, барскую спѣсь, дѣвицу въ зелени и денную красавицу. Какъ теперь помню первое впечатлѣніе, произведенное на меня денной красавицей.

Бабушка, тетенька и сестра ходили, или—лучше сказать—хотѣли сходить къ Троицѣ. Въ отвращеніе всякихъ случайностей, предположено было нанять кибитку въ одну лошадь, собственно для разной клади. Дѣйствительно, Кирилычъ отыскалъ гдѣ-то разбитую клячу, приладилъ къ старой телѣгѣ обтянутый парусиной лубокъ, подвернулъ войлокомъ непригонявшійся хомутъ, и путники (въ томъ числѣ Кирилычъ и кормилица) отправились на богомолье. Имъ слѣдовало вернуться на четвертый день. На четвертый день, часовъ въ семь утра, я побѣжалъ въ садъ.

Роса еще не успѣла сняться и перловыми бисеринками перекатывалась по листьямъ; кой-гдѣ жужжала ранняя пчела; въ березахъ отряхались заночевавшія галки; съ кровли приходской церкви доносилось переливное воркованье голубей; по немощеному переулку скрипѣли немазанныя колеса телѣги, и знакомый голосъ горланилъ: «молока-молока-молока-а!». Не успѣлъ я дойти до перекрестной дорожки, какъ за мной хлопнула рѣшетчатая калитка, и мои плеча погнулись подъ тяжелыми лапами Барбоски. Барбоску подарилъ мнѣ Кирилычъ, полтора года тому, въ день моихъ именинъ. Тогда это былъ чернопѣгій щенокъ, толстолапый, тонкохвостый, съ подпалинами надъ глазами. Теперь изъ него выровнялся гладкій песъ, первый по околотку: лаялъ онъ, какъ изъ бочки; сыромятный ошейникъ—издѣліе Кирилыча—только слегка понамялъ ему загривокъ; когда онъ, въ порывѣ злобы или усердія, выскакивалъ изъ конуры, все прикалитное звено забора ходило ходенемъ подъ сильно рванутымъ, винтовымъ кольцомъ полупудовой цѣпи... Зато же и любилъ его Кирилычъ! «Этакой собаки,—говорилъ онъ:—по всей Москвѣ поискать... Право, такъ!.. На все у нея свой голосъ есть. Господа ли пріѣхали, чужой ли вошелъ, курица ли подъ подворотню шнырнула, али хошь и лошадь на дворъ въѣхала,—такъ и отольетъ!»

...Пріятно выздоравливать... Съ каждымъ днемъ крѣпнутъ силы; изъ головы постепенно вывѣтривается тяжелый угаръ болѣзни; каждый вздохъ облегчаетъ стѣсненную грудь. Не забыть мнѣ того отраднаго чувства, когда я въ первый разъ поднялся съ постели и, шатаясь, добрелъ до сосѣдней ком-

наты. Меня усадили на диванъ. Братъ и сестра бросились обнимать меня и болтали наперерывъ: они не видали меня цѣлые полгода. Маменька, не отходившая ни на минуту отъ моей постели, безмолвно плакала и цѣловала мои исхудалыя щеки. Бабушка старалась сохранить важный видъ, но я видѣлъ, какъ на ея сѣдыя рѣсницы навернулась слеза. Няня стояла въ дверяхъ и утирала глаза передникомъ; она также не отходила отъ меня во время болѣзни и чередовалась съ маменькой. Я не видалъ только тетеньки: мнѣ объяснили, что она гоститъ въ деревнѣ у графини Д* и возвратится на-дняхъ вмѣстѣ съ Софьей.

— Не узнаешь ты, батюшка, нашей Софьи! — вмѣшалась няня въ общій разговоръ. — Выросла какъ, пополнѣла, процвѣтнѣла. Маковъ цвѣтъ, а не дѣвка.

— А Кирилычъ здоровъ?—спросилъ я.

— И, батюшка! Что̀ ему, гладкому, дѣлается? Здоровъ... Смотри-ка, какъ франтить сталъ!.. Часы себѣ купилъ... ей-Богу!

Няня засмѣялась и покачала головой.

Тутъ же я узналъ разомъ обо всѣхъ перемѣнахъ, случившихся въ нашемъ маленькомъ мірѣ. Во-первыхъ, бабушка перестроила заново флигель (такъ называлась небольшая пристройка къ нашему дому; ее отдавали въ наймы). У сада сдѣлана новая рѣшетка; надъ колодцемъ поставили новый срубъ; Барбоскѣ выкрасили конуру. Другія новости были не менѣе замѣчательны: маменька, къ несказанному удовольствію Кирилыча, перемѣнила учителя; одна изъ дальнихъ нашихъ родственницъ выходила замужъ за богатаго человѣка... «Только дурной такой, да старый!»—прибавила няня. У самой няни, страстной охотницы до куръ, насѣдка дюжину цыплятъ высидѣла; да еще няня подъ ворону яйца клала: вывелись двѣ молодки — и «бѣдовыя, — пропади онѣ совсѣмъ!» — замѣчала няня. У щегленка сѣлъ-было типунъ, да Кирилычъ своего кума привелъ—тотъ и снялъ; жаворонка повѣсили третьяго-дня на крыльцо, а онъ прорвалъ сѣтку и улетѣлъ... А въ кухнѣ сверчокъ завелся: «надо-быть, къ свадьбѣ!». Послѣдній выводъ, основанный неизвѣстно на чемъ, принадлежалъ также нянѣ.

— А что̀ же вы, дѣти, не покажете брату новыхъ игрушекъ?—говорила бабушка.

— Я тебѣ, другъ мой, папенькины книги разобрала, — говорила маменька.—Тамъ и исторія Карамзина есть.

Исторія Карамзина была исконнымъ предметомъ моихъ пламенныхъ желаній: я начитался объ ней изъ старыхъ журналовъ, хранившихся въ книжномъ шкапикѣ тетеньки—большой любительницы отечественной словесности.

— Да не подать ли пирожка: чай, ужъ отмякъ? — говорила няня.

Въ это время изъ передней растворилась дверь, и вошелъ Кирилычъ.

При первомъ взглядѣ на неразстаннаго спутника моего дѣтства я понялъ, что въ немъ произошла какая-то перемѣна. На немъ была новая пара платья: изрыжа-зеленый сюртукъ, желтыя нанковыя панталоны и такой же жилетъ; на жилетѣ красовался голубой бисерный шнурокъ съ бронзовымъ ключикомъ—обличители разорительной обновки; волосы Кирилыча были тщательно закручены «отъ руки» и лоснились предательски; лицо сіяло какой-то особенной торжественностью. Я подумалъ бы, что онъ именинникъ, если бы не зналъ достовѣрно, когда бываетъ Яковъ, «братъ Божій». Въ рукахъ у Кирилыча было что-то довольно высокое, обернутое въ сѣрую бумагу. Кирилычъ поставилъ свою ношу на столъ, подошелъ ко мнѣ, поздравилъ съ выздоровленіемъ и хотѣлъ поцѣловать у меня руку, но я ее отдернулъ; тогда онъ таинственно развернулъ бумагу — и передо мной открылся горшокъ желтой фіоли. Я очень любилъ цвѣты—Кирилычъ зналъ, чѣмъ подарить меня — и подарилъ по-своему: желтая фіоль — цвѣтокъ спорый, отцвѣтетъ — срѣжь макушки — она опять цвѣтетъ... цвѣтетъ чуть не до октября! Понятно, какъ я долженъ былъ обрадоваться подарку!.. Но, признаюсь, пуще подарка меня занималъ вопросъ: отчего такъ веселъ Кирилычъ? Разрѣшилъ я этотъ вопросъ, только не тогда, а дней черезъ пять, когда окончательно выздоровѣлъ. Помнится, что послѣ подарка желтой фіоли я не просидѣлъ и десяти минутъ: у меня закружилась голова, я долженъ былъ лечь въ постель и пролежалъ дня три-четыре. Въ это время воротились изъ деревни тетенька и Софья, но я ихъ еще не видалъ. Всталъ я какъ разъ въ день Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, утромъ. Памятенъ мнѣ и этотъ день, очень памятенъ... Мои пошли къ обѣднѣ, а меня, конечно, не взяли. Несмотря на раннюю пору, парило такъ сильно, что я задыхался отъ жары. Няня вывела меня на крыльцо и посадила на верхней ступенькѣ. Первый разъ послѣ шести мѣсяцевъ я выходилъ на воздухъ и первый разъ, можетъ-быть, понялъ—какъ хорошо лѣтнее утро...

Темно-голубое небо уходило все выше и выше отъ моего напряженнаго взора; солнце, перебѣжавъ черезъ крышу нашего дома, ударяло прямо въ садовую рѣшетку и пронизывало насквозь каждый листокъ, каждую травку, опаренные выкипѣвшею росою; изъ саду понеслось на меня цѣлое облако смѣшанныхъ благоуханій; изъ кухни пахнуло ѣдкимъ, какъ-то

особенно праздничнымъ дымкомъ. Съ жаднымъ любопытствомъ осматривался я кругомъ и отыскивалъ знакомые предметы. Вотъ амбаръ, лѣтнее мѣстопребываніе Кирилыча,—на его крышу припало нѣсколько воробьевъ, вѣроятно, спугнутыхъ няней отъ запретной для нихъ колодки съ куринымъ кормомъ. Вотъ новый срубъ и старое, огромное колесо колодца; вотъ и позеленѣвшая отъ водяной плѣсени бадья съ мокрой цѣпью. Изъ-за сруба выглядываетъ камень, камень по преимуществу, снизу обросшій мохомъ и кустиками цикоріи, сверху ожелѣзненный не однимъ десяткомъ ножей, топоровъ, скребковъ, сѣчекъ и тому подобныхъ наступательныхъ орудій домашняго обихода. Этотъ камень отыскалъ Кирилычъ лѣтъ восемь тому, на берегу Москвы-рѣки: его вымыло изъ песчанаго косогора полой водой. Кирилычъ подговорилъ знакомаго лѣсника, — съ помощью его и двухъ работниковъ взвалилъ камень на дровни и торжественно привезъ домой. Въ сущности это былъ огромный, продолговатый брусокъ, пудовъ въ тридцать; но Кирилычъ, повидимому, признавалъ въ немъ разныя скрытыя достоинства. Однажды онъ разсказалъ мнѣ, таинственно прищуривая лѣвый глазъ, какъ «такой-то камень лежалъ у мужичка подъ завалинкой, какъ мимо ѣхалъ англичанинъ и сталъ приторговывать камень, а мужичокъ смекнулъ, что баринъ-то простоватъ, да и заломилъ съ него сто рублевъ: глядь—тотъ и деньги высыпалъ, а камень увезъ съ собой, да, пріѣхамши домой, распилилъ пополамъ и вынулъ изъ него изумрудъ, съ кошачью голову». Говоря откровенно, я самъ смотрѣлъ на камень съ особеннымъ уваженіемъ, и дѣтскому моему воображенію не разъ представлялся большой изумрудъ, при томъ не иначе, какъ съ кошачьими ушами... Отъ камня мои взоры перешли на выкрашенную конуру Барбоски

„И на жильца свирѣпаго ея“.

Барбоска лежалъ за конурой, въ застѣнкѣ, щурился, неимовѣрно высовывалъ языкъ и дышалъ на весь дворъ. Только онъ да отчаянно раскудахтавшаяся молодка и нарушали всеобщую тишину.

Вдругъ я услыхалъ недалекій шорохъ, взглянулъ направо, въ растворенное окно кухонной каморки, — и оторопѣлъ. Въ каморкѣ, задомъ къ окну, противъ прибитаго на стѣнѣ зеркальца, стояла какая-то дѣвушка и расчесывала косу. На ней была накрахмаленная юбка и бѣлая сорочка. Лѣвая ея рука съ трудомъ охватывала косу, туго перетянутую у темени чернымъ шнуркомъ; правая рука ходила съ роговымъ гребнемъ по волосамъ и безпрестанно измѣняла свои очертанія. Я много

разъ и прежде видалъ, какъ чешутъ косы, но — не знаю почему—это зрѣлище показалось мнѣ совершенно новымъ. Притаивъ дыханіе, я слѣдилъ за волнистыми движеніями бѣлой руки и прислушивался къ легкому треску темныхъ волосъ. Я вспомнилъ, какъ по зимнимъ вечерамъ, затащивъ въ темный уголокъ бабушкину нѣженку «Ваську», мы съ братомъ принимались гладить его по спинѣ, и какъ подъ нашей рукой съ трескомъ пробѣгала огненная полоска... вспомнилъ, и мнѣ захотѣлось, чтобы на дворѣ вдругъ потемнѣло, и чтобы изъ этой густой и длинной косы посыпались до полу искры... Дѣвушка приподняла косу и стала ее завертывать; сорочка ея немного отстала и бросила легкую тѣнь на круглыя плечи; она медленно повернула голову къ окну... Я вскочилъ и убѣжалъ въ комнаты, такъ поспѣшно, что не успѣлъ даже разглядѣть ея лица. Не умѣю дать себѣ отчета—что̀ меня прогнало: испугъ, или стыдъ, или то и другое? Знаю только, что, когда я оправился отъ смущенія, благовѣстили уже къ «достойной». Я открылъ окно, сѣлъ на подоконникъ, спиной къ кухнѣ, и сталъ глядѣть въ растворенную калитку. Въ калитку можно было разсмотрѣть только глинистыя колеи немощенаго переулка да три-четыре звена сосѣдскаго забора; но я глядѣлъ на нихъ упорно, изъ боязни—оглянуться назадъ. Съ этой боязнью была связана мысль: «Кто это? Неужели Софья?» Сердце у меня замерло, когда я услыхалъ за собою шаги...

Прошелъ сперва Степанычъ, въ праздничномъ нарядѣ—въ синемъ сюртукѣ до пятъ и въ синемъ же картузѣ... Онъ молча снялъ картузъ, молча поклонился и исчезъ за калиткой. Слѣдомъ за нимъ прошла Марья; она также принарядилась въ коричневое платье съ бѣлыми, травленными цвѣточками и въ головной коричневый платокъ... эта прошла и не замѣтила меня. За Марьей шелъ еще кто-то; но тутъ неодолимое любопытство заставило меня быстро обернуться, и я чуть не вскрикнулъ: передо мной стояла Софья... Она такъ измѣнилась, что я не вдругъ узналъ ее. Щеки ея просвѣчивали, какъ лепестки полевой повилики, тонкимъ и свѣжимъ румянцемъ; черныя брови слегка хмурились, а въ глазахъ такъ и роились крупныя искры. Голубое холстинковое платье, голубая саржевая косыночка на головѣ... Ахъ, какая она была хорошенькая въ это утро...

— Здравствуйте, баринъ! Чего вы меня испугались?—спросила она съ лукавой улыбкой.

Вмѣсто отвѣта, я поглядѣлъ въ косякъ окна и спросилъ въ свою очередь:

— Вы куда идете?

— Въ Сыромятники, на фабрику... Гостинцевъ вамъ принесемъ. Прощайте-съ!

И ушла.

— «Въ Сыромятники... на фабрику... А нѣтъ того, чтобы дома посидѣть! Видно, новое платье надоѣло, такъ надоть его по грязи измызгать... Эхъ, вы... модницы».

Эти слова раздались у меня за спиной. Я оглянулся: Кирилычъ катилъ кадку къ моему окну и ворчалъ. Онъ былъ безъ сюртука, но въ жилетѣ и въ ситцевой рубашкѣ. Барбоска рванулся къ нему навстрѣчу и захрипѣлъ на цѣпи.— «Погоди, не давись, ужо и самъ удавлю!» — прикрикнулъ на него Кирилычъ.

Онъ былъ не въ духѣ.

— Яковъ, развѣ дождикъ будетъ?—спросилъ я, покамѣстъ онъ наливалъ изъ бадьи воду въ барбоскину чашку.

— Чего изволите? — проговорилъ онъ, будто не разслышалъ моего вопроса.

— Развѣ дождикъ будетъ, что ты кадку подъ капель прикатилъ?—повторилъ я.

— Дождикъ!.. Имъ все вёдро... Вонъ... въ Сыромятники пошли... Взялъ бы я эту матушку да и разложилъ бы на порогѣ... право!.. Ну!.. успѣешь еще захлебнуться. — Послѣднія слова относились къ Барбоскѣ, который такъ усердно принялся лакать воду, что дѣйствительно захлебывался.

— Нынче вѣдь праздникъ, Тихвинская Божія Матерь?— спросилъ я для поддержанія разговора.

— Тихвинская... — отвѣчалъ Кирилычъ и вздохнулъ. Голосъ его замѣтно смягчился. — Тихвинская Матушка — всѣ птички стихнутъ... Ухъ, быть большой грозѣ! — продолжалъ онъ, приглаживая вспотѣвшіе волосы.—Экая жарынь, словно на каменку поддаетъ... Туча какая изъ-за рѣки лѣзетъ: темная-темная!.. Да никакъ и съ западу-то сѣрѣетъ... Вѣдь вотъ пошли... просто: зря пошли... А все матушка! «Пойдемъ да пойдемъ: чай, кума заждалась». Тоже куму нашла! Коего лѣшаго, прости Господи, вмѣстѣ?..

Разсужденіе Кирилыча было прервано появленіемъ въ калиткѣ бабушки и всей семьи. Они вели гостей: сосѣдку нашу Ульяну Прохоровну и ея падчерицу. Няня засуетилась за приготовленіемъ завтрака; Кирилычъ отправился въ амбаръ облачаться въ болѣе приличный нарядъ.

Я терпѣть не могъ гостей; братъ мой наслѣдовалъ ту же нетерпимость, и поэтому, при первой удобной минутѣ, мы убѣжали въ садъ. Въ саду также произошли перемѣны во время моей болѣзни. Дорожки Степанычъ обложилъ дерномъ;

одну грушу привилъ, и теперь на ней была уже порядочная завязь; между березъ были повѣшены незатѣйливыя веревочныя качели; вдоль рѣшетки, отдѣлявшей садикъ отъ двора, тянулась густая полоса зелени; братъ сказалъ, что Кирилычъ, послѣ Святой, бросилъ сюда горсть какихъ-то сѣмянъ, и что изъ этой травы выйдутъ хорошіе цвѣты. «А это что за кустъ?»—спросилъ я, и узналъ, что это—зоря, что зорю очень любитъ Софья, и что Кирилычъ принесъ откуда-то маленькій кустикъ и посадилъ, а вотъ онъ какъ разросся. «Кирилычъ обѣщаетъ изъ нея зеленое мыло сдѣлать... она пахнетъ хорошо: на вотъ, потри руки»,—говорилъ братъ.

Утреннее впечатлѣніе было еще свѣжо у меня въ памяти: зоря и Софья слились въ моемъ дѣтскомъ воображеніи въ одинъ причудливый, нераздѣльный образъ, а послѣдовавшія обстоятельства сдѣлали его еще неразрывнѣе... Потомъ братъ показалъ мнѣ любопытную находку — гнѣздо осъ, прилѣпленное между вѣнечнымъ бревномъ и нѣсколько отставшею обшивною доской амбара. Мы разсматривали гнѣздо въ щель и трогали его потихоньку прутикомъ, до тѣхъ поръ, пока изъ щели не вылетѣло съ полдюжины сердитыхъ осъ... еле-еле удалось намъ отъ нихъ отмахаться. Отступивъ съ честью, мы отправились вызывать изъ знакомой намъ трещины брандмауера паука «съ крестомъ». Обыкновенно это дѣлалось такъ: мы срывали листикъ и бросали на паутину — паутина начинала качаться, и обманутый паукъ показывался изъ своей засады. Но на сей разъ дѣло обошлось безъ хлопотъ: паукъ былъ на виду и усердно сновалъ взадъ и впередъ—крѣпилъ паутину. По словамъ Кирилыча, такая усердная работа паука предвѣщала или сильный дождь, или сильный вѣтеръ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ на насъ упало нѣсколько крупныхъ капель дождя, а черезъ минуту въ саду появилась няня и увела насъ въ комнаты. Въ столовой былъ уже накрытъ столъ: занимаясь энтомологическими наблюденіями, мы и не замѣтили, какъ пролетѣло время; не замѣтили также, что небо кругомъ обложилось тучами и, повидимому, собиралась сильная гроза. Я поневолѣ вспомнилъ Кирилыча и кадку. Послѣ обѣда насъ съ братомъ и сестру уложили спать, вѣроятно, для того, чтобы мы проспали грозу: конечно, мы тотчасъ же и заснули; но не надолго...

Насъ разбудилъ страшный ударъ грома. Я не успѣлъ еще протереть глаза, какъ вся дѣтская освѣтилась синимъ огнемъ, и раздался второй ударъ, еще страшнѣе. Вслѣдъ за нимъ къ намъ вбѣжала тетенька и закричала:—«Вставайте, дѣти: страшная гроза!». Третій сильный ударъ подтвердилъ ея слова и

сбросилъ насъ съ постели. Мы вбѣжали въ бабушкину спальню. Ставни были закрыты, передъ кіотомъ теплилась лампада; бабушка и маменька стояли на колѣняхъ и молились.—«Молитесь, дѣти!» — проговорила тетенька и со слезами рухнулась на полъ. Мы также стали на колѣни и также заплакали... И было—отчего! Земля дрожала отъ оглушительныхъ раскатовъ грома; домъ нашъ ходилъ ходенемъ; градъ стучалъ, какъ милліоны молотковъ, въ крышу и въ ставни; молніи были такъ часты, что казалось, будто небо разорвалось въ огненные клочки и падаетъ на землю ревущимъ, пламеннымъ потокомъ.

Многіе москвичи должны помнить эту страшную бурю 1828 г. Вихорь срывалъ и каталъ въ трубку желѣзные кровельные листы, а въ полѣ вырывалъ съ корнемъ и вилъ въ жгутъ деревья; градъ выбилъ всѣ стекла съ навѣтренной стороны, которыхъ не успѣли или нечѣмъ было закрыть; громомъ убило нѣсколько человѣкъ.

Трудно передать—въ какомъ мы были положеніи все время, пока бушевала буря. Скажу одно: мы не могли молиться и, въ полномъ смыслѣ слова, цѣпенѣли отъ ужаса. Два раза мы думали, что пришелъ нашъ конецъ: первый разъ, когда у насъ снесло трубу и кирпичи съ грохотомъ покатились по крышѣ; второй разъ, когда напротивъ нашего дома, у приходскаго священника, сломало ворота и запоръ. Къ счастью, сильная гроза длилась не болѣе часа: громъ мало-по-малу началъ стихать; вихорь унялся; градъ пересталъ, но ливень шумѣлъ еще цѣлый часъ, а молніи до поздняго вечера охватывали полъ-неба. Когда у насъ открыли ставни и отворили окна, въ комнаты повѣяло такимъ свѣжимъ и успокоительнымъ воздухомъ, что страхъ нашъ какъ рукою сняло. Черезъ пять минутъ мы съ братомъ ужъ смѣялись и спускали изъ окна, на ниточкѣ,—бумажный корабль въ рѣку дождевой воды. Право, по нашему переулку катилась цѣлая рѣка, и не мелкая; мы видѣли, какъ сосѣдская дѣвка, скинувъ башмаки и приподнявъ платье, хотѣла-было перебѣжать на нашу сторону, но сразу ушла въ воду до колѣнъ и возвратилась вспять. Наша веселость была нарушена приходомъ Кирилыча; онъ объявилъ, что градомъ всѣ цвѣты побило, а въ доказательство принесъ двѣ градины. Тетенька, вообще очень впечатлительная, такъ и вскрикнула: градины были величиною съ небольшой грецкій орѣхъ, несмотря на то, что значительно обтаяли.

Вечеромъ, часу въ десятомъ, встрѣтился Степанычъ съ женой и дочерью. Мнѣ очень хотѣлось хорошенько разсмотрѣть Софью, но только такъ, чтобы она не замѣтила. Удобнѣе всего было выждать, когда люди сядутъ ужинать, подойти со двора

подъ окно кухни и глядѣть, сколько душѣ угодно. Придумано—сдѣлано. Дождавшись людского ужина, я сѣлъ на ступеньку у погребной двери и сталъ глядѣть въ кухню. Софья сидѣла какъ разъ противъ растворенного окна, и, стало-быть, мое любопытство было вполнѣ удовлетворено. Точно—она очень похорошѣла, но въ эту минуту ея лицо показалось мнѣ гораздо знакомѣе, и я сразу пересталъ ея дичиться: хотѣлъ даже просто войти въ кухню и потребовать обѣщаннаго гостинца, какъ вдругъ Марья произнесла мое имя и отечество. Я невольно остановился и сталъ прислушиваться. Оказалось, что говорили не обо мнѣ, а о моемъ тезкѣ, хозяинѣ фабрики, куда Марья ходила; однакожъ разговоръ показался мнѣ любопытнымъ. Марья восхваляла фабричное житье-бытье, а Кирилычъ порицалъ фабричныхъ, «на чемъ свѣтъ стоитъ».

— Народъ гулящій,—говорилъ онъ:—прощелыга-народъ.

— Да когда имъ гулять-то?—возражала Марья.—День-денской за работой.

— День за работой, а ночь, чай, въ кабакѣ.

— Анъ который хорошій, тотъ дома сидитъ.

— Сидитъ, какъ все пропьетъ. Прогуляетъ заработокъ, ну и сидитъ дома, два дня не ѣмши, а третій—такъ.

— Все дѣло въ приказчикѣ,—важно замѣтилъ Степанычъ.—Вотъ, какъ у Шестурина хорошій приказчикъ, такъ и фабричные въ порядкѣ.

— Какъ у нихъ, нянюшка, пѣсни согласно поютъ! — сказала Софья.

— Слыхала, мать моя, на дѣвичьемъ полѣ слыхала... хорошо поютъ фабричные.

Кирилычъ откашлянулся.

— И какъ это вамъ не стыдно, Софья Ивановна!—заговорилъ онъ, повысивъ голосъ и растягивая слова.—Диви бы вы неграмотныя были и настоящихъ пѣвчихъ не слыхали... Нешто тѣ такъ поютъ? Тѣ запоютъ,—такъ душѣ умиленіе. Вотъ теперича у Лепешкинскихъ пѣвчихъ... молодой малый высокимъ голосомъ поетъ—какъ запѣлъ, такъ и заплакалъ: самъ, значитъ, жалость чувствуетъ. Вотъ это пѣвчіе... А фабричные что? Такъ... мужицкія пѣсни горланятъ.

— Ахъ, нѣтъ, неправда, Яковъ Кирилычъ! Они и романсы поютъ: вы сходите когда, послушайте.

Кирилычъ махнулъ рукой.

— Ну ихъ и съ пѣснями!.. Не люблю я этихъ фабричныхъ, смерть не люблю...

Я отошелъ отъ окна.

На другой день тетенька разсказывала съ изумленіемъ, что

въ саду всѣ цвѣты прибиты къ землѣ, а Софьина зоря цѣлехонька. Я бросился въ садъ. Кустъ зори красовался во всей своей свѣжести, но кругомъ куста я различилъ, вдавленный въ рыхлую землю, слѣдъ какого-то большого кольца или обруча. Осмотрѣвшись, я примѣтилъ подъ ближней акаціей небольшую кадушку и догадался—чья заботливая рука сохранила зорю отъ погибели... Нужно много любить человѣка, чтобы вспомнить о занимающей его бездѣлкѣ въ такую грозу, когда рука не успѣваетъ творить крестныя знаменія... А Кирилычъ былъ набоженъ.

Не знаю—догадалась ли Софья, но знаю, что обращеніе съ нею Кирилыча вдругъ перемѣнилось. Кирилычъ, повидимому, пересталъ обращать на нее всякое вниманіе. Онъ почти не выходилъ изъ амбара и работалъ до поздней ночи съ необыкновеннымъ усердіемъ. Каждый день, въ урочные часы, Софья взбѣгала по крутымъ ступенькамъ амбарной лѣстницы съ обычнымъ: «Кирилычъ, пожалуйте къ старой барынѣ!». Я часто присутствовалъ при подобныхъ приглашеніяхъ и ни разу не видалъ, чтобы Кирилычъ повернулъ голову, ни разу не слыхалъ, чтобы онъ отвѣтилъ. Заслышавъ на лѣстницѣ шелестъ платья, онъ обыкновенно схватывалъ въ зубы концы и принимался ихъ наваривать съ какимъ-то ожесточеніемъ. Софья постоитъ-постоитъ и уйдетъ. Одинъ только разъ она попыталась-было повторить приглашеніе: «пожалуйте къ барынѣ!». Кирилычъ опять промолчалъ.—«Яковъ Кирилычъ!»—нетерпѣливо проговорила Софья. Не вынимая концовъ изо рта, Кирилычъ крикнулъ сердито сквозь зубы:—«Слышу!»—и порвалъ насмоленный конецъ. Софья вспыхнула и медленно сошла съ лѣстницы. Съ этого дня она не появлялась въ амбарѣ.

Несмотря на видимое равнодушіе, Кирилычъ не могъ однакоже скрыть отъ меня какой-то тайной заботы. Нерѣдко я заставалъ его за счетами: онъ все что-то выкладывалъ, щурился, глядѣлъ въ потолокъ, качалъ головой и, махнувъ рукой, вѣшалъ счеты на гвоздикъ. Разъ я вбѣжалъ въ амбаръ, что̀ называется, со всего маху. Кирилычъ сидѣлъ передъ раскрытымъ сундукомъ и при моемъ появленіи торопливо захлопнулъ крышку, но зоркіе дѣтскіе глаза подмѣтили въ его рукѣ пучокъ ассигнацій. Кирилычъ сначала нахмурился, потомъ его лицо прояснилось. Онъ всталъ, сошелъ съ лѣстницы, задвинулъ амбарную дверь засовомъ и подошелъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ.

— А нуте-ка,—сказалъ онъ, подавая мнѣ счеты:—извольте класть.

Я приготовился. Кирилычъ понюхалъ табаку.

— Просилъ меня ундеръ изъ Вдовьяго дома, Елизаръ Гаврилычъ, смекнуть—во что ему свадьба обойдется?

— Развѣ онъ женится? старый-то этакій?

— Старый, да молодого лучше. Невѣстѣ подарковъ накупитъ: вонъ у него купилки-то.

Кирилычъ открылъ сундукъ и показалъ пачку ассигнацій.

— Его... Надоть теперича размерекать поладнѣе...

— Деньги сосчитать?

— Не деньги сосчитать, а покупки выложить... Эхма, много денегъ пойдетъ!.. Извольте класть.

— Говори.

— Ну-съ, погодите: по порядку... Спервоначала два кольца серебряныя вызолоченныя—положить хоть по три рубля—шесть рублевъ.

— Шесть рублей.

— Невѣстѣ подарки: платокъ персидскій—десять рублевъ; серьги серебряныя, золоченыя, съ гранатками—пять рублевъ; гребенка черепаховая закладная—три рубля; гребень роговой тупейный—шесть гривенъ; поясъ розовый струйчатый—восемь гривенъ; лентъ розовыхъ, пальца въ два, по тридцати копеекъ аршинъ, пять аршинъ — полтора рубля; сафьяну розоваго на башмаки... полтора же рубля; тафты розовой аршинъ—восемь гривенъ; банку помады бергамотовой—полтина; мыла миндальнаго—полтина... Много ли это будетъ?

— Тридцать рублей двадцать копеекъ.

— Съ кольцами?

— Съ кольцами.

— Ну, положите хоть и всѣ тридцать съ полтиною... Теперь: тестю на поклонъ сукна темно-зеленаго четыре аршина, по пяти рублевъ—двадцать рублевъ; тещѣ на платье сатентюрку русскаго, гранатоваго съ отливомъ—примѣромъ... двѣнадцать аршинъ по рублю по сорока копеекъ... Это двѣнадцать рублевъ, да десять сороковъ — четыре рубля, да два сорока—восемъ гривенъ... шестнадцать рублей восемь гривенъ... Положили?

— Положилъ.

— Свахѣ на платье ситцу темнаго съ цвѣтными разводами...

Стукъ въ дверь прекратилъ наши расчеты.

Кирилычъ лукаво подмигнулъ мнѣ и громко заговорилъ:

— Зачѣмъ вы дверь-то заперли? Ахъ, вы, баловники этакіе!..

И пошелъ отворять дверь.

Стучался человѣкъ не опасный — мой братъ, но Кирилычъ все-таки не разсудилъ продолжать перечня подарковъ. Странное подозрѣніе запало мнѣ въ умъ: я всегда зналъ, что у расчетливаго Кирилыча водились деньги, и мнѣ почему-то каза-

лось, что ассигнаціи принадлежатъ ему, а не Елизару Гаврилычу. Это подозрѣніе подтвердилось нѣсколько тѣмъ, что Кирилычъ частенько сталъ запираться въ амбарѣ. Съ Софьей онъ почти не говорилъ, взглядывалъ на нее искоса, если она проходила передъ его глазами, и непремѣнно доставалъ табакерку, но часто забывалъ понюхать. Нельзя сказать, чтобы дѣвушка не замѣчала его продѣлокъ: раза два я подсмотрѣлъ на ея губахъ легкую улыбку. Какъ-то Кирилычъ прибивалъ расшатавшіяся петли у кухонной двери; Софья бѣжала мимо съ горячимъ утюгомъ и задѣла Кирилыча платьемъ: онъ сердито крякнулъ. Софья остановилась, лукаво взглянула на Кирилыча черезъ плечо и сказала:—«Никакъ я васъ обожгла?» Кирилычъ только тряхнулъ волосами. Въ другой разъ Софья спросила за обѣдомъ отца:—«Тятенька, когда же мы на фабрику пойдемъ?» Кирилычъ равнодушно прищурился и сталъ смотрѣть въ неопредѣленную даль. Софья, видимо, шалила съ Кирилычемъ. Трудно сказать—сколько времени продолжались бы эти отношенія, если бы не случилось слѣдующее происшествіе. Кирилычъ рубилъ подъ навѣсомъ дрова—рубилъ ихъ, какъ и все дѣлалъ, по-своему: топоръ у него шелъ нѣсколько вкось и звенѣлъ при каждомъ ударѣ, а Кирилычъ каждый ударъ сопровождалъ особеннымъ звонкимъ иханьемъ, какъ разъ въ тонъ топора. Софью послали кликнуть Кирилыча въ комнаты. Онъ устанавливалъ стоймя сухую ольховую плаху и, прижавъ ее сверху большимъ пальцемъ лѣвой руки, намѣревался расколоть сразу: примѣтился и взмахнулъ топоромъ. Въ это самое мгновеніе Софья подошла сзади и тихо кликнула:—«Кирилычъ!». Топоръ дрогнулъ у него въ рукѣ, и полногтя отлетѣло на щепы. Кровь забила ключомъ... Софья ахнула, сдернула съ шеи шелковую косынку и быстро обвернула раненый палецъ. На ея крикъ сбѣжались домашніе и стали хлопотать около Кирилыча. Но ни уксусъ, ни сушеный дождевикъ, ни паутина, ни трутъ — не помогали; кровь пробивалась сквозь вшестеро сложенную тряпку. Степанычъ сбѣгалъ за частнымъ докторомъ, и тотъ къ вечеру унялъ кровь. Во все это время Кирилычъ не поморщился и только упрекалъ Софью за то, что испортила косынку.

— Новая косынка,—говорилъ онъ:—можетъ, раза три всего надѣвана... а вотъ теперь ее—брось!.. Э-э-эхъ!

Но Софья не слушала его упрековъ: она была неутѣшна.

— Яковъ Кирилычъ!—говорила она, заливаясь слезами:—голубчикъ мой Яковъ Кирилычъ! Ради Бога, простите меня: это я васъ испугала.

— Полноте! — отнѣкивался Кирилычъ.—Нешто вы вино-

ваты?.. Это топоръ такой пропастной: мало-мальски зазѣвался, онъ и тяпнетъ... Строгій топоръ...

Какъ бы то ни было, съ этого дня Кирилычъ началъ показывать къ Софьѣ особенную внимательность; пожертвованіе косынкой доконало его. Между тѣмъ время шло: оставалось недѣли двѣ до Успенскаго поста. Кирилычъ отпросился у бабушки въ Богородскъ — повидаться съ старой теткой, и объявилъ, что вернется къ первому Спасу и будетъ говѣть. То и другое обстоятельство доказывали, что онъ готовится къ чему-то необыкновенному. Намѣреніе его отправиться въ Богородскъ взманило и Степаныча, большого охотника до странствій.

— А что̀! — говорилъ онъ:—не размять ли и мнѣ старыя кости, не сходить ли съ тобой?

— Милости просимъ,—отвѣчалъ всякій разъ Кирилычъ.— Вдвоемъ-то веселѣе.

Бабушка отпустила обоихъ, и они ушли вечеромъ, наканунѣ пророка Иліи.

Марья очень обрадовалась уходу своего сожителя и въ Ильинъ же день понеслась въ Сыромятники, на приходскій праздникъ. Дня черезъ три, около вечерень, къ ней пришла съ фабрики гостья, молодая еще бабенка, одѣтая по-купечески, дородная, набѣленная, нарумяненная и съ черными зубами. Софьи не было дома: она уходила куда-то съ бабушкой.

— Ну,—сказала няня, завидѣвъ гостью:—не даромъ!

Не прошло и часу, въ каморкѣ Марьи кипѣлъ самоваръ, и вокругъ него засѣдали: хозяйка, новая гостья, няня и кормилица. На столѣ стоялъ графинчикъ и пирогъ съ морковью. Гостья такъ и разсыпалась. Голосъ у нея былъ пѣвучій, звонкій; она и шопотомъ говорила такъ, что можно было въ пяти шагахъ разслушать каждое слово.

Я сидѣлъ съ книжкой у окна, но не могъ читать: до меня безпрестанно долетали отрывки разговора.

— Мать моя сердобольная!—говорила Марья.—Какіе мы имъ родители? Ну, старшая—нешто; у мѣста живетъ. А вѣдь этой сгоношишь ли? А дѣвка-то въ порѣ... Сами, мои матушки, посудите.

Няня и кормилица поддакнули.

— Что̀ и говорить! Въ порѣ дѣвка, въ самой порѣ!

Гостья запѣла:

— А вы меня, родныя мои, послушайте!.. Человѣкъ не тотъ! Держала бы, говоритъ, голову поклонную, да сердце покорное... Была бы мнѣ помощница, въ дому моемъ приборщица, гостямъ моимъ привѣтливица!.. А то стану я глядѣть на что другое-прочее!.. Какъ же! И знать-то, говоритъ, я не хочу—пустые у нея сундуки, али съ чѣмъ.

— Вѣстимо; что̀ ему! — подхватила кормилица. — Иной и бѣдный, да на невѣстино тряпье не смотритъ, а богатому и Богъ велѣлъ.

— Ну, не говори! — замѣтила няня. — Какой выберется... Мало ли и богатыхъ людей: кажись бы, и денегъ некуда дѣвать, а посмотришь—скаредъ-скаредомъ. Такъ-то-сь.

— Охъ, вы, сударушки мои ласковыя!—запѣла опять гостья.— Такъ-то такъ—не перетакивать стать: у Господа Бога всякихъ людей много... Только этакій князь на рѣдкость: что̀ въ годъ накопилъ, въ часъ раздарилъ. Да ужъ и сказать нечего: ужъ и тестю будетъ пословный, и тещѣ совѣтливый, не то что согрубитъ, али покинетъ при старости—при хворости... Опять же и то взять: во всякомъ тебѣ дѣлѣ очестливъ—помолясь взойдетъ, поклонясь возьметъ... Была бы я въ дѣвушкахъ, поймала бы такого жениха, что̀ соловья въ саду... Не погнѣвайтесь, сударушки мои милостивыя: а и то мое слово неразумное!

— Матушка, Мавра Терентьевна! — заговорила Марья. — Сказать—грѣхъ, утаить — грѣхъ. «Самъ-отъ» у меня больно артачливъ: вотъ упрется ни съ того ни съ сего, словно гора какая... Приходи ты, голубушка, къ намъ послѣ розговѣнья, поговори съ «самимъ-то»...

— А и «самому» скажу... Нешто чужъ-чужанинъ? Тотъ же отецъ родной...

Давно стемнѣло, когда Марья проводила съ поклонами свою гостью за калитку.

А Софья воротилась домой такая веселая...

Веселы воротились и богородскіе путники, воротились, какъ сказалъ Кирилычъ, наканунѣ перваго Спаса, часовъ въ девять вечера. Мы съ братомъ выхлопотали разрѣшеніе—послушать, «какъ они ходили», и безпрепятственно вошли въ кухню. Вся наша дворня сидѣла за ужиномъ; кромѣ того ужинало еще трое мужиковъ, пріѣзжіе родственники кормилицы.

— Хлѣбъ да соль! — сказалъ я.

— Милости просимъ хлѣба-соли кушать! — отвѣчало нѣсколько голосовъ.

Не одинъ разъ случалось намъ присутствовать при людскомъ ужинѣ, а потому мы, какъ народъ бывалый, усѣлись неподалеку на лавочкѣ, и наше присутствіе не нарушило трапезной бесѣды.

— Стало, вы туда-то всю дорогу пѣшкомъ?—спросила няня.

— Всю, какъ есть,—отвѣчалъ Степанычъ.—Далекое ли дѣло пятьдесятъ двѣ версты? Да что̀ мы!.. въ самый Ильинъ день къ обѣду въ Богородскѣ были.

— Должно-быть, хороша тутъ дорога, Яковъ Кирилычъ?— сказала Софья.

— Куда-й-то дорога?—неожиданно спросилъ одинъ изъ мужиковъ, побойчѣе остальныхъ, промолчавшихъ весь ужинъ.

Софья поглядѣла на него съ изумленіемъ.

— Въ Богородскъ, батюшка,—поспѣшила отвѣтить кормилица:—въ Богородскъ-городъ.

— Въ Богороцкъ-то? Какъ не быть дороги въ Богороцкъ! Есть... Прямая дорога изъ Москвы есть: въ Рогожскую по Владимиркѣ.

Кирилычъ положилъ ложку, разгладилъ волосы и откашлялся.

— Славная дорога, Софья Ивановна! Особливо сторонкой... Верстъ съ пятокъ отъ заставы промаешься, а тамъ и пошли перелѣски, и пошли перелѣски... Ни тебѣ пыли, ни тебѣ зною этого — идешь себѣ, словно по саду, али, пожалуй, и того лучше. Лѣсъ такой чистый, ровный,—роща рощей... Какія я изъ жимолости тросточки господамъ вырѣзалъ!

Тутъ братъ не выдержалъ.

— Покажи намъ, Яковъ, тросточки! гдѣ онѣ? — приставалъ онъ.

Няня обрадовалась случаю выпроводить насъ изъ кухни:

— Подите, батюшки, тамъ онѣ у меня за шкапомъ стоятъ.

Братъ потянулъ меня за руку:—«Пойдемъ искать!»

Дѣлать было нечего; я пошелъ. Въ одну минуту трости были отысканы, осмотрѣны и представлены на обсужденіе старшимъ.

Вся наша семья сидѣла въ гостиной. Бабушка, маменька и неизмѣнные наши гости, Левъ Ивановичъ и отставной майоръ Ч*, играли въ бостонъ. Тетенька и сестра вязали филе. Игравшіе мало приняли участья въ шумной радости брата, однакоже одобрили трости; а майоръ замѣтилъ, что изъ нихъ можно сдѣлать луки. Брату эта мысль такъ понравилась, что онъ тутъ же вытребовалъ отъ тетеньки шнурокъ, воску, большой перочинный ножикъ, и принялся гнуть лукъ. Майоръ поощрилъ это воинственное занятіе обѣщаніемъ — прислать собственноручно выточенную стрѣлу, а на тетиву гитарный басокъ, «какъ только который лопнетъ». Тѣмъ временемъ въ моей головѣ родились самыя дерзкія мысли... «Большіе заняты,—думалъ я:—люди ужинаютъ: что̀, если я уйду въ садъ?.. А ну — какъ тамъ что-нибудь такое... Что̀ жъ? У меня трость въ рукахъ... я Барбоску спущу...» Надежда на такого сильнаго союзника побѣдила мою робость, и ночная прогулка по саду представилась мнѣ въ высшей степени заманчивою. Послѣдніе романы, прочтенные украдкой и раздражившіе мое дѣтское воображеніе, были: «Адская башня» и «Амалія, или хи-

жина среди горъ». Мгновенно преобразился я въ юнаго, но отважнаго узника, странствующаго по подземельямъ, и потихоньку ушелъ изъ комнаты. Прежде всего я подбѣжалъ къ конурѣ, но Барбоска былъ уже спущенъ. Я остановился въ недоумѣніи... Ночь была совершенно темная, изрѣдка проносился вѣтерокъ, и въ саду шумѣли деревья. Итти ли мнѣ въ садъ безъ Барбоски? Не свистнуть ли лучше: можетъ-быть, услышитъ? Я потихоньку свистнулъ, и Барбоска объявился немедленно, но, лизнувъ мнѣ раза два руки, вильнулъ хвостомъ и предательски меня оставилъ: я догадался, что онъ вертится подъ кухоннымъ окномъ, въ ожиданіи подачки. Недоумѣніе мое удвоилось, а время уходило.—«Нѣтъ,—подумалъ я:—въ другой разъ не удастся!»—и рѣшительно отворилъ садовую калитку. Въ саду было еще темнѣе, чѣмъ на дворѣ; меня обдало сыростью и непривычнымъ для моего уха ночнымъ шорохомъ листьевъ. Сердце во мнѣ замирало; лихорадочная дрожь пробѣгала отъ головы до пятокъ, но я прошелъ весь садъ вдоль и поперекъ; мало того—шевелилъ тросточкой въ акаціяхъ и въ самыхъ густыхъ кустахъ. Мнѣ кажется, шмыгни тогда откуда-нибудь кошка, я бы окаменѣлъ со страху. Но кошки въ саду не было, и я спугивалъ только ночныхъ бабочекъ да мотыльковъ. Въ двѣ минуты страхъ мой совершенно прошелъ, и я намѣревался уже отправиться домой, какъ на дворѣ послышались шаги и блеснулъ огонь: Кирилычъ шелъ со свѣчкой къ своему амбару. «Пусть его войдетъ! — думалъ я.—Какъ бы только на няню не наткнуться...»

— Прощайте, Яковъ Кирилычъ!—зазвучалъ съ крыльца знакомый голосъ.

— Прощайте, Софья Ивановна!.. Простите, Христа ради, въ чемъ я передъ вами согрѣшилъ.

— Ахъ, я забыла: вы завтра говѣть начинаете.

— Коли приведетъ Господь, начну.

— Богъ васъ проститъ, Яковъ Кирилычъ!.. И меня, грѣшную, простите.

Вслѣдъ затѣмъ хлопнула на крыльцѣ дверь, и растворилась дверь въ амбаръ.

Я выбѣжалъ изъ сада, но на дворѣ чуть-было не столкнулся съ Марьей и Степанычемъ: не понимаю, какъ они меня не замѣтили.

— Ну, что тебѣ?—спрашивалъ Степанычъ, зѣвая.

— Голубчикъ Иванъ Степанычъ! не могла вытерпѣть — нарочно тебя вызвала. Знаешь ли, кто безъ тебя приходилъ?.. Мавра Терентьевна!

— Ну?

— Софью приходила сватать.

— Только еще сватать?.. А я ужъ просваталъ.

— Что̀ ты, Господь съ тобой!

— Просваталъ.

— Батюшка мой, да за кого же это?

— А за кого надо.

— Да что̀ ты, Иванъ Степанычъ, шутишь, что ли?

— Шучу!

— Ахъ, ты, Господи, Господи!.. Вѣдь за Софью купецъ сватается...

— А по-мнѣ хошь и градской голова. Вотъ тебѣ и сказъ... И не перечь,—прибавилъ онъ, зѣвнувъ.—Спать пора... умаялся.

Марья хорошо знала своего сожителя и смолкла. Оба ушли въ каморку.

Я благополучно добрался до крыльца и проскользнулъ въ полураскрытую дверь передней, весьма довольный совершеннымъ подвигомъ, но сильно озабоченный двойнымъ сватовствомъ.

Прошла первая недѣля поста; наступила вторая. Кирилычъ становился все таинственнѣе, ежедневно отлучался изъ дому и возвращался съ какими-то свертками. Марья ходила туча тучей и также бѣгала со двора, а по вечерамъ совѣщалась съ няней. Разумѣется, сватовство купца не могло остаться тайною отъ Софьи, но она приняла эту новость равнодушно.

— На нее нечего смотрѣть,—говорила Марья:—коли по молодости чего вдомекъ не возьметъ, такъ сестра ей растолкуетъ. Обѣщала побывать на-дняхъ... Вотъ бы только дознаться—за кого «самъ-отъ» прочитъ? Приступу, матушка, нѣтъ.—«Молчи», да и вся недолга. И кого бы это подослать къ нему? Понамарю нешто поклониться?..

Няня подумала.

— Охъ, сдается мнѣ: не за Кирилыча ли просваталъ?.. Оно и дѣло бы хорошее: парень работящій, смирный... только нѣтъ! Никогда онъ, Ефимовна, до свадьбы охочъ не былъ: и въ шутку станешь говорить, разсердится.

— Разсердится, матушка, разсердится. Слава Богу, какъ намъ не знать? На глазахъ выросъ... Нѣтъ, не станетъ Кирилычъ свататься... Да хошь бы и такъ сказать: ну, посватался... развѣ онъ чета Карпу Трифоновичу?

— А похоже, что такъ,—говорила няня.—Какъ воротились изъ Богородска, такъ и пошли у нихъ печки да лавочки... Тутъ, матушка, и старая барыня не попрекословитъ: парень-то хорошъ. Ну, и съ Софьей свыклись... Одно, что не видать было за нимъ охоты этой.

— Какъ же быть-то намъ? Научи ты меня, мать моя родная!

— И не знаю, Ефимовна, право слово, не знаю... Развѣ вотъ... Да давно ли у «твоего» сущевскій кумъ былъ?

Марья чуть не подпрыгнула на стулѣ.

— Изъ ума вонъ!.. Сбѣгаю къ нему, завтра же сбѣгаю... Ужъ коли онъ не уговоритъ, такъ, видно, ужъ не судьба ей.

А Кирилычъ шилъ въ своемъ амбарѣ башмаки изъ розоваго сафьяна. Какъ же онъ ихъ строчилъ, какъ тщательно подклеивалъ бѣлой тафтичкой, какъ оторачивалъ розовыми ленточками!.. Грустно мнѣ стало, глядя на его работу. Я долго колебался, сказать ли ему про сватовство купца, или нѣтъ. Наконецъ рѣшился.

— Вотъ и хорошо, что бабушка флигель отстроила,—сказалъ я разъ:—Степанычъ въ немъ свадьбу сыграетъ.

Кирилычъ глянулъ на меня, словно шиломъ укололъ.

— Вы почемъ знаете?

— При мнѣ сваха изъ Сыромятниковъ приходила — за купца Карпа Трифоновича сватала.

Кирилычъ повеселѣлъ.

— Недоросъ онъ еще до купцовъ: насидится и въ приказчикахъ.

— Да ты не вѣришь, что ли? Право, приходила, безъ васъ...

— Слышалъ,—проговорилъ протяжно Кирилычъ.

Было ясно, что онъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Хотѣлъ я сказать и про «сущевскаго кума», но удержался.

Пришелъ и «сущевскій кумъ», низенькій, толстый мѣщанинъ, въ синемъ кафтанѣ, съ длинной сѣдой бородой и румянымъ лицомъ. Онъ торговалъ у Сухаревой башни книгами. Говорилъ онъ источнымъ голосомъ—и каждое слово скрѣплялъ текстами священнаго писанія. Долго бесѣдовали они съ Степанычемъ, уходили куда-то, кажется, къ приходскому понамарю, опять приходили, запирались въ каморкѣ и окно закрывали... Кумъ ушелъ передъ обѣдомъ и въ калиткѣ раскланялся съ Кирилычемъ, который возвращался домой — изъ города.

— Давненько у тебя кумъ не бывалъ,—сказалъ Кирилычъ Степанычу.

— Давно,—пробормоталъ тотъ и потупился.—А вѣдь неладно наше дѣло, Кирилычъ!

— Что̀ жъ такъ?—спросилъ Кирилычъ и поблѣднѣлъ.

— Пойдемъ въ каморку.

Я гулялъ по двору и невольно слышалъ этотъ разговоръ.

Не знаю, что̀ они говорили въ каморкѣ, только минутъ черезъ десять оба показались на крыльцѣ. Кирилычъ молча поклонился въ поясъ, Степанычъ также поклонился и сказалъ:

— Такъ и порѣшилъ: ея воля—пусть сама, какъ знаетъ.

Кирилычъ крякнулъ и мѣрными шагами направился къ амбару, но долго не могъ отпереть замка...

Когда Софьѣ объявили, что за нее сватаются два жениха: Кирилычъ и Карпъ Трифонычъ Гнусинъ, она сказала наотрѣзъ:

— Не пойду за Гнусина.

На всѣ представленія матери, усердной ея помощницы Маланьи, двухъ-трехъ сосѣдокъ и наконецъ свахи, Софья отвѣчала:

— Не пойду, ни за кого не пойду!

На помощь уговорщикамъ подоспѣла старшая сестра Софьи, Анисья, высокая, красивая дѣвка, съ большими смѣлыми глазами и размашистыми ухватками. Она ходила по-нѣмецки — въ шляпкахъ и въ корсетѣ.

Анисья принялась за дѣло всѣхъ успѣшнѣе. Прежде всего она поймала въ кухнѣ Кирилыча и напала на него:

— Не грѣхъ вамъ, Яковъ Кирилычъ? Человѣкъ вы умный, деликатный, а чужой вѣкъ заѣдаете! Окромя что тятенькѣ добрые люди про усердіе Карпа Трифоныча сказывали, какъ онъ въ свой приходъ новыя ризы сдѣлалъ и мѣстные подсвѣчники заказалъ, — значитъ, Богу угодить можетъ, — развѣ вы такъ о Софьѣ порадѣете? Вонъ онъ изъ приказчиковъ въ купцы выписался и тятеньку съ маменькой откупить хочетъ, да какъ женится, такъ жену не то что въ бархатъ, аль въ атласъ — въ жемчуги закуетъ. А за вами-то ей, красавицѣ этакой, въ посконныхъ платьяхъ ходить? Али грязь пѣшкомъ мѣсить? Бога вы, Яковъ Кирилычъ, не боитесь, что такое дѣло задумали да молодой дѣвкѣ голову вскружили!..

Кирилычъ покачалъ головой.

— Не хочу я чужого вѣка заѣдать, Анисья Ивановна!.. Случился грѣхъ такой, полюбилъ я Софью Ивановну, такъ хотѣлъ честнымъ манеромъ благословиться... Что̀ жъ! Насильно милъ не будешь... А что супротивъ Карпа Трифоныча мнѣ не поусердствовать — на то Божья воля, а не наша.

— Да вы ужъ Софьи-то не сбивайте! А васъ и Богъ наградитъ, да и Карпъ Трифонычъ вамъ благодарность отсыплетъ.

— Съ Софьей Ивановной — не то сбивать — я слова не скажу: суди насъ Богъ!.. А Карпъ Трифонычъ...—Кирилычъ помолчалъ; глаза его сверкнули...—Пусть онъ своей благодарностью подавится!

— Экій характерный!—прошептала Анисья, когда Кирилычъ ушелъ въ свой амбаръ.

Съ Софьей бились дня четыре. Анисья изъ себя выходила.

— Экая дѣвка неуломная!—кричала она на весь домъ.— Вотъ дура—не дура, а полудурье порядочное. Ну, себѣ счастья не хочешь, другимъ не порть! Али тебѣ не русскимъ языкомъ говорятъ: отца съ матерью на волю откупаетъ.

— Что̀ ей отецъ съ матерью? — говорила Марья. — Кирилычъ дороже.

— Голубушка моя, Софья Ивановна,—подговаривала кормилица:—не перечь счастью родительскому: и Богъ тебя не оставитъ.

Сосѣдки не отставали отъ кормилицы.

— Да дайте мнѣ хоть опомниться-то!—упрашивала Софья, ломая руки и заливаясь слезами.—За что вы меня губите, отдаете за стараго, за противнаго?..

Опомниться ей не дали: заговорили, закорили, застращали...

— Дѣлайте, что̀ хотите!—прошептала истомленная Софья, упала на Марьину постель и зарыдала.

Дѣло скрутили очень скоро. Бабушка отдала невѣстѣ, по моему предсказанію, флигель, при которомъ былъ особый дворикъ и калитка: туда и переселилась вся семья Степаныча. На другой день назначены были «смотренки»; черезъ два дня сговоръ. Женихъ былъ дѣйствительно старъ и противенъ; мнѣ было такъ на него досадно, что я не шутя собирался притравить его Барбоской. Но подарки присылалъ и привозилъ Карпъ Трифонычъ отличные: въ три дня онъ одарилъ невѣсту и нареченныхъ тестя съ тещею рублей на семьсотъ.

Утромъ, въ день сговора, Кирилычъ, одѣтый по-праздничному, пришелъ поздравить невѣсту; подъ мышкой былъ у него какой-то свертокъ. Софья, уже прибранная какъ слѣдуетъ, сидѣла на большомъ мѣстѣ, въ ожиданіи гостей. Низко-низко поклонился ей Кирилычъ, развернулъ бумагу и подалъ — розовые сафьянные башмаки.

— Вотъ вамъ, Софья Ивановна!—проговорилъ онъ твердымъ голосомъ.—Примите на память... Не погнушайтесь Яшкиной работой.

Софья встала.

— Видитъ Богъ, Яковъ Кирилычъ,—сказала она, глотая слезы:—не я иду—неволя идетъ! А башмаки ваши я надѣну одинъ разъ, зато ужъ вовѣкъ не сниму...

Еще ниже поклонился Кирилычъ и тихо вышелъ изъ комнаты. На немъ лица не было...

...Черезъ недѣлю Софью обвѣнчали.

1855.

СОФЬЯ.

(Еще нѣсколько листковъ изъ записокъ ***).

... Отлично помѣстились мы съ Кирилычемъ во флигелѣ: первую комнату, съ рускою печью, перегородили ширмами—вышла прихожая, да кромѣ нея очень уютный уголокъ для Кирилыча; другая комната, въ три окна, обратилась въ мой кабинетъ; третья, темненькая, въ спальню. Устройствомъ и убранствомъ всего помѣщенія распоряжался Кирилычъ. Съ недѣлю хлопоталъ онъ съ какимъ-то подслѣповатымъ старичкомъ, маляромъ-аматёромъ, и хлопоталъ съ утра до поздней ночи. Разъ я завернулъ поглядѣть на ихъ работу: оба, съ озабоченными лицами, съ засученными рукавами и въ холщевыхъ фартукахъ, кроили на гладильной доскѣ листы писаной бумаги и газетъ; на полу стояли горшки съ клейстеромъ и съ разведенной охрой, лежали кисти, мазилки и обшарканныя сапожныя щетки; окна были завалены кусками обоевъ и свертками каемокъ. Кирилычъ работалъ молча и медленно; старичокъ суетился и отдавалъ приказанія тихимъ, разбитымъ голосомъ: «Пригоняй, пригоняй! Возьми тряпку-то! Держи, держи. Тутъ-тутъ-тутъ... Похлопывай»... Желѣзная печка съ раскаленной докрасна трубой и оплывшій огарокъ освѣщали сцену... Похлопывали-похлопывали усердные работники, пригоняли-пригоняли, и пригнали окончательную отдѣлку комнатъ какъ разъ къ моимъ именинамъ. Утромъ сего достопамятнаго дня Кирилычъ вошелъ въ мою временную резиденцію съ вынутою просвирой, съ поздравнымъ привѣтомъ и съ приглашеніемъ—пожаловать на новоселье. Войдя во флигель, я былъ пріятно изумленъ нарядным его видомъ: прихожая желтѣла, какъ поблекшій березовый листъ; кабинетъ кидался въ глаза зелеными обоями съ черными разводами—настоящій малахитъ; темненькая облеклась въ коричневые обои съ металлическими искорками. Скромная мебель была разставлена въ безукоризненномъ порядкѣ; всему нашлось свое мѣсто; вездѣ чисто—

ни пылинки. Правда, что мою шкатулку Кирилычъ поставилъ въ самомъ недосягаемомъ уголкѣ спальни, подъ кровать, и рядомъ со шкатулкой положилъ подушку для моей собаки; правда и то, что всѣ книги въ переплетахъ онъ разставилъ подъ ростъ, а книги въ бумажныхъ оберткахъ—подъ цвѣтъ, но такія распоряженія я отношу единственно къ страстному поклоненію Кирилыча порядку и бережливости... На окнахъ кабинета стояли горшки резеды и горшокъ неизмѣнной желтой фіоли—довольно цѣнный, по времени года, подарокъ Кирилыча; переддиванный столикъ былъ покрытъ бѣлой скатертью и чайнымъ приборомъ; въ прихожей, передъ печкой, кипѣлъ самоваръ и хлопотала няня за имениннымъ пирогомъ: этотъ, и при томъ первый разъ въ жизни, я справлялъ именины «у себя».

Такъ мы и зажили съ Кирилычемъ на новосельѣ...

Въ порядки моего сожителя я не вмѣшивался, а только книги переставилъ, какъ мнѣ было надо, и въ этомъ случаѣ Кирилычъ еще разъ доказалъ мнѣ свою сметливость и удивительную приглядку: сколько бы книгъ я ни вынулъ, куда бы ихъ ни разбросалъ, по минованіи въ нихъ надобности,—онѣ всегда, подъ рукой Кирилыча, занимали указное мѣсто. Вообще намъ было хорошо... У насъ былъ свой узенькій дворъ, своя калитка. Изъ кабинета открывался видъ на главный дворъ, на садовую рѣшетку, на колодецъ, на амбаръ и на половину дома.

Признаюсь, послѣ десятилѣтней отлучки, послѣ дѣятельной петербургской жизни, мнѣ было трудно привыкать къ прежнему тихому, семейному быту. Дико какъ-то было... Вернувшись въ Москву, я на первыхъ порахъ не узналъ не только своихъ, даже дома: словно онъ, какъ моя старая няня, въ землю вросъ, словно крышу на себя нахлобучилъ и окна прищурилъ. Комнаты стали меньше и ниже, дворъ тѣснѣе, а въ садикѣ, въ этомъ раздольѣ для ребяческихъ игоръ, — и повернуться негдѣ. Впрочемъ, что̀ жъ мудренаго? Уѣхалъ я изъ Москвы второклассным гимназистомъ, воротился чиновной особой, чуть ли не коллежскимъ секретаремъ. Но... летитъ и уносится быстро-крылатое время... Пообживешься, поосмотришься—и все приметъ давно знакомый видъ. Съ каждымъ днемъ воскресаетъ прошлое, растутъ и свѣтлѣютъ воспоминанія, а съ ними свѣтлѣютъ и растутъ издавна-привычные глазу предметы.

Недавно я сѣлъ у нѣкогда любимаго моего окна и пережилъ въ полчаса цѣлые годы блаженнаго дѣтства.

Вспомнилъ я: сидишь, бывало, подъ этимъ окномъ въ зимнія сумерки и любуешься, какъ на сосѣднихъ снѣжныхъ крышахъ погасаетъ вечерній румянецъ, какъ морозъ выводитъ на

стеклахъ бѣлыя рощи и лѣсистые пригорки. Въ комнатахъ тихо; бабушка роется въ своихъ сундукахъ и ящичкахъ; вся семья прижалась въ разныхъ уголкахъ и сумерничаетъ; Перфильевна заправляетъ свѣчи. А на дворѣ свѣжѣетъ и темнѣетъ; послѣдній отблескъ зари дрожитъ на крестѣ приходской колокольни, по глухому переулку хрустятъ торопливые шаги пѣшеходовъ, и мужикъ, съ обледянѣлой бородой и шапкой, тянетъ заунывно:

— Ка-лужско тѣ-сто гре-чнивае!

Большая охотница до калужскаго тѣста была Софья: гдѣ еще заслышитъ, — и сейчасъ за калитку. Теперь я не надивлюсь, что тринадцатилѣтняя дѣвчонка могла съѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало, по глубокой тарелкѣ гречневой муки, разболтанной ледяной водою; но тогда, въ тѣ счастливые годы, я не только не удивлялся, — завидовалъ Софьѣ: няня калужскаго тѣста, тѣмъ болѣе холоднаго, намъ не давала. Изъ этого, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, чтобы мы иногда, украдкой, при помощи проворной и лукавой Софьи, не наслаждались запретнымъ лакомствомъ.

Мало того: сознаюсь съ прискорбіемъ, что подобное нарушеніе няниной власти бывало для меня истиннымъ праздникомъ.

И вотъ теперь я сижу у того же окна; такъ же догораетъ вечеръ; такъ же морозитъ; по переулку проходитъ, можетъ-быть, тотъ же самый мужикъ съ калужскимъ тѣстомъ,—но бабушка уже не отпираетъ своихъ сундуковъ, и Софья не выбѣгаетъ за калитку...

Невольно припомнился мнѣ и тотъ день, когда я въ послѣдній разъ видѣлъ Софью.

Я поступилъ уже въ гимназію и былъ отпущенъ на каникулы. Въ день Аграфены-купальницы, рано поутру, пріѣхала къ намъ Софья, парой, въ дрожкахъ. Со времени ея замужества прошло года два; мужъ ея разбогатѣлъ значительно, завелъ лошадей и поговаривалъ о покупкѣ дома. Софья неимовѣрно похорошѣла замужемъ и усвоила всѣ пріемы молодой купчихи стариннаго кроя. Шляпокъ и чепцовъ она не носила; но голубая шелковая косынка на черныхъ волосахъ, бирюзовыя серьги съ брильянтиками и шелковый платокъ поверхъ кисейнаго платья были ей такъ къ лицу, что на нее можно было заглядѣться. Бѣлая, румяная, чернобровая, она просилась въ любую русскую пѣсню. При взглядѣ на нее, мнѣ всегда слышалась заунывная «березынька» Кирилыча:

„Стану я, стану стараго будити“...

Но «старый» души не слыхалъ въ Софьѣ, и она его совсѣмъ забрала въ руки. Вѣроятно, оттого у нея и появлялось порою въ лицѣ выраженіе ребяческаго своенравія: брови сдвигались повелительно, въ глазахъ сверкала смѣлая рѣшимость. Бабушка и «наши» стали ее называть — «Софья Ивановна». Софья сначала краснѣла и отнѣкивалась, но потомъ привыкла и принимала почтительное обращеніе, какъ должное. О прежнихъ отношеніяхъ къ Кирилычу и помину не было, да и онъ какъ будто прятался отъ нея: до самаго моего отъѣзда изъ Москвы я ни разу не видалъ ихъ вмѣстѣ.

Въ то утро Софья заѣхала къ намъ по дорогѣ на Д—ское кладбище, гдѣ уже съ полгода покоился вѣчнымъ сномъ ея отецъ Иванъ Степанычъ. Мужъ Софьи дѣйствительно откупилъ на волю и тестя и тещу: Марья осталась жить у дочери на фабрикѣ, но Иванъ Степанычъ, несмотря ни на какія увѣщанія, пошелъ въ кладбищенскіе сторожа... На всѣ представленія, на всѣ просьбы семьи онъ отвѣчалъ:—«Не перечьте... Сказано, азъ хощу стражемъ при вратѣхъ смерти стояти, да не когда душею умру». Гдѣ это сказано—неизвѣстно, но Иванъ сталъ «стражемъ при вратѣхъ» Д—скаго кладбища и умеръ. Выдержалъ характеръ покойникъ до конца...

Не знаю—намѣренно ли, нѣтъ ли, только Софья стала просить, чтобы меня отпустили съ нею на кладбище: полагаю, что ей нуженъ былъ провожатый. Препятствій со стороны старшихъ не оказалось, и мы поѣхали. Какъ же было весело! Мнѣ недавно сшили новую шинель съ краснымъ воротникомъ, и я надѣвалъ ее въ первый разъ; спутница моя была пренарядная—въ «муаровомъ» салопѣ гранатнаго цвѣта, подбитомъ голубой тафтой; шлея на вороной парѣ сіяла серебрянымъ наборомъ; на Крымскомъ мосту попался намъ навстрѣчу мой одноклассникъ и пришелъ въ неописанное изумленіе... Помню, гордое самодовольствіе обуяло меня до такой степени, что вся кровь бросилась мнѣ въ голову, въ глазахъ позеленѣло, и я чуть не слетѣлъ съ дрожекъ. Спасибо, Софья поддержала и тутъ же сказала кучеру: «Тише, какъ бы дитю не уронить».

Въ кладбищенскую церковь мы вошли передъ «херувимской». Народу было немного,—и тѣмъ страннѣе показалась мнѣ совершенно нежданная встрѣча съ нашимъ жильцомъ, Никаноромъ Сергѣичемъ Ничвардиновымъ.

Я пишу мои «записки», конечно, для того, чтобы кто-нибудь ихъ прочелъ, а потому нѣсколько словъ о Ничвардиновѣ.

Мнѣ очень хочется опредѣлить его именно — нѣсколькими словами: «представительный юнкеръ въ отставкѣ 1830 годовъ»,

но историческая достовѣрность требуетъ «товременнаго» (чѣмъ не слово?) воззрѣнія на предметъ. Быть-можетъ, я непростительно ошибался, но въ то время мнѣ казалось, что умнѣе Никанора Сергѣича, красивѣе и совершеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ ничего не могло быть на свѣтѣ. Онъ свободно объяснялся по-польски, читалъ «Телеграфъ» и ходилъ въ темно-синей венгеркѣ, выложенной шелковыми шнурками; онъ курилъ «Фальеръ» (по пяти рублей фунтъ), владѣлъ пятьюдесятью душами въ В—ской губерніи, брился и завивался въ папильотки каждый день, а кромѣ того очень бойко игралъ на гитарѣ; у него были: «пистонное» ружье, турецкій кинжалъ и «кухенрейтеровскіе» пистолеты, была лягавая собака «Ѳедорычъ», былъ погребецъ съ разными затѣями, были бисерные чубуки и ермолки, были хранимыя въ тайнѣ шкатулки, женскіе портреты, кольца, разномастные локоны, и наконецъ, какъ водится, былъ денщикъ, разумѣется, также отставной, но почему-то съ мундиромъ въ отставкѣ... Вотъ сколько данныхъ... Ежели прибавить, что у Никанора Сергѣича часто бывали гости и немилосердо козыряли «отъ зари до зари», что онъ фабрилъ усы, поддерживалъ кредитъ у извозчиковъ, пирожниковъ, мороженниковъ, пряничниковъ, лавочниковъ и... у кого еще?.. имъ же имя легіонъ... ежели прибавить все это,—кажется, и прибавлять будетъ нечего. Развѣ только прописать примѣты Никанора Сергѣича: лѣтъ 35; ростъ 2 аршина 9 вершковъ; волосы на головѣ и бровяхъ темно-русые; глаза каріе; носъ прямой; ротъ умѣренный; лицо чистое; особыхъ примѣтъ не имѣется. Виноватъ: послѣднее обстоятельство требуетъ непремѣнной подскобки. Особою примѣтою Никанора Сергѣича могъ, по всей справедливости, считаться довольно глубокій шрамъ надъ лѣвой бровью. Этотъ шрамъ составлялъ красу и гордость Никанора Сергѣича:—«Линія выше,—говаривалъ онъ, прикладывая палецъ ко лбу:—и...»—закрывалъ многозначительно глаза и мертвообразно сжималъ губы.—«Впрочемъ,—прибавлялъ Никаноръ Сергѣичъ:—знаете ли, что?.. за эту женщину я готовъ и теперь... Что мнѣ пуля?.. Ей Богу!..

„Вѣдь всякъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать ни сѣсть“.

«Горе отъ ума» было у Никанора Сергѣича писанное. Кромѣ того была еще цѣлая тетрадь стиховъ — «секретная», пояснялъ онъ.

Деньги у него держались недолго; однако онъ не называлъ ихъ презрѣннымъ металломъ, а, напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ ввертывалъ въ разговоръ слѣдующій афоризмъ:—

«Дѣды наши говорили: «Богъ и Богъ»; отцы наши говорили: «Богъ и деньги»; мы говоримъ: «деньги и Богъ»; а дѣти наши будутъ говорить: «деньги и деньги». Вообще Никаноръ Сергѣичъ былъ краснорѣчивъ и за словомъ въ карманъ не ходилъ. Тогдашнія барышни извѣстнаго круга были отъ него безъ ума.

Странно мнѣ было видѣть Никанора Сергѣича на кладбищѣ; еще страннѣе было то, что онъ ни разу не обернулся въ нашу сторону и, выходя изъ церкви, не подошелъ ко мнѣ и даже не поклонился, будто не замѣтилъ. Софья просила священника отслужить панихиду, съ литіей на могилѣ. Передъ панихидой мы разсматривали одну изъ церковныхъ фрескъ: «Возстаніе мертвыхъ». Не знаю—хорошо ли исполнена эта картина въ художественномъ отношеніи, но тогда она произвела на насъ большое впечатлѣніе. Особенно поразила насъ одна фигура на первомъ планѣ: красивая дѣвушка, вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами, встаетъ изъ гроба на голосъ послѣдней трубы. Намъ сказали, что это—портретъ купеческой дочери, погребенной на кладбищѣ: картина писана по заказу ея отца. «Бѣдная, и пожить-то не успѣла!»—замѣтила Софья. Когда мы отстояли панихиду и выслушали литію, Софья немножко поплакала надъ могилою Ивана Степаныча, а потомъ отерла слезы, вздохнула какъ-то особенно легко, словно ношу съ плечъ сбросила, и сказала:—«Пойдемте, памятники посмотримъ».

Д—ое кладбище раскинуто на живописной мѣстности. Нѣсколько пригорковъ, отѣненныхъ деревьями и кустарникомъ, отдѣлены отъ большой дороги природнымъ валомъ, а съ противоположной стороны сходятъ пологими скатами въ глубокую рытвину; и скаты, и рытвина, и разбросанныя по нимъ могилы поросли густой, высокой травой и цвѣтами. Незамѣтно, отъ памятника къ памятнику, мы забрались въ самую глушь. По малости роста, я очень проворно нырялъ подъ вѣтвями, но Софьѣ приходилось часто нагибаться. Вдругъ она вскрикнула. Я обернулся: вѣтка жимолости зацѣпилась ей за серьгу и за волосы. Склонивъ голову немного набокъ, Софья съ нетерпѣливой улыбкой стала выпутывать свои волосы и покраснѣла отъ досады... Покраснѣла, можетъ-быть, и оттого, что въ это мгновеніе подлѣ насъ, Богъ вѣсть откуда, появился Никаноръ Сергѣичъ, словно изъ земли выросъ.

— Позволите?—сказалъ онъ вѣжливо и освободилъ Софью отъ докучливой вѣтки.

Софья благодарила. Никаноръ Сергѣичъ поздоровался со мной, и разговоръ завязался. Оказалось, что они—люди знакомые; видались раза два у бабушки. На вопросъ Софьи: кто

у насъ здѣсь похороненъ,—Никаноръ Сергѣичъ отвѣчалъ также вопросомъ:

— Кто?

Потомъ помолчалъ, грустно опустилъ голову и проговорилъ тихо:

— Другъ...

— Поѣдемте,—сказала мнѣ Софья:—пора.

Никаноръ Сергѣичъ мрачно раскланялся и углубился въ чащу. Мы видѣли, какъ онъ облокотился на одинъ изъ памятниковъ, вынулъ изъ кармана книжку и сталъ читать.

— Отчего вашъ жилецъ всегда такой грустный?—спросила меня Софья.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.—Чѣмъ же онъ грустный? Онъ всегда смѣется и другихъ смѣшитъ.

Софья не возражала и молчала всю дорогу.

Когда мы подъѣзжали къ дому, мимо насъ пролетѣлъ извозчичій калиберъ, запряженный гривастымъ иноходцемъ: Никаноръ Сергѣичъ насъ обогналъ, но не поклонился намъ, и къ бабушкѣ не зашелъ, несмотря на то, что заходилъ каждое утро.

Въ этотъ-то день я и видѣлъ послѣдній разъ Софью.

Черезъ три года послѣ нашей поѣздки, на томъ же Д—скомъ кладбищѣ, подлѣ могилы Ивана Степаныча зеленѣла новая могила, и, кажется, тогда же прекратилось старое поминаніе Кирилыча. Послѣдняя строчка поминанія очень своеобразна: она составлена изъ крупныхъ печатныхъ буквъ, вырѣзанныхъ, вѣроятно, изъ газетныхъ объявленій и наклеенныхъ на бумагу; строчка эта гласитъ:

«новаприставлено софиі».

Когда я спросилъ Кирилыча: «кто тебѣ это наклеилъ?»—онъ отвѣчалъ хладнокровно:—«Кто, бишь?.. Не помню... наклеилъ кто-то».

Вообще Кирилычъ остался все тѣмъ же Кирилычемъ, и десять лишнихъ лѣтъ очень мало измѣнили его наружно: на щекахъ начали прорѣзываться легкія морщины, глаза ушли поглубже, да кудри кой-гдѣ подернуло сѣдиной. Привычки и образъ жизни Кирилыча также не измѣнились; попрежнему шилъ башмаки, попрежнему смотрѣлъ на мірскую суету глазами философа, немножко щурясь и понюхивая съ разстановкой табакъ. Если онъ сдѣлался нѣсколько молчаливѣе и рѣже пѣлъ за работой, такъ это оттого, что у него прибавилось житейской опытности и степенности. На языкъ онъ сталъ гораздо воздержнѣе, но ужъ зато каждое его слово попадало не въ бровь, а прямо

въ глазъ: видно, у него порядкомъ понакипѣло на сердцѣ въ эти десять лѣтъ. Какъ-то онъ навлекъ на себя страшное негодованіе нашей сосѣдки, женщины очень почтенной, но крайне расчетливой. Дѣло было такъ. У насъ бадья оборвалась—Кирилычъ и пошелъ за водой на сосѣдній дворъ, гдѣ всегда распоряжался, какъ дома. На тотъ же дворъ забрели двѣ богомолки и остановились нерѣшительно у калитки.

— Что̀ вамъ, тетки?—крикнулъ Кирилычъ.

— Водицы, батюшка, испить.

— Давай бураки.

— Спасибо-те, кормилецъ!

— Не на чемъ!—отозвался Кирилычъ, накачивая воду.—На хлѣбъ, на соль—туда-сюда, а на воду ужасно какъ просты!

На бѣду хозяйка сидѣла у раскрытаго окна и услыхала эти слова. Пошелъ дымъ коромысломъ! Прибѣжала къ намъ и начала требовать настоятельно, чтобы негодяя, пьяницу Яшку сдали въ солдаты. Насилу могли успокоить...

А между тѣмъ одно изъ бранныхъ выраженій обиженной сосѣдки было, къ сожалѣнію, совершенно справедливо: Кирилычъ нѣсколько лѣтъ тому началъ пить запоемъ. Богъ вѣсть, отчего стряслась такая бѣда надъ моимъ добрымъ, честнымъ и поистинѣ нравственнымъ Кирилычемъ! Домашніе толковали причину этой несчастной привычки различно. Общепринятое мнѣніе было, что это—такъ, со скуки, оттого, что малый до сихъ поръ не женится и одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ. Кормилица Маланья увѣряла, что онъ съ жиру бѣсится, оттого что денегъ некуда дѣвать. Нянька едва ли не всѣхъ справедливѣе замѣчала:—«Богъ наказалъ!». Но когда я разъ спросилъ ее: «за что же Богъ наказалъ?»—она отвѣтила:—«А за то, что скаредъ!»—и разсказала цѣлую странную исторію. По ея словамъ, Кирилычъ давалъ деньги взаймы, подъ ручные залоги, бралъ большіе верхи, а когда должникъ просрочивалъ хоть одинъ день, непремѣнно продавалъ залогъ.

— Вотъ такъ-то разъ,—говорила она:—и принесъ къ нему старичокъ изъ Сущева перстень изумрудный, да на три мѣсяца у него за тридцать за пять рублей и оставилъ. Приходитъ срокъ, денегъ-то онъ и не донесъ,—а нашъ-то перстень съ рукъ и сбудь... Послѣ, черезъ недѣлю никакъ, не то черезъ двѣ, пришелъ старикъ съ деньгами—анъ ужъ и концы схоронены. — «Ну, спасибо, говоритъ, помянешь ты меня!..» Съ тѣхъ поръ, батюшка, и запилъ. Ужъ это я доподлинно знаю.

Разсказъ няньки показался мнѣ весьма невѣроятнымъ, потому что я очень хорошо зналъ богобоязненность и непод-

купную честность Кирилыча, но—какъ бы то ни было—дѣйствительно его Богъ наказалъ. Ничего не могло быть ужаснѣе его безумной жадности къ вину, его неудержимой страсти — приходить въ самозабвеніе. Пятнадцать - двадцать дней пилъ онъ безъ просыпу, пилъ столько, сколько могъ выдержать его желѣзный организмъ, пока наконецъ, по выраженію няньки, его «не ударяло ѳземь».

— Такъ ужъ у него всегда кончается, — разсказывала она: — сидитъ за столомъ на лавкѣ, пьяный, — вдругъ его и ударитъ!.. Почернѣетъ весь, какъ котелъ; пѣна у рта; такъ его и подымаетъ на аршинъ отъ полу. Какъ очнулся, такъ и пошелъ бредить, такъ и пошелъ... Чушь несетъ, озирается... Все ему, прости Господи, черти мерещатся; а не то начнетъ говорить съ кѣмъ-то, да буркалами-то такъ поводитъ, словно съѣсть хочетъ: страхъ такой!

Это описаніе было совершенно справедливо: съ Кирилычемъ послѣ запоя дѣлалась бѣлая горячка. Тѣмъ страннѣе были эти болѣзненные припадки, что, кромѣ обычныхъ дней, Кирилычъ круглый годъ не бралъ въ ротъ капли вина. Грустно перечислять всѣ разумныя и неразумныя средства, употребленныя для искорененія этой тяжелой болѣзни. Лѣчили Кирилыча и доктора, лѣчили и знахари; прибѣгали и къ домашнему и къ полицейскому аресту, и къ отчитыванію: ничего не помогало — такъ и рукой махнули. Когда я вернулся въ Москву, всѣ мѣры уже были истощены, и я просилъ оставить моего стараго друга въ покоѣ. Собирая мои дѣтскія воспоминанія, я не разъ задумывался надъ причиной болѣзни Кирилыча, и мнѣ всякій разъ казалось, что этой причиной было какое-то глубоко затаенное горе. Но сколько я ни разспрашивалъ домашнихъ — никакого толку не добился.—«Что̀ ты, батюшка, какому у него быть горю!»—былъ общій отвѣтъ. Намекнулъ я какъ-то на прежнія его отношенія къ Софьѣ, но и тутъ меня рѣшительно разочаровали.—«Помилуй! Софья уже четыре года умерла. Да и жива-то была, такъ съ годъ или съ два къ намъ ѣздила, а потомъ и глазъ не казала. Такая стала важная; мужъ въ первую гильдію записался, четверку лошадей купилъ; кромѣ атласныхъ салоповъ, другихъ и не носила. Пріѣзжала какъ-то за годъ передъ смертью, да мы ужъ и не приняли».—Что̀ же?—«Да такъ... говорятъ, шалить стала... Бабенка молодая, воли много, присмотру не было. Мужъ все на фабрикѣ, да въ городѣ, да на ярмаркахъ... Ну, и старъ... а хороша, выровнялась покойница...»

Разумѣется, самого Кирилыча я не разспрашивалъ. Разъ

только, когда онъ начиналъ распиваться, попытался я спросить его полушутя, полу-сердито:

— Что это, Яковъ, не стыдно тебѣ на дню по десяти разъ въ кабакъ ходить?

Но Кирилычъ ужъ былъ подъ вліяніемъ болѣзни.

— А нешто кабакъ худое мѣсто? — спросилъ онъ въ свою очередь. — Тоже... Вонъ, изволите знать кабакъ Агашку, на Дѣвичьемъ полѣ? Такъ тамъ...

И принялся разсказывать про какое-то фантастически-чудесное событіе.

Правда, отстрадавъ урочное время, онъ вошелъ ко мнѣ поутру блѣдный, худой, молча поклонился въ ноги и зарыдалъ.

— Полно, полно, что ты, Яковъ? Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ,—говорилъ я, поднимая его.

Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, и, всхлипывая, твердилъ:

— Батюшка, простите меня, окаяннаго. Видно, такая ужъ Яшкина доля!

Но ни слова болѣе не прибавилъ Кирилычъ, не сказалъ даже, что вотъ, молъ, его испортили, что нашлись такіе добрые люди, и т. п. Промолчалъ и я; однако далъ себѣ слово разгадать загадку. Будь жива бабушка, я зналъ бы навѣрное — въ чемъ дѣло, а безъ нея приходилось ждать благопріятнаго случая.—«Подождемъ»,—думалъ я—и дождался...

Но прежде всего я долженъ принести Кирилычу мою горячую благодарность за его службу: онъ ходилъ за мною такъ усердно, былъ такъ мнѣ преданъ, такъ вдумался во всѣ мои привычки, какъ будто отъ малѣйшаго невниманія зависѣло все счастье его жизни. Въ какое бы время я ни возвращался домой, со службы или изъ гостей, я могъ быть увѣренъ, что все уже приготовлено къ моему отдыху и успокоенію. Онъ даже избаловалъ меня. Напримѣръ, иногда мнѣ случалось просиживать за работой или за чтеніемъ до утра — Кирилычъ также не ложился: гомозится, бывало, у себя въ уголку—шьетъ что-то, кроитъ... Скажешь:—«Яковъ, ты меня не жди—ложись спать»,—отвѣтитъ: «слушаю-съ», и точно какъ будто ляжетъ; но подъ утро, право, иногда подумаешь: «не худо бы чаю», — Кирилычъ ужъ на ногахъ и самоваръ ставитъ. Мало того: онъ, кажется, только и думалъ о томъ, какъ бы доставить мнѣ удовольствіе. Одно время я любилъ собирать старыя монеты: Кирилычъ приглядывался-приглядывался къ нимъ, да въ одно прекрасное утро и принесъ мнѣ двѣ серебряныя копеечки и цѣлую пригоршню денежекъ и полушекъ.

— Гдѣ ты взялъ, Яковъ?—спросилъ я у него.

— У нищихъ на Смоленскомъ рынкѣ вымѣнялъ: копеечки на пятачки, а мѣдныя по расчету. Годятся вамъ, что ли?

— Какъ не годиться! Только ты нищихъ обидѣлъ: онѣ дороже стòятъ.

— Чтò вы! Да этихъ денегъ никто и не беретъ...

Возражать было некстати, и я отблагодарилъ Кирилыча также подаркомъ. Въ другой разъ мнѣ понадобилась небольшая сумма денегъ, и я, между словъ, намекнулъ объ этомъ Кирилычу. Гляжу, черезъ минуту онъ входитъ ко мнѣ въ комнату, кланяется въ поясъ и подаетъ сложенную вчетверо синюю сахарную бумагу. Я развернулъ ее и увидалъ пачку ассигнацій, всѣ новенькія — съ иголочки.

— Чтò это, Яковъ? Ты хочешь, чтобы я у тебя взялъ взаймы?

Кирилычъ только кланялся, но говорить не могъ отъ сдержаннаго волненія. Послѣ уже онъ объяснилъ, что ему слезы подступили подъ горло. Признаюсь, въ эту минуту и у меня навернулись слезы...

Описывать всѣ случаи, когда Кирилычъ доказалъ свою преданность нашему семейству, рѣшительно нѣтъ никакой возможности: преданность эта проявлялась на каждомъ шагу, въ каждомъ поступкѣ Кирилыча. Не могу, впрочемъ, умолчать объ одномъ случаѣ: его послали съ деньгами за Серпуховъ, выдали прогоны и приказали доѣхать къ мѣсту назначенія какъ можно скорѣе. Кирилычъ такъ и сдѣлалъ: доѣхалъ съ попутчикомъ до Серпухова, перешелъ трогавшуюся уже Оку по ребрамъ покоробленныхъ льдинъ и отдалъ деньги, но въ Москву вернулся позже, чѣмъ его ожидали. Для сбереженія барскихъ прогоновъ, онъ пришелъ пѣшкомъ...

Миръ твоему праху, мой вѣрный Кирилычъ! Ты былъ отраднымъ явленіемъ отжившаго поколѣнія...

Разыгралась въ жизни Кирилыча и драма, полная любви, ревности и скрытыхъ мукъ души, но разыгралась такъ тихо, такъ въ сторонѣ, что никто изъ окружавшихъ главное дѣйствующее лицо не замѣтилъ его страданій и борьбы со страстью. Не зналъ бы ничего и я, если бы та же неугасимая страсть не заставила Кирилыча высказаться.

Вотъ какъ это было.

Поѣхали мы съ Кирилычемъ въ тульскую деревню къ моимъ знакомымъ; выѣхали изъ дому часу въ десятомъ вечера. Кирилычъ былъ чрезвычайно въ веселомъ расположеніи духа; у Серпуховскихъ воротъ представилъ мнѣ необходимость запа-

стись горячими колачами, и во все время, пока мы рысцой проѣзжали предмѣстье и длинную слободку, перешучивался съ ямщикомъ.

— Погляжу я на твою тройку,—говорилъ Кирилычъ:—не потрафишь ты къ раннимъ обѣднямъ въ Серпуховъ.

— Для-че не потрафить? — возражалъ ямщикъ. — Кони знатные...

— На знати ваша знать: подъ гору хлыщи, а на гору самъ тащи!

— Что̀ жъ? Хошь и сами впрягайтесь: кнутъ-то у меня эва!

— Что̀ больно хвалишься? Аль самого стегали?

— Не за что насъ стегать-то. На насъ вонъ тулупы стеганые.

— Да что̀, изъ Лопасни, что ли?

— Изъ Молодей.

— То-то ты и...

Вдругъ Кирилычъ смолкъ на полусловѣ, снялъ картузъ и перекрестился.

Я взглянулъ направо.

За сѣрымъ полотномъ шоссе, изъ-за придорожнаго вала начали выглядывать потемнѣвшія деревья Д—скаго кладбища.

— Послушай, Яковъ, вѣдь Софья здѣсь похоронена? — спросилъ я.

Кирилычъ вздрогнулъ, кашлянулъ и — будто поперхнулся словомъ — проговорилъ глухо:

— Здѣсь.

«А! — подумалъ я: — не забылъ ты Софьи».

Версты съ четыре мы ѣхали молча. Темнѣло и свѣжѣло: небо заволакивало тучками; началъ накрапывать дождикъ. При въѣздѣ въ Котлы, ямщикъ совершенно неожиданно свернулъ влѣво и сдержалъ лошадей.

— Куда ты? — сказалъ я.

— Прикажите, ваша милость, водочки выпить.

— Что̀ такъ рано? И десяти верстъ не отъѣхали.

— Да ужъ вино-то здѣсь больно куражно; хорошо съ вашей милостью поѣдемъ...

Онъ снялъ шляпу и отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ.

Я велѣлъ Кирилычу распорядиться. Минуты черезъ двѣ оба воротились. У Кирилыча была въ одной рукѣ моя дорожная трубка, въ другой зажженная лучина.

— Да мнѣ еще не хочется курить, — замѣтилъ я.

— Извольте здѣсь закуривать, а то послѣ некогда будетъ.

Я не возражалъ. Ямщикъ вскочилъ на облучокъ, закрутилъ вожжи, осторожно спустилъ тарантасъ къ жиденькому мосту, а

потомъ ахнулъ и, какъ сумасшедшій, полетѣлъ въ сыпучую гору. По обѣимъ сторонамъ мелькали избы съ освѣщенными окнами; проносились длинные обозы; сплошнымъ плетнемъ тянулись рѣдко разсаженныя деревья; колокольчика было ужъ не слышно, и только, какъ бы вѣтромъ, наносились спереди и въ то же мгновеніе замирали лай какой-нибудь задорной собаки или бранный окрикъ встрѣчнаго обозника. Версты съ полторы несся подгулявшій ямщикъ и только къ концу второй версты началъ осаживать лошадей и поѣхалъ крупною рысью. Но подошелъ опять спускъ, а за нимъ довольно крутая гора, и мы опять помчались, сломя голову.

Я тогда былъ очень молодъ и любилъ быструю ѣзду; но наконецъ мнѣ стало жаль лошадей, и я сказалъ ямщику:

— Легче, дай вздохнуть.

Онъ поѣхалъ шагомъ.

Видно, ѣзда развеселила и Кирилыча.

— Вотъ такъ-то мы,—заговорилъ онъ:—съ Карпомъ Трифонычемъ въ Новый-Ерусалимъ ѣздили.

— Съ какимъ Карпомъ Трифонычемъ? Съ мужемъ Софьи?

— Да, съ мужемъ покойной Софьи Ивановны.

Кирилычъ вздохнулъ.

Его слова показались мнѣ загадочными. До сихъ поръ онъ ни разу не говорилъ со мной о Софьиномъ мужѣ, да и про самую Софью будто позабылъ.

— Ты развѣ хаживалъ къ нему?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Какъ не ходить?.. Хаживалъ.—Онъ помолчалъ.—Да...—продолжалъ онъ:—вотъ и другую жену себѣ взялъ; только эта, видно, его самого схоронитъ...

— А что̀?

— Да такъ: баба-то здоровенная такая, ну — и характеръ свой есть... Не то, что̀ наша покойница... Эхма! — заключилъ онъ, махнувъ рукой: — говорить только не охота, а черезъ себя извелась... Будь у нея свой разсудокъ, али настоящее разсужденіе, прожила бы вѣкъ припѣваючи.

— Что̀ жъ она, съ мужемъ не ладила?

— Не то, что не ладила... Мужъ-отъ ея глазами глядѣлъ: и стариковъ выкупилъ да съ кускомъ хлѣба оставилъ, и самоё въ такой холѣ держалъ, что и-и, Господи!.. Домъ у нихъ былъ свой; небель краснаго дерева, штофная; что̀ Божьяго милосердія, что̀ серебра! Лошадей какихъ держалъ... Нѣтъ, ужъ такъ — врагъ попуталъ...

Убѣдясь изъ долгаго опыта, что отъ Кирилыча прямымъ путемъ немногаго добьешься, я спросилъ:

— А гдѣ у нихъ домъ?

— А домъ у нихъ былъ у Ильи-пророка. Прежде они на фабрикѣ жили, а потомъ и домъ свой купили. На фабрикѣ я у нихъ не бывалъ. Хоть и зазывала Софья Ивановна, да я все не шелъ... Правду сказать, я и ее-то первые два года, почитай, въ глаза не видалъ. Бывало, заѣдетъ съ поклономъ къ старой барынѣ, и норовишь куда уйти, али и такъ въ кухнѣ просидишь. Мнѣніе такое на меня находило... Только вотъ занемогъ маленькій баринъ: въ корпусѣ, въ лазаретѣ лежалъ — маменька и послали меня къ нимъ провѣдать, гостинцу отнести. Отнесъ это я гостинцу; посидѣлъ тамъ у нихъ, гляжу — дежурный идетъ. «Сейчасъ, говоритъ, начальникъ въ лазареть будутъ, ступай, милый, съ Богомъ». Пошелъ я домой, иду мимо Ильи-пророка — всенощная на отходѣ: подъ праздникъ дѣло было. Зашелъ помолиться; народу много таково; пѣвчіе поютъ. Отстоялъ всенощную, хотѣлъ приложиться къ образамъ, глядь — Каринъ Трифонычъ и сама. Прямо меня за руку:—«Нѣтъ ужъ, говоритъ, Яковъ Кирилычъ, теперь не уйдешь: милости просимъ къ намъ на чай кушать». Вижу, и мужъ пристаетъ:—«Что̀, молъ, обижаете, хлѣбомъ-солью нашими гнушаетесь? Сдѣлайте ваше одолженіе, почтенный». Ну, нечего дѣлать, пошелъ съ ними, а тутъ, только что улицу перейти, и домъ ихній. Сейчасъ это хозяинъ меня за обѣ руки, вводитъ въ комнату, сажаетъ на диванъ,—«прошу покорно, говоритъ, бесѣдовать». Ужъ они меня угощали, угощали, и чаемъ-то, и виномъ, и икрой, и семгой, и бѣлужиной, насилу къ десяти часамъ отпустили. Самъ съ лѣстницы со свѣчой провожаетъ:—«Свезите, говоритъ, Яковъ Кирилычъ, старой барынѣ поклонъ мой всенижайшій и доложите: самъ, дескать, безпремѣнно съ хозяйкой пріѣхать желаю». Схожу съ подъѣзда, анъ и лошадь ихняя у крыльца стоитъ: такъ на своей лошади и отвезли.

Кирилычъ замолчалъ; я хотѣлъ-было уже ему предложить вопросъ, но это оказалось совершенно лишнимъ: понюхавъ табаку, онъ началъ снова:

— Такимъ манеромъ и сталъ я къ нимъ ходить... Разъ съ братцемъ изъ корпуса заходилъ: тутъ-то насъ приняли—и благодарить-то какъ, и посадить-то гдѣ, и угощать-то чѣмъ, не знали. На другой день послѣ обѣдни, гляжу — катитъ моя Софья Ивановна на парѣ къ нашимъ воротамъ. Салопъ на ней бѣлый атласный; синимъ платочкомъ повязана. Снялъ я съ нея въ передней салопъ — мѣхъ чернобурый; сотенъ семи стоитъ, а не то и больше. Какъ усадила ее старая барыня на софу, такъ у насъ въ ту пору во флигелѣ жилецъ стоялъ: тотъ прямо изъ гостиной въ переднюю и выбѣжалъ:—«Кири-

лычъ, чья такая?..» А не любилъ я, крѣпко не любилъ этого Никанора Сергѣича, словно сердце чуяло...

Кирилычъ опять замолчалъ, такъ что я наконецъ возобновилъ разговоръ вопросомъ:

— Вѣдь онъ отставной былъ?

— Богъ его знаетъ, изъ какихъ онъ былъ!.. Благородный... Человѣкъ-то его сказывалъ, юнкеромъ никакъ года съ четыре въ арміи служилъ, и помѣстье у ихней маменьки есть... Что̀ съ нимъ у старой барыни хлопотъ было: за фатеру въ срокъ не платитъ, пріѣзжаетъ поздно, иной разъ ужъ добрые люди и встанутъ; домой къ себѣ всякую компанію наведетъ—тутъ и женскій полъ... Ужъ мы всѣ ждали — не дождались, когда его Богъ отъ насъ унесетъ. Оно бы ему и давно отказали, да денегъ много задолжалъ. Денегъ нѣтъ-нѣтъ, а франтить любилъ: надѣнетъ на себя бархатныя шаровары, венгерку синюю со шнурками, ермолку шитую, закуритъ сигарку, собаку свою кликнетъ—и пошелъ прямехонько въ казармы, а не то вонъ къ нашимъ сосѣдямъ зайдетъ—у нихъ сидитъ до обѣда, аль у насъ утро-то промается... И вкрадчивый же какой былъ — хоть въ иголку вдѣнь. Вѣдь что̀ жъ вы думаете? На что была строга наша барыня и обхожденіе повелительное имѣла, и къ той подластился.—«Матушка, Настасья Сергѣевна, потерпите: вотъ оброкъ изъ деревни пришлютъ—отдамъ безпремѣнно», — ну, и умаслитъ. Вечеромъ, бывало, барышни у насъ соберутся, словно носомъ чуетъ—сейчасъ и гитару принесъ, и мелкимъ бѣсомъ разсыпается... Этакаго безстыжаго я отродясь не видывалъ. А изъ себя былъ видный: волосы барашкомъ, усы черные, румянецъ во всю щеку. Начнетъ ему старая барыня говорить: «Что̀ вы, Никаноръ Сергѣичъ, нигдѣ не служите, ничего не дѣлаете? Человѣкъ вы молодой, образованный... Женились бы вы, что ли...» — «Помилуйте, говоритъ, посватайте только, по гробъ вашихъ милостей не забуду». И ручку у барыни поцѣлуетъ, а вышелъ въ переднюю трубку набить—и ворчитъ:—«Ишь, старая, съ нелегкимъ подъѣхала; небось, на твоей курносой племянницѣ женюсь!» Это онъ про тетеньку про Алимпіаду Гавриловну... Своими ушами слышалъ... Такъ вотъ какой былъ.

— А ты что̀ съ парнымъ молокомъ-то ѣдешь? — обратился Кирилычъ къ ямщику.—На двухъ верстахъ хваленую тройку упарилъ. Трогай, знай!

Задремавшій ямщикъ шевельнулъ вожжами, и лошади встрепенулись.

— Не прикажете ли трубочку набить?—спросилъ Кирилычъ.

— Пожалуй.

— У Никанора Сергѣича, — говорилъ Кирилычъ, набивая трубку:—былъ любимый чубукъ, славный чубукъ, чехолъ на немъ бисерный, вязаный, янтарь, какъ лимонъ, желтый... Извольте закуривать.

— Скажи, пожалуйста, такъ какъ же онъ тогда объ Софьѣ?

— Чего тогда! И послѣ никакъ съ недѣлю приставалъ: гдѣ живетъ, да за кѣмъ замужемъ, да хорошъ ли мужъ у нея.

— Ну, что̀ жъ ты?

— Что̀ я? Ничего. Извѣстно, сказалъ — купчиха, и барыня изъ своего дома замужъ отдавала, а хорошъ ли у нея мужъ, у самоё, молъ, спросите. Недѣльки этакъ черезъ двѣ, поутру, заглянулъ ко мнѣ въ кухню, вызываетъ въ сѣни. Вышелъ: — «Что̀ вамъ, сударь, угодно?» — «Сдѣлай, говоритъ, Яковъ Кирилычъ, мнѣ дружбу: отпрошу я тебя у барыни — поѣдемъ мы съ тобой въ Красныя казармы, къ пріятелю на вечеръ. Ты, говоритъ, и подать и порѣзать умѣешь: послужи, говоритъ, вечерокъ, а пріятель тебя поблагодаритъ. Денщики у него, братецъ, знаешь, все народъ неотесанный».— «Что̀ жъ, говорю, судырь, коли барыня отпустятъ, я съ моимъ великимъ удовольствіемъ». Черезъ полчаса приходитъ:— «Собирайся, говоритъ: отпустила». Поѣхали. Ѣдемъ мимо Ильи-пророка, онъ тотчасъ извозчику: «стой»...—«А гдѣ тутъ, говоритъ, живетъ ваша Софья Ивановна?» Что̀ съ нимъ будешь дѣлать? Показалъ: какъ разъ противъ дому и остановились. «Такъ ея фамилія Гнусина, говоритъ. Это его панскія-то лавки?»—Его, молъ.—«Онъ вѣдь очень богатъ?»—Имѣетъ, говорю, хорошій капиталъ. А покойница-то тутъ на бѣду въ окошко и глянула: извѣстно, видитъ—сани остановились. Онъ сейчасъ и фуражку долой. Какъ вспыхнетъ Софья Ивановна— и прочь отъ окна... и мнѣ не поклонилась... На Середокрестной недѣлѣ пріѣхала къ барынѣ—и на меня:—«Не грѣхъ вамъ, Яковъ Кирилычъ, подъ мои окна лоботрясовъ подвозить? Жили мы съ вами въ одномъ домѣ, всякое дружество вели, а вы вотъ какъ меня чествуете». Я и говорю: помилуйте, такъ и такъ,—разсказалъ все, какъ было.—«А вы вотъ что̀, говоритъ, отъ меня ему скажите: чтобы не смѣлъ онъ кажинный день мимо моего дома ѣздить да по окнамъ глазѣть. Слышите ли, Яковъ Кирилычъ? Такъ и скажите». Что̀ жъ мнѣ? Я ему все и сказалъ. Индо засмѣялся.—«Спасибо, говоритъ, Кирилычъ, заходи ко мнѣ ужотка вечеркомъ чаю напиться». Я-то думалъ, что онъ на меня вскинется, а онъ — на̀ поди: словно я его рублемъ подарилъ. «Что̀ такое?—думаю:—чему онъ обрадовался? Ужъ вотъ подлинно безстыжіе глаза»... Только, примѣчаю я, проходитъ постъ, а Никаноръ Сергѣичъ каж-

дый день со двора, каждый день со двора, и извозчикъ у него—Меркуломъ звали—славная запряжка. Опять то, что барынѣ деньги донесъ: ну, знать, изъ деревни получилъ, али занялъ гдѣ. Выхожу разъ на улицу, стоитъ Меркулъ.—«Куда это вы, молъ, съ бариномъ-то разъѣзжаете?»—Куды! Извѣстно, говоритъ, у насъ одна ѣзда: въ Красныя казармы, да домой... Ну, въ Красныя казармы, такъ въ Красныя казармы. Подошло Свѣтлое Воскресенье, пошелъ я съ батюшкой церковь отпирать; помогаю тамъ причту помаленьку, мѣстныя свѣчи зажигаю. Стали образа поднимать. Гляжу, старая барыня стоитъ на мѣстечкѣ, а у лѣваго клироса Софья Ивановна, и съ мужемъ... Вотъ откуда пріѣхали. Отошла заутреня, начали христосоваться, покойница подлѣ старой барыни стоитъ—вдругъ и подлетаетъ соколъ-то ясный: барынѣ къ ручкѣ—Христосъ воскресъ, и Софьѣ Ивановнѣ къ ручкѣ—Христосъ воскресъ; она его въ щеку—воистину воскресъ. Карпъ Трифонычъ глядитъ на него съ этакимъ сумлѣніемъ, а тотъ къ нему:—«Позвольте, говоритъ, рекомендоваться: жилецъ Настасьи Сергѣевны—съ супругой вашей у нихъ имѣлъ удовольствіе познакомиться». А Софья Ивановна тотчасъ на мужа этакъ поглядѣла черезъ плечо, повела этакъ бровью.—«Да, говоритъ, Карпъ Трифонычъ, имѣла, говоритъ, удовольствіе...» Тотъ—мужикъ простой: «оченно, молъ, обязаны и равномѣрно за удовольствіе поставимъ». Вижу я—неладно дѣло, да что̀ жъ,—думаю,—мнѣ въ чужое-то корыто рыло совать? Такъ и отошелъ... и не похристосовался съ покойницей. А она вѣдь что̀ же? Напросилась къ старой барынѣ разгавливаться, и Никаноръ Сергѣичъ за ней ввалился. Что̀ ужъ у нихъ тамъ было—не знаю: я и въ комнаты не пошелъ. На второй день Карпъ Трифонычъ къ намъ на дворъ; въ передней поминки оставляетъ—кулька три большихъ съ чаемъ, съ сахаромъ, съ винами, и сейчасъ къ барынѣ:—«Какъ были вы, дескать, благодѣтельницей моей хозяйки и мнѣ счастье предоставили, такъ позвольте сердечно благодарить васъ и отказомъ не извольте обижать». Старая барыня и приняла поминки... Вотъ... изволили знать, у Ивана Степаныча, у отца Софьи Ивановны, былъ въ Сущевѣ кумъ?

— Ну, какъ не знать!

— Выжига такой, что Боже упаси. Вотъ ужъ, видно, про него сложено: «Гаша, Гаша, замѣси толоконца.—Изъ чьего мѣшочка? — Изъ твоего. — Ни-ни-ни! — Ну, изъ моего. — Такъ густенькаго?..» А тоже грамотный: книгами торгуетъ. Сижу разъ въ амбарѣ, крою подошву,—шасть этотъ самый кумъ ко мнѣ: словно и забылъ, что петлю на меня накинулъ, словно и не онъ... Тары-бары... Говоритъ:

«— Я къ вамъ, Кирилычъ, за дѣльцемъ: не богаты ли вы деньжонками?

«— Какія, молъ, у меня деньги?

«— Я-ста вѣдь не съ пустыми руками прошу, а вотъ поглядите—перстенекъ принесъ.

«Показываетъ. Глянулъ я на перстень—изумрудикъ, рублей сотню стòитъ... да и перстень-то словно знакомый.

«— Денегъ, говорю, у меня такихъ нѣтъ, да кабы и были, въ чужія руки не отдамъ, а доброму человѣку и такъ пособить можно.

«— А какъ, говоритъ, вы полагаете, цѣна ему, рублевъ семьдесятъ стòитъ?

«— Больше, молъ, стòитъ.

«— Такъ давайте, говоритъ, тридцать пять, на три мѣсяца, да и шабашъ: сорокъ принесу.

«Тридцать пять рублевъ у меня было: подумалъ и вынулъ—двадцатипятирублевую да лобанчикъ... и лобанчикъ-то еще мѣченый. Ну, хорошо. Ушелъ онъ отъ меня и перстень оставилъ. Вечеркомъ забѣгаетъ ко мнѣ Дормидонъ, человѣкъ Никанора Сергѣича:

«— Кирилычъ, нѣтъ ли у васъ мелочи на лобанчикъ?

«— Есть,—говорю.

«Онъ мнѣ подаетъ лобанчикъ, глядь, мой самый, мѣченый... Чтò за пропасть? Я Дормидона и спрашиваю:

«— Откуда твой баринъ эти самыя деньги получилъ?

«— А кто его знаетъ—старикъ какой-то занесъ.

«— Не такой ли, молъ?

«— Онъ и есть.

«Хорошо, думаю.

«— А нешто, молъ, онъ барину-то долженъ былъ?

«Дормидонъ-то, Богъ съ нимъ, такой дурашливый.

«— Какое, говоритъ, долженъ! Мало ли мы ему вещей-то перетаскали. И теперь баринъ перстень съ руки снялъ.

«— Чтò жъ, молъ, я у него прежде перстня не видывалъ?

«— Да и всего, говоритъ, три дня поносилъ; знать, въ карты у кого выигралъ.

«— А сколько денегъ старикъ-то принесъ?

«— Тридцать пять рублей, а отдать шестьдесятъ.

«Ну, и это, думаю, хорошо. Размѣнялъ лобанчикъ, отпустилъ Дормидона, вынулъ перстень, поглядѣлъ опять: вотъ видалъ гдѣ-то, да и полно».

— На рукѣ у Софьи?—спросилъ я.

— А вы нешто знаете?—крикнулъ Кирилычъ.

— Догадался.

Кирилычъ былъ совершенно изумленъ, долго не говорилъ ни слова, а потомъ началъ глухимъ голосомъ:

— Вотъ вы вчужѣ догадались, а я и въ оба глядѣлъ, да ничего не видалъ... Спасибо, сама сказала... Не была она у насъ мѣсяца съ два или больше, а тутъ какъ-то заѣхала, да только меня дома не было; такъ на другой день кухарку за мной прислала. Отпросился у барыни—пошелъ. Мужа дома нѣтъ—на ярмарку уѣхалъ. Стала чаемъ поить; пенять начала, что давно не бывалъ; и про барыню-то, какъ она ее любитъ: жила, дескать у нея, ни малаго горя не видала, ни браннаго слова не слыхала, и ужъ куды, дескать, въ дѣвкахъ житье-то хорошее было... и все этакъ приговаривается. Я и думаю: къ чему это она приговаривается? Ну, и приговорилась къ Никанору Сергѣичу: все какъ будто о барынѣ жалѣетъ, да и спрашиваетъ:

«— А что̀, жилецъ-то вашъ скоро съѣзжаетъ?

«— Чортъ его, говорю, съ мѣста сдвинетъ.

«— За что, говоритъ, вы его не любите?

«— А за что мнѣ его любить-то? Нахалъ—какъ есть, нахалъ.

«Ажно покраснѣла вся.

«— Какъ вы, говоритъ, поносите человѣка, не знамши его хорошенько?

«— Нѣтъ, молъ, оченно знаю—каковъ онъ есть.

«Да и разсказалъ всю подноготную. Такъ не вѣритъ.

«— Быть этого не можетъ, чтобы такой баринъ да этакую жисть велъ! Умный такой, да красивый, да образованный...

«И пошла, и пошла!.. Гляжу на нее, своимъ глазамъ не вѣрю: блюдечко у нея въ рукѣ дрожитъ, разгорѣлась вся, только-что не плачетъ со зла...

«— Не зналъ, говорю, что онъ вамъ такъ полюбился: кабы зналъ, не сказалъ бы правды.

«Какъ ударитъ рукой по столу:

«— Да вотъ-таки полюбился, говоритъ. За обращеніе, говоритъ, полюбился.

«Я ей напрямикъ:

«— Что̀ жъ, молъ, совѣтъ вамъ да любовь—Карпу Трифонычу на утѣху...

«Глянула на меня этакъ злобственно, помолчала-помолчала, да какъ заплачетъ...

«— Ахъ, говоритъ, Яковъ Кирилычъ, смерть моя приходитъ... Ни мнѣ спокойствія, ни мнѣ радости: ночи не сплю, душу подмываетъ... Какъ увидала его, словно кто меня ножомъ въ

грудь ударилъ: смерть моя, голубчикъ, Яковъ Кирилычъ, и грѣха не боюсь...

«А сама такъ и льется, такъ и льется. Вижу, вздурилась баба.

«— А вы бы, говорю, Софья Ивановна, въ Новый-Ерусалимъ, али къ Троицѣ-Сергію пѣшкомъ сходили, али обѣтъ какой на себя наложили, такъ авось ли бы отъ эвтого наважденія отмолилися...

«А у самого духъ захватываетъ, ровно хозяинъ за горло душитъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, видно, мнѣ не отмолиться... А вы вотъ что̀ для меня, Яковъ Кирилычъ, сдѣлайте: какъ росла я на вашихъ глазахъ и всегда вы до меня добры были, и доброты вашей по гробъ не забуду,—повидайте вы Никанора Сергѣича. Просилъ онъ меня, чтобы я на гулянье къ Прохору-Никанору пріѣхала, съ именинами бы его сдѣлала, а я ему, моему милому, въ эвтомъ самомъ отказала. Отказала, да и сама не рада: тоска такая по немъ беретъ, что хоть въ колодецъ, такъ въ ту жъ пору... Скажите вы ему,—своихъ-то послать боюсь,—скажите вы ему отъ меня...

«Только договорить-то я ужъ ей не далъ; зло меня на нее такое взяло, что индо небо съ овчинку показалось. Плюнулъ, да и говорю:

«— Тьфу ты, пропасть! Да что̀ вы на смѣхъ меня, что ли, поднимаете, али хуже меня никого не нашли, что сводчикомъ подсылаете? Да я не возьму, чѣмъ вы глядите на такой срамъ согласиться; а хотите кого подсылать, такъ, чай, у васъ много гулящихъ товарокъ-то найдется... Али у тѣхъ мужья подогадливѣе да плетку на стѣну повѣсили?..

«Взялъ шапку, да и къ двери. Какъ бросится за мной, дернула за рукавъ.

«— За мою прежнюю любовь да ласку—ты такъ-то, говоритъ. Я тебѣ, ровно отцу духовному, совѣсть на блюдечкѣ поднесла, а ты меня гулящей называешь! Такъ вотъ же тебѣ сказъ: и на глаза мнѣ не попадайся! А съ дружкомъ моимъ, говоритъ, мы и перстеньками помѣнялись...

«Батюшки мои! Какъ она мнѣ это слово сказала, точно свѣту въ избу впустила: «ахти, думаю, вѣдь это я у нея на рукѣ перстень-то видѣлъ: постой же, покажу я тебѣ, каковъ онъ есть твой дружокъ». Полѣзъ за пазуху, досталъ кошель: перстень-то тамъ у меня вмѣстѣ съ деньгами лежалъ. Вынулъ, да и показываю ей.

«— Не этимъ ли, полно, перстенькомъ размѣнялись-то вы?

«Даже руками всплеснула:

«— Какъ, говоритъ, онъ къ тебѣ попалъ?

«— А такъ, говорю: добрые люди въ закладъ принесли,—и разсказалъ все, какъ было.

«Посоловѣла и на стулъ опустилась, и лицо у нея передергиваетъ... Помолчала-помолчала...

«— Ну, говоритъ, обидѣла я васъ, Яковъ Кирилычъ, смертно обидѣла: простите ли вы меня, нѣтъ ли, а ужъ Богъ меня за васъ не проститъ. Сама про все разскажу мужу: не помилуетъ, въ монастырь пойду, а на васъ, говоритъ, и глаза со стыда не подымаются.

«— Ну, говорю, это, Софья Ивановна, ничего: стыдъ не дымъ—глазъ не выѣстъ, а на мнѣ точно что узоровъ никакихъ нѣту.

«Хотѣлъ, знаете, пошутить, потому вижу—больно ужъ къ сердцу приняла, только нѣтъ: посидѣла-посидѣла молча, припала головой на ломберный столъ... плачетъ. Постоялъ я, поглядѣлъ на нее: «прощайте, молъ, Софья Ивановна!»— и не отвѣчаетъ, только проговоритъ: — «ахъ, Боже ты мой, Господи!» — и навзрыдъ. Самому-то мнѣ все сердце надорвала.

«Я ей опять:

«— Прощайте, Софья Ивановна, пора мнѣ домой.

«Подняла голову, вытерла платкомъ слезы, встала и говоритъ:

«— Сдѣлайте милость такую, пожалуйте къ намъ въ гостиную...

«А это мы съ ней въ первой комнатѣ чай-то пили.

«— Потрудитесь, говоритъ, присѣсть: я сію минутую.

«Сѣлъ я, смотрю—что̀ отъ нея будетъ. Распахнула дверь въ спальню:—лампадка тамъ горитъ передъ кіотомъ; образа въ золотыхъ ризахъ; постель такая высокая; одѣяло атласное малиновое; подушки съ наметами, кружевомъ обшиты. Покойница прямо къ комоду, выноситъ костяной ларчикъ,—ключикъ отъ него у нея на крестѣ,—отперла и говоритъ:

«— За много ли у васъ этотъ самый перстень заложенъ?.. Вы мнѣ его отдайте и деньги получите.

«А сама все на меня не смотритъ. Я перстень вынулъ, положилъ на столъ, поклонился ей въ поясъ и говорю:

«— Ваше добро — ваша и воля, а денегъ я съ васъ не возьму.

«Она все это глазъ не поднимаетъ, опустила рѣсницы, а щеки подъ ними такъ и горятъ, такъ и горятъ — картина писаная!»

Голосъ Кирилыча при этомъ немкого дрогнулъ, но онъ крякнулъ и продолжалъ, повидимому, равнодушно:

— Стоимъ мы этакъ съ ней другъ противъ друга, — начала мнѣ говорить тихо таково, а грудь ходенемъ ходитъ:

«— Схоронила я отца съ матерью, не успѣла слезъ отереть—самой приходится живой лечь въ могилу, да и прожила-то я себѣ на стыдъ, другимъ на горе. Хоша и былъ у меня одинъ другъ вѣрный, и надъ тѣмъ я наругалась.

«Такъ это все въ складъ, все въ складъ: рѣчистая была покойница.

«— Вижу, говоритъ, какова въ васъ есть душа, Яковъ Кирилычъ, и вы на мнѣ зла не попомните и за обиду не обидьте: не хотите денегъ принимать, прикажите подаркомъ отдарить.

«Вынимаетъ изъ ларчика булавку золотую аматистовую и подаетъ мнѣ:

«— Вотъ, говоритъ, носите на память, а деньгами съ сущевскимъ вашимъ закладчикомъ Карпъ Трифонычъ къ сроку разочтется.

«Только я этой булавки не принимаю.

«— Много, говорю, вашей лаской доволенъ и доброту вашу душевную чувствую, одначе такія булавки господамъ впору носить, а нашему брату не пристало.

«— Это точно, говоритъ, отъ меня принять вы гнушаетесь, ну, а Карпъ Трифонычъ васъ ничѣмъ не обижалъ, и прошу васъ отъ него принять.

«— Нѣтъ, говорю, Софья Ивановна, дарить меня не за что; а коли чѣмъ вамъ угодилъ, такъ и на томъ доволенъ. Прощайте, молъ, счастливо оставаться.

«— Прощайте, говоритъ, Яковъ Кирилычъ, коли простите меня, такъ и сами насъ вспомните, а теперь просить васъ больше не смѣю.

«На томъ у насъ дѣло и стало».

— Какъ же это ты отдалъ ей заложенную вещь?

— А вы вотъ извольте слушать... Пришелъ я домой, раздумался: ну какъ она сгоряча-то, не дождавшись мужа, какого шуму надѣлаетъ—пропало мое дѣло... Да думаю: была не была! По крайности глаза открылъ. Недѣля проходитъ, другая проходитъ — ничего, и Никаноръ Сергѣичъ ничего: надо-быть, не знаетъ; встрѣтитъ когда: «здравствуй, Кирилычъ, каково работа идетъ, кого башмаками надулъ?» Подшучиваетъ, знаете.

«Только на третьей недѣлѣ захожу я къ Дормидону — брусокъ онъ у меня бралъ—Никаноръ Сергѣичъ и вваливается въ переднюю, туча тучей. Какъ вошелъ, шинели не снимаетъ: «Дормидошка, кричитъ, сейчасъ садись на извозчика, поѣз-

жай въ Сущево и привези мнѣ этого подлеца - старикашку. Слышишь, не смѣй мнѣ безъ него и глазъ показывать». Дормидонъ, сталъ-было, съ него шинель снимать, онъ на него: «пошелъ, говоритъ, бѣги сейчасъ».

«Ай-ай-ай, думаю, плохо: дознается Никаноръ Сергѣичъ, заваритъ кашу. Помоги только Господи!.. Пошелъ себѣ въ амбаръ, сѣлъ башмаки шить—работа изъ рукъ валится. Думалъ - думалъ, да къ старой барынѣ; сталъ къ Троицѣ-Сергію проситься: спасибо, и слова противъ не сказала: — «Ступай, говоритъ, съ Богомъ, коли есть усердіе». Я ту жъ минуту собрался, выхожу изъ воротъ, а Дормидонъ съ старикомъ къ калиткѣ подъѣзжаютъ. «Ладно, думаю: ищите теперь меня». Завернулъ въ переулокъ, да низомъ, мимо Смоленскаго рынка, и пошелъ».

— А долго еще до сроку-то оставалось?—спросилъ я.

— То-то еще долго.

— Такъ зачѣмъ же ты къ Троицѣ ушелъ? Вѣдь все равно домой приходить надо было.

— Конечно, надоть было, да ужъ такъ: задумалъ угоднику помолиться, милости у Господа попросить.

— Я думаю, какъ ты воротился, такъ Никаноръ Сергѣичъ и накинулся на тебя?

— Какъ же! Такой онъ простенькій! Онъ мнѣ тò подвелъ, что черезъ него, можетъ, я и не человѣкомъ сталъ... Изволите видѣть, какъ онъ ко мнѣ подобрался. Пришелъ я отъ Троицы, отъ Сергія преподобнаго, принесъ просвирку барынѣ, сталъ у себя въ амбарѣ раздѣваться, Никаноръ Сергѣичъ и лѣзетъ ко мнѣ по лѣстницѣ. Подошелъ, ударилъ по плечу, говоритъ:

«— Наше вамъ почтеніе! Гдѣ моя просвира?

«А у меня была вынутая, безыменная просвирка—я ему и подаю.

«— Извольте, молъ, судырь, за ваше здоровье.

«— Спасибо, говоритъ, вотъ тебѣ на чай.

«И полтинникъ мнѣ въ руку. Я ему говорю:

«— Зачѣмъ это, судырь? Я изъ усердія.

«Положилъ опять въ карманъ и говоритъ:

«— Не хочешь, какъ хочешь, была бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ, а за просвиру спасибо.

«И пошелъ-было прочь, да обернулся, подмигнулъ мнѣ глазомъ и говоритъ на ухо:

«— А вѣдь перстень-то у меня!

«Я молчу.

«— Чтò, говоритъ, старый плутъ, бабьимъ розсказнямъ по-

вѣрилъ? Ахъ, ты, Акимъ-простота!..—И захохоталъ. Я и говорю ему на это:

«— Извѣстно, наше дѣло мужицкое: во лѣсу родились...

«— Да нѣтъ, говоритъ, ну, скажи ты мнѣ, пожалуйста, для чего ты перстень Софьѣ отдалъ?

«Ой, думаю: подъѣзжаешь ты ко мнѣ, и гляжу на него, словно не понимаю, о чемъ онъ говоритъ. А онъ пристаетъ.

«— Что̀ жъ ты не говоришь: для чего отдалъ?

«— Да помилуйте, молъ, сударь, я и знать не знаю, о какомъ-такомъ перстнѣ вы говорить изволите?

«— О моемъ перстнѣ, что̀ у тебя въ закладѣ былъ.

«— Никакого я у васъ перстня въ закладъ не бралъ.

«— У меня изъ рукъ точно не бралъ, а тебѣ его принесъ такой-то...

«Я и скажи:

«— Приносили мнѣ перстень, только опять же не знаю, вашъ ли онъ, или другого кого.

«— Куда жъ ты его дѣлъ?

«— Ну, про то, молъ, его хозяинъ знаетъ.

«— А, ты такъ-то,—говоритъ:—ты такая-то бестія продувная? постой же, найду я на тебя судъ и расправу—помянешь ты меня. Научу я тебя, какъ въ мои дѣла мѣшаться.

«Погрозилъ кулакомъ и ушелъ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, Аѳанасій Лукьянычъ, этотъ старикъ-то сущевскій, ко мнѣ.

«— Я, говоритъ, Кирилычъ, деньги вамъ принесъ за перстень: хотятъ до сроку выкупить, а верхи — пять рублевъ ваши... Вотъ я вамъ какое дѣльцо устроилъ—могарычемъ, небось, не обидите?

«Я ему на это и говорю:

«— Все это, Аѳанасій Лукьянычъ, такъ, только теперь у меня этого перстня нѣтъ: вы говорили—на три мѣсяца, а я тоже свой оборотъ имѣю, — отдалъ его до срока на сбереженіе.

«— Кому же вы отдали?—спрашиваю.

«— Ну, это ужъ, молъ, мое дѣло.

«— Нехорошее, говоритъ, ваше дѣло... И что̀ жъ, такъ-таки теперь не отдадите?

«Я ему опять на это:

«— Да что̀ вамъ въ это дѣло путаться? Словно я не знаю, у кого вы перстень брали и сколько себѣ верховъ выговорили? Возьмите съ меня ваши верхи, да и квитъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, такъ-то мы не сладимъ, а не сладимъ ли вотъ какъ?

«Сошелъ съ лѣстницы, отворилъ дверь и говоритъ: «Пожа-

луйте, господа». Гляжу: нашъ квартальный надзиратель, Ѳедоръ Гаврилычъ, хожалый и Никаноръ Сергѣичъ. Ѳедоръ Гаврилычъ сейчасъ мнѣ:

«— Что̀ это, Яковъ, какой ты перстень не отдаешь?

«Добрый такой былъ и ласковый... Я ему: такъ и такъ...

«— Ну, говоритъ, пойдемъ въ управленіе: тамъ я это дѣло разберу. Или, говоритъ, вотъ что̀: поди доложи барынѣ, что я съ ней поговорить желаю.

«Стала меня барыня вмѣстѣ съ нимъ разспрашивать: «Да что̀, ты продалъ, что ли, перстень?» — Никакъ нѣтъ-съ: отдалъ. — «Кому же ты отдалъ?» Какъ сказать-то было? Повалился въ ноги: — виноватъ, отдалъ. — «Да кому?» Охъ, тяжело мнѣ было передъ барыней, плачу, валяюсь въ ногахъ, а стою на своемъ: отдалъ, да и полно. Бились-бились со мной барыня и Ѳедоръ Гаврилычъ, только и говорю: «виноватъ, отдалъ».

«— Ну,—говоритъ барыня:—видно, ты на старости лѣтъ изъ ума выжилъ или мошенникомъ сдѣлался. Возьмите его, батюшка, Ѳедоръ Гаврилычъ: я отъ него отступаюсь...

«И взяли...»

Голосъ у Кирилыча порвался: было слышно, что онъ глотаетъ слезы. Я былъ очень тронутъ его разсказомъ и, помолчавъ немного, замѣтилъ ему:

— Не понимаю, зачѣмъ Никаноръ Сергѣичъ затѣялъ это дѣло?

— Зло хотѣлъ сорвать, — отвѣчалъ Кирилычъ, все еще взволнованнымъ голосомъ. — Такой человѣкъ ехидный... Видите ли, я ужъ послѣ узналъ, что̀ у нихъ тогда съ Софьей Ивановной вышло. Прислала она свою женщину къ нему — въ гости просить: онъ и обрадовался и полетѣлъ.

«Пріѣзжаетъ къ ней—покойница и выходитъ къ нему въ гостиную, и перстень у нея на рукѣ. Онъ сейчасъ расшаркался, къ ручкѣ, и начинаетъ, и начинаетъ... Только Софья Ивановна и говоритъ ему: «Я вашимъ словамъ не довѣряю».— «Отчего же такъ?» — «Вы просили у меня перстень на память, а носить не носите, стало-быть, вы меня не любите». Онъ ей и ляпни:—«Я васъ такъ люблю, что перстень вашъ на груди ношу». А она этакъ улыбается и говоритъ:—«Ой, не вѣрю: поклянитесь». Тому что̀!—«Провалиться, говоритъ, мнѣ въ тартарары». Посмотрѣла-посмотрѣла на него, покачала головой, да руку-то къ глазамъ его поднесла:—«А это чей?» спрашиваетъ. Что̀ жъ вы думаете? Разстегнулъ венгерку, тащитъ крестъ:—«Ахъ, говоритъ, Боже мой! Какъ это у меня его украли!» Тутъ Софья Ивановна и вспылила—горячая была.

«Ахъ, твои безстыжіе глаза! Вотъ гдѣ былъ мой перстень: ты у меня его выманилъ, да и заложилъ!» Онъ на колѣни: «Ангелъ мой, говоритъ, бѣдность одолѣла». А та ему:—«Не бѣдность одолѣла, а чести въ тебѣ нѣтъ: вотъ ты какъ живешь, вотъ ты съ какими водишься»,—все ему отпѣла.—«Я, говоритъ, тебя, Никаноръ Сергѣичъ, любила, можетъ, грѣхъ на душу принять была готова, а теперь опостылѣлъ ты мнѣ пуще окаяннаго. Такъ и знайте—все мужу скажу: смилуется ли, нѣтъ ли, а ужъ намъ съ вами не видаться. Вотъ вамъ Богъ, а вотъ двери. Ищите другихъ дуръ». Ну, дерзокъ-дерзокъ, а не посмѣлъ остаться—уѣхалъ; да вотъ всю исторію со мной и завелъ: «пускай же, молъ, Яшка ее въ полиціи ославитъ». А можетъ, и такъ думалъ: «заведу это дѣло, да ее и напугаю, что вотъ, дескать, про тебя худая слава пойдетъ—не лучше ли намъ втихомолку кончить?..»

— Какъ я этого до сихъ поръ не зналъ? — перебилъ я Кирилыча.

— Да что̀ тутъ знать-то?—возразилъ Кирилычъ.—Другое дѣло, кабы что̀ важное было, а то просидѣлъ въ сибиркѣ недѣли три по подозрѣнію, да и выпустили. Сраму, конечно, много было: въ сорокъ лѣтъ отъ господъ дурного слова не слыхалъ, а тутъ... Ну, да Богъ съ нимъ, съ Никаноромъ Сергѣичемъ: дастъ онъ отвѣтъ Богу за меня и за покойницу...

— Какъ же ты, Яковъ, оправдался?

— Карпъ Трифонычъ изъ бѣды выпуталъ и передъ старой барыней оправилъ, а то онѣ гнѣваться изволили: не то что меня за мошенника считали, а думали, что это я такъ изъ упорства на своемъ поставить хочу. Вотъ, какъ воротился Карпъ Трифонычъ съ ярмарки, покойница ему во всемъ и покаялась, что больше ничему не причастна; а онъ ее за блажь пожурилъ—подѣломъ, дескать, тебѣ, дурѣ-бабѣ: съ мазуриками не связывайся,—пожурилъ, да и простилъ. Только-что простилъ онъ ее, Никаноръ Сергѣичъ къ покойницѣ письмо и присылаетъ: та это прямо мужу и отдала. Не знаю ужъ, что̀ онъ тамъ настрочилъ, а видно, что хорошаго было мало, потому Карпъ Трифонычъ съ этимъ письмомъ къ своему стряпчему совѣтоваться ѣздилъ.

«Вдвоемъ-то они и придумали, какъ всему дѣлу помочь. Разузналъ стряпчій, что на Никанора Сергѣича у рядскаго купца есть заемное письмо въ тысячу рублевъ, и срокъ ему скоро приходитъ: поѣхалъ къ этому купцу и купилъ это самое письмо на Карпа Трифоныча. Ну, ужъ какъ купили, такъ, значитъ, въ своихъ рукахъ средствіе имѣли: знаютъ, что Никанору Сергѣичу отдать нечѣмъ — сейчасъ къ нему: «хотите,

дескать, все это дѣло о перстнѣ кончить и сами изъ Москвы уѣхать, такъ вексель вашъ разорвемъ, а нѣтъ — кормовыя представимъ». Извѣстно, согласился, только говоритъ: «мнѣ выѣхать не съ чѣмъ».—«Ну, говорятъ, и денегъ на дорогу дадимъ». Такъ и уладили. Тутъ же Карпъ Трифонычъ къ частному приставу поѣхалъ и перстень съ собой привезъ, и подписку далъ, что я его отдавалъ ему на сбереженіе до срока, а съ Никанора Сергѣича также подписку взяли, что ничего онъ противъ меня не имѣетъ и перстень получилъ обратно. Такъ меня и выпустили. Ужъ, Господи, Боже мой! Благодарилъ-благодарилъ меня Карпъ Трифонычъ, что я изъ-за нихъ столько муки принялъ: даже совѣстно стало. Хотѣлъ мнѣ и денегъ подарить — «проси, говоритъ, сколько хочешь, за твою услугу»—только я съ него однѣ свои деньги взялъ, что̀ затратилъ. И подарка никакого не хотѣлъ принять...»

— Отчего же?—спросилъ я.

— Что̀ мнѣ? Я не изъ-за денегъ покойницу любилъ. Вотъ что хаживалъ я къ нимъ послѣ этого, такъ часто...

— А Никаноръ Сергѣичъ уѣхалъ?

— Тогда же уѣхалъ. Передъ отъѣздомъ никакъ дня съ три все кутилъ, а послѣдній день пріѣхалъ домой пьяный-распьяный, разбитый весь: видно, гдѣ-нибудь угостили. И вѣдь что̀ же, какое сердце у человѣка? Садится въ кибитку, увидалъ меня на дорогѣ:—«Что̀, говоритъ, будешь меня помнить? Да еще погоди, доберусь я до тебя!» И провалилъ.

— А что̀ Софья?

— Что̀ Софья! Вотъ сами разсудите—что̀? Ничего сперва, словно повеселѣла, а потомъ, какъ въ воду ее кто опустилъ... Сидитъ, повѣся голову, встала — шатается, начнешь съ ней говорить—молчитъ, а что̀ и отвѣтила, такъ все такое нескладное: и на мужа-то тоску нагнала. Ужъ онъ ее всячески: и не болитъ ли у тебя что̀, и кататься-то поѣдемъ, и въ кіатръ не хочешь ли? «Нѣтъ, да нѣтъ, да я ничего»,—только отъ нея и отвѣту... Та̀къ это съ полгода все маялась. Тогда-то мы и въ Новый-Ерусалимъ ѣздили. Ухъ, куда шибко ямщикъ насъ везъ—этакія у него были лошади: на диво.

— Такъ Софья и умерла?

— Нѣтъ, еще съ годъ послѣ этого жила, али съ полтора, да еще какъ поправилась-было передъ смертью!..

— Что̀ съ ней такое было?

Кирилычъ отвѣчалъ не вдругъ.

— По Никанорѣ Сергѣичѣ тосковала, — проговорилъ онъ нехотя.—Я вамъ говорю... разсужденія у нея настоящаго не было... Разъ я зашелъ къ ней на масленицѣ, вышла ко мнѣ

сама не своя. — «Да что, молъ, съ вами, Софья Ивановна, дѣется, лица на васъ нѣтъ...» Заплакала.—«Знать, моя доля такая: не могу съ своимъ сердцемъ совладать—вотъ сосетъ тоска, что змѣя лютая... хоть бы скорѣй ваши башмаки надѣть...» А башмаки я ей розовые, сафьянные, къ свадьбѣ сшилъ—такъ и не надѣвала ни разу: «умру, говоритъ, пускай въ нихъ въ гробъ положатъ...» Ну, втѣпоры она еще больно несмышлена замужъ шла...

Кирилычъ опять остановился.

— Диковинная была! — началъ онъ, откашлянувшись два-три раза.—Право, диковинная! Пяти дней не прошло, какъ плакала,—что же?—на первой недѣлѣ прикатила къ намъ, барыню въ Симоновъ монастырь къ ифимонамъ звать, веселая-развеселая... Что такое, думаю, чему она обрадовалась? Видно, какая ни на есть у нея болѣсть была, а теперича отпустило... надо-быть, такъ... А дѣло-то вышло вотъ какъ: соколъ-то ясный въ Москву вернулся. Да вѣдь сама и проговорилась; барыня меня къ ней посылала шаль показать, — дешево продавалась, — а она и поздороваться со мной не успѣла, изъ залы кричитъ:—«Знаете, кого я сегодня видѣла? Никанора Сергѣича!» Хотѣлъ я ей сказать: «не было печали, черти накачали», да такъ ужъ, промолчалъ. Вотъ не могу этого сказать—видались ли они гдѣ, а что ничего такого между ними не было—ужъ ни-ни. Ненадолго же покойница и повеселѣла; по веснѣ стала грудью жаловаться да кашлять, лѣто проскрипѣла, а къ осени, наканунѣ Покрова, и слегла... Все оттого, что себя перемогала... Пролѣчилъ на нее мужъ въ три недѣли сотни четыре; трое докторовъ ѣздили... Нѣтъ! Въ самыя мои именины, къ вечернямъ...

Кирилычъ не договорилъ и заплакалъ.

— И слово свое покойница сдержала,—говорилъ онъ, рыдая:—такъ въ моихъ башмакахъ и легла... Вотъ съ этихъ-то поръ, — прибавилъ онъ, утирая глаза рукавомъ чуйки: — и обуяла меня тоска бѣшеная: такъ иной разъ схватитъ, что и виномъ не зальешь...

Я молчалъ. Мы подъѣзжали къ Лопаснѣ.

1856.

ХМАРА *).

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кохалися, любилися—
Матуся не знала,
Тай вже жъ воны розійшлися,
Якъ чорная хмара.

Цыганская пѣсня.

I.

Теперь этого московскаго захолустья и не узнаешь: пустыри застроены сплошь; переулки вымощены; появились фонари, тротуары и тумбы; выросъ съ десятокъ каменныхъ домовъ. Но въ старые годы во всемъ околоткѣ былъ единственный каменный домъ, принадлежавшій коллежскому асессору Граеву, да большія деревянныя хоромы коллежской совѣтницы: все остальное пространство,—какъ было засажено вкось и вкривь покоробленными домишками въ два, въ три и въ четыре окна,—такъ и пребывало въ невозмутимомъ спокойствіи лѣтъ съ двадцать или тридцать. Въ дождливую осень это захолустье, именуемое Кочками, представляло самое безотрадное зрѣлище—непроѣздное болото съ низенькими строеніями, дѣйствительно похожими на кочки; но зато зимою обращалось въ широкій пустырь съ отлично накатанной санной дорогой—отрадой и утѣшеніемъ московскихъ «ванекъ» и обозниковъ. Тѣ и другіе нарочно дѣлали крюкъ, чтобы проѣхать, какъ выражались, «низомъ»: оно хотя и дальше, да больно хорошо.

---

*) Посмертное, неоконченное произведеніе это найдено было въ бумагахъ Л. А. Мея.

Весной и лѣтомъ Кочки расцвѣтали: безконечные сады и палисадники одѣвались зеленью; грязные переулки обращались въ лужайки, и на нихъ постоянно паслись лошади, коровы и козы. Къ плетню одного изъ домиковъ привязывался даже черный баранъ. Однако и тогда, въ тѣ отдаленные годы, домъ коллежскаго асессора Граева носилъ на себѣ явный отпечатокъ цивилизаціи: онъ былъ выведенъ въ два жилья, оштукатуренъ и крытъ желѣзомъ; подъ окнами была настлана панель, кирпичи въ узоръ и ребромъ къ окраинѣ панели прижимались—деревянные, еще не крашенные, но уже смазанные снизу дегтемъ. Въ верхнемъ жильѣ помѣщался хозяинъ; въ нижнемъ находилась квартира въ двѣ-три комнаты и тѣсные уголки для жильцовъ. Ворота были постоянно на запорѣ, зато въ калитку то и дѣло шныряли какіе-то посѣтители обоего пола, съ узелками, узлами и свертками. Нерѣдко у калитки останавливался извозчичій и господскій экипажъ. Подобное стеченіе народа легко объясняется тѣмъ, что Аристархъ Васильевичъ Граевъ былъ необыкновенно добрый человѣкъ, готовый помогать всякому... подъ извѣстное обезпеченіе и за извѣстные «верхи». Причина—почему онъ выстроилъ себѣ домъ на Кочкахъ—объяснится послѣ; покамѣстъ довольно сказать, что Аристархъ Васильевичъ держалъ нѣсколько лошадей, одѣвался щегольски, носилъ разные цѣнные перстни, булавочки и запонки, очень хорошо красилъ бакенбарды и усы, славился по всѣмъ клубамъ непогрѣшимымъ хронометромъ и былъ мужчина плотный, высокій, съ малиновымъ румянцемъ на полныхъ щекахъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ—сорокъ пять.

Въ домѣ Граева, въ одномъ изъ наемныхъ уголковъ жилъ давно-давно тому студентъ-медикъ Алексѣй Николаевичъ Парамевичъ. Передающій эту невымышленную повѣсть познакомился съ покойнымъ Парамевичемъ въ долгую и тѣсную пріязнь. Нѣсколько очерковъ и замѣтокъ, набросанныхъ покойнымъ, нѣсколько отрывокъ изъ его дневника и пачка писемъ отъ разныхъ лицъ завѣщаны, предсмертною волею Алексѣя Николаевича, въ полное распоряженіе разсказчика: они займутъ не одну страницу разсказа, крѣпко связаннаго съ жизнью прежняго ихъ владѣльца.

Алексѣй Николаевичъ былъ истинно-замѣчательный человѣкъ. Описать его вполнѣ трудно: всякое описаніе будетъ похоже на выдумку, а между тѣмъ въ этомъ описаніи едва ли умѣстится третья доля дѣйствительности. Начать съ того, что онъ былъ человѣкъ очень достаточный, старуха-мать высылала ему изъ деревни тысячи полторы въ годъ, а полторы

тысячи для студента — большой капиталъ. Но если бы кто зналъ, какъ расходовались эти деньги, навѣрное, низко поклонился бы Алексѣю Николаевичу. Дѣло въ томъ, что изъ нихъ онъ не тратилъ на себя почти ни гроша, а передавалъ ихъ— или изъ рукъ въ руки, или посылалъ «отъ неизвѣстнаго»— бѣднымъ вообще и бѣднымъ товарищамъ въ особенности. Не одинъ изъ прежнихъ сокурсниковъ и теперь поминаетъ его добрымъ словомъ. Парамевичъ положилъ себѣ за правило: существовать собственными средствами, и выдержалъ добровольно положенный на себя искусъ. Трудно ему было бороться съ нуждою, но онъ поборолъ нужду.

Чтобы понять возможность такого подвига, надобно, по выраженію самого Парамевича, отпрепаровать духовныя и физическія силы субъекта.

Съ виду былъ онъ не казистъ: высокій, сухощавый, сутуловатый; руки какъ плети; бѣлесоватое лицо — ни дать ни взять—стертый пятиалтынный, да при томъ слѣдинки оспы, да при томъ оловянные глаза и словно полинявшіе волосы и губы... не казистъ... Но по всему его остову были протянуты стальныя нити мышцъ; оловянные глаза видѣли далеко и вѣрно; тонкая рука ни разу не вздрагивала, охватывая кій или спуская собачку ружья и пистолета.

Стрѣлокъ онъ былъ безпудельный; плавалъ, какъ начиналъ и кончалъ бильярдную партію на «красномъ»; а въ шашки и на фортепіано игралъ такъ, что всякій могъ заглядѣться и заслушаться. Въ рѣшительныя мгновенія лицо его покрывалось прелестнымъ румянцемъ, глаза вспыхивали, губы наливались кровью... Въ эти рѣдкія мгновенія онъ былъ воплощеніемъ энергіи...

И точно — энергія этого человѣка преступала возможныя границы: не было лишеній, не испытанныхъ имъ и не побѣжденныхъ. Нанимать квартиру на краю города, пробѣгать каждый Божій день двѣнадцать верстъ по слякоти, или по снѣгу, или по раскаленнымъ камнямъ, довольствоваться самой скудной пищей, отказывать себѣ иногда въ весьма позволительномъ развлеченіи,—все это—ничто въ сравненіи съ утомительными умственными занятіями, намѣренно избранными молодымъ медикомъ. По природѣ впечатлительный и нервозный, онъ два года одолѣвалъ естественное отвращеніе къ клиническому подвалу—и одолѣлъ. Онъ просиживалъ цѣлыя ночи между окровавленными ящиками, напряженно вглядывался въ неизобразимыя гримасы посинѣлыхъ и позеленѣлыхъ труповъ...

Одолѣлъ...

Представали передъ нимъ живые трупы клиники во всемъ ихъ послѣдовательномъ переходѣ къ разрушенію...

Одолѣлъ...

Представали ему, въ промежуткахъ, дробные, обременяющіе память факты науки...

И тѣ одолѣлъ...

Не одолѣлъ онъ только своего сердца—не сумѣлъ «отпрепаровать» этого страннаго мускула, очень страннаго: чѣмъ сильнѣе бьется, тѣмъ больше растетъ; чѣмъ больше растетъ, тѣмъ сильнѣе бьется.

Да прибавьте къ этому неутомимую жажду ко всему, что̀ благозвучно въ природѣ.

Музыка, поэзія... звуки и слово—вотъ отъ чего такъ сильно бился и росъ, росъ и бился помянутый странный мускулъ въ лѣвой сторонѣ грудной полости Алексѣя Николаевича.

Когда же онъ услыхалъ сліяніе звука и слова, когда онъ услыхалъ пѣсню, вылетавшую изъ устъ...

Но объ этомъ послѣ.

Займемся подробнѣе житьемъ-бытьемъ Алексѣя Николаевича. Жилъ онъ очень чистенько: рѣдкая воздержность, распорядительность и точность, частные уроки и заказные журнальные переводы — по баснословно дешевой платѣ — доставляли ему средства къ безбѣдному существованію. Добрая мать обезпечила первоначальное обзаведеніе сына вполнѣ: пристойная мебель, хорошій рояль Тишнера, кухонная посуда, столовое и носильное бѣлье,—все это было сдано на руки стараго дядьки Парфеныча и отправлено въ Москву при поступленіи Алексѣя Николаевича въ университетъ. Онъ занималъ двѣ комнаты: одна была его, другая, съ отгороженной ширмами передней, — Парфеныча. Въ своей комнатѣ Алексѣй Николаевичъ поставилъ диванъ,—онъ же и кровать,—шкапъ съ книгами, письменный столъ, пять-шесть стульевъ и рояль. Надъ диваномъ былъ разбитъ персидскій коверъ, а на немъ висѣли два ружья, одно французское двухствольное, другое — штуцеръ, турецкій кинжалъ, охотничьи сумки, фляжка, пороховница и арапникъ. Подъ письменнымъ столомъ лежала подушка для разноглазаго лягаваго пса, кличкой: «Ползунъ». Предположено было отправиться на охоту, верстъ за пятнадцать. Въ восемь часовъ вечера Алексѣй Николаевичъ и Парфенычъ были уже готовы и поджидали третьяго спутника, не замедлившаго явиться. Этотъ спутникъ краснѣетъ и теперь при воспоминаніи о своемъ охотничьемъ нарядѣ и доспѣхахъ: отправляясь разъ въ жизни на охоту, онъ только за недѣлю купилъ ружье и всякаго ненужнаго вздора, подсунутаго проворными

руками гостинодворскаго приказчика. Когда просторная телѣжка, запряженная извозчичьей тройкой, остановилась у воротъ г-на Граева и изъ телѣжки вылѣзъ неустрашимый охотникъ, обвѣшанный съ головы до ногъ смертоносными снарядами и сопровождаемый шаловливымъ годовалымъ щенкомъ, съ непомѣрно длинными ушами и въ шитомъ ошейникѣ, Алексѣй Николаевичъ стоялъ у раскрытаго окна и курилъ. При видѣ подъѣхавшаго спутника, онъ пришелъ въ такое недоумѣніе, что даже не поздоровался, а только посмотрѣлъ на Парфеныча какъ-то обидно-вопросительно. Парфенычъ наклонилъ сѣдую голову и видимо смутился.

— Алексѣй Николаевичъ! Что̀ вы на меня такъ смотрите?— спросилъ новоприбывшій.

— Извините... вы, вѣрно, никогда еще не охотились?

— Почему вы знаете?

— Да... это видно,—отвѣчалъ Парфенычъ, улыбаясь.

Улыбался онъ по-своему: трудно подобрать такую дѣтскую, задушевную и вмѣстѣ съ тѣмъ грустную улыбку.

Оказалось, что гостинодворскіе охотничьи доспѣхи ровно никуда не годятся, и что всего лучше—облегчиться отъ нихъ; по возможности такъ и поступили.

Съ длинноухаго «Сенди» снятъ ошейникъ, а съ его господина и повелителя ненужныя сумки, охотничій ножъ и фляжка.

— Дичи мало,—говорилъ Алексѣй Николаевичъ:—придется ли, нѣтъ ли выпустить по три выстрѣла: къ чему вамъ все это? Возьмите въ карманъ два-три патрона да пистонницу. Разстрѣляете заряды, у Парфеныча есть запасные... А то, увѣряю васъ, устанете съ непривычки... Положимъ въ телѣжку... Вотъ и сапоги на васъ не по болоту... Ну, да ужъ съ этимъ нечего дѣлать.

— Зачѣмъ же всѣ эти вещи дѣлаются и продаются?—спросилъ неопытный охотникъ.

— Спросите лучше—зачѣмъ покупаются?.. Знаю: скорѣй— по незнанію мѣстности и по желанію щегольнуть.

. . . . . .

1856.

КАЗУСЪ.

(Путевыя впечатлѣнія отъ Колпина до Петербурга).

Наконецъ-то я дотащился до Чудовской станціи... Тридцать верстъ проселка истомили меня вконецъ. Темно, снѣгъ сыплетъ словно сквозь рѣшето; вѣтеръ такъ и продуваетъ кибитку; ухабъ на ухабѣ; сугробъ на сугробѣ; толчокъ на толчкѣ; лошади вязнутъ; ямщикъ — ротозѣй и соня, и вдобавокъ—неотвязная мысль: «а ну, какъ опоздаю на машину»... Какъ хотите, по малой мѣрѣ — прискорбно... Не помню ужъ: какъ я вышелъ изъ кибитки, какъ досталъ билетъ и какъ отыскалъ свое мѣсто: не помню потому, что въ одно мгновеніе, — выражаясь на иностранномъ діалектѣ: «погрузился въ свинцовыя волны сна»,—а по-русски: какъ ключъ ко дну пошелъ. Припоминаю смутно тусклый свѣтъ вагоннаго фонаря, какія-то безобразныя туши, крытыя сукномъ и мѣхомъ, разнозвучный храпъ, свистокъ, двѣ метлы искръ по сторонамъ, да первые взмахи «чугуннаго рысака»...

Извините. Я никакъ не могъ воздержаться отъ поползновенія — черкнуть мимоходомъ безпритязательно - небрежный силуэтъ полусоннаго впечатлѣнія на желѣзной дорогѣ; но побудительныя причины были, увѣряю васъ, самыя безкорыстныя: безграничное удивленіе и невыразимая признательность къ цивилизаціи — съ одной стороны, глубокая ненависть и Айра-Ольдрижская злоба къ проселкамъ — съ другой.

Спалъ я, спалъ, пока меня что-то не толкнуло подъ бокъ. Протираю глаза: свѣтло, т.-е. почти свѣтло; кругомъ меня говоръ и незнакомыя лица; паровозъ стоитъ и пыхтитъ, словно и въ самомъ дѣлѣ усталъ, бѣдный! Мы въ Колпинѣ. Приведя, по возможности, въ порядокъ ночной туалетъ — онъ же и дневной, а проще сказать — поправивъ волосы и передернувъ шубу, я сталъ осматривать сосѣдей. Противъ меня, у окошка, сидѣлъ господинъ въ штатскомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ форменной фуражкѣ. По самостоятельности ба-

кенбардъ и взгляда, я безошибочно заключилъ, что господинъ этотъ давно переступилъ солидную ступень столоначалія. Спиной къ нему сидѣлъ какой-то касторовый картузъ, а рядомъ съ картузомъ дамскій капоръ. Нѣсколько енотовыхъ шубъ; два лисьихъ салопа, одинъ рыжій и поношенный, другой чернобурый и очень щеголеватый; синяя чуйка на мерлушкахъ; военное пальто съ серебряными погонами, три таковыхъ же съ золотыми; высокая соболья шапка съ бархатнымъ зеленымъ верхомъ и бамбуковая трость съ серебрянымъ набалдачникомъ — вотъ вамъ отличительныя черты пассажировъ. Лица у всѣхъ были еще въ переходномъ состояніи отъ сна къ бодрствованію, и потому о нихъ распространяться нечего. Два мѣста рядомъ со мною и моимъ сосѣдомъ были не заняты; впрочемъ, подлѣ меня лежалъ чей-то мѣшокъ, очень красиво вышитый по канвѣ и съ какимъ-то причудливымъ мѣднымъ замкомъ, именно — львомъ, растопырившимъ лапы и поглотившимъ свой собственный хвостъ. Я не успѣлъ еще хорошенько разсмотрѣть льва, какъ явился самъ его хозяинъ, необыкновенно, до щепетильности чисто одѣтый баринъ въ бобрахъ и въ картузѣ особеннаго кроя. Какъ не смялись накрахмаленные воротнички его рубашки — рѣшительно непостижимо. Вслѣдъ за нимъ, кряхтя и отдуваясь, протискался на четвертое мѣсто медвѣдь,—право, медвѣдь: медвѣжья шуба, медвѣжьи сапоги, медвѣжья шапка и мѣховыя перчатки—все это на колоссѣ вершковъ двѣнадцати ростомъ и пудовъ пятнадцати вѣсомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это былъ или помѣщикъ-степнякъ, или москвичъ-старожилъ. Сосѣдъ мой съ лѣвой руки былъ, вѣроятно, или повѣренный какого-нибудь общества, или управляющій главною конторою его сіятельства такого-то, или домомъ его высокопревосходительства такого-то, или... но всего не перечтешь: что-нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, въ его маленькихъ, карихъ глазкахъ, въ постоянной улыбкѣ на крѣпко стиснутыхъ губахъ проглядывало столько простодушнаго лукавства и ребяческаго плутовства, что, конечно, его патронъ остается имъ такъ же доволенъ, какъ остаюсь имъ я до дня сего. На взглядъ, моимъ сосѣдямъ: чиновной особѣ — казенныхъ сорокъ лѣтъ; волосы и бакенбарды благонамѣреннаго каштановаго цвѣта; медвѣдю— лѣтъ подъ пятьдесятъ, а пожалуй, и больше; густыя брови и длинные черные усы крѣпко проморозила сѣдина; «ближайшему сосѣду»... Богъ его знаетъ, сколько ему лѣтъ?.. Отъ тридцати до сорока пяти; волосы рѣдкіе, желтоватые; по всѣмъ признакамъ,—подъ картузомъ порядочная лысина. Онъ вынулъ хронометръ и сказалъ чиновной особѣ:

— Черезъ полминуты свистокъ... Хотите пари?

«Медвѣдь» вытаращилъ глаза на хронометръ

«Особа» кисло улыбнулась и собралась-было отвѣчать, но не успѣла: дѣйствительно раздался свистокъ, и «медвѣдь» прорявкнулъ: «такъ!».

Оказалось, что всѣ трое знакомы другъ съ другомъ.

— Сколько дали?—спросилъ «медвѣдь».

— Не помню... Кажется, полторы тысячи франковъ... Въ Женевѣ...—проговорилъ «ближайшій сосѣдъ» будто нехотя.— А что̀ же вы, Никоноръ Иванычъ, хотѣли разсказать-то?

— Да что̀?.. Просто, доложу вамъ, казусъ!

— Что̀ съ вами, Никаноръ Иванычъ, случилось? Не разстроили ли вы желудка у «нашего»-то?—вмѣшалась въ разговоръ «особа» съ снисходительно-лукавой улыбкой.

— Рѣчь подлинно о желудкѣ пойдетъ,—заревѣлъ «медвѣдь»:— только ужъ какое тутъ разстройство!.. Тутъ семерымъ животы подвело. Тутъ смерть угрожала... Вотъ что̀!

— Отрава? Уголовный случай? — поспѣшно подхватила «особа» и повернулась всѣмъ лицомъ къ «медвѣдю».

— Какой къ чорту случай!.. Говорю вамъ: казусъ!.. Вы послушайте-ка.

«Медвѣдь» разгладилъ усы.

— Пріѣхалъ на прошлой недѣлѣ изъ деревни въ Москву Александръ Михайловичъ... Знаете?

— Знаю.

— Ну, какъ пріѣхалъ, такъ всѣхъ насъ и повѣстилъ. Слетѣлись мы къ нему на другой день ни свѣтъ ни заря... У Шевалье еще ковры выбиваютъ. Да вѣдь словно сговорились — всѣ налицо. Пріѣзжаю къ Александру Михайловичу, а ужъ у него Ванька Юртилинъ и Босолаевъ на постели сидятъ. Пяти минутъ не прошло — глядимъ: катитъ князь Николай съ Перекрышкинымъ Ѳедоромъ, а тутъ—на̀ тебѣ! вывалился и самъ Борода!..

— Это московскій первостатейный торговецъ,—подсказалъ «ближайшій сосѣдъ».

«Особа» кивнула головой.

— Вотъ тары да бары, попиваемъ чаекъ да покуриваемъ, Александръ Михайлычъ и говоритъ:—«Полно, говоритъ, изъ пустого въ порожнее переливать. Потолкуемъ о дѣлѣ. Вы вѣдь останетесь у меня обѣдать?

«Мы—ничего, ладно, а Борода и упрись:

«— Не останусь я у тебя.

«— Что̀ такъ?

«— Да такъ, вотъ не останусь: окормитъ меня твой фран-

цузъ всякой дрянью, опричь дара Божьяго! Нешто мало въ Москвѣ заведеній-то? Поѣдемъ со мной въ ряды къ Мушникову: я тебя накормлю по-русски, по-нашему, такъ останешься доволенъ.

«Александръ Михайлычъ на его слова и проситъ:

«— Въ самомъ дѣлѣ, господа: поѣдемте обѣдать въ русскій трактиръ.

«— Поѣдемъ.

«— Ну, куда же?

«Вотъ и пошла разноголосица! Одинъ говоритъ — къ Шабунину на Никольскую: дрозды, вишь, тамъ подъ какимъ-то соусомъ — объяденье; другой говоритъ — къ Митюгову на Варварку: спаржа ужастенная; князь Николай кричитъ, что въ Новотроицкомъ можно изъ свѣжей клубники маседуанъ заказать, а Борода ему наперекоръ: «поди ты, сіятельный, съ своими мусьедуванами, — ты вотъ мнѣ поросенка подъ хрѣномъ гдѣ хошь, кромѣ Мушникова, найди!»

«Кричали-кричали, спорили-спорили, всѣ-то кушанья, кажись, перебрали, а все другъ съ другомъ несогласны, — Борода пуще всѣхъ: стоитъ на поросенкѣ подъ хрѣномъ, да и квитъ тому дѣлу! — «Господа, — говорю я имъ: — что̀ жъ вы про Бубнова-то забыли? Вѣдь ужъ такой ботвиньи со свѣжими огурцами вамъ нигдѣ не подадутъ...» Куды тебѣ! Еще пуще заспорили — народъ-то все задорный: за споромъ дѣло — на своемъ поставить хочется. Наконецъ ужъ Александръ Михайлычъ помирилъ.

«— Постойте, говоритъ, господа! Я вотъ что̀ придумалъ: поѣдемъ обѣдать во всѣ шесть трактировъ.

«— Какъ такъ?

«— А вотъ какъ: Никаноръ Иванычъ хвалилъ ботвинью у Бубнова: пусть ее къ тремъ часамъ и закажетъ на семь человѣкъ; Борода хвасталъ поросенкомъ подъ хрѣномъ: пусть заказываетъ къ половинѣ четвертаго у Мушникова; Босолаевъ намъ спаржей въ глаза тычетъ, заказывай спаржу къ четыремъ; дроздовъ подавай намъ половина пятаго; индюка ровно въ пять; а мусьедуванъ — чтобъ былъ готовъ въ Новотроицкомъ половина шестого: такъ до шести и прообѣдаемъ, съ такимъ аппетитомъ, что ай-люли! Вы представьте себѣ, послѣ каждаго блюда моціонъ! А? Вѣдь мысль-то лукулловская, право, лукулловская!.. По рукамъ, что ли?

«Мы расхохотались. — «Извѣстно, по рукамъ, ходитъ! Славная, говоримъ, выдумка!» Борода опять-было уперся: — «Что̀ жъ это, говоритъ, не успѣешь лба перекрестить, и ужъ изъ-за стола вонъ». Ну, князь его усамилъ: — «Лѣнь тебѣ, что ли, Сидоръ Прокофьичъ, лишній разъ перекреститься? А еще человѣкъ ты набожный...» Такъ Борода и притихъ.

«И договорились мы такъ, чтобы каждый къ своему блюду приличное вино поставилъ, ну, а ужъ тамъ шампанское—это ужъ сообща... Ну-съ, государи мои, положили мы соборнѣ: послѣ обѣда въ театръ—Островскаго комедію смотрѣть, а потомъ ко мнѣ на Прѣсню—относительно китайскихъ съ ямайскими, а потомъ—далекое ли тутъ дѣло:

„Ты, Настасья! Ты, Настасья!
Отворяй-ка ворота!“

Ей-Богу! отлично придумали... Не правда ли?»

«Особа» опять кивнула головой.

— То-то, по-московски, по-старинному! — гаркнулъ Никаноръ Иванычъ и потрепалъ «ближайшаго сосѣда» по колѣнкѣ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что хотя Никаноръ Иванычъ разсказывалъ все это вполголоса, но его октава обратила на себя общее вниманіе: частные разговоры прекратились, и голосъ разсказчика отдавался во всѣхъ четырехъ углахъ вагона.

— Позвольте,—басилъ онъ, одушевляясь болѣе и болѣе:— это еще цвѣточки!.. Да-съ, вѣдь вотъ, къ слову сказать, родятся же на свѣтъ такіе весельчаки, какъ нашъ Александръ Михайлычъ! Что̀ онъ еще придумалъ? — «Знаете, говоритъ, господа, что̀? Мы отъ фараонова-то племени — ко мнѣ: милости прошу—ночь завершить. Привезъ я дюжину кипрскаго— мохомъ поросла; одну-то старушку я съ собой на дорогу, четыремъ лобъ разобьемъ, а достальныя такъ — каждому по одной, отъ меня на память; ну, а чье блюдо мнѣ болѣе по вкусу придется—тому двѣ! Да вотъ еще что̀: запряги-ка ты, Борода, своего «Стегуна»; у Босолаева новая пристяжка къ иноходцу, а ужъ Никанорова тройка за себя постоитъ. Мы съ нимъ да съ княземъ втроемъ, а вы попарно, кто съ кѣмъ знаетъ, и дадимъ кончикъ отъ Кудрина до Каретнаго: было бы за что и старухамъ-то чинить смертоубійство!

«На этомъ и порѣшили, и тутъ же всѣ за шапки, каждый, значитъ, по своей должности, а съѣзжаться, видите ли, всѣмъ опять же у Александра Михайловича, безъ четверти въ три. Повѣрили часы, поставили минута въ минуту—и маршъ!»

Тутъ Никаноръ Иванычъ перевелъ духъ и помолчалъ съ минуту, но любопытство слушателей было возбуждено въ высшей степени, и тишина въ вагонѣ не нарушалась.

— Вотъ-съ,—заговорилъ онъ, вздохнувъ и покачавъ головой:—пріѣхалъ я домой, призвалъ Терешку:—«Обряди ты мнѣ, братецъ, тройку наилучшимъ манеромъ».—«Слушаю, Никаноръ Иванычъ!» — «По ночи съ иноходцемъ парой и съ рысакомъ въ обгонъ пойдемъ отъ Кудрина до Каретнаго». Посмѣивается бестія, а самъ все говоритъ: «слушаю-съ, Никаноръ Иванычъ!»

Долго ли, коротко ли, выбрался я изъ дому: зачастилъ мой «Залетный», забилъ дробь — пристяжныя только постромки уносятъ... Ѣду и думаю: какъ же это двѣ бутылки? кому же это другая-то достанется?.. Нельзя ли ее, голубушку, съ моей законной-то сворить?.. Хм! Сластей-то и спаржъ этихъ я не боюсь; дрозды тоже какъ-то мизерны; вотъ поросенокъ подъ хрѣномъ — статья, а главный мой врагъ — индюкъ — не тѣмъ будь помянутъ! Убьетъ, подлецъ, ботвинью, ни за что убьетъ!.. Ой, нѣтъ? Вѣдь первый кусъ — разбойникъ. А скажу вамъ правду,—вдругъ перебилъ Никаноръ Иванычъ самого себя:— ботвинью я мастеръ дѣлать!.. Ма-стеръ! — подтвердилъ онъ громовымъ голосомъ и пришелъ въ паѳосъ.

— У меня,—рычалъ онъ глухимъ басомъ:—дусёровъ никакихъ! У меня не то, чтобы: «Приготовить, братецъ, семь порцій ботвиньи!» Шалишь. У меня вотъ какъ: — Балыкъ есть? — Первый сортъ-съ. — Показывай. Провѣсную бѣлорыбицу показывай; бѣлужину показывай; осташевскихъ раковъ — хоть самъ роди; ботва — чтобъ «весна въ лугахъ вѣяла»! Лукъ, укропъ, хрѣнъ — все при мнѣ, при мнѣ и ботву свари, изруби и протри... Свѣжихъ огурцовъ подавай, чтобъ отъ нихъ за двѣ комнаты пахло... А какой квасъ, какія кислыя щи и что̀ еще тамъ — «се монъ секрэ!» Опять же вопросъ: какъ подать ботвинью? Вонъ въ трактирахъ вспѣнятъ верхомъ миску — и хорошо! Нѣ-ѣтъ! У меня каждый ингредіентъ, ка-аждый ин-гре-ді-ентъ, на хрусталѣ, на фарфорѣ да на серебрѣ особнякомъ подавай, чтобы гости видѣли, а ужъ потомъ я имъ въ-очью фокусъ-покусъ сотворю, метаморфозу кулинарную... Ха, ха, ха, ха!

Никаноръ Иванычъ удивительно былъ хорошъ: полное его лицо разгорѣлось, глаза сверкали... Ему стало жарко, и онъ распахнулъ шубу.

— Ну, сами извольте посудить: можно вѣдь было надѣяться индюка побороть? Вѣдь можно?

— Конечно, — отвѣчалъ ближайшій сосѣдъ.

— И поборолъ бы, какъ Богъ святъ, поборолъ бы, да вотъ тутъ-то и казусъ!.. Подъѣзжаю къ Бубновской ресторацiи— что̀ жъ, вы думаете, она?.. Ну, что̀ она?..

— Горитъ?—отвѣчала догадливая «особа».

— За-пер-та!.. — прогремѣлъ Никаноръ Иванычъ на весь вагонъ.

Это слово произвело такой эффектъ на слушателей, что по всѣмъ мѣстамъ пробѣжалъ глухой ропотъ и даже послышалось жалобное восклицаніе:—«Ah, mon Dieu!»

— За-пер-та! — тихо повторилъ Никаноръ Иванычъ, заку-

сивъ губы и понуривъ голову. — Я съ бокового хода — запертъ; я съ черной лѣстницы—заперто. Туды-сюды, извозчиковъ спрашиваю, лоточниковъ; въ двѣ-три лавки заглянулъ — не знаетъ никто: съ ранняго утра заперта... А печатей на дверяхъ нѣтъ, и полиціи не видно... Что̀ такое? Ума не приложу!.. Дѣлать нечего, говорю Терешкѣ: «Пошелъ къ Шевалье!» Вхожу къ Александру Михайловичу, а ужъ Юртилинъ и Босолаевъ опять тамъ, не дали мнѣ и рта разинуть, кричатъ: «Знаете, Никаноръ Иванычъ? Кутюмовъ и Шабунинъ заперты! Да и Бубновъ, молъ, тоже...» Что̀ за извѣстіе? Слышимъ звонокъ: Перекрышинъ. Какъ вошелъ:—«Чортъ, говоритъ знаетъ, что̀ такое? Митяговъ запертъ». Еще звонокъ: князь Николай... Да вѣдь вы думаете, что я вамъ сказку разсказываю?.. Такъ нѣтъ-съ, истинное происшествіе: — «Новотроицкій запертъ»,—говоритъ князь... Стоимъ мы всѣ, глядимъ другъ на друга, руки опустили и ничего не понимаемъ... Признаюсь, меня словно дрожь начала пронимать... Да что̀ тутъ! Какъ зазвонилъ Борода, такъ мы въ голосъ и крикнули:— «Знаемъ, знаемъ,—заперта!»—«А знаете, говоритъ, почему?»— Нѣтъ.—«То-то вы, всезнайки! Я вотъ поразспросилъ у кого надоть, да все же что-то не вѣрится: ужъ больно эта шутка—того!..»

«Пристали мы къ нему—что̀ и какъ? Представьте же: все это дѣло отъ откупа вышло. Прежде хозяева городскихъ ресторацій платили откупу самое большое—тысячъ тринадцать, по контракту на одинъ годъ, а теперь откупъ накинулъ еще восемь тысячъ, на каждое заведеніе безъ разбора, и контрактъ на четыре года-съ. Какъ ни торговались, какъ ни надбавляли—нѣтъ! Или все, какъ сказано, или — баста! Подумали-подумали хозяева: это имъ, вмѣстѣ со взносами въ думу, придется платить двадцать шесть тысячъ съ брата — много! Очень много! Торговать не изъ чего: или себя обидишь, или гостей. Махнули рукой да и заперли заведенія: пей, господа купцы, чай гдѣ угодно, и покупателю-то негдѣ отогрѣться, да и все такое...

«Вотъ, господа, какой казусъ! Слыхали ли вы про такой? Нашему брату нельзя порядочно по-русски пообѣдать... Гдѣ же?.. Въ первопрестольной русской столицѣ: въ Москвѣ бѣлокаменной! Ну!»

Никаноръ Иванычъ приподнялся во весь ростъ и развелъ руками.

— Позвольте васъ спросить, — обратился къ нему молодой офицеръ съ серебряными погонами:—вы вчера изъ Москвы?

— Нѣтъ-съ, четвертаго-дня. Я нарочно, для этого казуса, свертывалъ въ сторону, просилъ истолкованія у одного знаю-

щаго человѣка, можно сказать, перваго по этому дѣлу знатока—такъ и пробылъ у него...

— Я вчера изъ Москвы,—перебилъ офицеръ.—Рестораціи опять открыты: я завтракалъ въ Новотроицкомъ.

При этихъ словахъ взоры публики устремились на говорившаго, и онъ покраснѣлъ до бѣлка глазъ.

— А! — крикнулъ Никаноръ Иванычъ: — поладили! Ну, и слава Богу!.. Позвольте, однакоже, позвольте: какъ же они сдѣлались? Кто уступилъ?

— Не могу вамъ сказать: кажется, откупъ... Впрочемъ...

Дальнѣйшія слова молодого офицера были заглушены пронзительнымъ свисткомъ: мы подъѣзжали къ дебаркадеру...

1859.

ЛѢСНЫЯ ДИКОВИНКИ.

Парельщикъ.

Ѣхалъ я по столичной слякоти... Ночь; изморозь; газъ какъ-то коробитъ въ фонаряхъ, а ѣхать далеко... Извозчикъ изъ солдатъ. Поневолѣ начался неизбѣжный разговоръ:

— Ты отъ себя ѣздишь, али отъ хозяина?

— Отъ себя, ваше благородіе!

— Въ какомъ полку служилъ?

— Не въ полку, значитъ, въ командѣ... Сторожами по лѣсу стояли.

— Далеко ли?

— Подъ Новгородомъ, въ сторону.

— А самъ-то ты новгородскій?

— Никакъ нѣтъ: вологодскій, ваше благородіе.

— Хороши лѣса подъ Новгородомъ?

— Извѣстное дѣло, не наши, а хороши. Ничего. Птичья много, звѣрья много: лоси теперича, медвѣди...

— Что̀ жъ баре-то охотятся?

— Не токма баре, самъ позапрошлой зимой наѣзжалъ, и набольшій князь съ нимъ, и вся кавалерія, выходитъ... Три дня надъ мерлогой стояли: не лѣзетъ вонъ Топтыгинъ-то — залежался, знать... Пустятъ этихъ собакъ — бульдогами прозываются — подбѣгутъ къ мерлогѣ и рыло отворотятъ. Мерлога-то насыпная — онѣ медвѣдицу по духу чуятъ, да и прочь, и прочь... Наконецъ ужъ князь разсвирѣпѣлъ, — говоритъ егерю: — «Ты его кинзаломъ!» Тотъ его тотчасъ сквозь хворостъ кинзаломъ, и разъ, и два, укольнулъ, примѣромъ: какъ взрявкнетъ да выкинется — ну!.. Которые и подальше-то стояли — индо ихъ шарахнуло; про нашего брата и говорить

нечего — ровно кто сосульками въ пятки тычетъ... А самъ-отъ на боронѣ, впереди, значитъ, всѣхъ: товсь — клацъ — пли! какъ пить далъ повыше лѣваго уха, ей-Богу! И ужъ медвѣдь! Вотъ побольше моей лошади-то будетъ... На трехъ тройкахъ изъ лѣсу вывезли: надо сказать — медвѣдь законный... И въ Усть-Югѣ такого только разъ, еще парнишкой видѣлъ. А ужъ у насъ, кажись, экіе стервятники: корову одной лапой на дыбахъ волочитъ.

— Что̀ же, у васъ-то на нихъ охотятся?

— Бьютъ тоже мужики: кто съ ружьишкомъ ходитъ, кто съ рогатиной... А не то — вырылъ яму, набилъ въ нее кольевъ, сверху хворосту понабросалъ, притраву положилъ — бываетъ, что и оступился и попалъ на колья — на нихъ и сиди, пока хозяинъ за шкурой не пришелъ... А ты что̀? ты что̀? — продолжалъ разсказчикъ, нахлестывая свою лошадь. — Ты куды воротишь-то? Куды зѣньки-то пялишь? Домой захотѣлось? Вотъ я-те дамъ домой, красота ты живодерная!.. Ну! прикашливай!.. Это что̀, медвѣди, ваше благородіе, — повелъ онъ дальше рѣчь, смягчивши голосъ: — у насъ въ усть-южскихъ лѣсахъ такія диковинки бываютъ, что самъ бы не видалъ — и вѣры не далъ.

— Что̀ жъ такое?

— А теперь хоть бы «лѣшачихи» — изволили слыхать?

— Нѣту. Кого жъ это у васъ такъ зовутъ?

— Извѣстно, «ихъ»!.. «Ихъ», да иной разъ зырянку лѣшачихой шпыняютъ... Когда и про Машку Топтыгину такъ говорятъ, буде не очестлива и ужъ больно по выгонамъ балуетъ... А что лѣшачиха, настоящимъ дѣломъ, выходитъ совсѣмъ другой видъ: голая она завсегда, какъ ее тамъ нечесть выкинула, косматая; глазища по плошкѣ; опять же завсегда сидитъ она въ болотѣ лѣсномъ, вся это въ тинѣ, въ осокѣ; изодранная, перецарапанная; человѣческаго гласу-послушанія ей не положено, а хохочетъ она, стерва, — только деревья качаются да по болоту кличъ идетъ...

— Стало-быть, это русалка? — спросилъ я.

— Не могимъ знать... У насъ, кто не боится, али хошь бы такъ — зачурованъ, тотъ ее и «кумой» зоветъ... А что про самую эту русалку — я, ваше благородіе, не слыхивалъ.

— Да какъ же кума? Стало, съ ней и кумятся?

— Есть такіе: кумятся... Пришла она, не къ ночи сказать, — «Ивановская», — онъ и идетъ, къ болоту идетъ, къ озеру ли, — гдѣ тамъ погань-то водится... Сейчасъ у него въ рукахъ березовый вѣникъ заломленъ; сейчасъ это онъ раздѣлся, говоритъ: «Кумушки, голубушки, загадайте мнѣ загадочку, да под-

шепните и разгадочку, а за такое ваше жалованье великое снимаю я съ себя крестъ честной, покумлюсь въ болотной купели съ любой: будь и корява она и рябая — все же любая мнѣ будетъ «Люба»... Скажетъ — и нырокъ въ воду!.. И вѣдь лѣшачихи его не защекочутъ: поглумятся маненько, да и выкинутъ на берегъ живьемъ... А поди — не разгадай имъ загадки!

— Всѣмъ загадываютъ?

— А кто попался... На что ужъ у насъ подъ селомъ генеральская усадьба... Стало-быть, и генералъ заслуженный, по рангу бригаднымъ былъ... И дочь у него — прекудесница: ко двору взята, а дома живетъ. Вотъ мычется весну и лѣто по лѣсу, травки рветъ, голыши собираетъ, мотылей да мухъ мошной такой сѣтчатой ловитъ... И все къ себѣ, все къ себѣ. Знамо, юродивая. А генералъ-то, ихъ превосходительство бригадное, въ лѣсъ ее пущаютъ, ордеръ такой отдали, дескать, никто ея не замай!.. А она по мшинамъ, по болотамъ, что̀ стрекоза не подкованная!.. Вотъ такъ-то и наткнись она разъ на лѣшачиху... Та сидитъ себѣ на бережку, буковымъ гребнемъ себѣ косы расчесываетъ, а генеральская дочка сквозь осоки на нее навалилась... Лѣшачиха — хвать ее граблями, и говоритъ:—«Здравствуй, красавица! Тебя самоё нонче во снѣ видѣла, будто ты мнѣ три загадки разгадывала... А и загадки, дѣвушка, не мудреныя: разгадаешь — твоя взяла; не разгадаешь — защекочу до смерти... Что̀ растетъ безъ кореня? — Что̀ бѣжитъ безъ повода? — Что̀ цвѣтетъ безо всякаго цвѣта?»... Опять ты! Опять ты!—неожиданно провозгласилъ возничій: понятно, къ кому относились эти слова и какъ они были приняты.

— Послушай-ка! — сказалъ я.—А вѣдь загадка-то мудреная.

— Вѣстимо-что̀! Лѣшачихина!.. Бригадничка-то ея не отгадала: за то и нашли ее утромъ, по край болота, защекотанную... Пѣна у рта клубомъ, глаза вылѣзли на лобъ... Вотъ она что̀ — лѣшачиха! Знай кто по-ихнему — ладно! А не знаешь, у другихъ спросись ума-разума... Вонъ хошь бы у моей бабки!

— Знаетъ?

— Все знаетъ: за сорокъ пять верстъ тогда, говоритъ, на мѣстѣ была, и загадку слышала, да разгадки не подшепнула, не успѣла; а и разгадка-то простенькая, въ пѣснѣ поется:

„Камень растетъ безъ кореня;
Вода бѣжитъ безъ повода;
Папоротникъ цвѣтетъ безо всякаго цвѣта“.

Вотъ онѣ какія лѣшачихи, ваше благородіе!.. Н-ну! труси-труси по мать святой Руси... Лютыя онѣ, и, окромя «парельщика», нѣтъ въ нихъ любви ни къ кому.

— Какого парельщика?

— А этакъ у насъ самого «лѣсовика» прозываютъ. Вотъ у васъ не слыхать, чтобъ онъ парился, а у насъ, почитай, въ зиму-то кажинный Божій день гдѣ-нибудь баню топитъ. Бань у насъ по лѣсамъ много и по рѣкамъ тоже. Которая теперь по рѣкѣ, просто—значитъ—въ берегу, въ нагорьѣ выкопана — сложена въ ней каменка, соломки постлано, и дверь съ окошечкомъ прилажена; вода внизу не покупная: черпай шайкой изъ проруби, сколько душенькѣ угодно... Лѣсныя бани — тѣ мазанки, и полокъ въ нихъ есть, и труба деревянная; тѣ ужъ наши охотнички про себя надолго ставятъ. Оно и нельзя: ходитъ-ходитъ по лѣсу, гдѣ за рябчикомъ, гдѣ за бѣлкой, гдѣ за косачами...

— Это что же — косачи?

— А это, ваше благородіе, по-нашему такъ глухарей зовутъ. У насъ моховыхъ болотъ и-и — сколько! Во мшинахъ-то они себѣ норы и копаютъ, забиваются, стало-быть, на зимовку. Ну, собачонки есть у насъ такія, невзрачныя, только на косачей дошлыя, волкъ ихъ зарѣжь! Какъ теперь мужичокъ съ собачонкой этой вышелъ на болото, такъ и пошла она промежъ мшинъ нырять. Кочки-то большія — за ними ея и не видно, и бѣжитъ иной разъ далеко... Тутъ вотъ она свое досужество и покажетъ: чуть гдѣ косачей пронюхала, сейчасъ тебѣ на кочку, сейчасъ поднялась на заднія лапки, и пляшетъ, и пляшетъ: «Я, молъ, хозяинъ, видишь гдѣ: при норѣ; значитъ, и ты поспѣвай!..» Такъ у насъ косачей и ловятъ, живьемъ берутъ... Да все самыми этими собачонками.

— И долго въ лѣсу-то остаются?

— А какъ... Иной разъ три и четыре дня, и недѣлю, и больше, на сколько хлѣба хватитъ... Есть и такіе, что въ зиму-то ихъ и не увидишь: ушелъ себѣ въ лѣсъ, и слѣдъ простылъ. Капканы ставятъ, силки, ночуютъ, когда въ мазанкѣ, а врасплохъ мятель застала—зарылся въ сугробъ, и собачку подъ головы... Тепло!.. Бываетъ такъ, что морозъ обидный,— тогда опять же въ мазанку; вытопилъ и парься. А то и на топленую наткнешься: вѣстимо — наши мужички Бога помнятъ—про своего захожаго брата топятъ жарко; оно и выходитъ: рука руку моетъ—обѣ чисты бываютъ... Только бываетъ и такое съ этими банями, что нашему брату, пристойно сказать, невѣжѣ—невдомекъ, да и самимъ-то отцамъ духовнымъ не вообразительно.

— А что?

— Да то же... У нашего отца протопопа самъ слышалъ, какъ у него въ батракахъ проживалъ.

— До рекрутчины?

— До некрутчины... Ходилъ къ намъ старичокъ, тоже изъ охотниковъ, по Великимъ постамъ ходилъ, подъ Крестопоклонную недѣлю: придетъ, бывало, да недѣлю-то и проговѣетъ, и отысповѣдуется у своего духовника, у отца-протопопа нашего; у насъ и живетъ все время... Такъ-то разъ отысповѣдывался онъ, сѣлъ послѣ исповѣди съ батюшкой бесѣдовать и повелъ такую рѣчь... Я тутъ стою, у притолки, тоже слушаю...

«— Что, говоритъ, отче, ты мнѣ *про это* скажешь? Тридцать безъ малаго лѣтъ, говоритъ,—что я: тридцать! И всѣ сорокъ будетъ... Сорокъ лѣтъ хожу по лѣсу, а чуднѣе намеднишней диковинки не видывалъ... И на духу тебѣ про нее не сказалъ, да совѣсть зазрила: не вытерпѣть—сказать надобно...

«Отецъ-протопопъ ему:

« — Разсказывай все до точности и ничего утаить не моги: Богъ-де накажетъ.

«— Да вотъ, говоритъ, ходилъ я о Варварѣ-великомученицѣ по косачей. Собачка у меня, знашь ты, какая лихая!.. Ну, и подманиваетъ, безъ омылки подманиваетъ: гдѣ ни заплясала, тамъ и компанія... И забрели мы съ нею подъ вечеръ въ такую моховину, что глазомъ не окинешь, а по краямъ—трущоба непроглядная: хазовыя сосны въ полтора обхвата... Было бы что и взять, да крѣпко морозить стало: на бровяхъ бѣлый иней; борода сосулькой; до самой кости передрогъ... А угрѣва-то гдѣ? поди—ищи ее! Одначе пошелъ, и не пройти бы мнѣ сорока саженъ—пахнуло на меня дымомъ: глядь—прогалинка, и мазанка на ней топится. Я туда... Только послышу—завизжала моя лохматка, меня не пускаетъ; я на нее прицыкнулъ — визжитъ; я ее прикладомъ — визжитъ и прочь тянетъ; далъ ей хорошаго пинка, что къ пеньку отлетѣла, да и вошелъ въ баню. Вижу: въ передбанникѣ, на лавкѣ, чья-то гуня и шапка, и рукавицы, большія такія, лежатъ; подъ лавкою лаптищи большущіе и онучи брошены... А въ банѣ хлещется кто-то вѣникомъ, такъ себѣ хлещется, что вчужѣ жарко... Обозвалъ я его: «Кто, молъ, тамъ, человѣкъ мірской? Нельзя ли, молъ, захожему попариться: перезябъ, молъ, больно». Какъ загудитъ онъ оттуда, что буранъ шальной: «Ступай—небось, попарю!» Сталъ я его спрашивать:— «Да кто ты такой? Откелева?»—«А тебѣ, говоритъ, дяденька, знать на что? Извѣстно: свой—не чужъ-чужанинъ... Раздѣ-

вайся, что ль, благо паръ не ушелъ; а вѣники знатные!» Раздѣлся я, вошелъ въ баню—паромъ такъ и обварило; на полкѣ хлещется, а кто—не видать... Пообглядѣлся—стоитъ перерѣзъ съ водой, шайка въ немъ плаваетъ... Окатился я разъ, и два, и три, а тотъ все хлещется и кричитъ съ полка:—«Ухъ, горячо! Батюшки, горячо!.. Понаддай ты еще на каменку!» Я и понаддалъ, а кому понаддалъ — все сквозь паръ не вижу... Хлещется онъ тамъ, хлещется — просто сказать — листья столбомъ летятъ, а никого въ пару на полкѣ не видно; обозвалъ я его другой разъ:—«Да скажи ты мнѣ толкомъ—голосъ словно бы знакомый:—ты Тарасъ, что ли, Заразинскій?» Отвѣчаетъ:—«Ну, да что̀ тебѣ? Хошь бы и Тарасъ изъ Заразъ? Ты ко мнѣ иди: выпарю, на славу выпарю!..» Пошелъ я къ нему, опять чудно мнѣ то, что вотъ хлещется онъ на полкѣ хлещется, и опаренные листья летятъ съ полка, а не видать на полкѣ ни-чѣмъ-чего... Мазанка — поперекъ шагнуть—три шага, и въ полокъ лбомъ ударишься. Шагнулъ я, кажись бы, четыре шага, а полокъ отъ меня ровно на семь ушелъ,—и вотъ хлещется что-то на немъ, хлещется, летятъ тебѣ въ обликъ листья березовые, а кто хлещется—опять-таки не видать!.. Что̀ за диво? Паръ-паромъ—все же хоть ляжку, али что̀ увидишь, а тутъ нѣтъ тебѣ ничего, нѣтъ тебѣ никоего обчертанія... Только хлещется, только хлещется!.. Ну, сумленіе взяло: шагнулъ я къ полку единожды, дважды и трижды, а онъ отъ меня—разъ-разъ-разъ—три раза и попятился...»

— Вѣдь вотъ, ваше благородіе! Вѣдь намъ теперь лучше бы по Невскому, да съ Владимирской по Стремянному?

— Ну да: завернешь—направо четвертый домъ, къ подъѣзду.

— Слушаю, ваше благородіе!.. Слушай и ты, подокнутная!.. Али съ этого бока не слышишь? Я съ тобой и съ другого заговорю!..

— Какъ же старикъ-то тотъ, захожій?

— То-то!.. «Шагнулъ, говоритъ, я еще шагъ, да о каменку колѣнкомъ и ударился... Вѣстимо, нашъ братъ лыкомъ шитъ, въ лѣсу родился, пеньямъ молился: сначала выругается, какъ ему тамъ надо, а потомъ и очувствуется—Господа Бога помянетъ... Такъ-то и я: накрѣпко выругался сначала, а потомъ... Да не успѣлъ и сказать: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся...», какъ мимо меня что-то шаркнетъ, словно вѣтеръ, аль молонья, какъ распахнетъ двери, да какъ загогочетъ по лѣсу:—«Выпарилъ бы я тебя, голубчика: до новыхъ вѣниковъ не забылъ бы». Такъ ка̀къ, говоритъ, вы, батюшка, объ этомъ дѣлѣ разсудите? Что̀ бы это такое было?.. Да вѣдь

вотъ, говоритъ, еще что̀: какъ продернуло *оно* мимо меня— глядь-поглядь—ни пару въ мазанкѣ, ни воды въ перерѣзѣ, да и каменку всю морозомъ прохватило до серебра... Что̀ жъ молъ, такое это, батюшка?»

— Ну, а что̀ ему на это отецъ-протопопъ?

— Тиру!..

1859.

НА ПАПЕРТИ.

(Изъ дневника ***).

Тетенька Александра Ивановна умерла въ третьемъ часу пополуночи, а въ 7 часовъ меня и брата подъ охраннымъ присмотромъ няньки Перфильевны отправили къ одной изъ нашихъ бабушекъ, въ Конюшки. Отправили на цѣлыхъ три дня, т.-е. до выноса. Тогда мы не совсѣмъ поняли это правительственное распоряженіе старшихъ, но теперь я полагаю, что насъ удалили ради тѣсноты и помѣхи. Дѣло было въ январѣ; «крещенскіе» давали себя знать на славу; свѣтало какъ разъ къ позднимъ обѣднямъ, такъ что и сермяга извозчика, и потертая его шапка, и чалая его лошаденка мелькали передъ самымъ нашимъ носомъ въ какомъ-то морозномъ полумракѣ. Передъ этимъ съ недѣлю стояла оттепель, и первый свѣжій утренникъ выковывалъ ледяной черепокъ пожалуй что до Благовѣщенія. Бойко, раскатываясь направо и налѣво, пролетѣли наши сани три версты съ половиной, въ какія-нибудь десять минутъ, и остановились только потому, что увязли въ сугробѣ, передъ самыми воротами бабушкина домика. Для незнакомыхъ съ московскими урочищами названіе Конюшки можетъ показаться вымышленнымъ; знакомымъ съ закоулками первопрестольнаго града и объяснять нечего: Конюшки—какъ Конюшки!

Несмотря на раннее время, бабушка, ея семья и домочадцы были уже давно на ногахъ. Въ гостиной, на кругломъ переддиванномъ столѣ, задорно шумѣлъ самоваръ, красовались домашній папушникъ, чайный ящикъ съ изображеніемъ китайца и глиняный молочный кувшинъ, заткнутый какой-то тряпицей, впрочемъ, очень чистой. Давно ужъ повывелись эти кувшины, давно ужъ и бабушка не живетъ въ Конюшкахъ, да и самыя Конюшки, кажется, уже выстланы мостовой, и перемѣнилось

въ нихъ все, кромѣ приходской церкви и благовѣстнаго колокола. Но тогда было другое дѣло: самоваръ Тулинова, мастера изъ Тулы, шумѣлъ сознательно; отъ напушника шелъ еще паръ; кувшинъ былъ съ устоемъ; въ переднемъ углу гостиной теплилась лампадка передъ иконой Всѣхъ Скорбящихъ; а изъ остальныхъ трехъ угловъ выступали навстрѣчу гостямъ три былыя русскія тѣни—тишина, хлѣбъ-да-соль, да урядица.

Мы съ братомъ любили гостить у бабушки. Зимой она потчевала насъ незатѣйливыми деревенскими лакомствами, сажала играть съ дѣвушками «въ короли» и «въ свои козыри», заставляла няньку Аграфену разсказывать сказки и пѣть пѣсни. На святкахъ у нея собиралась вся родня — разъ, иногда два. Молодежь гадала, пѣла подблюдныя пѣсни, а мы, ребятишки, нещадно истребляли смоквы, арбузныя корки въ сахарѣ, шепталу и разные орѣхи. Кромѣ того, къ моимъ дядямъ, тогда семиклассным гимназистамъ, собирались въ свѣтелку товарищи, родные и сверстники; бренчала подчасъ гитара; дымился «семейный» чаекъ и полузапретный «Фалеръ». Первыя идеи о жизни и наукѣ запали мнѣ въ умъ и сердце подъ низкимъ потолкомъ этой невзрачной и—увы!—невозвратной свѣтелки.

Иногда вниманіе общества сосредоточивалось прямо на мнѣ. Одинъ изъ дядей готовилъ меня къ гимназіи, готовилъ со всею добросовѣстностью первой скамейки и со всѣми гимназическими уловками и продѣлками. Рѣдко опускалъ онъ случай похвалиться своимъ ученикомъ.

— Да-съ, господа,—говаривалъ онъ обыкновенно:—вотъ къ веснѣ — еще малиновый воротникъ (воротники студентовъ и гимназистовъ были тогда малиновые).

Разумѣется, со всѣхъ сторонъ раздавались сомнительныя возраженія, отъ нихъ же у будущаго гимназиста въ глазахъ зеленѣло.

— Мм!—говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.—Не раненько ли?.. Въ который классъ вознамѣрились поступить?

— Постой!—перебилъ его басомъ студентъ политическаго факультета.—Географію Европы вы изволили проходить?

Я молчалъ.

— Отвѣчай же,—говорилъ одобрительно дядя.

— Проходилъ-съ.

— Вотъ вамъ, примѣрно, карта Европы... Этотъ букетъ цвѣтовъ-съ: гдѣ тутъ будутъ Іоническіе острова?

Я указывалъ.

— А гдѣ тутъ Россія?

— Всей Россіи нельзя указать.

— Почему же?

— Мѣста мало.

— Хорошо, хорошо! — говаривалъ экзаминаторъ.—А какъ пишется «мѣсто»: черезъ «есть» или черезъ «ять»?

— Черезъ «ять».

— Почему же такъ пишется?

— Потому, что такъ въ книгахъ печатаютъ.

Слѣдовалъ общій хохотъ. Улыбался даже задумчивый студентъ-математикъ, обыкновенно лежавшій молча на диванѣ, съ гитарой.

На немъ-то именно и останавливаются тогдашнія мои дѣтскія воспоминанія.

Онъ приходился мнѣ троюроднымъ дядей. Звали его Александромъ Константиновичемъ. У насъ бывалъ онъ чуть ли не каждый день, обѣдывалъ раза три въ недѣлю и уходилъ домой, несмотря на то, что жилъ по-московски далеко, позднимъ-позднимъ вечеромъ. О полуночи тогда не было и рѣчи: въ одиннадцатомъ часу вся наша семья, да и вообще весь околотокъ, покоились безмятежнымъ сномъ. Можно смѣло сказать, что народное преданіе о сонномъ царствѣ родилось если не въ нашемъ закоулкѣ, такъ очень близко. Спало все: спала и старая церковь съ полумѣсяцемъ подъ крестомъ; спала и темная улица; спали и собаки по дворамъ; спалъ и кривой эстонецъ-будочникъ; спали, разумѣется, всѣ обыватели и обывательницы; не спали только морозныя звѣзды да промерзлые фонари, но и тѣ — сказать правду—моргали такъ усердно, словно говорили: «а вотъ и мы сейчасъ заснемъ». Все это относится, конечно, къ одиннадцатому часу ночи и разсказывается для того, чтобы благосклонный читатель уразумѣлъ всю самоотверженную преданность Александра Константиновича къ нашей семьѣ. Пробѣгать каждый день, съ Богомъ, по морозцу, верстъ пять до университета, а отъ университета до насъ столько же, если не больше, да отъ насъ, порою въ мятель и вьюгу, черезъ Дѣвичье поле, по разнымъ Длиннымъ, Глухимъ и Проточнымъ переулкамъ — навѣрное верстъ восемь, чтобы добраться до казеннаго дома на самой окраинѣ города,—какъ хотите—подвигъ! Объ извозчикахъ и толковать нечего: несмотря на непомѣрную дешевизну сѣрыхъ московскихъ возницъ, прозванныхъ жаворонками, московскіе студенты стыдились, во время оно, тратить деньги на такіе пустяки. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что не то чтобы они стыдились, а всѣми мѣрами старались уклониться отъ обязанности — облекаться въ форменное платье внѣ университета. Александръ Константиновичъ представлялъ еще довольно свое-

образное исключеніе изъ этого правила, но только до извѣстной степени: напримѣръ, въ тѣ дни, когда онъ у насъ не обѣдалъ, ему приходилось сначала пробѣжаться домой для того только, чтобы переодѣться въ скромный штатскій сюртучокъ и опять бѣжать, по вышепоименованнымъ урочищамъ, къ любезному ему домику.

Прежде чѣмъ объяснить притягательную силу этого домика, слѣдовало бы распространиться о наружности Александра Константиновича, о его положеніи въ свѣтѣ, о душевныхъ, умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, но... есть такіе люди, что — или совсѣмъ не говорить про нихъ, или уже говорить — такъ говорить... Въ этомъ случаѣ для разсказчика всего спасительнѣе казенныя примѣты. Итакъ: изъ дворянъ; лѣтъ 22; росту средняго; волосы на головѣ и на бровяхъ темно-русые; глаза сѣрые; носъ и ротъ умѣренные; подбородокъ круглый; особыхъ примѣтъ — на правой щекѣ родинка. Вотъ и дѣло съ концомъ: и читателю легко прочесть, и Богу не противно.

Но тогда, въ тѣ блаженные годы, за одну родинку Александра Константиновича я не взялъ бы ничего на свѣтѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ я и смотрѣлъ на эту родинку: такъ художественно-изящно бросала она полутѣнь на рѣдкую, но ясную — именно ясную — улыбку горделиво сжатыхъ губъ. Я выразился запутанно, но опредѣлительнѣе выразиться не могу, не погрѣшивъ передъ моими воспоминаніями. Глаза у Александра Константиновича дѣйствительно были сѣрые, только какіе-то особенные: вечеромъ, при огнѣ, они темнѣли дочерна, а впотьмахъ зеленѣли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, такъ что мысленно я называлъ ихъ тогда гнилушками. Разъ даже сказалъ это и самому Александру Константиновичу, и онъ — ничего: только улыбнулся по-своему. Вообще скажу: измѣнчивѣе и приглядчивѣе лица я не видывалъ. Даже суровая наша «кормилица» Маланья разъ не выдержала: крѣпилась-крѣпилась, да какъ съ дубу и сорвала:

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Тьфу!

Только отъ нея я и слышалъ объ Александрѣ Константиновичѣ... т.-е. тогда, а потомъ...

Потомъ мнѣ доводится говорить о самой «кормилицѣ».

Росту Маланья была непомѣрнаго—вершковъ десяти, силищи страшной: возьметъ, бывало, ушатъ съ водой за уши да съ сердцовъ и выльетъ подъ порогъ.—«Нѣтъ, молъ, воды и стряпать нечѣмъ». Только сердце у нея было отходчивое: черезъ четверть часа сама пойдетъ босикомъ по снѣгу, ухватится за каретное колесо, тогда еще не забывшее елизаветинскихъ

временъ, и намотаетъ изъ колодца бадьи съ четыре, а коли очень сердита, такъ и съ пять, и пойдетъ, и пойдетъ у нея работа, подлинно самобытная... Не поворчавъ, ни печки не затопитъ, ни горшка не вдвинетъ, ни мочалки не возьметъ... Досконально изучилъ я ея нравъ и могу—въ видѣ рѣдкости—показать нѣсколько образчиковъ, хоть бы такихъ:

Былъ у насъ пѣтухъ, прозывался «Пѣтелъ», иногда и «Петя», не то чтобъ изъ важныхъ, а задорный, вслѣдствіе чего и утратилъ лѣвый глазъ, утратилъ его при благородныхъ свидѣтеляхъ, обошпоренный сосѣднимъ пѣтухомъ. Дѣло, кажется, просто; но Маланья почему-то облюбила «Пѣтела», признала въ немъ сверхъестественныя достоинства, кормила съ октября до Рождества кропивнымъ сѣменемъ, два раза въ годъ сѣкла надъ кадкой, а про то, что ему вышибъ глазъ сосѣдній пѣтухъ, и слушать не хотѣла.—«Это,—говоритъ, бывало:—все поскуда Афимья: перекинула намъ черезъ заборъ... Голубушка Матрена Перфильевна, ей-Богу, перекинула этакій вотъ кавалокъ... Окорокъ запекали... нашъ-то и клюнулъ... (обыкновенной ея собесѣдницей бывала моя нянька, Матрена Перфильевна). Клюнулъ матушка! право... Нешто ужъ въ банѣ подъ праздникъ не встрѣтимся, а отхлещу я ее, закорузлую... Слыхано ли дѣло, матушка, нашего-то Пѣтела чужой зашибъ?.. Да у насъ и собаки — на что ужъ ты! — и тѣ чужимъ не дадутся... А вѣдь Петя-то — на-ка одинъ гребень возьми!.. Къ Рождеству вѣдь у насъ, матушка, куры-то заносятся... Согрѣшила намедни — въ лавкѣ свѣшала: индо Савельичъ усомнился — три раза гири подкладывалъ; три фунта съ восьмушкой вытянулъ!.. А тутъ говорятъ, что... Взяла бы я эту Афимью за ноги, да вотъ ужъ опять согрѣшишь, объ уголъ такъ бы и ударила! — Не замай!..»

Понятно, что такая женщина, закормивъ своей могучей грудью ребенка, не могла не привязаться къ нему всѣми дикими силами своей души. Виноватъ... Я позабылъ, что обѣщалъ привести нѣсколько примѣровъ Маланьиныхъ продѣлокъ, да и перваго не досказалъ. Вообразите, что она подкараулила-таки Афимью въ банѣ и ужъ отомстила за Петю! Афимья простудилась, а Маланья Матвѣевна считалась знахаркой на два прихода и по всѣмъ по двумъ подлѣчивала, какъ водится: ни горшковъ безъ нея накинуть нельзя было, ни рожковъ поставить, ни крѣпкой водкой въ банѣ вытереться, ни бадяги, ни муравьинаго спирту достать — потому ей изъ Кашинской деревни племянники возили. Вотъ, какъ простудилась Афимья, и попроси сдуру Маланью съ нея простуду снять, а Маланья свела ее въ баню, уложила на полокъ, на-

терла стручковымъ, настоеннымъ въ винѣ перцемъ, да такую жогу вѣникомъ задала, что сама еле-еле отлилась полдюжиной шаекъ, а Афимью стащили съ полка замертво.

Другой примѣръ. Пошла она какъ-то купаться съ моими тетками и съ сосѣдними ихъ подружками. Въ Москвѣ-рѣкѣ, по извѣстнымъ прибережьямъ, купывались тогда еще подъ покровомъ сумерекъ, при свѣтѣ звѣздъ Ивана-Купала и Аграфены-Купальницы. Купанье бывало отличное: раздѣваешься на подогрѣтомъ за день пескѣ, а не то—принеси, пожалуй, и скамейку; позади тебя груда дровъ, что̀ стѣна; напротивъ — берегъ скатомъ, весь въ зелени, и ни души; вода отварная и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ по плечо... Хорошее купанье!.. Тѣмъ болѣе хорошее, что шагахъ въ ста другъ отъ друга, благодаря лѣтнему полумраку, могли невозбранно купаться обѣ половины человѣческаго рода.

О томъ, какъ брызжетъ вода подъ лучами княжича-мѣсяца, о томъ, какъ отливаетъ зернистымъ жемчугомъ и осыпаетъ продрогшіе члены купальницъ—«судить не намъ».

Но вотъ что̀ случилося.

Пошла, какъ я сказалъ, кормилица Маланья купаться съ барышнями, а собственно съ моей тетенькой Александрой Ивановной. Ее-то она и выкормила и выходила въ цѣлыя восемнадцать лѣтъ, а когда тетенька умерла, осталась у насъ въ домѣ «кормилицей» чуть ли не сорокъ лѣтъ, и осталась безплатно, только за то, чтобы звали «кормилицей»: значитъ — любила...

Такъ вотъ и пошла она купаться съ «нею».

Тетеньки раздѣвать нельзя... племяннику, а сама она могла раздѣться — и раздѣлась... Не знаю: много ли такихъ купалось въ Москвѣ-рѣкѣ?..

Раздражительная въ высшей степени, чуткая, какъ зябликъ, ступила она въ воду, вздрагивая при каждой улиткѣ, при каждой раковинѣ, попадавшейся ей подъ ногу въ теплой и мягкой тинѣ, а Маланья вела ее подъ-руку, намыливала лоскныя черныя косы, окунывала, терла губкой и налюбоваться не могла на свою выкормленницу. Вдругъ, откуда ни возьмись, накатилъ на нихъ плотъ. Такихъ шальныхъ плотовъ на Москвѣ-рѣкѣ немало: отсталые отъ весенняго пригона плотовщики плавятъ лѣсъ съ первымъ половодьемъ къ Коломнѣ, и такъ далѣе. Большею частью, это—народъ, прогулявшійся напропалую. Ставятъ они на плоту шалашъ изъ хвороста, разводятъ подъ нимъ огонь и подманиваютъ желающихъ попутчиковъ до Коломны. Находятся мужички, монахи съ кружками и съ книжками, бабы-богомолки. Все отправляется въ

Коломну, чтобы разойтись на четыре конца Руси. Одинъ изъ такихъ-то запоздалыхъ плотовъ и наѣхалъ на тетеньку Александру Ивановну, когда ее мыла и купала Маланья. Какъ ужъ это случилось — не знаю, только тетку подтянуло подъ плотъ. Какъ взвизгнетъ Маланья, какъ бросится подъ бревно,— «такъ (послѣ церковный нашъ староста разсказывалъ—тоже въ Коломну ѣхалъ) весь, говоритъ, плотъ ходенемъ заходилъ... Ну и вытащила, только не къ намъ, а на берегъ; повыше, говоритъ, головы въ бродъ несла, окутала да и домой... Только и видѣли!»

Помню я еще, что года съ два къ намъ ходилъ квартальный нашъ надзиратель, по дѣлу «о побитіи пожарнаго служителя Канчука, находящагося въ услуженіи у господъ ***, солдатскою женкою Маланьей Матвѣевою».

На слѣдственномъ допросѣ, при увѣщаніи священника и при настоятельныхъ совѣтахъ слѣдователя, она показала только: «Еще морду хохлацкую пожалѣла, — за то: по ночи не озорничай». Замѣчательно, что ни квартальный ни слѣдователи не нашлись ничего отвѣтить.

Сматривалъ, бывало, я изъ дѣтской, какъ кормилица тетеньку къ обѣднѣ и въ гости одѣвала... Кажется, загляни кто чужой, — на мѣстѣ бы пришибла... И откуда брались у нея нѣжный звукъ голоса и мягкія ухватки? Богъ вѣсть. Съ любимцемъ своимъ Пѣтеломъ обращалась она крайне сурово, по крайней мѣрѣ, на словахъ: не броситъ и корму безъ какой-нибудь оговорки, въ родѣ: «Жри, ястребъ тебя растрепли!». Мимо Барбоски, Касторки, или Бѣлки, или Мамзельки, моихъ любимцевъ и любимицъ,—ни разу не проходила, не плюнувъ. Мало того: своего закадычнаго пріятеля, денщика квартировавшаго въ нашемъ домѣ полкового лѣкаря Чигановскаго, Ефима, звала не иначе, какъ—«дуракъ-чортъ!».

А на покойницу-тетеньку Александру Ивановну только не молилась... Правда, что недаромъ...

Помню я одно, конечно, глупенькое происшествіе, и не то чтобы помню, а припоминаю. Былъ канунъ зимняго Николы, нашъ приходскій праздникъ. Спалъ я съ братомъ, часа уже три, что ли, въ такъ называвшемся, на языкѣ нашей няньки, «шлифбанкѣ». Для незнакомыхъ съ устройствомъ этой домашней утвари скажу мимоходомъ, что шлифбанкъ, т.-е. Schlafbank—спальный шкапъ съ откидной дѣтской кроваткой, приподнимавшейся на день, и съ выдвижнымъ ящикомъ внизу. Нашъ шлафбанкъ, краса и гордость няни, былъ срубленъ неизвѣстно изъ какого и подкрашенъ неизвѣстно подъ какое цѣнное дерево тѣмъ же «дуракомъ-чортомъ», т.-е. Ефимомъ.

Шлафбанкъ имѣлъ еще, говоря должностнымъ слогомъ, особенную способность: будить человѣка, подталкивая.

Вотъ и подтолкнулъ, а я и проснулся.

Первымъ впечатлѣніемъ былъ для меня малиновый перезвонъ приходской колокольни; вторымъ была — тетенька Александра Ивановна. Въ атласной шляпкѣ, только-что принесенной отъ мастерицы съ-подъ Смоленскаго рынка, въ новомъ лисьемъ салопѣ съ куньимъ воротникомъ, охорашивалась она передъ единственнымъ большимъ зеркаломъ въ нашемъ домѣ, повѣшеннымъ какъ разъ противъ шлафбанка, въ спальнѣ матери.

И хорошо охорашивалась: черные, какъ уголь, глаза разгорались на синихъ бѣлкахъ; густой румянецъ проступалъ сквозь смуглую кожу щеки; надъ насмѣшливо приподнятой губкой темнѣли по угламъ бархатныя ушки, а желтая шляпка такъ ей пришлась къ лицу, что Маланья принялась-было ее оправлять да и заплакала.

Нужно сказать, что въ маленькой спальнѣ никого не было, кромѣ насъ съ братомъ, что братъ спалъ, что маменька ужъ была одѣта и вышла въ гостиную ѣхать въ Н. монастырь, а я притаился, — стало-быть, все и слышалъ.

Слышалъ я вотъ что:

— Съ чего ты, Маланья, расплакалась? — спрашивала тетенька Александра Ивановна.

— Матушка ты моя! Праздникъ у насъ такой страшный храмовой, а ты, сударыня, ни путемъ ни околицей — вонъ куда! Близко ли дѣло Н. монастырь! Ужъ на что пострѣлъ Максимка и тотъ говоритъ: «Мнѣ, говоритъ, съ Александромъ Константиновичемъ, коли милость свою сдѣлаютъ, хошь, пожалуй бы, въ предъ-исподнюю, да вѣдь вишь ты морозъ-то»... Вотъ такъ вотъ!.. Нанималъ тогда сани для маменьки и для тетеньки Александръ Константиновичъ... Пара была ухарская... Вотъ и поѣхали, Александръ Константиновичъ на запятки сталъ...

А позабылъ я про то, что умерла тетенька Александра Ивановна, и что увезли меня съ братомъ въ Конюшки. Первые два дня я какъ-то промаялся: то посмотрю, какъ дяди картинки раскрашиваютъ, картинки божественныя, отъ Иверскихъ воротъ, по копейкѣ съ листа; то послушаю, какъ нянька Аграфена сказку разскажетъ «Про льва и про розу», а въ ней и гребенка раскинется пригоркомъ, и щетка лѣсомъ; то послушаю загадки отъ дѣвки Варвары и стану втупикъ хоть передъ такою бы: «Маленькій, горбатенькій, все поле проскакалъ. Зелена дуброва спрашиваетъ: — Маленькій, горба-

тенькій, куда ты бѣжишь? — Зелена дуброва, тебя стерегу». Кромѣ того, я развлекался еще и тѣмъ, что забѣгалъ на кухню и, къ вящшему раздраженію поварихи Ѳедосьи, бросалъ на раскатные утюги комочки смолы, похищенной изъ извѣстнаго мнѣ бурака. Дымъ вставалъ коромысломъ: поднимался шумъ и гамъ; а мнѣ было весело — на два дня и на двѣ ночи... Пришла третья: ея-то и не забуду.

Съ вечера затрясла меня лихорадка, такъ что старшій дядя уложилъ меня на постель вмѣстѣ съ собою и въ сотый разъ принялся разсказывать «анекдотъ» о томъ, какъ обворовали приглуповатаго мужика. Анекдотъ замѣчателенъ по своему простодушію и гласитъ тако:—«Малко!»—«Что̀ дядюшка?»—«Что̀ это тамъ постукиваетъ?» — «Котанка съ крысанкой поигрываетъ».

Эти рѣчи, для вящшаго успокоенія ребенка, повторялись до тѣхъ поръ, пока не успокоится самъ риторъ.

Такъ и было: успокоился.

Но не успокоился его слушатель...

Внезапно, при свѣтѣ трехъ сальныхъ оплывшихъ огарковъ, раскрылись передъ мысленнымъ его взоромъ двери знакомой комнаты, показалась старшая тетенька со свѣчой, показались еще двѣ старушки - сосѣдки, съ двумя другими свѣчами, а за ними — прямая, какъ плаха, бѣлая, какъ известь, выдвинулась восковая фигура покойницы. Ее обмыли, внесли въ залу и положили на столъ...

Первый разъ, какъ я поглядѣлъ на нее, у меня родилось непреодолимое желаніе—поднять ей вѣки и посмотрѣть въ глаза...

Я бъ это и сдѣлалъ, если бы былъ одинъ... Но въ переднемъ углу передъ образомъ царицы Александры (вымѣняла Маланья, выкормивъ тетку) читалъ псалтирь Александръ Константиновичъ, а я его боялся...

Читалъ онъ, словно плакалъ...

Вотъ вѣдь странно, что на все есть примѣты, а на голосъ— нѣтъ... Или не было ихъ на голосъ Александра Константиновича; если разъ что̀ сказалъ — нельзя было не повѣрить... А пѣлъ... Боже мой, какъ онъ пѣлъ! Какъ онъ игралъ на гитарѣ!.. Рано снесли его на вѣчный покой...

Ловко передернула меня тогда лихорадка, такъ-то ловко, что выносъ могъ бы быть двойнымъ... Прижавшись въ углу у печки, слушалъ я незабвенные звуки и всматривался въ покойницу. Лежала она передо мной — спокойная, гордая, съ потухшимъ взглядомъ, застывшей улыбкой, но все еще словно живая... И такъ же, какъ и при жизни, смотрѣла на нее изъ передней кормилица, вѣроятно, думавшая, что барышня за-

спула, и такъ же мѣрно и стройно слагалися въ пѣсню псалтирные звуки: «Услыши, Боже, гласъ мой, внегда молитимися къ Тебѣ: отъ страха вражія изми душу мою»...

Еще лучше, еще красивѣе вынесли тетеньку Александру Ивановну на паперть...

На третьей всходной ступенькѣ, когда крышка гроба была уже прислонена къ лѣвому раствору папертныхъ дверей, гробъ покачнулся—случайно; случайно же разнялись руки покойницы, и правая ударилась о плечо Александра Константиновича... Тетеньку отпѣли и схоронили въ Н. монастырѣ, а черезъ недѣлю Александръ Константиновичъ сошелъ съ ума и умеръ, и похороненъ на какомъ-то московскомъ кладбищѣ...

Вотъ что̀ начинаю припоминать я лично: былъ это, кажется, 1829 годъ. Съ утра до вечера слышалъ я о необыкновенномъ дарованіи Козлова, слыхалъ о его «Безумной», а главное—объ его «Чернецѣ»:

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ...

Образъ козловскаго «Чернеца» преслѣдовалъ меня и днемъ и ночью. Но если онъ преслѣдовалъ меня, мальчишку, какъ же онъ долженъ былъ преслѣдовать женщину, готовую на всякое самопожертвованіе и озаренную страстью? Тетенька была точно озарена и знала наизусть всего «Чернеца» Козлова.

Окрестныя московскія обители всегда славились благолѣпіемъ и чиномъ церковнымъ. Толпы усердныхъ богомольцевъ не переставали наполнять монастырскіе храмы. Къ числу такихъ набожныхъ богомолицъ принадлежала и моя бабушка, еженедѣльно посѣщавшая Н. монастырь и знакомая съ отцомъ-настоятелемъ и съ нѣкоторыми старцами изъ братіи. Двое или трое изъ нихъ бывали изрѣдка и у насъ. Проникнутая съ юныхъ лѣтъ духомъ благоговѣйной набожности, тетенька сердцемъ поняла святое чувство, вдохновившее поэта, и вдохновилась сама.

Прошло лѣтъ двѣнадцать... Успѣлъ я пройти по всѣмъ учебнымъ мытарствамъ, и приличнымъ чиномъ былъ награжденъ, и въ Москву, на государственную службу, пріѣхалъ изъ Питера... Подросъ до корнета и мой братъ, подросла до невѣсты и сестра, подросли и знакомыя мнѣ московскія деревья, подросли и новые дома, особенно каменные, а наши переулки словно въ землю вросли, и вросли—«во всѣхъ и во вся», начиная съ домовъ и заборовъ, кончая стародавними обитателями и—грустно вымолвить—обитательницами... Больше всѣхъ вросла въ землю Маланья Матвѣевна, просто корни

пустила... Но ужъ зато я готовъ побиться объ закладъ, что коренастѣе и здоровѣе бабы не было около Москвы, пока проклятой сороки не встрѣтишь. Случилось съ ней, конечно, не съ сорокой, а съ Маланьей, въ эти тода вотъ что̀: полюбила!.. И полюбила-то ужъ нѣсколько знакомаго намъ столяра-солдата Ефима, денщика полкового лѣкаря Чигановскаго, того самаго Ефима, что̀ построилъ пресловутый шлифбанкъ, словомъ — «дурака-чорта». Любила она его и прежде, да все не такъ.

Личность Ефима и отношенія его къ Маланьѣ братъ мой развиваетъ очень удачно—конечно, поэтизируетъ... «Видишь,— говоритъ:—сначала она его ненавидѣла, а помнишь, какой былъ красавецъ?.. Только, братецъ ты мой, послала бабушка Ивана Степановича въ городъ... На Никольской извозчикъ переѣхалъ камень, раздавилъ, а Иванъ Степановичъ да и ахнулъ. Самъ разсказывалъ послѣ: «Думалъ, говоритъ, и не вѣдомо что̀ нашелъ: брильянты, и полно!..» Извозчикъ проѣхалъ и знать себѣ не знаетъ, что раздавилъ? А Иванъ Степанычъ—не будь глупъ—камень домой принесъ да на чердакѣ въ песокъ зарылъ—знаешь: въ уголку, въ томъ, въ правомъ, у галочьяго гнѣзда... Ну, еще гдѣ няня рябушку подложила? Пронюхалъ про это Ефимъ, и маршъ на чердакъ! А Маланья на чердакѣ бѣлье вѣшала, и свѣтелка была отперта... Да!..»

Да, скажу и я. Зналъ я и переѣханный булыжникъ, похожій на брильянтъ, зналъ и галочье гнѣздо, зналъ и отпертую свѣтелку, зналъ и рябушку: безо всякаго сомнѣнія, высидѣла ее галка, въ тотъ самый годъ, когда надъ одичалымъ нашимъ захолустьемъ вспыхнуло на небѣ нѣчто знаменательное. Чтобы не объясняться, скажу просто,—знаменье небесное. Вѣроятно, въ тогдашнихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, на одномъ изъ заднихъ столбцовъ, было написано:

«28 сего декабря (годъ подразумѣвается). Въ созвѣздіи Кассіопеи была транслюцинація мѣсяца, съ темными пятнами на концахъ крестообразно преломившихся лучей».

А говоря по-русски, вотъ что̀ было:

Справлялось у насъ какое-то семейное празднество, по извѣстнымъ обрядамъ; прислуживалъ вмѣстѣ съ Кирилычемъ многократно упомянутый мною Иванъ Степановичъ, онъ же и мистикъ, и положительно старообрядецъ. Разсказывая о Кирилычѣ и о Софьѣ, я уже говорилъ объ Иванѣ и о его женѣ, Марьѣ. При второмъ чайномъ подносѣ онъ вошелъ въ гостиную, блѣдный, какъ полотно, поставилъ подносъ на столъ и сказалъ громко:

— Бѣсовствовать бѣсовствуютъ, на Бога не оглянутся — а на небѣ-то вонъ что̀!

Сказалъ, а самъ дрожитъ, словно гдѣ перезябъ. Взглянула на него бабушка, то-есть не конюшковская бабушка, а прямая моя, по маменькѣ, взглянула и спрашиваетъ:

— Что̀, Иванъ?

— Извольте, сударыня, салопъ надѣть...

Бабушка поблѣднѣла — сама суевѣрна была, сжала губы, вышла въ спальню, накинула салопъ и на крыльцо съ Иваномъ, а я, какъ былъ,—втихомолку, за ними, на дворъ. Было на что и поглядѣть...

На дворѣ были всѣ наши собаки, поднявши морды; а на небѣ, перерѣзавъ мѣсяцъ, тянулась яркая, хрустальная полоса, съ фіолетовыми ушами на концахъ; черезъ полчаса она перерѣзалась отвѣсно такой же хрустальной полосой, такъ что на небѣ образовался крестъ...

Покамѣстъ на него крестились бабушка и Иванъ Степановичъ, забывъ о гостяхъ, дѣтское мое птичье ухо подслушало въ кухонныхъ сѣняхъ голосъ Маланьи Матвѣевны.

— Нѣтъ, — говорила она: — ты не дрожи, а вотъ этимъ крестомъ поклянися, что не врешь!

— Страшно, Маланья Матвѣевна, съ этакимъ Божьимъ явленіемъ... Того...

— Дурень!.. — загремѣлъ голосъ Маланьи.—Курица!.. Рябушка!.. Подъ галкой высиженъ!..

Оттого-то помню я галочье гнѣздо, и рябушку, и небесное знаменье, и—коли ужъ все договорить, переходя къ разсказу брата, отзывъ Кирилыча, какъ о небесномъ знаменіи, такъ и о Маланьѣ съ Ефимомъ. О первомъ онъ отозвался кратко:

— Кто ихъ тамъ знаетъ! Вонъ мнѣ въ Судогдѣ разсказывали: не то по два уха, по шести у мѣсяца бываетъ... Все потому, что съ Востока...

О Маланьѣ съ Ефимомъ—только рукой махнулъ.

А братъ вотъ что̀ дальше разсказывалъ:

— Такъ, видишь, пошелъ Ефимъ на чердакъ — камень взять, показать Матвѣю Андреевичу, не то чтобъ... украсть, а просто хотѣлъ показать. Сталъ отрывать, а Маланья и увидала. Подскочила...

Первый и послѣдній разъ, когда я слышалъ всю эту исторію отъ брата, я перебилъ его разсказъ вопросомъ:—«Да ты-то почему все это знаешь?» Отвѣчалъ:—«Саша мнѣ разсказывала, да, пожалуй, и тебѣ разскажетъ».

«Пожалуй»,—подумалъ я про себя и спросилъ у брата: — Да... такъ что̀ же?

— Ну, ничего... Подскочила: — «Ты что̀ тутъ роешься?» говоритъ. А тотъ ей: — «Нешто глаза пропила, что не видишь?»

Впрочемъ, «во избѣжаніе утружденія читателя многословіемъ», перескажу за брата покороче, что Ефимъ съ Маланьей объяснился и договорился до того,—какъ его барину давно такой камень нуженъ, потому, молъ, что причину всякой смерти объясняетъ; что, какъ услыхала объ этомъ Маланья, кинулась на Ефима... «Побожись, что барышнѣ скажешь?.. Такъ вотъ и свѣтелка отперта...»

Ефимъ побожился...

Черезъ двѣнадцать лѣтъ, воротясь въ Москву, какъ было сказано, я успѣлъ приглядѣться къ Маланьѣ Матвѣевнѣ и подружиться съ ней. Сдружило насъ съ нею обыденное обстоятельство.

Пріѣхали къ Маланьѣ племянникъ и племянница — одинъ съ муравьинымъ спиртомъ и съ красно-выплетенными лаптями, другая съ орѣшками, съ творожными лепешками, съ конопляннымъ сѣменемъ,—тетушкѣ на поклонъ. Попались они мнѣ на глаза въ то самое мгновеніе, когда для ихъ розвальней растворялъ наши ворота Николаичъ, когда-то нашъ кучеръ, когда-то извозчикъ — самъ по себѣ, когда-то прислужникъ въ пансіонѣ моего дѣда, и когда-то при томъ польскій шляхтичъ, отыскивавшій всю свою многотрудную жизнь утраченные родовые документы. Поговорить о немъ можно было бы много, да къ дѣлу не идетъ, а у насъ онъ жилъ—такъ... потому что прижился къ дому издавна. Приворотной собакой былъ у насъ тогда, по-господски, Геркулесъ, а по дворнѣ, Аркулиска, деревенская собака на показъ, такъ что племянникъ Маланьи обомлѣлъ отъ восторга. Вотъ о племянникѣ-то Маланьи Матвѣевны я ужъ не могу не сказать нѣсколько словъ. Парень онъ былъ долговязый, полусонный, а медвѣдя сломилъ бы, если бъ разбудили. Понравился ему Аркулиска по заливному лаю, да такъ понравился, что я кусокъ отъ сердца оторвалъ—приказалъ дома: «Какъ хотите!». А Матвѣй безъ меня Аркулиску и увезъ въ деревню. Тогда же, за половину поднесенныхъ мнѣ лепешекъ, орѣшковъ и пр., да еще за строченый красной бумагой ручникъ, подарилъ я племянницѣ Маланьи Матвѣевны—благо замужъ шла—фольговыя серьги, ситцу аршинъ четырнадцать, и на ея имя образъ вымѣнялъ. На прощанье и племянника и племянницу Маланьи попросилъ я Кирилыча и няню угостить, какъ водится — ну и угостили. Все это расположило въ мою пользу Маланью

Матвѣевну: прежде смотрѣла она на меня чортомъ, а тутъ полюбила.

Вотъ какъ полюбила она меня — я выражаюсь невѣрно: не полюбила, а спасибо, допустила мое существованіе на Божьемъ свѣтѣ — вотъ и поразсказала, огрызаясь... Другого выраженія я не подберу.

Было такъ. Занемогъ я, а моимъ слѣдовало на родственныя именины уѣхать, а няня, со всей почти дворнею, на тѣ же именины отпросилась, и остались въ домѣ только жена Николаича Аксинья, на кухнѣ, да Маланья пришла ко мнѣ посидѣть. Совсѣмъ сердита была и черезъ плечо глядѣла.

Какъ ужъ это вышло—не знаю, разговорилъ я ее, сначала про деревню, потомъ про доктора Чигановскаго, потомъ про Ефима, потомъ...

Да лучше, хоть съ грѣхомъ пополамъ, припомнить ея слова. Говорила:

— Чай, тебѣ скучно, батюшка, лежать-то?

— Скучно, кормилица!

— Да, да... Денька три—все ничего, а вотъ какъ...

Она вздохнула, пододвинула къ себѣ свѣчку и стала поднимать спущенную петлю шерстяного чулка.

— Плохо стала видѣть по вечерамъ, да и руки ужъ не тѣ, что̀ прежде... Бывало, зажмурившись вяжешь покойницѣ чулочки, аль косыночку, аль что̀...

— Какой покойницѣ? — спросилъ я невпопадъ.

Маланья покосилась на меня, какъ волчиха, и петлю порвала.

— Вишь, шерсть-то нонче!—прорычала она и плюнула.— Эка гниль окаянная, прости Господи!..

Я догадался, въ чемъ дѣло, и спросилъ:

— Ты только шерстяные чулки и вяжешь?

— Только... про себя... — отвѣчала Маланья полусердито и задумалась...

Меня начинала клонить дремота; я хотѣлъ-было повернуться на другой бокъ и заснуть, какъ вдругъ Маланья неожиданно заговорила:

— Вязывали мы прежде, отецъ мой, всякіе, не то бѣленые аль нитяные, вязывали и шелковые, и въ узоръ, и такъ... Бывало, къ Рождеству, бѣдно-бѣдно, все три пары узорныхъ шелковыхъ вывяжешь, а какъ вѣдь иной разъ подгонишь: ножка-то, словно облитая, такъ тебѣ насквозь и просвѣчиваетъ...—Маланья положила чулокъ и усмѣхнулась... — Разъ этакъ-то, подъ Александринъ день, вяжу я, и ужъ одинъ чулокъ связала, а у другого пятку спускаю, — входитъ въ дѣ-

вичью Глафира Исаковна, знаешь, батюшка, судейша, намъ знакомая, изъ... какъ, бишь, его, городъ-то... мудреный такой?

— Изъ Каргополя, что ли? — подсказалъ я.

— Ну-ну-ну! Изъ Каркъ-Поля... Мы еще все смѣялись: «Что̀, молъ, у васъ за городъ: «Каркъ-Поле»? Воронья, видно, у васъ много?»

— Да, я ее помню.

— Помнишь,—по дѣлу въ Москву пріѣзжала, такъ у насъ останавливалась. Вотъ та самая, Глафира Исаковна... Поглядѣла на чулокъ да и говоритъ: «Экъ у васъ въ Москвѣ богачество какое: и цыплята въ шелковыхъ ногавкахъ ходятъ!» Смѣшливая была...

Маланья вздохнула и помолчала.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ тетенька хороша была, — сказалъ я.

Щеки Маланьи зардѣлись; она поправила посѣдѣлые волосы подъ черный платокъ (другихъ она со смерти тетеньки Александры Ивановны не носила, развѣ только по праздникамъ— коричневый), уставила глаза въ брошенный чулокъ и начала, словно про себя, пошептомъ:

— Хороша была... Зато ангельскимъ душамъ долго на вѣкѣ и не живется, что не про кого... Въ Свѣтлый день станетъ у заутрени на «мѣстечкѣ», за плащаницею, — и не видать ея, моей голубушки... Затѣмъ и становилась тамъ, чтобъ на нее озорники въ храмѣ Божіемъ не оглядывались... А ужъ коли въ воскресный день выйдетъ отъ поздней обѣдни, такъ на паперти и продору нѣтъ: вотъ обступятъ всѣ двери зѣвалы — офицерство и прочіе разные, даже каретамъ подъѣхать не даютъ: развѣ каретѣ полковой командирши просторъ дадутъ, а что остальныя — подожди. Постоитъ старая барыня съ красавицей моей, съ покойницей, постоитъ на паперти — и всѣ мы тутъ за ними — мигнетъ Ивану Степанычу — тотъ: «Господа, господа! Барынь пропустите, Христа ради!..» Какъ къ стѣнѣ горохъ!.. Вотъ когда Александръ Константиновичъ — онъ, бывало, съ нашими завсегда — насупитъ этакъ брови да таково твердо выговоритъ: «позвольте, господа, дамамъ пройти!» — ну! тутъ ужъ и пропустятъ, только сами слѣдомъ вплоть до нашихъ воротъ, и все на Александра Константиновича сзади въ полшепта усѣкаютъ... Какъ они усѣкали-то!..— «Индюкъ, индюкъ!..» Нѣтъ, не индюкъ: «Рябчикъ! Рябчикъ!» Тотъ до калитки молчитъ, а захлопнулъ калитку за нашими, доведетъ ихъ до крыльца, салопъ, али тамъ что̀ ни на есть, скинетъ, и опять на дворъ, — крикнетъ: «Николаичъ! Степанычъ!.. Кто тамъ?... Аграфена Станиславовна приказала отъ

калитки соръ отмести!» Озорниковъ-то стыдъ и возьметъ: прочь, да и прочь!.. Которые посмѣлѣе, тѣ не проймутся: во флигель къ намъ, къ дохтуру, къ жильцу...

— Это къ Чигановскому-то? — перебилъ я Маланью.

— Къ нему, къ нему, батюшка мой! — отвѣчала она торопливо. — И какъ тутъ разсудить?.. — прибавила она, покачавъ головой: — на что ужъ былъ мятотена, ужъ подлинно подъ стать своему дураку-то чорту... али тотъ ему...

Маланья опять замолчала и сжала губы.

— Такъ что̀ жъ? — спросилъ я у нея.

Спохватилась:

— Ну, то-то же!.. Наше дѣло, извѣстно: послѣ обѣдни господамъ пирогъ подать, да еще подожди — когда отмякнетъ, а тутъ и самимъ за обѣдъ пора... И какъ это тогда Иванъ Степанычъ красно разсказывалъ за обѣдомъ — и про службу Господнюю и про уставъ церковный!.. Кажись бы: вотъ сами все измладу слыхали, а нѣтъ: не было того, батюшка, у насъ вразумѣнія... Онъ вѣдь изъ книжныхъ былъ и такое разсказывалъ, что ужъ и не поймешь — индо страшно да жутко станетъ... Встанешь изъ-за стола...

— Что̀ жъ ты про Чигановскаго-то говорила? — перебилъ я еще разъ Маланью.

Совсѣмъ успѣла оправиться:

— А нечего и говорить про него — окромя, что смирный былъ, тихій; все за книгами, да за склянками, да за банками, за порошками этими... Вотъ ужъ порошковъ его я не любила...

— А офицеры ходили къ нему часто?

— И!.. День-денской — труба неотолчоная...

Тутъ Маланья, вѣроятно, припомнила — на чемъ оборвался ея разсказъ.

— Опричь послѣдняго года, что̀ у насъ выжилъ, — подхватила она. — Опричь послѣдняго года. Тутъ ужъ онъ затворился, что̀ — надо сказать — келейникъ, и Ефиму не велѣлъ никого къ себѣ пускать, а разъ ворвался къ нему какой-то шальной изъ полковыхъ, такъ съ тѣхъ поръ наказалъ съ утра замо̀къ на дверь снаружи вѣшать — дома ли, не дома ли — все одно. Говоритъ Ефиму: «будешь нуженъ, позвоню». Звонокъ у него на весь дворъ былъ, вальяжный этакій — полковая командирша подарила...

— Стало, по воскресеньямъ офицеры понапрасну захаживали?

— Отъ воротъ да и поворотъ! Самъ-отъ и взаправду куда уѣдетъ, а Ефимъ — тому что̀!.. Сидитъ у насъ до ночи на кухнѣ, благо приперто... Разъ доискался его одинъ полковой... Сидитъ — мы обѣдаемъ, и Ефимъ съ нами... Шмыгъ мимо

кухоннаго окошка да увидалъ, что Ефимъ у насъ: къ окну, и забарабанилъ... Тотъ — сейчасъ въ сѣни. — «Гдѣ докторъ?» — «Не могимъ, молъ, знать-съ».—«А ключъ фатерный у тебя?» — «Никакъ нѣтъ-съ... съ собой изволили взять». — «Скажи, что завтра я къ нимъ заверну, часу въ десятомъ». — «Слушаю, молъ, ваше благородіе!» Да такъ круглый годъ и заладилъ, дуракъ-чортъ!.. Знамо дѣло — самъ баринъ приказалъ: «Не бойсь, молъ: говори, что̀ указано...» Нешто ослушаешься?..

Маланья окончательно попала въ свою колею, и безъ умолку раздавался ея голосъ, не переводимый залетнымъ на святую Русь словомъ и звукомъ «контральто»:

— Пройдохи были эти полковые!.. Который найметъ лихача, да мимо нашихъ оконъ и снуетъ по переулку, потому — знаетъ, когда покойница подъ окошко сядетъ бисеромъ картинки вышивать отъ руки, кошельки вязать, пяльцы перетягивать съ Александромъ Константиновичемъ... Который новую шинель съ мѣховымъ воротникомъ надѣнетъ, мимо оконъ идетъ, въ землю смотритъ, а самъ фуражечку приподниметъ, улыбнется, поклонится, и мимо прошелъ — словно и не онъ. Который на куцаго коня сядетъ и затянетъ ему поводья подъ самымъ подъ окошкомъ, а тотъ и станетъ свѣчкой... Двое такъ та̀къ ухитрились: недостроенный домъ нашего лѣсника насупротивъ наняли... Одинъ на гитарѣ перебираетъ, а другой оретъ во все горло — черезъ три дома слышно... Были и такіе, что̀ къ нашему батюшкѣ ходили и просили въ упросъ — познакомилъ бы... А одинъ — послѣ командира былъ у нихъ набольшій — тотъ три, можетъ, и четыре раза свахъ засылалъ... Да старой барынѣ не хотѣлось спозаранокъ милой нашей зорьки тушить... И то сказать: отдай-поди за военнаго, походнаго, а тамъ и прости-прощай! Ищи ее, горемычную, по бѣлу свѣту молитвами грѣшными...

Пробило ледяную кору вешнею струей; умилилась Маланья Матвѣевна и глаза рукавомъ утерла. Только умилилась она ненадолго!

— Ну ихъ къ нечистому, матушки мои! — крикнула она, позабывъ о моемъ присутствіи. — Кабы не мое было дѣтище вскормленное, нешто сказала бы? А тутъ ни съ того ни съ сего отдавай свою челушку за чужъ-чужанина треклятаго... Непутно было бы ему... Прости, Господи! — дополнила она, но — надо быть правдивымъ — едва не позабыла дополнить: до того разсерчала... — Всяко на свѣтѣ бываетъ, матушки мои! Бываетъ и изъ одного гнѣзда парочка... а черезъ другое-то на третье — не занимать стать!.. Что̀ жъ! И на духу скажу: ну, троюродный, да и то отъ колѣна отъ нашего,

бабьяго... Нешто великъ грѣхъ?.. Спрашивала я въ ту пору у отца нашего дьякона: — «Разрѣшается, — такъ и сказалъ:—разрѣшается съ епитимьею»... А Иванъ Степанычъ— завела я разъ рѣчь околицей — тотъ ужъ тò говорилъ, что я и рукой махнула. Одно взять бы въ толкъ, родимыя, что росли, другъ на друга глядючи, дружка дружку облюбляючи...

Я вспомнилъ, что Маланья была знахаркой и отмѣнной свахой, пѣвицей, испугался знакомой мнѣ голосьбы и поспѣшилъ предупредить ее вопросомъ:

— Развѣ Александръ Константиновичъ очень любилъ тетеньку?

— Онъ-то! — крикнула Маланья, да тѣмъ и кончила, что крикнула — окоченѣла, будто ее окунули въ прорубь.

Цѣлыхъ полчаса, невзирая на всѣ мои старанія, я не добился отъ нея ничего, кромѣ: — «Чего изволите?.. Извѣстно ужъ: дѣло барское!.. Мало ли чтò говорятъ!..» и т. д.

Все это было сказано порваннымъ голосомъ, при самой тупой улыбкѣ...

А тутъ, на горе, залаяли наши собаки, заскрипѣли у воротъ полозья, послышалось неуловимое «тпру!» — и на конецъ концовъ...

— Наши! — проговорила Маланья, унося отъ меня нагорѣвшую свѣчу, и мнѣ осталось пожалѣть въ потемкахъ, что я вторично неумѣстно предложилъ вопросъ кормилицѣ...

Осенью на нашей погребницѣ происходила суматоха: вкатывались въ нее переуторенныя и запаренныя кадки, вносились корыта и отточенныя сѣчки, то и дѣло въ растворенныхъ дверяхъ появлялась и принимала разную утварь Маланья Матвѣевна, съ засученными по локоть рукавами; въ распахнутыя ворота въѣзжали два огородничьихъ воза, заваленные горой ядреными кочнями; вообще суетилось на дворѣ все: и Кирилычъ, и Николаичъ, и бабье; суетились даже куры, и ранняя ворона — и та суетливо расхаживала по крышѣ голубятни... Пахло сѣномъ и овсомъ изъ торбъ, кинутыхъ на передки возовъ. Въ окна глядѣли знакомыя лица. На крыльцѣ стояла нянька и считала на ладони деньги, отпущенныя огородникамъ, а огородники стояли передъ нянькою безъ шапокъ и требовали на водку, какъ и водится... Всю эту картину увидѣлъ я, подъѣхавъ къ нашимъ воротамъ изъ присутствія, и, конечно, догадался, что сегодня у насъ рубятъ капусту...

Все дѣтство, все его необъяснимое обаяніе стало передо мною въявь, съ его присущими, живыми и съ его отлетѣлыми,

но не мертвыми призраками. Стою на томъ, что не мертвыми, а только отлетѣлыми — ищи: куда?

Былъ ли я въ такомъ настроеніи духа, чтобъ жить въ прошедшемъ, или просто захотѣлось мнѣ размять плечо послѣ канцелярской срочной — а по выраженію всѣхъ моихъ домочадцевъ—«строчной» работы, не помню, — только, отобѣдавъ наскоро, побѣжалъ я также на погребицу и также принялся прорубать «бѣлую, полубѣлую и сѣрую» капусту до дна кадки.

Весело кипѣла работа; мельче и мельче крошились подъ сѣчками капустные листы всѣхъ наименованій; обструганныя кочерыжки валились цѣлой грудой въ одинъ изъ угловъ погребицы... А на нашъ дворъ, вмѣстѣ съ звуками вечерняго колокола, налетали сумерки... Надобно было свѣчу зажечь, а тѣмъ временемъ и отдохнуть, чего ради «люди» отправились на кухню, и остались на погребицѣ только двое: Маланья да я, Маланья—потому что не управилась съ какимъ-то кочнемъ, заготовляемымъ въ запасъ для зимнихъ лѣнивыхъ щей, я—потому что просто не хотѣлось уходить... Въ это время по замерзавшей рѣкѣ докатился до насъ, въ глухихъ отзвукахъ, отдаленный благовѣстъ.

— Въ Донскомъ? — невольно спросилъ я Маланью.

— Нѣтъ, — отвѣчала она отрывисто и, вѣроятно, обрѣзала себѣ руку, потому что вслѣдъ затѣмъ вскрикнула:—Ахъ, ты, ржа копеечная!

— Гдѣ же?

— А я почемъ знаю?.. Мало ли монастырей! Можетъ, въ Симоновѣ.

— Да вѣдь далеко...

— Что̀ жъ, что далеко?.. Видѣли—по рѣкѣ «сало» поплыло...

— Ну?

— Ну, по салу все ходчѣй: стало, и благовѣстъ... Кесарь ты подлавочный!.. Туда же! — ворчала Маланья, видимо, не желая продолжать со мной разговора.

Я это и зналъ, хотя бы по одному слову: «вы», но поупрямился и попытался продлить бесѣду; только переупрямить Маланью было не легко: на первый мой вопросъ она проворчала: — «Матушки, про квашню-то и позабыла!» — и ушла въ кухню.

Потомъ долго не случилось мнѣ поговорить съ Маланьей. Но въ рождественскій сочельникъ заглянулъ я на кухню и засталъ Маланью одну: прочіе были отправлены на рынокъ за праздничной провизіей. Дѣло было послѣ вечеренъ; смеркалось. Въ прибранной кухнѣ у стола сидѣла Маланья, подпершись рукой объ щеку, и плакала...

— Что̀ пригорюнилась? — спросилъ я ее, ударивъ по плечу.

— Ничего, батюшка ты мой! — проговорила она, всхлипывая. — Такъ, съ чего-то тоска обуяла... Подумаешь-подумаешь: великъ день Господень... Розговѣнье... а и разговѣться-то не съ кѣмъ...

Она опять начала всхлипывать и причитывать:

— Голубушка ты моя, душка твоя ангельская! Дождалась ты втѣпоры: Филипповки отговѣла, а Великимъ постомъ поговѣть не привелося... Охъ, ты, моя побѣдная, безсчастная!..

Я видѣлъ, что кормилица въ полномъ умиленіи, и спросилъ напрямикъ:

— Скажи ты мнѣ, Маланья Матвѣевна!.. Давно ужъ я хотѣлъ спросить тебя: съ чего это «ее» въ недѣлю такъ скрутило?

— Вотъ поди ты, батюшка!.. Этакій цвѣточекъ-то аленькій словно морозомъ какимъ недобрымъ пришибло!.. Всѣ тогда диву дались... Сама три года не знала, да послѣ ужъ...

— Ты разскажи мнѣ, какъ есть, по порядку, а я вотъ присяду да послушаю.

— Присядь, присядь, батюшка!.. Да что̀ разсказывать-то!.. Божья воля!.. Христова невѣста красавица моя!..

Тяжело-тяжело вздохнула Маланья, отерла слезы, насупила брови и заговорила рѣзко:

— Не спросту, батюшка, бѣда приключилася, горе-бѣда неотвязная... Вотъ вы, люди ученые-грамотные, разберите-ка!.. Попрежъ всего сказать, что началось подъ святъ-великъ праздникъ, подъ Миколу угодника зимняго. Погляжу я, съ вечера подкатили къ намъ сани — ровно свадебныя, съ дружкою, а дружка-то вылѣзъ, Александръ Константиновичъ... Шинелька на немъ съ бобрами, шляпка новехонькая, самъ идетъ по двору козыремъ... «Эна, молъ! Мати пресвятая Богородица! Что̀ такой нарядный да на запряжкѣ на этакой княжеской?» Побѣжала въ горницы, а покойница-то мнѣ какъ разъ навстрѣчу: — «Скажи, голубушка кормилица: утюги бы поставили, а сама ко мнѣ приди». И того не легче: иду по сѣнямъ, крещусь да думаю: — «никакъ Господь радость посылаетъ?» Поставила сама утюги, прихожу въ барышнину комнату, а ужъ Сашенька моя передъ зеркаломъ — въ одной сорочкѣ и косу распустила. — «Расчеши меня, говоритъ, кормилица!» — «Да куда, молъ, ты это, свѣтикъ мой, собираешься?» — «Въ монастырь, Маланьюшка, въ монастырь, къ заутренѣ». — «Что̀ жъ такъ рано одѣваться изволишь?» — «Что̀ за рано? Пока причешусь, пока одѣнусь, пока что̀... А вѣдь ѣхать далеко... Да и маменька, знаешь, долгихъ сборовъ не любитъ: не задержать бы какъ; лучше ужъ загодя».

Стала я ей косу расчесывать, одѣвать стала... Подаю башмачки: «не эти, говоритъ,—новые». Ну, новые. Одѣлася, пошла въ гостиную, сѣла рядышкомъ подлѣ Александра Константиновича,—и стали промежъ себя лепетать... Время-то не видно, а глядь—и къ полночи. Старая барыня вышла изъ спальни одѣтая:—«Всѣ ли готовы?» спрашиваетъ. Мои-то шушукаютъ и не слышатъ, такъ ужъ я за нихъ—отворила дверь изъ передней: — «Всѣ, говорю, сударыня, готовы». А она: — «Надѣвай, Сашенька, салопъ и шляпку—ѣдемъ... Не близкій свѣтъ». Надѣла я на покойницу салопъ и шляпку съ иголочки, перчаточки подала ей, а она шмыгнула въ вашу спаленку, свѣчку взяла, да передъ большимъ зеркаломъ молодой барыни и охорашивается, и охорашивается. Пытала я тогда ей говорить: «охота-де тебѣ, отъ своего храмового праздника, въ такую даль да въ такой морозъ ѣхать?»—Словно не слыхала: только охорашивается... И ужъ посмотрѣлъ бы ты тогда на нее, батюшка мой!..

Не знала кормилица, что я смотрѣлъ, и продолжала:

— Воротились они къ позднимъ обѣднямъ, — значитъ: заутреню и раннюю обѣдню въ монастырѣ выстояли. Сашенька прямо къ себѣ:—«Богъ милости прислалъ,—говоритъ мнѣ. — Раздѣвай меня скорѣе... перезябла!..» Чего перезябла!—вся такъ и горитъ... Раздѣла, уложила, укутала, чай несу—машетъ рукою: не нужно, не нужно!—«Попей, молъ, чайку, красавица моя, погрѣйся, разскажи, чѣмъ васъ Господь сподобилъ?» — Завернулась съ головой въ одѣяло: «послѣ!»—говоритъ. Съ этого самаго «послѣ» и пошло... Стала моя Сашенька сама не своя...

Поблѣднѣла, осунулась, куда дѣвичій смѣхъ и веселье дѣвались!.. Сидитъ съ утра до вечера надъ пяльцами: пелену въ монастырь по глазету синелью вышивала... И скажетъ ли, нѣтъ ли съ кѣмъ слово день-то денской... На что ужъ Александръ Константиновичъ — по цѣлымъ часамъ, бывало, говорятъ не наговорятся,—а тутъ и съ нимъ молчокъ, только и повеселѣетъ, какъ старая барыня съ ней въ монастырь поѣдетъ... Что̀ она прежде пѣсенъ пѣвала: щебечетъ цѣлыя сумерки, что̀ пѣночка, а Александръ Константиновичъ вторитъ ей, на гитаркѣ подтренькиваетъ. Съ Миколина дня — полно: нешто когда Александра Константиновича попроситъ: — «Наиграйте, братецъ, «Помилуй мя, Боже!». Наиграетъ Александръ Константиновичъ, и оба подпѣвать начнутъ, хорошо начнутъ подпѣвать, даже старая барыня выйдетъ къ нимъ изъ спальни, сядетъ на софу и слушаетъ... Да вотъ еще у нея отъ сердца отлегало, какъ пріѣдетъ Олимпіада Петровна и тетрадку съ собой привезетъ, и начнутъ онѣ Александра Константиновича

упрашивать: «почитайте, почитайте!». Отнѣкивается-отнѣкивается и начнетъ читать... Когда придешь и сама изъ передней послушать, взглянешь, — Сашенька блѣдная такая, губы закусываетъ, а Олимпіада Петровна навзрыдъ плачетъ: надо-быть, написано было жалостно... Знать, нонче такъ не пишутъ...

Здѣсь я необходимо долженъ сдѣлать небольшое отступленіе, для ясности разсказа. Дѣйствительно, я помню самолично, какъ Александръ Константиновичъ читывалъ по вечерамъ разныя стихотворенія тетенькѣ и Олимпіадѣ Петровнѣ. Олимпіада Петровна была сентиментальная дѣва, далеко еще не перестарокъ, и при томъ добрѣйшее и нѣжнѣйшее существо въ мірѣ. Покладливѣе ея права трудно и придумать: ее можно было бы не замѣтить, пожалуй, всю жизнь, если бъ она не проявляла земного своего существованія слезами и томными вздохами, а во всемъ остальномъ Олимпіада Петровна была незрима и неосязаема... тѣнь, прозрачная, бѣлая тѣнь, замирающій звукъ Эоловой арфы, Оссіанова далекая звѣздочка, нѣчто пѣвучее, мимолетное и неуловимое грубыми человѣческими чувствами, какъ, положимъ, стихи Жуковскаго:

Сталъ бы я, сталъ бы я
Эхомъ лѣсовъ,
Все повторялъ бы я
Милой: любовь!..
Ахъ! но напрасное
Я загадалъ;
Тайное, страстное
Кто выражалъ?
Птичка, небесный цвѣтъ,
Бѣгъ вѣтерка,
Эха лѣсной привѣтъ
Издалека —
Быстры; но ясное
Намъ безъ рѣчей,
Тайное, страстное
Все ихъ быстрѣй.

Не помню, какова была изъ себя Олимпіада Петровна, не помню по вышеприведеннымъ резонамъ, помню только, что она картавила на оба звука, т.-е. на «р» и на «л». Александръ Константиновичъ читалъ обыкновенно наизусть, и обыкновенно въ сумерки, стихотворенія Козлова, а преимущественно «Чернеца». Я уже упомянулъ о тогдашнемъ успѣхѣ этой поэмы. Читалъ Александръ Константиновичъ хорошо, хоть нѣсколько театрально, «по-мочаловски». Послѣ патетическихъ мѣстъ всегда молчалъ минуты съ двѣ. Въ этотъ-то

промежутокъ и лились слезы, и неслись горѣ вздохи Олимпіады Петровны. Самые поразительные стихи она повторяла за Александромъ Константиновичемъ, качая головой и прижимая къ глазамъ платокъ. Напримѣръ:

Увы! со мною былъ кинжалъ —
И онъ въ крови съ коня упалъ!

прочтетъ Александръ Константиновичъ и замолчитъ, а Олимпіада Петровна ужъ непремѣнно повторитъ за нимъ, съ извѣстными пріемами:

Увы! со мною бый кинжай —
И онъ въ кьови съ коня упай!

Какъ хотите — жалостно, если поразсудить теперь, а тогда я все недоумѣвалъ, кто упалъ съ коня: кинжалъ, или «счастливый негодяй», какъ выражается одинъ изъ моихъ повѣсъ-пріятелей.

А Маланья между тѣмъ все говорила:

— Тутъ и другой грѣхъ подвернись: перестань къ намъ ходить Александръ Константиновичъ, вотъ ни съ того ни съ сего. Недѣлю нѣтъ, полторы нѣтъ... послала старая барыня узнать — здоровъ ли? — Здоровъ, говорятъ. Чудно!.. А Сашенькѣ и нуждушки мало... Кончила она пелену; повезли съ старой барыней въ обитель, и меня съ собой и Кирилыча взяли — карету наняли...

«Бывала я въ монастырѣ и прежде, да ужъ никакъ годовъ съ шесть не была—и не узнала, видитъ Богъ, не узнала: такое убранство Господнее несказанное! Пріѣхали мы ко всенощной, въ теплую церковь, стали поодаль... народу—гибель, а тѣсноты нѣтъ... Иконостасъ въ шесть ярусовъ; вверху отечество; по стѣнамъ картины духовныя; на лѣвомъ клиросѣ поютъ покаянно таково и внятно — индо у меня слезы на глазахъ. Покойница на колѣняхъ, и все въ землю... Стали читать — встала, къ стѣнкѣ прислонилася и стоитъ, словно восковая, а я, грѣшная, все на нее гляжу. Отчитали; съ обоихъ клиросовъ передъ царскія двери сошлись; клобуки сняли... Да какъ запоютъ: «Слава въ вышнихъ Богу!..» Истиннымъ Богомъ, отроду того не слыхивала: стою-стою и самой себѣ не вѣрю—въявь али во снѣ такіе клики ангельскіе?.. Особливо одинъ голосъ, высокій такой да грудной, такъ изъ-подъ сердца и выбиваетъ ключомъ, и выбиваетъ... Глядь, анъ Сашенька моя помертвѣла-помертвѣла, да на плечо ко мнѣ и клонится. Барыня говоритъ мнѣ: — «Выведи, Маланья; ей

дурно». Поманила потомъ служку и приказала ему стаканъ воды вынести на паперть.

«Вывела я Сашеньку-то, усадила ее на приступочекъ на паперти, водой напоила — ну, будто и отдало... «Охъ, говоритъ, что̀ такое со мной, кормилица? Кольнуло меня что-то въ лѣвый бокъ, такъ что и въ глазахъ потемнѣло... Прошло теперь: пойдемъ назадъ, а то маменька будетъ безпокоиться...» Только сказала, изъ церковныхъ дверей монахъ, высокій такой, блѣдный, худощавый, черноволосый, борода окладистая, брови густыя, черныя, а глаза свѣтлые-пресвѣтлые, вотъ, надо-быть, фонарь какой... Поклонился и пошелъ себѣ внизъ по лѣстницѣ. Моя-то и на поклонъ не отвѣтила: такъ перепужалась. Впрямь сказать тебѣ, батюшка: такой съ виду ужастенный, что и меня лихорадка проняла, а по душѣ—предобрый тебѣ человѣкъ, преласковый, и ужъ какой привѣтливый да тароватый!.. Былъ онъ у насъ на третій день: отъ отца настоятеля благословеніе и просвиру заздравную привезъ—это за пелену-то... Да никакъ и потомъ, до праздниковъ раза съ три побывалъ—два раза утромъ да разъ вечеромъ: чай кушалъ, только ни сахару ни сухарей не бралъ.— «Скоромно, говоритъ, нашему чину не подобаетъ». Тутъ Сашенька встала и выноситъ ему изъ спальни горячій колачъ и сотоваго меду. Принялъ и усмѣхнулся даже, сталъ говорить, какъ въ Кіевѣ Божьи храмы красны, какъ на Аѳонской горѣ спасаются. Притчами такими разсказывалъ, что вся дворня, почитай, сошлась слушать изъ передней... Забыла я, какъ его звали, а что онъ-то самый высокимъ голосомъ и пѣлъ. Посидѣлъ часа съ два — побольше, и уѣхалъ, да еще у калитки Миколаичу полтинникъ въ руку сунулъ... Заѣзжали и наши къ нему въ келью до праздниковъ, разсказывали: очень, молъ, у него хорошо. Такимъ-то побытомъ и праздники подошли; Лимпіада Петровна гостить пріѣхали, и все съ покойницей: шу-шу-шу. Подходятъ такъ-то разъ ко мнѣ обнявшись и говорятъ:—«А что̀, кормилица, намъ гадать будешь?» — «Что̀ жъ и не погадать вамъ?»—«На всѣ гаданья?»—«И на всѣ ничего!» — «Смотри же, — говоритъ мнѣ покойница: — не обмани, а то—умру—съ того свѣту приду корить тебя, покою не дамъ!» И пальчикомъ погрозила, и всю родню свела...»

— Какъ «всю родню свела»?—вырвалось у меня невольно.

Маланья посмотрѣла на меня въ недоумѣніи.

— Нешто не знаешь?—спросила она отрывисто.—Нахмурила брови, выходитъ—всю родню свела...

— Не зналъ, что такъ говорится... Такъ ты имъ и гадала?

Помолчала кормилица.

— То-то, что гадала,—отвѣтила она потомъ.—Лучше бъ я этого гаданья и не знавала... Гадывала имъ прежде всячески: и пѣтуха принашивала, и мостики мостила... Учила, какъ и прохожихъ окликивать по именамъ, какъ и у воротъ къ собачьему лаю прислушиваться, какъ наперсткомъ соль ѣсть, какъ сочельничью кутью красть, какъ зеркала наводить, да всего и не перескажешь... Одного вотъ только и не знала, а знала бы, жила бы и о сю пору красавица моя ненаглядная!..

— Какое же это гаданье?

— А назову, все же не узнаешь.

— А ну, назови.

— Ну: «На паперти».

Я долженъ былъ сознаться, что не знаю.

— То-то и оно,—сказала Маланья сердито.—И не узнали бы, не проговорись я сдуру, для сочельника. Да ужъ пролитое полнымъ не бываетъ... Слушайте, только чуръ: на слова мои простыя не маяться!..

— Зачѣмъ!

— Сколотилось у насъ на третій день праздника гостей со всѣхъ волостей—человѣкъ за двадцать. Пришелъ и Александръ Константиновичъ—недѣли съ три не былъ—испитой-испитой, поглядѣть страшно: краше въ гробъ кладутъ... А смѣется и франтомъ такимъ... Спрашиваетъ его старая барыня:—«Что, молъ, соколъ ясный, давненько не видать?»—«Готовился, говоритъ, тетушка...» вотъ опять забыла: какъ онъ сказалъ тогда?..

— Ну, все равно.

— Справили вечеръ, какъ слѣдуетъ... Только вижу я, передъ ужиномъ Лимпіада Петровна все вокругъ меня увивается, ластится этакъ, заговариваетъ, наконецъ—того, въ барышнину комнату зазвала:—«Сослужи мнѣ, другъ мой, Маланья Матвѣевна, службу, проводи на паперть: погадать захотѣлось... А я тебѣ, несравненная моя, и гостинецъ привезла». Такая была эта Лимпіада Петровна—сусло-сусломъ. Говорю ей:—«На гостинцѣ вашемъ, барышня, спасибо, а что̀ же это за гаданье на паперти?»—«Такое, говоритъ, гаданье крѣпкое, что ступай ты въ двѣнадцать часовъ на паперть, приложись ухомъ къ церковной двери, къ самому замку, и слушай: что̀ услышишь, то тебѣ и будетъ: поютъ ли «Исаія ликуй!», поютъ ли «Со святыми упокой!», въ колокола ли перезваниваютъ, гробъ ли заколачиваютъ—все услышишь... Не то подойдутъ оттуда къ двери, нагнутся къ замку, да и шепнутъ тебѣ на ухо... Вотъ это, говорятъ, страшно!.. Пойдемъ со мной, проводи меня, голубушка, душечка, несравненная моя кормилушка Маланья

Матвѣевна!» Я стала отъ ней отбояриваться—куды тебѣ! На бѣду и Сашенька-то шасть въ дверь — сейчасъ: «Что̀ такое? что̀ такое?» Поди, не скажи ей! Тоже пристала: «Да проводи! Да что̀ тебѣ? Наши ужъ спать лягутъ... И далеко ли улицу перейти?.. Вѣдь на минуточку!.. А мнѣ потомъ разскажете...» Что̀ ты будешь дѣлать?—«Ну, ужъ хорошо, хорошо!»—«Только, кормилушка моя несравненная,—это Лимпіада-то Петровна:— ты ужъ со мной дорогой, ни туда ни оттуда, не говори, и на паперть со мной не ходи, а если крикну, тогда ужъ и бѣги ко мнѣ. Что̀ почудится, скажи только: «чуръ меня!», и ничего». А у меня-то, у вѣдьмы, тоже разумъ телячій былъ: вмѣсто, чтобы осамить да пристыдить ихъ, я только и говорю: «Ладно ужъ, ладно, нишкните!.. Ступайте къ гостямъ». И пошли онѣ, и какая же Сашенька была веселая, подсѣла къ Александру Константиновичу и начала съ нимъ раздабаривать, хмурился-хмурился, да что̀ съ нея взять? ластится къ нему... ну, и развеселился. Погляжу,—мы завсегда, отколѣ ни на есть, на господъ глядывали, и господа не серчали на насъ,—погляжу: всталъ Александръ Константиновичъ, гитару беретъ:—«Хорошо, говоритъ, сестрица! спою я для васъ... въ послѣднее...» И спѣлъ, правду сказать, спѣлъ!.. Отвернулась отъ него Сашенька, словно къ передней пошла, а въ передней мы стоимъ и слушаемъ, Степанычъ ужъ и за ручку взялся—дверь отворить, только что она, моя голубушка, въ переднюю не вошла, а нагнулась къ окошку, словно на улицу глядитъ, и слезки утерла... Сейчасъ къ ней и подлетаетъ Лимпіада Петровна и что-то на ухо. Слышу, Сашенька ей тихимъ голосомъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! оставь меня...» А та подшептываетъ: «ахъ, развѣ это его голосъ?»

— Дура дѣвка была! — крикнула неожиданно Маланья. — Человѣкъ поетъ, а она, вишь, не знаетъ: его ли голосъ?.. Только стали собирать мы ужинъ; поужинали у насъ гости да и разъѣхались. На прощанье покойница взяла Александра Константиновича за руку, подвела къ тому самому окну, указываетъ на него и говоритъ. «вотъ вамъ, Александръ, свидѣтель — умру, вашей пѣсни не забуду». Тотъ глядитъ на нее въ раздумьѣ, отвѣчаетъ: «вся ваша воля,—не понимаю».— «Поймете», — говоритъ, а сама прочь... Съ тѣмъ Александръ Константиновичъ и остался...

Еще невольное отступленіе... Я, девяти-десятилѣтній ребенокъ, могъ уже, если не понимать, по крайней мѣрѣ сознавать нѣкоторыя отношенія между людьми, и сознавалъ ихъ, но многое представлялось мнѣ въ превратномъ видѣ, а многое

просто не обращало на себя моего вниманія. Вотъ почему разсказъ Маланьи пролилъ неожиданный свѣтъ на темный уголокъ моего дѣтства. Каждое ея слово было для меня новой ступенькой внизъ, въ ту бездонную пропасть, что̀ называется «минувшимъ».

— Какъ гости уѣхали, — разсказывала Маланья: — пришла я раздѣвать барышень, только Сашенька говоритъ мнѣ: «Нѣтъ, ужъ вы прежде ступайте гадать, а я васъ подожду... Твой салопъ, Липенька, здѣсь?» Та отвѣчаетъ:—«Здѣсь, и капоръ здѣсь, а ботинки вотъ я надѣну... Какъ бы, кормилушка моя несравненная, насчетъ сѣней и калитки?.. Да и собаки-то у васъ...»—«Ничего, говорю: дайте всѣмъ улечься, я спроворю...» Улеглись — я и спроворила...

Кормилица задыхалась на каждомъ словѣ: видно было, что она сдерживается, что не хочетъ еще высказать всего до поры до времени. Стоило въ это мгновеніе взглянуть на ея лицо, чтобы сразу понять, какъ она страдала.

— Отперла я сѣни, отперла калитку, собакъ окликала, накинула шубенку—и къ барышнямъ. А ужъ у нихъ и огня нѣтъ. Слышу, Сашенька шепчетъ: «Кормилица, ты?» Я ей тоже шепчу:—«Я-то я, только зачѣмъ вы огонь-то погасили?»— «Лучше,—говоритъ.—Бери Липеньку за руку». А Лимпіада Петровна подговариваетъ:—«Смотри же, кормилушка несравненная, не говори со мной во все время... Ну, скажи ты мнѣ: будешь молчать?» Я ей наотрѣзъ:—«Сказано разъ, такъ и спрашивать нечего!» — «Спасибо! — шепчетъ. — Прощай, Сашенька!.. Охъ, страшно!.. Голубушка моя, кормилушка, страшно!»—«Страшно, молъ, сударыня, такъ ложись спать».— «Нѣтъ ужъ!—шепчетъ опять:—пойдемъ... На̀, бери меня за рукавъ». Сунула мнѣ въ лапу рукавъ салопа, и пошли мы съ ней красться, что̀ ворихи; домомъ прокрались, дворомъ прокрались, да и на улицу...

Лицо Маланьи какъ-то покоробило. Побоялся я, что она не выдержитъ до конца, и спросилъ:

— А холодно было?

— Морозило,—проговорила она сквозь зубы.—Да нешто церковь-то далеко? Тутъ хоть нагишомъ пробѣги—не замерзнешь. Такъ-то вотъ и мы пробѣжали скокомъ-летомъ. Выдернула рукавъ Лимпіада Петровна и на паперть... Стояла я, можетъ, что минутую, али другую... Начала меня дрожь пронимать... А съ мѣста не сойти: ноги словно къ землѣ примерзли... Вдругъ какъ закричитъ Лимпіада Петровна, выскочила изъ папертныхъ сѣней и бухъ на снѣгъ! Я—къ ней,

приподняла ее, схватила въ охапку, да безъ оглядки домой... Какъ ужъ я въ сѣнную дверь попала, какъ въ барышнину комнату пробралась—Богу вѣдомо...

— Только ты мнѣ вотъ что̀ скажи! — крикнула Маланья и встала съ лавки.—Скажи ты мнѣ: это что̀?

Глаза ея вспыхнули.

— Вхожу я въ комнату: горитъ свѣча; Лимпіада Петровна въ постели лежитъ и книжку читаетъ... Да у меня-то въ охапкѣ кто жъ? Отдернула капоръ: Господи Боже мой!.. Опустила я ее на кроватку, а сама и грянула объ полъ...

Маланья упала грудью на столъ и зарыдала.

— Полно, полно!—говорилъ я.—На̀-ка, выпей водицы... Что̀ тутъ?.. Мало ли что̀ кому покажется?..

Маланья хлебнула изъ ковша и нѣсколько успокоилась.

— Батюшка ты мой, — начала она жалобно: — вѣдь онѣ меня обманули; обмѣнялись другъ дружкой въ потемкахъ, и ходила гадать не Лимпіада Петровна, а доподлинно Сашенька. А я еще сама ее за рукавъ вела... Охъ, Господи ты мой, Господи!

Маланья опять заплакала.

— Да перестань же, — продолжалъ я утѣшать ее:—выпей еще воды, да разскажи мнѣ лучше—чего испугалась тетенька?

— Не знаю, батюшка мой, ничего-таки не знаю: на другой же денекъ голубушка моя барышня въ постель слегла и такъ-таки до самой была смерти безъ памяти... Бредила-то она мало ли что̀! И про монастырь, и про Александра Константиновича... Онъ, голубчикъ мой,—дай ему Богъ царство небесное,—отъ Сашенькиной постели почитай что не отходилъ: и лѣкарства подаетъ, все по часамъ съ дохтуромъ разговариваетъ...

— Я вѣдь помню: тетеньку Чигановскій лѣчилъ.

— Ну, какъ же! Онъ, онъ, батюшка!.. Только что сразу, какъ взялъ ее за руку, такъ и покачалъ головой.—«Ну, что̀?»—спрашиваетъ Александръ Константиновичъ. — «Ничего, говоритъ: лѣчить буду». Сѣлъ ярлыки писать, а я на него изъ-за двери и поглядываю. Три написалъ—на четвертомъ призадумался, обернулся къ Александру Константиновичу и говоритъ. — «Послушайте, нужно оленьяго рогу достать, только вѣдь это дорого...» Какъ вскочитъ Александръ Константиновичъ! Право, такъ и думала: дастъ ему затрещину. Что̀ ужъ онъ ему говорилъ—не поняла... Ну, и все ничего... Барыня старая очень убивалась, и молодая барыня, и старшая барышня, да и всѣ...

— Что̀ же, очень она страдала? Насъ вѣдь тогда не пускали къ ней.

— Нѣтъ, больше въ бреду была... А иногда совсѣмъ очнется, скажетъ: «Ахъ, какъ мнѣ жарко, какъ голова болитъ!.. Кормилица!» Подойдешь къ ней: «Что̀ тебѣ, матушка, что̀ тебѣ, ненаглядная моя?»—«Дай мнѣ умыться». Иной разъ и забудешь, что больна, и скажешь: «Сію минутую, Сашенька! Да чайку не хочешь ли?» А Александръ Константиновичъ погрозитъ мнѣ изъ-за ширмъ пальцемъ—такъ и не подашь. Правду молвить, и сама-то она сейчасъ позабудетъ: либо заснетъ, либо забредитъ—проситъ Александра Константиновича на гитарѣ играть, читаетъ нараспѣвъ, а то вдругъ заговоритъ съ кѣмъ-то: «Могла бы, дескать, могла бы и любить васъ, да Богъ не велѣлъ». Разъ какъ-то сама начала пѣть... А что узнавать—никого не узнавала. Пришла въ память ровнехонько за полчасика до смерти: христіанскій долгъ исполнила, со всѣми попрощалась, наказала похоронить себя въ монастырѣ, а у Александра Константиновича взяла руку и говоритъ: «Не сердитесь, Александръ, мнѣ такъ велѣно, такъ велѣно, а за васъ я буду молиться... Приходите и вы помолиться на моей могилкѣ... Придете?» Тотъ ничего: промолчалъ. Такъ ее въ монастырѣ и схоронили.

— Бѣдная! — сказалъ я больше самому себѣ, чѣмъ Маланьѣ:—такая молоденькая, такая хорошенькая, и вотъ... простудилась...

Маланья опять вскочила съ лавки, и опять запылали ея глаза.

— Ну, ужъ нѣтъ! Ужъ я три года маялась — думала, что Сашенька моя отъ простуды умерла, да, спасибо, добрый человѣкъ сыскался, такъ тотъ меня, дуру, вразумилъ, а то бы на себя руки наложила... Знаю я—отчего къ моей ненаглядной смерть пришла! Не добромъ пришла: кабы добромъ, дохтуръ бы вылѣчилъ, потому всѣхъ смертей причину зналъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, по камню такому... Ужъ Ефимъ не обманывалъ: два дня, говоритъ, не сказывалъ, а на третій сказалъ — вотъ, молъ, отчего...

Въ это время растворилась кухонная дверь, и въ ней показались, всѣ въ морозномъ инеѣ, съ кульками и мѣшками, продрогшіе закупатели рождественскихъ съѣстныхъ припасовъ.

— Что̀ же сказалъ докторъ?—успѣлъ я спросить у Маланьи.

— А вотъ что̀: «Нелегкая понесла ее слушать на паперти».

1859.

ШВЕЙКА.

Понадобился мнѣ обойщикъ: отыскалъ и сторговался. Работалъ онъ у меня съ недѣлю и свою швею привелъ. Кашинецъ, пѣсенникъ и—должно-быть—по женской части ходокъ. Какъ показалъ кивкомъ на стулъ, такъ швея на него и сѣла и просидѣла цѣлый день, глазъ не поднимая; сжимала губы, съ какимъ-то озлобленіемъ продергивала сквозь гостинодворскій коверъ толстую иголку и безъ всякой надобности скусывала кончикъ нитки. Мимоходомъ и невольно взглянулъ я ей на руки: ну, бѣлыя, только иглой обколоты, да отъ купоросной шерсти позеленѣли. Заговорилъ я съ ней. Новогородка.—«Чьихъ?»—Да Богъ вѣсть.—И голову подняла. Лѣтъ за сорокъ, а глаза искрятся; изъ глуби — пузыри свѣта выплываютъ, что̀ изъ омута... «Ну-ка, дескать, дно достань—хошь бы съ камешкомъ». И коса еще не присѣклась...

— Да... какъ же тебя зовутъ?

— А не знаю.

— Какъ такъ?

— Ребята звали Маврой, баринъ Маврушей, а барыня—«Моръ».

Улыбнулась. Первый разъ въ жизни привелось мнѣ видѣть такую улыбку.

— Такъ и звала?

— Да, такъ... Изъ Польши баринъ меня привезъ.

— Ты чьихъ же теперь-то?

— Теперь-то?.. Господина Романова... коли изволили слышать!

— А была чьихъ?

— Да къ графу Аракчееву были приписаны, а тутъ послѣ холеры отошли... И къ графу-то, надо сказать, только на бумагѣ были приписаны, а вотчина-то наша графовъ З...выхъ.

— Это какихъ же?

— Да самихъ-то ихъ,—отвѣтила она, понурясь.—Миколая Александровича...

— Вѣдь покойникъ-то добрый былъ, Мавра... какъ тебя величать по изотчеству?

— Сидоровна...—Зѣвнула и перекрестила ротъ...—Добрый былъ,—прибавила она съ тѣмъ же позѣвкомъ и крестомъ.

— Умеръ-то что-то онъ... словно не своей смертью... Правда?

— Правда.

Скусила кончикъ шерсти и бойко поглядѣла мнѣ въ глаза, какъ гимназистъ, не понявшій учительскаго вопроса: «поняли?», глядитъ въ глаза тучному экзаминатору и отвѣчаетъ: «понимаю».

— Такъ что̀ жъ? — спросилъ я, преобразясь въ тучнаго экзаминатора.

— Да что̀ жъ вамъ еще?—переспросила Мавра Сидоровна.— Извѣстно: не своей смертью умеръ, а Божьей... Отъ Бога и пришла...

— Какъ же ты въ Питеръ-то попала?—спросилъ я еще разъ, а спросить хотѣлъ совсѣмъ не то.

— Да барынѣ согрубила: онѣ меня съ графскимъ своимъ письмомъ въ исправительное здѣшнее заведеніе отправили! Тамъ нашу сестру гулящую и исправляли.

Сказала, поняла, что проговорилась, и стала поправляться.

Коверъ положила на колѣни, иголку съ ниткой взяла въ зубы и поглядѣла на меня, что̀ кошка на сносѣ... Не знаю— поймутъ ли всѣ это сравненіе? Знаю, что поймутъ всѣ тѣ, кто вздрагивалъ отъ желтыхъ зрачковъ Машки или Бишки...

По естественному закону мышленія, въ головѣ у меня пробѣжала мысль:

«Э, голубушка! Видно, и ты на своемъ вѣку драму разыграла?»

Принялся я ее допытывать.

— Вѣдь вашъ графъ З...ъ-то еще при Аракчеевѣ умеръ?

— Не помню. Кажись, послѣ,—отвѣтила она равнодушно.

— А графиня?

— Какая графиня?

— Да какъ какая? Твоя... Нешто ты со мной разговаривать не хочешь? Я вѣдь недорого возьму и замолчу, пожалуй.

— Вы, видно, баринъ, охочи по церквамъ поминанія посылать?

— По вашей дурѣ сестрѣ не по всякой, а по графинямъ-то и Богъ велѣлъ...

Брови подняла; изъ-подъ рѣсницъ канули двѣ искры; припомнила быль-то; стала со мной, слова не говоря, заигрывать, да и преобразилась...

Можетъ-быть, разсказываю я не нашему поколѣнію эту-такъ называемую гисторію; можетъ-быть, маменьки поняли бы, а дочки еще не понимаютъ: Ce que c'est qu'une femme de quarantaine... Не вѣдаю, будетъ ли стоять на пристойныхъ полочкахъ изъ нелощенаго орѣха у одной изъ будущихъ двигательницъ общества авторъ «Сорокалѣтней красавицы», переплетенный въ свою же «Шагреневую кожу»?

Не вѣдаю, потому что говорю про маменекъ, а не про дочекъ... Маменьки-то, конечно, поймутъ и простятъ мнѣ даже предыдущую кудреватую фразу.

Впрочемъ, «Шагреневая кожа» и Мавра Сидоровна,—какъ говорится въ физической географіи,—два противоположные полюса: стало-быть, лучше разсказывать просто.

Мавра Сидоровна такъ разсказывала... Виноватъ: не разсказывала, а проговаривалась про то, что было ей восемьнадцать лѣтъ, когда она въ первый разъ *молодого* барина увидала; что и старый-то блудникъ былъ еще живъ и молодого въ ежовыхъ рукавицахъ держалъ, а что Богъ вѣстью, какая у него душа была...

— Я, то-ись, не про Миколая Александровича...

— Знаю, про отца.

— Да-съ... Докучливъ былъ для нашей сестры покойника. Пуще того, что не отъ себя, а все черезъ старосту, или черезъ десятскаго... Миколай-то Александрычъ все еще состоялъ при папенькѣ, значитъ—въ Питерѣ воспитывались, а къ намъ только по лѣтамъ наѣзжали... Тутъ я ихъ, голубчикъ, впервой въ лѣсу и увидала... Тоже ходила по ягоду, а *ихъ*, видно, такъ ужъ учили въ Питерѣ, что и они ходили въ лѣсъ, только не по ягоду, а все козявокъ ловили... Пойдутъ это ранымъ-рано; суровый балахонъ на нихъ, и шапочка черная бархатная съ козырькомъ, и сапожищи болотные, а на плечѣ—какъ назвать-то?.. Ну, надо-быть, черпакъ рыбный: имъ-то они козявокъ и прихватывали. И вѣдь какіе были потѣшные!.. Поймаютъ этимъ самымъ черпакомъ козявку какую, али мотыля, голубчики, да и глядятъ на него такъ жалостно, что, бывало, и сплакнешь... А маменька-покойница всегда мнѣ говорила: «Что̀ ты, Мавра, уродъ каменный или баба на чортовомъ городищѣ? Бить тебя—грѣхъ сказать, чтобы я не била, а вонъ о кою пору, семнадцатую весну, слезинки у тебя не вышибла... Уродъ ты каменный, глаза твои погибельные! Видно, и взаправду слезъ-то у тебя нѣтъ».

Мавра Сидоровна разгорѣлась, позабыла, что питерка, и что съ барами нужно по газетамъ говорить.

Тутъ-то я ее и принакрылъ, благо она уже давно коверъ не подрубливала.

— Съ чего жъ тебѣ, Мавра Сидоровна, на барина-то было такъ жалко смотрѣть?

— Да какъ же не жалко-то?.. Я на него, господинъ, не одну недѣлю глядѣла... Вотъ и поймалъ онъ разъ мотыля, да краснаго такого, что̀ макъ: я же ему съ кустика и спугнула. Изловилъ онъ его, а придушить словно бы ему, херувимчику, и не хотѣлось... А вотъ совсѣмъ восковой херувимчикъ былъ...

— Хорошъ?

— Какой хорошъ! Говорю вамъ — херувимчикъ восковой: бѣленькій, да жалконькій, да тоненькій—право, втѣпоры-то одной рукой бы подняла. Извели его папенька: нравные были... Съ того я его и пожалѣла... Вышла изъ-за кустовъ, да и говорю:— «Баринъ сіятельный! Гляжу я на васъ: вамъ съ мотылемъ-то не управиться... Рабѣ вашей дозвольте...» Сказала я это-то, да словно ожегомъ спину ему погладила, али память отшибла. Смотритъ на меня, а въ глазкахъ-то ровно и взору нѣтъ... Синенькіе у покойника были глазки, ровно кукушечьи слезки, знаете, что̀ на могилкахъ растутъ... Охъ—куды мнѣ его жаль стало!

— Стало, прежде-то графъ тебя не видывалъ?

— Богъ его знаетъ... Слыхивалъ, чай: тоже дѣло было дѣвичье, молодое—по бору ходила, пѣсенкой душку отводила.

— Голосъ-то былъ?

— Поспросите, коль въ нашихъ странахъ будете: не покривятъ душой, такъ скажутъ, что пѣвала Мавренька Истомина на всѣ Крестцы и на весь Валдай... Да была жъ у меня и пѣсня любимая...

— Какая же!

„Ахти, бѣда великая,
Печаль-тоска несносная!..“

— Да вѣдь это бѣжецкая пѣсня?

— Бѣжецкая!—передразнила меня Мавра Сидоровна.—У бѣженокъ-то, сказываютъ, еще за сто лѣтъ горло пересохло, а когда по ихъ пятинѣ Тихвинскій разгромъ былъ, когда нашей матушкѣ Тихвинской шведы досаждали (еще за прабабушекъ), тутъ—старики поразскажутъ—всѣ птицы по новгородской вотчинѣ стихли, а у насъ, слышите, вмѣсто нихъ остались красныя дѣвки голосистыя... А то бѣженки!

— Ты, значитъ, Миколаю Александрычу любимую-то и спѣла?—спросилъ я сдуру.

Встала, коверъ куда-то кинула.

— Позвольте, ваше благородіе, пообѣдать... Вечеромъ дошью.

Только ни вечеромъ и никогда послѣ я Мавры Сидоровны не видалъ.

А у обойщика про нее разспрашивалъ. Съ первыхъ словъ онъ сталъ переминаться:

— Что̀ жъ вамъ, баринъ, такъ антересно? Смѣю вамъ доложить, не лестно про нее и разсказывать.

— Что̀ же?

— Да такъ-съ, надо сказать: стеганая...

— Это какъ?

— Все же по самому ихнему дѣлу-съ, по графскому.

— То-есть покойнаго графа Николая Александровича?

— Ихъ-съ.

Утвердительно кивнулъ при этомъ словѣ головой и брови озабоченно сдвинулъ.

— Ты вотъ что̀,—сказалъ я ему:—ты мнѣ Лазаря-то не пой, а на чистоту сказывай.

— Да что̀ жъ? не антересно... Докладывалъ я вамъ давеча... Совсѣмъ не занятныя слова будутъ.

— Ладно: болтай, коли сказано...

— Про все, что ли, прикажете?

— А то нѣтъ?

— Да вѣдь въ Безпоповщинѣ-то у нихъ, въ помѣстьѣ-то Миколая Александрыча, мало ли что̀ разсказываютъ... ходилъ я, примѣрно, туда съ Маврой-то Сидоровной.

— Ты?

— Да какъ же-съ! и теперь я у нихъ проживаю.

— Гдѣ жъ ты съ ней познакомился?

— У полковника-съ, въ исправительномъ заведеніи.

— А ты-то какъ туда попалъ? Господа послали?

— Господа-съ.

— За что?

— Да ножницами себѣ горло перерѣзалъ.

— Зачѣмъ это?

— По глупости больше... Мальчикомъ еще... Управляющій пригрозилъ.

— Точно что дуракъ.

— Подлинно-съ... Такъ-то я съ полгода маялся тамъ, въ самомъ этомъ заведеніи, все по своему обойному дѣлу, а тутъ господа меня назадъ потребовали по этапу. Идетъ насъ цѣлая партія, и идетъ съ нами дѣвица взрослая, постарше меня года на четыре, съ лица суровая, а — надо сказать — красавица. Вотъ на третьемъ, что ли, привалѣ подошелъ я

этакъ поближе къ ней, словно ненарокомъ,—какъ огрызнется на меня:

«— Тебѣ чего, волчонокъ?

«— Ничего молъ, что ты!—и отошелъ. Шли мы, шли и пришли ужъ по ночи въ графскую вотчину, въ село Безпоповщину. Тутъ отъ насъ Мавру Сидоровну отдѣлили и въ контору увели... Только какъ это, сударь, разсудить прикажете?.. Велѣли намъ прилечь — отдохнуть; не спится мнѣ, и думаю я, думаю, все про нее; иду на другой день дальше — все про нее думаю: какая бы такая была?.. Да ужъ когда домой пригнали—вотъ когда забылъ... Ей Богу-съ!»

— Когда же опять вспомнилъ?

— Смѣхъ сказать, сударь! Годовъ черезъ десять вспомнилъ. Ужъ и господа померли, и по духовной насъ всѣхъ дворовыхъ на волю отпустили, такъ я—со своими въ Питеръ поѣхалъ, и ночевать въ Безпоповщинѣ привелось — тутъ только вспомнилъ... И какъ вѣдь курьезно, вѣрите ли Богу истинному? Полегли мои на печь, а я на лавку прилегъ... хозяйка-старушка старая сидитъ у свѣтца — прядетъ. Словно меня кто подъ бокъ кольнулъ: «Ахъ, Боже мой! да вѣдь мы въ Безпоповщинѣ...»

«— Бабушка!—говорю.

«— Что̀, батюшка? Что̀, батюшка?

«— Не попомнишь ли ты: лѣтъ съ десятокъ мимо васъ партію по этапу гнали; и еще тутъ ваша дѣвушка была?

«— Мавруха-то Истомина! Эва!

«— Гдѣ теперь она?

«— А Богъ ее вѣсть! Надо-быть, въ хорошемъ мѣстѣ.

«— Что̀ жъ, дескать, такъ?

«— Какъ что̀?.. Эхъ, ты, юношъ, юношъ!.. Истоминой не знаешь! Спросилъ бы у меня.

«— Что̀ жъ, разскажите, баунька!

«Стала разсказывать. Дѣло-то вышло, что стеганая... Оттого и теперь такая вѣдьма, прости Господи!»

Отъ старухи моей разсказчикъ вотъ что̀ слышалъ:

Была-де Мавруха Истомина смолоду огневая: отъ самого стараго барина отбояривалась, а надъ молодымъ, коли бывалъ наѣздомъ изъ Питера, словно боярышня какая, такую волю забирала, что и-и, Господи! Когда же умеръ старый баринъ, а молодой долго въ вотчину не ѣхалъ, такъ и совсѣмъ изъ села ушла — и гдѣ ужъ побывала — нешто темныя ночи вѣдаютъ. Тогда только и вернулась, какъ молодой графъ съ супружницей изъ чужихъ земель пріѣхали. Что грубіянка была Мавруха непомѣрная; что хотѣла-было графиня ее къ

себѣ въ горничныя взять, такъ ввалилась въ покои, на ногахъ не стоитъ; что на первыхъ-то порахъ графиня ей всякую грубость прощала, а потомъ — какъ назвала ее разъ Мавруха басурманкою, ужъ голубушка графиня сердца не одолѣла...И отправили тогда ее, Мавруху окаянную, на исправленіе, на цѣлый на годъ, а черезъ годъ опять вернули. Тутъ и стала наша егоза тише воды, ниже травы, и въ такую милость у господъ, пуще у графини, вошла, что только съ одного стола не ѣла. Поговаривали, правда, по дворнѣ, будто Мавруха только глаза отводитъ, а сама—что̀ ни ночь, шасть съ кучеркомъ Сидоркой на барскомъ конѣ ко своимъ дружкамъ, поселенцамъ. Такъ ли, не такъ ли, все же господамъ доводить не смѣли. На томъ дѣло и стояло, пока Богъ не попуталъ по грѣхамъ поселенныхъ мужичковъ... Что̀ было, и разсказывать—только языкъ ломать... Тамъ пожаръ, здѣсь кабакъ разбили, тутъ безчинство всякое. И графскія хоромы на тотъ грѣхъ загорѣлись. Извѣстно, подожгли, и графиня въ дыму задохлась. Налетѣлъ судъ, нашли солдатушки, скрутили всю дворню, и дворня въ одинъ голосъ показываетъ на Мавруху, что это она недобрыхъ людей подвела. Слыхала старуха потомъ, что вѣдь во всемъ Мавруха запиралась, да лихъ отстегали ее знатно и туда услали—невѣсть куда... Словно камень въ воду канула...

— Гдѣ жъ ты съ ней встрѣтился?

— Въ Питерѣ, сударь!.. Тоже фатеру пріискивалъ, такъ указывали мнѣ у одной швейки. Пошелъ я нанимать—гляжу: батюшки мои, она! Ну, меня-то не признала, такъ и я сперванаперво молчокъ. Да какъ-то воротился подъ хмелькомъ... А ужъ у нея, признаться, прохарчился и деньжонокъ позабралъ... Воротился этакъ-то, не стерпѣлъ, говорю ей:

«— Мавра Сидоровна?

«— Что̀ ты?

«— А вѣдь вы меня не признали, вѣдь я старый вашъ знакомый.

«— Что̀ еще выдумалъ!

«— То и выдумалъ, что изъ Питера попутчиками были.

«Какъ выпучитъ на меня глазища, да какъ зашипитъ... Фу-ты, змѣя подколодная!.. Такую острастку задала, что дѣлать-то нечего: извините, молъ, сударыня!

«Оно то, сударь, взять, что одно—дѣло мое подневольное: кормитъ-поитъ; другое—что̀ съ нея и взять? Извѣстно: стеганая!

«— Вотъ-съ,—заключилъ неожиданно разсказчикъ.—Сперваначалу изволилъ я вамъ докладывать, что какъ есть не антересно».

1860.

ГРИВЕННИКЪ,

(Неправдоподобное событіе).

Спиридонъ Петровичъ Богословскій шелъ поутру въ присутствіе. Была Страстная недѣля; теплая погода, безоблачное небо, шумные потоки грязной воды по обѣимъ сторонамъ улицы, веселое чириканье воробьевъ—все показывало, что скоро тронется ледъ на Москвѣ-рѣкѣ, и что природа приготовляется встрѣтить, какъ слѣдуетъ, красавицу-весну. Но Спиридонъ Петровичъ шелъ задумавшись и, кажется, былъ не слишкомъ доволенъ приготовленіями природы.

«Экая грязь! — думалъ онъ. — По снѣжку кой-гдѣ еще можно пробраться, а чтобы улицу перейти, не забрызгавшись— и не думай! Богатымъ все ничего: сѣлъ въ карету на лежачихъ, да и ступай себѣ, куда знаешь! А вотъ какъ тутъ четыреста пятьдесятъ ассигнаціями годового оклада да экономіи—нулью-нуль—нуль, такъ и подумаешь—куда деньги дѣвать: не то извозчика за пятачокъ нанять, не то пять фунтовъ хлѣба купить. Не знаю, ей-Богу, какъ еще Господь грѣхамъ терпитъ. Конечно, я веду себя аккуратно, вина не пью, въ карты не играю, табаку не курю, чай пью только у знакомыхъ, а дома, забывшись, и квасу хлебнешь... да все-таки вотъ на мнѣ и вицмундиръ, и шинель, и калоши... все вѣдь это денегъ стòитъ... Рублей двѣсти—побольше на все пошло. А какъ я сколотилъ двѣсти рублей? Ужъ что-то и не помню... Никакъ награжденье дали къ Новому году... Нѣтъ! это было прошлаго года, и я сшилъ себѣ сюртукъ, а вицмундиръ у меня года съ три... Вотъ нашему брату платье беречь и нужно».

— Да! убережешь! — вскрикнулъ онъ отчаянно.

Промчавшаяся мимо пролетка забрызгала его съ ногъ до головы.

«Экое наказаніе!—подумалъ Спиридонъ Петровичъ, глядя вослѣдъ за пролеткой и отряхая съ шинели грязь.—Куда ни

пойдешь, вездѣ попадется этотъ Иванъ Михайлычъ, а попался—такъ и жди себѣ какой-нибудь непріятности! Правда говорится: кому какое счастье. Какъ вспомнишь, что съ Иваномъ Михайлычемъ въ одномъ селѣ въ бабки играли, да отецъ-то его былъ понамаремъ, а мой покойникъ батюшка—дьякономъ, такъ и смѣшно станетъ и досадно. Ванюшку-то, бывало, всѣ мальчишки за волосенки таскали, а теперь пошелъ Ванюшка въ гору, и Иваномъ Михайлычемъ сталъ, и рукой его не достанешь. Вишь какая пролетка, и бекешь съ бобромъ! А съ чего разбогатѣлъ? Съ неправды. Говорятъ—ѣхалъ купецъ съ денежками, да на ухабѣ и обронилъ, а Иванъ Михайлычъ, не будь глупъ, мѣшочекъ-то и подтибрилъ, знаетъ то, что купецъ банкротъ и объявить не смѣетъ. Вѣдь вотъ съ чего жить пошелъ! А забылъ, что неправо нажитое прахомъ пойдетъ. И почему бы ему не объявить тогда полиціи? Дали бы третью часть капитала, и то—слава Богу! И на совѣсти бы грѣха не лежало. Вотъ найди я... хоть десять рублей—и то объявлю, право, объявлю... Что̀ жъ? Можетъ, кто-нибудь бѣднѣе меня потерялъ... Если четвертакъ какой-нибудь подъ ноги попадется, это другое дѣло: тутъ и объявлять нечего, а десять рублей—деньги! Да нѣтъ, честный человѣкъ скорѣй свои деньги потеряетъ, не то что чужія найдетъ. А недурно бы найти этакъ тысчонку—другую».

Тутъ Спиридонъ Петровичъ невольно взглянулъ внизъ и остановился...

У его ногъ, на тротуарѣ, лежалъ новенькій, свѣтленькій гривенникъ.

Спиридонъ Петровичъ поспѣшно нагнулся, поднялъ гривенникъ, положилъ его въ карманъ и посмотрѣлъ вокругъ себя: ни впереди ни сзади не было ни души, и Спиридонъ Петровичъ могъ считать себя законнымъ владѣтелемъ находки.

«Вотъ, голубчикъ, кстати подкатился! — подумалъ Спиридонъ Петровичъ.—Я только-что раскидываю умомъ, какъ бы деньжонокъ найти, а ты и тутъ какъ тутъ! Это хорошо. Это очень хорошій знакъ! Сегодня же понедѣльникъ — такъ бы и начать съ легкой руки недѣлю: сегодня найти гривенникъ, завтра—двугривенный, а тамъ два, а тамъ четыре... Господи! что̀ это? никакъ я до присутствія дошелъ? Иной разъ идешь-идешь... и нынче — смотри, пожалуй! Чуть-было не пропонтировалъ».

Въ присутствіи еще никого не было. Спиридонъ Петровичъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ сѣлъ на свое мѣсто, вынулъ изъ кармана гривенникъ, оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ и положилъ на столъ.

«Ты долженъ принести мнѣ счастье! — думалъ Спиридонъ Петровичъ, глядя на гривенникъ.—Я вижу, что ты счастливый гривенникъ, и ни за что тебя не истрачу. Въ самомъ дѣлѣ, какая странность! Мнѣ тридцать пять лѣтъ — въ гривенникѣ тридцать пять копеекъ, и годъ чеканки кончается на пять; меня зовутъ Спиридономъ Петровичемъ Богословскимъ, и на печати у меня вырѣзано: С. П. Б... на гривенникѣ— тоже С. П. Б. Что̀, если этотъ гривенникъ въ самомъ дѣлѣ принесетъ мнѣ счастье? Что̀, если я отдохну наконецъ отъ моихъ трудовъ, и сбудутся мои завѣтныя желанья?»

И Спиридонъ Петровичъ погрузился въ сладостныя мечтанія.

— Ваше благородіе! Когда жъ на чаекъ?

За Спиридономъ Петровичемъ стоялъ канцелярскій сторожъ и очень умильно поглядывалъ на гривенникъ.

— Какъ же! Дамъ, непремѣнно дамъ, Соколовъ, считай за мной.

— Да вотъ ужъ пожалуйте гривенничекъ-то: я ему протру глаза.

— Нѣтъ! этого гривенника не могу дать, право, не могу. На праздникѣ, пожалуй, двугривенный дамъ.

И Спиридонъ Петровичъ спряталъ гривенникъ.

— Прячь, прячь!—ворчалъ Соколовъ, отходя.—И гривенника-то въ семь лѣтъ жаль дать, сквалыжникъ этакій!

— Что̀ ты ворчишь, Соколовъ? — спросилъ вошедшій столоначальникъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе!

— Какъ ничего? Нѣтъ, ты скажи...

Столоначальникъ любилъ вывѣдывать всю подноготную.

— Да вотъ ихъ благородіе Спиридонъ Петровичъ...

— Ну?

— Обѣщались дать на чай, да говорятъ, что денегъ нѣтъ.

— Ну?

— Чего, ваше высокоблагородіе! Я своими глазами видѣлъ, какъ они гривенникъ въ карманъ положили.

— Въ какой карманъ?

— Въ жилетку.

— Вотъ что̀!—сказалъ столоначальникъ, расправляя рукой волосы и входя въ другую комнату.

— Здравствуйте, Спиридонъ Петровичъ!

— Мое почтеніе-съ.

Между тѣмъ стали собираться другіе чиновники—и канцелярская работа закипѣла.

Спиридонъ Петровичъ занялся перепискою бумагъ, но мысли его гуляли Богъ знаетъ гдѣ. Между строчками исходящей

воображеніе его писало другія строчки, такъ что онъ принужденъ былъ нѣсколько разъ класть перо и перечитывать бумагу, чтобы не сдѣлать ошибки. Переписка продолжалась часа два съ половиной. Переписавъ послѣднюю бумагу, Спиридонъ Петровичъ понесъ ее къ столоначальнику, который кончалъ въ это время какое-то письмо.

— Переписали-съ? Пожалуйте!—сказалъ столоначальникъ, принимая бумагу и пробѣгая ее глазами.—«Вслѣдствіе отношенія... мм... мм... мм... Канцелярія имѣетъ честь препроводить при семъ двадцать два рубля гривен...» гривенникъ? Что̀ вы написали, Спиридонъ Петровичъ? какой гривенникъ? Въ черновой сказано: двадцать два рубля десять копеекъ серебромъ... Развѣ десять копеекъ серебромъ и гривенникъ—все равно? Оно, пожалуй, и все равно, да нельзя такъ писать. Вы этакъ, чего добраго, и синицу или снѣгиря вклеите въ бумагу!

— Извините-съ!.. я сейчасъ подскоблю.

— Да нельзя скоблить денежной суммы... Конечно, жиды скоблятъ червонцы, только вѣдь не на бумагѣ, а въ натурѣ.

При этомъ остроумномъ замѣчаніи столоначальникъ самодовольно улыбнулся.

— Позвольте-съ: я къ завтрему перепишу...

— Пожалуйста же, къ завтрему... бумага нужная. Да смотрите—опять не ошибитесь!

— Будьте спокойны-съ: тщательно перепишу.

— И какъ это вамъ въ голову пришло написать гривенникъ?

— Право, не знаю-съ... — отвѣчалъ Спиридонъ Петровичъ, раскланиваясь.

— Постойте, постойте! Вы пойдете мимо почтоваго отдѣленія?

— Мимо-съ.

— Не въ службу, а въ дружбу — занесите это письмо да ужъ потрудитесь кстати и заплатить за него. Я позабылъ кошелекъ дома.

У Спиридона Петровича, кромѣ найденнаго гривенника, ни копейки не было за душой, а отдать за пересылку чужого письма собственное счастье было бы крайне неблагоразумно.

— Какъ же быть-съ?—проговорилъ онъ съ запинкой.—Сходить домой — опоздаешь письмо отдать, а вѣдь я также не захватилъ денегъ.

— Не захватили? Какъ же вы это не захватили? — говорилъ столоначальникъ въ раздумьѣ, какъ будто припоминая что-то.—Да вѣдь вонъ у васъ въ жилеткѣ есть гривенникъ.

Спиридонъ Петровичъ совершенно растерялся, покраснѣлъ до ушей, взглянулъ на жилетку, запустилъ въ оба ея кармана пальцы и пробормоталъ:

— Да-съ... нѣтъ-съ... точно былъ гривенникъ, да, видно, я его обронилъ.

Столоначальникъ бросилъ на Спиридона Петровича такой взглядъ, какъ будто хотѣлъ повторить съ укоризной: «видно, обронилъ!»

— Все равно,—сказалъ онъ сухо:—я пошлю Соколова.

Спиридонъ Петровичъ понялъ, что нажилъ себѣ врага, и вышелъ изъ присутствія самъ не свой. Сперва онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ узналъ столоначальникъ, что у него въ жилеткѣ гривенникъ? Не видитъ же онъ человѣка насквозь! Развѣ не худа ли жилетка? Жилетка крѣпкая... какъ же онъ?.. А, вѣрно, мошенникъ Соколовъ наябедничалъ.

Убѣдившись въ истинѣ своего предположенія, Спиридонъ Петровичъ сталъ разсуждать спокойнѣе и рѣшилъ, что онъ поступилъ основательно. И точно: что̀ за охота жертвовать счастьемъ. При томъ и бѣды нѣтъ большой. Столоначальникъ посердится—такой же будетъ, а если и станетъ прижимать, немного возьметъ! Спиридонъ Петровичъ — самъ губернскій секретарь, извѣстенъ начальству за ревностнаго чиновника и, того гляди, самъ получитъ столъ. И непремѣнно получитъ, потому что у него счастье теперь въ карманѣ. Сдѣлавшись столоначальникомъ, онъ переѣдетъ на новую квартиру, пообзаведется хозяйствомъ, а потомъ и хозяйкой, и заживетъ бариномъ, и пойдутъ ему чины, ордена, награды, и заведетъ онъ большое знакомство, и будетъ давать обѣды, а послѣ обѣдовъ играть съ генералами въ преферансъ по гривеннику.

«Славно! славно! — думаетъ Спиридонъ Петровичъ. — Вотъ что̀ называется — жить! И все это отъ одного гривенника... Пощупать, тутъ ли онъ?.. Тутъ!..»

— Милостыньку, Христа ради!—прохрипѣлъ слабый голосъ надъ самымъ ухомъ Спиридона Петровича. Дряхлая старушонка, вся въ лохмотьяхъ, протягивала къ нему руку.—Подай милостыньку, батюшка, кормилецъ, съ утра не пила, не ѣла.

— Не прогнѣвайся, голубушка!—хотѣлъ сказать Спиридонъ Петровичъ и не могъ. Невольно рука его протянулась къ жилеткѣ, но... но онъ прошелъ мимо старухи, пробормотавъ: «Господь подастъ!»

Однако это происшествіе сильно разстроило Спиридона Петровича. «Что̀, если старуха въ самомъ дѣлѣ не ѣла съ утра?—подумалъ онъ.—Вѣдь этакъ она, пожалуй, занеможетъ, и на мою душу ляжетъ грѣхъ. Правда... говорятъ, на святой Руси съ голоду не умираютъ, правда и то, что иной побродяга проситъ на хлѣбъ, а глядишь — тащитъ милостыню въ кабакъ,

да все-таки я худо сдѣлалъ, что не подалъ старухѣ. Съ другой стороны, если гривенникъ поможетъ мнѣ выйти въ люди и разбогатѣть, я буду въ состояніи подавать большую милостыню, и непремѣнно буду подавать... постараюсь даже отыскать эту самую старуху и обезпечу ее... Ужъ не будетъ голодать по цѣлымъ суткамъ!.. Ахъ, я, Акимъ-простота! Да зачѣмъ же я не повелъ старуху къ себѣ? Вѣдь вотъ и квартира моя... Эхъ! русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ».

Спиридонъ Петровичъ нанималъ квартиру въ одномъ изъ захолустьевъ Москвы. Эта квартира съ хозяйскими дровами обходилась ему пятнадцать рублей въ мѣсяцъ и заключалась въ маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ на улицу. Подлѣ его комнатки была комната въ три окна, и въ ней гнѣздились человѣкъ пять жильцовъ, въ числѣ которыхъ былъ отставной солдатъ Сидорычъ, извѣстный всему околотку. Сидорычу было лѣтъ шестьдесятъ, но онъ былъ еще довольно бодръ и отправлялъ въ домѣ должность дворника; за это хозяйка давала ему уголъ и кормила. Сидорычъ, какъ человѣкъ бывалый, былъ большой философъ, глядѣлъ на житейскія треволненія равнодушными глазами и отличался рѣзкостью сужденій. Онъ иногда «придерживался чарочки», но не считалъ это за грѣхъ.— «Какой грѣхъ пить водку?—говаривалъ онъ обыкновенно. — Въ какой заповѣди сказано, что водку пить грѣхъ? Сказано: не упивайтесь виномъ, а про водку—ничего». Наружность Сидорыча... впрочемъ, довольно о немъ; прибавимъ только, что онъ прислуживалъ за ничтожную плату Спиридону Петровичу. Спиридонъ Петровичъ и теперь нашелъ его въ своей комнатѣ: Сидорычъ чистилъ самоваръ и былъ навеселѣ.

Спиридонъ Петровичъ приказалъ накрывать на столъ, и за обѣдомъ у нихъ завязался слѣдующій разговоръ:

— А что̀, Сидорычъ! Находилъ ты когда что-нибудь?

— Какъ не находить!.. вѣстимо, находилъ...

— Что̀ жъ ты находилъ такое?

— Да всякое находилъ... пуговицы... гвозди... когда башмакъ, когда пузырекъ... Раза съ три никакъ колачи поднималъ, а одинъ разъ—такъ...

— Ну, а деньги находилъ?

— Нѣтъ, денегъ не находилъ, а кабы нашелъ, не то было бы.

— А что̀ жъ бы?

— Да что̀?—въ купцы бы записался!

— Какъ въ купцы? Да если бы ты нашелъ копейку или грошъ?

— Все бы записался... Я такой секретъ знаю.

— Какой же секретъ?

— Такой секретъ.

— Ну, кабы ты нашелъ гривенникъ?

— И гривенникъ все тожъ. Гривенникъ—оно рубля лучше... въ самую мѣру.

— Какъ въ самую мѣру?

— Такъ; ужъ это я знаю—какъ.

— Да какой же секретъ-то?

— Секретъ-то? Я ужъ знаю какой. Вотъ хоть бы вы теперь нашли деньги, я бы вамъ и сказалъ, что̀ съ ними дѣлать. Вы баринъ учтивый и могорычами бы не обидѣли.

— Ну, скажи мнѣ секретъ: я сегодня нашелъ деньги.

— Въ самомъ дѣлѣ нашли?

— Право, нашелъ: еще цѣлый гривенникъ! Видишь?

— Вижу, вижу... никакъ нынѣшній?.. Гдѣ вы его подняли?

— У самыхъ Троицкихъ воротъ. Что̀ жъ? Хочешь могорычи заслужить?..

— Только не обидьте, батюшка Спиридонъ Петровичъ, а ужъ я вамъ тайну неисповѣдимую открою, такую тайну, что въ годъ разбогатѣете.

— Ну, ну! посмотримъ...

— Вотъ-съ. Какъ скоро нашли вы деньги, гривенникъ ли, четвертную ли, семь ли копеекъ, али сто рублей — извольте сейчасъ купить на нихъ пѣннаго.

— Пѣннаго?

— Да... полугара. Купимши, извольте его выкушать, какъ въ мочь. Извѣстно, ведра въ день не выпить, а такъ въ пропорцію. Вотъ, примѣрно: вы гривенникъ нашли: теперь и купите косушку. Косушку въ день какъ не выпить! А оно и хорошо: выпили въ день—разбогатѣли въ годъ.

— Нѣтъ, ты что-то врешь, Сидорычъ! Какъ это пропивать свое счастье? Я же и совсѣмъ не пью.

— Оно нужно пропить, пока время не ушло. Послѣ, пожалуй, и пропьешь, да ужъ не во̀-время.

— Нѣтъ, братъ, спасибо! Я своего гривенника не пропью.

— Эхъ, Спиридонъ Петровичъ! Помянете меня, старика, да поздно. Эй, прикажите сходить за косушкой.

Но Спиридонъ Петровичъ ничего не приказалъ Сидорычу, а пообѣдалъ и принялся переписывать бумагу. Никогда еще не писалъ онъ такъ ясно и красиво; буквы низались, какъ жемчугъ, въ ровныя нитки строкъ. «Вотъ ужъ и начало счастья!—думалъ Спиридонъ Петровичъ.—Каково пишется? И въ министерствѣ на рѣдкость кто такъ напишетъ. Право!» Переписавъ бумагу, Спиридонъ Петровичъ предался пріятнымъ

размышленіямъ, промечталъ до поздней ночи и легъ спать— очень довольный людьми и собою.

Странный сонъ снится Спиридону Петровичу. Видитъ онъ свое родимое село, видитъ такъ живо, какъ будто наяву. Вотъ онѣ — низенькія, покривившіяся избы, крытыя соломой, вотъ убогая сельская церковь съ приземистой колокольней, вотъ и его домъ, пріютъ мирнаго уютства. Все въ немъ попрежнему: тѣ же щели, тѣ же картинки на стѣнахъ, тѣ же цвѣты на окнахъ, и садикъ все тотъ же... Старикъ-отецъ читаетъ подъ яблонью какую-то книгу, подлѣ него мать варитъ малину въ сахарѣ, подлѣ нея... Кто же это подлѣ нея? Господи! это онъ самъ, самъ маленькій Спиря, съ загорѣлымъ лицомъ, съ запачканными руками, съ растрепанными волосами. Вотъ онъ выбѣжалъ изъ садика, вотъ перебѣжалъ знакомый оврагъ, вотъ нырнулъ въ золотистыя волны ржи. А солнце такъ и печетъ!

Поскорѣй бы добѣжать до рощи: тамъ и тѣнь, и прохлада, и ягоды.

— Полно тебѣ гонцы гонять! — раздается суровый голосъ ректора *** семинаріи, и Спиря, уже не Спиря, а Богословскій 4-й, сидитъ на школьной лавкѣ и напрягаетъ всѣ умственныя способности, чтобы затвердить греческіе аористы и понять составъ хріи. Плохо идетъ ему на умъ ученіе: все мерещится прежняя, вольная жизнь... Да не вернуться ему подъ родительскій кровъ. Получаетъ онъ письмо, что его отецъ и мать умерли, что онъ круглый, безпомощный сирота.—«Не пойду я въ духовное званіе, — говоритъ онъ послѣ первыхъ порывовъ горести:—вступлю въ гражданскую службу».

И снится Спиридону Петровичу, что ему еще двадцать три года, что онъ еще начинаетъ службу въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ, и одна за другою проходятъ передъ нимъ картины чиновническаго быта. Однообразныя картины... Переписка бумагъ, безпрестанныя лишенія, безпрестанный недостатокъ въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, бѣдный кругъ знакомства... ни дружбы, ни любви. Нѣтъ, плохо житье въ уѣздѣ: въ столицу, въ Москву! Но и въ Москвѣ не лучше: узнаётъ новыя нужды, и жизнь начинаетъ обольщать новыми приманками, а средствъ все нѣтъ какъ нѣтъ! По службѣ не везетъ; кругъ знакомства, конечно, разнообразнѣе, но какъ поддержать себя въ этомъ кругу? Ни денегъ, ни достаточнаго образованія! А между тѣмъ онъ уже узналъ, какъ живутъ другіе, а между тѣмъ, можетъ-быть, уже остановилъ свой взоръ на комъ-нибудь.

И снится Спиридону Петровичу знакомый домъ на знако-

мой улицѣ. Долго-долго ходилъ онъ мимо этого дома, во всякое время дня и ночи, пока не нашелъ случай войти въ него, на правахъ учителя.

И снится Спиридону Петровичу, что этотъ домъ освѣщенъ, что въ этомъ домѣ балъ, и балъ не на шутку.

У подъѣзда стоятъ экипажи, комнаты полны гостей; музыканты настраиваютъ свои инструменты.

Да-съ! Ужъ когда Павелъ Александровичъ Замигаловъ даетъ вечерокъ, такъ не ударитъ въ грязь лицомъ, а сегодня онъ справляетъ день рожденія своей старшей дочери, Алевтины Павловны: будетъ ужинъ, будетъ и шампанское! И видитъ Спиридонъ Петровичъ самого себя. Какъ бѣденъ, какъ ничтоженъ онъ въ этой разряженной толпѣ!

Вотъ онъ стоитъ смиренно въ уголку; подлѣ него сидитъ Нимфодора Сергѣевна, та самая старушка, которая познакомила его съ Замигаловыми; никто къ нему не подойдетъ, никто не поговоритъ, развѣ подбѣжитъ его ученикъ, братъ Алевтины. Но что̀ за дѣло Спиридону Петровичу до гостей! Передъ нимъ мелькаетъ одинъ обворожительный образъ, одна темно-русая головка. И какъ умѣетъ одѣваться къ лицу эта Алевтина Павловна! Вѣдь ничего особеннаго: бѣленькое платьице съ короткими рукавами, бѣлый поясокъ, на рукѣ опаловый браслетъ, въ волосахъ вѣтка сирени—и все, а хоть сейчасъ въ рамку вставляй! Начинается вальсъ. Спиридонъ Петровичъ не танцуетъ, но сердце его бьется въ тактъ съ звуками лансье. Отчего же Спиридонъ Петровичъ вдругъ нахмурился? Алевтина пошла вальсировать съ Иваномъ Михайлычемъ, съ ненавистнымъ Иваномъ Михайлычемъ, котораго онъ таскалъ въ селѣ за волосы и который теперь разбогатѣлъ неправдой. Дается же людямъ счастье! Вѣдь что̀ такое Иванъ Михайлычъ? Такъ себѣ—ни рыба ни мясо, золотой мѣшокъ и ничего болѣе! «Отчего же меня преслѣдуетъ судьба?—думаетъ Спиридонъ Петровичъ:—отчего же я не могу выйти въ люди? Хоть бы найти мнѣ гдѣ-нибудь денегъ, хоть бы на улицѣ поднять мнѣ свое счастье!»

Съ этой мыслью Спиридонъ Петровичъ проснулся.

«Какъ иногда живо приснится что-нибудь! — подумалъ Спиридонъ Петровичъ, открывая глаза и вспоминая свой сонъ. — Эге! да на дворѣ бѣлый день! Пора мнѣ въ присутствіе: вставать скорѣй!»

Однако Спиридонъ Петровичъ не всталъ. Какая-то невидимая сила удержала его на постели, такъ что онъ не могъ пошевелить рукой. Онъ испугался и хотѣлъ-было закричать, но въ ту же минуту послышались подлѣ него тихіе, гармони-

ческіе звуки. «Кто же это положилъ мнѣ на столикъ табакерку съ музыкой?»—подумалъ Спиридонъ Петровичъ и сталъ вслушиваться. Звуки становились чище, чище... и вотъ, какъ серебряный колокольчикъ, зазвенѣлъ чей-то голосокъ:

— Спиридонъ Петровичъ!

— Я,—отозвался изумленный и встревоженный чиновникъ.

— Зачѣмъ ты меня поднялъ?

— Кого поднялъ?

— Меня.

— Да кто ты?

— Гривенникъ.

— Какъ гривенникъ?

— Не изволь разсуждать, а отвѣчай на мой вопросъ: зачѣмъ ты меня поднялъ?

— Ну, ужъ если ты умѣешь говорить,—отвѣчалъ Спиридонъ Петровичъ въ недоумѣніи:—такъ долженъ самъ знать—зачѣмъ я тебя поднялъ. На счастье поднялъ! Понимаешь ли ты: вотъ я сколько лѣтъ колочусь, какъ рыба объ ледъ, отказываю себѣ во всемъ, совѣстно сказать—въ тридцать пять лѣтъ не знаю, какъ въ театръ двери отворяются, а все не могу ни до чего добиться, потому что я такой несчастный человѣкъ!

— Ты не несчастный, а слабый человѣкъ. Слушай! Тридцать пять лѣтъ шелъ ты путемъ благороднаго труда, тридцать пять лѣтъ встрѣчался ты лицомъ къ лицу съ нуждою, душа твоя очищалась въ испытаніяхъ, и вотъ при первомъ случаѣ ты хочешь сдѣлаться тунеядцемъ и жить на счетъ другихъ твоихъ братій. Поднялъ меня на счастье! Да что̀ такое счастье по твоимъ понятіямъ? Возможность пользоваться всѣмъ, ничего не дѣлая... Я не говорю... почему бы тебѣ не поднять меня? Конечно... очень можетъ быть, что потерявшій меня лишилъ цѣлое семейство средства добыть себѣ дневное пропитаніе, но ты могъ и не думать о другихъ въ то время, какъ нашелъ меня; ты думалъ о самомъ себѣ... Все это еще ничего... А вотъ зачѣмъ ты не отдалъ меня, тогда какъ тебѣ представлялся еще случай сдѣлать доброе дѣло? Зачѣмъ ты не отдалъ меня Соколову, который столько лѣтъ тебѣ услуживаетъ, зачѣмъ ты не отдалъ меня голодной нищей?

— Да я.

— Не оправдывайся: кругомъ виноватъ! Что̀ дѣлать? Пролитое полнымъ не бываетъ. Но тебѣ еще есть возможность поправить свой поступокъ. Сегодня же отдай меня первому нищему, а не то—пеняй на себя!

— Да послушай же...

— Спиридонъ Петровичъ!—закричалъ во все горло Сидорычъ.—Добужусь ли я васъ? Толкалъ-толкалъ, инда усталъ, толкамши. Вѣдь ужъ первый часъ... И сторожъ за вами приходилъ.

— Какъ? что̀? какой сторожъ?—спрашивалъ Спиридонъ Петровичъ, протирая глаза.

— Да вашъ сторожъ. Говоритъ: что̀ жъ это твой-то? взялъ вчера бумагу, да и доселева не несетъ. Растолкай, говоритъ, его! Али, говоритъ, подгулялъ вчера?

— Такъ я точно спалъ?—спросилъ Спиридонъ Петровичъ.

— Нѣтъ-съ, такъ, почивать изволили!

Спиридонъ Петровичъ успокоился; одѣлся наскоро, вынулъ изъ столика гривенникъ, положилъ его въ тотъ же карманъ и отправился въ присутствіе. Дорогой онъ разсуждалъ о томъ—какіе сны бываютъ и какъ неблагоразумно вѣрить снамъ, а въ заключеніе еще болѣе убѣдился, что гривенникъ долженъ принести ему счастье.

Въ присутствіи столоначальникъ сдѣлалъ Спиридону Петровичу строгій выговоръ за лѣность и за нетщательную переписку бумаги.

— Это показываетъ, государь мой,—сказалъ онъ:—ваше нерадѣніе къ службѣ. Какъ вы осмѣлились, имѣя отличный почеркъ, переписывать бумаги кое-какъ? Берегитесь, Богословскій, до меня начинаютъ доходить невыгодные для васъ слухи.

Этотъ выговоръ не слишкомъ подѣйствовалъ на Спиридона Петровича. Увѣренность въ скорой перемѣнѣ положенія окрыляла его мечты, и въ нѣсколько минутъ онъ переживалъ цѣлые годы блаженства.

Прошли два дня; на третій день Спиридонъ Петровичъ долженъ былъ давать урокъ у Замигаловыхъ и отправился къ нимъ, завязавъ предварительно счастливый гривенникъ въ платокъ.

Спиридонъ Петровичъ ходитъ очень скоро, но мы опередимъ его получасомъ.

Въ маленькой диванной, загроможденной мягкой мебелью, около круглаго стола сидѣло нѣсколько дамъ: хозяйка, Нимфодора Сергѣевна и три или четыре гостьи. Аннѣ Николаевнѣ Замигаловой лѣтъ подъ сорокъ; она еще очень свѣжа, и по всему видно, что въ двадцать лѣтъ была недурна.

Нимфодору Сергѣевну трудно обрисовать нѣсколькими чертами; поэтому можно и не обрисовывать. Остальныя гостьи были—какъ слѣдуетъ быть гостямъ. Матовая лампа освѣщала ихъ лица, вытянутыя какой-то форменной улыбкой; изъ сосѣдней комнаты долетали звуки рояля.

Говорила Анна Николаевна.

— Павелъ Александровичъ занимается въ кабинетѣ. Онъ никуда не выѣзжаетъ... развѣ съ нами съѣздитъ въ театръ или собраніе.

— Вы скоро ѣдете въ деревню, Анна Николаевна?

— Къ концу апрѣля.

— Вѣдь у васъ подмосковная?

— Въ двадцати верстахъ.

— Это очень удобно.

— Да... Наши знакомые не забываютъ насъ и въ деревнѣ: въ именины Павла Александровича у насъ ужъ всегда бываетъ человѣкъ пять изъ Москвы.

— Помѣстителенъ у васъ домъ?

— Въ деревнѣ? Очень помѣстителенъ: передняя... двѣ переднихъ, зала—больше, чѣмъ здѣсь гостиная, другая гостиная, мой будуаръ, кабинетъ Павла Александровича, столовая, дѣвичья... это внизу, да наверху пять комнатъ.

— И садикъ есть?

— Большой садъ; однѣхъ яблонь пятьсотъ или шестьсотъ... сиреневыя аллеи. Знаете, для дѣтей очень хорошо, если есть порядочный садъ...

— А гдѣ вашъ Миша?—говоритъ Нимфодора Сергѣевна.

— Въ своей комнатѣ... приготовляетъ уроки. Сегодня у насъ долженъ быть Спиридонъ Петровичъ.

— Ахъ, Боже мой! не забыть бы мнѣ про Спиридона Петровича; завязать на память узелокъ.

— А что̀ такое?

— Такъ... свои дѣла!—сказала Нимфодора Сергѣевна, покачала головой, вздохнула и завязала узелокъ.

Не скажи Нимфодора Сергѣевна: «такъ... свои дѣла!», и не завяжи она узелка, разговоръ шелъ бы попрежнему; но теперь всей компаніей овладѣло мучительное любопытство. Хозяйка была изумлена: ей никогда и въ голову не приходило, что Спиридонъ Петровичъ можетъ возбудить какой-нибудь интересъ; гостьи, вовсе не знавшія Спиридона Петровича, притаили дыханіе и обратились съ вопросительной миной къ Нимфодорѣ Сергѣевнѣ, но Нимфодора Сергѣевна сидѣла, потупивъ взоры, и покачивала головой. Разговоръ прекратился; сдѣлалась такая тишина, что можно было слышать, какъ Алевтина Павловна перелистываетъ въ другой комнатѣ ноты. Вдругъ раздались чьи-то шаги, послышалось шарканье, и въ дверяхъ диванной показался Спиридонъ Петровичъ.

Увидѣвъ незнакомыхъ дамъ, онъ нѣсколько смутился, но его смущеніе было ничто передъ смущеніемъ прочихъ дѣй-

ствующихъ лицъ. Хозяйка поклонилась ему такъ неловко, гостьи переглянулись такъ значительно, Нимфодора Сергѣевна такъ глубоко вздохнула, что Спиридонъ Петровичъ остановился посреди комнаты, какъ вкопаный.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ комнату не вошла Алевтина Павловна и не сказала Спиридону Петровичу:

— Угодно вамъ посмотрѣть—какой я получила сегодня подарокъ?

— Сдѣлайте одолженіе-съ.

— Пойдемте въ гостиную.

Встревоженный Спиридонъ Петровичъ поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ.

Когда Спиридонъ Петровичъ ушелъ, Анна Николаевна, сгоравшая любопытствомъ, обратилась къ Нимфодорѣ Сергѣевнѣ и сказала умоляющимъ голосомъ:

— Нимфодора Сергѣевна! Мы здѣсь свои...

— Не могу, не могу! Самой сказали по секрету.

— Да помилуйте, Нимфодора Сергѣевна, кто жъ пойдетъ разсказывать?

Гостьи казались обиженными.

— Разскажите, Нимфодора Сергѣевна, вы меня очень заинтересовали!—сказала Анна Николаевна.

— Только пожалуйста, чтобы это между нами осталось...

Нимфодора Сергѣевна оправила на себѣ платье, хозяйка сѣла на самый кончикъ дивана, гостьи пододвинули свои кресла, и разсказчица начала шопотомъ:

— Нужно вамъ сказать, что вчера былъ у меня Иванъ Михайлычъ, по одному дѣльцу...—При этомъ Нимфодора Сергѣевна взглянула на хозяйку, гостьи взглянули тоже; Нимфодора Сергѣевна продолжала. — Пріѣхалъ впопыхахъ... «А я къ вамъ, говоритъ, Нимфодора Сергѣевна! Не возьмете ли на себя маленькую комиссію? Я, говоритъ, нанялъ новую квартиру, то—другое нужно, столоваго бѣлья нужно, посуды нужно, говоритъ, еще много закупокъ по женской части... Сдѣлайте одолженіе, помогите!» — «Извольте, говорю, съ удовольствіемъ».— «Да не знаете ли, говоритъ, вѣрнаго человѣка, кому бы можно поручить еще кое-что. Вотъ бы мнѣ книгъ хотѣлось хорошихъ закупить, хотѣлось бы, знаете ли, свою библіотечку завести». А я и говорю ему:—«Да вотъ, чего же лучше—Спиридонъ Петровичъ Богословскій... онъ человѣкъ свѣдущій и честный...»—«Нѣтъ, говоритъ, съ нимъ я никакого дѣла не хочу имѣть». — «Что̀ жъ, молъ, такъ?» — «Человѣкъ, говоритъ, опасный... пожалуй, еще фальшивыхъ

денегъ подсунетъ...»—«Какъ, говорю, фальшивыхъ денегъ?»—«Такъ вы не слыхали, говоритъ, про гривенникъ?»—«Ничего, молъ, батюшка, не слыхала. Разскажите, пожалуйста!» Онъ и разсказалъ. Дѣло-то выходитъ преказусное. Представьте себѣ, что Спиридонъ Петровичъ вотъ ужъ года съ два какъ началъ зашибаться. Этого никто и не зналъ, да и какъ узнать-то? Извѣстно, въ присутствіе, или куда-нибудь въ порядочное мѣсто является въ своемъ видѣ, а какъ онъ тамъ дома—Господь его знаетъ. Да ужъ случайно открылось. Взялъ-съ онъ на домъ бумагу какую-то переписывать, да, видно, съ вечера выпилъ лишнее—до двухъ часовъ утра и проспи! Въ третьемъ часу столоначальникъ посылаетъ за нимъ сторожа. Сторожъ приходитъ, видитъ—спитъ! Дѣлать нечего; вернулся въ присутствіе, говоритъ: почиваютъ-съ, знать, захворали маленько. Тутъ и случись Иванъ Михайлычъ: при немъ и сторожъ-то пришелъ. Столоначальникъ ему и говоритъ:—«Вотъ, Иванъ Михайлычъ, знакомый вашъ пошаливать начинаетъ». Иванъ Михайлычъ хотѣлъ, знаете, выгородить Спиридона Петровича да и говоритъ столоначальнику:—«Помилуйте! на какія жъ деньги ему пошаливать?»—«Какъ, говоритъ, на какія? Да куда жъ онъ жалованье тратитъ? Вѣдь такой скупецъ, говоритъ, что и Боже упаси! Вонъ Соколову въ семь лѣтъ пятака мѣднаго не далъ, а вчера тотъ увидалъ-было у него гривенникъ, такъ онъ его поскорѣй и въ карманъ! Послѣ, дескать, отдамъ». Иванъ Михайлычъ опять въ защиту Спиридона Петровича говоритъ:—«Лжетъ вамъ Соколовъ: зачѣмъ бы Спиридону Петровичу прятать гривенникъ? Ну, просто не хотѣлъ дать. А то... зачѣмъ же ему прятать, посудите сами? Вѣдь не фальшивый же гривенникъ?» Столоначальникъ посмотрѣлъ на Ивана Михайлыча, помолчалъ, помолчалъ... «Мм... ну, говоритъ, гривенника я не видалъ: Спиридонъ Петровичъ и мнѣ не хотѣлъ его показать». Знаете — далъ этакъ тонкій намекъ. Иванъ Михайлычъ къ сторожу, къ Соколову...—«Какъ, дескать, было дѣло?» Тому что!—Пришелъ, говоритъ, въ присутствіе ни свѣтъ ни заря, пообсмотрѣлся на всѣ стороны, вынулъ изъ кармана гривенникъ, смотрѣлъ-смотрѣлъ на него и съ орла и съ рѣшетки... постучалъ объ столъ, а я стою сзади. «Пожалуйте, молъ, ваше благородіе, гривенникъ!» А онъ его въ карманъ.—«Нѣтъ, говоритъ, этого гривенника не дамъ». Иванъ Михайлычъ и полюбопытствовалъ: «Скажи, любезный, гривенникъ звенѣлъ?»—«Невдомекъ, говоритъ, кажись, звенѣлъ...»

— Позвольте, Нимфодора Сергѣевна!—сказала Анна Николаевна.—Тутъ что-нибудь не такъ. Неужели Спиридонъ Петровичъ фальшивыя деньги дѣлаетъ?

— Да я и не говорю, что дѣлаетъ, а кто жъ его знаетъ— съ кѣмъ онъ знакомъ. И то сказать, на что же ему пить?

— И это опять... Въ первый разъ слышу, чтобы за нимъ былъ такой порокъ. Вы Спиридона Петровича сами давно знаете, сами его рекомендовали.

— Ахъ, Боже мой! Что̀ жъ тутъ удивительнаго! Былъ хорошъ, да и испортился. Я вамъ его рекомендовала—я же васъ и предостерегаю... Впрочемъ, я за вѣрное и не выдаю... А вотъ что̀ было: извольте сами разсудить...

— Странно, очень странно... Скажите, пожалуйста—Спиридонъ Петровичъ... кто бы это подумалъ!.. Нужно будетъ сказать Павлу Александрычу.

— Смотрите же, mesdames, изъ избы сору не выносить.

— Что̀ вы, Нимфодора Сергѣевна,—отвѣчали гостьи.—Кто же станетъ разглашать подобныя исторіи!

Въ это время Спиридонъ Петровичъ сидѣлъ подлѣ Алевтины Павловны и разсматривалъ новенькій альбомъ.

— Славный альбомъ!—сказалъ онъ:—превосходныя картинки! Кто вамъ подарилъ его?

— Иванъ Михайлычъ... Я васъ попрошу написать что-нибудь.

— Если позволите. За особенное удовольствіе поставлю.

— Только что-нибудь свое.

— Да вѣдь я не пишу стиховъ, Алевтина Павловна.

— Помилуйте! кто нынче не пишетъ стиховъ?

— Право, не пишу. Да и что̀ же я вамъ напишу?

— Что̀ въ голову придетъ.

— Вы позволяете?

— Прошу.

Спиридонъ Петровичъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Леня!—послышался голосъ Анны Николаевны.

— Такъ я пойду-съ теперь дать урокъ вашему братцу, а ужъ послѣ позвольте взять альбомъ.

— Очень хорошо.

И Алевтина Павловна упорхнула въ диванную.

Кончивъ урокъ, Спиридонъ Петровичъ сошелъ внизъ, съ намѣреніемъ пройти прямо въ диванную, но въ гостиной сидѣла Алевтина Павловна съ Иваномъ Михайловичемъ, и Спиридонъ Петровичъ невольно остановился.

— Я просила Спиридона Петровича написать мнѣ что-нибудь въ альбомъ. Альбомъ въ диванной, Спиридонъ Петровичъ! Потрудитесь взять.

По лицу Ивана Михайловича пробѣжала злобная улыбка. «Ага, братъ! сердишься! знать, и на нашей улицѣ праздникъ»,— подумалъ Спиридонъ Петровичъ и отправился за альбомомъ.

Альбомъ лежалъ на столикѣ, а надъ столикомъ было зеркало. Взявши бережно альбомъ, Спиридонъ Петровичъ хотѣлъ-было раскланяться съ хозяйкой и гостями, но взглянулъ случайно въ зеркало и обомлѣлъ... Ему показалось, что Иванъ Михайловичъ взялъ руку Алевтины Павловны и поцѣловалъ ее... Холодный потъ выступилъ на лбу Спиридона Петровича; онъ выдернулъ изъ кармана платокъ и—новый ударъ: счастливый гривенникъ выпалъ изъ платка, зазвенѣлъ и покатился по паркету.

— Гривенникъ!—вскрикнули въ одинъ голосъ дамы.

Но Спиридонъ Петровичъ ничего не слыхалъ, ничего не видалъ, ничего не чувствовалъ, а опрометью бросился за гривенникомъ и поднялъ его у самаго дивана, на которомъ сидѣла хозяйка. Тутъ Спиридонъ Петровичъ опомнился, началъ извиняться и вышелъ изъ диванной, оставивъ дамъ въ неописанномъ страхѣ.

— Когда же вы напишете мнѣ въ альбомъ? — спросила Алевтина Павловна.

Спиридонъ Петровичъ приготовился сокрушить ее огненнымъ взглядомъ, но Алевтина Павловна улыбалась такъ мило, такъ невинно... «Нѣтъ, это мнѣ точно показалось!»—подумалъ Спиридонъ Петровичъ.

— Завтра же постараюсь возвратить вамъ альбомъ,—сказалъ онъ, поклонился и ушелъ.

Придя домой, Спиридонъ Петровичъ тотчасъ же зажегъ свѣчку и началъ перелистывать альбомъ. «Гдѣ бы лучше написать мнѣ стихи?—думалъ онъ:—на цвѣтномъ листочкѣ или на бѣломъ? И опять: въ началѣ альбома, въ серединѣ или въ концѣ? А вотъ погадаемъ».

И Спиридонъ Петровичъ взялъ альбомъ, поставилъ его на столъ, зажмурилъ глаза и отнялъ руки: альбомъ раскрылся на какой-то картинкѣ.—«А ну, въ другой разъ». Альбомъ раскрылся на самой срединѣ и на бѣломъ листочкѣ. «Именно такъ,—подумалъ Спиридонъ Петровичъ:—бѣлый цвѣтъ показываетъ чистоту души и невинныя чувства: хорошо! Что̀ жъ мнѣ написать? Стишки-то я пописываю, да вотъ насчетъ сюжета... Не написать ли акростихъ?.. Алевтина... Какое звучное имя! А-лев-тина! Можно даже и шараду написать. Только «тина» нехорошо! Нѣтъ, напишемъ акростихъ... А... какія же слова начинаются съ а? Ахъ... ангелъ... алый... амуръ... Опять все какъ-то неловко... и на концѣ а. Не лучше ли просто написать стихи, не акростихъ, а такъ стихи. Тутъ удобнѣе и чувства излить, и описать можно живѣе. Что̀ бы такое мнѣ написать? Она сама сказала: «что̀ въ голову придетъ»; напишу—что̀ въ голову придетъ».

Спиридонъ Петровичъ рѣшительно обмакнулъ въ чернильницу перо, принялъ позу человѣка, приготовившагося писать, но черезъ нѣсколько минутъ положилъ перо на столъ и опять задумался.

«Экая досада: ничего въ голову не приходитъ! Не написать же, что мнѣ и точно въ голову не приходитъ... То-есть оно и можно... Вы сами, дескать, сказали, что̀ въ голову придетъ; но мнѣ ничего не приходитъ, когда я думаю о васъ. Вотъ въ этакомъ родѣ... Пожалуй, еще обидится. Ахъ, ты, Господи! Что̀ за несчастіе! не могу ничего придумать. Если бы можно было, такъ бы и высказалъ, что̀ на душѣ лежитъ, — да на бумагѣ-то не выходитъ. Что̀ ты будешь дѣлать?»

Часа четыре сидѣлъ Спиридонъ Петровичъ надъ альбомомъ, нѣсколько разъ принимался писать стихи начерно, зачеркивалъ, опять писалъ, грызъ перо, задумывался и наконецъ написалъ слѣдующее:

Видѣлъ я во снѣ Эрота:
Онъ стрѣлу въ меня пустилъ.
Я ему: „Что̀ за охота
Такъ шалить? ты уязвилъ!“
— „Не шалю съ тобой, любезный! —
Онъ въ отвѣтъ, помчавшись прочь:—
Будешь ты лить токи слезны,
Въ тяжкой грусти день и ночь!“
Просыпаюсь я съ зарею—
И, увы! то былъ не сонъ:
Уязвленъ я въявь тобою,
Мой жестокій купидонъ!

Спиридонъ Петровичъ прочелъ эти стихи раза три, остался ими очень доволенъ и легъ спать.

Поутру на другой день Спиридонъ Петровичъ былъ въ присутствіи. Соколовъ почти сдернулъ съ него шинель, чиновники не отвѣчали на его поклоны, столоначальникъ обошелся съ нимъ очень сухо. «Экъ вы всѣ взъѣлись на меня!»— подумалъ чиновникъ и принялся за работу. Столоначальникъ завалилъ Спиридона Петровича бумагами и далъ еще ему на домъ списывать огромную копію. Бѣдный Спиридонъ Петровичъ, несмотря на все желаніе отнести Алевтинѣ Павловнѣ написанные имъ стихи, принужденъ былъ остаться дома. «Что̀ дѣлать?—думалъ онъ:—снесу завтра».

Пришло и завтра. Въ присутствіи приняли его еще хуже, никто съ нимъ не сказалъ ни слова, и когда онъ обратился къ одному изъ чиновниковъ съ какимъ-то вопросомъ, тотъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ. Спиридонъ Петровичъ вышелъ изъ присутствія въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

Вечеромъ онъ отправился къ Замигаловымъ, взявъ съ собой альбомъ и прочтя еще разъ стихи. «Недурно я написалъ,— думалъ онъ дорогой:—право, недурно».

Просыпаюсь я съ зарею —
И, увы! то былъ не сонъ:
Уязвленъ я въявь тобою,
Мой жестокій купидонъ!

— Пожалуйте въ кабинетъ къ барину,—говоритъ Спиридону Петровичу лакей.

Тотъ нѣсколько изумился: подобное приглашеніе было для него новостью. Онъ испугался, самъ не зная—чего; сердце его сильно билось. Въ кабинетъ нужно было проходить черезъ залу; Спиридонъ Петровичъ долго не рѣшался отворить дверь, наконецъ отворилъ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Алевтиной. На ней было черное платье, которое такъ ловко сидѣло, такъ рѣзко выказывало бѣлизну шеи и рукъ, что Спиридонъ Петровичъ не могъ удержаться и сказалъ:

— Вы сегодня очень къ лицу одѣты, Алевтина Павловна!.. Маменька ваша здорова ли?

Алевтина взглянула на чиновника, но, вѣроятно, его блѣдное, вытянутое лицо, длинный носъ и сѣрые глаза не объяснили ей ничего, потому что она спросила:

— Какъ это вы рѣшились сказать комплиментъ?

Спиридонъ Петровичъ не нашелся что̀ отвѣчать.

— Написали вы мнѣ стихи?

— Какъ же! вотъ-съ..

И онъ подалъ раскрытый альбомъ. Алевтина пробѣжала глазами стихи и закусила губы.

— Это аллегорія моихъ чувствъ, Алевтина Павловна,—сказалъ Спиридонъ Петровичъ дрожащимъ голосомъ: — моихъ чувствъ къ тому неземному существу, которое владѣетъ всей моей душою.

— А! вы влюблены?—спросила наивно Алевтина.—Почему же вы написали эти стихи въ моемъ альбомѣ?

— Угадайте сами,—прошепталъ Спиридонъ Петровичъ, потупивъ голову.

Алевтина посмотрѣла на него во всѣ глаза, какъ будто видѣла его въ первый разъ, и захохотала такъ непринужденно, такъ чистосердечно, что у Спиридона Петровича замерло сердце. Какъ оглушенный громомъ, стоялъ онъ посреди залы, пока не подошелъ къ нему лакей и не сказалъ, дернувъ его за рукавъ:

— Пожалуйте, Павелъ Александровичъ васъ дожидаться изволятъ.

Спиридонъ Петровичъ машинально пошелъ за лакеемъ.

Павелъ Александровичъ принялъ чиновника стоя.

— Я долженъ серьезно объясниться съ вами, милостивый государь, — сказалъ онъ.—Васька! пошелъ вонъ! Я принялъ васъ въ домъ,—продолжалъ Павелъ Александровичъ:—въ надеждѣ, что вы своимъ поведеніемъ вполнѣ оправдаете мою довѣренность (Павелъ Александровичъ славился умѣньемъ говорить). Полтора года я слышалъ объ васъ одни похвальные отзывы и полтора года былъ вами очень доволенъ, но съ нѣкотораго времени вы, кажется, забыли обязанности нравственнаго человѣка и должностного лица. Вы перестали заниматься службою, завели неприличныя знакомства, предались унизительнымъ навыкамъ и даже заподозрѣны въ выпускѣ сомнительныхъ денегъ.

Спиридонъ Петровичъ, во все время смотрѣвшій на Павла Александровича помутившимися глазами, очнулся при послѣднихъ словахъ.

— Какъ сомнительныхъ денегъ? — спросилъ онъ.—Какихъ сомнительныхъ денегъ?

— Я не хочу вѣрить всѣмъ слухамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и заслуживаютъ вѣроятія. Но, согласитесь сами, могу ли я поручить образованіе моего сына такому человѣку, у котораго многія лица, облеченныя довѣріемъ общества, видѣли болѣе чѣмъ подозрительный гривенникъ? Еще не далѣе какъ третьяго-дня вы въ собственномъ моемъ домѣ случайно обронили одну изъ мелкихъ монетъ сомнительнаго свойства. Я не могу останавливаться на мысли, что вы намѣренно...

— Да помилуйте, Павелъ Александрычъ,—прервалъ чиновникъ:—кто это обнесъ меня передъ вами? Я выпускаю фальшивыя деньги? У меня видѣли фальшивый гривенникъ! Да у меня всего за душой этотъ гривенникъ, и тотъ я нашелъ на улицѣ.

— Готовъ, отъ души готовъ вамъ вѣрить, что вы нашли этотъ гривенникъ, но... позвольте мнѣ предложить вамъ дружескій совѣтъ. Не забывайте, что вы человѣкъ служащій, имѣющій ясное понятіе о вещахъ, и не предавайтесь склонностямъ, свойственнымъ одному простому классу народа.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? Если вы намекаете мнѣ, что я пью, такъ клянусь вамъ всѣмъ священнымъ, что я отъ роду капли вина не выпилъ.

— Какъ бы то ни было, вы должны понять, что я не могу принимать у себя въ домѣ человѣка...

— Какъ? Вы мнѣ отказываете отъ дому?..

— Не я — общественное мнѣніе... Вотъ и дочь моя выхо-

дитъ замужъ за Ивана Михайлыча. И ему будетъ непріятно видѣть васъ... Какъ вы думаете?

Спиридонъ Петровичъ молчалъ.

— Теперь позвольте мнѣ свести съ вами счеты. Въ этомъ пакетѣ благодарность за ваши труды; кажется, я не оставилъ васъ въ накладѣ. Будьте увѣрены, что и впредь, чѣмъ могу, буду вамъ полезенъ.

Павелъ Александровичъ подалъ запечатанный пакетъ. Спиридонъ Петровичъ взялъ его молча, потеръ себѣ лобъ рукою и вдругъ подошелъ къ Павлу Александровичу, посмотрѣлъ на него пристально и сказалъ:

— Такъ Алевтина Павловна рѣшительно выходитъ замужъ?

Павелъ Александровичъ кивнулъ утвердительно головой.

— И вы не хотите меня принимать изъ-за гривенника? Богъ вамъ судья!—закричалъ Спиридонъ Петровичъ на весь домъ, выбѣжалъ изъ кабинета, накинулъ на себя кое-какъ шинель и пошелъ во всю прыть по улицѣ.

Прибѣжавъ домой, онъ кинулся, не раздѣваясь, на постель и закрылъ лицо руками. У него горѣла голова, ему тѣснило грудь.

«Господи! за что же я такъ страдаю, въ чемъ я грѣшнѣе другихъ?» И Спиридонъ Петровичъ зарыдалъ. Вошелъ Сидорычъ со свѣчой, подошелъ къ чиновнику, покачалъ головой и началъ его утѣшать.

— Что̀ это съ вами, ваше благородіе, кто васъ обидѣлъ? Человѣкъ обидѣлъ? Эка бѣда, что человѣкъ обидѣлъ. Человѣкъ всегда обижаетъ... на то онъ и зеліе страдное...

— Сидорычъ!

— Чего изволите, ваше благородіе?

Спиридонъ Петровичъ всталъ съ постели и подошелъ къ столу; рука его судорожно сжимала что-то.

— На,—сказалъ онъ Сидорычу:—возьми этотъ гривенникъ и принеси мнѣ косушку вина.

Черезъ полчаса Спиридонъ Петровичъ хохоталъ во все горло, чокаясь съ Сидорычемъ, и пѣлъ какую-то разгульную пѣсню.

Черезъ двѣ недѣли Спиридона Петровича уволили со службы.

Черезъ два мѣсяца Спиридона Петровича подняли пьянымъ на улицѣ и отвели въ часть.

По Серпуховской дорогѣ везли покойника на Даниловское кладбище.

Простой деревянный гробъ былъ поставленъ на розвальни, запряженныя въ одну лошадь; за гробомъ шелъ старый отставной солдатъ. Попадавшіеся мужики набожно снимали шапки и крестились.

— Служащаго, что ли, хоронишь, кавалеръ?—спросила солдата какая-то баба.

— Отставного,—отвѣчалъ солдатъ сквозь зубы.

— Неимущій, знать, былъ, сердечный!

— Былъ бы имущій, да самъ виноватъ покойникъ, дай Богъ ему царствія небеснаго! Не умѣлъ вò-время пропить своего счастья.

— Какъ такъ... пропить не умѣлъ, дядюшка?

— Такъ; ужъ это я знаю какъ.

1860.

ЧУБУКЪ.

(Листки изъ какого-то дневника *).

Марта 20-го дня, 185-го года.* Вчерашняго числа, марта 19-го дня, въ 4 часа пополуночи, прибыли благополучно изъ Т—ой ихъ вотчины Громовки въ Москву дражайшіе мои родители и, остановившись въ собственномъ ихъ домѣ, состоящемъ Хамовнической части 5-го квартала, изволили много сѣтовать, что застали меня еще въ постели, невзирая на начавшійся уже около получаса утренній благовѣстъ въ приходской нашей церкви св. Николая, что̀ въ Хамовникахъ.

Батюшка, освѣдомившись, какъ отъ меня самолично, такъ и отъ оставшейся въ домѣ прислуги, о моемъ времяпрепровожденіи и, по всѣмъ вѣроятіямъ, найдя общія наши показанія непротиворѣчащими, не изъявили особеннаго неудовольствія; тѣмъ не менѣе отечески внушили мнѣ, что я трачу излишекъ времени на чтеніе книгъ, моему возрасту неподлежащихъ, а также и на игру въ карты, хотя и не убыточную, проводя такимъ образомъ цѣлые часы за занятіемъ безполезнымъ и службѣ непригоднымъ. Совершенно справедливо внушилъ мнѣ батюшка и то, что проведенное мною время за картами я могъ бы посвятить — или ближайшему ознакомленію себя съ дѣлами службы, провѣряя ихъ «Сводомъ Законовъ», а также уже рѣшенными и высшимъ начальствомъ апробованными исками, тяжбами и апелляціонными просьбами и рѣшеніями, или же—посѣщеніями значительныхъ лицъ и семействъ, удостоивающихъ насъ знакомствомъ и радушнымъ пріемомъ.

Въ заключеніе, батюшка совѣтовалъ мнѣ съ завтрашняго же дня записывать все, что̀ я видѣлъ, слышалъ или узналъ

---

*) Эти листки мнѣ достались совершенно случайно въ Москвѣ, вмѣстѣ съ разнымъ книжнымъ хламомъ Смоленскаго рынка. Я ихъ подобралъ и рѣшился напечатать. Вездѣ, гдѣ рукопись неразборчива, ставлю пробѣлы, или просто точки.

отъ кого-либо, по числамъ, справляясь съ мѣсяцесловомъ и тщательно замѣчая какъ господскіе и церковные праздники, такъ дни рожденія и тезоименитства со святыми близкихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ; буде же понадобится—и дальнихъ. Замѣтки мои наказалъ онъ мнѣ хранить въ чистотѣ и опрятности и ежедневно приносить ему на прочтеніе, а по его отъѣздѣ—еженедѣльно пересылать ему въ деревню.

Потщуся неукоснительно послѣдовать совѣтамъ неоцѣненнаго батюшки и начинаю, съ завтрашняго же числа, вести мой дневникъ.

22-е марта. Вторникъ (полнолуніе въ 4 ч. 58 м. в. Дня прибыло въ это число 1 ч. 42 минуты. Солнце восходитъ въ 5 ч. 30 м., заходитъ—въ 6 ч. 39 м. Луна восх. въ 7 ч. 50 м., заходитъ—въ 5 ч. 54 м. Свѣтать начинаетъ въ 2 ч. 54 м.).

День рожденія Елизаветы Павловны Росковой.

Утромъ былъ съ поздравленіемъ и получилъ приглашеніе на вечеръ. Отправился въ присутствіе и возвратился домой въ 3 часа. Взадъ и впередъ извозчики стоили 30 к. серебромъ. Послѣ обѣда, передъ отходомъ ко сну, батюшка объявилъ мнѣ, что мы поѣдемъ вмѣстѣ съ матушкой въ четырехмѣстномъ возкѣ, присовокупя, что, если мнѣ предложатъ играть въ карты, — я могу сѣсть по небольшому кушу, а въ случаѣ проигрыша, заплатитъ за меня онъ самъ. Матушка, предупредивъ меня, что бальная пара моего платья уже вычищена и палевыя перчатки вымыты, посовѣтовала мнѣ не конфузиться у Росковыхъ, потому что я и по-французски говорю, хоть не бойко, а не хуже иныхъ, и танцовать учился у Фляге, и въ университетъ ходилъ. Прибавила она при этомъ, чтобы я не забывалъ о предстоящемъ мнѣ при моей женитьбѣ выдѣлѣ трехсотъ двадцати одной души изъ наслѣдственнаго мнѣ, по завѣщанію покойной моей бабушки, Марѳы Ѳеодоровны Богадуровой, имѣнія — шестисотъ сорока двухъ душъ, состоящихъ Самарской губерніи въ Бузулукскомъ уѣздѣ; въ заключеніе же увѣщала меня — вести себя по-дворянски, en gentilhomme, тѣмъ болѣе, что она сама повяжетъ мнѣ галстукъ.

Вечеръ провели мы очень пріятно. Я все время игралъ въ карты, втроемъ, — съ преподавателемъ русской словесности и исторіи у Росковыхъ Кравченко и съ отставнымъ совѣтникомъ управы благочинія Перечаловымъ. Выигралъ одинъ рубль трид...

(Пробѣлъ).

...Батюшка и матушка остались очень довольны моимъ дневникомъ какъ по содержанію, такъ и по слогу; просили

продолжать и пересылать къ нимъ... Даже денегъ мнѣ оставили, на храненіе у няни, разумѣется, невпримѣръ много; и уѣхали...

А я все молчалъ, и недостало у меня духу — сказать имъ въ глаза, что они обманываются во мнѣ; мало того, что я ихъ обманываю... Впрочемъ, такъ ли это? Не гордость ли это смиренія?.. Нѣтъ: я просто — ничтожный человѣкъ... Опять-таки нѣтъ: я человѣкъ не ничтожный, а больше — робкій... Но вѣдь и тутъ загадка: отчего я до сихъ поръ робокъ, какъ ребенокъ. Слава Богу, мнѣ стукнуло 25 лѣтъ — пора имѣть свой голосъ, свои убѣжденія, быть самостоятельнымъ — такъ нѣтъ; боюсь и стыжусь всего на свѣтѣ! Сколько разъ, напримѣръ, случалось мнѣ слышать неправильныя сужденія—и у меня не хватало силъ ихъ опровергнуть... Сколько разъ бранили и злословили при мнѣ человѣка честнаго и достойнаго, а я не осмѣливался за него вступиться... Рѣшительно трусъ. По крайней мѣрѣ, если ужъ не трусъ, такъ недоумокъ; не понимаю, какъ можно спорить? Ну что̀ я скажу?—«Извините-съ: это неправда!» А мнѣ скажутъ: «Докажите, что неправда!.. Вотъ мы такъ докажемъ, потому были сами очевидцами и постороннихъ свидѣтелей имѣемъ». Поневолѣ замолчишь, хоть и знаешь, что всѣ эти слова — чистая ложь и клевета.

А выводъ все-таки одинъ: и архинедоумокъ и архитрусъ.

Вотъ и теперь: по приказанію родителей, я веду дневникъ; а имъ посылаю не его, а что-то, чему нѣтъ имени, почему? Потому что знаю, какъ они погнуты силой привычки, и вполнѣ сознаю, что они видятъ ребенка въ человѣкѣ, хотя и не очень задорномъ, все же вкусившемъ отъ «сладкихъ мясъ Египта», и готовъ скорѣе умереть, чѣмъ доказать, что я

Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ...

Правда, что и не докажешь. Я и самъ «рабъ привычки»: веду дневникъ, даже два дневника — одинъ для родителей, другой для себя, и хожу играть въ картишки къ какимъ-то Росковымъ.

23-е апрѣля. Поглядѣлъ я на себя сегодня поутру въ зеркало и невольно возгласилъ:

— Хорошъ!

Слышу за собой голосъ няни:

— Ой, нехорошъ, батюшка!

Обернулся—няня качаетъ головой... говоритъ:

— Нехорошъ, нехорошъ!.. И гдѣ это ты до заутрень-то пробылъ, батюшка ты мой?

— Няня,—говорю ей. — Ты вотъ что̀ скажи: есть у насъ деньги?

Самъ посмотрѣлся опять въ зеркало и невольно засмѣялся: такого обезьянообразнаго облика и не видывалъ. Заспанные глаза слиплись рыжими рѣсницами; бакены темные, а волосы на головѣ—цвѣта опаренной мочалки. «Трехшерстный!»—подумалъ я и опять оглянулся.

— Красавчикъ ты мой, херувимчикъ ты мой! — говорила няня, разводя руками. — Опять ты, знать, эвто проигралъ?

Мнѣ стало стыдно и за себя и за нее, хотѣлось возразить ей: какое право имѣетъ она требовать отчета въ собственныхъ моихъ деньгахъ?.. Но я робѣлъ и мягко проговорилъ:

— Видишь ли, няня!.. Чайку бы мнѣ... а то—голова что-то...

Добрая старуха! Въ два, въ три слова кончились всѣ наши объясненія, — и чай былъ мнѣ поданъ, и деньги принесены, съ увѣщаніемъ:

— Да ты ужъ, батюшка, отъ нихъ, отъ проклятыхъ, хоть карты-то подъ столомъ держи.

— Да что̀ ты, няня?—хотѣлъ я вывернуться передъ старухой, по привычкѣ. — Мнѣ надо завтра на именины... Сама знаешь, что надо...

— Ахти! Вѣдь и то завтра Елизаветы... Ну, какъ не поздравить, какъ не поздравить Елизаветы-то Павловны. А я вѣдь и изъ ума вонъ!

Ну, признаюсь, я и самъ изъ ума вонъ.

Что̀ это имъ далась эта Елизавета Павловна? Что̀ они нашли въ ней хорошаго?.. Маленькая, блѣдная, подъ глазами веснушки, коса валится съ затылка, глаза—какое-то болото, не то зеленое, не то дикое, улыбка кошачья, словно кто ей губы передергиваетъ... А говоритъ-то какъ: точно и вправду, что̀ ни рубль, слово роняетъ... Не понимаю...

Впрочемъ, поѣду завтра поздравить, для наполненія родительскаго дневника: позовутъ—заверну вечеркомъ минутъ на пять, а потомъ—къ нѣмцамъ, въ скоренькую...

Странная эта игра лото: кажется, на чистоту, а все проигрываешь.

24-е апрѣля. 2 часа ночи. Я невыразимо благодаренъ неоцѣненному родителю моему за приказаніе — вести дневникъ. Безъ него я не набросалъ бы на бумагу воспоминаній объ одномъ изъ ясныхъ дней моей жизни. Каждое мгновеніе этого дня кануло жемчужинкой на самое дно моей памяти. Мнѣ отрадно, мнѣ сладко знать, что у меня столько завѣтныхъ, заповѣдныхъ сокровищъ, отъ всѣхъ закрытыхъ... Пусть ихъ думаютъ эти господа и госпожи, что я нищъ духомъ и сердцемъ: «блаженны нищіе духомъ!» —повторяю я теперь и первый разъ въ жизни понимаю — что̀ такое жизнь!

Но какъ же это могло быть, какъ это могло случиться?.. Мнѣ все еще кажется, что я сплю... Не хочу пропустить ни одной подробности... Поскорѣе, поскорѣе записывать!.. Какъ было?.. Да просто вотъ такъ.

Пріѣзжаю я къ Росковымъ часа въ два. Весь домъ навытяжку. Придверникъ Гаврила въ штиблетахъ; лакеи — въ черныхъ фракахъ, чуть ли не лучше моего, и въ бѣлыхъ галстукахъ. Въ залѣ полъ налакированъ глаже льда — того и гляди, поскользнешься. Въ боковой комнатѣ мужской говоръ и дюжины съ полторы черныхъ спинъ всевозможной ширины, наклоненныхъ надъ длиннымъ столомъ съ именинной закуской; пахнетъ пирогомъ и хересомъ. Хозяинъ, одѣтый съ иголочки, въ ослѣпительныхъ полисонахъ, величаво и благосклонно постукиваетъ по золотой табакеркѣ и любовно глядитъ въ глаза какому-то статному и красивому адъютанту,— первый разъ вижу,—а тотъ говоритъ, что̀ рѣка льется. Партнеры мои Кравченко и Перечаловъ, оба съ полными рюмками, стоятъ другъ противъ друга въ какомъ-то сладостномъ недоумѣніи. Въ анфиладѣ маленькая гостиная, пустая, а за ней большая гостиная, и сквозь откинутыя половинки тяжелой портьеры я, несчастный, близорукій человѣкъ, вижу вдали только что-то бѣлое, розовое, голубое, темное... ничего уже не вижу — и останавливаюсь подъ самой портьерой апоѳеозомъ неловкости. Молодая именинница выручаетъ меня и подаетъ мнѣ руку, прежде чѣмъ я успѣлъ поклониться. И откуда взялась эта Елизавета Павловна, — словно изъ земли выросла... Впрочемъ, Богъ съ ней! Хоть за то спасибо, что выручила... Кланяюсь достопочтеннѣйшей ея родительницѣ и младшимъ сестрицамъ, кузинамъ, гувернанткамъ и подругамъ, кланяюсь еще какимъ-то двумъ дамамъ, одной въ синемъ муарѣ, другой въ коричневомъ; выслушиваю что-то такое въ родѣ приглашенія на вечеръ и хочу уже сдѣлать налѣво кругомъ, какъ вдругъ кто-то безцеремонно беретъ меня подъ руку. Гляжу: Петя Горловъ, кончалый студентъ, облекшійся въ штатскую форму и какъ-то ухитрившійся прикрѣпить къ пуговочкѣ носа золотыя очки. Я его узналъ, впрочемъ, по голосу и по грибоѣдовскимъ стихамъ:

„Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы.
Ужели такъ меня три года измѣнили?..“

— Вы хотѣли сказать—три дня?—возразилъ я:—мы съ вами еще въ субботу видѣлись.

— Я не позволю себѣ измѣнять ни единой іоты въ произведеніи геніальнаго питателя... Кстати, читали ли вы послѣднюю статью Бѣлинскаго про «Горе»?

Горловъ никогда не договариваетъ вполнѣ «Горе отъ ума», а послѣ слова «Горе» только язвительно улыбается. Такъ поступилъ онъ и теперь, но только вдобавокъ притиснулъ покрѣпче новорожденныя очки.

Не помню—отвѣчалъ ли я ему или нѣтъ, но былъ быстро увлеченъ имъ изъ гостиной въ боковую комнату. При прощальномъ поклонѣ дамамъ, мнѣ показалось, что Елизавета Павловна поглядѣла на меня съ выраженіемъ полной признательности. Или дѣйствительно мнѣ показалось при этомъ, или первый разъ я уловилъ на этомъ блѣдномъ и холодномъ лицѣ проблескъ жизни?.. Право, ужъ не знаю... Когда мы вошли въ «боковую», Павелъ Семеновичъ ласково протянулъ мнѣ руку, а адъютантъ бросилъ на меня вскользь такой взглядъ, что и опредѣлить его трудно: вотъ словно «обарканилъ» съ головы до ногъ, — иначе выразиться не умѣю. Павелъ Семеновичъ представилъ насъ другъ другу: оказалось, что новый мой знакомый года уже съ три «рекомендованъ» изъ Петербурга адъютантомъ къ одному изъ здѣшнихъ значительныхъ генераловъ. Зовутъ его, т.-е. не генерала, а адъютанта, Владимиромъ Андреевичемъ; фамиліи не сказали. Но Горловъ, прильнувшій ко мнѣ, оттащилъ меня къ закускѣ и шепнулъ на ухо:

— Не правда ли, какой фатъ этотъ Стѣнкинъ?

— Какой Стѣнкинъ?—спросилъ я.

— Да вотъ...

Горловъ повелъ плечами.

Мы оба оглянулись, но адъютанта уже не было въ комнатѣ, а только Кравченко смотрѣлъ своими темно-янтарными, какъ у родного ему хохлацкаго гадюка, глазами не то на косого Перечалова, не то на отпитую до половины рюмку, не то въ неопредѣленную даль...

(Нѣсколько строкъ нельзя разобрать).

За столомъ сидѣло человѣкъ до тридцати. На хазовомъ концѣ красовалась хозяйка въ модномъ чепцѣ съ лентами неопредѣленнаго цвѣта и съ такой же улыбкой; справа и слѣва помѣстились старые и почетные чепчики. На противоположномъ концѣ—хозяинъ, и въ томъ же порядкѣ почетные парики и лысины. Гости помоложе и близкіе родственники усѣлись вперебивку. Блюда разносились съ двухъ концовъ очень чинно и ловко. Мнѣ довелось сидѣть между дѣдомъ именинницы Маркомъ Луповичемъ и Стѣнкинымъ. Наперекосъ отъ меня сидѣла Елизавета Павловна, рядомъ съ нею Петя Горловъ; прямо противъ меня сестра ея Виргинія, потомъ Кравченко и студентъ медицинскаго факультета Алоизій

Щерба. Мнѣ показалось, что съ нимъ сидитъ на стулѣ еще кто-то—вглядѣлся попристальнѣе: одинъ. Господи, что это за обломъ!.. Когда я познакомился съ нимъ, т.-е. видѣлъ его въ первый разъ, я былъ убѣжденъ, что онъ глухонѣмой, а потомъ и рѣшительно убѣдился, когда онъ зашелъ ко мнѣ, вовсе неожиданно, незваный-непрошеный, молча остановился на порогѣ, щелкнулъ себя по галстуку и вопросительно поглядѣлъ на меня. Я тотчасъ же понялъ—въ чемъ было дѣло. Такъ же молча пригласилъ его сѣсть на диванъ, такъ же щелкнулъ рукой по галстуку, указалъ на табакъ и на трубку и попросилъ няню принести водки и закуски. Выпивъ полграфина водки и вытянувъ въ одинъ духъ три трубки, Щерба вдругъ, къ неописанному моему изумленію, грянулъ мнѣ по плечу своей волосатой лапой и проревѣлъ:

— Это—водка!.. А ты скоро умрешь...

Съ этихъ поръ мы и не видѣлись, да, кажется, сегодня онъ меня и не узналъ. У Росковыхъ онъ учитъ, что ли, кого, или лѣчитъ,—Богъ ихъ знаетъ; только съ Кравченко, повидимому, друженъ. Изъ числа другихъ гостей рѣзче всѣхъ выдавались грекъ-откупщикъ, возсѣдавшій одесную хозяина, извѣстный московскій кутила и мотъ, выписавшійся изъ купечества для поступленія въ военную службу, и пресловутый адвокатъ, посаженные ошую. Послѣ неизбѣжной стерляжьей ухи и кулебяки и двухъ-трехъ возліяній разговоръ началъ замѣтно оживляться.

«Будетъ пиръ во полу-пирѣ», въ столовой стало шумно, и надъ собесѣдниками поднялся тотъ незримый, но осязаемый угаръ, отъ котораго вылетаютъ изъ головы легкими грезами тяжелыя думы и заботы. Громче и самостоятельнѣе раздавались слова; мысли выражались опредѣлительнѣе и заносчивѣе, и наконецъ, кажется, при четвертомъ блюдѣ, на трехъ пунктахъ стола завязался жаркій диспутъ...

На одномъ концѣ стола отчетливо раздавалось:

— Помилуйте, Аггей Соломоновичъ!.. Хе-хе-хе! Вѣдь эти-то всѣ новобранцы... Хе-хе-хе!.. Вѣдь они, если сообразить по учету... Хе-хе-хе!.. Да развѣ они понимаютъ — что такое акцизъ?

— Позвольте! (Голосъ стряпчаго).

— Эхъ, не мѣшай, братецъ!

— Да позвольте же, Павелъ Марковичъ!

— Ну?..

— Воля ваша, а Мещерскій этотъ дорого беретъ! (Звонкій голосъ гостьи съ хазоваго конца).

— Что̀ жъ за дорого? (Голосъ хозяйки). Неужели у Матьяса дешевле?..

— Майковъ!—произноситъ какой-то гробовой голосъ, и за этимъ возгласомъ слѣдуетъ удушливый кашель. — Майковъ!..

— Нѣтъ, позвольте, Елизавета Павловна!—слышенъ громче всѣхъ голосъ Пети Горлова.—Я васъ положительно спрашиваю: что̀ такое любовь?

Мгновенное, но общее молчаніе.

— Не однѣмъ вамъ, а всѣмъ присутствующимъ повторяю тотъ же вопросъ,—еще громче возгласилъ Горловъ:—что̀ такое любовь?

Онъ имѣетъ право говорить громко, потому что—чуть-чуть не на роляхъ жениха (какъ говорится въ достолюбезной Москвѣ).

— L'égoisme à deux!—говоритъ бойкая, хоть и примазанная до-нельзя макассаромъ мамзель д'Артуа, гувернантка одной изъ сверстницъ Виргиніи.

— Любовь зла—влюбится и въ козла! — раздается голосъ шутника-стряпчаго съ другого конца стола.

Но никто не смѣется: вопросъ становится общимъ.

— Любовь—женщина!—прошипѣлъ Кравченко.

— Браво!—подхватилъ Горловъ.—Но доказательство?

— Да вотъ хоть бы Любовь Павловна!—сказалъ Кравченко, указывая на девятилѣтнюю сестру именинницы.

Конечно, общій хохотъ, а кстати поданы жаркое и шампанское въ салфеткахъ.

— Елизавета Павловна!—«вскричалъ» до-нельзя расхрабрившійся Горловъ.—Что̀ же вы-то, царица праздника, не скажете намъ: что̀ такое любовь?

— Любовь!—сказала она... да сказала такимъ голосомъ, что и теперь у меня дыбомъ встаетъ волосъ...

Стѣнкинъ игралъ ножомъ на тарелкѣ и задумчиво покручивалъ лѣвый усъ.

— Любовь... — Елизавета Павловна задумалась, потомъ вспыхнула, оборотилась ко мнѣ и не скажу — проговорила — пропѣла:

— Любовь, m-r Черевинъ, это—смерть!

Я поглядѣлъ на нее, и на мгновенье мнѣ показалось, что эти угловатыя формы московской барышни округляются, округляются, и передо мною стоитъ чистое, цѣломудренное воплощеніе любви, съ вешнимъ румянцемъ на щекахъ, съ бездонной лазурью во взорѣ...

Господи, какая глупость! Можно ли было такъ ошалѣть отъ двухъ-трехъ рюмокъ?

— Елизавета Павловна!—неистово вопитъ Горловъ. — Вы должны быть именинницей не 24 апрѣля, а 17 сентября.

— И называться Любовью?

— Нѣтъ—Софіей!

— Вѣроятно, для большаго сходства съ Софьей Павловной Фамусовой?—замѣчаетъ Стѣнкинъ, все еще крутя усъ и улыбаясь.

Кравченко злобно смѣется... Елизавета Павловна какъ-то странно взглядываетъ на адъютанта.

Пьютъ здоровье именинницы. Движеніе стульевъ. Именинница встаетъ и подходитъ по очереди къ дражайшимъ родителямъ, сначала къ маменькѣ, потомъ къ папенькѣ. Общій говоръ, общая суматоха, чоканье бокаловъ, движеніе стульевъ— и вновь мгновенная тишина.

— Любовь—«медіумъ»,—рявкнулъ на всю столовую Щерба.

И всѣ мы покатились со смѣху.

— Scilicet—посредникъ,—продолжалъ невозмутимый Щерба, обгладывая крыло рябчика.

Хохотъ удвоился, тѣмъ болѣе, что въ числѣ гостей находился посредникъ какого-то уѣзда, невзрачный старикашка, съ какимъ-то наростомъ на щекѣ, и принялъ не шутя слова Щербы на свой счетъ.

— Между людьми и міромъ безплотнымъ! — завершилъ Щерба, отирая салфеткою губы, и двинулъ стулъ назадъ.

Кравченко думалъ, что онъ хочетъ встать, и придержалъ его за рукавъ, подшепнувъ: «а пирожное-то?», но Щерба успокоилъ его и все общество словами:

— Нѣтъ! это я такъ...

Громче и дружнѣе хохота я сроду не слыхивалъ и едва-едва, сквозь шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, уловилъ звуки:

„А хохотъ пуще!.. Онъ и въ третій такъ же точно!..“

Конечно, эти звуки принадлежали Петѣ Горлову. Я, въ суетнѣ и толкотнѣ, едва успѣлъ подать руку хозяину, какъ уже очутился за зеленымъ столомъ, «съ дамами».

Отчего меня сажаютъ, по преимуществу, «съ дамами»?

Вѣроятно, по общепринятой кротости въ игрѣ. Мои соиграгельницы обѣ стары и обѣ «въ допотопныхъ чепцахъ», по выраженію одного изъ остроумныхъ нашихъ писателей. Четвертый мой партнеръ—Перечаловъ. Сѣли. Игра пошла, какъ по маслу. «Куплю, куплю, трефы, держу, бубны, держу, черви, семь, вамъ и карты въ руки...» Перечаловъ косится на чужія карты, и отписываетъ, и приписываетъ; пока въ большомъ выигрышѣ; проигрывается моя «визави» Лихорадкина и такъ трясетъ головой при передачѣ талона, что становится жутко...

Мимо насъ, взявшись подъ-руку, ходятъ дѣвицы, и хозяйки и гостьи. Мнѣ валитъ.

— Семь пикъ!—говорю я сдержаннымъ, замирающимъ голосомъ.—Вистъ!.. вистъ!..

Оказывается у меня десять: тузъ, дама самъ-шестъ пикъ (а король пикъ у Лихорадкиной самъ-другъ съ семеркою — она и вистъ), да тузъ, король самъ-четвертъ бубенъ; и другой чепецъ вистъ (тузъ, дама червей и тузъ, король трефъ въ обрѣзъ—какъ же не карты?). А бубны-то раздѣлились, а ходъ-то мой—я съ дамы пикъ и прогулялся: Лихорадкина потрясла-потрясла головою, да и брякъ семерку, а у госпожи (не знаю фамиліи), разумѣется, фоска, а я—съ туза, я—съ валета, я—съ десятки, да десять взятокъ и набралъ. Значитъ, обѣ ремизъ. А восьми играть нельзя было: король самъ-другъ пикъ и четыре бубны въ одной рукѣ, я безъ одной. Не правда ли? Батюшки мои! какъ напустились, какъ напустились на меня сіи дамы!

— Извините!—говорю:—если угодно, я самъ готовъ поставить ремизъ, только...

— Ахъ-ахъ-ахъ! Maman! maman!.. Nadine! Julie! Hélène! Catherine!..—зазвучало и запищало вокругъ меня.

Дѣйствительно пріѣхала maman, т.-е. содержательница пансіона, съ избранными воспитанницами, и въ самую пору; изъ залы уже давно доносились звуки настраиваемыхъ инструментовъ.

Все это я записалъ истово, то-есть такъ, какъ въ промелькнувшіе уже часы бѣжали мои мысли... А теперь, ей-Богу, свѣтаетъ; теперь всѣ прожекты мгновенья канули въ вѣчность; теперь... Господи, охрани меня отъ рутинной фразы!.. Чуть-было не подвернулась подъ перо... Но въ самомъ дѣлѣ свѣтаетъ. Снѣгъ въ нашемъ саду пропалъ безъ вѣсти; что-то зеленѣетъ, вѣрно, кропива, на удовольствіе моей няни; что-то чирикаетъ въ кустахъ, неужели ужъ пѣночка?.. Рано...

Рано, кажется, и мнѣ влюбиться... и не къ лицу... а вотъ подите же.

Влюбленъ.

Да еще какъ: съ не совсѣмъ утраченнымъ акцентомъ церковно-славянской азбуки, съ многодумнымъ большимъ «юсомъ». Вотъ какъ влюбленъ. И въ самомъ дѣлѣ, ссылаюсь на всѣхъ, играющихъ въ преферансъ, на всѣхъ ссылаюсь.

Случалось ли вамъ, господа, чувствовать подъ пальцами, что вамъ сдали туза, короля самъ-шестъ пикъ и десятку самъ-четвертъ червей, и что ходъ вашъ, что вы удерживаете донельзя, наконецъ уступаете покупку задорному противнику, ждете по крайней мѣрѣ «восьми» въ чемъ-нибудь и вдругъ слышите: «десять... въ червяхъ!»

А!

Неужели у васъ при этомъ возгласѣ не захолонуло сердце, неужели вы не задавили всею мощью вашей души, въ самомъ горлѣ, роковыхъ словъ: «вистъ и приглашаю!»

Или съ вами этого не случалось, или вы поймете меня...

Позвольте еще маленькое объясненіе...

Игра къ концу; ремизовъ всего-навсего... ну, на десять червей; зѣвается; запись порядочная; пора бы къ расчету... и вдругъ! «Десять червей!»

Какъ ни дремли, какъ ни устань, все же... согласитесь!.. Вѣдь это—почти-что новая пулька, на послѣдяхъ-то?

А?..

Вотъ такъ-то было и со мною сегодня...

Неужели же это, въ самомъ дѣлѣ, запѣваетъ пѣночка?..

...Сегодня былъ у Росковыхъ, на второй пулькѣ. Лихорадкина осталась, осталась и другая дама, но Перечаловъ исчезъ, и вмѣсто него сѣла третья дама; а за ней...

Да—нѣтъ:

«Да прильпнетъ языкъ къ гортани и отнимется десница у меня», если я забуду то мгновенье, когда ты, очаровательница, явилась передо мной, что̀ свѣтлая заря, прогоняя мракъ моей жизненной ночи, дремавшей до расчета.

— Вы, m-r Черевинъ, не узнаёте моей Sophie?—говорила мамаша, щурясь на меня въ лорнетъ.

— Воистину,—сказалъ я безсознательно...

«Воистину» Sophie передо мной воскресла, и будь у меня тузъ, король и т. д., я бы крикнулъ на всю Москву: «вистъ!». Но туза, короля со свитою у меня не было, и, заглядѣвшись на Софи, я просто, не поднимая картъ, сказалъ: «куплю», и тутъ же поставилъ ремизъ. Софи погрозила мнѣ пальцемъ и упорхнула на звуки невѣдомо кому принадлежащіе:

Вотъ полька, такъ полька,
Не трудна нисколько!..

Въ самомъ дѣлѣ, эта пѣночка собирается запѣвать.

Смуглая, словно побронзирована, волосы только-что не трещатъ при постороннихъ; зубы въ нитку... про глаза и говорить нечего, и голосъ... на ut голосъ. «Вотъ онъ гдѣ вистъ-то на десять червей и со своимъ ходомъ!» — подумалъ я съ наслажденіемъ и замечтался, и еще наставилъ ремизовъ. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то застоналъ и зарыдалъ надъ самымъ моимъ ухомъ, такъ что я вздрогнулъ, и мнѣ на ухо началъ кто-то шептать: «не бойся, не бойся! волна въ свой чертогъ тебя манитъ: не всѣхъ она любитъ ревниво и губитъ, но вѣрь: полюбя, никого никогда не обманетъ»...

— Чей это романсъ, чьи слова?—спросилъ я, вскочивъ со стула и, кажется, гомерически озадачивъ моихъ сопрательницъ.

— Вы въ рукѣ!—проговорила, трясясь, Лихорадкина.

— Вамъ-съ говорить!—объяснила обоюдная наша партнерка-генеральша.

— Кажется, это играетъ m-lle Lise Роскова? — спросила Надежда Макаровна.—Ахъ, какъ я люблю ея игру... Столько экспрессіи и мужества. Пожалуйста, mon cher Serge, узнайте, что̀ она играетъ...

Я пошелъ и въ дверяхъ столкнулся съ Елизаветой Павловной.

— Ахъ, вы уѣзжаете?..—были первыя ея слова.—Конечно, въ Шустеръ-клубъ?

Меня взорвало. Я позабылъ о порученіи Надежды Макаровны и спросилъ:—«Вѣроятно, тамъ будутъ общіе наши знакомые?» — и признаюсь, что хотѣлъ уязвитъ этимъ вопросомъ Елизавету Павловну.

— Нѣтъ,—отвѣчала она просто.—Нынче не будутъ, а въ прошлую середу были.

— Кто жъ это?

— Да, разумѣется, кто же ѣздитъ туда?.. Нашъ кларнетистъ Иванъ играетъ тамъ вмѣстѣ съ вами въ лото!

И проскользнула мимо меня...

Христе Іисусе!.. Я—не псевдо-аристократъ; играть съ лакеемъ во что бы то ни было для меня—не укоръ, ѣздить въ Шустеръ-клубъ—тѣмъ менѣе, но зачѣмъ же стараться обидѣть меня, зачѣмъ простыя, повидимому, слова «облекать въ ризу нечестія»? Что̀ я ей сдѣлалъ? Чѣмъ оскорбилъ ее?.. Моимъ поведеніемъ и посѣщеніемъ Шустеръ-клуба? Да ей-то что̀ за дѣло?.. Нѣтъ, про нее правду говорятъ, что взбалмошна, горда и цѣны себѣ не знаетъ... Нѣтъ! нога моя у нихъ не будетъ...

Такъ думалъ я сегодня въ десять часовъ вечера, а въ 1-мъ часу, при отъѣздѣ, такъ же вотъ, какъ теперь, и совсѣмъ позабылъ объ Елизаветѣ Павловнѣ... Богъ съ ней и совсѣмъ! Не до нея.

Впрочемъ, когда я прощался съ нею, она удостоила поклониться мнѣ черезъ плечо и, держа за руку Надежду Макаровну, проговорила:

— Сергѣй Николаевичъ, кажется, вамъ попутчикъ?

За эти слова я все ей простилъ.

— Ахъ, Боже мой! я вѣдь и позабыла про своего сосѣда и юнаго друга!—сказала Надежда Макаровна.—Не правда ли, m-r Черевинъ, вы не откажетесь проводить насъ? Какъ-нибудь потѣснимся въ каретѣ...

И мы уѣхали втроемъ съ Софи.

Быстро неслась карета, гремя и подскакивая по неуклюжей мостовой; бурнусъ Софи шелестилъ о рукавъ моего пальто; изрѣдка, при поворотѣ изъ переулка въ переулокъ, изъ улицы въ улицу, мѣсяцъ неожиданно освѣщалъ то красную косынку на черныхъ кудряхъ Софи, то зажмуренные глаза дремавшей Надежды Макаровны. Мы молчали, но мое сердце такъ и стучало въ тактъ со словами:

Чтобъ насъ безъ отдыха везла, везла карета,
И не имѣлъ бы этотъ путь конца,
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Смотря на очеркъ этого лица.

Мы ѣхали мимо Кремля, по Спасской площади. Иванъ Великій, весь посеребренный мѣсяцемъ, освѣтилъ намъ карету своимъ золотымъ куполомъ; за каменнымъ мостомъ раскинулось Замоскворѣчье всѣмъ стадомъ своихъ домиковъ по правому берегу Москвы-рѣки, а вдали, синею, росистою лентою, потянулись рощи Александріи, Нескучнаго, Мамоновской дачи и Воробьевыхъ горъ. Надъ всей панорамой тамъ и сямъ поднимались тонкими стрѣлками колокольни подгородныхъ монастырей.

— Ахъ, какъ хорошо, maman!—воскликнула Софи.

Надежда Макаровна встрепенулась, пощурилась сквозь лорнетъ въ каретное окошечко и нѣсколько разъ повторила:

— Charmant! charmant!

Но мы спустились съ кремлевскаго холма, Замоскворѣчье скрылось, и Надежда Макаровна снова задремала. Молча проѣхали мы Волхонку, молча спустились и поднялись на Стоженку; но нетерпѣливая ручка Софи опередила время.

— Да что̀ вы, въ самомъ дѣлѣ, спите, что-ли? — сказала она, ударивъ меня по плечу достаточно чувствительно.

Я взглянулъ на мамашу—положительно спитъ.

— Послушайте, Софья Владимировна!—сказалъ я.—Драться можно, только съ условіемъ.

— Съ какимъ?—Схватила меня за руку,—мѣсяцъ выглянулъ изъ-за какой-то крыши.—Съ какимъ?—спросила она нетерпѣливо...—Да ну же!..

— Ну вотъ!—сказалъ я и поцѣловалъ ей ручку.

— Завтра... увидимъ... уберите прочь вашу милую особу!..—какъ-то успѣла прошептать Софи.

Мы какъ разъ подъѣхали къ ихъ дому...

Завтра? Да вѣдь это завтра—сегодня! Да вѣдь не съ ума же я сошелъ, не во снѣ же все это видѣлъ...

Ахъ, ты, Господи, опять эта пѣночка! Ну, что̀ тебѣ? Ну,

пой, благо поется, ну, пой себѣ... Вѣдь не споешь же ты лучше Елизаветы Павловны. Se non sia morte—ritornerò!

Нѣтъ! ты споешь лучше, гораздо лучше... Прости меня: ты лучше споешь, пѣночка!

Но не

Addio, Venezia,
Il gracioso porte!

А что̀ же?..

Богъ тебя знаетъ, что̀ ты начала напѣвать!.. Только знаешь ли? Ручка у Софи пахнетъ ладаномъ — панихиднымъ ладаномъ: поцѣлуй — и ложись въ гробъ... Понимаешь ли ты это, пѣночка, понимаешь ли ты, какъ на ней лифъ сидитъ, какъ

Бархатной сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ!

Конечно, не понимаешь, да все равно: весна идетъ, крадется, словно кошка, прямо къ сердцу... Ну, пусть ее скребетъ!.. Не усторожишь ты этого проклятаго сердца, бьется — будто въ чужой груди: щемитъ, да и полно!.. Въ чужой груди!.. Если бы въ ней оно билося!.. Если бы... Пѣночка, полно!..

25-е апрѣля. Былъ и объяснился. Не то чтобы она меня любила, но между нами симпатія воспоминаній, а это много... Кромѣ того, между нами существуетъ и другая симпатія, то-есть я говорю вздоръ — не существуетъ, но существовать могла бы. Потому вотъ могла бы, что меня пробираетъ нервозная дрожь, если я до нея дотронусь случайно, «повѣвомъ ризъ моихъ»... Нѣтъ, кромѣ шутокъ, что̀ это за электрическая дѣвочка!

Вдумывался я когда-то въ статьи Буатара „Réalités fantastiques“ и не понималъ ихъ, а теперь окончательно понялъ. Софи—„réalité fantastique“. По крайней мѣрѣ сегодня я вѣрю, что это такъ! Конечно!.. Такой милой уродливости и не выдумаешь.

— Поѣдемте на Воробьевку, — говоритъ.

— Да помилуйте, Софья Владимировна! — говорю. — Тамъ еще снѣгъ..

— Хочу-хочу-хочу!

«Хотите, какъ хотите!» — подумалъ я и спросилъ: — Когда же?

— Сейчасъ, сію минуту!

Дѣлать было нечего: черезъ полчаса стояла у воротъ четверка, и четверка на подборъ, подъ коляской.

— C'est charmant! C'est charmant! — говорила Надежда Макаровна по дорогѣ.

Вся физіономія Софи будто сложилась въ одно слово: merci!

Дѣйствительно слѣдовало сказать: merci! Коляска летѣла, право, по вѣтру, хотя глиняныя колеи, что ни шагъ, грозили выбить всѣ спицы изъ ободовъ.

Такъ ли, не такъ ли, мы влетѣли въ распахнутыя ворота знакомой воробьевской избы и очутились лицомъ къ лицу со всею компаніей Росковыхъ.

— V'la une surprise! — крикнула Надежда Макаровна.

— Какая неожиданная встрѣча! — пролепетала Татьяна Андреевна.

Дѣло, разумѣется, обошлось; старшіе разговорились; юнѣйшія дѣвицы подхватились подъ руки и ушли въ садикъ. Остались надъ обрывомъ Москвы-рѣки мы впятеромъ, а именно: Елизавета Павловна, Софи, Стѣнкинъ, Кравченко и я.

— Знаете ли, Елизавета Павловна? — говорила Софи, глядя изъ-подъ руки:—вѣдь я вашъ домъ вижу отсюда...

— Mademoiselle a une seconde vue? — сострилъ некстати Стѣнкинъ.

— Une bonne vue, voulez vous dire, monsieur?.. N'est-ce-pas?.. — отвѣтила Софи и разгорѣлась...

Ай-ай-ай! Какая же она хорошенькая! Грудь у нея такъ и ходитъ, такъ и ходитъ подъ корсетомъ, такъ и дышитъ, словно устала... Хорошенькая...

Но вотъ что необъяснимо: Елизавета Павловна мнѣ показалась сегодня лучше Софи...

«Всю родню свела!» — по выраженію няни, т.-е. нахмурила брови, глядя на Москву, посоловѣла и закусила губы... Чортъ ее знаетъ: отчего у нея такой холодный взглядъ и такая окаянная улыбка?.. Кравченко также улыбался; Стѣнкинъ, видимо, таялъ; Елизавета Павловна задумалась, а я думалъ: «Софи — лакомый кусокъ... Да все же не для Стѣнкина, а пожалуй, что и не для меня. Почему же, наконецъ, не для меня? Вѣдь когда-нибудь я осмѣлюсь, когда-нибудь скажу сочинителямъ дней моихъ, что я выросъ на два аршина шесть вершковъ; что это ростъ не большой, а въ солдаты гожусь, что я жену присмотрѣлъ себѣ, что Елизавета Павловна... Тьфу!.. что Софи, напримѣръ, такая же дворянка, какъ и я; что наконецъ не вѣрю я въ отеческое проклятіе, тѣмъ болѣе, что его ничѣмъ не вызывалъ, опричь крайняго самосмиренія и крайней покорности.

27-е мая. Нѣтъ! Это невыносимо! На мое горячее письмо, на всѣ почтительно приведенные мною доводы отвѣчать такъ холодно и сурово!.. Глазамъ не вѣрится, чтобы родительская рука могла начертать эти жесткія слова: «Что это ты выдумалъ? Тебѣ-то жениться! Да ты и себя прокормить не въ

состоянiи. А я тебѣ вотъ что̀ скажу напрямикъ: жить въ моемъ домѣ ты можешь; кормить тебя нянька будетъ, а денегъ ты отъ меня не увидишь ни шиша, пока всей дури изъ головы не выкинешь, а не то ужъ извини, братъ Сергѣй! Самъ прiѣду — выбью, вотъ только въ деревнѣ поуберусь, а о своей дѣвчонкѣ и помыслить не моги.

«Любящiй тебя отецъ
«Николай Черевинъ».

«То-то ты въ дневникѣ своемъ святошей прикидываешься. Смотри у меня, не балуй, Сергѣй! Мать тебя цѣлуетъ.

«23 мая 185...

«Село Громовка».

Вотъ и все письмо родителя.

У меня слезы брызнули изъ глазъ... «Нянька кормить тебя будетъ»! Господи! Да чѣмъ я заслужилъ такую нравственную пытку! Неужели тѣмъ, что какъ себя запомню, такъ и страдаю то англiйской болѣзнью, то золотухой, то зубами, то ужъ и не знаю чѣмъ? Правда, я не доучился въ университетѣ, да вѣдь батюшка самъ не далъ мнѣ кончить, чтобы умъ за разумъ не зашелъ, и записалъ меня на службу какимъ-то писцомъ... И самъ еще упрекаетъ меня, что всѣ люди какъ люди, а на мнѣ и чина нѣтъ! Оказывается, что и простъ-то я, и разиня, и своему начальству угодить не умѣлъ. «Нянька кормить тебя будетъ»! Въ 25 лѣтъ-то? Прошу покорно... Конечно, я этого письма не покажу Софи, чтобы не огорчить моего милаго ангела, но ужъ, конечно, постараюсь прокормиться независимо отъ деревенской живности, смоленской крупы и ячнаго кваса. Я начну съ того, что запишусь вольнымъ слушателемъ въ университетъ, переѣду куда-нибудь изъ этого захолустья, буду давать уроки, попрошу какой-нибудь литературной работы, поведу правильную игру, и увидимъ! Я докажу, что могу же, хотя бы во имя любви, не ходить на помочахъ.

— Няня! — крикнулъ я. — Кто привезъ письмо?

— Староста Николай, батюшка мой, староста прiѣхалъ косы закупать, да еще тамъ у него расписано, что̀ на деревню купить. И дворецкiй Сидорычъ прiѣхалъ съ наказомъ къ подрядчику: крышу будутъ перестилать во флигелѣ, да обои новые въ гостиную, да...

— А тебѣ батюшка ничего не приказывалъ?

— А какъ же? А вѣдь письмецо-то вотъ... Тебѣ велѣно самому мнѣ съ глазу на глазъ прочитать. Вотъ и денегъ триста рублей батюшка выслать изволили. На̀-ка, сочти, такъ ли Николай-то сдалъ!

Няня подала письмо и пачку ассигнацiй.

Я сломалъ печать и бѣгло взглянулъ на почеркъ: отъ матушки.

«Любезный нашъ сынъ Сергѣй! — началъ я читать вслухъ нянѣ. — Отецъ твой остается очень недоволенъ извѣстнымъ тебѣ дѣломъ, а болѣе того письмомъ твоимъ. Я тоже недовольна имъ до крайности: самъ разсуди, можно ли такъ обезпокоить и безъ того уже эгрированнаго человѣка? Я не говорю — бракъ святое дѣло, да вѣдь надо же человѣку сначала устроиться самому, а потомъ уже думать о женитьбѣ. Ты пишешь, что у тебя нѣтъ сестры и друга, что въ лицѣ Софьи Владимировны (это подлинныя слова твои) ты введешь къ намъ въ домъ покорную и любящую дочь, что она будетъ лелѣять нашу старость. Отецъ справедливо поручилъ тебѣ замѣтить, что онъ хотя и старъ, да покрѣпче иного молокососа».

— Охъ, точно крѣпокъ, куда крѣпокъ Николай Семенычъ! — неожиданно перебила меня няня, хоть я промычалъ скорѣе, чѣмъ прочиталъ письмо.—Да никакъ ты, голубчикъ мой, и въ самомъ дѣлѣ недоброе затѣялъ?

— Постой, няня, дай дочитать... «Приложенные двѣсти рублей отецъ посылаетъ на твои крайнія необходимости; ты ихъ отдашь Агаѳьѣ и велишь ей, при первой оказіи, отдать полный отчетъ въ каждой потраченной копейкѣ. Увѣдомь со старостой, получилъ ли ты наши письма. Посылаю тебѣ пять банокъ прошлогодняго варенья и полдюжины бутылокъ яблочной водянки. Совѣтую тебѣ, какъ мать, одуматься и не вѣрить своему взгляду на людей. Извинись передъ отцомъ да попроси его наставить на путь истинный: онъ добрый, онъ извинитъ тебѣ твое заблужденіе... Сходи также къ почтенному нашему отцу Евлантію въ Донской монастырь, открой ему всю душу и увидишь, что Господь умудритъ тебя. Еще скажу тебѣ: всѣ барышни до замужества кажутся ангелами кротости, а потомъ... Конечно, я не желаю обижать Софьи Владимировны... можетъ-быть, изъ нея вышла и достойная дѣвица; но она еще такъ молода, и если по времени пріобрѣтетъ себѣ такой же вѣтреный и сентиментальный характеръ, какъ у Надежды Макаровны, что̀ тогда будетъ съ ея злосчастнымъ супругомъ? Ты все-таки припомни, что у тебя будетъ шестьсотъ душъ, и что, хотя родное чадо всего милѣе матери, — но согласись, что ты не можешь личными своими достоинствами экзальтировать до страсти молодой особы, красивой и хоть съ нѣсколько разстроеннымъ, все же съ состояніемъ. Задумай ты жениться на дѣвушкѣ разсудительной, вотъ какъ Елизавета Павловна...»

— Опять! — крикнулъ я и скомкалъ письмо такъ энергично,

что няня схватила меня за руку; вѣрно, ей показалось, что я не дочитаю письма, и что она не узнаетъ, куда ей барскія деньги дѣвать?

Мнѣ стало стыдно. Я схватился за лѣвый бокъ и шепнулъ:

— Мнѣ что-то въ сердце кольнуло.

Няня встревожилась и со всѣхъ старыхъ ногъ кинулась въ кухню. Черезъ минуту она уже успѣла принести мнѣ мартовской воды, брызнула въ лицо, сдула съ угля и наконецъ успокоилась, когда я глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Прошло!».

— Это, батюшка, съ глазу, какъ быть съ глазу!.. Охъ, ужъ эти черноглазыя!.. — увѣряла няня, качая головой.—Бѣдовый ихній глазъ!.. Да что тутъ! И сама-то такая же, словно, прости Господи, цыганка, сажей мазана; да и дочь въ нее, умереть, въ нее... хошь сердись, хошь не сердись, а ужъ правды не утаишь!

— Послушай, няня! — перебилъ я, дочитавъ письмо. — Вотъ тутъ тебѣ двѣсти рублей прислано на расходъ — такъ ты ихъ и возьми, будемъ счетъ вести вмѣстѣ... А сто рублей маменька мнѣ изъ своихъ денегъ посылаетъ на лѣтнее пальто.

— Такъ, такъ, батюшка! Говорилъ мнѣ Николай, что барыня ему сто рублей на самое это пальто вынесла... Да еще, Сергѣй Николаевичъ, тамъ масла три кадушки да солодъ присланы, да яблоки соленые и моченые.

Но я уже не слушалъ няни: у меня въ головѣ мелькнулъ и созрѣлъ въ одно мгновеніе самый смѣлый планъ. Теперь я могу, не обинуясь, сказать, что это что-то такое въ родѣ наитія... Да чортъ же мнѣ велитъ записываться въ университетъ, давать уроки, мѣнять квартиру и, значитъ, безвозвратно поссориться съ родителемъ, канючить въ издательскомъ кабинетѣ о какихъ-нибудь грошовыхъ переводахъ и статейкахъ? Да вѣдь у меня вотъ на столѣ сто, да въ бумажникѣ сорокъ семь чистѣйшихъ и непорочнѣйшихъ денегъ... Да поведу я въ самомъ дѣлѣ разумную игру въ лото... Ужъ какое бы несчастіе ни громило, все же тридцать копеекъ на тридцать человѣкъ ставка, — сколько ставокъ надо проиграть, чтобы остаться безъ гроша? Протяну мѣсяца два-три безъ помощи родителя, а потомъ Богъ милостивъ! На словахъ объяснюсь лучше,—подумалъ я.

— Вѣрно! — раздалось у меня за плечами.

Я вздрогнулъ и оглянулся: передо мною стоялъ Щерба, въ гороховомъ пальто, въ пыльныхъ сапогахъ, но въ студенческой еще фуражкѣ.

— Кончилъ! — произнесъ онъ торжественно.—Поцѣлуемся.

Вѣдь пять лѣтъ... Спрыснуть надо — ѣдемъ со мной въ «Великобританію».

Мнѣ, въ этотъ мигъ, было несказанно-весело.

— Ѣдемъ, — отвѣтилъ я безсознательно. — Только въ Нѣмецкій клубъ.

Щерба молча повернулся и пошелъ впередъ. У воротъ стоялъ знакомый мнѣ лихачъ на щегольскомъ калибрѣ, и мы пролетѣли четыре версты такъ, что мостовая подъ нами горѣла.

— Кому карты? Кому карты, мѣсто-самоборъ!.. — раздавалось въ низенькой, курной залѣ.

Карты мѣняли.

— Эта игра—дрянь!—пробасилъ Щерба.—Идемъ въ полуторарублевую.

Я пошелъ машинально, но, признаюсь, сердце у меня замерло. Я никогда не игрывалъ по синенькой и, по привычкѣ, оробѣлъ.

— Чаю! — произнесъ повелительно Щерба: — т.-е. прежде водки, трубокъ и карты, изъ пяти одну.

Ливрейный прислужникъ кивнулъ головой, подобострастно улыбнулся, скрылся въ дверь буфета и вновь появился съ подносомъ. Трубки подалъ мальчишка-маркеръ.

— А карты? — спросилъ Щерба.

— Тринадцатый нумеръ — изъ семи пятнадцать... Угодно-съ?

— Много бралъ?

— Одинъ разъ-съ.

— Какая ставка?

— Сію минуту-съ. Взгляни въ книгу, Николай!

— Сорокъ пять ставокъ сыграно-съ,—доложилъ маленькій маркеръ.

— Тарань! Мы съ тобой пополамъ, Сергѣй Николаевичъ! Вотъ тебѣ 25-ти-рублевая; поставишь, приходи ко мнѣ въ бильярдную за деньгами. Ну, чертенокъ, маршъ, и кій мнѣ вынуть мой... Слышишь?

Маркерикъ исчезъ.

— Впрочемъ, — продолжалъ Щерба, затягиваясь и задумчиво вглядываясь въ струю дыма:—мы съ тобой возьмемъ по восьмой и по девятой ставкѣ.

Онъ ушелъ. Раздали карты, и игра началась. По шестой ставкѣ къ моему столику подошелъ какой-то господинъ и впился глазами въ номера. По седьмой онъ сталъ словно магнитизировать говорильщика, особенно, когда у меня съ какихъ-нибудь пятнадцати номеровъ стала катерна. Въ это время вернулся изъ бильярдной Щерба.

— Лѣвша, а славно играетъ, шельма! — хотѣлъ шепнуть

Щерба, но, должно-быть, у него голосъ сорвался съ петлей, такъ что кто изъ лотовщиковъ засмѣялся, кто зашикалъ.

— Лихо клопштоссъ оттягиваетъ! — говорилъ Щерба, нимало не смущаясь.—А вотъ слѣдующую ставку мы возьмемъ...

Его спокойствіе ободрило меня. Я окончательно освоился съ игрой и былъ увѣренъ, что возьму по восьмой. Такъ и было. Девятую ставку мѣтилъ Щерба, сказалъ съ перваго же камня: «верти назадъ!», потомъ скинулъ стеклышки и вдругъ оглушилъ меня возгласомъ:

— Довольно!

— Штрафъ! штрафъ!—раздалось по залѣ.

Но штрафу Щерба и не подумалъ платить, а просто взялъ деньги, поманилъ меня кивкомъ, отстранилъ лѣвой рукой отъ выходныхъ дверей какого-то приземистаго блюстителя клубскаго порядка и, нахлобучивъ фуражку, величаво вышелъ подъ руку со мной изъ клуба.

По дорогѣ онъ заѣхалъ въ винный погребъ, въ колбасную и, проговоривъ: «скоротаемъ ночь у тебя!», умчалъ меня домой...

Теперь мнѣ приходится занести въ дневникъ нѣсколько донельзя странныхъ и поразившихъ меня мыслей Щербы.

28 мая. Сегодня я послалъ въ канцелярію записку о болѣзни: мы проговорили со Щербой цѣлую ночь. Истинно онъ—или сумасшедшій человѣкъ, или просто выпилъ вчера лишнее...

Когда мы съ нимъ отужинали, между нами завязался разговоръ.

— Знаешь ли ты, почему мы съ тобой выиграли?

— Вò-время забастовали.

— Ребенокъ!.. Да почему же мы взяли, какъ я тебѣ предсказалъ, именно по восьмой и девятой ставкѣ?

— Случай...

— Случай!.. Ну, а знаешь ли ты, чтò такое спиритизмъ?

— Нѣтъ, не знаю!

— То-то—нѣтъ!.. Ты вѣдь, конечно, вѣришь въ міръ безплотный, въ міръ духовный?

— Безъ сомнѣнія.

— Вотъ видишь ли,—началъ Щерба какимъ-то гробовымъ голосомъ, и почти что такъ:—не ты одинъ—сотни тысячъ сознаютъ, что «вѣра есть упованіе вещей невидимыхъ». Оглянись ты хоть на Америку. Какъ непоколебима тамъ вѣра въ безплотный міръ и въ жизнь загробную! Это ужъ не прокидка шекспировской фразы: «О многомъ на землѣ и на небѣ, Гораціо, еще и не грезилось вашей философіи»; это не жиденькая вѣра въ примѣты, предчувствія предугадки и т. д., а

что-то непостижимое, что-то новое. Новая сторона человѣческаго духа. Ты, конечно, убѣдился, что я полюбилъ тебя не на сутки, а надолго, если не навсегда. Замѣть: полюбить тебя было не за что. Ты запуганъ съ малолѣтства отцомъ и матерью и боишься ихъ чуть ли не больше всего на свѣтѣ... Вообще ты застѣнчивъ и робокъ... Отказала тебѣ природа и въ привлекательной наружности и въ дарѣ слова: только и умѣешь гримасничать да пережевывать во рту, что̀ кашу, чужой вздоръ. Неуклюжъ ты, въ самомъ-то дѣлѣ, неловокъ и дуренъ лицомъ до замѣчательности... Глаза навыкатѣ; носъ переломленъ пополамъ; блѣдность какая-то матово-обезьянья: вообще тебя плевкомъ перешибешь; но ты — *медіумъ*, понимаешь по-латыни—medium? Сирѣчь: посредникъ между міромъ безплотнымъ и міромъ плотскимъ. Вонми мнѣ сознательно.

Щерба одушевился.

— Быстрое распространеніе такъ называемыхъ по всѣмъ частямъ земного шара «странныхъ проявленій безплотнаго міра» служитъ яснымъ доказательствомъ ихъ несомнѣнной дѣйствительности. Сначала—предметъ простого любопытства, если хочешь, любознательности,—эти проявленія впослѣдствіи привлекаютъ къ себѣ вниманіе «людей положительныхъ», «людей науки» — замѣть это хорошенько! — людей, прозрѣвшихъ въ нихъ неотразимое вліяніе на общественную нравственность.

— Нельзя ли не очень ужъ витіевато? Вѣдь ты не на каѳедрѣ,—замѣтилъ я искренно.

Щерба выпилъ залпомъ большую рюмку коньяку, поморщился, махнувъ рукою, и порѣшилъ:—«помолчи!», затѣмъ продолжалъ:

— Новыя, бьющія ключомъ мысли пріурочиваются съ часу на часъ, повсемѣстно, и не остановить ихъ рьянаго потока... Причина проста: проявленія безплотнаго міра извѣстны всѣмъ и каждому... Не признать ихъ—нѣтъ никакой возможности... Спертыя въ одной точкѣ, онѣ просякаютъ, повторимъ—бьютъ изъ земли живымъ ключомъ въ сотнѣ другихъ мѣстъ. Потому что эти проявленія безплотнаго міра и сходны со всѣми новоизобрѣтеніями и открытіями, такъ сказать—механическими: и тѣ и другія такъ же рознятся отъ міра духовнаго, какъ электрическій «кондукторъ» отъ «медіума», т.-е. проводникъ чисто-матеріальный отъ проводника духовнаго.

— Постой же, Щерба! Что̀ за дичь ты порешь?.. Въ самомъ дѣлѣ: дурака ты, что ли, нашелъ?

— Нѣтъ, *ты* постой!—прикрикнулъ на меня Щерба, топ-

нулъ ногой и пришелъ въ азартъ:—все кончено, и электрическій «кондукторъ», и «медіумъ», какъ одушевленный посредникъ между плотскимъ и безплоднымъ мірами, могутъ быть далеко не совершенны; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не было въ природѣ взаимнаго сліянія духа и матеріи, не было проявленія безплотной силы въ бездушной матеріи. Доказательство — все присущее въ природѣ: вездѣ инерція переходитъ въ энергію и наоборотъ. Но оборотъ этотъ—только для близорукихъ: инерціи собственно нѣтъ, а есть энергія жизни, замирающая и блѣднѣющая, какъ замираетъ всякій звукъ, какъ блѣднѣетъ всякій свѣтъ. Тѣмъ не менѣе замираютъ они единственно для глухихъ и близорукихъ людей; тѣмъ не менѣе замершій звукъ и поблѣднѣвшій свѣтъ только переходятъ въ новые, неуловимые для всякаго тоны и краски. Видѣть и слышать ихъ можетъ только избранный, ибо переходятъ они въ иной міръ и не отъ міра сего. Этотъ-то избранный и есть «медіумъ», посредникъ между міромъ видимымъ и міромъ невидимымъ, какъ смерть—посредница между жизнью земною и жизнью еще неизвѣданною, жизнью, можетъ-быть, свѣтилъ присносущихъ землѣ съ четвертаго дня мірозданія.

— Алоизій, Алоизій!.. — убѣждалъ я Щербу. — Побойся ты Бога!

— Не боюсь я ничего! — кричалъ Алоизій на всю окрестность. — Сколько бы ни было представлено возраженій на этотъ тезисъ, сами возразители признаютъ законными слѣдующія аксіомы: 1) Проявленія невѣдомыхъ силъ (отстранивъ нахальное шарлатанство, галлюцинаціи, иллюзіи, легковѣріе, преувеличенія фактовъ и т. п.) все-таки до того осязательны, что отвергать ихъ и сомнѣваться въ нихъ нельзя, не нарушая законовъ здравой критики. Согласись?

— Ну, что̀ же дальше?

— Дальше: 2) Проявленія эти изобилуютъ множествомъ данныхъ, необъяснимыхъ никакими естественными законами, доселѣ извѣстными и доступными наукѣ. Отсюда: 3) Объяснимы они могутъ быть единственно вліяніемъ безплотной силы, наитіемъ міра духовнаго, и поэтому: 4) Ихъ можно раздѣлить на четыре категоріи...

Щерба выпилъ еще рюмку; у меня уже слипались глаза.

— a)—кричалъ Щерба:—шарлатанизмъ и обманъ; b) явленія, объяснимыя наукою; c) явленія загадочныя, сомнительныя; d) явленія, зависящія несомнѣнно отъ силы безплотной, отъ духовнаго міра...

Я уже спалъ и видѣлъ во снѣ веселенькій садикъ и Софи

въ бѣлой блузѣ, вышитой красными шнурками, съ букетомъ розъ въ смуглой ручкѣ, какъ вдругъ меня разбудилъ толчокъ въ грудь и громовое восклицаніе Щербы:

— Ты «медіумъ»! Я сегодня, по чубуку въ клубѣ, узналъ, что ты «медіумъ»!.. Это тебѣ, а не мнѣ отгадали номера картъ...

— Кто отгадалъ?—спросилъ я, протирая глаза.

— А Богъ его знаетъ... Чубукъ. Вѣдь за то-то я тебя и люблю, что ты — невольный «медіумъ»! Вѣдь ты сознайся: ты — наипустѣйшій человѣкъ... Никакого основательнаго образованія ты не получилъ, а дообразоваться не прочь... Вотъ и читаешь, и читаешь, что̀ попадется подъ руки, и отчета себѣ не даешь, но увлекаешься безотчетно каждой новой гипотезой, только было бы въ ней что-нибудь сверхъестественное и смѣлое. И теперь ты сразу повѣрилъ, ну, и предсказываю тебѣ: навѣрное сойдешь съ ума, говоря общепринятымъ языкомъ, а по правдѣ-то... Да вотъ я тебѣ пришлю...

Но ужъ я спалъ безъ просыпа..

8 іюня. Отписалъ родителямъ, отблагодарилъ за совѣтъ и обѣщался исправиться.

Софи хорошѣетъ съ каждымъ днемъ и, разумѣется, ничего не подозрѣваетъ. Что̀ странно: я дѣйствительно засталъ ее третьяго-дня въ саду, въ бѣлой блузѣ съ красными шнурками и съ букетомъ розъ. Стѣнкинъ привезъ. Она съ нимъ немножко кокетничаетъ, да это ей къ лицу! А кто-то сказалъ: женщина не кокетка—все равно, что мужчина трусъ.

Вообще я вполнѣ счастливъ: даже въ клубѣ непомѣрно везетъ. Кстати. Я начинаю вдумываться въ нелѣпую, конечно, гипотезу Щербы о соотношеніи номеровъ лото къ табачному дыму. По крайней мѣрѣ, мнѣ удавалось раза три угадывать очень вѣрно. Самъ Щерба уѣхалъ на все лѣто въ Вологду; но меня не забылъ и привезъ мнѣ на прощанье цѣлую тетрадь, подъ заглавіемъ: «Книга духовъ».

Некогда еще было просмотрѣть...

8-е іюля. Странные слухи сообщила мнѣ Надежда Макаровна про Елизавету Павловну: говорятъ, влюблена по уши въ Стѣнкина и извелась, какъ спичка. Точно, видѣлъ я ее какъ-то мелькомъ на балконѣ, ни кровинки въ лицѣ. Впрочемъ, Богъ съ ней: я и о существованіи ея забылъ.

Софи разучила для меня нѣсколько цыганскихъ пѣсенъ... Какой у нея выработался голосъ, точно свинецъ растопленный на темя каплетъ...

А я начинаю проигрывать. Старые лотовщики совѣтуютъ мнѣ перемѣнить клубъ... Пожалуй, что и такъ... Денегъ у меня совсѣмъ на подборѣ.

12-е іюля. Совсѣмъ проигрался... Неслыханное несчастіе! Полтораста ставокъ, и хоть бы катерна потѣшила во всю игру. Привезъ домой три четвертака, а завтра надо нанять коляску, да еще альбомъ заказалъ для Софи — того и гляди принесутъ. Просто бѣда! Надо приняться за няню.

13-е іюля. Вотъ ударъ-то! Няня отнесла деньги къ отцу Евлантію. Говорятъ, побоялась дома держать, не ровенъ часъ. Насилу уломалъ, чтобы въ монастырь сходила. Слава Богу, принесла къ вечернѣ сто рублей, а сто уже издержано. Пустилъ въ игру—выигралъ и альбомъ взялъ. Софи въ восторгѣ, проситъ написать что-нибудь.

17-е іюля. Четвертый день проигрываю. Осталось пять рублей... Рѣшаюсь на послѣднее средство: откровенно признаться во всемъ отцу Евлантію и убѣдить его спасти меня... Но я его знаю: онъ не выдастъ денегъ. Все равно—хуже не будетъ, поѣду.

18-е іюля. — «Я вамъ дамъ денегъ, но съ условіемъ: не ѣздите хоть недѣлю въ клубъ, — сказалъ мнѣ сегодня отецъ Евлантій. — Отдохните и займитесь чѣмъ-нибудь подѣльнѣе лото».

Я далъ ему слово и хотѣлъ уже уѣхать, какъ вдругъ въ его келью вошли: Росковъ, Роскова, Елизавета Павловна и Виргинія Павловна. При видѣ меня, Елизавета Павловна отступила шагъ назадъ и облилась румянцемъ; у меня болѣзненно сжалось сердце, какъ будто его кто-то сдавилъ калеными клещами, — и вдругъ въ моемъ воображеніи возникъ красавецъ Стѣнкинъ, самодовольный, съ русыми кудрями и бѣглой, но побѣдной улыбкой на тонкихъ губахъ. Мы обмѣнялись съ Росковыми старшими нѣсколькими фразами; затѣмъ я молча поклонился дѣвицамъ и вышелъ изъ кельи.

Но что̀ меня заставило завернуть на монастырское кладбище—до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета. Безъ цѣли свернулъ я на чистенькую, усыпанную краснымъ пескомъ дорожку и пошелъ между памятниками. Кажется, мнѣ хотѣлось отыскать могилу дѣдушки; говорю—кажется, потому что я безсознательно наткнулся на знакомую плиту; потомъ опомнился, перекрестился, поклонился въ землю и сѣлъ на могильный дернъ... Надо мной спускался цѣлый пучокъ дозрѣлыхъ стручковъ акаціи; я сорвалъ одинъ, подавилъ, и онъ раскололся надвое, и я, какъ ребенокъ, вскрикнулъ отъ удовольствія; взглянувъ на зеленоватыя, съ красными жилками зерна, я не удержался и съѣлъ, но тотчасъ же вспомнилъ, что это вредно. Вслѣдъ за этимъ, любуясь стручкомъ, я впалъ въ какое-то забытье. Живо представилась мнѣ бы-

лая деревенская жизнь... Такой же кустъ акаціи въ саду; подъ кустомъ скамейка; но на скамейкѣ, рядомъ со мною, десятилѣтнимъ мальчикомъ, сидитъ маленькая дѣвочка, русая, съ большими испуганными глазами, лупитъ стручки и подаетъ мнѣ два стручка.

— Посмотрите, говоритъ, вмѣстѣ сидятъ, словно мы съ вами, на одной скамейкѣ...

Въ саду поднимается липовый, медовый паръ; малина поспѣла; что-то жужжитъ тоненькимъ раздражительнымъ голосомъ.

Какая вы дурнушка, Лизочка!—говорю я ей.

Лизочка закусываетъ губы, бросаетъ мнѣ въ лицо всѣ стручки и опрометью бросается отъ меня по дорожкѣ. Я за ней, но она уже успѣла скрыться за цѣлую фалангу почтенныхъ юбокъ и чепцовъ, чинно плывшихъ по аллеѣ.

— Serge!—слышится мнѣ укоризненный голосъ maman:— qu'avez-vous?

Я оторопѣлъ...

Вотъ съ этихъ поръ я и не люблю Елизаветы Павловны.

Вдругъ мнѣ послышались въ плитѣ тихіе, но довольно частые удары, и такъ явственно, что я вскочилъ, какъ ужаленный.

— Неужели вы такъ меня боитесь? — спросила Елизавета Павловна, очутившись передо мной, со своей окаянной улыбкой.

На соломенной ея шляпкѣ, съ длинными полями, рисовался китайскою тѣнью ея греческій, безжизненный, какъ у статуи, профиль. Она нетерпѣливо стучала зонтикомъ по надгробной плитѣ.

— Поѣдемте, то-есть пойдемте къ намъ на дачу: это въ двухъ шагахъ...

Я невольно приподнялъ фуражку и отправился вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ семействомъ Росковыхъ на дачу.

Дача точно—въ двухъ шагахъ отъ монастыря, и отличная дача: что̀ за домъ, что̀ за маститый садъ, съ цвѣтами, съ прудами, съ бесѣдками!.. Послѣ обѣда Елизавета Павловна сказала мнѣ:

— Хотите, Сергѣй Николаевичъ, погулять?

Мы пошли цѣлой компаніей; но Елизавета Павловна вдругъ остановилась передъ кустомъ воздушныхъ жасминовъ и сказала:

— Посмотрите, какъ распустились!

Компанія исчезла по аллеѣ.

— Сергѣй Николаевичъ, — продолжала Елизавета Павловна:—я нарочно задержала васъ, чтобы спросить объ од-

номъ... Я вамъ вполнѣ повѣрю, если вы дадите мнѣ слово... найти гдѣ-нибудь опытнаго садовника... или—какъ онъ называется?..

Я посмотрѣлъ на нее во всѣ глаза и хотѣлъ-было допроситься у нея,—что̀ значатъ эти слова?—но вдругъ услыхалъ сзади себя бряцаніе шпоръ и голосъ Стѣнкина:

— Bonsoir, mademoiselle!..

Хотѣлъ уѣхать и заслушался Елизавету Павловну до глубокаго вечера. Въ 10 часовъ былъ у Софи.

Она очаровательно спѣла:

„Ты душа ль моя“.

Стѣнкинъ, Богъ его знаетъ, откуда явился, превзошелъ себя, разсыпаясь въ остроумныхъ любезностяхъ, а у меня опять невыразимо-болѣзненно сжалось сердце, когда онъ, прощаясь, пожалъ руку Софи. Сама Софи показалась мнѣ плохонькой... А вѣдь тетрадь Щербы—бредъ, но презанимательный: оторваться нельзя.

25-е іюля. Какая тоска давитъ и давитъ мое сердце, неотступно, неотразимо. И отчего мнѣ все мерещится эта келья и зарумянившаяся Елизавета Павловна на порогѣ?.. Неужели же во мнѣ такъ сильна страсть къ игрѣ, что одна любовь не можетъ наполнить моей жизни, что мнѣ мало блаженныхъ минутъ подлѣ Софи, за чайнымъ столикомъ въ этой уютной китайской бесѣдкѣ, нырнувшей въ темную зелень?.. Стѣнкинъ срисовалъ очень изящно эту бесѣдку въ альбомъ Софи; я написалъ ей стихи Лермонтова:

„Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва...“

Она разучиваетъ музыку на нихъ Варламова.

Елизавета Павловна также поетъ этотъ романсъ, но, по-моему, ужъ черезчуръ экспрессивно и какъ будто хочетъ сказать: «послушайте, какая я виртуозка!».

Да что̀ же это такое? Что̀ это у меня за тоскливый пунктъ помѣшательства на сей благовоспитанной дѣвицѣ?

Дѣйствительно, въ Софи есть что-то пошлое. Во всякомъ случаѣ кокетничаетъ она ужъ черезчуръ тривіально, и со мной и съ Стѣнкинымъ...

«Хоть бы кто-нибудь мнѣ совѣтъ подалъ: хоть бы Щерба пріѣхалъ!»—подумалъ я, воротясь домой и закуривая трубку. «Щерба хоть по дыму номера отгадывалъ,—продолжалъ я думать.—Щерба хоть увѣряетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, что душа человѣка, по его смерти, или остается на землѣ блудящею тѣнью, или одушевляетъ собою другое существо. Увѣряетъ, что есть медіумы, посредники между духов-

нымъ и плотскимъ міромъ, что имъ даже и въ неодушевленныхъ предметахъ слышатся и видятся отвѣты на ихъ задушевные вопросы. Да вѣдь Щерба и въ дыму видѣлъ письмена... А я-то? Мнѣ-то кто отвѣтитъ, меня-то кто вразумитъ? Не чубукъ же мой?»—подумалъ я отчаянно, слѣдя за дымомъ.

Дымъ, словно змѣя, завился въ ясныя буквы: «Е. П.»

— Ужъ опять не Елизавета ли Павловна?—крикнулъ я и затянулся...

Ничего.

Выкурилъ всю трубку...

Ничего.

Нѣтъ, это недаромъ. Завтра же поѣду къ Росковымъ и вывѣдаю все...

1-е августа. Недѣли съ двѣ тому я былъ у Росковыхъ и нагрубилъ Елизаветѣ Павловнѣ съ перваго шага. Да какъ же было иначе? Не успѣлъ войти въ калитку изъ сада, она мнѣ шасть прямо въ глаза:

— Ахъ, здравствуйте!.. Скажите мнѣ: вы такъ часто видаетесь съ Стѣнкинымъ, гдѣ онъ пропадаетъ?

— Да я вчера еще его видѣлъ,—отвѣтилъ я простодушно.

— Я такъ и думала!..—холодно замѣтила Елизавета Павловна.—Вѣроятно, вы его видѣли у Надежды Макаровны?

Меня задушила злость: я ничего не отвѣтилъ, повернулся и прошелъ въ кабинетъ Роскова...

Но какъ похорошѣла эта Елизавета Павловна! Сколько души въ ея глазахъ! какой тонкій румянецъ, словно у вешней повилики.

15-е августа. Софи мнѣ рѣшительно надоѣдаетъ своимъ кокетствомъ съ Стѣнкинымъ... Надо положить этому конецъ...

18-е августа. Пріѣхали родители. Остались очень довольны моимъ хладнокровнымъ объясненіемъ насчетъ задуманнаго брака съ Софи... Родитель посовѣтовалъ мнѣ только не курить, потому «грудь сушитъ».

25-е августа. Я обѣщалъ родителю не курить, да не выдержалъ, и сегодня, когда всѣ легли спать, досталъ изъ-подъ шкапа мой любезный чубукъ. Закурилъ, затянулся разъ... какъ я кашляю!.. затянулся другой разъ—гляжу: дымъ словно пишетъ:

— Спишь?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ я вслухъ.

— Словъ не надо: думай.

— Хорошо.

— Она спитъ.

— Кто?

— Е. П.

— А, спитъ!.. Такъ кого она любитъ?

Трубка погасла.

— А Софи кого любитъ?—подумалъ я, снова закуривая трубку.

— Не тебя...

— Кого же?

— Ты простъ...

27-е августа. Родители уѣхали; но передъ отъѣздомъ у меня пропалъ чубукъ... Я сталъ искать его во имя Софи и не нашелъ... Вспомнилъ двѣ буквы: Е. П.—гляжу, чубукъ мой стоитъ преспокойно въ углу, у моей кровати... Да!.. я готовъ полюбить эту дѣвушку всѣми силами моей души, какъ другъ, какъ братъ, какъ... О, я знаю, она можетъ также полюбить... да не меня... Я ея недостоинъ!..

И понялъ это въ первый разъ... Горе мнѣ, бѣдному!..

1-е ноября. Такъ я еще живъ послѣ двухмѣсячной болѣзни?.. Да полно, такъ ли?.. Былъ ли я боленъ? Не спалъ ли я все это время и видѣлъ тяжелый сонъ?.. О, нѣтъ! Столько перестрадать во снѣ нельзя!.. Нѣтъ! ни одному горячечному не пригрезится такъ живо китайская бесѣдка, и мѣсячная ночь, и бѣлая фигура какой-то дѣвушки, склонившейся на чье-то не дѣвичье плечо... Нѣтъ! я все это видѣлъ своими глазами и наяву... Наяву упалъ я безъ чувствъ на ступеньки бесѣдки... Помню, живо помню, какъ у меня что-то лопнуло въ мозгу и въ груди...

Ахъ, Господи! Да что̀ же это я брежу въ самомъ дѣлѣ наяву? А сонъ такой странный, что поскорѣе надо занести его въ мой дневникъ и показать потомъ Щербѣ, когда онъ вернется...

Очень странный и послѣдовательный сонъ...

Это было 28-го, т.-е. какъ будто третьяго-дня или вчера. Вернулся я поздно изъ клуба, распроигравшись въ пухъ и прахъ; усталъ до-нельзя. Ночь душная-предушная; гдѣ-то гроза. Я отворилъ окно, закурилъ трубку, да тутъ, должно-быть, и заснулъ.

Вотъ мнѣ и снится, что курю я изъ моего былого, любимаго чубука и безсознательно гляжу на дымъ, а онъ свивается-свивается въ какія-то фигурки, и вдругъ мнѣ кажется, что тонкія его колечки образуютъ изъ себя буквы.

Я затянулся и пустилъ длинную струю дыма,—и вотъ крупнымъ косымъ почеркомъ, совершенно похожимъ на собственный мой почеркъ, побѣжали слова:

— Читай!

Я протеръ глаза. А слова бѣгутъ: «Читай, пока еще можешь опомниться».

— Что̀ за чудо?—загадалъ я себѣ мысленный вопросъ.

— Не чудо, а откровеніе!—писалъ дымъ.—Ты не повѣрилъ въ сокровенныя тайны духовнаго міра, такъ убѣдись же теперь, маловѣрный и жалкій человѣкъ, своими глазами. Я говорю тебѣ: теперь ты невольный медіумъ, а не образумишься, будешь—пошлѣе этого березоваго чубука.

— Прежде чѣмъ съ тобой перебраниваться,—подумалъ я, невольно испугавшись:—позволь тебя спросить: кто ты такой?

— Твой покойный дѣдъ... Но прошу тебя не перебивать меня: тебѣ суждено выкурить только двѣ такія трубки. Не теряй же дорогого времени и дыма... читай... Я ужъ сказалъ, что ты непомѣрно глупъ, и сказалъ истую правду. Подумай самъ: тебя ли не побаловала судьба съ самаго рожденія? Сынъ ты честныхъ, разсудительныхъ и горячо тебя любящихъ родителей. Отецъ твой строгъ, но вѣдь ради твоей же пользы. Ты дворянинъ; состояніе у тебя въ виду кругленькое; воспитаніе тебѣ давали дѣльное, практическое. Что̀ же изъ тебя вышло? Сначала лѣнтяй-мальчишка, потомъ некончалый студентъ, шалопай, потомъ безсмысленный лотовщикъ. И... вѣдь Господь тебя не обездолилъ способностями; мало того, еще создалъ *медіумомъ*, а у тебя силенки воли недостало, чтобы выработать изъ себя что-нибудь, похожее на разумное существо.

«Вмѣсто того, чтобы искупить физическіе недостатки нравственно-духовнымъ развитіемъ, ты погрузился въ непробудную апатію и заспалъ въ себѣ всякое человѣческое чувство... Ну, любилъ ли ты кого-нибудь искренно? Ты слишкомъ себялюбивъ.

«Ненавидѣлъ ли хоть кого-нибудь? И того нѣтъ: ты слишкомъ робокъ. Составилъ ли себѣ наконецъ какое-нибудь убѣжденіе? Опять-таки нѣтъ: ты безхарактернѣе флюгера...

«Кладъ тебѣ давался самъ въ руки: тебя могла полюбить всею силою своей чистой, непорочной души рѣдкая дѣвушка, могла бы очистить твое сердце въ горнилѣ нераздѣльнаго, священнаго чувства вѣрной дружбы и неизмѣнной любви... А ты что̀? Сдѣлалъ ли ты хотя малѣйшее усиліе надъ своей гнусной апатіей, чтобы хоть сколько-нибудь возвыситься до Елизаветы Павловны, принесъ ли хоть одно изъ своихъ животныхъ поползновеній въ жертву благородной страсти? И не подумалъ. Принялся поигрывать въ картишки, ставить шишечки лото, да пріударилъ за первой смазливой дѣвчонкой.

«Образумься же, несчастный!»

— Нѣтъ! — подумалъ я: — шалишь, любезный! Я искренно люблю Софи.

— Вздоръ!—продолжалъ чубукъ.—Набей еще трубку.

Я безпрекословно повиновался и закурилъ.

— Чистый вздоръ! Ты еще, пожалуй, кое-какъ, по своимъ силенкамъ, и влюбленъ въ нее, да ужъ она-то не чувствуетъ къ тебѣ ровно ничего, кромѣ отвращенія. Ей бы поскорѣе только чепчикъ надѣть, а ты — подходящая партія, вотъ и все.

«Не думаешь ли ты, что она и теперь, при свѣтѣ серебристаго мѣсяца, мечтаетъ о тебѣ въ китайской бесѣдкѣ? Какъ же! Пробѣгись-ка къ нимъ въ садъ, благо недалеко и тебя не ждутъ...»

Тутъ-то мнѣ и приснилось, что я наскоро одѣлся, добѣжалъ къ знакомому мнѣ дому, прокрался садомъ къ китайской бесѣдкѣ, увидалъ сквозь раскрытую дверь, что Софи обняла Стѣнкина руками и припала головой къ его плечу...

У меня потемнѣло въ глазахъ, и я упалъ безъ чувствъ...

Слышу: кто-то меня будитъ—гляжу: Елизавета Павловна, хороша, какъ божій день... говоритъ: «Вамъ курить вредно».

Какой дикій сонъ!.. А курить мнѣ все-таки вредно... Во избѣжаніе соблазна, я изломалъ мой чубукъ...

Списавшій эти строки можетъ прибавить отъ себя, что онъ видѣлъ въ Донскомъ монастырѣ памятникъ съ довольно оригинальною надписью:

«Подъ симъ камнемъ погребено тѣло *отрока* боярина Сергѣя Николаевича Черевина. Родился 17-го августа 182... года, скончался 17-го же октября 185... года. Всего житія его было 25 лѣтъ и 2 мѣсяца».

«Покойся, милый сынъ нашъ, до радостнаго утра!»

1860.

БАТЯ *).

I.

Недавно я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ моего стараго друга и родственника, Карпа Михайловича П*.

Мы не видались съ нимъ нѣсколько лѣтъ, а въ это время немало воды утекло, немало уплыло по ней и радости и горя... Но Карпъ Михайловичъ нисколько не измѣнился: все тотъ же добрый, степенный старикъ; то же умное лицо; тѣ же проницательные сѣрые глаза; та же вразумительная, неторопливая, порой витіеватая рѣчь.

Много перевидалъ Карпъ Михайловичъ на своемъ вѣку. Человѣкъ онъ 12 года, служилъ въ отечественную войну офицеромъ одного изъ ополченныхъ кавалерійскихъ полковъ, проѣхалъ Германію, побывалъ въ 14-мъ году въ Парижѣ, воро-

---

*) Батя—лицо не вымышленное.

Помѣщичій крестьянинъ Денисъ Герасимовъ, по прозванію Батя, родился Тверской губерніи въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ 1729 или 1730 году. Фамилія перваго его владѣльца, вышневолоцкаго однодворца, неизвѣстна. Лѣтъ тридцати пяти отъ роду, Герасимовъ поступилъ въ приданое за дочерью своего помѣщика, вышедшей замужъ за моряка, также неизвѣстнаго по фамиліи. Съ новымъ своимъ бариномъ отправился онъ, въ качествѣ денщика, въ первую русскую экспедицію въ Средиземное море и пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ. Во время экспедиціи баринъ его умеръ, а онъ, вмѣстѣ съ эскадрою, воротился въ Кронштадтъ, потомъ, съ овдовѣвшею своею барынею, перебрался на родину и былъ проданъ тамъ тогдашнему шацкому воеводѣ Кривскому. Воевода перепродалъ его шацкому же помѣщику, отставному корабельному секретарю Карпу Семеновичу Полянскому. Отъ Карпа Семеновича Денисъ Герасимовъ достался по наслѣдству старшему сыну помѣщика, Михаилу Карповичу, и въ концѣ 70-хъ годовъ былъ переведенъ изъ села «Осиновые Гаи» въ село Никольское, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, гдѣ и былъ «во дворѣ» до конца своихъ дней, т.-е. до зимы 1814 года.

Подробности о его жизни переданы намъ сыномъ Михаила Карповича, человѣкомъ уже пожилымъ и лично знавшимъ въ дѣтствѣ Батю.

тился въ Петербургъ, поступилъ въ гражданскую службу и — что̀ называется — «произошелъ» ее. Еще въ полку соединялъ онъ въ своей особѣ должности адъютанта, казначея, квартирмейстера и аудитора, а перейдя на гражданскую службу, служилъ и по почтовому, и по удѣльному вѣдомству, и по казенной питейной операціи, и по счетной, и по слѣдственной части; судопроизводство и законы знаетъ не хуже любого юриста; пишетъ бумаги нѣсколько стариннымъ пошибомъ, зато ужъ обстоятельно и крѣпко. Россію изъѣздилъ изъ конца въ конецъ, иной разъ и по казенной надобности, иной и по своей охотѣ; живалъ и въ Литвѣ и въ Польшѣ, бывалъ и за Нижнимъ и на Кавказѣ; хлѣбную полосу, какъ истый степнякъ, знаетъ, что̀ мать родную, и лѣтъ двадцать былъ самъ образцовымъ помѣщикомъ. Да вотъ какъ. Купилъ онъ небольшое подмосковное имѣніе, разстроенное, распущенное, — у семи дворовъ одинъ топоръ да одна корова, — и принялся за него по-своему. Старыя курныя избы сломалъ и перенесъ село за версту на большую дорогу; новыя, крытыя тесомъ избы посадилъ гнѣздами, въ прорѣзъ; церковь поновилъ; выстроилъ винокуренный заводъ и началъ ставить прогонные гурты на барду, на мѣстѣ стараго селища—благо черноземъ—разбилъ фруктовый садъ на восьми десятинахъ; вытравилъ изъ села кабакъ версты за четыре; мужичковъ обрядилъ и обзавелъ всѣмъ хозяйствомъ, прожилъ съ семьею въ имѣніи лѣтъ пятнадцать, по туземному выраженію, «царькомъ», да какъ навернулся охотникъ — и продалъ 60 съ небольшимъ душъ за 120 т. р. ассигнаціями. По двѣ тысячи за душу — какъ хотите — цѣна баснословная, а покупщикъ не въ накладѣ: имѣніе и теперь слишкомъ три тысячи серебромъ доходу въ досужія руки даетъ. Обстоятельства поставили Карпа Михайловича, еще смолоду, въ близкое столкновеніе съ нѣкоторыми изъ екатерининскихъ вельможъ, а впослѣдствіи съ нѣсколькими замѣчательными людьми александровскаго времени; поэтому, хотя онъ учился и на мѣдныя деньги, но природный умъ, сметливость, ловкость и привычка къ хорошему обществу замѣнили ему недостатокъ образованія. Прибавьте къ этому замѣчательную силу воли и выдержку — и вы получите приблизительное понятіе о моемъ старомъ другѣ и родственникѣ. Водятся за Карпомъ Михайловичемъ кой-какія слабости, но «у кого же слабостей нѣтъ?»—спрашиваетъ не помню кто именно. Напримѣръ, онъ не прочь поспорить о предметѣ, иногда ему очень мало знакомомъ, и ни за что уже не отступитъ отъ однажды усвоеннаго, впрочемъ, всегда своеобразнаго мнѣнія; не прочь также побранить за дѣло и не

за дѣло нынѣшнюю молодежь и прихвастнуть старинкой; но надо отдать ему полную справедливость—все это только одни слова: на дѣлѣ онъ крѣпко боится отстать отъ вѣка и втихомолку, но зорко слѣдитъ за всѣми современными явленіями. Теперь довольно большая его семья вся пристроена, а самъ онъ, вдвоемъ съ супругою, живетъ въ провинціи и ничего не дѣлаетъ, развѣ — изъ любви къ искусству — займется, по просьбѣ одного изъ окружныхъ помѣщиковъ, какимъ-нибудь казуснымъ дѣломъ, отъ котораго рябитъ въ глазахъ и у помѣщика и у мѣстныхъ ходатаевъ по дѣламъ. По такому-то «казусу» пріѣзжалъ онъ нынѣшней весной въ Петербургъ и остановился у меня.

Разъ, позднимъ вечеромъ, зашелъ я къ нему въ комнату. Карпъ Михайловичъ, въ бѣломъ канифасномъ шлафрокѣ съ огромными серебряными очками на носу, лежалъ на диванѣ и читалъ какую-то газету; свѣчка методически была отставлена за голову, на диванный шкапчикъ, чтобы свѣтъ падалъ отъ предмета. При моемъ входѣ Карпъ Михайловичъ положилъ газету, снялъ очки, досталъ табакерку, понюхалъ и медленно проговорилъ:

— Послушай-ка, братецъ.

— Что̀ вамъ угодно?

— Присядь-ка.

Я присѣлъ на диванъ.

— Скажи мнѣ на милость: ты все понимаешь, что̀ они въ журналахъ пишутъ?

— Да... кажется, все.

— Ну, а я — такъ нѣтъ.

Чего же вы не понимаете?

Да какъ тебѣ сказать?.. Сначала-то я только словъ не понималъ въ этихъ философскихъ, да критическихъ, да всякихъ ученыхъ статьяхъ... Оно и точно, братецъ, нашему брату не понятно: сталъ я какъ-то считать — что̀ ни страница, двадцать пять, тридцать словъ иностранныхъ; и кто ихъ знаетъ, что̀ они такое значатъ? Не догадаешься... Ну, да мы съ покойнымъ кумомъ домекнулись тогда: пропускать стали— статья словно бы и понятнѣе... Одинъ только разъ разобидѣла насъ статейка... въ этомъ журналѣ, — какъ бишь его! Толстый такой... Мѣсяцевъ съ пять никакъ выходилъ...

— «Маякъ»?.. «Сѣверное Обозрѣніе»?.. «Финскій Вѣстникъ»?..

— Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ забылъ-то!.. Ахъ, Боже мой! Извѣстный журналъ... Ну, да все равно... Была тамъ, братецъ, статья объ искусствѣ, да такая мудреная, что я и спрашиваю кума:—«Что̀ молъ, кумъ?»—«Да что̀?—говоритъ:—нѣтъ ли тамъ

подальше объ англійской политикѣ?» Стали — глядь, анъ въ концѣ статьи и написано: «все, дескать, что̀ мы говорили, просто и понятно само собою, не въ заключеніе мы не можемъ не привести одного, какъ разъ подходящаго анекдота»... Слышишь?

— Слышу.

Карпъ Михайловичъ засмѣялся.

— Вотъ, братецъ, прочли мы анекдотъ. Сошлись, видишь, нѣмецъ съ французомъ въ картинной галлереѣ и заспорили. Одинъ говоритъ: искусство для искусства — это французъ-то, а нѣмецъ говоритъ: что̀ такое искусство! польза важна, потому, молъ, что все создано на пользу человѣка. Такъ-то поспорили да и вонъ пошли, а съ нихъ швейцаръ, при выходѣ, за впускъ да за выпускъ, да за то, что ихъ трости въ углу швейцарской постояли, и содралъ по два цванцигера — чуть не по полтиннику. Французъ платитъ, да и смѣется нѣмцу: «дѣйствительно, вы правы: у насъ искусство создано на пользу «человѣка». Нѣмецъ захохоталъ... Ну, анекдотъ, какъ анекдотъ. Да вотъ гдѣ заковыка, вотъ что̀ насъ съ кумомъ разобидѣло: разсказалъ онъ, а кто его тамъ знаетъ,—кто?— статья не подписана, — разсказалъ онъ анекдотъ, да къ нему и сдѣлалъ такое рукоприкладство... Вотъ, постой: я, какъ сюда поѣхалъ, нарочно списалъ.—Карпъ Михайловичъ досталъ изъ-подъ подушки бумажникъ, вынулъ какую-то записочку, надѣлъ очки и прочелъ съ разстановкою:—«Дай-то Богъ, чтобы и наши критики расхохотались отъ души надъ своими діатрибами»... Есть такое слово?

— Есть.

— Надъ своими діатрибами, этими незаконными исчадіями «у-ти-ли-та-риз-ма!»... И этакое есть?

— Есть и этакое.

— Вотъ видишь... А я тогда просилъ жену поискать во французскомъ словарѣ: одно нашла, значитъ: ѣдкая критика, а другого искала-искала, такъ и не сыскала... Какъ же не обидно-то? Знаешь, что ѣдкая критика тутъ-то вся и есть, въ послѣднемъ словѣ, а слово-то — Богъ вѣсть на какомъ языкѣ сказано. И теперь не знаю. Растолкуй хоть ты, братецъ!

Я понялъ, что Карпъ Михайловичъ глумится, но дѣлать нечего—принялся объяснять значеніе утилитаризма и необходимость прибѣгать къ иностраннымъ словамъ за отсутствіемъ выражаемыхъ ими понятій въ нашемъ народѣ и въ его словѣ.

Старикъ притворно согласился, однако же возразилъ:

— Да я, братецъ, не о словахъ и говорю: къ нимъ-то я

ужъ кой-какъ притерпѣлся, а говорю я о смыслѣ. Вотъ смысла-то божьяго иногда и не доберешься... Или ужъ старость меня одолѣла, или ужъ у нихъ умъ за разумъ зашелъ... Дѣло, кажется, и простое бы,—продолжалъ онъ:—о мужикѣ рѣчь идетъ. Такъ нѣтъ! сейчасъ подавай этимъ журналистамъ вопросъ объ эманципаціи крестьянъ... А пойметъ ли хоть одинъ мужикъ — что̀ такое эманципація, до этого имъ и дѣла нѣтъ: «Мы-де не про мужиковъ и пишемъ». Логика-то хороша!.. Да мужикъ-то—заговори-ка при немъ да про него хоть по-китайски — каждое слово запомнитъ, да и перетолкуетъ по-своему. Вразумляй его потомъ, что это мы, братцы, ничего: «вашъ вопросъ крестьянскій промежъ себя разбираемъ, о вашемъ трудѣ свободномъ толкуемъ»... Развязать веревку не хитро, да вѣдь какъ же?

Веревка — вервіе простое!

Вотъ и пошли, и пошли... Подавай сюда и Германію, и Ирландію, и Пруссію... Какъ у нихъ-то тамъ?.. А что̀ тамъ у нихъ? Въ Пруссіи-то и въ Германіи я самъ былъ, видѣлъ ихъ хозяйство и домоводство. Тамъ на работника много-много полдесятины приходится — онъ ее за лѣто-то и разукраситъ: грядки по линейкѣ да по ватерпасу выведетъ, картофель, пожалуй, хоть звѣздочками вырѣжетъ да насадитъ, уберетъ свой клочокъ, что̀ восковую вербу, а сбытъ всегда есть, — онъ и правъ. Поди-ка, поприхотничай у насъ въ степныхъ губерніяхъ, или теперь въ Симбирскѣ, въ Самарѣ, въ Оренбургѣ... Тамъ у насъ по десяти десятинъ на работника заурядъ, а то и по пятнадцати... А въ разглагольствованіяхъ нѣту толку, одинъ переводъ времени и бумаги. Конечно, тутъ что̀ хорошо? пиши не пиши,—а дѣла не испортишь: тамъ что̀ ни будетъ, я знаю одно, что нашъ мужичокъ сначала можетъ и полѣниться, да ужъ потомъ, коли примется за работу, такъ только держись. У насъ толкуютъ о свободномъ трудѣ... да важный-то вопросъ не въ свободѣ труда, а въ умѣньи и, главное — въ охотѣ трудиться. Что русскій человѣкъ умѣетъ и можетъ трудиться, и много трудился—гдѣ на помѣщика, гдѣ на міръ,—объ этомъ никто и спорить не станетъ, а охочъ ли онъ будетъ трудиться на себя и на семью—загадка также не мудрая. Не знаю, видали ли господа теоретики нашего мужика на охочемъ ему дѣлѣ, а я видалъ, и глазамъ не вѣрилъ. Видалъ, конечно, и такихъ лѣнтяевъ, такихъ празднолюбцевъ, какихъ у нѣмцевъ, навѣрное, за деньги показываютъ; да эти ужъ несчастный народъ, почти-что всѣ ссаженные на деревню дворовые. У нихъ силенокъ-то нѣтъ, потому: смолоду туне-

ядство, а подъ старость неподъемное тягло. Тутъ, братецъ, поневолѣ лѣнь обуяетъ такая, что ничѣмъ ея не выколотишь... Не одинъ помѣщикъ пытался—и не одинъ годъ... Чай, самъ слыхивалъ?

— Случалось.

— А кто виноватъ?.. Невѣжество виновато, отчужденіе отъ своего работника виновато... Посмотри же теперь, какъ тотъ же крестьянинъ, рядовой, дюжинный крестьянинъ, работаетъ по найму или у смышленаго помѣщика? Подумаешь: «да это не Антипка, а другой какой-то!» Анъ нѣтъ — Антипка; да урядъ надъ нимъ иной... А то... что̀ они пишутъ, что̀ они пишутъ такое?..

Карпъ Михайловичъ опять снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ и положилъ на шкапчикъ.

— Я, братецъ,—продолжалъ онъ:—насмотрѣлся въ жизни на одно чудо—не день и не годъ, а двадцать лѣтъ. Ну, это—истинно надо сказать—былъ феноменъ... Да ты спать хочешь, что ли?

— Нѣтъ еще.

— Такъ послушай-ка: я тебѣ разскажу... про крестьянина покойнаго моего батюшки разскажу.

— Сдѣлайте милость.

Карпъ Михайловичъ нюхнулъ два раза за одинъ пріемъ, обмахнулъ платкомъ подбородокъ и шлафрокъ, помолчалъ и началъ:

— Сталъ я себя хорошо помнить году по восьмому, а до тѣхъ поръ, если что̀ и запомню, такъ смутно—этакъ, знаешь, какъ въ просонкахъ. А тутъ, съ самой дороги, день за днемъ пересказать могу.

— Съ какой дороги?

— А видишь: мы тогда изъ батюшкиной вотчины, изъ Осиновыхъ-Гаевъ, перебрались въ матушкино приданое помѣстье, въ село Никольское—вотъ дорогу-то я и помню.

— Никольское—это гдѣ?

— Все же въ Тамбовской губерніи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ... Село большое—слишкомъ тысяча душъ—только многомѣстное: помѣщиковъ никакъ съ пятнадцать было; у кого пятьдесятъ, у кого тридцать, а у кого и десять душъ. Только у одного С—ва считалось триста душъ и хоромы были барскія. Зато «большимъ бариномъ» всѣ его и величали. Еще у майора Е—ва да у дѣдушки по сту душъ было: у дѣдушки-то еще и больше, да онъ за дочерью, т.-е. за матушкой, двадцать, не то двадцать пять душъ выдѣлилъ и усадебку особнякомъ выстроилъ. А земли въ матушкиномъ участкѣ было много, и

земля отличная — черноземъ на аршинъ; лѣсокъ былъ тоже; только за всѣмъ этимъ присмотру и уходу не спрашивай... Вотъ батюшка и вздумалъ туда переѣхать да человѣкъ семь своихъ дворовыхъ перевести. И переѣхали... Такъ про что, бишь, я? Да! про дорогу сталъ говорить... Выѣзжалъ я первый разъ въ жизни такъ далеко—верстъ сорокъ, что ли, отъ Осиновыхъ-Гаевъ до Никольскаго будетъ,—да и въ бричку-то чуть ли не въ первый разъ садился. А бричку только-что подкрасили, фартукъ новый прицѣпили, укладывать въ нее разные пожитки стали: меня такъ и подмываетъ забраться подъ фартукъ или на козлы влѣзть, а боюсь, да и до стремени не достану... Промаялся я около брички съ самаго обѣда до вечеренъ: не могу отойти, да и все... Право... Глупость-то ребяческая... А вѣдь вспомнить весело... Посвалила жара, стали закладывать, меня съ сестрою снарядили по-дорожному, и сѣли мы съ матушкой въ бричку. Батюшка впередъ верхомъ уѣхалъ. Наѣздникъ былъ первой руки! И скакуны у него были донскихъ косяковъ: съ собаками тоже охотился, и какія же, братецъ, собаки! Держалъ свору, рѣдко двѣ, а чуть гдѣ паны выѣдутъ на охоту, онъ—туда, да всѣхъ и удивитъ... Гдѣ ужъ онъ ихъ промышлялъ—и не знаю, только щенками выкармливалъ и напорскивалъ; секретъ зналъ какой-то.

— Я думаю, паны-то были недовольны?

— Экъ ты! Они его всѣ любили: онъ человѣкъ былъ ловкій... Да ты что̀ думаешь: вѣдь это какіе же паны. С—ковы, Б—овы, Д—совы, А—ровы... Все вѣдь вельможи!.. Въ нашей губерніи помѣстья большія, а въ тѣ поры, какъ надо скончаться государынѣ, всѣ эти господа пособрались къ намъ изъ Питера, которые наѣздомъ, а которымъ и указано... Извѣстно, и охотились-то они только для виду; мода тогда на охоту была, а то какіе они охотники! Прихоть... ну и псари въ галунахъ: все будто гвардія... Такъ вотъ и поѣхали мы, а кучеромъ сѣлъ у насъ батюшкинъ крестьянинъ Денисъ Герасимовъ. Вотъ ты и замѣть: про него-то я разсказывать буду.

— Пожалуйста.

— Представь, братецъ, себѣ: мужчина вершковъ двѣнадцати; плеча—плеча вотъ какія—двѣ дядюшкины эполеты чуть-чуть не укладывались вдоль, а статный былъ такой, что возьметъ, бывало, да въ шутку обручемъ съ ведернаго боченка и перетянется. Лицо чистое, благообразное; глаза сѣрые... какъ бы тебѣ сказать?.. спокойные этакіе, ясные; волоса черные, гдѣ-гдѣ сѣдинка; борода вся черная, кудрявая... Красавецъ!.. Сколько жъ, ты думаешь, ему тогда лѣтъ было?.. Ты говори больше.

— Лѣтъ сорокъ.

— Сорокъ!.. Въ сорокъ-то лѣтъ онъ только женился, и до женитьбы на дѣвокъ да на бабъ и глядѣть-то не хотѣлъ... Сорокъ!.. Не сорокъ, а шестьдесятъ четыре года.

— Что̀ вы!

— Истинно такъ. Шестьдесятъ четыре года. У него ужъ и сынъ былъ женатъ—Карпомъ звали—и у сына были дѣти... Вотъ оно что̀ значитъ: правильная, воздержная жизнь. Это человѣкъ отъ роду ни одной капли вина не выпилъ, а еще былъ самъ винокуромъ и пивоваромъ. Да ты только слушай; говорю тебѣ—феноменъ, всячески феноменъ,—и физически и морально.

Нѣкоторыя иностранныя слова Карпъ Михайловичъ считалъ законнымъ благопріобрѣтеніемъ русскаго языка и употреблялъ ихъ охотно, даже преимущественно передъ русскими, какъ бы въ поощреніе имъ.

— Прежде всего,—продолжалъ онъ:—надо тебѣ разсказать, какъ живали въ старину мелкопомѣстные дворяне. Да!.. А про дорогу-то я и не кончилъ... Вотъ выбрались мы изъ околицы; за нами ѣдетъ кибитка тройкой—няньки съ маленькимъ братомъ и сестрою, за кибиткой телѣга парой, да одноконныя подводы—пять ли, шесть ли—цѣлый, видишь, обозъ. Выбрались изъ околицы, стали огибать «Кобыльи вершинки», а Денисъ свернулъ влѣво и поѣхалъ шагомъ. Дѣло было въ іюнѣ, дожди шли, а потомъ стояла съ недѣлю засуха, сухмень по-тамошнему; мѣсто глинистое — комъ на комѣ. Мнѣ тогда гдѣ же знать, что нельзя шибко ѣхать, а гляжу: обгоняютъ насъ всѣ—и Семенъ косой въ кибиткѣ, и пара, и подводы. Я и заплакалъ. Матушка: «что̀ съ тобой? что̀ съ тобой?» Плачу навзрыдъ. Денисъ глянулъ на меня черезъ плечо:—«Ничего, говоритъ, дворянская опара всходитъ: серчаетъ, что мужики обогнали». Матушка ничего на это, только посмотрѣла на меня, а я заплакалъ именно-таки съ досады... Крѣпко не понравился мнѣ Денисъ: проглотилъ я слезы, сижу — молчу. Обогнули мы вершинки, пошелъ ровный проселокъ, межъ полосъ; Денисъ опять обернулся:—«Позволь, матушка Алена Семеновна, грозу-то нашу на козлы посадить?» Матушка спрашиваетъ:—«Хочешь, Карпуша?» У меня куда и гнѣвъ прошелъ!—«Хочу, маменька, посадите!» Посадили. Обнялъ меня Денисъ лѣвой рукой, забралъ въ нее вожжи, да какъ перепояшетъ кнутомъ лошадей, да какъ крикнетъ!.. У меня и духъ замеръ: такъ понеслась тройка, что, кажется, я и послѣ никогда такъ не ѣзжалъ... Нѣтъ, правда, ѣзжалъ—на Кавказѣ, изъ Екатеринограда въ Кизляръ: тамъ двѣсти верстъ пере-

ѣзду по безлюдью; станціи на казачьихъ пикетахъ были; вправо, коли туда ѣхать, Терекъ, а...

— Ну, что же Денисъ?—перебилъ я.

— Что Денисъ? Хлещетъ себѣ по лошадямъ, и только. Обозъ у насъ ушелъ-было изъ виду, а тутъ только мелькнулъ. Вотъ, братецъ, пришелъ спускъ, — сталъ онъ осаживать и опять поѣхалъ шагомъ... Я тебѣ все это разсказываю, чтобы ты понялъ, какое впечатлѣніе онъ тогда на меня произвелъ. И вѣдь что же, братецъ? На всю жизнь осталось. Лѣтъ шестьдесятъ прошло, а ни единаго слова его не забылъ, хоть тогда и не понялъ хорошенько... Осадилъ онъ тройку — подъ гору, спускаетъ бричку на хомутахъ — силачъ былъ, и спрашиваетъ меня:

«— Небось, испужался?

«— Нѣтъ, говорю, ничего.

«— Видно, что ничего: на тебѣ и лица-то нѣтъ... А ты не пужайся, лучше меня, старика, послушай... Этакъ ты, баринъ, отнюдь не правь и безъ толку—не то не хлещи—и крикнуть не моги... Твари онѣ неразумныя—которая простодушная, та изъ-подъ кнута сама на рожонъ напорется, а которая съ норовомъ,—только зазѣвайся,—такъ она тебѣ и насмѣется: либо всю упряжь да вожжи порветъ — и лови ее! либо — долго ли до грѣха?—убьетъ ненарокомъ... А ты, баринъ, не все хлыстомъ, индѣ и свистомъ. Вотъ подъ гору-то бричка сама катится — онѣ тому и рады, что нечего везти; только ты имъ лѣниться не давай, держи на вожжахъ, чтобы съдуру-то не рванули да не понесли; а понесутъ—бѣда: гдѣ ось пополамъ, гдѣ оглобли начетверо, гдѣ и вся бричка вверхъ тормажками, а про сѣдоковъ и не спрашивай. Вотъ, коли круто придетъ, только выносите, любезныя! Тутъ и прикрикни и острастку дай: ничего—скорѣй вынесутъ, и имъ же легче... Опять же впередъ гляди да и гляди: гдѣ лужа-непросоха, или весной зажора, лучше крюку дать, объѣхать сторонкой; ну, и колеи опять: иной разъ—такъ, промежъ колесъ пропусти, а иной разъ уважь — по нимъ поѣзжай. Такъ и доѣдешь, куда тебѣ надо: и самъ цѣлъ и здоровъ, и животовъ не заморилъ. А заслужили тебѣ, дай имъ роздыхъ, самъ не поѣшь, а ихъ накорми, да укрой, да выхоли.

«И какъ это онъ говорилъ, такъ всю дорогу и дѣлалъ,— замѣтилъ Карпъ Михайловичъ.—Тройка у него такъ была пріѣзжена, что просто—куда онъ только подумаетъ, туда она и идетъ. Вѣрь истинному Богу, что я не видалъ, какъ мы двадцать верстъ проѣхали и остановились кормить... Дениса заслушался...»

Карпъ Михайловичъ досталъ табакерку, запустилъ въ нее пальцы, но не нюхалъ, а только переминалъ табакъ: совсѣмъ старикъ задумался.

Я переждалъ нѣсколько времени и наконецъ спросилъ:

— Такъ онъ вамъ очень тогда понравился?

— Кто? — спросилъ въ свою очередь Карпъ Михайловичъ, словно очнувшись.—Батя-то? Да я въ него просто влюбился. И теперь, — чай, ужъ и креста у него на могилѣ нѣтъ, — а такъ его, братецъ, люблю, такъ люблю... Не приберу и словъ... Самъ разсуди; онъ моимъ, можно сказать, пѣстуномъ былъ... На первую ягоду, на первый грибъ навелъ; первую прибаутку сказалъ...

Голосъ старика слегка дрогнулъ.

— Я отъ него такъ и не отходилъ, развѣ что онъ былъ въ полѣ или въ отъѣздѣ...

— Отчего же вы его Батей называете?

— А такъ его всѣ у насъ называли—изъ уваженія... Да вотъ разскажу все по порядку... только не теперь: поздно. Доскажу какъ-нибудь.

— Зачѣмъ же откладывать? Завтра.

— Ну, пожалуй, хоть и завтра.

II.

Завтра пришло черезъ недѣлю: то мнѣ было некогда, то Карпу Михайловичу. Но вотъ, какъ-то поутру, Карпъ Михайловичъ воротился домой въ самомъ торжественномъ расположеніи духа. Онъ былъ у кой-кого изъ своихъ чиновныхъ знакомыхъ. Поговорили о новостяхъ современныхъ... Мой старый другъ и родственникъ былъ очень доволенъ: пересказалъ весь свой разговоръ, при чемъ неизбѣжно перешелъ къ разсужденію о прежнихъ помѣщичьихъ порядкахъ, и вдругъ мы незамѣтно очутились съ нимъ въ селѣ Никольскомъ, лицомъ къ лицу съ Батей.

— Какъ у васъ здѣсь судятъ иногда ошибочно,—говорилъ Карпъ Михайловичъ.—Имъ кажется, что если ихъ мысль вѣрна по теоріи, такъ ужъ и дѣло сдѣлано... Вотъ хоть бы Терентій Макарьевичъ...

Карпъ Михайловичъ обмахнулся фуляромъ. Въ полной формѣ, то-есть во фракѣ, или, по его выраженію, «въ кафтанѣ», онъ никогда не выпускаетъ изъ рукъ табакерки и фуляроваго платка; говоритъ почти всегда стоя. Такъ и было.

— У Терентія Макарьевича, братецъ,—продолжалъ онъ:— взглядъ орлиный: на мелочь онъ смотритъ свысока, да и знать-то ея не хочетъ... Такъ-то и тутъ: я ему то, я ему это, а

онъ слушаетъ и только, знаешь: «гм! гм!».—«Ну, думаю, мычи себѣ, а правду выскажу!» Отговорилъ, напрямикъ отговорилъ,—авось ли, молъ, домекнулся... Хотѣлъ-было я и на все ему правду-матку отрѣзать, да тутъ камердинеръ доложилъ, что генералъ... какъ, бишь, его?.. съ визитомъ пріѣхалъ... Такъ я и откланялся... А умный, очень умный человѣкъ!.. И не пойму я, братецъ, о чемъ они толкуютъ... Что̀ это за свободный трудъ такой?.. Да вѣдь нѣтъ такого! Есть, другое дѣло, трудъ охочій... вотъ какъ я сталъ тебѣ про Батю разсказывать.

— Да: что̀ же! вы про него и позабыли?

— Нѣтъ: зачѣмъ забыть? Такъ только къ слову не пришлось... А не знаешь, что̀ бы онъ на все это сказалъ?

— Что̀?

— Да поговорку... Частенько, бывало, ее говаривалъ...

— Какую же поговорку?

— А вотъ какую: «Незнаючи хожу, незнаючи лечу, а наудачу Богъ милуетъ!» Такъ бы непремѣнно и сказалъ...

— Послушайте,—замѣтилъ я:—да вѣдь Батя вашъ когда жилъ? Тогда и время и порядки были другіе...

— Точно что другіе!.. Да не знаешь ты—какіе?

— Не знаю... Вы же хотѣли разсказать.

— И разскажу, только вотъ переодѣнусь.

Черезъ полчаса переоблачившійся Карпъ Михайловичъ усѣлся на диванъ—и повелъ такую рѣчь:

— Прежніе порядки были простые, а спорые. Работа ли была ближе къ рукамъ, руки ли къ работѣ? — разсуди самъ. Только жили тогда не по-нынѣшнему... Я про мелкопомѣстныхъ говорю... Жили они вотъ какъ: ну, помѣщичья усадьба, и при ней всѣ надворныя и хозяйственныя строенія, а крестьянскія избы выстроены тутъ же, въ одномъ дворѣ. На каждую семью — изба: тамъ мужики и живутъ и ночуютъ. Теперь — завтракать ли, обѣдать ли, ужинать ли — всѣ поголовно собираются въ застольную избу: всѣхъ помѣщикъ кормитъ, а дома у нихъ, по избамъ, про кушанье и печь не топится. Лошадь имъ нужна — бери у помѣщика: конюшня и сараи общіе; скотный дворъ — общій; погребъ, баня, овинъ, рига, гумно—все общее; всякое продовольствіе и содержаніе, всякая подать, всякій поборъ, всякіе денежные расходы—все это помѣщичье дѣло; одежда, обувь, топливо... ну, словомъ сказать, все какъ есть,—даже вино, или тамъ пиво, или медъ, когда нужно,—все отъ помѣщика идетъ, вотъ какъ въ одной семьѣ. Мужикъ или баба только и знаютъ, что работаютъ, гдѣ и какъ имъ укажутъ, а обо всемъ остальномъ и не заботятся.

Собственность у нихъ какая же? Домашній скарбъ, да развѣ — кто охотникъ, пожалуй, себѣ птицу разводи; опять же и та всегда на господскомъ корму... И вѣдь дѣло шло себѣ помаленьку: и помѣщикъ въ своемъ расчетѣ, и мужикъ всѣмъ обезпеченъ. Взять теперь хоть застольную: ты думаешь, они березовую кашицу осиновой коркой закусывали? Нѣтъ! они про пустыя щи и не слыхивали: и въ постные дни съ грибами, а въ скоромные съ мясомъ—свинина, баранина, сало... Ко щамъ каша съ масломъ или съ молокомъ, хлѣбъ—извѣстно, тамбовскій; квасъ; въ праздники — пироги; кто пьетъ — тому чарка водки; браги на всю братью — вволю, сколько кто выпьетъ. Водка своя—девяносто ведеръ въ годъ курили, а изъ тогдашнихъ девяноста — нынѣшнихъ, по крайности, двѣсти можно стростить, и вся эта водка на домашній расходъ шла. Крѣпкая такая, что развѣ молодецъ да и молодецъ сразу два стакана выпьетъ; изъ куля не больше двухъ ведеръ выгоняли. Про брагу и говорить нечего: сороковыми бочками въ ледъ закатывали. Медъ—такой, съ хмелемъ: крѣпкій медъ. И на все на это ни отказу ни запрету не было, а не было ни того ни другого—не было и третьяго, то-есть пьянства... Да я тебѣ не басни разсказываю, а истину: лгать-то мнѣ не изъ чего, а на покойниковъ кленать — и поготово... Можетъ-быть, и были случаи, только не на моей памяти. По застольной было и все. Избы исправныя, потому самъ помѣщикъ для себя же подерживаетъ и лѣсу не жалѣетъ; хозяйственное строеніе—нечего ужъ и говорить: телѣги, сани, сохи, бороны, всякія земледѣльческія орудія — каждый годъ заново; скотъ и лошади безъ корму не стоятъ и всегда въ теплѣ; одежду взять—бабы за зиму да за весну наткутъ тебѣ и холста, и поскони, и сукна, и коломянки—не то про домашній обиходъ, а еще въ продажу идетъ, да про запасъ оставляется. Чего жъ тебѣ еще? Все свое, все дома дѣлается исподволь, только умѣй временемъ распорядиться, да гляди, чтобы работа работу правильно смѣняла и дружно шла. Вотъ тебѣ и вся хозяйственная премудрость!.. Конечно, при этомъ главное условіе, чтобы помѣщикъ хозяйство и работы лучше всякаго мужика зналъ, да указывалъ бы толкомъ, да чтобы глазъ у него былъ зоркій—и по ночамъ бы видѣлъ. Кого взыскалъ Господь Богъ, у того хозяйство какъ по маслу идетъ, а на «нѣтѣ» и мохъ не растетъ. Батюшка-покойникъ хозяйство зналъ отлично, самъ былъ образцовымъ работникомъ, только что ни во что не входилъ: разъ, что у него было много разныхъ дѣлъ въ губерніи и по помѣщикамъ; второе, что ему было на кого положиться. Видишь ли: собственно домоводствомъ занималась

матушка, а всему остальному деревенскому хозяйству надсмотрщикомъ, рачителемъ и первымъ работникомъ былъ Денисъ Герасимовичъ.

— Батя? Да вѣдь вы говорите, что онъ въ кучерахъ ѣздилъ?

— Нѣ-ѣтъ! Это онъ тогда только матушкѣ почетъ оказалъ, а то какой онъ ямщикъ! Кучеромъ у насъ былъ Семенъ косой... Вотъ тоже почему прозвали: маленькимъ онъ какъ-то обгорѣлъ — всѣ пальцы на лѣвой ногѣ сгорѣли, да на правой рукѣ два — вышло на перекоски, ну, и косой... А Батя былъ всему голова: весь домъ и весь дворъ вѣдалъ; безъ него, кажется, трава полевая и та не всходила... Ты мнѣ не повѣришь, если я тебѣ стану разсказывать про все досужество Бати. Онъ — и плотникъ, и столяръ-самоучка, и лодочникъ, и пчеловодъ, и винокуръ. Подметки ли подкинуть, корзину ли сплесть, борону, или соху, или телѣгу наладить, вилы, грабли, лопату, прясло, прялку, бердо, веретено — ну, что хочешь назови, все самъ сдѣлаетъ. И горитъ у него работа въ рукахъ, только господа и мужички дивятся... А каковъ онъ былъ въ полѣ, — скажу тебѣ одно: чай, и теперь поговорка въ Кирсановѣ осталась: «Не съ Батино жъ сработать!». Прошло теперь Благовѣщенье, на снѣгу ли, не на снѣгу ли, доѣхали ли недѣлю, или переѣхали недѣлю, — стала весна. Работники — въ поле! На каждый пай труда придется достаточно: рядовой пахарь — и тотъ полдесятины сороковой въ день вспашетъ, а усердный и три четверти. Ну, а Батя — солнце встало, и онъ всталъ: обойдетъ избы, растолкаетъ мужичковъ, а самъ на пашню, работаетъ до семи часовъ; потомъ онъ и лошадь отдохнутъ часа два, и опять до полудня. Надо тебѣ сказать, что Батя умѣлъ узнавать время по тѣннику, то-есть что-то въ родѣ солнечныхъ часовъ устраивалъ. Въ полдень домой обѣдать, въ три часа опять на пашню, а поля не близкія — версты двѣ, три отъ дому, и остается онъ на пашнѣ до семи часовъ вечера. Въ девять ужинъ и спать. И такъ-то всю пахоту, а шла она, т.-е. пахота и взметъ, обыкновенно недѣлю... Вѣришь ли, какъ онъ и другихъ-то къ труду пріучилъ: другъ передъ другомъ изъ гужей лѣзутъ, только чтобы ласковаго слова отъ Бати на сонъ грядущій дождаться. Ну, ужъ словомъ умѣлъ онъ что рублемъ подарить. Сидятъ, бывало, въ застольной, первый кусъ-разбойникъ пропустили, лакомятся кашей, Батя и начнетъ:

«— Что, ребятушки, вѣдь насъ прудищенскіе срамятъ.

«Который-нибудь изъ парней и спроситъ:

«— Что жъ такъ, Денисъ Герасимычъ?

«— Голову отъѣли: такъ срамятъ—и не приведи Господи!..

Да вотъ хоть тебя, Макаръ, Сенька Зарокинъ кругомъ обноситъ: иду, говоритъ, третьевось микольской межой, а Макарка Голощаповъ седьмой потъ съ восьмымъ стращиваетъ; одинъ загонъ взметнулъ, за другой примается. Знать, жениться собрался, да невѣста коритъ — «не пойду, молъ, за ососка за этакого»,—вотъ онъ и норовитъ къ Петрову-то дню сала съ себя поспустить».

— А что̀ такое загонъ? — спросилъ я у Карпа Михайловича.

Старикъ и безъ того былъ въ духѣ, а при этомъ вопросѣ совсѣмъ прояснѣлъ.

— А загонъ-то вотъ что̀: сто саженъ длиннику да пятьдесятъ поперечнику. У насъ все загонами и считали тогда, и сороковыхъ десятинъ еще не знали, а молодцы наши, въ пахоту, по семи загоновъ взметывали—вдвое противъ сосѣдей... Стало-быть, Батя-то Макару большую похвалу сказалъ.

— А самъ онъ столько же взметывалъ?

— Онъ-то? Онъ взметывалъ по восьми и по десяти загоновъ. Я же тебѣ говорю, что про него и поговорку сложили: «не съ Батино сработать». И такъ-то онъ, шуточками, да прибауточками, да краснымъ словцомъ всѣхъ, до послѣдней бабы, къ дѣлу пріохотилъ. Про бабъ у него разныя диковинки были въ запасѣ: иной разъ, коли доволенъ, развеселитъ всю честную компанію, а иной разъ такое станетъ разсказывать про морскихъ чудовищъ, да про людоѣдовъ, да про океанъ бездонный, что страхъ на бабье нагонитъ, да и мужики-то переминаются. Я тебѣ не говорилъ, что онъ два года морякомъ былъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же! Въ Балтійскомъ флотѣ служилъ, ходилъ въ экспедицію въ Средиземное море... Вотъ послѣ разскажу, какъ это случилось. Теперь о работахъ-то... Приходитъ сѣвъ. Матушка любила смотрѣть, какъ сѣютъ: всегда, бывало, поѣдетъ въ поле и меня съ собой возьметъ. Ну, Батя и тутъ первый сѣвецъ. Нарядится всегда въ новую рубаху; сѣвальникъ у него щегольской, крашеный, лямка коломянковая полосатая. Станетъ на межу и начнетъ три раза читать про себя «Отче нашъ», а «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» скажетъ громко, перекрестится и поясной поклонъ сотворитъ. Какъ три раза прочелъ, такъ и пошелъ зерномъ дождить — ровно, мѣрно, раскидисто — любо-дорого смотрѣть было! Тутъ вѣдь тоже большое искусство надо, чтобы клочками не вышло,—у Бати, ужъ извѣстно, не выходило. Досталось мнѣ разъ за него отъ матушки.

Карпъ Михайловичъ помолчалъ и улыбнулся по-своему.

— Взяла она меня на именины къ сосѣдямъ. Поѣхали поутру, къ обѣднѣ, чтобы послѣ службы прямо на завтракъ. Такъ водилось. Помѣщикъ очень богатый; церковь у него въ селѣ каменная; иконостасъ только-что только къ именинамъ вызолоченъ, и вся церковь заново расписана. Видимъ: у церкви съѣздъ — помѣщики понаѣхали; простой народъ стоитъ на паперти и на погостѣ; слышно въ отворенныя двери — поютъ, и согласно такъ. Вошли мы — я, братецъ, и оробѣлъ. Кафтаны, пудра, роброны... И не видывалъ такого убранства... Я-было назадъ, — матушка не пустила; поставила меня къ задней стѣнѣ, на мѣстечко, сама стала, и шепчетъ мнѣ: «молись!». Куда тутъ молиться! У меня глаза разбѣжались и въ ушахъ трезвонитъ... Погляжу наверхъ — паникадило, все изъ хрусталя, и подвѣски, знаешь, цвѣтными огнями переливаютъ; погляжу прямо — царскія двери отворены, ангелы золотые надъ ними держатъ ваіи, и дымъ росный съ алтаря снимается; по сторонамъ погляжу — спины всѣ атласныя и бархатныя съ блестками, на затылкахъ гдѣ шиньоны, гдѣ кошели, а гдѣ и косы пудренныя. На лѣвомъ клиросѣ поютъ, не торопясь, голосъ въ голосъ, басы и тенора... И гляжу-то и слушаю, а понимать не понимаю, въявь все это, или во снѣ?... Вдругъ, какъ запоютъ на правомъ клиросѣ пѣвчіе, во всѣ голоса: «Воскресеніе Христово видѣвше», я ужъ и не знаю, что̀ со мною сдѣлалось: глаза завертѣлись, голова кружится, и внутри меня все смѣется... На алтарь глядѣть не могу, — повернулся вправо — что̀ же? Гляжу: полоса, и Батя въ рубашкѣ, только безъ сѣвальника, сѣетъ изъ полы, а самъ босикомъ... Ну, Батя, какъ есть Батя!.. Я и не выдержалъ, дернулъ матушку за платье, да вѣдь почти-что въ голосъ:—«Маменька, поглядите: Батя!» Такъ она и посоловѣла...—«Что̀ ты? говоритъ. Молчи!..» пристращала... А послѣ, дома пристращала и пуще того. Такъ и попалъ я въ отвѣтъ за Батю. Только это было одинъ разъ въ жизни. А то я черезъ него много прибыли имѣлъ.

— Это какъ?

— Да разные случаи бывали... Какъ-то послѣ Петрова дня дяденька Иванъ Семеновичъ къ намъ пріѣхалъ... Отставной кавалеристъ былъ, и веселый такой, только спорщикъ — сейчасъ объ закладъ... Къ обѣду вернулся батюшка съ поля, говоритъ:—«Былъ на покосѣ, на Дениса своего любовался—что̀ это за огонь-вихоревичъ! Палитъ впереди другихъ — и глазомъ его, не только косой, не догонишь».

«Дядюшка сейчасъ на это сказалъ:

«— Вашъ Денисъ—косарь, нечего сказать,—первая рука, только противъ моего стараго вахмистра Пивня не придетъ.

«Батюшка отвѣчаетъ:

«— Я не знаю — какой тамъ такой у васъ Пивень былъ. А Батя у меня... такихъ вокругъ да около нѣтъ.

«Дядюшка опять:

«— Пивень такой былъ, что пошлешь его, бывало, съ чередными косить — стояли-то въ Хохландіи, тамъ луга, знаете, какіе? — пошлешь его съ чередными, онъ сейчасъ: — «Ребята! слушать моей команды: коси съ плеча, чужой травы не жалѣй — вотъ какъ!» Махъ — махъ — махъ! Словно зеленый бархатъ и постелетъ!.. Бросишь, бывало, алтынъ чередным на водку, — артельный его съ травы, что̀ съ полу, подниметъ.

«— Алтынъ-то?—говоритъ батюшка.—Эко диво! Да послѣ Бати — самъ я глазами плохъ — а Карпуша вотъ хоть на десяти взмахахъ серебряную копеечку увидитъ.

«— Ой!—крикнетъ тутъ дядюшка.—За споромъ, что ли, дѣло? Я и рубля не пожалѣю на конъ поставить.

«— Для чего и нѣтъ? Послѣ обѣда и споръ порѣшимъ,—говоритъ батюшка.

«Точно: послѣ обѣда послали за Денисомъ, прихватили меня и пошли въ поле. Скосилъ Батя, что̀ ему указали; батюшка говоритъ мнѣ:—«Зажмурься. Кидайте, братецъ!». Дядюшка кинулъ копейку, а батюшка опять мнѣ говоритъ:—«Смотри, Карпуша: гдѣ?» Не успѣлъ я взглянуть, а копейка и бѣлѣетъ, что̀ вишневый лепестокъ, въ лѣвомъ углу, у послѣдняго взмаха.

«— Да вотъ она!—говорю. Побѣжалъ и поднялъ.

«Дядюшка вынулъ изъ жилета цѣлковый и подаетъ батюшкѣ:

«— Ваша, братецъ, взяла!.. Денисъ, поди сюда: вотъ тебѣ алтынъ... а копейка Карпушина.

«Ну, вотъ это одна прибыль отъ Бати... А то другой разъ я за него пару козырныхъ голубей получилъ... Да вѣдь тебѣ все это скучно?»

— Пожалуйста, продолжайте... Мы съ вами не уроки твердимъ.

— Да... Пошелъ мнѣ тогда чуть ли не десятый годъ. Букварь-то я ужъ одолѣлъ и за письмо, братецъ, принялся. Вотъ матушка меня разъ и подозвала:—«Коли ты, Карпуша, къ моимъ именинамъ, говоритъ, своею рукою «Милосердія двери отверзи намъ» напишешь, я тебѣ пару голубей подарю — у майора Е—ва выпрошу». Хорошо. Дѣло было на четвертой недѣлѣ, до царя Константина и матери его царицы Елены—далеко: «выучусь — мои голуби!». Нынче эта голубиная охота перевелась, а въ старину на ней изъ ума выживали. Такъ-то

и майоръ: до чего прочаго ему и дѣла не было, а голубей такихъ, какъ у него, ищи по всему околотку, все «обаполо» объѣзди, тпру! По двѣ, по три сотни за пару платилъ. «Турмановъ» у него на верхній кругъ и не подмахивали, а то— капутъ! полетѣлъ камнемъ внизъ, да и кувырка послѣдняго не сдѣлалъ, а ужъ снимай его за крыло, съ балкона или тамъ съ крыши: налету задохся. «Чистые» его голуби такъ и звались «майорскими», а то «лоханными».

— Это почему?

— Потому что, подними ихъ — взовьются туда, что такъ ихъ не увидишь, а надо вынести ведро воды и глядѣть въ него: такъ они вотъ что̀ маковыя сѣмечки и всплывутъ. Майору всегда серебряную лохань выносили—смотрѣть: затѣмъ лоханные голуби.

«Кромѣ того, водились у майора всякіе голуби: и египетскіе, и козырные трехъ сортовъ, и ужъ не помню — какіе... Да какіе бы тамъ ни были, я и спалъ и видѣлъ, какъ бы мнѣ хоть парочкой раздобыться... Какъ-то, на Крестопоклонной недѣлѣ, заставила меня матушка книжку читать. Вотъ я и прочелъ въ ней, какъ китъ человѣка проглотилъ, да и говорю:—«Маменька, да вѣдь китъ человѣка проглотить не можетъ». — «Что̀ ты, говоритъ, болтаешь?»—«Нѣтъ-съ, я не болтаю, а готовъ, коли дѣло за споромъ, цѣлковый на конъ поставить». Матушка и расхохоталась:—«Ахъ, ты, дядюшка Иванъ Семенычъ! Вотъ капельки-то вылилъ: даже и слова подбираетъ». Матушка очень любила дядю и всегда была довольна, если ей говорили, что я на него похожъ... Только я не отстаю: — «Что̀ жъ, маменька, если теперь моя неправда, не дарите мнѣ голубей, хоть я и писать къ вашимъ именинамъ выучусь, а моя правда—подарите мнѣ голубей къ Свѣтлому празднику».— «Да откуда ты про кита знаешь?»—«Батя говорилъ».—«Батя?»— «Пошлите за нимъ: коли онъ не то скажетъ, что̀ я, голубей не дарите, а коли то — ваша будетъ воля». — «Ну, смотри: на томъ вѣдь и станемъ». — «Ладно», думаю.

«Приказала матушка сбитню сварить и за Денисомъ послала. Пришелъ.

«— Присядь-ка, Денисъ Герасимовичъ,—говоритъ ему матушка:—чай, за день-то умаялся?

«— А съ чего бы такого, не во гнѣвъ вашей милости спросить?

«— Ну, какъ съ чего? мало ли дѣла было?

«— Что̀ это за дѣло, матушка Алена Семеновна, коли добрые люди бездѣльемъ зовутъ.

«— Охъ, ты, незнай-сирота! Садись, добро, да покалякаемъ.

«Матушка, — замѣтилъ при этомъ Карпъ Михайловичъ, разнюхивая давно перемятую щепотку:—въ Батѣ просто души не чаяла, ну ужъ и онъ!.. Каждый вечеръ являлся къ ней:— «Что̀ мы, матушка, завтра съ тобой будемъ дѣлать?» И пойдутъ у нихъ толки — слушаешь-слушаешь иногда и заснешь... Это ужъ каждый день послѣ нашего ужина, по-заведенному... А то, иной разъ, пошлетъ за нимъ матушка и такъ — сбитнемъ попотчевать да побалагурить, а онъ до сбитня охотникъ былъ... вообще до всего, гдѣ медъ... И къ бесѣдѣ-то съ барыней издавна привыченъ, стало — не чинился и не отнѣкивался. Сѣлъ и теперь въ углу. Принесли сбитень; налила матушка ему кружку этакую старинную и спрашиваетъ;

«— Слышишь, Денисъ Герасимовичъ, что̀ мой грамотникъ-то говоритъ?—сама на меня указываетъ:—будто китъ человѣка проглотить не можетъ?

«Денисъ отхлебнулъ сбитню, поставилъ кружку на колѣни... Вотъ такъ все это словно передъ собой вижу... Поставилъ кружку и отвѣчаетъ:

«— Воистину, осударыня, не можетъ... Это только про него слава худая прошла, а проглотить человѣка онъ не можетъ... Я настоящаго кита самъ живымъ видалъ: башка у него и пасть большія, а горло узкое—селедку какую глотаетъ, а человѣка куда ему!..

«— Какъ же про пророка-то Іону?..

«— Это все по новымъ книгамъ... А прикажи, матушка осударыня, глупое слово вымолвить?..

«— Полно, Батя! Нешто не знаешь, что я тебѣ во всемъ вѣру даю?

«— На томъ тебѣ, матушка, и спасибо... Пророка Іону проглотилъ не китъ, а левіаѳанъ...

«— А!.. Стало-быть, онъ больше кита?..

«— Да какъ больше? Вотъ какъ колокольня больше улья...

«Матушка такъ и всплеснула руками:

«— Самъ ты, что ли, его видѣлъ?

«— Нѣтъ!.. Его никто не видалъ, кромѣ Іова многострадальнаго...

«— Какой же онъ такой?

«Я, братецъ, хоть и слыхивалъ отъ Бати про левіаѳана,— присовокупилъ Карпъ Михайловичъ:—а когда онъ теперь сталъ разсказывать, ну, будто и не слыхалъ прежде... Одно слово— выручилъ меня и голубями, не знаючи, подарилъ...»

— Да вы ужъ, пожалуйста, перескажите,—сталъ я упрашивать Карпа Михайловича.

— Да изволь, пожалуй, коли не скучно... Дай Богъ память, какъ онъ книгу-то называлъ?.. Мудрено какъ-то: видишь, книга— халдейская, и тамъ всякая тварь включена. Какъ книга животныхъ на небеси, такъ на земли она...

— Что̀ же въ ней про левіаѳана?

— Да Батя такъ разсказывалъ... Левіаѳанъ, надо быть, все одно, что̀ кашалотъ, только невпримѣръ больше... И кашалота-то, братецъ, самъ онъ не видалъ, — замѣтилъ съ улыбкой Карпъ Михайловичъ:—а старые матросы ему говорили, такъ онъ съ ихъ словъ...

— Что̀ же?

— Ну, говоритъ такое: величиною, молъ, подобенъ киту, голова его преужасно великая, пасть чрезмѣрно широкая, коей, осударыня Алена Семеновна, онъ — не то что̀ тамъ — быка проглотить можетъ... Въ нижнюю челюсть у него сорокъ зубовъ вогнано, торчмя стоятъ на полъ-аршина, а толщиной примѣрно въ руку; въ верхней челюсти зубовъ совсѣмъ нѣту, а есть сорокъ же круглыхъ этакихъ пріемцевъ, сквозныхъ, значитъ: что̀ захватилъ зубомъ, какъ шкворнемъ туда и вбиваетъ, а разнять пасть, ну и нѣтъ ничего—все, словно жерновомъ, смолото... А вотъ это ужъ я своими ушами слышалъ... Стояли мы — есть такой островъ Мальта на Средиземномъ морѣ — такъ покойный нашъ капитанъ по книжкѣ читалъ, а потомъ его денщикъ раза никакъ съ три перечитывалъ...

— Развѣ Батя былъ безграмотный?

— Безграмотный. А вѣдь что̀ за память—ты послушай... «Я, говоритъ, и затвердилъ... Тамъ, матушка, вотъ какія слова напечатаны: сказываютъ, что сія рыба въ древнее время пророка Іону проглотила въ Средиземномъ морѣ...» Тутъ опять оговорился Батя: «Я, матушка, тебѣ доказываю, что въ морѣ Средиземномъ былъ, только—не солгу—рыбы этой, али и звѣрь она морской—не видалъ... Далѣе того писано въ этой книжкѣ...»

«Матушка и полюбопытствовала:

«— Какая же это книжка?

«— Ну, осударыня, невдомекъ тогда было денщика-то спросить... А пишутъ они: «Се, это рыбу-то, также называютъ левіаѳаномъ, которою жиды, по мнимомъ пришествіи Мессіи, думаютъ въ общей израильской трапезѣ насладиться вкушеніемъ». Такъ ли это — Богъ вѣсть: спрашивалъ я которыхъ жидовъ — не знаютъ».

Карпъ Михайловичъ при этомъ подмигнулъ.

— «А еще того далѣе,—протянулъ онъ, подмигивая:—настоящее дѣло пишутъ: «Изъ сей рыбы мозгъ употребляется во многія лѣкарства, подъ именемъ спермацета, и въ одномъ ка-

шалотѣ нерѣдко добываютъ мозга до десяти и болѣе бочекъ»... Какова память-то? — заключилъ Карпъ Михайловичъ.

— То-есть у кого: у Бати, или у васъ?—спросилъ я.

— Ну, ты меня этакъ, братецъ, собьешь... Что̀ за комплименты!—возразилъ Карпъ Михайловичъ и покраснѣлъ.

— Полноте, не сердитесь за правду, — сказалъ я.—Такъ вашъ Батя, кромѣ всего прочаго, былъ и зоологъ?

— Кирсановскій Бюффонъ, братецъ!.. Да ты бы послушалъ, какъ дѣло-то къ разсказу пригонялъ!.. Подлинно, сметка была удивительная!.. Придетъ, положимъ, молотьба—мужики и бабы на гумнѣ, и Батя впереди всѣхъ... Молотилъ онъ безъ отверту, а этого теперь и въ поминѣ нѣтъ, да и тогда-то изо всѣхъ работниковъ одинъ Макарка веревки на три за нимъ гонялся, а на четвертую ужъ нѣтъ... Ну, пройдутъ они разъ, другой, третій—отдыхать остановятся—и всѣ соберутся вокругъ Бати... А я ужъ тутъ гдѣ-нибудь да торчу... Сказывалъ я тебѣ, что отъ Бати ни на пядь не отставалъ, а гумно отъ дома рукой подать. Такъ-то разъ и было.. Молотили тоже и отдыхать стали. Пошла рѣчь, что новые баре въ сосѣднее село пріѣхали, и баре-то кто же? Архаровы. Одинъ изъ Питера, другой изъ Москвы: и тамъ и здѣсь словно бы шапку съ головы сняли... Ну, все же дѣлать нечего; неволя велитъ Левона любить — пріѣхали... За ними — брда-ордой: и гости, и чиновники, и нахлѣбники съ нахлѣбницами, и челядь всякая... Обозъ шелъ за ними такой, что ужъ лучше я и соблазну не поддамся: неравно на пятьдесятъ какихъ-нибудь подводъ ошибешься... Привезли они, братецъ, съ собой всякой всячины, а въ томъ числѣ и заморскихъ диковинокъ: араповъ, попугаевъ, обезьянъ... Ну, про черныхъ людей у насъ по уѣзду давно слыхали, попугай—какъ-никакъ—все же птица, а вотъ обезьяны-то всѣхъ и всполошили... Кричатъ сосѣдскіе мужички: «навезли, молъ, человѣческому лику поруганіе, а двѣ образины—ни дать ни взять, нашъ Семенычъ съ Вуколихой!»—это нашъ староста съ женой—безобразные были,—не любилъ ихъ народъ,—пояснилъ Карпъ Михайловичъ.—Начали и у насъ про то же поговаривать... Только и пришла молотьба. Пристали наши работнички, на роздыхѣ, къ Батѣ:—«Что̀, молъ, за супротивное твореніе обезьяны эти?» Гляжу, Батя на цѣпъ оперся и бороду гладитъ, стало, рѣчь поведетъ настоящую... Погладилъ-погладилъ бороду:

«— Все, говоритъ, ребята, дѣло рукъ Божіихъ... Вы обезьянъ-то не видывали, а я ихъ нехотя на морѣ насмотрѣлся... Что̀ я и самъ высмотрѣлъ, а что̀ про нихъ и въ книгѣ писано, такъ капитанскій денщикъ мнѣ читалъ; вы слушайте... Да,

стойте-ка... Вотъ барчонокъ-то у насъ грамотный, такъ ему и поклониться, а ты, Груня, бѣги къ моей хозяйкѣ, спроси у нея за образами тетрадку... Писанное-то разберешь, что ли, Карпъ Михайловичъ?

«Ну, отказаться-то совѣстно:—давай, говорю, прочту. А Батя глянулъ на меня, словно насквозь:—ой ли? Ну, да я пошутилъ: никакой у меня тетради нѣтъ, а въ книжкѣ точно такъ и напечатано: «Обезьяны». Потомъ, братцы, и говорится: «лицо-де у нихъ подобно человѣческому, руки, пальцы—почти то же, какіе и у человѣка. Водятся они далеко, въ жаркихъ странахъ»... Я тамъ не бывалъ, а были на нашемъ кораблѣ такіе, что̀ и туда заѣзжали, въ Эѳіопію самую. Теперь обезьяны эти живутъ обществами, вотъ какъ у насъ, селеніями, по нѣскольку тысячъ, и каждая свое селеніе знаетъ. Повинуются своимъ начальникамъ,—слышите?—сбираются тоже на сходку, судятся промежъ себя, бранятся, нерадивыхъ наказываютъ... Подумаешь: ровно наши мужички... Такъ, али нѣтъ?

«Тутъ ему кто-то и отвѣтилъ:

«— Коли не такъ! Только что, выходитъ, сотскихъ нѣтути.

«Батя этого, должно-быть, и ждалъ. Какъ крикнетъ: «Ахъ, вы, недовѣрки окаянные! Вы бы хоть у скотовъ-то у подлыхъ поучились: видите, что и у нихъ набольшіе есть. Такъ онѣ, обезьяны-то, твари безсловесныя, а въ человѣкѣ душа живая... Что̀ жъ вы хуже обезъянъ быть хотите, да, еще не видавши, ихъ же прибраниваете?.. Анъ, чай, и стыдно... Вы барь-то благодарите, что они вамъ учителей привезли, а сосѣдскіе-то дурни пусть горлопанятъ: ихъ же брехня имъ же коломъ въ горлѣ станетъ. Вонъ прудищенскіе-то неслухи — да они, по-моему, хуже обезьянъ: и Бога забыли. Обезьяны—тѣ ужъ твари, Господа Бога не вѣдающія, у нихъ ни закона ни храма господняго нѣту, а прудищенскіе что̀? Когда они въ церковь-то ходятъ? Только что православными прозываются, а поди спроси у нихъ, какой они вѣры? Сколько лѣтъ на духу не бывали? Какихъ тамъ старцевъ да дѣвокъ, прости Господи!— вмѣсто священниковъ чествятъ? Вотъ они, выходитъ, и хуже скотовъ безсловесныхъ... А про обезьянъ теперича я вамъ такое скажу, что бываютъ онѣ всякаго рода. Былъ у насъ на кораблѣ старый боцманъ, Архипъ Ѳедулычъ, тотъ до Бразиліи, значитъ, за три моря, съ англичанами хаживалъ: въ науку его, маленькаго, на купеческій корабль отдали отъ казны, а потомъ, какъ обучился, на службу вытребовали. Разсказывалъ онъ мнѣ, что въ Бразиліи этой живутъ обезьяны «аквини». Росту, говоритъ, будутъ съ человѣка и видомъ — совсѣмъ на

него схожи, только что ужъ больно шерстью поросли, а шерсть на нихъ черная, и борода черная, большая... И пресмѣшныя эти обезьяны, все, что̀ ни покажи имъ, все перенимаютъ—затѣмъ бояре ихъ для потѣшки и держатъ и въ ливрею рядятъ... Да ладно! Полно намъ лясы-то точить. Скоро, чай, вечерни, а мы что̀ еще обмолотили? Берись, берись, ребята, бабы обгонятъ!.. Благослови, Господи!»

«Подняль цѣпъ и пошелъ громить, до вечеренъ, да читать про себя молитву...»

Тутъ Карпъ Михайловичъ задумался, потупился по своей привычкѣ и довольно долго промолчалъ.

— Сколько въ этомъ человѣкѣ было вѣры, братецъ, я тебѣ и сказать не умѣю,—началъ онъ, покачивая головой:—«истинной» вѣры, замѣть. Это не то, что мужикъ по первому удару колокола проснулся, по второму чорта сдунулъ, по третьему перекрестился, вздѣлъ кафтанъ и зѣваетъ передъ амвономъ за заутреней. Ни что̀ поютъ, ни что̀ читаютъ,—ничего онъ не понимаетъ, а стукается о помостъ да волосами встряхиваетъ, да помажутъ если миромъ—стоитъ себѣ столбомъ, пока крестъ на лбу не высохнетъ. Нѣтъ! Батя церковную службу вотъ какъ зналъ: мало того, что гласное чтеніе и клиры, евангеліе зналъ наизусть... Да это еще что̀? Священникъ въ алтарѣ про себя молитву читаетъ, а онъ за нимъ, слово въ слово. Да вѣдь какъ онъ все это зналъ! Не по-сорочьему, а каждое слово разумѣлъ... Разсказывалъ онъ, что у нихъ на кораблѣ священникомъ былъ инокъ Соловецкаго монастыря, такъ тотъ съ его бариномъ частыя бесѣды отъ божественнаго велъ, а когда умеръ баринъ его скоропостижно, въ какіе-нибудь полтора часа, «обуялъ, говоритъ, меня тогда смертный страхъ, и тутъ же я пошелъ къ отцу Калисту, поклонился ему въ ноги и сталъ его слезно молить:—«Отче, просвѣти душу, во грѣховной тьмѣ блуждающу»... Онъ меня и просвѣтилъ. Всю экспедицію и на стоянкѣ, и какъ назадъ шли, все это время святыми словесы поучалъ меня и въ вѣрѣ вразумлялъ».

«Самъ видишь, братецъ, что и отецъ Калистъ истинно Христовъ сѣятель былъ, и что сѣмя на добрую почву пало... Да что̀ тутъ говорить!.. Кромѣ пахотной недѣли, что̀ отъ дѣла оторваться нельзя, Батя круглый годъ ни одной службы не пропустилъ... говѣлъ всѣ посты, а весь Великій постъ, опричь Благовѣщенья и Лазарева воскресенья, рыбы не ѣлъ. Такъ и всю братію наставилъ. Правда, что и батюшка съ матушкой были люди богобоязненные. Нашъ участокъ такъ и звали монастыремъ. Бывало, захочетъ какой-нибудь сосѣдскій парень наругаться надъ нашими—первое слово: «Эхъ. вы, мо-

настыршина! Во святъ день говѣльщики, о душѣ радѣльщики! Видно, вамъ съ тое вашей правоты, али съ толокна подвело животы?» Только у Бати на все бывалъ отвѣтъ. Придутъ къ нему жаловаться: такъ, молъ, Денисъ Герасимовичъ, и такъ.— «А намъ, скажетъ, не перетакивать стать. Песъ, коли разлаялся, такъ и на звѣзду вечернюю брешетъ: нешто на него за это и сердиться? Не корили бы грѣхомъ, а то пущай корятъ толокномъ: наше толокно не про нихъ припасено,—не имъ и мѣсить его». По субботамъ, бывало, послѣ обѣда всѣ сойдутся въ «рабочую». Можетъ-быть, я и не говорилъ тебѣ, что рабочая изба тоже была общая?»

— Не говорили.

— Батя, извѣстно, ужъ тутъ—что-нибудь мастеритъ и рѣчь ведетъ:—«Ну, кто сегодня въ баню не пойдетъ?» Тамъ какая-нибудь баба скажетъ: «я не пойду, Денисъ Герасимычъ», али и мужикъ какой: «меня, Денисъ Герасимычъ, всего разломило»...—«Ну, и не ходите — ни ты, ни ты, только и завтра къ обѣднѣ не ходите... Слыхали, сказано: измыйся, умасти главу свою?..» И не идутъ. А остальныхъ Батя всѣхъ поведетъ, и всѣхъ къ одной сторонкѣ поставитъ, женскій полъ особо. И доглядитъ еще съ вечера, чтобы на всѣхъ чистое бѣлье было и одежда—какая есть покрасивѣй. Самъ по праздникамъ любилъ щегольнуть. Зимой на немъ кафтанъ поярковый, черный, когда и сѣрый, поясъ коломянковый полосатый,— полоса красная, полоса желтая... Все это домашняго приготовленія, на красную краску шелъ корень марены, на желтую трава серпій. Шапка, это ужъ покупная, баранья, высокая, съ суконнымъ верхомъ; рукавицы тоже покупныя. Лѣтомъ на немъ бѣлый понитокъ.

— Что̀?

— Понитокъ... Это, изволишь видѣть, особая матерія... тчется такъ: нитка шерстяная, нитка льняная — кафтанъ-то изъ нея и называется пониткомъ. Поглядишь, бывало, наши въ церкви — просто челушки, всѣхъ наряднѣе. За дѣвками и за бабами сама матушка приглядывала, и ужъ красиво не красиво, а чисто и свѣжо на нихъ было все; у бабъ кики шитыя, у дѣвокъ—такъ, что ли, поется-то? — «въ косѣ лента шире всѣхъ!..» Весной и лѣтомъ цвѣты въ волоса вплетали... А какъ воротятся изъ церкви, сядутъ за воскресный пирогъ, да подадутъ мужичкамъ водки и браги, такъ только любуйся на нихъ: праздникъ имъ былъ воскресенье, а про годовые праздники — что̀ и толковать!.. И откуда все это шло? — Отъ доброты барской, да отъ одной умной головы... И то сказать: головы такія вѣками родятся...

— Да!—вырвалось у меня невольно:—идеальный консерваторъ!

— Ну-ну-ну!—перебилъ Карпъ Михайловичъ.—Такъ я и зналъ, что—заговори съ вашей братьей про русскаго мужика—вы сейчасъ начнете объясняться на иностранномъ діалектѣ. Какой онъ тамъ консерваторъ, да еще идеальный! Просто былъ «мірской человѣкъ» и не старовѣръ упорный, а пожалуй, еще до всякой новинки охочій, только бы ко двору пришла. У него закоренѣлости этой не было нисколько, напротивъ, другихъ еще училъ уму-разуму, коли въ чемъ по невѣжеству упорствовали. Да вотъ тебѣ примѣръ. Въ Осиновыхъ-Гаяхъ у насъ рѣки не было, а въ Никольскомъ—Ломовица, рѣчка небольшая, и рыба въ ней водилась немудрая—какіе-нибудь гольцы да пескари, ну, а раковъ гибель... Только никольскіе ихъ не ѣдятъ, брезгуютъ, особливо бабы—говорятъ: «чортовы вши!», да и полно. Вотъ, какъ перебрались мы изъ Осиновыхъ-Гаевъ, Батя про это дѣло и довѣдался. Сначала со священникомъ, отцомъ Иліодоромъ переговорилъ, что какъ же молъ это, батюшка, статья такая хозяйственная, и посту подспорье, а мужичковъ никто не наставитъ? Тотъ человѣкъ былъ ужъ старый:—«Э, говоритъ, ну ихъ! коли у нихъ такъ издавна ведется».—«А вы меня, батюшка, благословите имъ растолковать».—«Да Богъ тебя благословитъ!»—И растолковалъ: стали ѣсть да похваливать. Послѣ ужъ какъ-то,—года два прошло,—забѣжалъ я разъ въ застольную—ѣдятъ наши люди раковъ, а Батя обтираетъ бороду ручникомъ и говоритъ:—«Легкое кушанье, здоровое... А допрежъ сего какъ ты, жена, раковъ-то честила?» Жену у него Анной Евдокимовной звали, смолоду красивая была баба, да и подъ пятьдесятъ-то лѣтъ этакая, знаешь, видная, величавая... И предобрѣйшая покойница была, безпрекословная, тихая такая... И тутъ только головой покачала, да рукой махнула:—«Ну, ужъ ты пошелъ прибирать!» Батя все съ ней шутитъ:—«Что̀? Видно, раковъ въ Ломовицѣ ловила, да память въ воду упустила?.. А слыхала ли ты—кто таковъ былъ Александръ Македонскій?»—«Охъ, да отстань ты отъ меня, Смѣхота Герасимовичъ!»—«Что̀ отставать-то? Не слыхала, такъ слушай».

«Тутъ Семенъ Косой и вмѣшался:

«— Мнѣ про него самого—прошлаго года съ бариномъ въ Лебедянь ѣздили — барышникъ Корней Саввичъ сказывалъ... Царь былъ восточный, опять же и западный царь былъ,—отъ солнца до солнца: Гога и Магога въ каменныя горы до второго пришествія заклепалъ; жилъ въ хрустальномъ дворцѣ на

самомъ столпу вавилонскомъ; пододонной силой володѣлъ; по тому случаю, что ему отъ царя Соломона перстень такой по наслѣдству дошелъ.—«Не замай того,—говоритъ Корней Саввичъ:—извѣдалъ онъ, Олександеръ Македонской царь, широту земную и высоту поднебесную».

«Батя ему поддакнулъ:

«— Все это истинно такъ и было, а какъ захотѣлъ онъ извѣдать глубину морскую, такъ знаешь — что̀ съ нимъ приключилося?

«— Нѣтъ,—говоритъ Семенъ Косой:—про морскую глубину мнѣ Корней Саввичъ не сказывалъ.

«— То-то. Я вотъ тебѣ скажу... Задумалъ онъ извѣдать глубину морскую и приказалъ сдѣлать себѣ фонарь стеклянный, въ девяносто локтей вышины и въ тридцать ширины, подвести подъ него рѣшетомъ доски кипарисныя и золотое царское мѣсто свое утвердить на нихъ, а передъ мѣстомъ налой и свѣтильникъ золотой о семью-семи свѣчахъ, и свою государеву записную книгу, и чернильницу адамантовую съ перомъ отъ жаръ-птицы на тотъ налой поставить. Такъ, по его слову великому царскому, и сталося. Вывезли этотъ фонарь на самую что ни-ни глубину, въ море Индѣйское, противъ острова Терната. А на островѣ Тернатѣ и произрастенія, и животныя, и люди самые дивные. Произрастенія тамъ есть такія, что, какъ созрѣютъ листы, такъ оторвутся отъ стеблей и по воздуху летаютъ; про животныхъ и не пересказать—какихъ промежъ ихъ чудищъ нѣтъ; а люди и того чуднѣе: у которыхъ головы собачьи, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ головъ, у другихъ опять зубы на груди, а глаза на локтяхъ... Спустили фонарь въ море съ четырехъ кораблей, съ четырехъ цѣпей, на пятой цѣпи серебряной кованой, а длина ей двадцать восемь поприщъ, и везли ее—четыре поприща на четырехъ корабляхъ большихъ, восемь поприщъ на четырнадцати корабляхъ середнихъ, а шестнадцать поприщъ на сорока корабляхъ малыхъ—вотъ немного побольше нашей застольной... Сѣлъ Александръ Македонскій на свое мѣсто царское и повелѣлъ себя въ глубину морскую спускать. Первое поприще спустился, раскрылъ книгу,—видны въ ней слова, только неясно, ровно въ сумерки; второе поприще спустился,—посмотрѣлъ—ничего не видать. Зажегъ всѣ сорокъ девять свѣчей, сталъ третье поприще спускаться... А у него изъ фонаря на корабли тесьма протянута: какъ дернулъ, такъ сейчасъ вверхъ фонарь и поднимутъ... Спускается онъ третье поприще—взволновался окіанъ-море, и видитъ Александръ Македонскій, что плыветъ ему навстрѣчу диво морское, ракъ-великанъ: чешуя

на немъ мѣдная, клешни у него стальныя, съ одной стороны косой отпущены, съ другой пилой нарѣзаны, а длина клешнѣ ужастенная—пятьдесятъ саженей, а въ расцѣпѣ клешня двадцать пять. И говоритъ ракъ царю Александру Македонскому:—«Не пускайся ты, человѣче, далѣе, а не то состригну я твою цѣпь словно волосъ какой!.. Глубины морской, человѣче, отъ жены рожденному вѣдать не указано». Царь Александръ втѣпоры рака того не посмѣлъ ослушаться для того, что ракъ этотъ и на небѣ звѣздой объявляется... Такъ вотъ они какіе раки-то бываютъ!.. А вы что̀?..»

Карпъ Михайловичъ встрепенулся. Совѣстно, что ли, ему показалось, или такъ ужъ охота разсказывать прошла, только онъ нахмурился и заговорилъ сердито:

— Ты, братецъ, надо мной, чай, теперь подсмѣиваешься: вишь, дескать, старикъ-то разогрѣлся—того и гляди, стихами заговоритъ!

— Что̀ вы, Карпъ Михайловичъ! Богъ съ вами!

— Досадно, братецъ!.. Воспоминанія эти дѣтскія старика въ малаго ребенка, такъ сказать, перерождаютъ.

— Ну, и слава Богу!

— Чего—слава Богу?.. Я тебѣ цѣлый часъ, будто какой школьникъ, учителя передразниваю... Тебѣ и слава Богу!.. За кресло въ театръ не платить: и дома, молъ, у меня забавникъ одинъ ломается...

— Перестаньте же, Карпъ Михайловичъ!

— То-то, братецъ, давно бы мнѣ перестать...

— Отчего же?.. Увѣряю васъ, что меня очень занимаетъ вашъ Батя.

— Консерваторъ-то?

Признаюсь: я нѣсколько обидѣлся и сталъ отпускать съ плеча такія «сентенціи»:

— Вотъ видите, Карпъ Михайловичъ!.. Батя, конечно, былъ человѣкъ замѣчательный, человѣкъ сильный, только сила-то эта проявляется въ немъ какъ-то механически... Нѣтъ въ ней этого громоваго, вдохновеннаго удара, отъ котораго только искры летятъ... Ну, какъ бы это выразиться?.. Не вижу я, чтобы въ этомъ человѣкѣ сказалась какая-нибудь страсть. Возьмемъ хоть самую пошлую: любилъ ли онъ?

— Кого, или что̀?—спросилъ Карпъ Михайловичъ.

— Да все равно.

— Какъ не любить!.. Пчелъ любилъ.

— Вы надо мной смѣетесь.

— Зачѣмъ же мнѣ надъ тобой смѣяться, прибыли никакой нѣтъ... Самъ ты забываешь, что я тебѣ разсказываю о ста-

рикѣ-мужикѣ, а не о молодцѣ-парнѣ... Вѣдь и Батя былъ когда-то помоложе 64 лѣтъ...

Замѣчаніе Карпа Михайловича привело меня въ полное замѣшательство, и я такъ былъ радъ, что насъ позвали обѣдать.

III.

Вечеромъ того же дня я зашелъ къ Карпу Михайловичу пожелать ему спокойной ночи.

Въ извѣстномъ уже шлафрокѣ и въ извѣстныхъ очкахъ, Карпъ Михайловичъ опять лежалъ на диванѣ и опять читалъ, только не газету, а какой-то толстый журналъ. На сей разъ дѣло обошлось безъ литературныхъ объясненій—старикъ просто отложилъ книгу и сказалъ: «присядь!».

По моей просьбѣ, онъ досказалъ мнѣ все, что̀ зналъ про Батю, и мнѣ пришлось не разъ во время его разсказа удивляться странной судьбѣ этого замѣчательнаго человѣка.

Разумѣется, Карпъ Михайловичъ началъ съ того, что вновь перечислилъ всѣ качества и достоинства Бати, пополняя прежніе пропуски нѣкоторыми подробностями. Если бы я вѣрилъ разсказчику только наполовину, и тогда бы Денисъ Герасимовъ былъ далеко изъ ряду вонъ, былъ бы однимъ изъ тѣхъ загадочныхъ явленій, разгадка которыхъ, какъ Кащеева душа, схоронена въ недоступномъ тайникѣ русской природы. Но Карпу Михайловичу и въ голову не приходило оскорбить память своего пѣстуна какой-нибудь выдумкой или прикрасой. Да и незачѣмъ было: жизнь Бати и безъ того богата занимательными данными. Оставимъ въ сторонѣ его богобоязненность, его неподкупную преданность къ господамъ, честность, правдивость, лихорадочную жажду дѣятельности и труда: всѣ эти черты прирождены православному люду, хотя, конечно, выказываются большею частью порознь, а въ Батѣ онѣ сливаются одна съ другою и очерчиваютъ свѣтлый, спокойный образъ человѣка, ни разу не погрѣшившаго своей совѣстью. Но оставимъ эти общія черты.

Личность Бати была тѣмъ своеобразна, что въ его стойкомъ нравѣ, въ его сознательной силѣ духа заронились и созрѣли сѣмена несовмѣстныхъ, повидимому, началъ. Неправоты и насилія онъ переносить не могъ; за незаконное взысканіе или за безнаказанную обиду готовъ былъ своими руками разорвать обидчика, и—поставь его судьба въ иное положеніе, столкни его съ иными лицами, не брось въ мирную степную глушь—не дожилъ бы онъ до маститой старости и не прославился бы праведникомъ, не похоронили бы его въ

селѣ Никольскомъ у самаго алтаря, а занесло бы его безкрестную могилку гдѣ-нибудь тундровымъ бураномъ. Но, видно, суждено было искуситься Батѣ въ иномъ горнилѣ. Не булатъ выносила изъ него жизнь, а золото: можно было, пожалуй, втоптать его въ самую грязь, да только онъ и тамъ бы не заржавѣлъ. И поверхъ грязи золото видно.

— Странно мнѣ, братецъ, одно,—говорилъ Карпъ Михайловичъ, уясняя душевныя свойства Бати:—какъ это одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть, какъ говорится, львомъ и агнцемъ? Посмотри ты теперь на Батю: кроткій былъ, ласковый, вѣжливый, обходительный; сердце было самое нѣжное, сострадательное—собаки, кажется, и той непутемъ не ударитъ; всякій ему нищій, или недужный, или безполезный человѣкъ—истинно братъ о Христѣ: послѣдній грошъ отдастъ... Ну, опять хоть бы это. Не знаю, какъ ты, а по-моему, въ томъ только человѣкѣ и душа, кто красоту Божьяго міра понимаетъ. Вотъ Батя-то и понималъ, конечно, не по-философски, по-своему, а понималъ, братецъ! Пересказать тебѣ этого я не могу, а ребенкомъ былъ, такъ чувствовалъ, какъ Батя всякимъ дѣломъ рукъ Господнихъ, именно выразиться слѣдуетъ, восторгался...—«Все-то, говоритъ, бывало, въ Божьемъ красномъ мірѣ красно и привѣтливо: и солнышко ярышко, и звѣзда полунощница, и пташка пролетная, и быліе сельное... А тутъ—на что тебѣ малый звѣрекъ—и тотъ летитъ черезъ Божій домокъ, самъ летитъ, самъ себѣ говоритъ: «вотъ моя силка горитъ!». Чай знаешь, баринокъ, загадку-то?»—Ну, какъ, молъ не знать?—пчела.—«То-то пчела!.. а пойдемъ-ка со мной на пасѣку, такъ еще не то заговоришь...» Вотъ и пойдемъ мы съ нимъ!.. Охотникъ до пчелъ онъ былъ страстный: колодъ по сорока у него бывало; колоды, извѣстно, липовыя... И ужъ какой же уходъ у него за пчелами былъ: насѣетъ, бывало, около пасѣки гречихи, маку; лужокъ некошенный въ огородѣ оставитъ, а подлѣ огорода у насъ и садикъ былъ—яблони, груши, вишни, малина, смородина, крыжовникъ, цвѣты не затѣйные, только пахучіе, травы тамъ разныя, божье дерево, зоря, «калуферъ»—все это про пчелъ. Липнякъ-то былъ подъ рукой, такъ пчеламъ далеко и летать было незачѣмъ: тутъ по близости и отроивались... Развѣ что новый рой куда вѣтромъ отнесетъ подальше... Ну, тутъ ужъ Батя самъ не свой: вскинется на первую лошадь и гонится за роемъ—иной разъ версты три-четыре... и вѣдь догонитъ. По такому уходу бывалъ и меду хорошій скопъ: дома оставляли на всякую потребу, и въ продажу шелъ. Воскъ Батя отдавалъ въ церковь... Такъ пойдемъ мы съ нимъ на пасѣку, и начнетъ онъ меня

поучать:—Вотъ видишь колоды-то? Вотъ тутъ у нихъ дверка, а это вотъ летки, а это гляди—вотъ, я подниму дверку, это пчелки узу дѣлаютъ, соты налѣпятъ и медомъ наложутъ, а ты въ первый Спасъ имъ и разгавливайся... Такъ-то: пчела тварь мудрая, муравью сестра, а муравей и человѣку указчикъ, почему? Работникъ первая рука, и въ «Премудростяхъ» про него сказано: «иди ко мравію, о, лѣниве!» Пристанешь къ нему когда, если онъ въ саду работаетъ:—«Скажи ты мнѣ, Батя, такого ли цвѣта за моремъ цвѣты, какъ у насъ?» Вѣдь не разсмѣется, не улыбнется даже, хоть спросишь-то въ насмѣшку:—какой-нибудь сосѣдъ подучитъ... «Всякаго, скажетъ, есть цвѣта: и такого есть, какъ у насъ, есть и такого, что̀ у насъ и не слыхано». Вотъ тутъ и опѣшишь, а Батя, словно и не домекнулся, въ чемъ дѣло, начнетъ разсказывать, какіе цвѣты за моремъ, начнетъ высчитывать ихъ по пальцамъ: «Первое дѣло роза, а сортовъ ея, кто говоритъ сто, а кто и полтораста... Я самъ сортовъ съ двадцать въ Гишпаніи видѣлъ... Роза—это розанъ по-нашему, только нашъ-то вонъ въ сыроѣжку червивую, а тамъ ее на обѣ ладони клади. Вотъ и считай теперь: роза простая, роза штамбовая, роза махровая, роза мѣсячная, роза алая, роза розовая, роза бѣлая, роза лиловая, роза алая полосатая, роза лиловая полосатая, роса крапчатая, роза китайская желтая, роза... Ты вотъ запомни да и перескажи своему подсыльщику: пусть твердитъ по зорямъ...» Ну, и стыдно станетъ — скажешь: «прости, Батя!»—«Баловаться-то, баринокъ, не надоть, а то, вѣстимо, Богъ проститъ!» Садъ онъ нашъ самъ разбилъ и разукрасилъ такъ, будто вѣкъ садовому мастерству учился. Видно, это ужъ отъ Бога дается...

— Разумѣется: врожденное чувство красоты.

— Именно такъ... Со вкусомъ былъ человѣкъ: никакихъ въ немъ этихъ сиволапыхъ замашекъ и ухватокъ, никакого коряченья мужицкаго не было... Войдетъ, заговоритъ—все это такъ просто, благородно... И поди жъ ты! Сталъ я тебѣ говорить, что̀ въ немъ страннаго было, братецъ. Этакій мягкій, этакій деликатный человѣкъ, а чуть что̀, по его разсужденію, не такъ, не въ порядкѣ, или Бога гнѣвитъ, или человѣка обижаетъ, станетъ онъ самъ не свой: сначала толковать начнетъ, что и не ладно и грѣшно, потомъ замолчитъ, и слова отъ него не добьются, какъ отъ камня безчувственнаго, а потомъ начнетъ исподлобья поглядывать, что у кого совѣсть не чиста—жутко станетъ... Батюшка сказывалъ, что такъ-то онъ ему два раза большихъ хлопотъ надѣлалъ, а третій разъ, съ шацкимъ воеводой, такая поднялась тревога, что Денисъ

Герасимычъ — тогда онъ еще не нашъ былъ — совсѣмъ-было поминай какъ звали, кабы не дѣдушка-покойникъ.

— Это что-то очень любопытно.

— Какъ не любопытно, братецъ! Ты слушай-ка. Дѣдушка мой, Карпъ Семеновичъ, служилъ въ Балтійскомъ флотѣ корабельнымъ секретаремъ — все равно, что̀ нынѣшніе комиссары. Послужилъ лѣтъ пять, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ домой, въ свою шацкую вотчину Осиновые-Гаи. Тогда еще было Шацкое воеводство, и воевода съ дѣдушкой, по-пріятельски, хлѣбъ-соль водилъ. Человѣкъ онъ былъ и не злой, только взбалмошный и вспыльчивый — не накажи, Господи! Конечно, при этомъ и тогдашнихъ понятій: было у него никакъ полторы тысячи своихъ крестьянъ, да мѣсто и власть такая—ему хоть трава не расти. Охотникъ былъ собачій заклятой, и что̀ онъ полей у сосѣдей перепортилъ, что̀ казнѣ убытка нанесъ—лучше и не спрашивай! Домъ у него городской, понимается, полная чаша, еще покойная жена все на столичную ногу поставила, а деревенскіе порядки сами по себѣ: тетка у него въ селѣ жила, такъ та и была всему дѣлу воротила. Смѣется, бывало, про нее дѣдушка — я самъ запомню: «А наша воеводша все своему племяннику въ домъ да въ домъ: то фруктовый садъ растила-вырастила, а теперь задумала кружевницъ ростить. Право! Говорятъ, изъ орловскаго помѣстья четырехъ дѣвочекъ-подростковъ выписала, да здѣшнихъ три нашлось, да двухъ еще у моего свата торгуетъ...» Стало-быть, братецъ, воеводѣ житье было не плохое, а пожить онъ не то, чтобы не любилъ... Осенью три-четыре «парадныя» поля возьметъ, а «парадное» поле значитъ: пиръ на весь міръ. Тутъ ужъ всѣ знакомые къ нему съѣзжаются, и тутъ ужъ... Да ты вѣдь, небось, про эти охоты боярскія слыхивалъ.

— И слыхивалъ и читалъ.

— Такъ я къ тому разсказъ веду, что пригласилъ онъ разъ и дѣдушку на такую охоту. Хорошо. Проохотились цѣлый день, проохотились и другой до вечера, сдѣлали привалъ въ какомъ-то попутномъ селѣ. Послѣ ужина, всѣ ужъ разошлись, воевода послалъ за дѣдушкой.—«Послушай, говоритъ, Карпъ Семеновичъ! Считаю я тебя за человѣка правдиваго и умнаго: ты вѣдь душой не покривишь?» Дѣдъ отвѣчаетъ ему, что̀ тамъ было надо.—«Ты вѣдь во флотѣ служилъ, стало, этотъ морской народъ знаешь?»—«Знаю».—«Сними ты у меня съ души помыслъ грѣховный—купи у меня денщика». Дѣдушка удивился, спрашиваетъ: какого-такого денщика?—«Да вотъ, милѣйшій мой, за свои деньги обузу себѣ купилъ: денщикомъ

онъ у своего барина былъ, во флотѣ; за море ѣздилъ; и видный такой изъ себя и ловкій, кажись бы, какой тебѣ еще камердинеръ? Баринъ-то умеръ, а я на него, на этого денщика, и позарился, и купилъ... Что̀ же, благодѣтель мой! Либо онъ толку какого раскольничьяго, либо ужъ такъ Никита-пустосвятъ: тоску на меня въ одну недѣлю нагналъ...»— «Что̀ жъ такъ?»—полюбопытствовалъ дѣдушка.—«Да пойми, говоритъ: нѣтъ на немъ никакого обличья усерднаго, преданнаго, «да возвеселится владыка о рабахъ своихъ!» Мало сказать, ни одной изъ ласточекъ-касаточекъ не затронетъ»... «Тутъ, разсказывалъ дѣдушка батюшкѣ, а ужъ батюшка мнѣ, тутъ какъ вскочитъ съ канапе, какъ схватитъ меня за плеча: знаешь Державина:

Что у ласточки, у касаточки
Алу-бѣлу грудь, сизы крылья потрогиваетъ...

Я на него смотрю, а онъ сѣлъ опять, какъ ни въ чемъ ни бывало, и говоритъ:—«Мало того, милѣйшій мой: въ кабинетѣ у меня картина виситъ, Афродита, во весь ростъ, такъ вѣдь пыли съ нея не стираетъ, а мимо идетъ — отворотится. Шепнули мнѣ про это. Призвалъ его: «Стиралъ пыль съ картины?» — Никакъ нѣтъ, ваша милость! — «Для чего не стиралъ?»—Письмо грѣховное.—«Письмо грѣховное? У меня въ кабинетѣ?.. Ахъ, ты!.. Проси у нея прощенія: на колѣни стань и правую ручку поцѣлуй». Потупилъ голову и молчитъ.—«Не станешь цѣловать?» Молчитъ. Я вскочилъ съ канапе и къ нему... А онъ говоритъ мнѣ:—«Нѣтъ, ты, воевода милостивый, царскій намѣстникъ и охранникъ нашъ, такихъ шутокъ не шути, инъ вся твоя власть боярская: себѣ на совѣсть грѣхъ пріимешь, да и мою душу холопскую въ конецъ погубишь». Самъ сейчасъ мнѣ въ ноги, а глаза, что̀ уголья... Хотѣлъ я ему морду туфлей располосовать, да вѣрите ли, милѣйшій мой, жалость этакая, словно вотъ изжога подъ сердце подступила. «Пошелъ, говорю, чтобы и не видалъ я тебя три дня, перенаиразбойничья твоя харя!» Вотъ третій день доходитъ... Купите вы у меня его, милѣйшій: онъ вамъ по двору придетъ, а за цѣной не постою». Дѣдушка подумалъ:— «Да прикажите ужъ, коли такое ваше желаніе, позвать его». Позвали. Батя и былъ. Поразспросилъ его дѣдушка: какъ и что̀? Вышло, что на одномъ кораблѣ въ экспедиціи были. Сейчасъ съ воеводой по рукамъ, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями...

— Надулъ же воевода вашего дѣдушку!

— Экій ты! Ужъ изъ полы въ полу передалъ, и деньги

взялъ, а Батѣ все грозится: «Ну, Дениска! ужъ такъ! ужъ затменіе! ужъ счастливъ твой Богъ!» Денисъ ему откланивается въ поясъ,—посмотрѣлъ на него таково, сказывалъ дѣдушка, покойно и говоритъ:—«Всѣ, ваша милость боярская, подъ Богомъ ходимъ».

— Скажите же мнѣ на милость, Карпъ Михайловичъ: какъ это Батя попалъ во флотъ?

— А вотъ, потерпи, братецъ: все скажу! Мнѣ вѣдь что̀ хочется? Хочется разсказать тебѣ про Батю, какъ я его зналъ; а про что ты-то спрашиваешь, такъ про это я и самъ знаю только по слухамъ, правда, что отъ матушки...

— Такъ извините, сдѣлайте милость: я васъ слушаю.

Разсказъ Карпа Михайловича былъ не продолжителенъ. Въ послѣдніе годы Бати не случилось съ нимъ ничего особеннаго, только, лѣтъ за десять до его смерти, помѣщики вздумали отпустить его на волю. Когда отпускная была совершена и вручена Батѣ, онъ попросилъ новаго сельскаго протопопа, отца Тимоѳея, прочесть ее въ церкви, при прихожанахъ. Прочелъ отецъ Тимоѳей. Батя взялъ у него изъ рукъ отпускную, обратился къ слушателямъ и сказалъ:

— Помяните мое слово! Служите вѣрой и правдой — и по дѣламъ вашимъ воздастся вамъ, и въ сей жизни и въ будущей... А что про жизнь сію всякъ человѣкъ размышляетъ по-своему, такъ и азъ, многогрѣшный, по-своему размышляю: благъ земныхъ не ищу.

Сталъ на колѣни передъ матушкой Аленой Семеновной, подаетъ ей отпускную и говоритъ:

— Прими, осударыня: твоимъ же добромъ—тебѣ же челомъ!

Матушка пришла въ замѣшательство, говоритъ:

— Что̀ ты, что̀ ты, Денисъ Герасимовичъ!..

— А что̀, матушка? Возьми, на кой мнѣ прахъ эта бумага-то? Ты меня съ ней, пожалуй, и со двора сгонишь!..

— Такъ и не взялъ, такъ и остался у насъ во дворѣ, до самой смерти,—заключилъ Карпъ Михайловичъ.

О смерти Бати разсказалъ Карпъ Михайловичъ коротко:

— Умеръ онъ, братецъ, безъ меня, въ январѣ 1814 года. Я тогда былъ въ Парижѣ, а въ Никольское съ 1809 года и не заглядывалъ больше... Ужъ въ Москвѣ, года черезъ четыре, слышалъ я отъ матушки, что умеръ Батя нежданно-негаданно. Такъ мнѣ она разсказывала:

«— Пошелъ въ воскресный день къ заутренѣ, хотѣлъ отстоять и раннюю обѣдню, да вдругъ — что-то ему попритчилось: ушелъ домой, слегъ въ постель и больше не вставалъ. Прибѣжали мнѣ сказать, я сейчасъ взварцу съ имбиремъ

вскипятить приказала, бѣгу къ нему, — а онъ ужъ пластъ-пластомъ. Блѣдный вытянулся — словно гробовую мѣрку снимай. А все еще въ памяти; и говоритъ, только ужъ голосъ спалъ:

«— Батюшку бы мнѣ, осударыня! — говоритъ.

«Позвали отца Тимоѳея. Пришелъ. Съ полчаса, такъ что ли, переговорили... Вышелъ отецъ Тимоѳей, поклонился и пошелъ домой. Не успѣлъ онъ дойти до калитки, какъ кричитъ Батя за перегородкой: «Отца пресвитера! отца пресвитера!»

«Побѣжалъ Семенъ Косой и догналъ батюшку, а тотъ только качнулъ головой и сказалъ: «хорошо».

«Такъ съ четверть часа глядѣла я на Батю, какъ онъ страдалъ-то... Вздохнетъ-вздохнетъ всей грудью, и опадетъ, и опадетъ... Поведетъ на меня этакъ глазами, словно сказать что̀ хочетъ, и опять опадетъ-опадетъ... Духу, знать, не было... голосъ рвался...

«Воротился отецъ Тимоѳей, и какъ быть водится для отходной: вижу — и евангеліе у него въ епитрахиль завернуто, и отецъ дьяконъ съ соборнымъ масломъ, и дьячокъ съ кадиломъ... Я такъ и ахнула: — «Господи! да неужели же?»

«Ну, исповѣдали, пріобщили. Пожелалъ соборовaться и со всѣми проститься. А село ужъ было наготовѣ — отъ мала до велика. Батя взглянулъ на первыхъ, кто вошелъ въ избу, прослезился и слова не могъ выговорить, только перекрестилъ ихъ. Перекрестилися и всѣ они и поклонилися Батѣ въ землю.

«Послѣ соборованья всѣ разошлись, опричь домашнихъ; слышу, кличетъ меня Батя. Вошла къ нему за перегородку: лежитъ, что̀ вербный воскъ... А говоритъ еще:

«— Матушка, Алена Семеновна, осударыня моя! — Все это говоритъ такъ отчетливо, какъ по-писанному... — Охъ, осударыня моя!.. «Кто же кралъ, да ризы на образа клалъ, несть того душѣ спасенія...» Не воровахомъ, не утаевахомъ... А вотъ, отъ трудовъ своихъ денныхъ и нощныхъ, скопилъ, осударыня моя, рабъ твой неключимый Дениска, полъ-сорока рублевъ: укажи ихъ въ церковь Божію вложити, на поминъ душъ праведныхъ: болярина Матѳія, болярина Григорія и болярыни Параскевы. А теперь перекрести меня, осударыня, на путь вѣчный...

«— А семья-то, Денисъ Герасимовичъ?

«— У семьи... Слава-те Господи!.. Нынѣ отпущаеши раба Твоего...

«Съ тѣмъ и умеръ.

«И вѣдь какъ же хоронили его, разсказывала матушка:

съ десяти деревень народъ сошелся. Отецъ Тимоѳей прочелъ проповѣдь: «О вѣрномъ рабѣ и о талантѣ, зарытомъ въ землю». Схоронили Дениса Герасимовича у самаго алтаря, и крестъ поставили міромъ, и случился какой-то прохожій ученый,— семинаристъ, что ли, такъ тотъ вырѣзалъ собственноручно на крестѣ: «Почіетъ рабъ о Господѣ...»

Дальше ужъ не помнила Алена Семеновна, да и я, жизнеописатель Бати, не утверждаю, что именно такъ разсказывалъ мнѣ про его похороны Карпъ Михайловичъ.

Утвердительно могу пересказать, и то своими словами, дальнѣйшее его повѣствованіе о Батѣ.

Не запомнилъ Батя ни отца ни матери, а запомнилъ своего отца крестнаго, однодворца Стрижа: у него онъ и соску отъ своихъ губъ отнялъ, у него и выходился въ тринадцатилѣтняго парня-подростка, когда померла родами «Стрижиха» и покинула сиротой новорожденную дочку Парашу. Одну сегодня хоронили, а завтра другую крестили... Жутко стало послѣ покойницы въ избѣ: некому ни печки истопить, ни щей сварить, ни ребенка накормить... Наняли работницу: пожила годовъ съ десятокъ, да и та померла... Спасибо, что Парашу выняньчила... Да полно, она ли?.. Денисъ Герасимовичъ (сталобыть, отца его Герасимомъ звали) денно и нощно блюлъ за Парашей, и няньчилъ ее, и пѣстовалъ. Какъ только дѣвочка различила пряникъ отъ дубовой корки, онъ ужъ наплелъ четыре пары лаптей, продалъ на сосѣднемъ базарѣ за три пятака мѣди и принесъ Парашѣ медоваго пряничнаго пѣтушка, съ сусальнымъ гребнемъ. Да такъ и наладилъ. Что̀ ни праздникъ, то игрушка: когда уточка—гуськи. А стала подрастать Параша,—игрушки смѣнились на запонки и ленты. Время-то не видно: — прокатилъ и десятокъ, прокатили и полтора десятка лѣтъ, да, пожалуй, еще и съ хвостикомъ... Стала дѣвка наливаться, что̀ привитая груша; стали на нее и заглядываться... А ужъ тутъ не базарный, а божій подарокъ: тутъ ужъ не пряничные пѣтушки—золотые гребешки, а подавай вешнихъ цвѣтковъ да ягодокъ лѣтнихъ...

Втѣпоры Батя обошелъ, что̀ лѣшій, всѣхъ сосѣднихъ парней: у него и первый подснѣжникъ и первая ягода-земляника... Правда, что и Параша—словно изъ земли выросла... «Губы—та же земляника надмогильная; волосы—царскіе кудри; глаза — кошачьи слезки»...— говаривалъ про нее потомъ Батя—и рукой махалъ.—«Вотъ какъ выровнялась она, да переросла хазовый подсолнечникъ въ огородѣ, вѣрьте, матушка Алена Семеновна,—заглядѣлися мы на нее... Да что̀—

мы!.. Индо тучки пролетныя—и тѣ, кажись, на нее заглядывались, а въ избу-то къ намъ словно солнышко-ярышко погостить зашло... Такъ-то!»

Такъ, или почти такъ, передаю я разсказъ Карпа Михайловича.

Вотъ тогда-то и стряслась бѣда надъ Батей... «Было это въ тысячу семьсотъ семьдесятъ — не помню — какомъ году... Только турокъ тогда громили, и съ Дуная тянулись на Волгу обозы раненыхъ... Одинъ изъ офицеровъ, раненый, и завернулъ проселкомъ къ Стрижу. Разумѣется—обрадовались, приняли, сочлись своими, да и остался раненый морячокъ гостить... День гоститъ, другой гоститъ, да и женился, а меня въ приданое отдали,—говорилъ Батя.—Поѣхали мы съ молодыми въ Питеръ, а изъ Питера въ Кронштадтъ, а тамъ моей голубушкѣ и поклонилися: угнали насъ за тридевять морей». Это все Батя разсказывалъ.

Разсказывалъ онъ и про то, какъ они съ «бариномъ» помимо нѣмцевъ по-морю проѣхали; какъ они, въ рупоръ, въ Тулонѣ переговаривалися съ французами; какъ на Гибралтаръ посмотрѣли искоса; какъ на Мальту перекрестилися, и какъ чуть-было не подплыли къ Риму, да желтая горячка баренка унесла... «А тутъ,—договаривалъ Батя:—эскадру нашу назадъ отозвали, опять-таки въ Кронштадтъ».

Въ Кронштадтъ воротился Батя безъ баренка: желтая горячка унесла его дѣйствительно съ Понтійскихъ болотъ, хотя онъ въ нихъ и ноги не обмочилъ, а унесла такъ... Про Италію, впрочемъ, Батя не такъ разсказывалъ, а разсказывалъ вотъ что̀,—разумѣется, со словъ Карпа Михайловича, мною припомненныхъ:

«Италія, говорилъ онъ, особь статья: апельсины тамъ, алимоны и помираницы... опять же и синьоры... Посадилъ нашъ мичманъ, этакъ, одну на колѣни... у печки дѣло было... А боцманъ у насъ на кораблѣ здоровякъ, тутъ же и случился. Итальянцы народъ ревнивый... братъ ли, сватъ ли ея, Пакитой звали, подвернулся, а она у мичмана на колѣняхъ. Его благородіе и говоритъ ему, боцману-то: дай ему, дядя! Какъ развернулся, да какъ хлопнулъ!.. Итальянецъ-то увернулся да и слѣдъ простылъ, а изъ печки угловой изразецъ вылетѣлъ... промахнулся, значитъ, Ѳедосей Гаврилычъ».

Дѣло—не въ Италіи, а въ Кронштадтѣ...

Кинули якорь; отыскалъ онъ свою барыньку гдѣ-то въ комнаткѣ, у казначейши, на хлѣбахъ... Добродѣтельная казначейша была: три мѣсяца даромъ кормила, въ ожиданіи благъ грядущихъ...

Вошелъ къ Парасковьѣ Матвѣевнѣ въ каморку Батя и ахнулъ...

И оба заплакали по покойникѣ.

— Что̀ же намъ дѣлать, Денисъ?.. Батюшка живъ ли, нѣтъ ли? Пенсіи за покойнаго моего голубчика не выдаютъ... Казначейшѣ задолжала... Уѣхать не на что, да и куда?

— Куда? — спросилъ Батя.—Да домой, Парасковья Матвѣевна.

— Какъ такъ?.. Да кто жъ меня отвезетъ?

— Я, осударыня!

— Нешто на рукахъ снесешь... безъ денегъ-то?...

— Снесу.

И дѣйствительно не то, что снесъ, а свезъ: купилъ за три четвертака розвальныя салазки, соломки подослалъ, посадилъ на нихъ свою «барыньку», да и повезъ по пути по морозу изъ Кронштадта во Ржевъ, благо зима была сиротская.

День везетъ ее на салазкахъ, а день работаетъ: гдѣ помолотитъ, гдѣ дрова поколетъ, гдѣ сѣно перетряхнетъ у старосты... А отдыхъ отдыхомъ: бѣжалъ Денисъ, что̀ добрый конь—семь потовъ спускалъ отъ станціи до станціи, и обгонялъ—не то что обозниковъ—троечниковъ обогналъ бы онъ, на короткѣ, и любого рысака. Ну, можетъ-быть, и не повѣрятъ, а довезъ онъ на салазкахъ Парасковью Матвѣевну до Ржева.

Ей-Богу!

Кто не вѣритъ, пусть и не вѣритъ...

Добрались до Ржева, а тамъ до деревни. Только въ деревнѣ-то—словно все помеломъ вымело. Старикъ Парасковьи Матвѣевны ушелъ въ Соловки и избу, что̀ называется, на четыре угла раскололъ: съ четырехъ угловъ и ворвались въ нее и снѣгъ, и дождь, и вѣтеръ, и морозъ; не осталось ни ложки ни плошки, и трубные кирпичи на крышу попадали, да и крыша-то мохомъ заросла и заиндевѣла...

Заломила себѣ руки Парасковья Матвѣевна и навзрыдъ заплакала.

— Господи! и продать-то нечего...

— Какъ нечего?—спросилъ Батя.

— Да кто жъ у меня эти дрова-то купитъ?.. Лѣсъ-то кругомъ не купленный...

— А ты,—говорилъ Батя, поглаживая бороду: — ты вотъ что̀, осударыня!.. Ты меня продай...

Посоловѣла Прасковья Матвѣевна...

— Какъ тебя прод...

И подавилась словомъ.

— Да что̀ жъ?.. — говорилъ Батя, и повеселѣлъ даже.— Что̀ жъ не продать?.. Для чего не продать?.. Вонъ сегодня на рынкѣ слыхалъ я: шацкій воевода здѣсь проѣздомъ и «человѣка» купить желаетъ. Ста, говоритъ, рублей за хорошаго человѣка не пожалѣю... Такъ вотъ вѣдь...

— Ну?..—перебилъ я невольно Карпа Михайловича.

— Ну?.. — спросилъ удивленный Карпъ Михайловичъ.— Чего жъ тебѣ еще?.. Конечно, продала...

Понимается, какъ меня ошеломили эти простодушныя слова.

— Карпъ Михайловичъ,—сталъ я говорить будто въ просонкахъ.—Послушайте, Карпъ Михайловичъ...

Онъ преспокойно разминалъ въ табакеркѣ пресловутый лафермъ.

— Видите ли... Вашъ Батя-то...

— Да что̀ тутъ видѣть-то, братецъ?

И сердито хлопнулъ по табакеркѣ и понюхалъ—какъ бы сказать—пожалуй, лукаво.

— Дѣло извѣстное; намъ, старикамъ, на покой пора.

— А намъ, молодымъ, просыпаться: видите — ужъ бѣлый день на дворѣ,—сказалъ я, отдергивая оконную занавѣску.

— Тьфу ты!.. Въ самомъ дѣлѣ! — проговорилъ Карпъ Михайловичъ и закутался съ ногъ до головы въ байковое одѣяло.

И въ самомъ дѣлѣ вешнее солнце заиграло на обояхъ...

1861.

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

Драматическія произведенія.

Царская невѣста. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ 3
Сервилія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ 58
Псковитянка. Драма въ пяти дѣйствіяхъ 138

Переводы.

Буря. Драма въ пяти дѣйствіяхъ *Шекспира* 211
Лагерь Валленштейна. Драматическое стихотвореніе *Ф. Шиллера* . 227
Дмитрій Самозванецъ. Неоконченная трагедія *Ф. Шиллера* 263
Орлеанская дѣва. Драматическая поэма *Ф. Шиллера.* Отрывки, пропущенные въ переводѣ В. А. Жуковскаго 304
Въ альбомъ А. Л. Жемчужникова 307
Примѣчанія автора. 308

Проза.

Охота.
1. Сборное воскресенье 331
2. Медвѣжья травля 341
Кирилычъ. Нѣсколько листковъ изъ записокъ *** 356
Софья. Еще нѣсколько листковъ изъ записокъ *** 388
Хмара. Отрывокъ 416
Казусъ. Путевыя впечатлѣнія отъ Колпина до Петербурга. 421
Лѣсныя диковинки.
Парельщикъ 429
На паперти. Изъ дневника *** 436
Швейка 465
Гривенникъ. Неправдоподобное событіе 472
Чубукъ. Листки изъ какого-то дневника 493
Батя 523

LR
M4995poB

462755
Mei, Lev Aleksandrovich
Полное собраніе сочиненій: изд.
четвертое ... П.В.Быкова. Том 2
[Translit.:Polnoe sobranie sochineny; red.
P.V.Bulkova.]

DATE.

Jan 27/51

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED